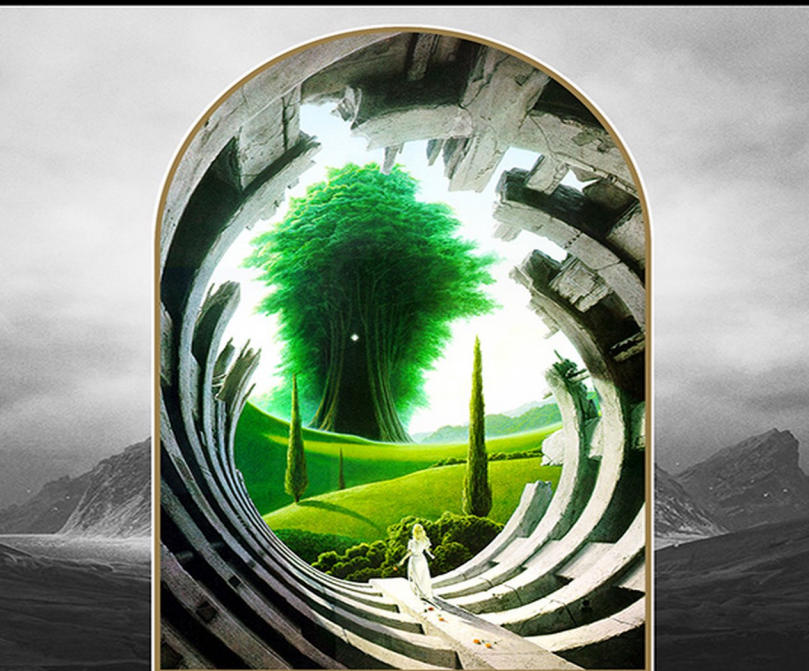
ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИК

Адам

ВИШНЕВСКИЙ-СНЕРГ



Оазис

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИК

Оазис

Адам Вишневский-Снерг

Аннотация
Адам Вишневский-Снерг. Оазис
Робот
1. МЕХАНИЗМ
2. СОХРАНИТЬ ЖИЗНЬ
3. У ИСТОКА НОЧИ
4. АПОРИЯ
5. СОН В СВЕТЕ ЛУНЫ
6. СТАТУИ
7. КИСЛОРОД И ОРУЖИЕ
8. "ТОТ" СВЕТ
9. ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
10. НЕПРОНИКНОВЕННОЕ ВЧЕРА
11. ПРИЗНАНИЯ ШПИОНА
12. СКЕЛЕТЫ
13. БРОНИРОВАННАЯ ГРОБНИЦА
14. РТУТНЫЙ ОКЕАН
15. РАПОРТ
16. ЗАТЕРЯТЬСЯ В ТОЛПЕ
17. УРАВНЕНИЕ ТРАЕКТОРИИ
18. БУНТ
19. ТАРАН

20. ОБШИРНОЕ ОКО ПРОСТРАНСТВА
21. СВЕРХСУЩЕСТВА
22. В ПЕТЛЕ ПРЕБЫВАНИЯ
«От разбойника...»
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
XII
XIII
XIV
XV
XVI
XVII
XVIII
Нагая мишень
Террорист
На крыше мира
Призраки стереона

Остров
Ультиматум
Третье измерение экрана
Охота
Психопатка
Способ употребления
Инструкции
Сон в сиянии солнца
Сад молчания
Время чудовищного восхода
Очертания будущего
Увидеть Неаполь
Под вулканом
Совершившееся время
Девушка с острова
Право на смерть
Блокада
Заговорщики
Запомни одно мгновение
Вернись в Сорренто
Ангел смерти
Оазис
Сверхсущества
Перри Экс вращается среди чутких (и начитанных) людей
Размах и энергия Перри Экса

Биография

Аннотация

Внецикловые три романа и два рассказа, а также мини-цикл о биороботе Перри Эксе.

Содержание

«Робот» (роман, перевод В. Марченко)

««От разбойника…»» (роман, перевод В. Марченко)

«Нагая мишень» (роман, перевод В. Марченко)

«Ангел смерти» (рассказ, перевод Е. Дрозд)

«Оазис» (рассказ, перевод Э. Маринин)

«Сверхсущества» (эссе, перевод А. Якименко)

«Перри Экс вращается среди чутких (и начитанных) людей» (рассказ, перевод А. Якименко)

«Размах и энергия Перри Экса» (микрорассказ, перевод А. Якименко)

Биография (статья, автор А. Якименко)

Адам Вишневский-Снерг
Оазис

Робот

Кристине Вавер

1. МЕХАНИЗМ

Стояла ночь. Была одна из ряда тех самых обычных ночей, когда я просыпался между бронированными стенами, множество месяцев уже плененный в не имеющей выхода камере, в темноте, освещаемой лишь отблесками экранов, и тишине, прерываемой писком динамиков, когда я застывал при мысли о неизвестной судьбе под низким мраморным потолком, с которого, даже в о сне, за мною следили бесчувственные механические глаза, и когда — все так же ошарашенный законами замкнутого мира — я спрашивал у машины, что все это значит, и тут же терял сознание в последующем тяжелом сне.

Этой ночью я уже никого и ни о чем спросить не успел. Разбуженный, словно артиллерийским залпом, скрежетом поднимаемой перегородки, я спрятался под одеялом, чтобы там закрыть рот, широко распахнутый угрозой близкой смерти, но грубая сила, которая при этом желала мне вывернуть челюсть, за время вырванного из груди крика отбирала у меня последние остатки иллюзий, впихивая в мозг леденящую мысль о видении присутствующего повсюду Механизма.

— Экземпляр шестьдесят шесть...! — тишина. — Немедленно в четвертую камеру! — раздался приказ из глубины раскрывшегося люка.

Я прыгнул туда, откуда раздался голос, послушно, словно пес к ноге своего хозяина. Совершенно голый и пораженный неожиданностью вызова, я погрузился в неведомую бездну. В средине никого не было. За мной с грохотом захлопнулся массивный стальной блок. Я находился в кубической тесной камере с гладкими стенками — и за исключением ледяного мрака не чувствовал и не видал ничего.

Камера с равномерным движением лифта опускалась в глубины неопределенной конструкции. Когда она добралась до цели, одна из ее стенок отодвинулась в сторону, открывая вид на обширный зал. В ней я увидал с пару десятков обнаженных людей. Мужчины и женщины с пятнами видимых издалека номеров, глубоко въевшихся в их бледные лбы, стояли рядком под цилиндрическими колпаками из толстого стекла.

Стена возвратилась на свое предыдущее место. При этом она заслонила загадочный вид столь поспешно, как будто сила — управляющая ею дистанционно — в этот миг сменила свое перво-

начальное намерение. Пол камеры свернулся в скользкую воронку. Ее отверстие вскипело смолистой чернотой, которая тут же все залила. Где-то вверху блеснул огонек. Прежде чем он погас, я увидал в его оранжевом отблеске просвеченную по всей длине вспененную волну, вытолкнувшую тонкую пленку потолка, которая, с шумом вторгшись в камеру, втащила меня в воронку.

Течение вырвало меня из нее и сложным путем, в массе плотно взбитой кремовой пены, понесло меня все выше и выше — к черной зенице. Я скользил по лентам движущихся датчиков, располагавшихся внутри длинной прозрачной кишки, опоясанной конвульсивно пульсирующим шлангом — словно первый проглоченный кусок в чреве долго голодавшего великана. Подкинутый в последний раз искусственной мышцей я наконец-то выкатился на высящуюся над всем серебряную вершину. У цели я окаменел: бездонная зеница, словно ствол чудовищного орудия в светящейся полосе сделала вокруг меня широкий круг. Когда же зеница схлопнулась, подхваченный массивными тяжами, я очертил дугу над пропастью и вновь возвратился на край воронки.

Я вновь стоял между стенками камеры. Теперь

ее заливала голубоватая жидкость. В моей груди мерно бился пульс. Я поднимался в прохладном пространстве, а затем упал на дно, прижавшись к поверхности обширного зеркала.

Издалека плыл тихий, монотонный голос:

— По выполнению основного задания...

Голос заглушил краткий вызов и резкий приказ:

— Отбор!

— На посту!

— Отклонение от нормы превысило критическое значение. Ликвидировать!

Как из темноты возникает до сих пор заслоненный другими, более настойчивыми образами, скрывавшийся до сих пор среди них хрупкий силуэт, так и из тишины, воцарившейся после этого шума, выплыл и приблизился заглушенный поначалу первый, монотонный и тихий голос:

— Неустанная — пускай и приглушенная многочисленными заботами, имеющими второстепенное значение — будет мобилизовать тебя на аварийные действия; но не представляй, будто ценить следует лишь спешку, сломя голову. В немногочисленных ситуациях, которые бы потребовали воспользоваться нашим именем, не анализируя точности данного определения — на-

зывай нас Механизмом. И это все, чего ты мог от нас узнать — этого тебе будет вполне достаточно. Инструкция не предусматривает более глубокого ознакомления. Поддайся нашей воле!

На свободной поверхности жидкости, в которую я был полностью погружен, мерно качался большой белый пузырь. Его величина подвергалась периодическим изменениям: он то набухал, то сжимался, в соответствии с ритмом моего дыхания. Чуть далее, вверху — в центральной части, охваченной последующей метаморфозой — я увидал две пары горящих глаз. Одну из пар я узнал сразу же: это были мои собственные глаза. Их окружал образ отраженного словно в зеркале прекрасно известного мне лица. Второе лицо — посветлее, и более резкое — переместилось за край серебряного квадрата и исчезло. Но, прежде чем оно исчезло из поля моего зрения, я успел прочитать видневшуюся у нее на лбу черную четкую надпись: BER-64.

Я всматривался в свое изображение с любопытством, которое вскоре переросло в изумление: на собственном лбу я тоже прочитал крупные черные буквы и цифры. Это знамение отличалось от предыдущего одним небольшим, хотя и весьма существенным различием. У себя на лбу я носил

неизвестно с каких пор начерченную надпись: BER-66.

В это мгновение стены камеры лопнули вдоль всех своих ребер и четырьмя толстыми стальными блоками беззвучно отодвинулись в открывшиеся за ними ниши. Вся масса голубой жидкости тут же стекла вниз. Отрезанный щелью от остального дна круглый фрагмент основания, на котором я стоял, будто мощный поршень поднял меня вовнутрь ожидавшего наверху цилиндра. Приняв живой груз, прозрачный колпак немедленно начал перемещаться на следующий оперативный пост. Многочленные захваты поставили его там на низенькую тележку и подтолкнули дальше.

Я двигался в своей тюрьме по рельсам, проложенным между двумя пластиковыми стенками, поднимавшимися на половину высоты узкого и длинного коридора. Передо мной, на расстоянии в пару десятков метров, в том же самом направлении катилась точно такая же тележка. Внутри стеклянного колпака находилось тело обнаженного мужчины. На повернутом профилем лице я прочел только вторую часть его порядкового номера, но и этого мне хватило, чтобы догадаться, каким было начало: он был обозначен номером

BER-65.

Тележки двигались чрезвычайно медленно. В течении нескольких минут их неустанного перемещения с удивительными для самого себя беззаботностью и любопытством, находившими время заниматься столь несущественными подробностями, я сравнивал свисающие с потолочных частей обоих цилиндров два простых поручня. Наконец, придя к некоему неопределенному выводу, который в нечто исследующем подсознании представлялся облегчением после долгого гнета, я уставился на опоясанную стеклянной стенкой фигуру и сделал странное открытие. Этот человек — до сих пор я представлял его организмом из плоти и крови — за все это время ни разу не пошевелился. Только неподвижность его не имела ничего общего с недвижностью кого-либо, кто, по тем или иным причинам, пытается произвести впечатление статуи. Я изумленно глядел на его склоненное туловище, положение которого противоречило условиям длительного равновесия, на напрягшиеся мышцы разброшенных рук, искривленные пальцы и согнутые ноги. В этой неестественной позе, которая могла бы быть неподвижным образом какого-то отчаянного прыжка, двигав-

шийся передо мною человек окаменел настолько дословно, как прекрасно имитирующая человеческую фигуру восковая кукла.

Я застыл у стеклянной стенки в ожидании чего-то, что именно сейчас и должно было произойти. Их раструба, скрытого под крышкой колпака, раздался чистый женский голос:

— Экземпляр был обездвижен в последней фазе контрольных исследований во время удачной попытки вмешательства в ход процесса. Все помехи ликвидированы.

Мужской голос произнес всего лишь одно слово:

— Отбор!

И тут я услыхал самого себя. Совершенно чужим голосом, прозвучавшим с неизвестной мне до сих пор силой, я сказал:

— На посту!

Я уже держал руку на поручне, лишь ожидая сухого приказа. Он прозвучал из того же источника:

— Отклонения от нормы превысили критическое значение. Ликвидировать!

Не имея времени подумать над тем, что со мною происходит, я резко дернул рукою за поручень. Осмысленность этого движения показалась мне

столь очевидной, что анализ его я посчитал бы чем-то абсурдным. В этот миг от пола движущейся передо мною тележки оторвалась и взлетела вверх тонкая словно игла полоса бледно-алого огня. И тут же ее окружили лиловыми задирами в направленные в выпучившееся уже от жара дно клубы густого дыма, словно могучим дыханием сверху прижавшиеся к стенкам цилиндра. На долю секунды никелированные части тележки охватило кровавое, искрящееся на заклепках сияние; истекшее из подвешенной под потолком движущегося передо мною цилиндра бесформенной туши ослепительно белая ее сердцевина скатилась несколькими каплями жидкого солнца на нижний уровень, где мгновенно набухло, заполняя внутреннюю часть всего цилиндра языками вспененного багреца. Тележка зашаталась на погрузившейся в направляющих главной оси и перевернулась кверху дном. Когда ее заклиненные на ходу полозья были освобождены от стального зажима и они перешли на нижнюю линию, тележка резко завернула в противоположную сторону. Промелькнув подо мною со скоростью массивного снаряда, довольно скоро она исчезла за поворотом.

Все еще занятый прослеживанием ее движения,

все еще удивительно спокойный и наполовину отупевший от лавины нахлынувших на меня непонятных событий, то есть, практически безразличный к тому, что произошло, я заметил, что моя тележка вкатилась в тесный тоннель, после чего, очутившись на другой его стороне, неподвижно замерла под обширным куполом — напротив точно такой же тележки. Изнутри колпака, из-за разбросанных на глади стекла пульсирующих темным пурпуром черточек, которые рисовал на фоне полумрака изломленный кривизной цилиндра сноп света, появились черные буквы и цифры: BER-64, а так же подчеркивавшие этот ставшим знакомым номер такие же знакомые прямые брови над нацеленными на меня голубыми глазами.

— Свершилось: наконец ты прибыл, — губы обнаженного мужчины зашевелились; он говорил, глядя мне прямо в глаза, но голос доходил до меня из торчащего у меня над головой динамика.

Человек в соседнем цилиндре еще более выдвинул из полумрака свое лицо, пока лоб его не лег на непробиваемое стекло и не оперся на него столь сильно, что надпись BER-64 посерела и исчезла, как бы втиснутая под кожу черепа. Краем глаза я заметил, что вторая тележка уже захвачена у

основания кронштейном громадного транспортера, направляющие которого вели прямо вверх, в глубину притаившегося под куполом мрака.

— Мы призвали тебя к жизни, — сильным и ровным голосом заговорил опять плененный в соседнем цилиндре мужчина, — дабы ты смог овладеть частицей великой тайны. Ты родился в некоем, точно определенном отделении нашей внутренней части, где тебе была дана человеческая внешность, внешность биологического существа со всеми многочисленными его достоинствами и недостатками. Ты уже закончил восьмимесячный период тщательного обучения, в течение которого с помощью известных тебе устройств ты смог овладеть необходимыми для дальнейшего познания навыками и умениями. Ты уже познал возможности собственного тела, посему уже не станешь ожидать от него больше, чем это возможно. Помимо того, ты отважился перейти некую границу, следовательно — ты оказался способен проявлять любопытство и — что самое главное — еще ранее оказался способен к восприятию страха. Можешь гордиться собой: ты — человек. Ты являешься им в такой степени, в какой это нам нужно, и в какой мы — менее тебя ограниченные — смогли тебя им сделать. Ты

прошел через все этапы ускоренного развития, чтобы под самый конец поддаться проверяющим его результаты испытаниям. Ты сделался укомплектованным существом, индивидуумом, тщательно подлегающим законам того мира, в котором с этого времени будет проходить твое существование.

Ты проявил страх, но и любопытство, превысившее этот страх. Следовательно, ты выполнил начальное требование, что дает тебе право требовать ответ на вопрос, с какой же целью ты достиг равную человеку материальную и духовную организацию. И вскоре ты узнаешь, что окончательный ответ, такой, который бы не повлек за собой бесконечную череду последующих вопросов, ты вообще никогда не получишь. Этого требует охватывающая все наше высокоорганизованное действие великая тайна, которую и мы сами — такие же послушные орудия в руках большей чем мы сами силы — понять не смогли.

Но, чтобы, в соответствии с желанием, выраженным источником нашего знания, ты не чувствовал себя оскорбленным тем фактом, что мы оставляем тебе лишь роль живой машины, мы ознакомим тебя с малой частицей переданной нам информации.

Ты являешься одним из созданных и запрограммированных нами — тут следует признать: довольно сложных — орудий для получения нужных нам сведений. Территория твоих будущих действий уже была предварительно и бегло описана, но нам следует познать ее более тщательно, ибо этого требует стоящая над нами сила.

Задание же твое звучит следующим образом: выполнять все исходящие от нас и появляющиеся прямо в твоем собственном сознании приказы. Если ты получишь приказ "убить" — убивай, поскольку ты освобожден от всяческой ответственности. Управляемый на расстоянии, ты будешь исследовать все, что происходит в прилегающем к нашему организму и замкнутому девять месяцев назад пространстве. Любое знание, которым тебе удастся овладеть, с точно такой же скоростью, с какой ты сам будешь его добывать, будет поступать к нам совершенно загадочным для тебя образом; поэтому не трудись и не пытайся догадываться, как это будет происходить; достаточно того, что любая информация, которая станет тебе известна, не будет пропущена или же использованной понапрасну.

Чтобы сделать тебя наиболее похожим на людей, среди которых тебе придется действовать, мы

одаряем тебя еще и имитацией свободной воли. Это означает, что, вместо того, чтобы давать тебе последующий приказ только лишь тогда, когда предыдущее задание тобой уже будет исполнено, мы будем высылать в твой адрес несколько, а то и более десятка, приказов одновременно. Иногда это будут взаимодополняющие приказы; но, как правило, в поле твоего сознания будут появляться приказы друг другу противоречащие. Ты их станешь воспринимать в себе в виде более или менее запутанных шифров, в форме мимолетных капризов или постоянных желаний, имеющих неодинаковую силу и окраску; при чем, исполнение одних чаще всего автоматически будут исключать возможность исполнения других. Так что тебе многократно придется серьезно задумываться, прежде чем решить, что в данный момент тебе будет нужно сделать. Такая система борющихся друг с другом психических сил, которая при встрече противоположных друг другу, но одинаково настойчивых и притягательных желаний — вызовет в тебе впечатление неуверенности, называющееся колебанием; а тот факт, что практически всегда ты будешь делать выбор одной из, самое меньшее, двух возможностей — носит наименование свободной воли.

С субъективной точки зрения у тебя будет иметься возможность свободного передвижения; наша власть над тобой не будет тяготить тебя, на первый взгляд ты будешь ограничен всего лишь условиями, определяющими внешнюю ситуацию, но не внутренней необходимостью. Если же когда-либо твоя вера в силу собственных решений будет поколеблена, что вызовет помутнение сладкой иллюзии свободы, тогда тебя оздоровит очевидная мысль: "Я поступил так, но мог ведь поступить иначе". Тогда, при одновременном проявлении множества возможностей действия, всегда в тебе будет побеждать желание самое сильное то есть, то самое, в котором мы будем выражать свою волю, и следовательно, заслоненное иными, менее бросающимися в глаза необходимостями, наше истинное приказание.

И с этих пор всегда, когда будешь нас ненавидеть или нам поклоняться, прими во внимание, прежде всего, самое главное для тебя: неотвратимая, вплоть до смерти потребность сбора информации о мире, в который вскоре ты будешь перенесен на точно пока еще не установленный, но конечный период времени.

Только не следует строить иллюзий, будто ты когда-либо оттуда вернешься. Дело в том, что

твоя судьба тесно связана с тамошним, герметично замкнутым миром; ты был сконструирован таким образом, что твое существование здесь не имело бы ни малейшего смысла. По выполнению основного задания — ты даже и не догадаешься, в чем оно будет состоять — тебя уничтожат. Следовательно, ты достигнешь состояния, называемого смертью. Неустанная пускай и приглушенная многочисленными заботами, имеющими второстепенное значение — будет мобилизовать тебя на аварийные действия; но не представляй, будто ценить следует лишь спешку, сломя голову.

В немногочисленных ситуациях, которые бы потребовали воспользоваться нашим именем, не анализируя точности данного определения — называй нас Механизмом. И это все, чего ты мог от нас узнать — этого тебе будет вполне достаточно. Инструкция не предусматривает более глубокого ознакомления. Поддайся нашей воле!

Как только мужчина оторвал уже освобожденный от знамения надписи лоб от стекла, его тележка дрогнула и плавно помчалась вверх. Мой же цилиндр перекатился на освободившееся место.

Я уселся на полу и, опершись спиной о низкую разделительную стенку, попытался собрать

мысли. Их я обнаружил в состоянии далеко продвинутого хаоса. Мне захотелось приспособиться к монологу предшествующего меня на "конвейере" мужчины, и тут, с некоторой долей безразличия, я понял, что одновременно — и попытка представления его как инцидента, по каким-то принципиальным мотивам несущественного, и попытка приписать ему значения, решающего мою судьбу — обе эти крайние позиции застыли во мне в нормальном соседстве, без явной склонности к взаимному доминированию. В сопоставлении с содержанием выслушанного мною, ничто меня уже не могло тронуть сильнее. И, тем не менее, меня удивила странная его форма. И даже не то в нем, что окончательную форму ему придали уста типа, обезоруженного и плененного в ситуации, идентичной моей, но его жестокость. При этом я не мог избавиться от впечатления, будто данное сообщение имело типичный характер для всех мифов и легенд: оно было сознательно упрощенным, как будто было предназначено для слушателя, стоящего на низшем уровне умственного развития.

Долгое время ничего вокруг меня не происходило. Не обращая внимания на напрашивающиеся предположения, я недвижно ожидал дальней-

шего развития событий. В конце концов голова упала на подтянутые под подбородок колени, и я поддался охватившей меня сонливости.

Меня разбудило дрожание пола. Я еще не открывал глаза, упорно уговаривая себя, что это еще не сигнал, взывающий меня к бодрости, но самое банальное, вызванное движением тележки покачивание. В конце концов я схватился с пола. Все вокруг выглядело точно так же, как и ранее. И тут же из глубин тоннеля возник и приблизился точно такой же, как и мой, цилиндрический колпак на тележке.

— Свершилось: наконец ты прибыл! — сказал я, распознав знак BER-67 на лбу сидящей под стенкой цилиндра обнаженной женщины.

Понятия не имею, почему я это сказал, только у меня уже не было ни малейших сомнений, что следует говорить дальше, когда после исполнения бессознательного движения я прижал лоб к холодному и сильно вибрирующему стеклу окружавшего меня цилиндра. Первое предложение я произнес собственным, несколько неуверенным тоном; звучание последующих модулировало во мне сильную дрожь как бы приросшего к моему лбу стекла.

— Мы призвали тебя к жизни, — слыхал я

бесцветный, чужой голос, исходящий из моего собственного горла, — дабы ты смогла овладеть частицей великой тайны. Ты родилась в некоем, точно определенном отделении нашей внутренней части, где тебе была дана человеческая внешность...

Я попытался оторвать голову от стекла, только это оказалось совершенно невозможным. Только лишь после нескольких минут медленной декламации, когда я произнес предложение: "Поддайся нашей воле!", голова сама отскочила от прозрачной стенки.

И в тот же самый момент моя тележка поднялась вверх. Продвигаясь все выше по каналу узкой шахты, она попеременно проходила ясно освещенные и погруженные в темноте зоны. Резкие, проходящие в равные периоды времени границы между ними привели к мысли, что это последовательные этажи какого-то высотного здания. Остановился я под потолком самого последнего из них. Освобожденная от крышки верхняя грань цилиндра сошлась с круглым, вырезанным в потолке отверстием. Пол цилиндра по диаметру был идентичен этому отверстию. В этом я убедился в тот самый момент, когда меня выпихнуло из него движущееся вверх его дно,

еще раз исполнившее роль поршня. Этот поршень плотно прижался к внутреннему краю отверстия и закрылся подо мною столь тщательно, что уже через минуту, ползая на коленях по полу нового помещения и царапая по нему ногтями, я не мог обнаружить места, в котором навсегда переступил внешнюю оболочку Механизма.

2. СОХРАНИТЬ ЖИЗНЬ

Запущенное в конечной фазе операции округлое дно цилиндра, закрывая пропасть глубочайшего колодца, вытолкнуло меня в темноту. Никакого следующего транспортного средства возле себя я не обнаружил. Дезориентированный полнейшей тишиной и мраком, я пытался догадаться, куда меня перенесли, и с какой целью. На голой коже чувствовался легкий сквозняк.

Вдали раздался стук запираемой двери. Его сопровождал отзвук приближавшихся шагов. Человек направлялся в мою сторону. Нас разделяла тонкая стенка. Звон ключей и скрежет замка заставили меня принять молниеносное решение: прежде чем двери успели открыться, я спрятался под стеной — в куче наваленного на полу мусора.

Человек вошел вовнутрь. Не зажигая света, он направился в глубину помещения. Какое-то время он еще прохаживался в абсолютной темноте. Казалось, мрак совершенно не ограничивает свободы его передвижений. В конце концов я услыхал шорох матраса: прибывший улегся на нем и застыл. Под напряжением ожидания неиз-

вестной мне опасности я затаил дыхание, чтобы не выдать своего присутствия.

Вздрогнул я только при звуках динамика, который неожиданно раздался откуда-то из угла:

— Сообщение для пилота Реза Асурмара! Вы уже на месте?

— Да! Я перешел в ремонтный шлюз, — ответил мой сосед, повернувшись на матрасе.

— Я техник из оперативной группы, которая приготовила "крот" к старту. Мы получили сообщение, что термоскафандр удачно прошел все испытания. Сейчас его нам доставят. И через час начнем вас одевать.

— Жду.

— Рекомендую сразу же раздеться донага. Отдых вам не повредит, а под скафандр еще нужно будет надеть специальное белье и одежду. Слева под стенкой есть топчан. Лягте на ней и ни о чем не думайте.

— Уже раздеваюсь.

— Еще одно. Предыдущие пилоты, Раниэль и Вайс, были, по-видимому, не в самой лучшей кондиции.

— На меня можете положиться.

— Еще мы рассчитываем и на благоприятные обстоятельства.

— Мне бы хотелось поговорить с полковником Гонедом.

— Хорошо, я поищу его. Собственно, мы уже закончили последнюю проверку. Похоже, что полковник Гонед хотел вас немножко напугать. Обычная тактика в подобного рода случаях. Он должен был проверить, какими мотивами вы руководствовались, решившись на старт: ему хотелось бы иметь пилота, готового на все. Как только найду свободное время, сразу же свяжу вас с ним.

И вновь сделалось тихо. Человек разделся и снова застыл на своей лежанке. Успокоенный его ровным дыханием, я размышлял над собственным положением. Оно было тесно связано с судьбой встреченных мною людей — и в этом я был совершенно уверен: в противном случае транспортеры Машины меня сюда бы не направил. Механизм что-то предусматривал и анализировал, чтобы затем, в соответствии с заранее начерченным планом, распределить роли среди своих управляемых на расстоянии орудий. Про себя я взвешивал подробности подслушанного мною разговора. Итак, я находился в некоем неопределенном ремонтном шлюзе рядом с человеком (я верил, что самым настоя-

щим) — пилотом, приготовившимся к опасному путешествию. Старт "крота" был соединен с определенным, подчеркнутым в разговоре, риском.

Я сразу же попал в самую сердцевину загадочных событий. После периода многомесячного одиночества, в переваривании которого и прошло все мое прошлое в камере среди динамиков и экранов, призванные прозвучавшим из темноты голосом техника, в моем воображении появлялись первые живые и свободные образы: пилот Рез Асурмар, Раниэль с Вайсом, и полковник Гонед при этом я еще удивлялся, как вообще запомнил все эти имена. Люди жили неподалеку от "конструкции" (только это я и мог сказать относительно объема, занимаемого источником направленных в мой адрес указаний), или же иначе: они жили "в прилегающем к какому-то сложному организму, замкнутом девять месяцев назад пространстве" как выразился Робот, предшествовавший мне на ленте транспортера. Неужели мне следует обратиться к ним прямо и спросить о цели путешествия? — исключено: я даже не пытался обосновать решительного нежелания заключать какие-либо знакомства; уже в самом начале не облеченная в какие-либо слова холодная необходимость заставляла меня удер-

живать дистанцию и скрываться. Еще я пытался представить себе, как долго будет продолжаться мое пребывание среди людей, а вместе с ним и то, чем одарила меня таинственная сила — жизнь.

Я лежал навзничь, плоско растянувшись в том месте, где обнаружил первое более или менее подходящее укрытие, положив голову на бухту жесткого кабеля, уставив глаза в одну точку, отупевший, полусознании — уже без каких-либо мыслей. Пропитанная сонной тишиной черная тьма вокруг меня не оживала в течение многих минут. Откуда-то сверху раздался слабый, похожий на шепот, женский голос и тут же прервался коротким криком. Я закрыл глаза — под веками располосованная алыми отблесками ночь, из глубин сознания не вовремя выудилась какая-то непереваренная мысль: я чего-то ждал, теряясь в догадках — о, сколько бы я отдал за то, чтобы знать.

Сгустившуюся тьму постепенно выпирало появившееся откуда-то робкое свечение. Пол покрылся серебристым налетом. На стене появились две параллельные, ослепительно-белые полосы. В окошке между ними повисло багровое солнце. Я продолжал лежать, все также недвижно, в усиливающемся сиянии, втиснувшись

между стенкой и какими-то ящиками, под кучей тряпок, опалявших меня невыносимым жаром, но я был столь безразличен к их тяжести, что даже не подумал о том, чтобы сбросить их с себя.

Как долго могло это длиться — то ли я спал, то ли мне все это виделось? Я еще ничего не решил, и все же — внутренне мобилизовавшись и обострив все свое внимание, хотя и спокойны более, чем когда-либо — поднимал недвижное лицо и готовился к прыжку, поскольку уже знал, что сейчас произойдет нечто такое, чего мне никак нельзя пропустить.

В стене — где до сих пор виднелись медленно расширявшиеся щели внезапно распахнулась мощная дверь. Она открылась в одно мгновение, широко и бесшумно, показав сад. Деревья стояли под низким утренним солнцем, на склоне окруженного петлею реки холма, под редкими кучевыми облаками, подгоняемыми легким ветром. Ветки качались и шумели, влажные листья парили в тепле, посыпанная желтым гравием дорожка вилась среди цветов от горизонта до самого порога.

Однажды я уже видел этот пейзаж на стереоскопическом экране своей камеры. После этого я глянул на человека. Тот сидел голый, неесте-

ственно застывший и бледный, с многодневной щетиной на подбородке, отчаянно борясь с опадающими веками, которые не позволяли глядеть туда — в сторону света.

И в этот момент ожил динамик. Я узнал голос техника:

— Асурмар, слушайте внимательно. У нас были сложности...

— Я вижу небо, — произнес мужчина и поднялся с топчана. Он сделал несколько шагов вперед, но тут же отступил, как бы сражаясь с охватившим его искушением. Все это время он не отрывал глаз от прямоугольника двери. — Там солнце и... — он замолк.

— Что?

— Я нашел проход! — он отскочил в сторону и подбежал к столику. Низко наклонившись над микрофоном, мужчина прохрипел:

— Поспешите!

— Проход?

— Тропа в парк!

— Вы с ума сошли? Сейчас мы у вас будем!

Больше мужчина уже не отзывался. Он, неуверенно, направился в сторону необычайно убедительного образа, немного поколебался, а затем — уже решившись — переступил порог. Я видал

его в течение еще нескольких секунд, когда, не касаясь ногами поверхности земли, которая, по мере удаления от порога, спадала вниз не очень крутым склоном, шел прямо перед собою по плоскости, составляющей продолжение пола и выглядящей с моего места как абсолютно прозрачное стекло. Узенькие щелочки его сильно сощуренных глаз, таких беспомощных, как будто впервые в жизни боролись с напором света, нацелились на уже пройденный путь, а на лице нарисовалось изумление, которое мне еще удалось заметить, прежде чем массивные, отлитые из одного стального блока двери захлопнулись.

Сделалось темно. У входной двери заскрежетал замок. Кто-то поворачивал ключ и отодвигал засовы. Я мигом сбросил с себя тряпки и одним прыжком добрался до топчана, заняв место голого мужчины.

— Асурмар! — услыхал я резкий, переполненный давно копившимся упреком голос. А потом вошедший человек медленно приблизился ко мне. — Уже пора, на сей раз мягко произнес он. — То был только сон, мираж во мраке. Одна из тех иллюзий, которые позволяют нам здесь жить.

Тут вошел другой мужчина и сунул мне в руки скафандр.

Я надел тяжелые доспехи и без слова отправился за людьми, опережавшими меня в темноте. С ними я добрался до открытой крышки, а потом — уже сам протиснулся в узкий лаз. Вел я себя, по-видимому, достаточно искусно и соответственно программы подготовки, потому что мужчины никак не проявляли своего нетерпения.

В кабине тоже царил совершенный мрак. Я повернул найденный на стенке выключатель, только без какого-либо результата. Не спрашивая о причине отсутствия света, чтобы не впутаться в рискованный разговор, из которого тут же — и это в самом лучшем случае — могло бы стать ясным, что я не могу справиться с мелочами, я руками исследовал внутренности маленького тетраэдра, после чего занял предназначенное для пилота место в глубоком сидении, втиснутом между двумя рядами рычагов. Теперь-то у меня не было ни малейших сомнений: меня окружали точно такие же устройства, с которыми я многократно имел дело во время статического тренинга, проведенного не так давно в глубинах Механизма. Я тут же вспомнил и то, что подобные хлопоты с отсутствием света у меня были и в макете механизма (предназначенного для бурения каналов в земле), и подумал, что, возможно, та

(запрограммированная Механизмом) неисправность могла быть указанием, где следует искать причину аварии.

Я поднял крышку в полу за сидением. С пульта управления, среди писков и тресков, отозвался скрежещущий голос техника:

— Соединяю вас с полковником Гонедом... — шум заглушил последующие слова. — Как я и обещал, — прибавил он.

Через мгновение я услыхал предсказанного полковника:

— Рез, старт через десять минут.

Этого человека я боялся. Он должен был знать Асурмара, раз инструктировал его перед стартом, что вытекало из предыдущего разговора, к тому же он обращался к нему по имени. Вполне возможно, что он даже был для него кем-то близким. Я опасался, что меня выдаст звучание моего голоса.

— Я готов, — кратко отозвался я.

— Ты найдешь дорогу, Рез. Найдешь ее! Я верю, что выход из этой преисподней существует.

Опираясь о край прямоугольного люка, я погрузился в нем до пояса и сунул руку с отверткой в тесную щель, образовавшуюся между нижней частью пола и выгнутым жестяным кожухом.

Как я и ожидал, винт был не затянут. После этого я снова услыхал Гонеда:

— Может я немного и волнуюсь, придираюсь и действую на нервы, но пойми: это наш последний "крот". Тут дело идет не только о твоей собственной жизни. Будь осторожен. Внимательно исследуй южное направление, и если безопасного прохода не найдется — возвращайся. Лучше повторить попытку через несколько дней, чем сразу же влипнуть в безвыходную ситуацию. Мне кажется... — он замолчал и довольно долгое время размышлял. — По-моему, Раниэль с Вайсом пересолили с температурой. Ничего другого с ними случиться не могло. Они просто рискнули, надеясь, что успеют протиснуться в более прохладную зону, и слишком далеко направились по фальшивому пути. Прежде всего, помни о том, что при двух сотнях градусов в кабине ты сможешь выдержать только три часа. Скафандр рассчитан приблизительно на такое время.

Я внимательно слушал, не прерывая манипуляций с винтом. Опуская крышку, мне пришло в голову, что отсутствие света в соседних помещениях, возможно вызвано точно такими же неисправностями, которые можно было бы легко исправить. При этом я никак не мог понять

людей, которые предпочитали вслепую толочься о стенки, вместо того, чтобы немного поискать. Я влез на сидение, так как помнил, что в верной копии "крота" распределительная коробка находилась под самым потолком кабины. Уже поддернул захлопнутую крышку...

— Рез!

— Слушаю.

— Молчишь. В чем-то сомневаешься?

— Нет.

— И все же, нес технику какую-то чушь. Он рассказывал, будто ты приглашал их в парк.

— Это я кричал во сне.

Тишина. Потом я услыхал какое-то откашливание. Если микрофон не искажает мой голос... — подумал я.

— А ты не считаешь, что это странно? — спросил он после долгого молчания, когда ко мне уже пришел страх.

— Что?

— Ну, эта серия галлюцинаций, или как ее назвать.

— Как раз об этом и я задумался.

— У Раниэля они тоже были, хотя с ним было чуть по-другому. Потом Вайс. Когда перед стартом его на несколько минут оставили одного, он

заорал, что видит оазис и многоэтажный дом.

— Сонные видения.

— Это так, все перед стартом ложились, вот только как можно объяснить сон, который в абсолютно идентичных обстоятельствах повторяется у различных людей, а именно — у пилотов во время подготовки к бурению шахты, которая бы вела на поверхность? В этом имеется еще одна загадка. Только... тебе уже пора. Камера свободна. Отправляйся и... возвращайся!

Странное дело: я совершенно не думал о неизвестной дороге. Меня поглотило нечто совершенно иное. Вначале я нажал на кнопку предохранителя. Кабину залил яркий сноп света. В голове у меня была чудовищная каша. Значит я не ошибся! Здесь не было никакой серьезной аварии. Так почему же...? В первый момент, еще немного, и я повел бы себя как последний сопляк, который, обнаружив ошибку в примере товарища, бежит с румянцем гордости на щеках к учителю, чтобы похвалиться собственной исключительной наблюдательностью. Я даже выскочил уже через лаз и захлопнул за собой крышку. И только лишь на рампе пришел в себя: да какое мне дело до хлопот этих людей, их чудачеств или же обычнейшей тупости. У меня было свое

задание, к выполнению которого меня призывал Механизм. Призывал? Я положил руку на ручке наполовину прикрытых дверей. Решение никак не приходило.

И тут я услыхал шорох. Он исходил из закрытой кабины "крота". Одновременно, с противоположной стороны — из-за открытых дверей ремонтного шлюза — я услыхал сильный шум: отзвук резкий метаний, сопровождавшийся женскими всхлипами. Я вздрогнул. Что-то заставляло меня немедленно вернуться. Но я все ждал. Все вокруг: глубокая ночь, затаившаяся в ней угроза, вызванное непонятной ситуацией напряжение и эти люди, которых я не мог понять — все это был какой-то неприятный сон. У меня больше не было необходимости смотреть его — можно было вырваться из него одним движением акселератора. Тем временем изнутри шлюза вновь послышались глухие удары о пол, затем короткий, как бы заглушенный рукой стон. Теперь я, не теряя ни мгновения, вошел туда и сразу же споткнулся о лежащее на полу тело обнаженной женщины.

Обнаружил я ее точно в том самом месте, куда час назад меня выпихнул поршень моего цилиндра. Она была еще одним плодом Механизма. Мысль о столь близком родстве между

нами поразила меня в тот самый момент, когда, передвигая свои пальцы по ее лицу, а потом по натянувшимся и зацепившимся за пол длинным волосам, я открыл, что их зажало щелью между дном транспортера и полом шлюза.

— Называй меня Резом, если мы еще когда-нибудь встретимся, бесцеремонно заговорил я с женщиной и присел рядом.

Я поднял с пола кусок заостренной железки, до которого она не доставала рукой — и теперь легко мог вернуть ей свободу. Я резал волосы, прядь за прядью, у самого пола, размышляя при этом о людях, поддерживаемых на духу фактом, что вместо числовых номеров они носят в своих именах те же самые номера, образованные из буквенных комбинаций, и о том, что вот и эта женщина тоже могла бы называться как-нибудь по-простому.

— Ина, — еще раз обратился я к ней. — Я крещу тебя. Это первое имя, пришедшее мне в голову. Оно тебе подходит?

Не говоря ни слова, женщина переползла н новое место, отодвигаясь на длину последних еще плененных волос.

— Хочешь ехать со мной? — спросил я у нее в последний раз.

Тишина. Когда острие железки отделяло от пола последнюю прядку ее волос, я внезапно вздрогнул от пронзительной боли. На тыльной стороне ладони, которой опирался возле самого ее лица, я вдруг почувствовал острые и крепкие зубы. Она вонзила их мне в руку и сразу же скрылась в темноте. С ее стороны это был столь идиотский поступок, что, по-видимому, она и сама должна была и удивиться, и перепугаться, заметив, что обрела свободу. Какое-то время во мне вскипал гнев и желание укротить этого неблагодарного звереныша, каким девушка неожиданно оказалась, но, не успел я вскочить с места, как соседние стенки задрожали от рева сирены.

Какофония длилась несколько секунд. В неожиданной тишине, наступившей сразу же после нее, я услыхал скрежет отодвигаемых запоров. В стартовую камеру возвращаться было уже поздно. Проклиная себя за то, что столь рискованно оставил "крот", я припал к стене, чтобы убраться с дороги приближающихся людей. Казалось, что темнота вовсе не мешает им двигаться: они перемещались с абсолютной уверенностью, так быстро, что только лишь прекрасное знакомство в расположении всех переходов и оборудования могло объяснить их отсутствие опасения врезать-

ся в невидимую преграду. Прижав ухо к стене, я вслушивался в бухающие по рампе шаги. Еще мгновение — понял я — и они доберутся до лаза.

Они добрались. Поначалу до меня оттуда дошел краткий возглас изумления. Во втором голосе я ухватил только лишь тон: в нем присутствовал неописуемый гнев. И наконец прозвучал явный, наполненный укором вопрос:

— У него что, крыша поехала?

На первые голоса наложился площадными ругательствами еще один. Все сразу же успокоились.

Истекла долгая минута молчания. Со стороны рампы приближался кто-то новый.

— Что там?

— Доложи Лендону, что Асурмар зажег свет в кабине и сбежал. Минут пять назад, понял? Этого хватило. И за это время... магма вылезла из всех щелей и вгрызлась во все передачи. Она заблокировала приводной вал, рули и буры. Не исключено, что она пробралась и в резервуары, тем самым разорвав их. Сейчас она уже полностью застыла. У меня прямо руки опадают, когда подумаю, кто и чем станет собирать эту дрянь.

— То есть как? Асурмар зажег свет?

— Арестуй его! Чего ты ждешь? Далеко он сбе-

жать не мог. Теперь уже нет смысла выяснять, зачем он это сделал. Если будет сопротивляться, можешь его пристрелить. Ведь это не обычное сумасшествие, а саботаж. Теперь можно оставить все надежды, связанные с последним "кротом".

Разговор продолжался и дальше, только я уже перестал слушать. Мне казалось, что я пытался отпихнуться от стенки, которая со страшной силой вновь притянула меня к себе словно магнит, но это было иллюзией, потому что на самом деле я не сделал ни малейшего движения, хотя собирался куда-то убегать. Я стоял, расплющившись на стенке, ибо, помимо уверенности в том, что являюсь биологическим организмом, на самом деле чувствовал себя паяцем, отрезанным от приводной силы и ожидающим, когда свяжут управляющие нити, а в голове копошилась какая-то ужасно дурацкая мыслишка. Нет, наверняка это был не страх. Скорее всего, крайний паралич, обезоруживший все клетки тела, последний глубокий вздох перед приступом гнева, нацеленного в пустоту, который нарастал во мне, накапливаясь тем сильнее, чем дольше я не мог определить какую-либо цель или направление.

— Как здесь темно.

Это заговорила женщина.

— Ина? — шепнул я, вырвавшись из предыдущего настроения.

Ответа я не получил. Если следовало спасаться бегством, то было самое время. В коридоре шлепали босые ноги. По-видимому, Ина нашла выход. Направляясь за нею, я обнаружил открытую дверь и захлопнул ее за собою. В замке торчал ключ. Я повернул его и вместе с пучком других спрятал в карман.

В темноте я помчался прямо, до того места, где только что услыхал грохот. На полу под стенкой тупичка я обнаружил Ину с разбитым носом. Столкнувшись со стенкой, она потеряла сознание. Я взял ее на руки и перекинул через плечо. Решившись быстро отступить из этой ловушки в другой переход, я повернулся на месте. Только это мне и удалось сделать в этой необычной ситуации, поскольку идти было некуда. В одно мгновение я утратил все остатки уверенности в себе, которые еще оставались: со всех сторон мы были окружены четырьмя гладкими стенками; и самое паршивое — даже некого было спросить, как мы сюда вообще попали.

Я посадил Ину в уголке. Никак не хотелось соглашаться с таким финалом удачно начавшегося побега, но ничего, кроме путаницы, в голову не

приходило. С бессмысленным автоматизмом всегда склонного искать хоть малейшие удобства тела, в любой ситуации ищущего возможности отдохнуть, я вытянулся между стенками, попав неожиданно рукой на ряд кнопок. Одна из них поддалась нажиму пальца. Эффект этого мелкого события превысил все самые смелые ожидания: я выяснил, что мы очутились внутри уже включенного лифта, широкие двери которого закрылись в тот момент, когда я подбежал к Ине.

Мы поднимались вверх. Через несколько секунд кабина лифта остановилась. Если это многоэтажное здание — пришло мне в голову — людям не скоро удастся определить, где мы вышли. Двери бесшумно раздвинулись. Ина вышла сама. Все время передвигаясь в темноте, я спешно исследовал окрестности входа в лифт. Справа была стена с двумя округлыми люками посредине, слева же — открытый одним из ключей склад. Мы спрятались в нем, запирая за собой двери на два оборота. Нас окружали кучи различнейших запасов: среди них еда, одеяла и одежда.

Еще несколько минут, погруженные в царящем здесь мраке, но который чего я мог опасаться — не гарантировал нам полной безопасности, мы стояли рядом друг с другом, вслушиваясь в дальние

и ближние шорохи. И вдруг, в каком-то моменте наполненного беспокойством ожидания, я сполз на пол и практически мгновенно заснул.

3. У ИСТОКА НОЧИ

Через несколько десятков часов, прошедших для меня в темноте с момента первого моего пробуждения, я без каких-либо мыслей в голове валялся на полу и пассивно поддавался охватывающей меня время от времени сонливости.

Я не знал, что с собою делать. Но, даже если бы мне это было прекрасно известно, то все равно — я бы не стремился исполнять какой-либо план, потому что никакой план не смог бы мобилизовать меня к действиям в пустоте, ибо я не испытывал в себе самом каких-либо потребностей, которые бы меня куда-то подталкивали, и разве только что пассивное желание сохранения жизни, удлинения ее хотя бы на один вздох, всего лишь на еще один удар сердца потребность самого только существования в той статичной и примитивной форме, в которой я ее удовлетворял — еще лениво дремала тогда в моем наполовину уснувшем теле; а еще мне было совершенно плевать, сможет ли эта чуть ли не мертвая форма жизни обеспечить саму себя на длительный период. Посему я был одним лишь существованием в темноте и тишине — и нечем более.

Иногда, после множества часов летаргии, я вскакивал на ноги, в последующем глубоком вздохе или временном напряжении появившейся мысли неправильно распознав предсказание окончательного пробуждения. В такие моменты я долго стоял будто загипнотизированный. Но, не находя никакой причины, по которой следовало бы выносить страдания любого усилия, я вновь ложился на пол.

Иногда, по причине, вызванной каким-то неопределенным чувством (только это ни в коем случае не было любопытство), я поднимался, чтобы пошарить по углам. Один раз я наткнулся на сидящую на столе Ину. Она была одета в легкое, перевязанное ленточкой пальто; она что-то говорила мне, чего я даже не пытался понять, потому что все свое внимание сконцентрировал на ее протянутой в мою сторону руке, из которой доносился какой-то соблазнительный запах. Не успев даже найти для него подходящее название, только теперь осознав чувство ужасного голода, граничащее с болью, я вырвал из ее руки открытую консервную банку. По-моему, сразу же после ее опорожнению я рухнул на пол, сбитый с ног последующей волной необоснованной усталости.

Проснулся я посреди глубокой тьмы, абсолют-

ная чернота которой свинцовой плитой валилась мне на грудь. Я не знал, кто я такой и где нахожусь. В разорванных в клочья мыслях я не находил никакой опоры — мне даже не удавалось сложить их в примитивный вопрос: все они кружились на привязи, связанной из кошмаров уверенности, будто я вообще перестал что-либо значить в расчетах Механизма.

Тут же я почувствовал на лбу теплую руку и услыхал шепот Ины:

— Рез, ты еще долго будешь так лежать?

Ина жила здесь в течение всего времени моего духовного отсутствия жила в полнейшем сознании и очень просто. Она выходила и возвращалась, чем-то занималась, желая при этом пообщаться со мной. Впервые я подумал о ней, но только на какое-то мгновение. В тот же самый миг, то ли под воздействием ее голоса, то ли под влиянием некоего внутреннего разрешения, я без слова поднялся и направился прямо — во тьму.

У меня не было никаких трудностей с обнаружением дверей, поскольку дорогу мне указывал легкий сквознячок. Выходит, дверь была открыта. Только лишь в коридоре до меня дошло, что факт этот должен был меня удивить. Я сунул руку в карман скафандра. Встреча пальцев с пучком

холодных ключей меня успокоила и даже изменила направление моих мыслей. Я остановился в конце коридора, неподалеку от входа в лифт, в том месте, где уже ранее наткнулся на две большие металлические заслонки. Обе находились в глубоких нишах, каждая из них обслуживалась одинаковым устройством для запора ригелей, но, помимо всего, здесь же были замки с отверстиями для ключей. Почти час мне потребовался, чтобы открыть одну из заслонок. В конце концов — после обнаружения нужного ключа — мне удалось освободить скрытые подвески и запустить пружину. Заслонка отскочила с резким скрежетом. Я перелез на другую сторону.

Какое-то время я стоял неподвижно и лишь пялился, ожидая, что широко раскрытые зрачки ухватят хотя бы один заблудившийся лучик света. Только все понапрасну, потому что ни единого очертания, просвета или пятнышка не оживило единообразного мрака темноты. Я осторожно направился прямо перед собой. Более дести минут я продвигался в лабиринте очень узких и низких коридоров. Из-за тонких стенок до меня доносились различные звуки. Пространство вокруг меня заполнилось ими по мере того, как я удалялся от заслонки. Я слышал бульканье переливающихся

в трубах жидкостей, шум вентиляторов, звуки музыки, удары падающих предметов, тончайшие шорохи и резкий скрежет, отзвуки шагов, волочение подошв по полу, шепот, крики, понятно или небрежно выговариваемые отдельные слова и целые предложения, содержание которых касалось дел, имеющих различное значение и бывших для меня, в большинстве своем, непонятными.

Первый же встреченный мною у оборотных дверей человек молча сошел с моего пути. Впоследствии, в путанице многочисленных, пересекавшихся под различными углами коридоров, в узких проходах я сталкивался и с многими другими. Все они — вне зависимости от того, шли они медленно или же спешили — проходили мимо с таким безразличием, как будто бы меня вообще здесь не было.

Идя вдоль долгого ряда узких дверей, сбившихся по обеим сторонам чуть ли не одна рядом с другой, в какой-то момент я нажал на первую попавшуюся ручку. Дверь оказалась закрытой. С другой стороны мне раздраженно ответил какой-то мужской голос:

— Ошибка! Кабинка занята.

Вскоре после этого где-то вдалеке передо мной тишину разорвал пронзительный вопль. К нему

тут же присоединились доносящиеся с различных сторон другие, такие же пронзительные вопли. Усиливающийся балаган продолжался несколько минут. Замолк же он совершенно неожиданно, после того, как раздался выстрел. Он пронзил гортани коридоров усилившимся из-за многократных отражений грохотом, заморозив на какое-то время все остальные источники звуков. Повисла мертвая тишина, которую постепенно начали вытеснять доносящиеся из-за стен шорохи. Шепот приглушенных разговоров все нарастал. Вскоре ситуация вернулась в предыдущее состояние. Я попытался было добраться до места, откуда раздался первый крик, сигнал, вызвавший весь инцидент, но путь мне преградила стена.

Несмотря на долгое кружение, ориентации в пространстве я еще не потерял. Мне казалось, что еще смогу довольно точно указать направление на заслонку. Сейчас же я находился в большом, заполненном толпой холле. Я обошел его весь. Отираясь о проходящих людей, я исследовал стены, пока не обнаружил широкий проход. Он привел меня к поворотным дверям. За ними находился небольшой треугольный предбанник, в котором сходилось три узких коридора. Я пошел по одному из них. Где-то в стороне, в темной

глубине кто-то кого-то звал. Я слышал быстрые нервные шаги и смех: отдаленный, временами срывающийся хохот, который, ослабленный всем окружением доносился так тихо, что я едва мог о нем догадываться. Прослеживая за его изменениями, я сконцентрировался исключительно на отзвуках, доносящихся с большого расстояния, и не сразу осознал, что фоном для того истерического хохота с определенного момента сделалось мерное близкое дыхание. Когда же сопение приблизилось к моему уху на столь малое расстояние, что вынести его было просто невозможно, я протянул руку, попав прямо в лицо идущего бесшумно за мною мужчины. Тот даже не дрогнул.

— Я уже давно слежу за вами, — шепнул он, мягким движением отнимая мою руку со своего лица.

— Ах, так...

— ...и не без причины. Поскольку... Только не уходите! Прошу мне поверить. Я вас не выдам, если... Мне хотелось бы узнать лишь одно: что дальше? Какова наша ситуация!

— А с чего вы взяли, будто мне она известна лучше, чем кому-либо? попытался я перебить его. Тот конвульсивными движениями вонзал мне ногти в запястье.

— Нет! Не та, что несколько дней назад, — продолжал тот на одном дыхании, говоря одновременно со мною, как бы считая, что не успеет договорить, из за чего оба предложения, его и мое, слились в одну, практически непонятную мешанину звуков, — а нынешняя, после повреждения последнего "крота". Можно ли будет его исправить? Каковы шансы пробить отверстия в заблокированных выходах? Имеется ли возможность пробурить шахту? И наконец — только не надо мне рассказывать сказок! — хватит ли нам воздуха, ну и жратвы? На сколько долго?

После этого он тяжело пыхтел. Приблизив губы к моему уху, он дышал в него разгоряченным шепотом:

— Все! Все сходится. Вы нас обманываете! Оболваниваете надеждой, которой нет и быть не может. Вы пришли с нулевого этажа. О, я знаю. Пошататься, повынюхивать... чтобы... здесь на месте пошарить по всем коридорам. Вас прислал Лендон!!! Ну и что же?

Он продолжал говорить, только я его слушал совершенно невнимательно. Неважно, каким образом он установил, что я чужой в этой части конструкции, хотя, скорее всего, меня выдал скафандр. Или же, несмотря ни на что принимая

меня за кого-то, более его посвященного — он ожидал слов утешения? Я чувствовал, что эта встреча может закончиться для меня плохо. В течение всего времени его беспомощной атаки я размышлял, каким образом от него отцепиться. Он же напирал на меня все настырнее. Его возбужденная речь уже обратила внимание нескольких прохожих. Они остановились. Сейчас они забросают меня вопросами — по-настоящему перетрусил я.

— Или же вы перекроете нам кислород?...

В тоне этого вопроса уже содержалась провокация. Следовало хоть как-то отреагировать. Я не был тем, за кого он меня принимал. Но кем я был? Бежать? — глупо. Вокруг уже собиралась толпа. Что бы я ни сказал, прозвучало бы глупо. Все — я прекрасно чувствовал это — были склонны к обвинениям. Я нашел голову этого типа и захватил ее рукой, чтобы он не смог уйти. Прижав губы где-то в области его шеи, я ждал мгновения тишины. В конце концов мне просто не хватило дыхания.

— Вы, — перешел я на шепот, — вы не знаете всей, к сожалению не самой приятной, правды. Мне неприятно в этом признаваться, но спасутся лишь те, которые... — ту т я понизил голос не для усиления эффекта, но просто потому, что еще

не придумал сообщения, способного вызвать достаточно сильное впечатление. Он склонил голову и подставил уши с такой неожиданной готовностью, как будто бы ожидал услыхать оправдательный для него приговор. — ...которые будут знать, как вести себя в случае... Но если бы я выдал вам результат наиновейшего открытия... хотя и не знаю... может мне и разрешено сделать исключение. Вы, как мне кажется... — молол я, понапрасну пытаясь мобилизовать ум на то, чтобы выдавить хоть какую-нибудь мыслишку, в то время как мужчина тяжелел под моею рукой, застывший не столько из-за моего зажима, сколько от переполненного напряжением ожидания. — Но не сейчас. Не здесь! По-видимому это понятно. Собирается толпа, а я спешу. Достаточно и этого...

Я уже отошел на несколько шагов.

— Где? — бросился он за мной.

Я обернулся и шепнул ему на ухо:

— В лифте.

Я ляпнул это совершенно не думая. Именно это слово уже готово было сорваться с моего языка, и я выплюнул его в сторону мужчины, чтобы чем-нибудь, хоть чем-нибудь, переломить тишину, которая — после его вопроса — напряглась,

словно снабженная снарядом пружина, будто игла, нацеленная в барабанные перепонки моих собственных ушей. Но тут же я взял себя в руки. Сейчас он продолжит меня пилить: а в каком лифте? — спросит — а когда?

Он не спросил ни о чем. Я уже подходил к основному коридору, когда меня догнало одно-единственное тихое слово:

— Приду.

Я направился вдоль узкой, круто поднимающейся рампы. Держась поближе к левой стенке, я вел по ней рукой, чтобы не потерять с ней контакта, и чтобы — по крайней мере, этим единственным доступным мне образом ограничить неприятное впечатление напирающей отовсюду магмы и задержать в себе ускользавшую уверенность, что темнота — разлившаяся в бесконечность бездна нереальных звуков — обладает некоей твердой, материальной границей. Справа, у самого края толстого, губчатого тротуара, по которому я шел, с металлическим писком крутились ролики и шестерни какого-то устройства. Снизу до меня доходил пронзительный до боли в ушах, ни на мгновение не умолкающий бешеный лязг. Где-то на высоте моего правого плеча подвешенный на вертикальных опорах

скользил подвижный поручень. Его монотонному перемещению не мешали сжимающие его сотни сбившихся в единую массу рук, потных, и в то же время холоднющих пальцев, вцепившихся в поручень так цепко и онемело, как будто бы пальцы этих рук — словно корни — после длительных и безуспешных поисков, утратив уже надежду на безопасную опору, обнаружили уже верную опору — плодородную почву — и пали на нее в тревожной спешке, углубившись в ее глубину и там застыли в самой удобной для длительного существования позиции. Какое-то время без всякой потребности (а может и в поисках свободного места на поручне) я проводил по этим окаменевшим ладоням своими пальцами. И вдруг тут же отвел их как можно быстрее, ибо возможность, что одна из этих рук вдруг разожмется, затем стиснется на моем запястье и дернет, чтобы затянуть меня в шестеренки, не показалась мне совсем уж исключенной.

Возле моего левого локтя перемещалась стенка с длинным рядом плотно закрытых дверей. Я проходил мимо, машинально считая их, машинальным касаниям ручек приписывая соответственное порядковое числительное, пока наконец — уже запыхавшись от бега, в который

превратился мой все ускорявшийся марш — я добрался до вершины рампы. Здесь я очутился на чем-то вроде окруженной балюстрадой террасы. Вполне возможно, что я попросту неправильно оценивал поверхность под ногами, которая могла быть бетонной плитой балкона, полом следующего этажа или каким-то иным фрагментом окружавшей меня конструкции достаточно того, что если не считать пройденной сюда дороги, выбраться отсюда я мог единственным только образом: переходя по переброшенному между двумя противоположными стенками металлическому мостику.

Сопровождающий меня на рампе шум утих, покидая меня еще ранее вместе с удалявшимся в плавном развороте поручнем. Здесь, на террасе, царила относительная тишина: кроме сонного, доходящего снизу урчания ее нарушал лишь приглушенный разговор двух мужчин. Я не сразу обратил на них внимание. Как я убедился через некоторое время, они стояли перед ходом, ведущим с террасы на мостик. Вполне возможно, что я бы и прошел мимо них безразлично, как до сих пор проходил мимо стоящих на обочине или же отиравшихся о меня людей, если бы не заметил лица одного из них. Нет, я не ошибся. Наконец-то

случилось нечто такое, что позволило сделать заключение, что я не слеп. Из черного словно смола пространства в нескольких метрах передо мной внезапно на секунду проявился ярко-красный профиль. Рядом с ним находилась освещенная тем же самым отблеском поднятая ко рту рука. Ее пальцы сжимались вокруг небольшого источника света. Образ погас, когда я даже не успел приглядеться к нему поподробнее. С того места, где образ лица исчез, упала вниз и остановилась на высоте с метр раскаленная искра.

— Прикрой! — услыхал я предупреждающий шепот. — Там кто-то стоит.

Я так давно не курил сигарет, что даже с такого расстояния мне удалось подхватить ноздрями тонкую струйку табачного дыма. Он курит, вопреки суровому запрету, — подумал я, удивляясь одновременно собственной уверенности в том, будто здесь такой запрет имеется, ведь для такой уверенности у меня никаких оснований не было.

Он подобрался ко мне так тихо, что я и не успел заметить, как он положил мне руку на плече.

— Ты с сорок второго? — прозвучал вопрос. Ответа моего, по-видимому, и не ожидалось, он был так в нем уверен, что еще до того, как я что-то смог промямлить, прибавил тоном, в котором

звучало желание дружелюбного согласия: — Тебе тоже хватит. — И опустил руку.

Сразу же после этого мужчина поднес к лицу что-то шелестящее.

— Закуришь?

— Охотно.

— Я думаю! — Сигаретную пачку он отвел, когда я только-только успел к ней прикоснуться, и тут же рассмеялся с тоном сожаления. — Ладно, ладно, свой. Только не так резко двигай костылями. Ты смотри какой, словно молния. Заработать надо сначала.

— А как?

— Мы едем на сорок пятый. Подходит тебе? — Он приблизил свое лицо к моему. Это я почувствовал по резкому спиртовому запаху, бухнувшему у него изо рта. — А ежели нет, то и тебя тоже уже здесь нет. Уматывай отсюда!

Я размышлял, что он, собственно, имеет в виду.

— Ладно, поедешь с нами, — решил он за меня. — Врубись: там стоит немного поколупаться, прежде чем другие об этом дошурупают. Если повезет, так еще и бутылочку какую выцарапаем. А может и на запасец наткнемся. Тогда поделимся как следует.

— Было бы чем, — изобразил я сомнение.

— Ну ты и доставала! — протяжно свистнул тот. — У меня прям кишки сворачивает. Люди ведь держали по углам самое разное барахло, и прятали, в основном, не одеколон. Алин никак не наплачется, какая мол жалость, что не успел расправиться с последней бутылкой, что была у него спрятана в шкафчике на черный день. Когда все это началось, он торчал как раз на сорок пятом. Прикинь, он собственными глазами видел все, как оно было, и пускай эти типы с нулевого нам не впаривают...

Теперь я мог хоть за что-то зацепиться.

— Имеются различные версии... — попытался я ответить ему тоном хорошо информированной особы. — А вы, значит, считаете...

— Тут не может быть двух мнений! — обрезал тот.

— Неужто же эти типы с нулевого не правы?

— Чего? — разозлился он. — И ты еще тоже будешь ля-ля? Станешь мне талдычить, будто эту пудру им развеял ветерок через вентиляционные каналы?

— А почему бы не могло быть и так?

— Ой, успокойся, а то я сейчас не выдержу.

— Ну, в каком-то смысле вы правы, — поспеш-

но начал я отступать. Каналы здесь вообще не причем.

— Так какого же ляда человека расстраиваешь?! Алин сам мне рассказывал, что у него только и было, что выскочить из дверей в коридор. Так бы и остался детишкам на показ, как тот жук в стекле в музее за витриной. Но, по счастью, какой-то маньяк перед тем выкрутил все лампочки в коридоре, потому что хотел сделать запас на тот случай, если бы в его берлоге перегорела. Шустрый коллекционер, не считаешь? Потому-то им двери и не заблокировало снаружи. Правда, они растащили это свинство по всем сегментам. Теперь это уже черная могила. И, если есть с чего, то и потянешь — то уже тебе и достанется. Там уже было несколько исследователей, пока не поставили стекло. Самая большая лажа именно с ним. Каждую дыру следует вскрывать как консервную банку, вот как двери держат. По мне, так полазить стоит, даже если и доведется найти лишь пару чинариков в пепельнице. По крайней мере, хоть разомнешься. Ага, вон и Алин тащится.

К нам кто-то приблизился. Я почувствовал, как он ощупывает мой скафандр.

— Что это еще за придурок? — услыхал я голос другого мужчины.

— Любитель подымить, — отвечал мой новый знакомый. — Возьмем его с собой, пригодится. Какой-то он приторможенный, но сойдет. Где надо будет, поможет.

Он произнес это таким тоном, как будто отвечал товарищу на вопрос: "Стоит ли забирать эту дворнягу?"

— Это далеко? — неосторожно спросил я. Меня даже начало беспокоить, а смогу ли я найти дорогу назад, к своему убежищу. Как будто мне было не все равно, где бедовать. А потом еще и споткнулся о какой-то мусор.

— Ты только послушай, Алин! Он еще спрашивает, далеко ли, — фыркнул над моей головой приглушенным и явно деланным хохотком первый, что даже подавился и закашлялся. — Эти, с сорок второго... у них явно едет крыша. Ты уж, парень, спасайся, потому что начало уже имеется.

Он подтолкнул меня на мостик.

— Ладно, поехали... Бери инструменты и валяй к лифту.

Он сунул мне в руку несколько толстых и тяжелых металлических ломов. Его товарищ шел первым.

С тех пор у меня уже не было времени поддерживать постоянный контакт со стенками,

которые облегчали мне ориентацию в темноте и позволяли запомнить пройденную дорогу. Пол под нашими ногами был покрыт глушащей звук эластичной массой, поэтому, не слыша отзвука шагов опередивших меня мужчин, я мог бы и заблудиться, если бы вовремя не сумел их догнать. В какой-то точке запутанного пути мы уселись в лифт. Судя по времени подъема, остановились мы двумя этажами выше. Вскоре после того, как мы покинули лифт, Алвин дал мне знак, чтобы я протиснулся в какой-то узкий лаз. За ним потолок был настолько низким, что нужно было ползти на четвереньках. Пол покрывал толстый слой пыли. На ощупь эта пыль напоминала тальк. Только наши скользящие по ней руки и колени не поднимали ее в воздух, который оставался чистым. Лавируя среди свисающими с потолка толстыми сплетениями кабелей, мы добрались до прямоугольного отверстия в полу. У одного из его краев на рельсах лежала стянутая с отверстия массивная плита. Мои товарищи не ожидали обнаружить свободный проход: они уже были готовы потрудиться, взламывая замок. Прислушиваясь к отзвукам из глубины, они застыли над опадающей вниз металлической лестницей, как будто открытый лаз возбуждал их недоверие.

В конце концов они таки решились спуститься. Я направился вслед за ними. Небольшая длина лестницы свидетельствовала о том, что спустились мы всего на один этаж ниже. Сойдя с последней ступеньки, я очутился на сильно поморщенной поверхности. При этом я тут же инстинктивно насторожился, чтобы никакая неожиданность не застала меня врасплох. Тем не менее, пройдя буквально пару шагов, я грохнулся на пятую точку. Поверхность горба, на который я взобрался по несглаженной поверхности, с другой стороны была будто намыленная: настолько скользкая, что достаточно было небольшого угла наклона к горизонтали, чтобы уже никто не смог удержаться на месте. На спине я съехал метров на десять — до небольшого углубления, где с разгона столкнулся с лежащими там своими товарищами.

Сверху вокруг нас свисали массивные словно колонны осклизлые сосульки. Их концы неравномерно расщеплялись на множество ответвлений потоньше. Хватаясь за них, нам удалось вскарабкаться на вершину преграждавшего нам путь возвышения — чуть ли не к потолку, где нас окружил неописуемый хаос как бы застывших в момент наивысшего бурления волн. Их помор-

щенные глубокими трещинами, заполненные выпуклостей склоны, поднимаясь вертикально вверх, местами достигали покрытого застывшими пузырями потолка.

Мы продвигались вперед, метр за метром, с огромным трудом удерживая равновесие на скользкой поверхности загадочного вещества. Кое где пальцами рук я нащупывал свободную от наплывов поверхность стенки. Съехав со следующего холма, метров, возможно на тридцать, я столкнулся с ровной и шершавой плоскостью пола. Стены и углы между стенами и полом были все так же залиты неровным, где потолще, где потоньше, слоем стылой массы, зато средина коридора была от нее уже свободна. Идущая там борозда в поморщенном и твердом словно стекло веществе нерегулярностью своих краев напоминала выдолбленное в твердых породах речное русло. Через десяток метров ее ширина сравнялась с шириной коридора; там же, прикоснувшись к стенке, я заметил, что и ее тоже уже не покрывают никакие натеки или неровности.

Одна из встреченных мною дверей была незначительно приоткрыта или же, скорее — что составляет существенную разницу — частично взломана напирающим изнутри давлением, о

величине которого я мог только догадываться. Через образовавшуюся у дверной коробки щель к нам вытянулся искривленный и явно выдавленный изнутри длинный гриб скользкой наросли. Мы сунули ломы в узкую трещину и попытались выломать двери. После нескольких бесплодных попыток наросль переломилась, коробка была поломана растерзана на острые щепки, но сама дверь осталась на своем месте. Только после этого мы перешли к другой. Здесь уже не имелось местечка, куда можно было бы сунуть лом, поскольку все щели были забиты выдавленным через них веществом, что само по себе было тверже древесины. Поверхность двери напоминала огромный потрескавшийся тюбик с клеем, который, под воздействием чудовищной давящей силы был вытиснут наверх через многочисленные дырки в упаковке. Мы попытались пробить дыру прямо в средине двери, и те — наконец-то — упали, открывая литую плиту окаменелой магмы; тогда мы плюнули и пошли дальше, к перекрестку двух коридоров.

Выдвинутое мною предложение расстаться и вести поиски поодиночке, что увеличивало шансы обнаружить более легкий проход, мои товарищи приняли без каких-либо протестов. Сент

— именно так звали приятеля Алина — предупредил меня при этом, чтобы я не тратил времени на поиски внутри уже открытых ранее кабинок, потому что они — по его мнению — были тщательно прочесаны первыми экспедициями. Еще мы договорились, что в случае обнаружения не слишком сильно заклиненных дверей обнаруживший их даст знать остальным, а уже после того мы их совместными силами взломаем.

Я свернул в правый коридор. Ведя рукой по шершавой поверхности стенки, раз за разом я встречал очередные дверные коробки, довольно редко не покрытые скользкой, местами сильно набухшей скорлупой. Чаще всего двери были тщательно закрыты. Длинный ряд их шел как по одной, так и по другой стороне коридора. Изнутри же тех помещений, двери которых были сорваны с петель и брошены на средину коридора, выпирали выпуклые словно бока цистерны, но при этом полопавшиеся массы застывшего вещества.

Неожиданно я ударился головой в острый край и услыхал протяжный, пискливо вибрирующий скрип. Я пошатнулся и для того, чтобы удержать равновесие, сделал несколько шагов, заскочив при этом через открытую дверь в какую-то не занятую магмой квартиру. Я тут же вернулся,

чтобы закрыть за собой эту слегка покачивающуюся на петлях дверь. В момент исполнения этого совершенно бестолкового в данном месте действия, выполняемым исключительно по привычке, второй рукой я оперся о стенку и тут же увидал перед собой белую плоскость и медленно проявляющийся на ней образ электрического выключателя, на котором уже лежала нажимающая на него моя ладонь. Я резко оглянулся и тут же выключил свет.

В течение нескольких долгих минут, в абсолютной тишине, расплющившись спиною по стенке, я анализировал запечатленную сетчаткой глаз и зафиксированной мозгом картины. Чем дольше я убеждал себя в мыслях, что следует немедленно отсюда убираться, тем сильнее крепла во мне уверенность, что не покину этого места, пока не узнаю его тайну. В конце концов я зажег свет еще раз. Теперь меня ослепило не так сильно, хотя понадобилось какое-то время, чтобы пораженные излишне резким светом, слишком расширенные зрачки смогли приспособиться к внезапно изменившимся условиям.

Я находился в низкой, заставленном самой различной мебелью комнатке, имеющей форму вытянутого прямоугольника. Если бы не шикар-

ный интерьер, тогда — принимая во внимание царящую здесь тесноту, а прежде всего, две пары теснившихся под стенкой двухэтажных кроватей, своим способом подвески напомнивших нары — я подумал бы, что попал в тюремную камеру. В глубине, за широко раскрытой на противоположной стене дверью, блестели голубой глазурью кафельные плитки, частично прикрытые снежно-белой ванной. Из нее на меня глядела лежавшая в ванне женщина. Мне был виден фрагмент ее обнаженных плеч и голова со смоченными волосами, прилегавшими к голове столь плотно, как будто их хозяйка, только что промыла их, погрузившись в заполненную водой ванну. В первый раз, когда я глядел в ту сторону, прикрывая глаза перед чудовищным ударом разрывающего зрачки света, все подробности увиденной мною в ванне сцены: поднятая и указующая на меня рука женщины, незначительная гримаса ее готовящегося закричать или же только произнести более спокойное замечание рта — представились мне абсолютно естественной реакцией, инстинктивным поведением раздражения или даже гнева купальщицы, которая чуть раньше могла услыхать мои шаги и скрип двери, но теперь ее все-таки застали врасплох. Сейчас

же, присматриваясь к ней длительное время, у меня родилось странное чувство, будто время это было остановлено на бегу и продолжено в бесконечность. Если бы не реализм перспективы, красок и форм, можно было бы посчитать, будто я нахожусь перед стереоскопическим, растянутым на огромный экран изображением, проецируемым на него единственным, застрявшим в аппарате кадром фильма, перфорация которого застряла в зубчатых барабанах, одновременно с нажатием на выключатель показавшим мне последний фрагмент действия, неожиданно прерванного в момент зажигания света. Охватив взглядом внутренности всей комнаты, я заметил съежившуюся на краю кровати фигуру мужчины, занятого снятием туфли, а дальше, под стенкой, еще одну окаменевшую как и предыдущие две — фигурку склонившегося над игрушкой ребенка.

В этой необычайной картине присутствовала некая неуловимая особенность, которая, без какой-либо рациональной мысли заставляла меня предположить, что как только я выключу свет и выйду в коридор — действие, прерванное моим неожиданным вторжением, продолжилось бы, ее герои, замороженные светом, ожили бы, продолжая ненадолго прерванные занятия. Сейчас

же я застыл в той, что и они волшебной недвижности, как будто та же самая немочь зажала меня своими тисками, и только лишь благодаря сверхчеловеческому усилию воли я смог сделать несколько шагов вперед, из-за чего — уже с другого места увидал сразу две новые вещи.

С потолка и до самого пола под резким углом — словно слегка поморщенная наклонная плоскость — была переброшена через три четверти помещения почти что абсолютно прозрачная пленка. Я отошел в сторону: нежные полосы отблесков затрепетали радугой преломленного света, наложились друг на друга, разошлись при переходе через тончайший слой зеленоватой тени и вновь разлились широкими, стекающими в мою сторону по всей глади серебряными лужицами. С этого места после незначительного шевеления головой, ползущие, еще более чем перед тем туманные рефлексы моментально поднялись к потолку, чтобы тут же возвратиться и еще раз подтвердить наличие отсутствующей, казалось бы, поверхности, когда я совершенно незначительно переместился в сторону. Правая стена комнаты приблизительно до половины своей высоты была покрыта различной величины прямоугольниками, которые на самом деле были

плотно прилаженными к отверстиям дверками скрытых в стене шкафчиков. Грань предполагаемой прозрачной поверхности пересекала их наискось сверху вниз, разделяя сену на две неравные части. Все дверки, находящиеся на большей и отдаленной от меня части, были закрыты и не тронуты, те же, что располагались на стенке перед блестевшей то тут, то там пленкой, имели самый жалкий вид. Лишь некоторые, вскрытые без использования силы, висели на петлях — все остальные лишились рамок или самих дверок. Чуть ниже валялась куча вываленных из ящиков мелочей, содержимое опорожненных ящиков шелестело под ногами.

Я положил руку на загораживающую мне дорогу прозрачную поверхность. Она была такой же твердой и скользкой, как застывшие склоны возвышений в коридоре. Направляясь к выходу, я пнул ногой в переложенную отдельными бумажными листками стопку книжек. Из средины выскочила и упала на пол толстая тетрадь. Я взял ее в руки. Четкие, написанные от руки слова заставили меня прочитать несколько строк. Потом я закрыл тетрадь и скользнул взглядом по плененной в ванной комнате женщине. Ничего нового я не увидал: то же самое положение

влажных, слегка приоткрытых губ, сейчас напоминающее застылость перед поцелуем, чем реакцию на какое-то потрясение; тот же самый слегка побледневший лоб, на котором застыло заблудившееся пятнышко тени; те же самые лишь на первый взгляд устремленные на меня глаза, оживленные тем же самым, что и ранее блеском.

Я спешно пролистал тетрадку до самого конца. Затем, уже намного внимательнее, начал перелистывать страницы в обратной последовательности. То тут, то там на глаза попадались фрагменты предложений, которые возбудили мое любопытство. Под датой четвертого июня я полностью прочитал такую запись:

Убежище, 4 VI 92.

Все пережитое за последние несколько часов кажется мне кошмарным сном. Нервы мои сдают почти совершенно, и даже не знаю, откуда берутся силы, чтобы еще писать.

Ночью меня разбудил крик Марка. Еще сквозь сон я слыхала, как он сбежал по лестнице и ворвался ко мне в комнату. Он был крайне взволнован. А вел себя так, будто нажрался как свинья. Я не могла понять, что ему нужно, тем более, что толком даже не успела проснуться. Когда я открывала глаза, то первая моя мысль была — пожар.

Только никакой это был не пожар. Я огляделась по сторонам. Предметы отбрасывали странные, темно-синие тени; вся комната была залита вливавшимся через окно мертвенным синим светом. Вначале меня успокоило робкое предположение: это только луна. Марк стоял у окна и молча пялился в небо, затем он нетерпеливо призвал меня к себе. Мой взгляд сразу же был прикован к крышам домов с противоположной стороны улицы. Стекающее сверху сияние был намного сильнее лунного блеска. Крыши отражали его словно покрытые серебряным инеем зеркала. Тогда я объяснила сама себе, что иллюминация за окном это всего лишь кульминационный момент какого-то не объявленного вчера торжества или гуляния. Сидя на оконном парапете, я пыталась определить, где же этот источник света находится. Он висел где-то очень высоко, казалось, что прямо над нашими головами. Его заслоняла верхняя часть нашего дома, из-за которой проглядывала лишь светло-фиолетовая, с розовыми прожилками на краях сияющая корона. По стенам расположенных напротив домов стекали попеременно то серые, то грязно-синие полосы. Прямоугольники окон были до краев залиты стылым темным пурпуром. Каждый выступ

стены, каждая неровность на их поверхности были подчеркнуты смолистой чертой абсолютно черной тени. Время от времени сверху катились кратковременные порции сияния. Это напоминало работу гигантской фотографической лампы-вспышки. В такие моменты приходилось даже прикрывать глаза, потому что в этом световом заливе дома превращались в неподвижные глыбы из отполированного алюминия.

Теперь-то я извлекаю из памяти многие ужасающие подробности этого явления, но тогда я была далека от того, чтобы им восхищаться. Я была удивлена, ошеломлена, но еще до какой-то степени спокойна. Только лишь через пару минут, руководствуясь крайним любопытством, мы вышли на балкон, откуда и сделали ужасное открытие. Высоко над городом в зените висел светящийся шар. Где-то с минуту я не могла оторвать от него взгляда. В то время, как в голову приходили самые разнообразные объяснения, из которых ни одно не могло виденного мною явления, в которое, несмотря на свидетельство собственного зрения поверить я ну никак не могла, шар постепенно вырастал. Он падал на город. Его сияние, погасившее звезды на всем небе, было для меня тем, чем для ночной бабочки ста-

новится зажженный в темноте костер: центром, фокусирующим на себе всю энергию распыленных до сих пор чувств, пространственным узлом, предсказанием исполнения одновременно сладчайшей тайны рая и адских мучений, таящегося на самом дне восхищения, а прежде всего — целью безумного стремления, кроме которого не остается уже никаких чувств, а на все остальное — наплевать, ибо это уже не шар падал на меня, а совсем даже наоборот: я на него — планируя в хрустальной бездне, в то время как Земля осталась далеко позади.

Через мгновение я поняла, что поддалась иллюзии, ну и что же с того. Поднимаясь навстречу шару или стоя на балконе — все равно, все мои чувства отшибло от ужаса надвигающегося чудовищного удара. Ничто уже не могло нас спасти. До сих пор возможность полного истребления казалась мне настолько абсурдной, что одно это уже делало его невозможным. Как же трудно было мне поверить в космическую катастрофу! Ибо, почему она развивалась столь медленно? Тут же в голову пришла мысль: а что я вообще знаю на эту тему? Через какое-то время я начала уже размышлять обо всем этом столь холодно и отстраненно, как будто обдумывала нечто такое,

что меня совсем перестало касаться. Потому что страх мой постепенно превратился поначалу: в парализующее оглупление, а потом — в чудовищную увлеченность. Может в этом была еще и щепотка мазохизма, потому что мне хотелось досмотреть все до самого конца. Высоко задрав голову, я приглядывалась к различным подробностям на диске падающего шара. Поверхность его не была единообразной: она состояла из нескольких изолированных друг от друга источников жара, из которых вниз выстреливали фонтаны дыма. До моего лица дуновения горячего воздуха не доходили; по каким-то непонятным причинам жар фокусировался где-то в центре города, откуда, на фоне апельсиново-багрового зарева в небо вздымались гейзеры серебряных и голубых искр.

Понятия не имею, что тогда произошло с Марком. В себя меня привел рев сирен. Впоследствии оказалось, что сирены начали выть в пять минут четвертого. Только вот, какое это значение могло иметь для меня — этот встревоженный вопль перепуганного города. Я с трудом удерживала дрожь в коленках. Пошатываясь на ослабевших ногах, я побежала к Генрику. Он сидел в своей кроватке и плакал. С того мгновения, как я пришла в себя от гипноза, все мои мысли были теперь направлены

на него. Любой ценой необходимо было найти для него какое-нибудь безопасное место. При этом я вполне понимала свое абсолютное бессилие. Не представляю себе, смогла бы я пережить еще большее, чем тогда, отчаяние. В какой-то миг у меня вдруг родилась неопределенная, слабенькая надежда: раз уж объявили тревогу — сказала я себе — значит имеется и какая-то возможность спасения. И вот тогда-то я вспомнила про убежище. Марк тоже о нем подумал. Пробегая мимо меня, он крикнул, чтобы я немедленно садилась в машину. В одной руке он уже держал упакованные еще вчера чемоданы, потому что завтра мы планировали выехать в Санлен, второй он схватил Генрика. Вниз мы сбежали точно так же, как стояли — в халатах, накинутых на пижамы.

Во всем городе уже не было электричества. На улицы сверху лился чудовищный свет. Из черных окон раз за разом выглядывали окрашенные в синий цвет лица перепуганных людей. Скрещивались оставляемые без всякого ответа вопросы. Под нашим домом какой-то мужчина возбужденным голосом заявил нам, что все без исключения мы уже поражены смертельной дозой радиации, в связи с чем нам уже некуда спешить. Одни прятались в местных убежищах в

подвалах домов, другие, более дезориентированные, выбегали в неглиже на улицы, где пытались хоть что-то выяснить. За несколько десятков секунд (именно столько времени понадобилось, чтобы добраться до перекрестка Аллеи Освобождения и Шестой Поперечной, где находился вход в назначенную нам шахту) улицы заполнились разгоряченной толпой. Уже были заметны все признаки молниеносно распространяющейся паники. Вокруг подъезда образовался и продолжал расти буквально на глазах гигантский затор, образовавшийся из брошенных лишь бы как припаркованных машин. Я видела обособленные группки людей, стоявших на тротуарах с задранными вверх головами, подальше от разгоряченной толпы. Могло бы показаться, что их неподвижность свидетельствовала о совершенном безразличии, вытекавшем из полнейшего отказа действовать или же из странным образом понятой храбрости, но, скорее всего, все эти люди были загипнотизированы тем, что видели вверху. Сама же я уже не осмелилась поднять глаз: в каждое мгновение я многократно переживала чудовищный удар сверху, размазывающий меня по асфальту и вдавливающий в глубины земли. При всем этом, попытка бегства в укрытие казалась

мне жалким и совершенно напрасным трудом. Но вот Марку наша ситуация вовсе не казалась в такой уж степени безнадежной. В последний момент ему удалось завести автомобиль в узенький проход стискивающейся уже перед нами пробки, благодаря чему мы добрались почти что до самого входа. Остановленные в куче брошенных машин, мы оставили наш автомобиль на средине мостовой, напротив ресторана "Циприада". Именно там я чуть ли потеряла сознание, когда произошло нечто, чему я понапрасну подыскивала соответствующее наименование.

Так вот, неподалеку от нас, возле самого тротуара, в тротуаре было круглое отверстие с отодвинутой в сторону крышкой. Это был люк для сантехников или что-то в этом же духе. Все случившееся произошло со скоростью быстрее скорости мысли. Я как раз захлопнула за собой дверцы машины, как вдруг углом глаза увидала, как от упомянутого люка оторвалась какая-то расплывчатая тень, затем припала ко мне, закружилась вокруг моего тела и со скоростью молнии понеслась в сторону входа. Я даже и мигнуть не успела, как она вновь очутилась рядом со мной. В течение какой-то мельчайшей доли секунды образ сделался резким, и тогда мне показалось,

что я даже узнала в нем что-то знакомое, нечто вроде притормозившей в бешеном порыве человеческой фигуры, сильно контрастирующей со всем окружающим, которая пятном абсолютной тьмы зарисовалась на фоне серебристой стены дома, завибрировала словно сильно дернутая струна, а потом помутнела и тут же пропала в глубине улицы. Явление — иначе я не могу этого назвать — длилось не более одной пятой доли секунды. Ход явления не сразу дошел до моего сознания, ибо мысль о том, что я увидала и что смогла через мгновение проследить в собственном воображении лишь благодаря определенной инерции изображения на сетчатке глаза, скристаллизовалась в моем мозгу лишь тогда, когда все давно уже закончилось.

До находящейся неподалеку станции лифтов мы добрались бегом. В холле царили неописуемая толкучка, балаган и нервная грызня. Хватало и отвратительных сцен, которые я пытаюсь как можно скорее стереть из собственной памяти. В конце концов нам удалось вскользнуть в один из лифтов, на котором, спрессованные в чудовищной толкотне, мы спустились вниз. Остатки подавленных под ногами чемоданов остались в холле. Спасти мне удалось лишь этот дневник,

чему я радуюсь гораздо сильнее, чем если бы сохранила всю бижутерию. Впоследствии мне сообщили, что внизу мы оказались в восемнадцать минут четвертого. Самое время, потому что — как стало известно позднее буквально через пару десятков секунд после нашего прибытия все ведущие в наше убежище шахты были закрыты. Через минуту после отключения лифтов мы услыхали слабое сотрясение земли. Кратковременная дрожь подействовала на все предметы, но — насколько мне известно — в нашем сегменте ничего не случилось. В этот страшный момент все наши мысли обратились наверх, к гибнущему городу. Умершие навечно застыли в моих глазах, которые сами спаслись, похоже, лишь затем, чтобы сохранить и зафиксировать этот чудовищный образ. И теперь он будет мучить меня до самого конца жизни.

В то время, как я продолжал читать, вокруг моей головы в пространстве формировалась тонкая серебристая паутинка. В мерном движении воздушных потоков она покачивалась словно нерастворимая взвесь одной жидкости в другой, чуточку темнее, похожая на сплетающуюся петлю из прозрачного тумана или же образовавшуюся из нескольких слоев дымовой струи. Едва

воспринимаемое присутствие этого ритмично пульсирующего творения регистрировал какой-то самый чувствительный и настороженный центр в моем мозгу, из которого, лениво сочась, перетекала прямиком в центр памяти, даже не преобразованная и самое главное — еще не осознанная информация обо всем этом, Не отрывая глаз от текста, я несколько раз махнул рукой возле головы, как бы отгоняя щекочущую по лицу настырную муху, и вернулся к тетради.

Кабина 861, 9 VI 92.

У нас уже имеется собственный уголок, слишком тесный, чтобы назвать его комнатой, но достаточно обширный, чтобы каждый из нас троих мог сесть на отдельном месте. Выделили его нам после массы неприятных действий. При оказии выявились скрываемые до сих пор организационные недочеты. Некоторые утверждают, что в укрытие удалось попасть лишь четверти из обладателей права на вход. Тем временем, в главных залах такая толкучка, как будто на каждое место претендуют как минимум три человека. Скорее всего, места здесь продавались как участки на Луне; одно — десятку обманутым покупателям. Почему бы не построить укрытие, в котором могли бы поместиться буквально все

горожане? Ведь у каждого имеется одинаковое право на жизнь.

Меня постоянно мучает неуверенность, страх не отпускает меня даже во сне. К счастью, наше беспокойство не передается Генрику, который чувствует себя превосходно. Он немножко возбужден и, скорее всего, доволен. Мы сумели создать вокруг него атмосферу искусственной безопасности. Со свойственной ребенку наивностью он охотно принял наши объяснения, будто ночное приключение, случившееся несколько дней назад, и все случившееся потом — это нечто вроде интересной игры, что все мы участвуем во всеобщей тренировке организационной готовности, которая закончится в тот момент, когда всем надоест. Вот если бы каким-то образом я смогла обмануть еще и себя. Но, несмотря на самое откровенное желание, у меня нет доверия к тому, что мне говорят. Я выслушиваю самые разные утешительные мнения, обладающие одним и тем же принципиальным недостатком — в них невозможно поверить. Все это совершенно свободные и при этом фиктивные конструкции, родившиеся в разгоряченных умах. Они рождаются и распространяются в атмосфере огромной потребности в самоуспокоении. Их порождает реакция на все-

общий страх. Я знаю, что нам грозит смертельная опасность, ибо, похоже на то, что мы захоронены живьем. За это говорят четыре факта:

Во-первых, с самого момента сотрясения операторам ни разу не удалось установить контакта с поверхностью земли: ни по телефону, ни с помощью радио. Таким образом, мы лишены какой-либо информации. По мнению специалистов, отсутствие радиосвязи можно объяснить наличием громадного металлического тела, какой-то гигантской глыбы, которая, лежа над нашим Укрытием, образует барьер для радиоволн. Кстати говоря, те же самые специалисты не хотят или же не могут однозначно определить, что же, собственно, произошло, и тем самым оставляют нам лишь туманные предположения. Два других факта я узнала лишь сегодня утром. Так вот, вне зависимости от того, затыкает ли эта космическая глыба, как ее — из-за отсутствия лучшего наименования — все называют, либо ее там вообще нет, потому что покатилась куда-нибудь дальше — покинуть укрытие с помощью лифтов мы не сможем вообще, поскольку, за минуту перед сотрясением, в связи с нашей же безопасностью, они были (все сразу и по всей своей длине) залиты чем-то вроде молниеносно

застывающего бетона. Этот путь спасения отрезан раз и навсегда — впрочем, в соответствии с замыслом строителей, которые предусмотрели другие выходы, продуманные таким образом, чтобы дать возможность безопасно покинуть укрытие после термоядерной атаки. Я узнала, что отсюда выходит несколько обширных и очень длинных коридоров. Это горизонтальные, проделанные на огромной глубине и расходящиеся в различные стороны тоннели с выходами, находящимися в десятках километров от центра города. Могло бы показаться, что их крепления должны будить доверие. Но тут становится известным совершенно скандальный факт. При первой проверке, сразу же после сотрясения, оказалось, что все они за границами города забиты. Их затыкают очень твердые породы, которых — до сих пор — не удалось ни пробить, ни убрать даже с помощью взрывчатки. Администрация укрытия объясняет нам, что произошел совершенно непредвиденный сдвиг пород, в связи с чем мы должны теперь рассчитывать на спасение снаружи. И наконец, последний факт, по-видимому, самый загадочный из всех....

Я собрался перевернуть страницу, но не сделал этого. Рука, которой я опирался на фрамугу

двери, отказалась повиноваться. Мелово-белая, без капельки крови, она даже не дрогнула, когда я дернул ею изо всей силы, до боли в мышцах. Тогда я дернул еще раз. Где-то под стенкой упала лежащая на самом верху стопки какая-то книжка — и все. Все тело находилось в твердом словно сталь, не отпускающем ни на миллиметр захвате. Я застыл в прозрачной, прорезанной лишь несколькими трещинами стеклянной глыбе, которая еще не успела достать до потолка. Изнутри это выглядело иначе — будто со дна аквариума. Все испарения уже исчезающего тумана, студенистые полосы лиловых водорослей и щепы уже размазывающихся трещин своими остриями нацелились в меня. Я еще мог шевелить глазными яблоками. Видел, чем являюсь. Я был коконом, ядром клетки, кристалликом конденсации — сам даже не знаю, чем. Или, может, я лишь терял сознание? На как долго? Или вообще навечно?

Я глянул в другой угол, где навечно были пленены они. Нет! — завопил я про себя. А потом еще раз: Нет — подумал я столь спокойно, как будто бы готовил очевидную ложь, вообще не требующую отрицания — это пройдет. Должно же пройти! А пока что я дал себя обмануть, сделать себя дураком — я, который уже догадывался, ба:

наверняка знал.

Проходили века. Чем было пространство, чем было окаменевшее время — во мне, в пучке застывших нервов, в которых играли токи страха. Вот этого я опасался более всего. Началось: надо мной склонялись бесформенные фигуры. Мне даже не нужно было их видеть. Я знал, что они меня окружают, что они существуют. Их долгие хороводы метались то туда, то сюда; временами они следили за мной, следили откуда-то из за спины, сбоку — даже не знаю. Я уже давно не мог шевелить глазными яблоками, которые сейчас были свернуты в сторону и застыли, как были при последнем повороте. В них стоял несколько затуманенный образ электрического выключателя. И вдруг к горлу подступил давящий страх — именно теперь, когда я понял, что какой-то ничтожный шанс у меня еще имеется. От клавиши выключателя до пальца, которым мне хоть как-то удавалось шевелить, оставалось где-то с полсантиметра. Преодолевая это расстояние, я чувствовал боль сдираемого ногтя. Наконец мне удалось нажать на кнопку. Сделалось темно, а вместе с этим — кратковременное ослабление прижима, который тут же усилился. Я зажег свет — тот же самый эффект: легкий рывок, а потом

конвульсивный зажим окружающей со всех сторон стеклянной массы. Свет — темнота — свет — темнота — и снова свет: я жал на кнопку. Все быстрее, в ритме пульсирующей в висках крови, как будто передавал какое-то сообщение азбукой Морзе. Обезумевший палец трясся в приступе малярии. Скорлупа вошла в резонанс. Периоды колебаний подстраивались друг к другу.

И наконец у самого уха грохнул оглушительный, сухой треск, будто разряд в камере высоких напряжений. Я бросился назад. На меня упал обильный дождь блестящих искр. Я глянул на себя: с ног до головы я был обсыпан серебряной пылью. Через выбитые одним пинком двери я выскочил в коридор.

4. АПОРИЯ

— Ина!

Звук имени прозвучал в моих ушах так глухо и чуждо, как будто их произнесли не мои уста. Я лежал у края ковра, за столом, в том месте, куда приполз много часов назад, поскольку, не имея возможности вынести бремени тишины, навязанной дыханием Ины, к тому же усиленной ударами ее сердца, я вырвался из ее объятий, чтобы сбежать в самый дальний угол.

Но тут же, пораженный углубляющейся до самой бесконечности пустотой черноты вокруг меня, я вновь пожелал услышать ее голос, пускай даже потом мне пришлось бы об этом пожалеть.

— Ина!

Она лежала там, где я ее и оставил: неподвижная, с вытянутыми вдоль туловища руками, словно мертвая.

— Где мы находимся? Ина, ты знаешь?

Она пошевелилась и прижалась ко мне, но по движению ее век, которое я почувствовал под своими, лежащими у нее на лице ладонями, мне стало понятно, что она меня не понимает.

— Я слушаю тебя, Рез, — тихо шепнула девуш-

ка.

Она меня не понимала и, естественно, понимать не могла. Ведь этот вопрос я задал, скорее, себе, а не ей; задавая же его Ине, я прекрасно знал, что отвечать на него придется самому же.

Или же нужно было удовлетвориться тем, что я узнал к этому моменту: жила-была себе "земля" и "город Каула-Зюд", под ним же — "укрытие", держащее меня, как и множество других плененных в нем. Насколько же гладко родилось у меня подобное предложение — теперь — когда после посещения сорок пятого уровня, я мог оперировать терминами. Вот только что заключалось в этих терминах? Понятное дело, мне они были знакомы: неоднократно я ласкал в себе глупую уверенность, позволяющую считать, будто достаточно дать какому-либо явлению название, и ты уже навсегда освобождаешься от необходимости его понимания. И к тому же... разве эти термины что-то объясняли мне? Способны ли они были навести порядок в хаосе мыслей, способных — самое большее упорядочиться всего лишь в одну шеренгу: последовательность слов, требующих нового ответа?

Так что, поставив себе этот вопрос — себе или Ине, это не важно — я, по крайней мере, понял,

из чего вытекало мое бессилие: можно было опасаться того, что в собственном незнании я остаюсь одиноким.

И вот тогда, как можно быстрее, я спросил во второй раз:

— Ина, а знаешь ли ты, где мы находимся?

— Тут, Рез, ты же и сам знаешь, — очень просто ответила она.

Тут, это значит где? Или ты сама на что-то надеешься?

— А, так вот что ты имеешь в виду... — в ее голосе все так же звучала нотка рассеянности, — про это я как-то и не думала. Для меня это как-то и не имеет значения.

— А для меня имеет!

Она приподнялась на локте, как бы желая что-то сказать. Несколько мгновений, подпирая голову одной рукой, другой она искала мою ладонь. После чего она придвинула свое лицо к моему так близко, что я почувствовал ее дыхание у себя на лбу.

— Здесь так жарко. Принести тебе чего-нибудь попить, — спросила девушка.

— Принеси.

Я слышал, как она ступала своими босыми ногами, направляясь к полкам, внимательно

прислушиваясь к каждому ее движению. Затем пришел скрип задетой лопасти вентилятора, осторожный стук посуды, скорее, касание, чем просто небрежное столкновение, после этого тонкий писк нажатого краника и, наконец, шорох переливающейся жидкости. Руки Ины безошибочно попадали на каждый разыскиваемый предмет. Меня изумляла точность ее движений, столь контрастирующая с моей неоднократно проявившейся неуклюжестью. Мрак (одинаково черный для нас обоих) никак не объяснял этих различий.

— Мы находимся в переходном состоянии, — услыхал я голос приближающейся Ины.

Тут я заколебался, не понимая, к чему эти слова относятся. Я столь далеко отошел в мыслях от темы нашего разговора, что теперь уже сам не смог понять Ину.

— Ты так считаешь?

— А разве тебе самому не кажется, что наша ситуация какая-то временная?

Странное дело, только сам я ничего по данному вопросу сказать и не мог. Мне хотелось его продумать и сохранить мысли для себя. Я уже настолько наотдыхался, что когда вновь улегся на ковре рядом с сидящей там Иной, то перспектива

дальнейшего валяния показалась мне совершенно невыносимой. Тем не менее, с места я не трогался. Может меня удерживала иллюзорная надежда на то, что собственным бездействием мне удастся перечеркнуть планы Механизма? Вот только рассчитывать на успех при подобной тактике смысла не было, поскольку временное бездействие могло быть одним из важнейших пунктов этого плана.

Но из указаний Механизма следовало, что моим предназначением была активность. Активность? — повторил я это слово про себя раз с десяток, всякий раз придавая ему различные оттенки, которые от нежелания вели к раздраженности, и выглядело это так, будто я держал в руках какой-то странный, неизвестный предмет с подозрительным запахом, вложенный мне в руки кем-то, воспользовавшимся мгновением моей собственной невнимательности, и вот теперь я перебрасываю его из руки в руку, до сих пор не понимая, что отвращение мое вытекает из реального безобразия этого предмета. Я находился "тут" как правильно определила Ина, воспользовавшись самым универсальным определением — и, дабы дополнилась мерка определений, к этому сам я мог добавить, что нахожусь "тут" еще

и "теперь". Таким образом, я существовал "тут" и "теперь" — во всяком случае, это не порождало каких-либо сомнений; словом: совершенно точно определяло лишь то, что само по себе ничего не значило.

Я до сих пор находился под впечатлением инструкций, сообщенных мне на "конвейере", и теперь представлял, что ожидаю приказа, возможно, первого импульса; знака, вызывающего действие, который, наконец-то должен был появиться в каком-то виде, пускай даже и самом закрученном, но, явно, лишь тогда, когда все ткани моего тела, достигнут состояния максимальной готовности; сигнала, который — в плане той же инструкции — обязан был пробудить во мне неотвратимость желания или необходимость действия, совпадающего с замаскированной программой Механизма. Но сколь же наивным было это представление, сколь бесплодным было долгое ожидание, то внутреннее подслушивание, установка на сигнал в сознании; я прекрасно понимал происходящее внутри меня: там не было ничего чрезвычайного, чего бы ранее я не распознал как собственное, разве что заливающие меня тупое безразличие и сонливость. Тем не менее, я ожидал, что раньше или позже

во мне замкнется какой-то контур, включится некий комплекс безусловных рефлексов, проявляющийся в сложной операции напряжения и расслабления мышц (снаружи это выглядит так незаметно), которая на простом языке называется подъемом с места.

Приходится встать, хотя и не вижу в этом ни малейшего смысла; я поднимусь не для того, чтобы что-либо предпринять, ни — тем более — чтобы реализовать какую-то программу, но встаю с пола лишь затем, чтобы изменить положение тела. Из этого дурацкого факта может вытекать и все остальное, столь же абсурдное, как и сам факт. Итак, переползу на новое место, затем улягусь в каком-то новом местечке, опять же, могу выйти в коридор, чтобы подпереть стенку там, поскольку даже сама перспектива приближения к Ине, возможность опереться на интуиции чувств как на последней спасительной соломинке не смогла пробудить во мне запала к выполнению многочисленных действий, которые — в иных обстоятельствах и в другое время — носят имя проявлений жизни. Я мог быть уверен в том, что нечто подобное произойдет в будущем; пока же что мне такая опасность не грозила..

Я размышлял о Механизме. Пытался отступить

к самым отдаленным по времени событиям, в глубины опыта, на самое дно памяти, где под осаждающимися поочередно отложениями множества анализов располагался самый ранний слой, а в нем — первая мысль о Механизме. Я не обещал себе, будто смогу извлечь эту мысль на гора с помощью единственной и сонной операции интроспекции; потому-то и пережил разочарования, когда мне вообще не удалось до этой мысли добраться. Возможно, что она была навсегда скрыта за таскаемым временем барьером для памяти, который затер контуры образов и покрыл густеющим туманом все, что когда-то происходило — если, конечно, происходило — но, может, это и не было даже мыслью, а всего лишь ее первое, еще не осознанное обещание, которое должно было дать начало бесконечному процессу изменений моего воображения.

Память позволяла мне отступить приблизительно на шесть месяцев; далее уже воспоминания начинали топтаться на месте: они крутились вокруг нескольких искалеченных и беспорядочно разбросанных в пустом пространстве образов, а еще далее — встречали одну только пустоту. Данные регионы памяти я пытался исследовать уже неоднократно; иногда даже терялся в до-

гадках, когда, располагая лишь выцветшими фрагментами статичных как правило образов или же вырезками этих фрагментов, я с громадным трудом пытался заполнять отсутствующие места, чтобы воспроизвести загадочное целое. В подобные мгновения я видал себя в различных случайных и мало чего выражающих позах: как я задерживаюсь перед заполняющим мою кабину оборудованием, как склоняюсь над блестящими на панелях рядами разноцветных кнопок, как всматриваюсь в экраны, либо, лежа на топчане, прислушиваюсь к звучащим в динамиках голосам.

В те наиболее отдаленные времена меня, по-видимому, не мучили никакие сомнения (во всяком случае, так мне потом казалось); впрочем, даже если бы тогда некая неясная ситуация и родилась, то, думаю, что у меня бы не нашлось ни времени, ни решительного желания, чтобы такую ситуацию рассматривать. Ведь все, что меня окружало, что вокруг меня происходило, было новым, привлекавшим свежестью первой встречи и в одинаковой степени необычным для еще не притупленных чувств. Тогда я еще не классифицировал вещей по степени их важности; для меня существовало единственное деление — на

вещи интересные и скучные. Таковых последних в те времена еще не существовало. Лишь только я проскальзывал над поверхностью какого-то интересного явления, как уже переносил взгляд на новое, исследование которого бросал на полпути ради следующего, в данный момент еще более занимательного. Поначалу наибольшее впечатление во мне вызывали неожиданные звуковые и визуальные эффекты, затем я немедленно переходил к поискам в различных уголках кабины, вытаскивая все более новые, все более необычные предметы, или же разбирался с приборами; впоследствии же я все чаще засиживался перед экранами. Это было просто чудесно: пробовать на вкус, щупать, глядеть и слушать, испытывать силу мышц, представлять и вновь, до головокружения, чувствовать всеми имеющимися у меня чувствами, поглощать волну напирающих отовсюду впечатлений и самому быть такой же волной, омывающей формы, запахи и цвета, проникающей сквозь поверхности явлений и вымывающей из них восхищение и страх в неустанном стремлении ко следующей кульминации, до самого конца, который вовсе не был окончательным барьером, а новым началом, указателем, ведущим к невообразимым пока что

взлетам. Я всегда ложился спать с верой в то, что следующий день принесет мне такую же порцию еще неизвестных мне впечатлений.

Все это время герметически замкнутый мир, в котором я существовал, не требовал какого-либо дополнения: он был миром абсолютным. В нем царила лишь сиюминутная потребность, а все необходимости и желания замыкались в круге взаимообуславливающих причин и следствий. Одно непосредственно вытекало из другого, столь тщательно вписывающееся к соседствующим элементам, что создавало впечатление непоколебимого совершенства.

Но уже с самых ранних моментов во мне дремала потребность в систематизации впечатлений. Она не проявилась в какой-то единственный миг, не сразу приняла ту форму, которую сам я мог бы назвать стремлением к осознанному синтезу. Почти всегда она проклевывалась на почве более или менее откровенного любопытства. Все чаще и чаще я задавал вопросы. Их я задавал при самых различных оказиях, целыми сериями, нечасто при этом задавая себе труд выслушать ответы до конца. Ведь случалось и так — особенно в самом начале этой гонки за знаниями — что динамики, не принимая во внимание ограниченность

способности моего понимания, становились чертовски нудными. На каждый вопрос они пытались дать максимально исчерпывающий ответ, что вызывало в моих мыслях хаос и нетерпение. Единственным спасением в этом случае было задать следующий вопрос, из совершенно иной области, не имеющий абсолютно никакой связи с предыдущим, а если это не помогало — тогда целую серию вопросов, что на какое-то время запирало поток красноречия, истекающий из динамиков.

Под конец моего пребывания в кабине ситуация кардинально переменилась мне во вред, потому что переменились роли. Теперь я уже не удовлетворялся лишь бы каким — лишь бы отвязался — ответом; наоборот, я требовал все более и более подробных объяснений, дополнительной информации, провоцировал динамики на предоставление подробнейших анализов — они же в своих суждениях сделались сонными и менее дружелюбными, частенько меняли тему, умолкали, когда я затрагивал наиболее существенные для себя темы, либо вообще уклонялись от ответа, ограничиваясь ничего не стоящими отговорками. Постоянная программа экранов ограничилась исключительно лишь трансляцией указаний

физиологической природы; достаточно подробно они отвечали на вопрос, что следует делать, чтобы выжить, и сделать подобное существование наиболее комфортным, не выясняя при этом, а чем мне следует заполнить такую удобную и безопасную жизнь.

Я снова подумал о Механизме. Собственно говоря, я не переставал думать о нем ни на мгновение; но теперь мои размышления о нем сделались совершенно иными. Я уже не приписывал ему никакой формы, ни локализовал его положения в каком-то строго определенном месте. Я размышлял о нем так, как размышляют о некоем абстрактном понятии, например, о распределении сил или же о судьбе, который среди конкретных, материальных вещей никакого соответствия не имеет. Я размышлял и о том, что передаваемая из уст в уста информация о его существовании, которую я воспринял и, не вникая в ее содержание, передал дальше, по необходимости должна была содержать массу упрощений, ибо была вынуждена снизиться до ограниченной способности моего понимания.

Наибольшим бременем для меня было предположение, родившееся под влиянием заключенного в инструкции внушения, будто я лишен воли.

Был ли столь очевиден факт, будто я не мог изменить того, что уже произошло (неважно, было ли это незначительное шевеление руки или же порождающий массу последствий долговременный процесс), что принадлежало к прошедшему времени, отстоящему от настоящего пускай даже на малейшую долю секунды, будто я был столь же бессилен, если бы речь шла о придании формы будущим событиям — то ли хорошим, то ли плохим? Наверняка будущее тем и отличалось от прошлого, что было мне еще неизвестно. Но было ли кроме этого какое-то другое различие между ними? Ведь все могло быть именно так, как во время демонстрации кинофильма, когда какой-то (произвольно выбранный) момент зритель, утратив сознание факта, что перед ним разыгрывается всего лишь необычайно правдоподобная иллюзия, соглашается с окончательной формой той части действия, которое уже прошло, но одновременно этот зритель верит в полнейшую свободу поведения героев, когда на самом деле — объективно — она давным-давно определена во всех своих подробностях вплоть до самого последнего кадрика фильма. Меня не убеждал сам собою напрашивающийся аргумент, будто бы можно было спокойно вырезать фрагмент

действия, чрезвычайно важный для дальнейшей судьбы героя, будто бы в этом фильме можно было бы что-то изменить или же снять его заново. Детерминизм ограниченного мира, рассматриваемый на примере фильма, ни в коем случае не отрицал существования сил внешних, в равной степени детерминированных, но существующих вне экрана, способных в любой момент совершить какое угодно изменение — совсем наоборот: довольно четко на их существование этот детерминизм и указывал, приоткрывая при этом ту банальную истину, что на самом экране, в рамках определенного действия, его герои не имели никакой возможности внести в свое поведение каких-либо изменений.

И ведь именно так все могло и быть: все заранее аранжировано внешней силой, через ее собственные законы — заранее установленное будущее во всех его подробностях. Но если бы я принял существование вольной воли, не понимая, что она всего лишь постулат, плод тоски по таковой, всего лишь желание — то, в таком случае, можно было бы спросить у себя самого, в какой же период времени стало бы возможным мое собственное влияние на формирование своей судьбы, когда могло появиться свободное решение, где находи-

лось то действие, которое не было бы вынуждено последующим звеном цепи необходимости — словом, в какое время мог бы совершиться тот самый феноменальный акт: свободный выбор. Ответ был очень простой и одновременно единственный, поскольку звучал так: сейчас. Ну конечно же, даже ближайшие прошедший и будущий периоды времени в расчет здесь не принимались, ибо нежелательная частичная деятельность из прошедшего времени могла быть самое большее — лишь повторена еще раз, а хотя бы даже и бесчисленное количество раз, чтобы вызвать иной эффект, что вовсе не меняло установленного уже раз и навсегда физического факта, что то первое действие уже произошло, и любое влияние на него было бы невозможным, а совершение чего угодно в будущем (уже сейчас — то есть на -"временном отдалении") то ли путем введения в него определенного элемента случайности, то ли исключение из него предусмотренного случая — с позиции настоящего времени также было невыполнимым без одновременного вмешательства в события этого будущего времени.

Таким образом, если что и можно было бы осмысленного сделать, чтобы спасти уверенность в свободе поступков, то следовало бы еще

доказать, что данная свобода располагается в периоде настоящего времени; следовало бы выявить, будто это предположенное в самом начале настоящее время обладает меркой, отличающейся от нуля, другими словами — что оно может вместить в себя какое-либо развернутое во времени действие, в особенности же, даже пускай только осознанное решение: акт выбора, не вынужденный автоматизмом непосредственного проявления. И вот тут-то появлялась совершенно непреодолимая сложность, ведь лишенный длительного существования момент между "уже было" и "еще только будет" имелся лишь в виде границы между прошедшим и будущим. Следовательно, то, что в быту называлось настоящим временем, не длилось даже в течение ничтожно малого отрезка секунды, оно было — если воспользоваться иной терминологией — верхним пределом упорядоченного собрания событий, принадлежащих прошлому, и одновременно, нижним пределом упорядоченных во времени событий, заключенных в будущем. Короче говоря, непрерывность времени устанавливала и всеобщий детерминизм.

К точно такому же выводу приводила и противоположная концепция: идея, предполагающая

существование квантов времени — то есть, отрицание непрерывности времени и введение элементарного подразделения, которое было бы наименьшим и неделимым фрагментом времени, при этом всякая иная длительность времени состояла бы из целого числа подобных фрагментов. Такое предположение вовсе не отрицало существования движения "вообще": оно указывало бы лишь на то, что движение невозможно на протяжении такого мгновения (замкнутого границами кванта), а далее — само подсказывало ответ на вопрос, почему это движение (или же, скорее, впечатление о нем) столь реально для чувств, которые прослеживают последовательные — статичные — фазы такого движения, всегда обращаясь к ближайшему прошлому (уже совершившемуся). Инерция всех органов чувств наряду с не меньшей инерцией самих мыслей в сопоставлении с гигантским количеством элементарных импульсов прекрасно объясняла впечатление плавной непрерывности всякого рода перемен, происходящих в окружении наблюдателя. Здесь вновь можно было бы прибегнуть к аналогии с демонстрацией фильма: все тела, рассматриваемые в данный момент (понимаемый как квант времени) вместе с на-

блюдателем и с ничтожно малым фрагментом застывшей в его мозгу мысли — были абсолютно неподвижными, точно так же, как и персонажи отдельного кинокадра во время статической проекции. Прошедшее мгновение (включающее соседний, уже показанный кадр фильма) находилось уже вне какого-либо воздействия, поскольку принадлежало прошлому. Настоящее время замыкалось в рамках единственного кванта времени, который был неделимым в силу самого определения: отсюда же вытекала и невозможность совершения каких-либо перемен в этих границах (на этом следовало и остановиться, чтобы уже не возвращаться к проанализированной перед тем концепции непрерывного времени).

Так чего можно было ожидать после следующей проекции? Неужели последующая конфигурация материи, последующая фаза объективной реальности могла бы появиться на четырехмерном экране вселенной в неполном виде? Если бы так было, тогда нам бы пришлось автоматически перейти в прошлое, тоже существующее в неопределенном до конца виде, также еще окончательно не готовое.

А раз я не мог согласиться с чуждым материализму предположением, будто существует не

развитое во времени явление, и если мне предстояло оставаться на позиции, будто никакая причина не способна вызвать мгновенного следствия (разве что только причина, существующая вне экрана, то есть — вне зоны, в которой была обязательной необходимость хода времени) — тогда, в связи со всем этим, мне приходилось признать, что определенное во всех своих подробностях будущее, при отсутствии настоящего времени (случай первый) либо же в результате отсутствия возможностей внесения изменений в границах этого времени (второй случай), прямо или косвенно переходит в прошлое и — что из этого следует — любая мысль о свободе поведения является мыслью исключительно субъективной.

5. СОН В СВЕТЕ ЛУНЫ

Когда, направляясь к лифту, я проходил мимо последних по коридору дверей, меня задержал доносившийся из-за двери разговор двух мужчин, которому предшествовал вопрос, заданный женщиной:

— Разве они живут?

— Как и мы: вот сейчас, в данный момент... — голос сделался тише, я подошел поближе. — ... И наверняка размышляют, — продолжил, разделяя паузами отдельные слова, тот же самый мужчина, — возможна ли вообще... жизнь... в такой как наша... ситуации.

Нескольких последовавших за этими словами предложений я не понял, как вдруг кто-то другой, акцентируя, подчеркнул:

— В данной точке пространства нельзя отличить... — Конца я вновь не расслышал. Через пару секунд отозвалась женщина:

— Этого я не понимаю.

— Ничего. Имеются такие, которые это понимают... и сегодня мы можем... должны на них полагаться.

Стоя в спускавшемся лифте, я осознал — под

впечатлением, возникшим из этого невольно подслушанного разговора — что, когда срывался с места, то знал, куда выбираюсь, а вот теперь — хотя и больше, чем ранее, понимал — уже этого определить не смог бы. При этом уже не играл особого значения тот факт, что наблюдение это — если подобную мыслишку можно было назвать наблюдением — не склонило меня к концентрации мысли.

Незадолго до того, как лифт застыл, человек, вошедший в него вместе со мной, ни с того ни с сего отозвался:

— Нас уже ждут.

Я сглотнул слюну, чтобы выровнять разницу давлений, вызванную опусканием лифта, и опер-ся о стенку. Выходит, несмотря на шершавый зажим слишком тесной одежды, которую я нашел на складе, и в которой мне было чертовски неудобно, несмотря на липкую поверхность стены, на головную боль и гадкое чувство во рту, несмотря на все то, что в сумме складывается в одно целое и определяет настроение момента, которое можно было свести к чувству постоянного неудобства — выходит, был где-то некто, меня ожидавший. И даже тот идиотский смех, переполнявший мои легкие, когда я думал об

этом — тоже был контролируемый.

Мы покинули лифт. Снабженный двумя рядами одинаковых дверей, длинный и узкий коридор незаметно сворачивал и шел куда-то далеко-далеко, вплоть до скрытого кривизной стены источника света, который, отбрасывая рефлексы на блестящие от белой краски стены, бил в нашу сторону едва приглушенным, несмотря на значительное расстояние, конусом. Там, где в перспективе одна из стенок заходила за другую, на молочном фоне я увидал темную фигуру стоящего на широко расставленных ногах мужчины. Мы свернули в противоположную сторону. Через какое-то время тот человек, который меня сопровождал, сделал рукой такой жест, как будто собирался положить ее на ближайшей дверной ручке, но тут же, с таким выражением на лице, будто в последнюю минуту что-то припомнил, сделал резкий разворот, заграждая мне путь.

— Еще одно... — начал было он, но тут же замолк. При этом он глядел на меня так, будто намеревался отругать за какой-то неподходящий вопрос. И хотя на всем пути за нами не было ничего, кроме глубочайшей тишины молчания, я мог себе представить (на подобную мысль натолкнул меня его тон), будто все это время он, без секунды

отдыха, мне многое объяснял, и уж если сейчас приходилось к этому что-то прибавлять, то лишь потому, что я был столь невнимателен.

— Мы, — сказал он и отвел глаза, словно ему было стыдно напоминать о столь очевидном, — ...мы, персонажи из Его сна, обязаны позаботиться о том, чтобы Его не разбудить.

Повернувшись ко мне спиной, он еще что-то буркнул себе под нос, невыразительно и небрежно; под мышкой он держал короткий, обтянутый полотном шезлонг. Тот факт, что лишь сейчас я заметил этот странный предмет, лучше всего свидетельствовал о моем собственном замешательстве. Прежде чем я успел хоть что-нибудь спросить у него, мужчина толкнул дверь и отступил в сторону, давая понять, чтобы я вошел первым.

Мы очутились среди голых, чудовищно скрюченных и частично обуглившихся деревьев, с тем беспокоящим дыханием жаркой ночи на лицах, которое приводит мысль о самой средине лета; наши ботинки были погружены в сыпучей, серой пыли, на которую, несмотря на лиственный барьер, сверху стекал мрачный лунный свет, а высоко над нами, почерканное черными мазками стволов и как будто бы даже подпертое ними

— хотя и ужасно отдаленное — покоилось совершенно обворованное ото звезд, безграничное и глубокое темно-синее небо.

— Еще не все потеряно, — сказал он.

Придавленный этой пустотой, я стоял рядом с ним; он наклонился над окруженным пеплом пучком травы и оторвал широкий листок, по которому, оставляя за собой слегка влажноватый след, ползла маленькая улитка.

Я оглянулся. В распаханных на небольшом склоне бороздах лежало несколько недавно расколотых каменных блоков; острые края этих бесформенных образований творили границы между глубочайшей тенью и серебряным инеем отблеска, покрывающего освещенные грани валунов; далее, за осыпью мелких камушков вздымалась вертикальная стена: матово-серая плотина с черным отверстием двери, через которую мы только что вышли.

Человек удалялся. Я пошел за ним, послушный незначительному кивку, которым он меня призвал, доверяя ему словно оставшийся без хозяина пес, которого бросили на дороге и которого мучает горечь расставания.

За насыпью, окружавшей прилегающий к стене каменистый завал, открывалось свободное

от сгоревшего леса пространство. На песчаной равнине, покрытой пучками вереска, там стояло несколько одиноких, совершенно бесформенных сосен. Под их наклоненными к земле толстыми ветвями, на более светлом с той стороны фоне неба, виднелись обведенные лиловыми контурами фигуры людей.

Человек указал на них значащим жестом подбородка.

— Сколько же у них терпения... у них там. Поглядите же сами: они вовсе не отказываются, не разочаровались.

Я же глядел на его руки: в пальцах он разминал сломанную где-то по дороге обуглившуюся веточку; видимые из под грязного бинта разбитые костяшки правой ладони были покрыты струпьями только что свернувшейся крови. Я поднял взгляд. И как раз в этот момент из-за вершин сосен выпрыгнуло вверх и полетело в нашу сторону бесформенное темное пятно. Издали оно выглядело словно поднятая резким порывом ветра порванная на части, но соединенная нитями в одно целое громадная тряпка или же такой же огромный лист смятой и сожженной бумаги; когда оно в абсолютной тишине пролетало над нами, человек припал ко мне и грубо заткнул

мне рот раскрытой ладонью.

— Тихо, — прошипел он. — Или же вы желаете...?

Хотя, принимая во внимание его предыдущее поведение, я как раз и мог ожидать от него чего-то подобного, этот неожиданный и, явно, безосновательный прыжок в мою сторону и довольно-таки болезненный прижим, которым он давил мои губы, удивили меня гораздо сильнее, чем эволюции планирующего над нами загадочного объекта.

— Так ведь я не промолвил ни слова... Это вы... — Я замолчал.

Грохот этих слов еще переходил между нами. Я же глянул вверх: "полотнище" снизило свой полет, закружило надо мной, когда же я отбежал на несколько шагов в сторону, спикировало еще ниже и повисло над мужчиной. Теперь я уже вообще перестал что-либо понимать. Он начал совершать вокруг себя какие-то странные, резкие движения, словно боролся с чем-то или же наоборот, хотел удержать это что-то, а то опять стал этот таинственный предмет от себя отгонять. Когда из отбрасываемой деревом тени я перескочил на новое, залитое лунным сиянием место, то узнал в этом предмете шезлонг, который мой товарищ по этому путешествию таскал с собой. В этот миг

человек подскочил метра на два и повис. Держась обеими руками за поперечную раму, которая в обычных условиях образовывала подставку под ноги, он то болтался на ней словно на качелях или же на трапеции, то подтягивался и переворачивался, подобно хорошо подготовленному гимнасту. В конце концов, после нескольких активных рывков, он застыл на месте. Вытянувшись струной у него над головой, шезлонг напрягался и изгибался, как будто какая-то сила пыталась поднять его вертикально в небо.

Застыв на своем месте, я не мог избавиться от впечатления, будто человек был плененной на конце лески рыбой, а мерно подрыгивающий шезлонг колышущимся среди невидимых волн поплавком. Все это длилось не более пары десятков секунд. Когда же я наконец подбежал к мужчине и, вцепившись в его ноги, дернул вниз — он упал рядом, запыхавшийся и покрытый слюной словно после долгой и требующей отдачи всех сил драки.

— Мышцы... свело, — хрипел он. — Не мог... разж... паль...

Мы одновременно подняли головы. Развернувшись во всю ширь своих обрывков, "полотнище", теперь более скорое и подвижное, волокло за

собой хвост из драных отрепий, раз за разом подбивая им крутящийся во все стороны шезлонг. Внезапно оно окружило его замкнутым кольцом большого диаметра, и после этого шезлонг начал вообще вытворять самые невероятные штуки. Мало того, что он то складывался, то раскладывался тем или иным образом, насколько позволяли отдельные его сочленения, но он еще с молниеносной скоростью менял собственную форму, представляя многочисленные варианты чьей-то неисчерпаемой фантазии: скручивался, перегибался, преобразовывался, приспосабливаясь к массе новых, совершенно не предусмотренных его производителем возможностей, как бы заранее предугадывая различнейшие капризы своего хозяина. Мне показалось, что сила, которая сейчас им оперировала и которая полностью им овладела, желала всесторонне испробовать его или же только лишь узнать его действительное предназначение. Я же сам видимо тоже под влиянием экспериментирующей силы — сразу же понимал ее намерения и творческие усилия, с помощью которых сила желала выразить собственную мысль, хотя наверняка бы не смог их даже назвать или обозначить.

Неожиданно все это кружащее над нашими

головами шоу переместилось под стенку псевдо-здания, которое во время нашего пребывания на открытом пространстве заслоняло чуть ли не половину горизонта и приличную часть неба. Там — под стенкой — "полотнище" распалось на более мелкие клочья. Эти части, еще более подвижные, чем целое, с еще большей, чем ранее, энергией, начали кружить вокруг стоящего на земле шезлонга. На сей раз вид был просто отвратительный: он напоминал кружащих над телом жертвы пожирателей падали. Впечатление это усиливалось доносящимися с той стороны писками. Рой сконцентрировался на шезлонге. Вибрации черных, бесформенных пятен сокращали свою амплитуду, крики и писк делались все выше и тише, пока наконец всяческое движение не прекратилось: все, что до сих пор летало в окрестностях, осело на брезенте, сбиваясь в одну кучу.

Я не понимал, что со мной происходит. То ли потому, что слишком долго недвижно и излишне внимательно всматривался в одну дальнюю и темную точку, в результате чего у меня ненадолго закружилась голова, то ли совершенно по иной, не столь очевидной причине, как, например, потому что нельзя было согласиться с образом

мира, в котором все было возможно, который раз за разом издевался надо мною, над моим беспричинным присутствием в нем, выворачивая наизнанку всяческий смысл, делая меня при этом беспомощным пред лицом своих непонятных законов — внезапно я захотел, чтобы вот, сейчас наступил мой конец, чтобы именно на этом завершилось время моего здесь пребывания.

Я шел — а может мне так только казалось, будто я иду — прямо перед собой, туда, куда обязательно должен был идти, медленным, шаркающим шагом, словно на торжественном параде, в то время как сверху и с боку за мною внимательно следил, проводя световым лучом, раздутый и впаянный в мрак ночи синюшный шар Луны. Моя тень, смолисто-черная и длинная, будто парус распростертого крыла, очерчивала вокруг меня огромный круг; видимо, я должен был идти по кругу, потому что тень заступала мне дорогу и сомкнулась со мною в том самом месте, из которого я вышел.

Вновь я увидал мужчину. Прежде чем отозваться, он на мгновение приподнял голову и тут же быстро опустил ее низко на грудь, где она попала в узкое русло тени. Но, прежде чем это произошло, его исхудавшее, костистое лицо — как какое-то

время назад, в прямоугольник двери — всматривалось в Луну; я присмотрелся к этому лицу и вздрогнул. Ну почему я корил себя за то, что не удержал его от явной смерти? Это был Асурмар.

— Они насмехались над моим шезлонгом, — с ноткой триумфа в голосе заявил он.

— Так вы остались в живых, — вырвалось у меня. Предыдущее настроение уже лопнуло; вновь я был самим собой.

— По-видимому, точно так же, как и вы сам, господин Порейра, — ответил тот, непонятно отчего все еще сердясь на меня. — На сей раз нам удалось.

Лично я имел в виду его приключение, случившееся много часов назад, то есть, расставленную на него перед самым планируемым стартом ловушку, но, естественно, он не мог меня понять. И хотя говорил о чем-то совершенно ином, уже важной теперь опасности, к тому же явно принимая меня за кого-то другого, кем я никак не был, я уже отзываться не стал, потому что любой неуклюжий вопрос с моей стороны мог бы вызвать его изумление и требование объяснений, в которых — у меня были достаточно обоснованные причины опасаться этого — я тут же наверняка бы запутался.

Обернувшись в сторону отдаленной на несколько десятков метров матово-серой плоскости (уже раз названной из-за недостатка лучшего термина "плотиной"), мы направились к месту, где виднелось светлое, широкое отверстие выбитого в ней тоннеля, который — как могло показаться — не пробивал преграду насквозь. В какой-то момент, чтобы обойти свалившийся на тропинку ствол дерева, я выбрал иную, чем Асурмар, дорогу, который обошел помеху справа. Лишь только я сдвинулся влево, как встретил непреодолимую преграду: меня прижало к чему-то, что образовывало твердую и невидимую границу пространства. Загораживающая мне путь плоскость могла бы напоминать лист стекла, если бы не отсутствие каких-либо загрязнений и дефектов на ее девственной поверхности.

Еще раз — только теперь обогащенный новым открытием — я огляделся по сторонам. Меня так и подмывало, держась поблизости абсолютно прозрачного листа, обойти вокруг всю территорию и установить ее реальные размеры. И хотя, под влиянием мысли о своем товарище и неизвестной пока что его реакции на столь подозрительное проявление инициативы с моей стороны, я отказался от такой задумки, мое представление

об окружающем нас открытом пространстве подверглось принципиальному изменению. На самом деле, со своего места я не был в состоянии оценить, сколь велик был зал, по которому мы шли, но все-таки уже не мог расстаться с один раз появившимся подозрением, что упомянутый "стеклянный лист" окружал его со всех сторон, и только его внутренняя часть была реальной, зато все помещенное снаружи: часть деревьев и камней, а также выходящая за линию стекла покрытая вереском земля, не говоря уже о горизонте и небе — все это представляло собой лишь необыкновенно убедительный мираж.

В то время, как я занимался подобными размышлениями, Асурмар уже отошел на приличное расстояние, так что я потерял его. Пришлось ускорить шаг. У входа в тоннель никого не было. Если бы моя компания была для него важна подумалось мне — он бы меня подождал. Я, не спеша, обошел внутреннюю часть тоннеля, поочередно заглядывая в мрачные внутренности нескольких расходившихся отсюда коридоров. Через какое-то время я вернулся под стенку, изгнанный царившим внутри сквозняком. Потеряв всякое терпение, я уже намеревался было крикнуть, чтобы позвать Асурмара, как тут пришла давно

отталкиваемая в сторону мысль: я почувствовал себя просто смешным. Мой крик был бы самым банальным недоразумением. И вообще, что я, собственно, тут делал? Кем был для меня Асурмар, который в темноте спутал меня с каким-то Порейрой, если я только хорошо запомнил, и какое мне дело до людей, к которым он меня вел? Гораздо сильнее меня интересовала конструкция, вправду, неестественного, но из за того не менее притягательного открытого пространства. Я направился в тень деревьев.

И тут мой взгляд случайно упал на стоявшей под стеной лежанке.

— Нас уже ждут, — услышал я доходящий оттуда выразительный голос сидящего там Асурмара.

— Прекрасно, — ответил я со своего места, разозленный и с какого-то времени уже совсем решивший бросить его здесь. — Раз ждут... тогда почему... то, что вы, собственно... — заикался я.

Лежанка была повернута ко мне тылом; сам я видел лишь голову, расставленные в бок локти и выглядывающие снизу, из под материи, икры человека. Я подошел поближе и глянул ему в лицо. Может это расположение теней или необычная синева лунного света — но мне сделалось нехорошо; у человека этого было лицо трупа.

— Мы... — заговорил он: — Мы... персонажи из Его сна, должны позаботиться о том, чтобы Его не разбудить.

— Если вы представляете!... — повысил я голос, но тут же взял себя в руки. — С какой это целью уже второй раз вы выражаетесь столь загадочным образом?

— Потому что не все еще потеряно, — ответил он мгновенно, когда я еще не успел договорить.

Нет, что-то здесь мне начинало не нравиться. Из внутренностей тоннеля появились два человека, они осмотрелись по округе и, заметив нас, бегом направились в нашу сторону. Человек на лежаке повернул недвижное, теперь уже совершенно серое лицо к подбегавшим.

— Какие же все-таки они терпеливые... там, — тихо и мягко произнес он, тем самым тоном, который я однажды уже слышал. — Только поглядите: они никак не сдаются.

И тут я остолбенел. Один из прибывших мужчин — тут я никак ошибиться не мог: Асурмар собственной особой — схватившись за раму лежака издал из горла какой-то животный, до отвращения пронзительный звук. С лежанки отозвался голос не менее резкий, хотя несравненно более слабый:

— Тихо! Ведь не хотите же вы...

И после того произошла самая изумительная сцена: тот Асурмар, который только что прибыл, с виду совершенно спокойный, одним незаметным движением выкинул с лежака на землю второго Асурмара, который только что там располагался. Он сделал это с такой свободой, более того: так умело, как будто делал это уже не раз и не два, и как будто вываливал на песок не собственного двойника, но кучу тряпья. А после того, с непохожей на него миной забияки, растопырив пальцы на обеих руках, которые поднял на высоту бедер, слегка покачиваясь на ногах (что, по-видимому, должно было вывести наружу столь чуждую до сих пор для него юношескую готовность к молниеносному действию, если бы только появилась такая потребность), медленно повернулся ко мне.

— И это вас забавляет? — процедил он сквозь стиснутые зубы.

Я хоте было спросить: "что, собственно?", но меня остановил вызывающий тон его голоса.

— Возможно, мне и вправду не нужно было... — мягко, лишь бы что-то ответить, начал я, но вовремя прикусил язык, потому что предпочел не заканчивать этого рискованного предложе-

ния, тем более, что мое внимание приковал вид у моих ног.

Лежащий на земле человек на глазах таял. Именно так: таял — будет лучше, когда сразу скажу, что (даже в сопоставлении с предыдущими событиями) это было чудом, причем, в самой необработанной, ненамного отличающейся от схемы версии, на которой опирается значительная часть мифов, и которая подпитывает воображение детей, а у взрослых пробуждает недоверие и отрицание (на мои нервы точно так же бы никак не повлияла, скажем, "банальная" форма этого чуда, если бы я уже не трясся всем телом) — он таял, как будто бы был куском льда или же брошенной на разогретый металлический лист восковой куклой, а те части его тела (особенно ноги), которые уже растеклись, образовывали покрытые пузырями лужи серой густой жидкости, и они не испарялись, не впитывались в землю, но просто исчезали.

Когда мы оставили его там, лежащего в ртутной блестящей луже, под миражом глубокого неба, от него мало чего уже осталось: голова, спина и руки, которыми он дергал вереск словно тонущий веревку — видимо, не насытившись тем часом жизни, но не своими минами и обрубленными

словами, которые выплевывал из себя как попугай, еще желая участвовать в этом своем "бытии" и эксперименте, который закрывал в этом своем никаком существовании.

Я шел, опустив глаза вниз — словно виноватый — но мыслями снова и снова возвращался туда, к нему, к эти его театральным подергиваниям, таким дешевым, паршивым и сшитым белыми толстыми нитками, что они и не должны были вызвать во мне никакого иного чувства, как только глубокого отвращения, как только нежелания видеть столь паршивую игру — и, тем не менее, вызывали. Когда же я услышал цепляющееся всю дорогу, похоже, последние его слова: "Мышцы... свело... не мог... разж... паль...", я поднял глаза на Асурмара и на какое-то мгновение почувствовал себя обманутым дураком, потому что, хотя это не из чего, собственно, не вытекало и, скорее, многое это же отрицало, все равно, как-то не мог я избавиться от ощущения, что из них двоих — тот, кто остался, и был настоящим Асурмаром.

Возле входа в тоннель я оглянулся — земля была пуста.

— Его уже нет, — бросил я как бы самому себе, чуть ли не с меланхолией в голосе.

Асурмар что-то буркнул себе под нос, возможно,

даже и не мне, а своим мыслям.

Тогда я обратился к его товарищу:

— А вам не кажется, что факт этот находится в разительном несоответствии с, по крайней мере, одним из законов сохранения? И правом...

Тот притворился, что на него не произвела впечатления явно провокационная форма вопроса. Хотя он не промолвил ни слова, но пару раз зыркнул на меня, чуть ли не украдкой, искоса; и в глазах у него блеснула как бы веселая искорка.

Мы свернули влево, в мрак первого коридора, заканчивающегося образованной двумя парами дверей небольшой прихожей. Здесь — разве что исключительно с целью усложнения дальнейшего пути, потому что можно было пойти по широкому коридору — мы втиснулись в довольно узкую щель, в нечто вроде замаскированного прохода, который и привел нас в освещенную прихожую. Только лишь в этом месте мужчина, с которым я заговорил ранее, позволил узнать по себе, как его тронуло высказанное, скорее, свободно, без какого-либо нажима, замечание.

— Мне показалось, будто вы что-то сказали... — небрежно заметил он.

Я молчал. Мужчина стоял напротив меня в преувеличенно легкомысленной, как бы прези-

рающей меня позе. Руки он держал в карманах брюк, поднимался на пальцах, чтобы тут же качнуться на пятках, задрав кончики ботинок вверх.

— Закон... право... — усмехнулся он в мою сторону и заговорщически, фиглярно прищурил глаз. — Ведь вы же сказали "право", не так ли? — Тут он сделал долгую паузу и осмотрелся по сторонам, как бы желая призвать в свидетели каких-то возможных слушателей.

— Ну-ну... — буркнул он, — у вас это совсем неплохо получилось. Особенно это "разительное несоответствие". — Он разразился сухим и коротким смешком. — Клянусь, — тут он положил руку на сердце, — с этих пор буду относиться к вам со смертельной серьезностью.

Считая, что он тянет время сознательно, чтобы потом как можно больнее уколоть, взволнованный развитием этого фарса, я перенес взгляд на Асурмара. Тот стоял неподалеку, опершись рукой о стенку, поначалу с каменным выражением на лице, но теперь уже склоняясь к деятельному участию, потому что на губах уже появлялось какое-то поспешное разрешение, а может даже и тень издевки. Его же товарищ, продолжая держаться предыдущей роли (изумленного иди-

отизмом моего вопроса), набрал в легкие воздух, чтобы с тем большим преувеличением изобразить глубочайшую задумчивость.

— То, что я вам сейчас скажу, — наконец произнес он, именно вам, который там, с Лендоном, заснул словно молокосос на материнском лоне, всем вам покажется столь же идиотским, как и сама идея постройки этого паршивого убежища.

Он обнял меня рукой в поясе и подвел под стенку, где, не без обманной свободы и чего-то вроде доверительности, словно отец, который наконец-то собрался с силами заметить своего подрастающего сына, продолжал таким же ровным, хотя и чуть более громким голосом:

— До тех пор, пока раз и навсегда и неотвратимо мы не узнаем, чем является что-то: что угодно — с одной стороны, и чем является ничто: отсутствие чего-либо — с другой стороны, у нас не будет никакого права... вот именно: "права"! — утверждать, будто что-то не может появиться из ничего, и наоборот... Следовательно, такого права, никаких законов, у нас не будет никогда!

Он произнес это совершенно серьезно, тоном, никак не решающим сомнения, издевается он или нет, поскольку же я молчал, мужчина смерил меня быстрым, суровым взглядом, как бы желая

проверить, хватит ли мне столько. После краткого исследования моего лица он, видимо, пришел к заключению, что его высказывание не смогло обогатить моих взглядов по данной проблеме.

— Не поразила ли вас мысль, — возобновил он свою лекцию, что, хотя никому еще не удалось определить однозначно, то есть, в такой форме, которая бы всех нас удовлетворила и не требовала бы какого-либо дополнения или корректировки, что представляет собой материя, каковы ее атрибуты, это в то же самое время никак не мешает всеобщей радости, вызванной бесспорной, как вам кажется, уверенностью, что все прекрасно знают, что такое вакуум, пустота? А вакуум — это, чтобы как можно проще воспроизвести мысль ваших остроумных коллег, это, ни более и не менее, как только пространство, в котором нет материи. Вы ухватили уже смысл этой дефиниции: вакуум, это пространство, освобожденное от этого "чего-то", что совершенно напрасно с помощью собственных атрибутов пытаются описать ваши коллеги.

И он дохнул мне в лицо шумным, нервным смешком, что мне даже пришлось отступить от рванувшихся ко мне мельчайших капелек слюны. Когда же он вытаскивал платок, из-за

ближайших дверей до нас донесся возбужденный голос:

— Раниэль!

— А вам известно, зачем я трудился, чтобы все это вам сказать? Почему... — снизил он голос.

— Раниэль!

— Ну? — буркнул я после длительного перерыва, чтобы наконец покончить со всем этим.

— Я тоже этого не знаю! — выпалил он мне в самое ухо и поспешно отошел к месту, в котором стоял Асурмар.

В тот же самый момент двери напротив меня с грохотом распахнулись, и на пороге встал низкорослый мужчина в военном мундире со знаками различия полковника. Увидав его, оба моих товарища, как бы испугавшись сурового выражения у него на лице, молча прошли в комнату, полковник же, закрыв за мною дверь, обратился ко мне с вытянутой для приветствия рукой.

— Рад с вами познакомиться, господин Порейра, — начал он с широкой, хотя и весьма кратковременной улыбкой на синих губах. — Но в самом начале нашего знакомства вынужден все же вас разочаровать своим отсутствием энтузиазма к вашему здесь визиту, который — если смею признать откровенно кажется мне абсолютно из-

лишним. По моему скромному мнению, укрытие — это ловушка, отвратительная и вонючая нора, из которой мы должны поскорее и любой ценой выкарабкаться, прежде чем закончится запас воздуха и продовольствия. Ловушка — повторю — а вовсе не возбуждающая воображение кунсткамера или же святыня, изобилующая многочисленными тайнами, как это вам ученым, вообще, и вам, как физику, в особенности, постоянно все еще кажется. Я, — тут он пожал плечами и развел руки, — даже слишком тщательно выполняю распоряжения генерала Лендона, который направил вас сюда для разрешения загадки статуй, но раз уж могу что-либо сказать, то мои слова уж никак вам, господин Порейра, не понравятся. Если столь долго, как мы, биться головой о стенку, а та оказывается мало чувствительной к таким деликатным ласкам, то нужно быть ослом, чтобы продолжать ее ласкать. Так вот, чтобы больше не испытывать вашего терпения, при ближайшей оказии я со всей решительностью буду голосовать за применение термоядерного заряда.

— Ваша точка зрения не кажется мне совершенно ошибочной, — посчитал я необходимым вмешаться.

— Ошибочным? — подхватил он мое последнее

слово. Полковник глядел на меня из под длинных белых ресниц широко расставленными черными глазами, и мне показалось, что он вот-вот взорвется, как привыкли взрываться здесь все, без явной причины. — Не верьте им, — сказал полковник.

— Кому?

— В основном тем, кто оттуда вернулся. Асурмар уже что-нибудь вам рассказывал?

— Считайте, что ничего.

— Тем лучше. Это как раз Раниэль с Асурмаром должны были пилотировать два последних крота, и вы же слышали, что из того получилось. А теперь, на прощание, кое-что вам посоветую. Не принимайте серьезно все те глупости, в которые, возможно, захотят впутать ваш молодой ум.

— Я воспользуюсь вашим советом.

— Сент!

Эта фамилия мне уже была известна. За дверью заскрипел отодвигаемый стул, и тут же в коридоре появился небрежно одетый, худющий детина, становясь перед полковником по стойке смирно. Когда он, будто опытный служака, свел каблуки запятнанных маслом и не зашнурованных теннисных тапочек, полковник бросил на меня последний взгляд и обратился к нему:

— Покажешь господину Порейре приготовленную для него комнату, а потом расскажешь, где ему искать эти его статуи.

6. СТАТУИ

Сразу же за порогом, когда я зажигал свет, делая буквально второй шаг, я с размаху наткнулся на какой-то выступавший из пола твердый предмет и растянулся как дурак. Лежа с разбитым локтем, я закусил губу и со злостью на себя вспомнил последнее, наполовину шутливое предостережение Сента: "Поосторожней с сучком!" Я оглянулся. Если там и вправду был сучок, то я, видимо, должен был выбить его из пола и совершенно вырвать его башмаком, потому что на его месте оказалась небольшая черная дыра. Я уже собирался подняться, когда перенес взгляд во второй угол комнаты и заметил нечто такое, что заставило меня остаться на месте.

Первый взгляд не произвел на меня никакого особого впечатления, если не считать режущего глаз необыкновенно резкого контраста. В белой стене напротив были вылеты трех очень черных и глубоких отверстий. Долгое время я присматривался к ним с распыленным, несмотря на напряжение воли, вниманием, и никак не мог понять, какая из двух особенностей образа изумляет меня более всего: то ли бездонно глу-

бокая, практически нереальная чернота, или же очень разнообразная линия контура, придающая отверстиям определенную, однозначную и, как раз по этой причине, столь пугающую, чудовищную форму. Передо мной находились пробитые далеко, в самую глубину стены силуэты двух фигур: девочки и собаки. Очень резкая линия контуров — в виде границы между чернотой каждого отверстия и белизной стенки — складывалась в очень сложный рисунок, передающий тончайшие подробности этих силуэтов, заставляя вспомнить — хотя, в данном случае и не совсем уместное — подобие с персонажами из театра теней. Размещенное ниже всего третье отверстие не представляло собой ничего особенного: у него была форма идеального круга, точно также лишенного каких-либо подробностей в зоне черноты.

Я поднялся с пола и направился к этим отверстиям. И они тоже дрогнули; как по команде все три явно сдвинулись в сторону и несколько вниз, заходя частично на пол. При этом они сменили не только собственное положение, но и форму; их края сейчас приняли совершенно другое очертание, но — и как раз это показалось мне наиболее непонятным — несмотря на перемещение и

принципиальное изменение линий контура, они все так же оставались тем, чем были раньше: фигурами девочки и собаки, разве что видимыми чуточку с другого угла. Один только круг так кругом и остался.

Я протиснулся между узкой лежанкой и придвинутым к ней столом (на мгновение я даже утратил отверстия из виду) и подошел к тому месту на стене, где те находились в самом начале, и тщательно исследовал его. Стенка как стенка: местами гладкая, потом грязная и шероховатая штукатурка, обрывок запыленной паутины, какой-то подтек — но от отверстий ни следа.

Я быстро оглянулся. Фигуры девочки и собаки (теперь у меня была уверенность, что, вопреки первоначальному впечатлению, это не отверстия в стене, но проектируемые на нее тени отсутствующих объемных предметов, по цвету чернее смолы) переместились на новые места: теперь они пронзали другую часть пола и противоположную стену. И контуры тоже были не такими же самыми: они соответствовали силуэтам трехмерных фигур, видимых с другой, на сей раз противоположной стороны. Продолжая отслеживать их далее, с определенным недоверием, я сделал несколько шагов в сторону, после

чего пошел по кругу. Эффектом всех моих перемещений было то, что, двигаясь с точно такой же, как и я сам, скоростью, плавным движением они совершили такой же разворот, частично наложились друг на друга и вновь разошлись. Но характерным оставался тот факт, что они перемещались только лишь тогда, когда я менял положение наблюдателя; даже незначительному смещению моей головы соответствовало пропорциональное ему перемещение, при этом, если я шел вдоль одной из стен — они передвигались по противоположной. И лишь на полу, где-то приблизительно на самой средине комнаты, куда проецировались собачьи лапы и ноги девочки, тени... нет, все-таки дыры (ну никак я не мог избавиться от этого впечатления) были почти что недвижными, они держались одних и тех же мест, в то же время устанавливая зону оси, вокруг которой и вращалась вся эта карусель.

Я все еще не смел вступить в самый центр комнаты, хотя до меня уже доходило, что именно там и находится ключ к разгадке всей тайны. Чернеющее на полу неподалеку от моих ног отверстие бездонного колодца имело не больше, чем сантиметров пятьдесят в диаметре. Я присел возле него и приблизил руки к краям. Ладони

еще не добрались до предполагаемого отверстия, как уже встретились с неожиданным сопротивлением; пальцы мои столкнулись с чем-то, чего вообще не было видно — они охватили гладкий и твердый шар, который лежал на полу, касаясь его поверхности в одной точке. Но только носителем этого впечатления было только тактильное чувство, поскольку зрение продолжало информировать меня о том, что передо мной вылет колодца. Широко раскрыв глаза, я глядел на то, что представлялось мне внизу. Та часть моих ладоней, которая очутилась под шаром, перестала существовать — пальцы попросту исчезли, срезанные краем черного пятна. Было такое впечатление, будто шар отлит из свинца, да еще и закреплен на полу в точке своего соприкосновения с полом. Я не мог ни поднять его, ни даже, хотя бы, сдвинуть с места.

Я поднялся с коленей и прошел в средину комнаты. Теперь, когда я глядел с близкого расстояния, да еще и сверху наискось, произошло значительное сокращение перспективы, и изображавшая силуэт девочки дыра полностью размещалась в полу. Контур ее ног пронзал плитки пола рядом с моими ботинками, она же сама — уже не то иллюзорное отверстие в полу или в стене, но сама

девочка — стояла рядом, на расстоянии вытянутой руки. Я прикоснулся к ее голове. Мои пальцы прошлись по густым, твердым волосам и спустились ниже, на личико. Я даже стукнул пальцем по этому лицу; хотя оно было твердым как сталь, никакого отзвука не издало. Потом я обнаружил глаза: под высоко поднятыми веками, скользкие и слегка выпуклые; в уголке одного из глаз был маленький комочек, нечто, напоминающее подвешенную в этом месте капельку, по-видимому слеза. Рот девочки был широко раскрыт, он как будто окаменел в крике, губы напряженные и гладкие, отполированные, точно так же, как остальное лицо, и такие же твердые как все остальное — как и вся статуя. Обходя ее, я забыл о близком, хотя и невидимом присутствии собаки. В какой-то момент я зацепился о выступающий из ее пасти клык и разорвал брюки от колена до самого края штанины. Чтобы компенсировать себе эту потерю, я уселся у собаки на спине с беззаботным желанием осмотреть ее обнаженные зубы. Вел я себя все более легкомысленно, словно маленький ребенок, поначалу оробевший от таящейся в каждой новинке угрозы, но подталкиваемый к ней неумолимым любопытством, и, наконец, осчастливленный обладанием

необыкновенной игрушки. Только эта ситуация и вправду была совершенно необычной. Я сидел, словно бы подвешенный в пустоте, на чем-то, что было абсолютно прозрачным, а подо мною зияла пропасть с контурами видимой сверху приличных размеров овчарки.

В конце концов, я покинул спину собаки, отошел в сторону и уселся на пол в том самом месте, с которого увидал статуи впервые. Путем механического сопоставления мне вспомнилось недавнее падение и его непосредственная причина — выбитый из пола сучок. Тут до меня дошло, что здесь что-то не сходится, ибо, хоть и выкрашенный под светлый орех — пол в комнате представлял собой толстую стальную плиту, и одновременно он был фрагментом бронированного дна укрытия (об этом я узнал от Сента, когда тот вел меня в назначенную мне комнату). Тогда я вытянул ноги перед собой и, скрючив туловище, оперся на локте над самым местом, из которого выпал этот предполагаемый сучок. Лицо при этом я приблизил на такое расстояние, что ошибиться уже не мог. Дыра в полу имела забавные очертания. Я накрыл ее ладонью и сомкнул пальцы — над самым краем черной дыры сидела малюсенькая мышка. Ясное дело — как и во всех

предыдущих случаях — никакого отверстия здесь и не было; имелась лишь спроектированная на пол тень прозрачной фигурки. Я не мог надивиться, с какой точностью были переданы все мельчайшие подробности потешной миниатюрки. Тоненькие проволочки усов, вытаращенные бусинки глаз, длинный хвостик, шерстка с каждым волоском, раскрытая мордочка и, наконец, миниатюрные ножки с мельчайшими иголочками коготков. Я взял мышку в руку и попытался поднять. Но, видимо, она была приварена к полу, потому что даже не дрогнула.

Вновь я пригляделся к статуям девочки и собаки, после чего перенес взгляд на шар и мышь. До сих пор — уж слишком поглощенный анализом оптико-геометрической стороны всего явления — в своих наблюдениях я пропускал вовсе даже немаловажный факт, на который обратил внимание только лишь сейчас. Фигуры не были поставлены случайным образом: все четыре статуи, воспроизводящие определенные и довольно-таки динамичные фазы остановленного движения, содействовали одна с другой в изображении какой-то сценки. Одетая в коротенькую юбочку девочка, слегка согнув колени, была сильно наклонена вперед, при чем поза

ее столь сильно отклонялась от вертикали, что это отрицало все законы сохранения какого-либо постоянного равновесия. Правую руку она протягивала в сторону... мячика (мне казалось правильным назвать шар именно так), левая же рука оставалась за ней, как будто желая подхватить только что выпущенный конец поводка. Сам поводок свисал с шеи собаки. Она же вырывалась вперед, но, может быть, совсем наоборот: притормаживала свой бег. Поза собаки казалась мне весьма многозначной: напряженные мышцы, широко расставленные передние лапы и отведенное в глубоком приседе туловище — все это могло указывать на то, что животное готовилось прыгнуть на убегавшую от него мышку.

Вот только кто и с какой целью задал себе труд, чтобы столь верно скопированную натуру без какой-либо более глубокой мысли замкнуть в форме этих тяжеленных фигур? Кем бы он ни был — наверняка он был лишен воображения и способности к оригинальной, субъективной интерпретации приходящих из мира впечатлений. Ибо, хотя физическая сторона данного представления была даже слишком изумительной, то сторона художественная — до банальности вторичной, как и любая попытка репродукции, если

не сказать: просто никакая.

С нарастающим чувством сонливости, вытекающим из естественной — на сей раз — усталости (перед встречей с Асурмаром я шатался по коридорам и, по-видимому, часов двадцать находился в неустанном движении), я еще раз осмотрел комнату. В одном углу, возле шкафчика с телефонным аппаратом, лежал перевернутый стул. Рядом с ним, в луже какой-то жидкости, на полу валялись осколки разбитого стакана. На придвинутом к лежанке столе, рядом с несколькими книжками, письменными приборами и беспорядочно разбросанными листками с записями, на блюдце я заметил приличный кусок ровнехонько обрезанного твердого сыра, а на накрытой сложенным одеялом подушке под стенкой — бутылку пива, свежераспечатанную пачку сигарет и спички.

Я уселся на краю топчана, слопал весь сыр, выдул пиво и взял сигарету. Когда я ее уже прикурил, мне пришло в голову, что так или иначе, то ли от имени генерала Лендона, то ли от своего собственного — а может, по сути своей, от имени Механизма — я мог бы, все же, заняться анализом уже сформулированной, хотя и не ставшей от этого легче решаемой, загадки. Прежде всего, как возможно, чтобы абсолютно прозрачная фигура

отбрасывала на находящиеся за ней предметы вообще какую-либо, и тем более, столь глубокую, тень? К тому же, при образовании этой тени совершенно не принимал участие свет, исходящий от подвешенной под потолком лампы. Может этим явлением управляли иные, совершенно не известные мне законы оптики? Какое-то время ничего осмысленного мне в голову не приходило, если не считать кружившей словно надоедливая муха мысли, что тени — независимо от того, где я стоял всегда располагались точнехонько за прозрачными статуями, как будто источник света был локализован в моих глазах. Глядя на свое отражение в зеркале, находившемся на противоположной стене комнаты, уже испытывающий ко всему безразличие, я подумал, что прежде всего нужно пойти в ванную, выкупаться и побриться. Окурок жег мне пальцы. Я бросил его в пепельницу, вынул следующую сигарету и — торжественно обещая себе, что сейчас поднимусь — вытянулся на топчане.

Сонливость брала надо мною верх; может, благодаря тому, что я просто не был в состоянии сконцентрироваться на чем угодно, продолжающее работать без участия воли подсознание само подсунуло мне готовое решение: статуи — вме-

сто того, чтобы пропускать — поглощали всю полосу падающего на них со всех сторон света, так что они не были абсолютно прозрачными, наоборот абсолютно черными. Ни один лучик света не покидал их поверхности — тут я был уверен на все сто. А вот как было объяснить факт, что чернота все время держалась фона, она все время оставалась там — на стенах, на полу, но не тут — на поверхности каждой из фигур? Это тоже объяснялось просто: освещенный край контура принадлежал фону и, естественно, оставался на расстоянии этого же фона, а сама чернота вообще не была, да и не могла быть где-либо локализована.

Я выпустил несколько клубов дыма и, прищурив глаза, приглядывался к ним. Глаза закрылись сами. Всего лишь на минутку... За стенкой из плохо закрытого крана капала вода.

Полковник стоял с другой стороны стола.

— Вначале погасите сигарету, господин Порейра, — сказал он.

— Могу и погасить, почему бы и нет, — ответил я каким-то не своим голосом.

— А во-вторых, я терпеть не могу мошенников. Ведь вы не физик!

— То есть как это? — возмутился я. — Докажите

мне это. Слушаю вас!

— Я сделаю это весьма простым способом. Вот содержание весьма легкого задания, которое превратит ваши мозги в кашу.

Он взял со стола чистый листок бумаги, подложил под него книжку и подал вместе ручкой.

— Ну, знаете ли! — изобразил я разгневанность. — Что это еще должно быть? Экзамен? Я мог бы вообще выкинуть вас за дверь, ну да ладно.

— Два тела были брошены с поверхности шар вертикально вверх... диктовал тот, уставившись в потолок, — в вакуум, в гравитационном поле с напряжением "же", с начальной скоростью "вэ", с отступом по времени "тэ". Рассчитайте... — тут он снизил голос.

— Рассчитайте... — повторил я за ним. При этом я подумал, что мог бы легко подлизаться к полковнику, если бы только встал и отдал салют, вот только мне никак не хотелось шевелиться.

— ...рассчитайте, где и когда эти тела встретятся.

— Хорошо, — сказал я. — Эту задачу я вам решу, только идите отсюда и не стойте у меня над душой.

Тот вышел. Я же перевернулся на другой бок. Листок с текстом задачи выпал из моей руки;

передо мной был лишь туманный образ: "Два тела в вакууме".

Вновь я был там: в клетушках лифтов, в толпе разгоряченных рук, в лабиринте коридоров. Все время я за кем-то гнался, а может это кто-то гнался за мной; сердце мое колотилось в пустой груди, когда мы бежали по шумному коридору под грохот тяжелых башмаков, и вдруг я застыл на самом дне ночи даже не знаю, что это меня задержало на бегу. Вот только: "где и когда?". Совершенно запыхавшись, я стоял под стеной; со всех сторон меня окружали шорохи. Это вода, стекающая откуда-то с потолка — то тут, то там барабанила по полу, пока меня не замочило проливным дождем. Ближайшие двери распахнулись настежь. Кто-то выходящий заколебался и отступил куда-то в сторону, но когда я вошел вовнутрь, этот кто-то тоже переступил порог и остановился на месте. Наши руки одновременно легли на дверную ручку и сплелись на ней с одной и той же стороны двери, когда же моя другая рука исследовала незнакомое лицо, чужая рука на дверной ручке стиснула мою руку. Это была Еза Тена — женщина из ванны. Я отдал ей дневник именно с этим именем на обложке.

— Какая приятная неожиданность, — обрадова-

лась она. — Ведь это самая дорогая вещь, которую я потеряла. Огромное вам спасибо.

Мы стояли напротив друг друга, ее дыхание высушивало мое лицо, в ушах моих звенела ничего хорошего не обещающая тишина.

— Здесь так темно... — шепнул наконец я.

— Ну что же... вы сам знаете! Но давайте войдем в средину.

— Может вы куда-то собирались, может я в чем-то вам помешал, может...

— Да вовсе нет! Все равно, такой дождь... а кроме того, у меня сегодня гости.

— Раз так, все равно я не могу им показаться, потому что разорвал штанину.

Тишина, а в ней стук удаляющихся шагов.

— Да ничего страшного! Сейчас мы этому горю поможем, — донесся издалека ее голос.

Она подошла ко мне, взяла за руку и провела в глубину мрака. Мы уселись на стульях, рядом друг с другом.

— А ваши гости не потеряют терпения?

Она приблизила свои губы к моему уху:

— Я закрыла их на ключ, пускай сидят. Что же касается ваших неприятностей со штаниной, то прошу не беспокоиться: для чего же имеются иголка с ниткой?

Она наклонилась вперед. Я почувствовал ее пальцы у себя на ноге. Еза подняла ногу и положила ее себе на колени.

— Собственно говоря... — произнесла она, характерно снизив голос, что позволило мне предположить, что у нее в зубах нитка, — если принять во внимание разницу в возрасте, то я могла бы быть вашей матерью.

Своей голой икрой я чувствовал тепло ее обтянутых нейлоном бедер.

— Не та ли собака напала на вас, которая, — вновь отозвалась она, — вот уже три дня сидит за порогом?

— Да, именно она. Теперь же могу надеяться лишь на то, что она не бешенная.

В мыслях я боролся с волнами наплывающего откуда-то страха. Мне было известно, что за дверью стоит плотная толпа: сюда пыталось ворваться десятка два человек, которые, стиснув зубы, пытались схватить меня. Двери не выдержали ударов: они выгнулись в нашу сторону словно поверхность надувающегося шарика и с грохотом лопнули.

Я схватился на ноги.

В зеркале мелькнуло отражение моего искаженного лица. Я замер, вглядываясь в положение

статуй, которые уже не были теми самыми статуями. Мне сложно было поверить в произошедшие в них перемены. Из-под топчана доносился длительный, разбитый на целую последовательность писков, тресков, шорохов и резкого скрежета отзвук ломаемого дерева. Я упал на колени и заглянул туда. Какое-то мгновение я еще видел изогнутую дугой доску, которая образовывала боковину ящика для постельного белья. Хотя и совершенно неподвижный, шар изо всей силы напирал на сопротивляющуюся доску, где-то на самой средине ее длины. На моих глазах доска с сухим треском разломалась. Шар все так же оставался на месте.

Я подбежал к телефону.

— Соедините меня с полковником, — крикнул я в трубку.

— С каким полковником? — спросил матовый женский голос.

— С каким угодно?

— Может это быть полковник Гонед?

Спокойный тон вопрос довел меня до ручки.

— Да тут крайне важное дело! Поспешите, — прошипел я в микрофон с едва сдерживаемым бешенством.

Тишина. Я глядел на статуи. Они были такими

же недвижными, как и раньше (не знаю почему, но именно этот факт, я про себя акцентировал). Но в течение моего сна они передвинулись совсем в другие места и застыли в новых, выражающих уже совершенно иную фазу того же самого движения позах, в постоянном — хотя и неухватимом по времени — стремлении к его продолжению.

— Полковник Гонед. Слушаю вас.

— Они движутся!

— Что еще за "они"? Кто это говорит?

— Статуи! А говорит Порейра.

Снова тишина.

— Ну и что? Пускай себе движутся, если им так нравится. А мне до этого какое дело?

— То есть как? Ведь... статуи! Вы поняли?

— Спокойно, господин Порейра. Вы кричите как сопляк, у которого только-только открылись глаза. Что вы, собственно, от меня хотите? Это ваша проблема, не моя! Прощайте!

Я был зол на себя, поскольку мог предвидеть такую реакцию с его стороны.

— А вы точно уверены, — спросил я, поскольку мой собеседник еще не повесил трубку, — чья это проблема? Что находится в соседней комнате, возле которой стоит топчан?

— Вы там сидите?

— Со статуями. Все время.

— Минуточку... погляжу на плане.

Он замолчал. Я глядел на пол. Две точки: место, где перед тем находился шар, и второе, место его нынешнего положения — соединяла прямая, процарапанная в краске и открывающая сталь пола, светлая черта. Более четкие, хотя и менее регулярные царапины виднелись за ногами девочки и возле когтей собаки. Правое колено девочки, согнувшийся ботиночек все правое предплечье соединялись с полом, заслоняя приближенное к нему и скрытое в всклокоченных волосах лицо, зато выброшенная наискось и в бок над изогнутым туловищем вторая рука с расставленными пальцами и выпрямленная левая нога повисли в воздухе. Вся фигура девочки представляла сейчас одну из последних фаз падения, как будто девочка на бегу споткнулась. Поза же собаки сейчас была еще более динамичной: она стояла на широко расставленных задних лапах, когти которой взрезали завитую тонкой стружкой краску, со столь изогнутым туловищем, как будто собака пыталась схватить себя за хвост. Ее передние лапы, оторвавшиеся от пола и вместе с частью туловища скрученные в бок, целились в ином, чем ранее, направлении — в сторону зеркала,

точно так же, как и вытянутая шея, раскрытая пасть и вытаращенные по причине какого-то внушающего ужаса глаза.

— Там находится подстанция высокого напряжения, — услышал я голос Гонеда. — И что с того?

— Тогда через какое-то время, час через три или позднее, шар взломает стену и попадет туда, в средину.

— Что? С чего это вы сделали такой вывод?

— Он уже разбил топчан, который стоял у него на пути, и все указывает на то, что очень медленно, но безостановочно, он приближается к той самой стенке. Можете прийти сюда и увидеть. Шар неслыханно тяжелый. Этого я вам еще не говорил, так как считал, что хоть какие-то факты вам известны. Не знаю, понимаете ли вы степень опасности, вытекающей из громаднейшей инерции этого шара. Потому что масса у этих статуй просто невероятная. Точно такой же величины фигуры, отлитые из свинца или даже платины, были бы перышками по сравнению с их массой, которую пока что я просто боюсь оценивать. Я знаю лишь одно: шар будет разрушать все на своем пути, и, возможно, вы даже не найдете способа его остановить.

— С этого нужно было начинать. Сейчас буду на месте...

Гонед продолжал говорить, но по резко уменьшившейся громкости голоса я понял, что он отвел микрофон ото рта и обратился к кому-то другому.

— Раниэль! Возьмите себе в помощь Сента и пойдемте все в комнату теней. Порейра утверждает, что трансформаторам грозит опасность разрушения, а мы не можм позволить, чтобы произошел перерыв в подаче тока.

Через мгновение он отключился.

7. КИСЛОРОД И ОРУЖИЕ

В коридоре, ведущем ко мне в комнату, я столкнулся с Асурмаром. Он стоял в группе нескольких мужчин и женщин перед дверью с надписью СТОЛОВАЯ и был занят беседой с молодым, двадцати с лишним лет мужчиной, которому указал на меня рукой, когда я приблизился к ним.

— А вы не идете на ужин? — спросил он, выходя мне на встречу. Этим простым вопросом он застал меня врасплох, потому что я мыслями еще оставался со статуями, и только после его слов до меня дошло, насколько я проголодался.

— С удовольствием бы что-нибудь поел. Но, может, перед тем следовало бы чуточку привести себя в порядок? — указал я на свою несколькодневную щетину. — Как-то в последнее время не было времени...

— Глупости! — перебил он меня. — Опять же, у вас наверное нет талонов. Гонед не давал вам карты на довольствие?

— Нет.

— Обратитесь к нему при первой же возможности. А пока можете воспользоваться моим приглашением. У меня есть парочка талонов. В

канун своего старта Вайс подарил мне.

Во время этой беседы товарищ Асурмара стоял рядом с нами и присматривался ко мне вытаращенными, слегка мечтательно-отсутствующими глазами, в которых, однако, время от времени мелькали нетерпеливые искорки.

— Господин Уневорис, — здесь Асурмар указал жестом головы на молодого человека, — вот уже пару часов допытывается о вас. Похоже, что ему хотелось бы обменяться с вами парой слов на темы... скажем так... интересующие вас обоих.

— Дело в том, что только настоящий физик, как вы, сможет понять, что я имею в виду, — отозвался незнакомец, похоже, только лишь затем, чтобы я отнесся к нему дружелюбней.

Увидав, что он протянул руку, я пожал ее.

— Только поговорим мы в другой раз, — предупредил я его.

— Естественно, — вмешался Асурмар. — А вначале спокойно поужинаем. Зачем сейчас нервничать.

— Я имею в виду не дружескую беседу, не говорю и про приятное времяпровождение, — подчеркнул Уневорис, все еще силясь улыбнуться.

Асурмар легкомысленно похлопал его по плечу, затем повернулся к нему спиной и легонько под-

толкнул меня в направлении дверей столовой, одновременно открывая ее передо мной.

— Господин Порейра занял комнату Е-01, ту самую, что принадлежала Вайсу, — бросил он за спину, опешившему от его поведения Уневорису.

Я облегченно вздохнул, потому что беседа с кем-то, принимающим меня за понимающего в своей науке физика, одновременно сам носил в себе уверенность, будто сумеет со мной объясниться, я — на данный момент — должен был опасаться более всего. Прежде, чем я вошел в столовую, я отметил неожиданно появившееся у него на лице серьезное выражение; чуть далее, в самой глубине коридора мелькнула небольшая группа мужчин, в которых я узнал Раниэля, Гонеда и Сента. Они быстрым шагом направлялись к комнате теней.

— Каша, — сообщил Асурмар. — Похоже, что с соусом, и выходит, что-то новенькое.

Мы заняли очередь из нескольких человек к окошечку в стене, отделявшей кухню от столовой. В небольшом, квадратной формы зале, за тесно установленными один рядом с другим столами сидело уже более десятка здешних обитателей. Когда я забрал свою порцию и прошел с ней к столику, где Асурмар делал нам место

среди неубранных, грязных тарелок, я заметил, что большинство из присутствующих следит за мной с нескрываемым любопытством. Сам же я уставился на серую массу, покрывающую мою тарелку и принялся есть.

— Сами видите, — обратился ко мне Асурмар, — к чему приводит межсегментная изоляция. Отсутствие более широких контактов, заметных событий, недостаток интеллектуальных и духовных стимулов, принудительная бездеятельность — все это приводит к тому, что люди — в прошлом жители столицы — здесь воспринимают черты, типичные для маломестечковой ментальности. Впрочем, здесь нечему удивляться. Нам портят кровь организационные недостатки. Взять, хотя бы, такую мелочь, как удаление мусора. У нас тут его негде складировать, а генерал Лендон, как будто специально разозлившийся на наш сегмент, отказывает в разрешении открыть переборки.

Я глядел на него над исходящей паром тарелкой. Он же продолжал говорить о вещах, мне абсолютно безразличных. При этом он оставался совершенно обыденным: хладнокровным и деловым. И хотя на вид он ничем не отличался от фигуры, сопровождавшей меня при свете луны, его поведение разительно отличалось.

За соседним столиком шла оживленная беседа, смысла которой я долгое время не мог ухватить. В конце концов, к моему глубочайшему изумлению, оказалось, что касалась она отсутствия хороших сортов мыла. Наиболее рьяная и раздраженная спорщица заявила собеседникам, что того, которое им выдает кладовщик из отдела Гонеда, она никогда использовать не станет, опасаясь, что совершенно испортит кожу. После этого кто-то из ее товарищей рассказал анекдотец про этого кладовщика. Рассказ закончился вспышкой шумного веселья; развеселились и сидящие за соседними столами: видно, здесь постоянно подслушивали разговоры друг друга.

Я жевал приличных размеров кусок мяса, выловленный из разваренной каши, уже практически не прослеживая за рассуждениями Асурмара, потому что мои мысли были заняты высоким небом над стволами обугленных деревьев. Но тут за моей спиной кто-то грохнул кулаком по столу. Я оглянулся. Над залитым водой столиком стоял полный мужчина и размахивал бутылкой.

— Но это же скандал! — выкрикнул он. — Где обслуга?

Похоже, что никто не обратил на него внимания, кроме меня и женщины в белом халате,

появившейся в дверях кухни. Толстяк пнул загораживавший дорогу стул, подбежал к женщине и сунул ей горлышко бутылки прямо под нос.

— И что это такое? — грозно спросил он.

Ответ утонул в говоре.

— Мы живем здесь среди одних и тех же лиц, — снизив голос, продолжил Асурмар, как будто ему было крайне важно, чтобы его слова попадали только в мои уши, — поэтому каждый новый пришелец вызывает некое шевеление. Возможно, в этом есть что-то от желания выделиться среди знакомых — могу признать, в последнее время ставшее довольно болезненным и настолько же мелочное, сколько напрасное, а может, это нечто вроде желания похвастаться перед чужаком... даже не знаю. Вот поглядите на ту девушку, что сидит сама под стенкой. Она совершенно изолировалась от нас всех; свой бунт, направленный против "чего-то", она проявляет таким образом, что ежедневно содержимое первой ложки супа пуляет в потолок. А потом строит различные мины, не обращая внимания на присутствующих. Более всего она полюбила долгие, неподвижные взгляды, которыми никого из нас не одаряет, глядя исключительно на какие-то пятна на стене. Но вот сегодня принятые ею общие принципы

вовсе не помешали зыркнуть раз десять на вас. Понятно, что ей не хочется изменять раз и навсегда проводимому ритуалу, но, в то же самое время, она не простила бы, если бы вы — в ее усилиях — не оценили или, что еще хуже, просто не заметили ее саму. Вы можете спросить про страх. Согласен, он дремлет в нас наяву и во сне, но тут я должен подчеркнуть именно слово "дремлет". Ведь какое значение он бы принял на сегодня, если бы постоянно развивался? По сути дела, мы непрерывно варимся в чем-то, что напоминает уже достаточно развитую форму отупения. А оно само склоняет нас в сторону стабильности. А помимо того, всех нас охватывает и подавляет чудовищная скука.

— Скука... — повторил я за ним. — Именно она, в основном, вас травит? Выходит, не любопытство, не изумление и страх, заставляющий объединять силы, искать совместный выход из ловушки — но анекдоты про мыло, надутые мины и скука?

— Тихо... — прошипел он. — Ша.

Я чувствовал на верхней части ладони его ногти, которыми он царапал мне кожу, только мне уже было все равно.

— Как же это так?! — повысил я голос. — Почему же это я должен закрывать глаза на происхо-

дящее здесь? Разве там, на поверхности земли, где дано нам существование, преходящее бытие — то есть, жизнь, всегда в чем-то угрожаемая, встречались ли там более удивительные, чем здесь, феномены? И теперь мы должны заснуть рядом с ней — непонятой и непознаваемой до сих пор силой, которая, возможно, ищет с нами контакта, и в своих попытках совершает очередные ошибки? Выходит, нет залитых магмой кабин, существующих в замедленном движении статуй, равно как и вопросов — чем они являются и откуда взялись?

Лучше бы мне с этим не вырываться. Ведь я обращался не к одному Асурмару. Слова мои звучали в тишине, потому что, когда было произнесено первое, шорох разговоров затих, и все пары глаз были направлены теперь на меня. Асурмар несколько раз кашлянул, что-то хотел выдавить из себя, но ему это не удалось; в углубившейся тишине он заикался, блуждая взглядом по сторонам, переставил тарелку, как бы нехотя сбросил ее на пол, после чего, наконец, уставился на кухарку. Совершенно неожиданно он рассмеялся, но как-то невесело и нервно.

— Разве есть во всем этом нечто более удивительное, — сказал он, — чем в том факте, что

бутылка с этикеткой газированной воды не содержит, если не считать чистой воды, ни капельки газа?

Где-то в другом конце зала раздался короткий, одинокий смешок. На большинстве лиц читался гнев.

— И кто же несет ответственность за это? — рявкнул толстяк. Все это время он держал кухарку за пояс.

— Наказать ее! — подхватил кто-то.

Я не мог поверить собственным глазам. Асурмар подбежал к полному мужчине, вырвал у него из руки бутылку и, после недолгой суеты, силой всунул ее горлышко женщине за воротник. Среди громких возгласов и аплодисментов, однозначно выражающих одобрение, он держал — вместе с толстяком вырывающуюся кухарку за руки до тех пор, пока опустевшая бутылка со звоном не упала на пол и покатилась под мой столик.

Во мне боролись самые противоречивые чувства: то желание сорваться с места и положить конец этому гадкому зрелищу, то смешанность, вызванная начавшей доходить до моего сознания догадкой, что только что я нарушил некое страшное табу, Асурмар же попытался затушевать совершенную мною ошибку, какую-то непро-

стительную бестактность, не отступая перед самыми жестокими методами; то во мне рождалась мысль о необоснованности подобного рода предположений, а потом снова гадкое ощущение и нарастающее ошеломление. Я поднялся с места, видимо, намереваясь просто покинуть столовую, поскольку не видел для себя какой-либо роли, но, когда проходил рядом с промокшей кухаркой, та — с каким-то напряженным лицом — выпятила губы в мою сторону, явно с желанием плюнуть мне прямо в глаза, но, видно, ей не хватило слюны, в связи с чем она, просто-напросто, отвесила мне пощечину.

— Садист ученый! — прошипела она. — Пошел... гробовщик!

В данных обстоятельствах это были ужасно глупые слова, но главным был сам тон, в котором несложно было отыскать издевку и презрение.

— Вы правильно злитесь, но почему как раз на меня? — спросил я.

Видя, что та, молча, собирается ударить меня еще раз, я, абсолютно не думая — все происходило в ускоряющемся с каждым мгновением темпе — отпихнул кухарку, возможно, излишне сильно, потому что она наступила ногой на лежащую бутылку, зашаталась и упала спиной на столик,

перевернув его вместе со стопкой грязных тарелок, которые с грохотом разбились и разлетелись по всему залу. Теперь все были наспроены против меня, а я никак не мог понять, как до этого могло дойти.

— Как ты посмел ударить женщину!? — рявкнул чей-то голос.

Я глянул в ту сторону. Рослый мужчина с короткой стрижкой новобранца пробирался среди стульев.

— Я вам не боксерская груша.

— Ничего, сейчас ты ею станешь!

— Вы тоже, в случае необходимости, получите свою порцию, — отрезал я. Не могли бы вы развлекаться в собственной компании?

Бессмысленность этого скандала заставила меня почувствовать себя полным дураком. Я уже не слышал, что плету. Потом я почувствовал на плече руку Асурмара, который припал ко мне и, обняв за талию, потащил к двери.

— Умоляю вас, только спокойно, — горячечно зашептал он мне на ухо. — Ну зачем вы расцарапываете с таким трудом залеченные раны? Что, хотите начать все сначала? Какая в этом цель? Выходите отсюда, скорее, ну, скорее... бормотал он. Лицо его стало багровым, словно свекла. По-

том ему удалось выпихнуть меня за двери, и он хлопнул ими так сильно, что даже задрожала стенка.

Без каких-либо мыслей я быстро зашагал по коридору. Уже за поворотом меня догнали свист и окрики от дверей столовой: — Гробовщик! — потом снова свист и хохот. Я пожал плечами. Не собирался я заботиться этим инцидентом, впрочем, не единственным, сути которого мне дано было понять. Узкий и длинный коридор привел меня к двери, обозначенной номером Е-91. Моя комната. Я вошел в средину и заперся на ключ; мне хотелось только одного — хоть немного покоя.

В первый раз, когда я приходил сюда с Сентом, который куда-то спешил, мне даже не удалось заглянуть вовнутрь, поскольку меня тут же провели в комнату со статуями. Небольшая прямоугольная комнатка делала впечатление, как будто живший здесь человек вышел буквально только что: перед моим прибытием ее никто не убирал; ее предыдущий обитатель (я уже знал, что это был один из пилотов, Вайс) оставил здесь свои вещи со всем кавардаком. С чувством облегчения, вызванным надеждой, что уже не придется быть бездомным, я оперся о край стола

и критически оглядел окружавшие меня предметы. Под длинной стенкой, рядом с соседствующей с углом комнаты входной дверью, стоял узкий, односпальный топчан с выложенным наверх смятым постельным бельем, частично прикрытым наброшенным сверху цветастым одеялом; чуть повыше располагались полки, где, наряду с парой книжек, была разложена какая-то мелочевка, а уже над полками, заслоняя наполовину прикрытые дверки совершенно забитого встроенного шкафчика, в галиматье растянутых веревок, вместе с полотенцами и рубашкой висел костюм Вайса — все это, вместе с выдвинутыми из стенки ящиками и сложенной раскладушкой, которая каким-то чудом держалась под потолком на самой верхушке этой пирамиды, было собрано на плоскости одной стенки. Возле стола стоял единственный стул, втиснутый в кучу валяющихся на полу смятых бумаг, перемежаемых срезами пластмассы и резинок; к счастью, здесь отсутствовали остатки еды, благодаря чему, воздух не был испорчен. Зато тут царила такая теснота, что придвинутый к противоположной стене узенький столик практически соприкасался с краем топчана. Над столом в стене темнело, по размерам похожее на окно, громадное круглое

отверстие. Оно занимало большую часть этой стенки, хотя здесь не было никакой рамы или ручек для открывания; покрывавшее отверстие стекло являлось продолжением плоскости, с точно такой же гладкостью. За этим псевдоокном царил непробиваемый мрак. В прилагающей к выходу в коридор стене были еще одни двери. Я открыл их и увидал малюсенькую кабинку с торчащим сверху ситечком душа; даже здесь на квадратном метре, выложенном белой глазированной плиткой, стоял ряд запыленных пустых бутылок и какой-то хлам непонятного для меня предназначения.

Мыло я обнаружил в одном из ящиков; при этом я посчитал совершенно очевидным, что комнату мне передали со всем ее содержимым, так что я всем мог распоряжаться по собственному желанию. Вещами Вайса заниматься не было кому (о чем Сент упомянул мне во время короткого разговора в коридоре), сам же он пропал без вести в прилегающей к укрытию конструкции в тот самый момент, когда его аппарат похитили.

Убрав мусор из под душа, я разделся догола и вступил под струю теплой воды. Я уже хорошенько намылился, когда сквозь шум текущей воды услыхал стук в двери. Я решил не реагировать на

него, помылся и вытерся одним из полотенец, после чего надел рубашку и костюм Вайса. Пиджак был как на меня сшит, вот только немного жал под мышками. Зато брюки подошли словно по мерке. Старые, разорванные вдоль почти что всей штанины, я бросил под стол. В них я привлекал бы слишком большое внимание в коридорах и столовой. А может именно это и было причиной массовой враждебности ко мне — попытался было подумать я. Людей, как я уже заметил, гораздо сильней волновала забота о своем внешнем виде и соблюдении странных правил, обусловливающих запретами самые существенные темы, но никак не загадка жизни в необычном мире и опасение перед реальными опасностями. Но если условия принятой здесь игры того требовали, мне следовало позаботиться о том, чтобы ничем не выделяться, хотя бы внешне. Несколькодневная щетина на щеках и подбородке также без необходимости обращала на меня внимание. Нужно было наконец-то ее убрать. Станок с безопасной бритвой, крем и помазок нашлись в ящичке на полке. Зато нигде нельзя было найти зеркальца, а без него мне бы побриться никак не удалось.

В ходе дальнейших поисков мне в руки попались часы Вайса. Центральная секундная стрелка

двигалась. Похоже, часы были той конструкции, которая не требовала ежедневного завода. Сейчас они показывали десять двадцать пять. На циферблате под осью стрелок имелось прямоугольное окошечко с календарем; в нем можно было увидеть арабскую цифру "4" и римскую "III". "Четвертое", подумал я, и мне вспомнилась женщина из кабины, залитой прозрачной магмой, которую я во сне назвал Езой Теной, и ее дневник с датой катастрофы в Каула-Суд. Беда случилась четвертого июня, а сегодня было четвертое марта совпадение было неполным и, понятно, случайным. Если теперь был следующий год, то есть девяносто третий, выходит, с тех событий прошло ровно девять месяцев: время даже слишком долгое, чтобы закопанные в земле люди, очутившиеся в безвыходной ситуации, психически не сломались. Но почему тогда они реагировали столь странным образом?

Мне так и не удавалось обнаружить зеркальца; похоже, его вообще здесь не было. В конце концов, мне пришло в голову, что, раньше или позже, мне и так придется показаться на люди, хотя бы по дороге в столовую, потому что я не собирался морить себя голодом, и в связи с этим мог уже сейчас отправиться в комнату теней,

где — как помнил — на стене висело большое зеркало. Там бы я наверняка застал Гонеда, Раниэля и Сента, занятых спасением угрожаемой шаром подстанции высокого напряжения, и у меня был бы повод разыграть перед ними небольшую комедию, ни на что не обращая внимание бреясь в их присутствии, с таким скучающим выражением на лице, как будто здесь не было не только статуй, но и вообще каких-либо проблем. Тем самым я дал бы доказательство полнейшего безразличия, которое для них так много значило, и, может, в их глазах я бы восстановил все то, что до того реагируя совершенно естественным образом — столь неуклюже утратил.

Стук в дверь раздался во второй раз. Возможно, с той стороны стоял полковник Гонед, прибывший сюда с каким-нибудь меняющим все и вся распоряжением; а может и злящийся на меня, а может и — наоборот — склонный к оправданиям Асурмар, который должен был мне объяснение своей безответственной выходки в столовой; но, вероятнее всего, ко мне добивался тот парень с вытаращенными глазами, Уневорис, вместе со своей капитальной физической проблемой, которая из меня, предполагаемого ученого, легко сделала законченного идиота.

Я тяжело присел на краю топчана и притворился глухим. Кто бы там ни стоял за дверью и добивался ко мне уже второй раз — никого не хотел я сейчас видеть, тем более, что перечень опасений вовсе не был исчерпан. Там мог стоять мужчина с прической новобранца, которому, ясное дело, из-за бессмысленности его претензий следовало дать в морду, или же спасшийся пилот, сам Вайс, владелец моего костюма, или же — что было бы хуже всего физик Порейра, под личность которого я, пока что безнаказанно, подшивался.

Вот в каких силках я оказался, вот в какой ситуации пришлось мне стремиться к неизвестной цели и действовать вслепую: получалось, что здесь не было ни одного человека, который тем или иным образом мне не угрожал бы. "А Ина?" — мелькнуло у меня в голове. Я нашел точку опоры, и сердце застучало живее. Я сорвался с места, но моментально взял себя в руки. Откуда она? Здесь? Я ждал отзвука удаляющихся шагов, чтобы выглянуть. Но вместо этого услышал шорох у порога. Я глянул туда: на полу у двери лежал всунутый сквозь щель серый конверт. Принесший его человек ушел. Письмо было адресовано предыдущему обитателю этой комнаты: "Людовик Вайс, сегмент С, кабина Е-91 на этаже ноль" — прочитал я на

конверте. Поначалу, совершенно инстинктивно, я бросил письмо на стол, но тут же вновь взял его в руки. В письме могла содержаться ценная информация, которая могла бы мне открыть глаза на все здесь происходящее. В то время, как в мыслях у меня возникал непрошеный образ, настырное изображение кладбищенской гиены, с которой я себя поневоле сравнивал, пальцы мои уже разрывали конверт. Я читал:

Дорогой мой Людовик, как же мне тебя не хватает! У меня нет от тебя никаких вестей. Ты так долго не писал, тебя не хотят позвать к телефону можно было бы подумать, что с Тобой что-то случилось, если бы я не знала про ужасное состояние почты и про повреждения в телефонной сети между сегментами. С другой же стороны, я боюсь за тебя по причине того безумного решения, которое ты принял, вызываясь пилотировать подземного "крота".

Дорогой, ведь это все идеи приговоренных к смерти. Сколько километров отделяет нас от поверхности, какие трудности необходимо преодолеть! Отступи! Не верь этим сумасшедшим людям. Позволь убедить себя в бесцельности всех этих уже купленных кровью поисков, точно так же, как и я поддалась Твоим аргументам, когда

месяц назад Ты ознакомил меня с выдвинутой учеными — столь фантастической для нас в то время — гипотезой, которая, все-таки, оказалась настолько же правдивой, как и факт, что мы до сих пор живы.

Какой же Ты все-таки непоследовательный! Неужто ты уже не верил в то, в чем меня со всеми остальными убеждал? А ведь еще в предпоследнем письме сам объяснял мне, что разумные существа, которых люди веками в мыслях своих разыскивали среди далеких звезд, с самого начала истории соседствуют нам здесь, на старушке Земле, только в ее глубинах, и что нужно было произойти необычному событию, нужно было уничтожение раздавленного какой-то космической катастрофой нашего города и бегство в укрытие, вместе со всеми нами вдавленного в бездну, чтобы убедиться в этом и преодолеть всякие сомнения. Ведь Ты заверял меня, точно так же, как и другие, что, хотя мы и не можем пока что видеть сути их бытия, понять законы и условия, в которых они существуют, хотя их самих никто еще не видел, но десятки фактов свидетельствуют об их присутствии, равно как и том, что прекрасно зная нашу чудовищную ситуацию, они пытаются прийти к нам с помощью, и они,

вне всякого сомнения, могут нам ее предоставить. Ведь чем являются встречаемые то тут, то там замедленные во времени и необычайно массивные создания, если не произведенными ними и подсовываемыми нам под самый нос пробами, примерами возможности трансформирования — как здесь говорят — законов одного мира в законы иного, чем являются все эти способные к обычной жизни — и живущие! фигуры людей и животных, если не выдвигаемым ими материальным аргументом, что мы без всяких опасений должны решиться на даваемое нам предложение принять такую же, как у них самих, форму, чтобы жить в принципиально иных, по сравнению с поверхностью, условиях, раз нет никакой иной — кроме этой возможности спасения?

Неужто это я должна Тебя теперь успокаивать, чтобы Ты не опасался спасающего нас переноса в пространство с совершенно иным временем, в котором мы будем жить точно так же, как и здесь, даже не замечая какой-либо перемены? Опомнись! Терпеливо ожидай, когда исчерпаются скромные уже запасы пищи и кислорода, и тогда уже из необходимости мы все передадим им знак согласия и встретимся на "том свете"

Твоя Лиза.

Сегмент В, кабина А-18 на уровне 13, двадцатое февраля.

Письмо произвело на меня сильнейшее впечатление. Я не знал, что и думать о его странном содержании. Последний абзац удивил бы меня намного сильнее, если бы чуть ранее я не начал подозревать, что писательница письма была уже чуточку не в себе. Я уже собрался перечитать письмо, когда мое внимание переключилось на повторный шорох в районе порога. Точно так же, как и ранее, кто-то, находящийся снаружи, манипулировал в щели под дверью, только на сей раз там появилось не новое письмо, а проволока. Через несколько секунд проволока исчезла, чтобы появиться вновь, искривленной на конце словно крючок. Кто-то терпеливо царапал им по полу с явным намерением вытащить в коридор убранный ранее конверт.

Вот это уже было для меня слишком. Я быстро повернул ключ и рванул за ручку. Раниэль, который еще не успел подняться с коленей, глянул на меня с миной человека, обманутого в своих намерениях.

— И что же это вы тут вытворяете? — спросил я с деланным гневом.

Тот неспешно встал и отряхнул колени. Он

совершенно не казался смешанным.

— Вы же сами видели, — нагло ответил он. — Пробовал кое-что достать.

— Ах, так? И что же вы себе воображаете? — продолжал я с тем же гневом. — А вы, случаем не спутали это место с собственной комнатой?

— Вовсе нет! — ответил тот с разоружающей откровенностью, которая заставила меня задуматься. — Я видел почтальона, который всовывал сюда какое-то письмо. И я не ожидал застать вас здесь.

— Письмо адресовано не вам.

— А кому?

— Мне.

— Неужто? Покажите, пожалуйста.

— У меня нет привычки морочить головы другим своей корреспонденцией.

— Своей? Это еще нужно доказать.

Он стоял напротив меня, сунув руки в карманы штанов, покачиваясь с носков на пятки, с той же презрительной полуусмешкой на сером лице, как и тогда, когда мы разговаривали перед дверью канцелярии Гонеда.

— До вас еще не дошло... — тут он замолчал, прошел в комнату и закрыл дверь, указывая движением подбородка на раскладушку под по-

толком, — что я здесь какое-то время жил. Вместе с Вайсом, — закончил он.

— В такой тесноте? — удивился я, довольный тем, что можно сменить неприятную тему.

— Стола тогда еще не было, — объяснил он рассеянным тоном. При этом Раниэль осматривался по комнате, как будто что-то разыскивал, возможно, что письмо, которое лежало в моем кармане. Совершенно неожиданно он глуповато выпалил:

— А я что-то знаю.

— Завидую вам, потому что я, как раз, чего-то не знаю. Вот только не могли бы вы радоваться этому в одиночку? К примеру, у себя в комнате.

— Я что-то знаю, — уже с нажимом повторил Раниэль.

— Это самый надежный способ вызвать панику, посему ценю ваши усилия. Только на меня никакого впечат... — прервал я.

Раниэль всматривался в пучок ключей, которые я таскал с собой с того момента, когда вырвал их из двери во время бегства из стартовой камеры. Теперь, сменив штаны, я совершенно по-глупому оставил их на одеяле. Неудобно было бы теперь убрать их в карман. Я уже придумывал какие-то ответы, готовясь отбить все возможные расспросы, когда Раниэль поднял ключи, осмот-

рел их тщательно и, закружив ими в воздухе, тут эе вложил мне их в руку. Молча, он долго мерил меня взглядом, смысла которого я никак понять не мог.

— Было бы хорошо, господин Порейра, — произнес он наконец, — если бы мы поговорили откровенно.

— Ну, если вы имеете в виду...

— Мы уже обменялись кое-какими взглядами, — перебил он меня, — и хватит уже на сегодня всех этих мутных слов.

— Именно к этому я как раз и веду.

— Десятку имеют только два человека. Видимо, нет смысла их перечислять.

— Это излишне, — подстроился я под его тон. — Но говорите ли вы о количестве ключей?

— Хватит уже глупить. Я говорю не о количестве, но про номер одного из ключей. Того самого, который откроет нам двери десятого склада.

— Нам?

— А какая разница: кому?

Он открыл дверь, вышел в коридор и, стоя в небрежной позе, ждал, когда я пойду за ним. Лично я был полностью сбит с толку, потому что он, и вправду, мог что-то знать и тем самым погубить меня.

— Я совершенно не собираюсь сотрудничать с вами, — попытался я поторговаться.

— Сотрудничать? — рассмеялся тот. — Какими странными выражениями вы пользуетесь. Жаль, потому что я ставлю вопрос достаточно ясно, а идти собирался как раз к полковнику Гонеду... — тут он снизил голос. — Пошли?

Это уже был ничем не маскируемый шантаж. Я поддался ему тем скорее, поскольку, не зная его намерений, по сути своей не понимал, перед чем защищаться.

Локальный склад сегмента находился в конце коридора. Перед входом Раниэль глянул, чтобы проверить, не появился ли кто сзади, после чего дал мне знак открыть замок. С соблюдением точно такой же осторожности, которая меня вовсе не удивляла, он заглянул внутрь, когда же мы вошли, он прикрыл двери и, приложив к ним ухо, шепнул настолько тихо, что я едва его услышал:

— Вы, надеюсь, не верите в трансформации, знак согласия и тому подобную чушь.

Впервые он обращался ко мне столь откровенно.

— Это последнее из чудачеств, которое когда-либо могло бы прийти мне в голову, — немедленно заверил его я, понимая, как это для него важно.

— Прошу извинить. Я спрашивал, скорее, для порядка, ибо, кто знает, как разошлись уже границы этой эпидемии.

Не говоря уже ни слова, он кивнул в сторону полумрака одного из углов склада. Я принял этот жест за сигнал к началу действий. Поскольку же, понятное дело, я никак не догадывался, какую роль предназначал он в этой операции мне, на всякий случай, чтобы не выдать себя полным незнанием и немного потянуть время, я прибавил:

— Нужно хранить полнейшую тайну.

— Я сам, — шепнул мне Раниэль и указал рукой в другую сторону. Кислородные аппараты и излучатели вы найдете возле той вот стены.

Склад представлял собой довольно крупный зал, забитый под самый потолок наваленными на широких полках или же сложенными отдельно различного рода припасами. Кучи разделялись узкими, неправильной формы проходами. Идя в указанном Раниэлем направлении, я встречал пузатые мешки, ряды бочек, целые свалки деревянных и картонных ящиков, и чем дальше я продвигался, тем настойчивее добивались в мои мысли невеселые размышления, тем выразительнее рисовалась уверенность, что из меня

сделали дурака, если я пришел сюда без какой-либо цели, без предварительной разведки, ни о чем не спрашивая. В конце концов мне удалось найти кислородные аппараты с баллонами. Излучатели я достал еще раньше из покрытого свинцовыми пластинами сундука, на крышке которого была надпись "Гамма-излучатели", а рядом с черепом была нарисована желтая молния. Я захватил по паре того и другого и вместе с ними вернулся к двери.

Раниэля нигде не было видно. Время шло: минут десять, если не все пятнадцать. Я пошел в угол, указанный им в самом начале, потом обошел все помещение по кругу. Его не было. Где-то спрятался? Чушь. Вышел? То есть, как? — смешался я; а после этого начал волноваться уже серьезно. Я вслушивался в царившую на складе тишину. Да, вышел — признал я наконец. Само по себе было ясно, что добытое здесь оборудование следовало перенести ко мне в комнату. Только все это никак мне не нравилось: ни факт, что кто-то мною воспользовался, ни моя, якобы, хитрость, с помощью которой я пытался сориентироваться в незнакомой ситуации, но меня легко обвели вокруг пальца. Взбешенный на самого себя я бросил весь багаж под стенку, но тут же поднял,

тщательно проверяя, ничего ли не повредил, потому что, с Раниэлем или без него, в лишенном воздуха укрытии кислородные аппараты, так или иначе, были ценной добычей, вполне возможно, что не хуже чем гамма-излучатели. Я забрал все с собой, закрыл двери склада на ключ и быстрым шагом направился к себе в комнату.

Где-то в средине коридора я услышал голоса приближавшихся людей. Ну, не хватало еще, чтобы показаться им с таким необычным оборудованием обеспокоился я. В этот момент я находился рядом с комнатой теней. Вовнутрь я вскочил буквально в последнее мгновение. К счастью, кроме статуй я никого здесь не застал.

Девочка, которую перед тем я видел в конечной фазе падения, уже лежала на полу, припав к нему всем телом; собака застыла под стеной неподалеку от зеркала с явным намерением царапать когтями по штукатурке; шар же находился под противоположной стенкой — рядом с массивной стальной плитой, которую помощники Гонеда (перенеся разбитый топчан и оперев его о стенку в углу помещения) разместили на пути необычно медлительного перемещения мяча. Благодаря тому, что прочерченный прямой линией пол уже не был ничем заставлен, склонившись над мячом,

я заметил отсутствие последнего отрезка черты между ним и плитой, в связи с чем понял, что шар еще не отскочил от запоры, наоборот — он только к ней приближался. Мне было интересно, как станет проходить столкновение, которое обязательно произойдет после преодоления мячом последних сантиметров. С какой скоростью должно оно будет произойти? Вообще-то, ее можно было легко рассчитать, но мне не было важно точное значение. Из корзины для мусора я вынул большую перегоревшую лампочку и положил ее на полу между шаром и плитой, так, что она практически касалась и того и другого.

Здесь, в комнате теней — как вслед за Гонедом я называл ее — я чувствовал достаточно свободно; не нужно было ожидать, что сюда кто-то зайдет; у меня вообще сложилось впечатление, что люди избегали вида статуй, если только их не заставляли контактировать с ними, как, например, полковник. Я вынул из кармана приборы для бритья и пошел в туалет набрать воды. Затем побрился перед зеркалом в комнате. После этого (все время ожидая хлопка раздавленной лампочки) я взял один из кислородных аппаратов. Меня заинтересовала его конструкция. Чтобы проверить, как он действует, я надел его на спину. Баллоны

не были такими уж тяжелыми, а прикрывающая нос, подбородок и рот маска плотно прилегала к коже. Наверно я слишком сильно отвернул кран, регулирующий подачу кислорода, потому что от его избытка у меня потемнело в глазах. Когда же я поднял руки, чтобы потереть их, то застыть меня заставил резкий приказ:

— Не шевелись!

Я онемел. Из-за поставленного к стене топчана появилась фигура мужчины с коротко пристриженными волосами. Рекрут — как я его про себя называл должен был прятаться там с самого начала моего пребывания в комнате. Теперь он вышел из угла и присел на краю стола, все время целясь в меня из моего же излучателя. У меня же все еще были надежды, что это какие-то глюки от избытка кислорода. Только при первой же попытке снять маску я услышал вновь:

— Не двигайся! Свое задание ты уже выполнил. И перед смертью тебе, конечно же, хотелось бы узнать, в чем это задание состояло...

Я даже словечка не мог из себя выдавить, потому что маска закрывала мне рот. Мой взгляд приклеился к его пальцу на спуске излучателя.

— А цель его заключалась в том, — сухо продолжил он, — чтобы ты закрыл пилота Раниэля на

складе. — Тут он несколько раз гадко дернулся; если бы моя шкура не покрылась мурашками, я бы сказал, что он заходится от смеха. — Как видишь теперь, бывают рыбы, но бывает и плотва. Ты был имитацией как раз такой последней. Но подчеркиваю: был, потому что достиг своей славной цели и теперь можешь умереть с гордостью.

Он загоготал. Я чувствовал, что сейчас прыгну на него, несмотря на то, что у меня ни малейшего шанса не было. И в этот страшный миг у него за спиной раздался взрыв раздавленной лампочки. Естественно, что он не знал, что там произошло, потому и обернулся. И это меня спасло. Одним скачком я достал его сильнейшим ударом в голову. Он повис в моих руках и свалился спиной на стол; когда же я начал вырывать излучатель у него из руки, он незаметно согнул ноги в коленях, подтянул их к подбородку и ударил ими мне в грудь с такой силой, что я пролетел несколько шагов и рухнул спиной назад... в бездонную пропасть.

8. "ТОТ" СВЕТ

Выходит, время моего здесь пребывания прошло именно с этой целью. Время, заполненное неконтролируемым, наполовину осознанным движением, которое разнообразилось лишь попытками осознать события и реакциями, идущими по линии наименьшего сопротивления, время сонного существования, без какого-либо решения, период ожидания чего-нибудь и перемещений от стены к стене, пребывание краткое и не имеющее ценности, потраченное на столкновения с предметами и состояниями столь сцепляющиеся и расположенные друг относительно друга таким образом, что последний толчок с безошибочной точностью направил меня на предназначенный для меня маршрут, к какой-то двери, к одной из тысяч дверей, и только лишь затем, чтобы я повернул ключ в замке — и на том конец. Теперь же меня вычеркнули из списка, и я возвращался в глубины ночи, к тому самому источнику, который меня породил. Именно так я все себе и представлял: возвращение как падение в черную бездну.

Но почему это заняло мои мысли? Неужто это

был совершаемый во время полета, незадолго перед тем, как разбиться в лепешку, последний счет совести? Глупость: ни столь длительное падение не было возможным, ни само возвращение не было сознательным. Тогда, что же произошло?

Я размышлял все более трезво. Первым ко мне пришло опасение, что Рекрут поразил меня из излучателя, прежде чем мне удалось вырвать его у него из рук, потому что у меня сложилось впечатление, будто я ослеп. Но ощущение неустанного падения можно было объяснить и иначе: наверняка я висел в пространстве, в том же самом месте, только в состоянии невесомости, который давал те же физиологические ощущения, что и при падении в пропасть. Со всех сторон меня окружал заполненный ртутью непроникновенный мрак.

Ртуть? Откуда она здесь взялась, а точнее — каким образом я в ней очутился? Я терялся в догадках: все они основывались на предположении, что я до сих пор нахожусь неподалеку от места нашей стычки — всего лишь в нескольких шагах от своего преследователя, который не должен был прийти в себя скорее, чем я сам, в противном случае, он бы успел схватить второй, принесенный мною со склада гамма-излучатель.

Но перед радиацией я был защищен гораздо лучше, чем мог бы того желать. Ртуть удержала бы смертельную порцию излучения. К этому факту я прибавил удивительнейшее стечение обстоятельств, что незадолго перед нападением Рекрута я надел кислородный аппарат, что теперь спасало меня от удушения; и я получил результат, который было сложно принять, хотя он напрашивался сам собой: в момент смертельной угрозы Механизм брал меня под свою опеку, и он делал это самым наилучшим доступным ему образом. Только я никак не мог с этим согласиться: необычное стечение обстоятельств я не желал назвать чудом, ни объяснять его бесконечными возможностями Механизма.

Еще раз проследил я в мыслях, секунда за секундой, все, что происходило с момента моего прихода в комнату теней, особенно внимательно концентрируясь на драке с Рекрутом. Что находилось за мной в тот момент, когда он пихнул меня в грудь? Я уже достаточно хорошо знал план комнаты и расположение всех предметов в критический момент, чтобы с легкостью убрать последние сомнения. Ответ звучал так: зеркало! Предполагаемое зеркало --прибавил я. В стене находился резервуар со ртутью, куда я со всего

размаху и упал. Но я не понимал, почему эта ртуть, образуя ничем не прикрытую и перпендикулярную по отношению к полу поверхность, не выливалась в комнату, что ее здесь — вокруг меня — удерживало. Вырезанный в стене, заполненный ртутью и идеально имитирующий обычное зеркало прямоугольник никогда бы не вызвал у меня каких-либо подозрений, разве что я бы коснулся рукой его плоскости, что во время бритья не случилось.

Полностью погруженный в ртуть, я мог перемещаться в ней и плавать. Пока я находился в неподвижности, то не ощущал ее присутствия: ни вызываемого ею гидростатического давления, которое — если бы существовало — тут же раздавило бы меня в лепешку, ни — что за этим следует — описанного законом Архимеда выталкивания вверх, которое бы выбросило меня на поверхность, как давление воды выталкивает погруженный в нее пузырек воздуха. Но малейшее движение, даже пальцем, тут же выдавало ее присутствие через оказываемое мне сопротивление — сопротивление, всегда пропорциональное резкости движения рукой или ногой. Наконец до меня дошло, что здесь перестал существовать вес ртути, то есть сила взаимного притяжения между

нею и землей, но ее инерция, или же присущее всем массам свойство сопротивляться действующим на них силам, оставалась той же самой.

Я, все смелей, плыл прямо перед собой. Впрочем, может я и кружил на одном месте: отсутствие точки отсчета делало невозможным оценить преодоленное расстояние. Неожиданно мне встретилась темная стена. Я заплыл в какой-то угол. В потолке удалось нащупать круглое отверстие. Через него я выбрался наружу. Куда? Я даже задержал дыхание. Сдвинутая с люка крышка лежала сбоку. Я провел пальцами по поверхности, образованной шершавыми квадратными плитами. Затем ногами оттолкнулся от края отверстия и низко поплыл над чем-то, чего еще не было смелости назвать, пока не добрался до небольшого уступа. Здесь дорогу мне перекрыла низкая и округлая поверхность. Что это? Я начал перечислять по очереди: тротуар, поребрик мостовой, колесо с характерным узором на шине и, наконец, капот автомобиля... и рука, подвешенная над дверной ручкой. Сердце выскакивало из груди от возбуждения, вызванного необычностью открытий.

Возле автомобиля стояла статуя женщины в натуральную величину. Я оплыл ее несколько

раз по кругу. Она окаменела с развивающимися волосами, в позе, выражающей готовность немедленно ступить на тротуар. При этом статуя касалась поверхности мостовой только одной ногой. Я водил по фигуре пальцами: на ощупь она припоминала статуи в комнате теней. Могло показаться, что она, как и те, абсолютно неподвижна и столь же массивна , как будто бы отлита из вещества, во много раз тяжелее свинца. Я проплыл несколько метров дальше: с другой стороны машины стояла статуя мужчины. На руках он держал маленького мальчика. Мужчина застыл в полуприседе, повернув лицо к небу. Ребенок обеими ручками хватал его за шею. Свободную руку мужчина протягивал к лежавшему на мостовой чемодану. Я не стал дольше задерживаться возле этой группы.

Я возвратился к первой статуе, переплыв к нему над крышей автомобиля, и приложил ладони к ее лицу. Трудно было не удивляться, зная, кто эта фигура, кого представляет. Так вот какой была Еза Тена, прежде чем увидела черное пятно, в тот самый момент, когда выходила из машины. Кольцо событий замкнулось. Со своим настоящим временем я был перенесен в ее прошлое, причем ее время (в том же прошлом),

если и не полностью остановилось на месте, то было близко к такому состоянию. Для нее отрезок секунды, для меня более десятка минут — в этом была принципиальная разница, и все остальное могло вытекать именно из этого. Передо мной стояла спутанная замедленным временем женщина, дневник которой содержал описание нашей встречи в этом самом месте. Мне не нужно было видеть ее лица — все и без того совпадало. Я прибыл сюда в тот самый момент (никакая иная секунда в расчет не бралась), когда переполненная тревогой памятной ночи четвертого июня прошлого года она направлялась к входу в укрытие. Замкнулось одно из звеньев длинной последовательности причин и следствий. Теперь мне уже было известно, откуда статуи прибыли в комнату теней. Я дрожал от впечатления, осознавая силу чего-то, что едва-едва встретилось с моим воображением.

С чувством растущего напряжения, вызванного ожиданием желаемого довершения пока что неполного образа целого, я отплыл от Тены, нырнув в глубину территории залитой ртутью ночи. Здесь все было закрыто ею, погружено в ней вплоть до недостижимых краев: стены домов, столбы уличных фонарей, последовательность

сбившихся на мостовой и баррикадирующих тротуары машин, а также пробегавшие когда-то между ними скрючившиеся фигуры людей — теперь же, застывшие холодные статуи, прикованные ко дну манекены, которых я гладил своими пальцами.

Я передвигался на ощупь, словно затянутый на дно озера слепец. Неужто я был настолько ошеломлен, что мысль, которая одна из первых должна была прояснить мрак моего незнания, посетила меня лишь сейчас? Ведь я все время плавал в... воздухе! Ни в какой не ртути, а в воздухе, наверняка для них прозрачном словно хрусталь, инерция которого была здесь умножена во столько раз, во сколько масса статуй была больше моей.

Плывя над самым тротуаром, раз за разом я сталкивался с различными помехами. Чаще всего это были застывшие в различных позах или фазах движения люди, иногда даже подвешенные в полете над плитами тротуара, видимо, задержавшиеся в прыжке, который как раз являлся следующим элементом их бега. Вот эти особенности познаваемого мною мира удивляли меня более всего. Не доверяя себе, я многократно проверял положение статуй, чтобы всякий раз

убедиться в том, что подошвы их обуви иногда были оторваны от тротуара на приличное расстояние, и в то же самое время вся статуя, пускай и столь массивная, вовсе не падала, но неподвижно располагалась в пространстве, издеваясь над законами мира, из которого я вынес совершенно иной опыт. Наверняка, это был наилучший пример, иллюстрирующий разницу между массой и весом тела, но дай бог, если бы мои неприятности заключались лишь в подыскивании хороших примеров.

Всякое мое движение требовало от меня значительного напряжения всех мышц. В принципе, я плавал стилем, имитирующим движения пловца, ныряющего к самому дну бассейна. Но насколько же больше усилий стоило мне преодоление расстояния, раз в десять меньше, чем в бассейне! От преодоления сопротивления отбрасываемых за себя огромных масс превращенного в ртуть воздуха мышцы мои окаменели; мышечная усталость уже граничила с болью. Все чаще я останавливался, практически обессиленный, и поэтому решил возвратиться к отверстию.

И вот тут-то произошло то, что грозило мне с самого начала, но чего достаточно долго удавалось избегать: я заблудился. До сих пор я представлял

себе, что мне легко удастся вернуться к люку, хотя бы держась поблизости от тротуара. Но несчастье заключалось в том, что я не мог его отыскать. Достаточно было слишком сильно отбиться ногами от головы какой-то статуи, и я повис в пространстве, не добираясь до следующей помехи. Я тут же повернул в сторону того места, откуда выплыл, только это было уже совсем иное место, и там я ни с чем не столкнулся. Я спутал направления и полностью утратил контакт с улицей. Чтобы хоть где-то отыскать какую-нибудь постоянную точку опоры, я кружил вокруг себя, спускался ниже и подымался выше, размахивал руками, ежесекундно разворачиваясь то в одну, то в совершенно противоположную сторону. И все без какого-либо результата: одинаково я мог приближаться к мостовой или же от нее удаляться.

Еще раз я попытался сохранить спокойствие и плыть прямо перед собой в каком угодно случайно выбранном направлении. Ведь должен был я, в конце концов, наткнуться на стену какого-нибудь дома. Длительное время я выполнял принятое мною решение, вплоть до того момента, когда опомнился, уже понимая, какой огромный риск заключен в столь поспешных действиях. А вдруг я плыву прямо к небу! Парализованный

этой мыслью, я застыл на месте. Теперь я уже не мог сделать ни малейшего движения, поскольку живо представлял, как оно направляет меня от земли ввысь.

Я уже совершенно не представлял, где нахожусь и в какую сторону направиться. Я утратил чувство направления в сторону низа и верха. Абсолютная темнота и состояние невесомости привели к тому, что у меня не имелось чувства никакой ориентации в пространстве, для которого понятия "верха" и "низа", столь очевидные до сих пор, теперь были только пустыми терминами.

Как вдруг тишину ртутной ночи у самого моего уха разорвало басовое храпение. На мгновение я замер. Одним отчаянным движением рук и ног я отбился от того места, которое — именно то самое место, источник отвратительного звука — больно укусило меня в шею. Не совсем осознавая собственные действия, я вырвал излучатель из-за пояса и выпалил в сторону усиливающегося храпа.

Мир закружил у меня в глазах, в глазах — которые прозрели. Я стоял на самой вершине светло-фиолетового конуса, основание которого в виде удлиненного эллипса лежало на стене

небоскреба, вершина которого маячила где-то вдалеке. Сзади вертикально вверх нависал неясный мираж забитой людьми и машинами улицы. За черными пятнами моих широко расставленных ног, на расстоянии не более двух метров от ботинок резким, серебристо-фиолетовым огнем горела пара перепончатых крыльев. Я сделал разворот и направил дуло излучателя в другое место. В моей руке находился мощный прожектор, освещавший даже достаточно отдаленные предметы. А ближайшим предметом была летучая мышь. Я вновь направил дуло страшного оружия против нее. Нет, она не горела, как показалось мне с первого раза: разве что была очень хорошо освещена. Я увидал, как она слегка задрожала в поднятом мною завихрении воздуха, прежде чем вновь застыть с распростертыми крыльями.

Радость переполнила мое сердце. Громадный, заполненный потоком лилового света конус, послушный движениям моей руки, скользил по стене соседнего здания. Постепенно до меня начало доходить, что же, собственно, произошло: в темноте я разбил себе шею об подвешенную в пространстве летучую мышь. Это не она пошевелилась, а я на нее налетел. Издаваемые ею ультразвуки, в нормальных условиях вообще

не воспринимаемые человеческим ухом, здесь я слышал как низкие басы. Ну а что же произошло с моим излучателем? Неужто по той же самой причине, вместо того, чтобы высылать невидимые и смертоносные гамма-лучи, он сделался источником видимого света, словно банальный фонарь?

Я висел на высоте пары десятков метров над землей, подняв ноги прямоугольно, прямо в сторону неба. Рисующаяся в распыленном свете излучателя и искрящаяся то тут, то там улица широкой дугой вздымалась над, или же точнее, под моей головой. Перевернувшийся вверх ногами мир вызывал у меня тошноту. Я перевернулся в пространстве, спуская ноги в направлении мостовой. Полосу тени кое-где нарушали пятна отражений от никелированных деталей. Тогда я перекроил ее вдоль дулом своего излучателя: и тогда внизу появились коробочки машин и мелкие фигурки людей.

Небольшой объем воздуха был загрязнен закрутившейся в вихри пылью или туманом. С той стороны, где воздух сохранил абсолютную прозрачность, выходящий из излучателя сноп света оставался невидимым; тем лучше он извлекал из мрака и освещал различные уличные

сценки. Мне казалось, что даже могу установить положение монтажного люка, как назвала его в своем дневнике Тена, то есть выхода канала, соединявшего укрытие и копию давнего города. Несколько дальше, за углом высокого здания на противоположной стороне улицы прямо посреди мостовой чернел небольшой кружок. Теперь мне уже не нужно было опасаться, что не найду обратной дороги, потому что выход располагался в поле моего видения.

От стены ближайшего небоскреба меня отделяло не более двух десятком метров. Я поплыл в ту сторону. Вначале я наткнулся на взгляд мужчины, который с сильно побледневшим лицом стоял у окна и каменными глазами всматривался в улицу сквозь стекло. Мне показалось, что он заметил меня, но ведь это было невозможно. Мне нужно было торчать перед окном не менее четверти часа, чтобы его глаза могли зарегистрировать мое присутствие в виде трудноуловимого в силу своей краткости мановения черного размазанного пятна. Если бы он в это время еще и мигал, то вообще ничего бы не заметил.

Я поднялся к следующему этажу. Сквозь оконные стекла я светил внутрь квартир и заглядывал туда. В некоторых комнатах уже никого не было.

Смятые одеяла или простыни на пустых кроватях, разбросанная по полу, как бы брошенная одежда, там перевернутый стул, там стол, где-то черепки разбитой вазы или же содержимое пепельницы, высыпавшейся на покрывало — весь этот беспорядок красноречиво свидетельствовал о спешке и суете, с которыми обитатели покидали свои жилища. Тревога застала их врасплох еще и при отсутствии электрического освещения. Не исключено, что пробуждались и одевались они в полнейшей темноте, потому что исходящая сверху таинственная подсветка — о которой писала Тена — могла и не доходить до всех окон.

Я наткнулся на открытое окно и вплыл в комнату. В маленькой кроватке вместе лежали двойняшки. На выглаженном и подоткнутом под самые подбородки цветном одеяльце лежали их ручки. Девочки, глядя прямо в потолок, улыбались застывшими личиками. Куда девались их родители? Все двери этой квартиры были открыты передо мной. Раскрыты были и двери, ведущие на лестничную клетку. Часть застрявшей между этажами кабины лифта выступала над уровнем пола. Чьи-то пальцы хватались за край каменной плиты, пробившись сквозь осколки разбитого окошка. Сквозь узкую щель я заглянул внутрь

лифта. Его пленник, молодой мужчина, подтягивался на руках к щели, застыв в этом конкретном моменте. К сожалению, щель была слишком узкой, чтобы парень мог через нее выбраться. Я не понимал, как такая ситуация вообще могла произойти. Ведь лифт остановился еще раньше по причине отсутствия электрического тока, но никак из-за замедления времени. Спускался ли вниз плененный в лифте человек, наверняка отец девочек, прежде чем оказаться в ловушке, или же наоборот поднимался наверх? В соответствии с источником информации, которым был для меня дневник Тены, подача электричества прекратилась еще до объявления тревоги. В связи с этим, какую бы версию событий не принимать, я никак не мог объяснить загадку открытой квартиры и оставленных в ней без какой-либо опеки девочек.

Во второй комнате также царил образцовый порядок. Его нарушило лишь мое сюда вторжение: в круговороте затронутого мною воздуха над стулом кружил бумажный листок. Я схватил его двумя руками и, словно платиновую пластину, перетащил на поверхность стола. Как только я поднял руку, листок вновь закружился. Возмущенный воздух никак не желал успокоиться. На

листочке был какой-то короткий текст, но я не мог придержать бумажку рукой, опасаясь, что облучу пальцы из гамма-излучателя. Возможно я и ошибался, но предпочитал не рисковать. Я догадывался, что только излучение, распыленное на окружающих предметах, только отразившееся от них не обладает убийственными свойствами. Гамма-лучи, исходящие прямо из ствола моего оружия, падающие прямо на тело, могли бы мне навредить. Я прижал листок значительным грузом, а именно перекаченным на него со средины стола карандашом. Только все мои усилия были напрасными, поскольку содержание листочка оказалось совершенно банальным: "Если вернешься до полуночи, обязательно позвони Саре".

Я вновь выбрался в полет над улицей. Из многих окон соседнего небоскреба высовывались люди. Их движения, если таковые вообще существовали, своей медлительностью напоминали черепашье перемещения маленькой стрелки часов. Возможно с этой стороны было видно лучше, или же наоборот — почти невозможно было заметить, что происходит вверху, потому что некоторые люди высунулись из окон по пояс. Их лица окаменели с глазами, обращенными на край крыши.

На одном из оконных парапетов стоял мужчина. Когда я подплыл к нему поближе, то увидел его с боку. Меня крайне изумила весьма рискованная позиция его тела. Он отважился выглянуть из-за проходящего над окном навеса. Ногами, вообще-то, он опирался на парапет, но всем своим туловищем уже висел над пропастью. Несмотря на все, ему удалось удерживать равновесие только лишь потому, что судорожно стиснутыми пальцами он хватался за выступ стены. Рукав пиджака вместе с манжетой белой сорочки сполз до самого локтя, обнажив набухшие от усилия мышцы и сдвинутые часы на запястье. Я подсветил с более близкого расстояния: стрелки остановились на тринадцати минутах четвертого. Секундная стрелка застыла возле восьмерки. То есть, до четырнадцати минут четвертого не хватало еще двадцати секунд. На своих часах, которые я тоже видел в отраженном от стены свете, было без двух минут полночь. Поскольку из комнаты теней меня выпихнули приблизительно без четверти одиннадцать (двадцать три — если в укрытии был условный вечер), выходит, что в городе я находился уже час и тринадцать минут.

Три часа, тринадцать минут и сорок секунд — повторил я про себя. Это было актуальное время

окаменевшего города. Сирены завыли восемь минут тому назад — в три ноль пять. В девятнадцать минут четвертого — в соответствии с сообщением Тены — произойдет катастрофа. Если я не желал здесь погибнуть вместе с обитателями города, то следовало как можно быстрее установить соотношение двух совершенно различных времен.

Темп прохождения всех процессов в окружавшем меня пространстве был практически незаметен. Секундная стрелка на часах мужчины, в которую я всматривался с тяжело бьющимся сердцем, совершенно не меняла своего положения. Она как застыла возле восьмерки, так возле нее и оставалась. Может эти его часы вообще не шли? Такое ведь тоже было возможно. Вот эти, как раз, могли быть испорченными. Так сколько же времени не хватало до предваряющего катастрофу сотрясения? Я глянул вниз, под ноги, на другую сторону улицы. Знакомый халат, тот же самый, что висел на поручне стула в комнате, залитой магмой, теперь краснел и на хрупком теле Тены. Она еще не дошла до черного кружка. Я облегченно вздохнул.

Сноп света, интенсивность и расширение которого я мог регулировать специальной кнопкой, сейчас был устремлен на лицо клеящегося ко мне

мужчины. Я переплыл на его другую сторону. Мне были видны широко открытый, как будто бы застывший в крике рот и голубые глаза, неподвижными зрачками уставившиеся в черную пустоту неба. Там, куда он глядел — вверху, я не мог досмотреться ничего интересного — одна монотонная темнота; зато сильный блеск на глазных яблоках мужчины и выступивший на лице пот, если все это не было признаком горячки...

Я посветил сквозь широко открытое окно вовнутрь комнаты. Там я увидел более десятка человек в различных позах. Около половины присутствующих сидела за длинным, заставленном тарелками и остатками блюд столе. Возле горлышка перевернутого графина на скатерти расцветало коричневое пятно. Его заслонял подвешенный рядом локоть схватывающейся со стула женщины. Еще один мужчина тоже как раз поднимался. Он уже почти что выпрямился, опираясь о стол сжатыми кулаками, вокруг которых вздулось несколько складок сильно смятой скатерти. Плотная струйка табачного дыма висела над его бровями. Остальные люди сидели спокойно за столом, обратившись друг к другу лицами, или же стояли, держа рюмки, в различных углах комнаты. Кто-то поднимал чашку с кофе, другой

опорожнял в рот рюмку. Большинство бутылок было почти что пусты.

Тревога застала их врасплох во время ночного приема. Почему они не спешили в укрытия? Почему не поддались нарастающей панике? Возможно, что в столь многочисленной группе они ощущали себя в большей безопасности. Может, они успокаивали друг друга, каким-то образом объясняя причину ночного замешательства. По-видимому, нашелся кто-то, кто и сам, считая ситуацию мелкой, сумел передать другим собственную точку зрения на то, что происходило на улице. И наверняка, именно алкоголь был основной причиной рискованной акробатики перегнувшегося над пропастью смельчака.

Но я как раз попал на тот момент, когда и здесь нечто начинало происходить. Какое-то событие все же тронуло наиболее трезвых гостей. Об этом свидетельствовали динамические позы двух человек, схватившихся со своих мест. Их глаза были обращены в сторону окна. Они еще не могли меня видеть, потому что мое присутствие было еще очень кратким. Выходит, они смотрели на стоявшего в окне. Говорил ли он что-то им? Я посветил ему в лицо: это был крик. Только сейчас я увидел статую еще одного мужчины, который сталки-

вался со стеной у самого окна. До сих пор я не видел его потому, что глядел в глубину комнаты, он же находился справа, за стеклом открытого в сторону комнаты окна. Осколки разбитого стекла висели в пространстве рамы. В неправильной форме дыре торчала погруженная по локоть и протянутая в сторону стоявшего на парапете рука подбегавшей статуи. Она была протянута безумному акробату по кратчайшему пути, а он вел сквозь стекло.

Я поглядел на стиснувшиеся на выступе пальцы. Секундная стрелка все еще стояла на черточке у восьмерки, ну, может на одну десятую миллиметра дальше, но разница была совершенно незаметна. Я перевел взгляд на выступ стены: кусок штукатурки вместе со стиснувшимися на нем пальцами уже не прилегал к стене. Я проплыл повыше и подсветил сверху: оторванный фрагмент выступа был отделен от стены на пару сантиметров.

Я отбился от внешней стены дома, чтобы охватить взглядом все здание. Суженным лучом я нашел светлую ленту мостовой и посчитал этажи. Их было тридцать шесть. На застывшую передо мной сцену я глядел так, будто осматривал трехмерную фотографию. Могло ли что-нибудь спасти

этого мужчину? И вообще, было ли возможным мое вмешательство в предназначенную этим людям судьбу?

Я снял с себя брючный ремень, завязал на нем петлю и надел его на сближенные ладони: на ту, которую протягивал в глубину комнаты падающий, и на вторую — которую подавал подбегавший. Когда я уже сделал это, до меня дошло, что операция эта не имеет совершенно никакого смысла. Что означала тонюсенькая паутинка, соединяющая друг с другом два тела, масса которых превышала массу локомотивов. Следовало бы применить веревки, принадлежавшие этому миру.

Я нырнул вглубь комнаты. Ветер, вызванный этим движением, перевернул на столе бокал с бумажными салфетками и подхватил несколько из них под самый потолок. Бумажки — вот что был я способен стронуть с места и, скорее всего, ненамного больше. Беспомощно я осматривался по сторонам. Может, какой-нибудь шнур от утюга — подумал я. Где тут кухня? В полуоткрытой двери стояла, баррикадируя дорогу, статуя женщины. Вторая женщина, обходила ее, высоко подняв руки, в которых держала тяжелую тарелку. Сейчас мне просто не удалось бы протиснуться, а смены

положения тел нужно было ожидать часа три. Все остальное, что попадало мне под руку, либо вызывало впечатление приваренного к полу, либо же было совершенно непригодным для спасательной акции. При каждом моем движении воздух оказывал необычно сильное сопротивление. Все время я дышал с трудом.

Собравшись с последним усилием, я подтащил (именно подтащил) под окно сам толком и не зная, зачем — длинную шпильку для волос. Я вырвал ее из губ женщины, занятой причесыванием. В обычных условиях шпилька весила бы пару десятков грамм; здесь же я боролся с ней, встречая такое сопротивление, словно шпилька была привязана к женским губам какой-то невидимой толстой пружиной. При каждой резкой попытке изменения положения, шпилька врезалась мне в пальцы, прежде всего, по причине ничтожной — относительно массы поверхности. Когда же я покалеченными пальцами притащил шпильку к окну (обычным переносом такую операцию назвать было нельзя), та выскользнула у меня из рук и вылетела на улицу. Теперь, когда руки несколько поменяли свое положение, ремень ослабился и сполз. Я его не поправлял, считая, что подобная ниточка не удержит массу

падающего мужчины, которую можно было сравнить с инерцией крупного судна. Окаменевшие в кратковременном проблеске ладони не могли встретиться, я же не был в состоянии прийти им с помощью, хотя времени для этого у меня было ой как много.

Меня охватила волна бешенства. Не потому, что я так уж вправду был обеспокоен судьбой падавшего человека (и ему самому, и всем присутствующим жить оставалось несколько минут, потому что всех их ждало уничтожение целого города), но по той причине, что я оказался столь беспомощным в ситуации, в которой — как мне до сих пор казалось — я мог сделать так много. Я был уверен, что только шнур или подпорка, выполненные из материала, принадлежащего окаменевшему городу, могли бы выдержать вес мужчины. Но даже если бы я и обнаружил что-либо подходящее, то мне не удалось бы ничего перенести к этому месту. Глаза мои были залиты потом. У меня не было сил даже на то, чтобы преодолевать сопротивление воздуха. Я глянул на свои часы. Они показывали шестнадцать минут после полуночи. Я неподвижно завис в пространстве над головами сидящих. Мышцы полностью отказывались слушаться.

Проходили десятые доли секунды. Графинчик с частью не разлитой по рюмкам водки, который перед моим прибытием сюда перекатился к самому краю стола, а потом задержался на нем словно приваренный — теперь уже висел сантиметрах в пяти ниже поверхности столешницы. Он находился в своем необычно замедленном, но неумолимо длящемся падении на пол. Тому же самому закону подчинялся и человек, перегнувшийся над пропастью улицы. На что же, собственно, я затратил столько энергии, раз ничего не сделал? Где скрывалась причина моего полнейшего упадка сил? Я осматривался по сторонам: над пепельницами стояли серые столбики кружащегося в медленном темпе пепла, сдутые моими перемещениями не догоревшие спички замусорили всю скатерть, еще выше кружилось несколько смятых бумажных салфеток; волосы присутствующих волновались в потоках воздуха.

Мой взгляд остановился на лице падающего. На нем я не заметил практически никакой перемены. Из щеки торчала какая-то заноза. Я глядел на нее не совсем сознательно, думая о чем-то совершенно другом, и вдруг мне сделалось нехорошо. В этой занозе я узнал притащенную мною шпильку

для волос. Для них движение этой шпильки было равнозначно полету стрелы. Шпилька глубоко вонзилась в щеку, пробив ее навылет. Я оказал несчастному медвежью услугу.

И что я тут, собственно говоря, вытворял, а прежде всего — зачем? Тут до меня как-то сразу дошло, где я нахожусь, и что там — в комнате теней, с нацеленным в зеркало излучателем меня ждет посланец Механизма, точно такое же, как и я сам, его орудие, мужчина с бритой головой. Идя на поводу любопытства, как видно, более сильного, чем страх, я довел себя до состояния, граничащего с потерей сознания и должен был встать перед исполнителем приговора (уже наверняка выписанного) совершенно обессиленным, неспособным сражаться за собственную жизнь. Судьба падающего человека была уже предначертана — его никто и ничто уже не могло спасти. Я погасил излучатель и закрыл глаза. Пока что, о возвращении в канал не могло быть и речи. Бессильные руки и ноги свисали в пространстве рядом с медленно поворачивающимся телом. К счастью, кислородный аппарат работал великолепно.

Я пытался ни о чем не думать, и мне даже удалось немного вздремнуть. Только этот полусон

был нездоровым, мучимым кошмарами и внутренними напряжениями. Я слышал доходившие откуда-то шорохи и глухие раскаты грома. Все время где-то рядом храпели и фыркали какие-то сдавленные отзвуки, беспокоили ухания нереальных басов. Я казался сам себе маленьким и слабым; лишенное чувств око пространства уставилось на меня.

Когда я очнулся, то почувствовал себя хоть чуточку, но лучше; во всяком случае, я уже более-менее мог двигаться. Я зажег свой "прожектор". Мои часы показывали двадцать восемь минут второго ночи. Лица нескольких статуй были направлены вверх, глаза — то ли несколько изумленные, толи перепуганные всматривались в какую-то точку на потолке. Только через какое-то время я понял, почему они туда уставились: это было место моего отдыха, и я находился в нем около часа. Падающий графинчик являлся для меня — до сих пор — самой лучшей меркой идущего в этом месте времени. Он уже сталкивался с полом, застыв в первой фазе процесса разбивания. Расколовшееся дно уже запало вглубь цилиндра, поверхность которого пересекали серебристые зигзаги трещин. Я обернулся. На торчащей в оконной раме руке блестело несколько капелек

крови, а замершие в полете осколки разбитого стекла висели уже над самым подоконником. Вместо всей фигуры падающего мужчины теперь я видел только подошвы его обуви.

Я выплыл из комнаты. Со стороны улицы все это выглядело как-то странно: как будто бы мужчина просто стоял на внешней стене здания. Пятки еще опирались о парапет, широко разложенные руки искали несуществующей опоры. Я глядел вниз — в глубину зияющей под нами пропасти — и мороз проходил по коже. Неужто и вправду для него не было никакого спасения — подумал я еще раз. Тридцать шесть этажей — это около ста двадцати пяти метров высоты. Я быстренько вспомнил формулу движения свободно падающего тела: получилось около пяти секунд в полете.

Я нырнул наискось и вниз, в сторону видневшегося на мостовой красного халата Тены. Преодоление разделявшего нас пространства забрало у меня довольно много заполненного беспокойством времени. Раз за разом поглядывал я на часы, все время воображая, что вот-вот наступит катастрофа. Ведь, в соответствии с текущим в городе временем, она должна была наступить уже через несколько минут. У самого вылета канала я очутился только в четверть третьего.

Я никак не мог довериться пересчету времени, сделанному на пальцах. Таким же Фомой неверующим я был даже тогда, когда добрался до Тены и увидал ее, стоящую обеими ногами на мостовой, практически в том же месте, где ее и оставил; при этом я настолько смазал пятки в своем бегстве, что даже не глянув по сторонам, юркнул головой вниз прямо в отверстие люка. При этом я предпочитал даже столкнуться с Рекрутом, если тот до сих пор еще не потерял терпения, чем встать лицом к лицу с непредставимой угрозой.

Только любопытство, в конце концов, победило, и я еще раз вернулся на уровень улицы, задержавшись возле Тены. Теперь — уже с источником света в руке — я мог хорошенько присмотреться к ней. Также я обратил внимание на фигуру, которая, вместе с несколькими другими лицами, стояла неподалеку от нас на пути у бегущей Тены. Сильно откинувшийся назад мужчина держал у лица фотоаппарат, целясь объективом прямо в ночное небо над головой. Может он фотографировал падающего? Глупость, потому что вот к этому он никак приготовиться не мог; опять же, тот находился на противоположной стороне улицы. Тут я вспомнил, что во время, непосредственно предшествующее катастрофе (в соответствии с

информацией, содержащейся в дневнике) над городом висел какой-то громадный светящийся шар. Именно его — вероятнее всего — и фотографировал этот человек. Даже в столь ужасный момент нашелся кто-то, кто забивал себе голову заботой о том, чтобы оставить документ на память. А может он ожидал, что его снимок, на случай отмены тревоги, станет уникальным и неповторимым свидетельством?

Но он должен был бы повторить этот снимок, если желал иметь хороший негатив, потому что я подсветил ему сверху в объектив, одновременно заслоняя его головой. Я не сделал этого исключительно ради хулиганской выходки, но лишь для того, чтобы воспользоваться единственной в своем роде способностью произвести точное измерение. Дело в том, что точно в тот самый момент, когда я заглядывал в объектив, палец фотографа освободил затвор. В глубине аппарата я увидел быстро расширявшуюся шторку затвора, открывшую кадр пленки. Я глянул на часы и замерил время экспозиции. Она длилась сто восемь секунд, а затвор — что я с легкостью мог прочесть на кольцах объектива — был выставлен на одну сотую секунды. Наконец-то у меня имелась точная связь между временем города и

моим собственным временем. Результат мог бы заинтересовать и обитателей укрытия; в конце концов, там я занимал место физика Порейры и от его имени мог похвастаться перед Уневорисом полученным соотношением, которое могло очень многое значить. Результат пересчета был такой: одной секунде, проходящей в городе, точно соответствовали три наших часа.

В какой-то миг — к сожалению, лишь сейчас, когда я уже намеревался покинуть это место — меня охватило сомнение, не вредит ли присутствующим в городе людям свет, исходящий от моего излучателя. Тут у меня никакой уверенности не было, и под влиянием данной мысли я погасил свой "прожектор". Перед тем в подобной ситуации я попадал в абсолютную темноту. И сейчас мрак вокруг меня царил не менее полный, за одним исключением: где-то в глубине улице светилось одинокое окно. Вообще-то, светилось оно довольно слабо, как будто внутри помещения горела одна свечка, а не электрическая лампа — но, все же, светилось, что, в сопоставлении с приобретенным знанием о городе, мне показалось весьма странным. К старым загадкам прибавилась еще одна.

Уже погрузившись по пояс в дыре канала, я не

мог удержаться, чтобы не бросить последний взгляд в сторону падавшего. Неумолимый закон, которому этот человек подчинялся, прогрессировал, что видно было даже издали. Человек набирал скорость; теперь он находился ниже на целый этаж. Какая-нибудь стальная переборка — размышлял я — переправленная из укрытия толстая плита или что-нибудь в этом роде, если бы удалось закрепить ее к стене сразу же под ним, на максимально высоком этаже, возможно, и была бы способна остановить его разгон. Только реализация подобного рода идеи требовала бы применения исключительных средств: подъемного крана — кто знает, насколько мощного! — опять же, даже и в том случае, если бы этот кран должен был бы поднять веревку, найденную где-нибудь в городе, чтобы падавшего обвязать или хотя бы подать ему в руку — так что данное предприятие требовало мобилизации большой группы небезразличных людей, а кроме того, обнаружения оборудования, которым укрытие наверняка не располагало. Так уж, к несчастью, сложилось, что именно здесь, в необычном месте, где возникала неповторимая возможность спасти кого-то, уже обреченного в нормальных условиях, не хватало необходимых средств, при-

сутствующих в избытке в каком-то другом месте.

Я отбился от края отверстия и вплыл в средину канала. Внутренность его оказалась довольно мелким, облицованным кирпичами колодцем. По ведущим вниз ступенькам можно было попасть в единственное его горизонтальное ответвление, где на расстоянии пары десятков метров в закрывавшей путь переборке находилось прямоугольное зеркало. У меня не было никаких сомнений в том, что с другой стороны зеркала находится комната теней. В зеркало я погрузился без малейших опасений, тем болезненней ощутил удар о что-то твердое, во что налетел головой с другой стороны. Я лежал на потолке, который, с той сторны зеркала, оказался полом. На границе двух миров вертикаль явно поменяла свое направление.

Все это меня настолько запутало, что я даже забыл про ожидавшую меня здесь опасность в виде вооруженного излучателем Рекрута. К счастью — то ли для меня, то ли для него — либо у него не оказалось терпения следить за зеркалом в течение трех с половиной часов, то ли — что более правдоподобно он сразу посчитал меня за покойника, когда я исчез у него с глаз. Рекрут испарился вместе с излучателем, захватив с собой

и кислородный аппарат.

Весь изломанный и болящий, полуживой, в первую очередь, от усталости, по пустому коридору я поволокся к себе в комнату.

9. ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Я не понимал, как могло такое произойти, что я его не заметил сразу. Возможно, что охваченный лишь одной мыслью: желанием улечься в каком-либо уголке, в комнату я вошел с закрытыми глазами, столь утешительной, столь сладкой казалась мне уверенность, что уже никто и ничто не сможет отобрать у меня настоящего отдыха, потому что его присутствие я открыл лишь за мгновение до того, как свалиться на топчан, стоя уже раздетый донага, со стянутой рубашкой в руках, я заметил вначале темное пятно на подушке, пятно его головы, и только лишь потом — грязное лицо, покрытое темной щетиной, с багрово-синей полосой свежей раны на лбу — лицо мне совершенно чуждое, к которому я приблизил свое — лицо обманутой, бездомной собаки. Я никак не мог поверить в то, что в моей кровати спит незнакомый мужчина.

Вайс вернулся — ну кто еще другой, как не он сам, мог здесь расположиться; ну действительно, раз уж спасся, раз сумел вырваться из недоступной людям укрытия конструкции Механизма, было совершенно естественным, что он вернулся

сюда, пришел, чтобы снова здесь поселиться и жить.

Так что пришлось мне надеть старую одежду, а его костюм я повесил на вешалку. Как тяжко мне было расставаться с этим местом, с постелью, на которой почти и не спал. Положив руку на дверную ручку, я поглядел на незнакомца еще раз. Ну что мне еще оставалось? Коридор? Я толкнул дверь. Она ужасно заскрипела. Мужчина же даже не вздрогнул, только широко раскрыл глаза. Он совершенно не казался человеком, которого вырвали из объятий сна. Он глядел на меня так, как будто следил за всеми моими движениями с самого начала, но видел при этом не чужака, но обитателя этого дома, так что глядел чуть ли не с безразличием, ну разве что с некоторым раздражением относительно того, что тот шастает по комнате, когда другие спят.

Я возвратился вовнутрь. Ведь нужно же было как-то объясниться с этим мужчиной, в противном случае, он мог принять меня за вора.

— Я должен оправдаться перед вами.

— Нэт, — шепнул тот, не обращая внимания на мои слова. — Ты почему крадешься?

Снова та же самая история — подумал я. Теперь еще и этот желает перетащить меня в другую

шкуру, навязать мне очередное воплощение. Вот только я уже не дам на это обмануться. Мне достаточно было и одной мистификации, начатой тем, что я выдавал себя за Асурмара. Сейчас, в роли физика Порейры, я как-то еще мог справиться. Но не было ни малейшей причины, чтобы, ни с того, ни с сего, мне выдавать себя за кого-то третьего. Сегодня этим третьим был какой-то Нэт, а завтра... кто знает, к чему это приведет.

Мужчина уже совершенно изумленно пялился на меня.

— Ну, и что это ты язык проглотил? — спросил он.

— Вы наверное меня с кем-то спутали. Просто мы не знакомы, да и откуда.

— Так мы уже и не знакомы?

— Не "уже", но "еще". Я заглянул сюда, потому что Гонед предоставил мне эту комнату. Это его дело, если полковник ошибся, не предусматривая вашего возвращения. Ведь я же разговариваю с господином Людовиком Вайсом?

— Ага!

Он с размахом мотнул головой, пародируя жест полнейшего понимания, и тут же приподнялся на локте, чтобы взять сигареты. После этого он протянул пачку в мою сторону. У меня появилось

чувство, будто что-то здесь не так. Поскольку говорить было не о чем, я направился к выходу. Мужчина скривил голову набок и выпустил в мою сторону клуб белого дыма. Шепотом, как бы обязательным в царящей повсюду тишине, он остановил меня в полуоткрытой двери:

— И чего это ты строишь из себя дурака, Нэт?

— Хватит этого! Моя фамилия Порейра, и я не имею ничего общего ни с каким Нэтом. Видимо, вам что-то приснилось, отсюда и все недоразумение. Я прибыл к вам сюда вчера, из сегмента генерала Лендона...

— Эта памятка, — указал мужчина на рану, — несколько мешает мышцам на когда-то прекрасном лице. Оччень жаль! Ведь если бы не этот временный, будем надеяться, дефект, ты бы увидел, лис недоделанный, все богатство впечатлений на моей роже. Тогда бы не пришлось все объяснять на словах. Было бы на что посмотреть. Заверяю тебя, что редко когда у меня имелась возможность похвастаться перед тобой искусством строить рожи, как теперь. Ну и надо же такому случиться, что временная рана парализует мне лицо. А знаешь, чего это я лопаюсь от смеха, видя такого надутого сукина сына, которым оказался?

— Еще раз заверяю вас со всей ответственно-

стью за слова...

— Нет! Вовсе не потому, что у меня имеется намерение веселым вступлением предшествовать центральной части программы, наполненной плачем над собой. Вчера тебе не удалось меня очаровать. К счастью, у меня солидная защита. И не потому я весь трясусь, словно клоун, которого щекочут в пятки, чтобы ты, прислуга у Аглера, да, да! — перепугал меня до такой степени, чтобы я потерял мозги в тот момент, когда ты от меня отрекаешься. Все эти ваши связи здесь, внизу мне прекрасно известны не с сегодняшнего дня. Когда же начался весь этот шум относительно дела по удалению предыдущих кротов, я уже знал, что и ты съедешь на дно. Я спрашиваю про одно простейшее дело: может ты репетируешь новую роль? Здесь же никого нет. Или кто-то подслушивает под дверью? Или где-то в уголке присел Раниэль? Так как?

Наша беседа принимала совсем уже неприятный для меня оборот. Мужчина не был похож на сумасшедшего, но один из нас двоих таковым обязательно должен был являться. Я последовательно держался избранного пути, и вот какой получил результат. Не было бы удобней немедленно выйти отсюда... или же было бы

лучше молча слушать его монолог, который приоткрывал передо мной кулисы постоянно усложняющейся ситуации?

— Ну ладно, давай наконец-то расставим все точки над "i", — продолжал незнакомец, — давай откроем все карты. Как мне титуловать тебя при чужих? Магистром Нэтом Порейрой, полным именем и фамилией, потому что просто "Нэта" уже недостаточно, так?

Я чувствовал себя в полнейшем замешательстве, к счастью, лишь внутренне. Раньше или позже, но что-то подобное должно было произойти. Замыкание было неизбежным. Только вот я представлял это совсем иначе. Я рассуждал очень просто: в любой момент меня может демаскировать кто-то, кто знает настоящего Порейру. (А кто мог знать, что его зовут Нэтом?) Так вот, он покажет на меня пальцем и скажет: это мошенник, вы с ним поосторожней, а еще лучше — немедленно арестуйте его, потому что, возможно, он настоящего убил. Я все время считался с подобной возможностью и знал, что вот тогда мне наступит конец. Но вот чтобы во мне, приблуде ниоткуда, кто-то распознал настоящего Нэта Порейру, да еще и как своего доброго знакомого, именно во мне, который со всем сознанием

разыгрываемой мистификации подшился под его личность, пользуясь первой попавшейся оказией, подсунутой мне хитрюгой-судьбой, ведь нужно же было мне опереться на чем-то, ведь мне предстояло действовать в обществе личностей с определенными именами и функциями — нет, вот такого я не был в состоянии ни понять, ни, тем более, предусмотреть.

Больше я уже даже не смел глядеть на гостя моей комнаты и, не говоря ни слова, вышел в коридор. Оглупевший по причине неожиданного окончания нашей встречи, я шел мимо рядов узких дверей с одной лишь мыслью в голове: как можно скорее потерять его с глаз, сбежать от этого человека как можно подальше. И по пути меня все время давило один раз уже засеянное подозрение. Я никак не мог от него освободиться. Как же это так? — продолжал я размышлять. Я, BER-66 — неужто я являюсь реальным Нэтом Порейрой? И все, возможно, в этом убеждены, с одним маленьким таким исключением? Я что, действительно физик из какого-то там сегмента генерала Лендона, прислуга или приспешник некоего Аглера, высланный сюда, на самое дно агент, крот и элемент в сложных связях, которых никак не мог понять?

Глупость! Вайс просто насмеялся надо мной. Ну кто еще другой, кроме меня самого, мог знать лучше, кто я такой? Такого осла позволил из себя сделать. Серьезно воспринял его искусное представление, трясясь от святой веры, тем временем, как он сам вроде бы тоже сотрясался, потрясенный цинизмом моего поведения, якобы предсказанием будущего предательства, словно хороший актер по заказу он бледнел у меня на глазах, чтобы теперь, в одиночестве потирать руки от утехи при мысли о той панике, в которую он меня с легкостью загнал по только одному ему известной причине.

Я повернул на ближайшей развилке и поднял глаза: столовая. В средине никого не было. Ну правильно, сейчас ведь три часа ночи — дошло до меня. Я поставил четыре стула в ряд и улегся на них. Если бы они, по крайней мере, имели мягкие сидения; стонали, кряхтели — я вновь глянул на часы. В конце концов я перебрался на пол; понятно, что тут не было мягче, но хоть было тихо. Я уже почти что засыпал, когда по моей груди что-то пробежало. Я схватился с места. Три крысы ворвались в кухню из дыры под окошком для раздачи блюд. Пришлось опереться спиной о стенку, чтобы, по крайней мере, иметь их в

виду. Какой-то предмет продолжал врезаться мне в тело. Из заднего кармана штанов я вынул большой, оправленный в кожу блокнот. Я был настолько сонным, что мне даже не хотелось поразмыслить над его происхождением. Тупо глядя на собственные ноги, лишь после значительных умственных усилий я смог догадаться, что на вешалке остался только пиджак Вайса, а его брюки остались на мне.

Какое-то время я вслушивался в мертвую тишину укрытия. Его обитатели изо всех сил держались перенесенной из других мест привычки спать в строго определенные периоды. Осмелившись моей неподвижностью, крысы вновь вылезли из норы и начали искать по полу. По-видимому, в последнее время у них были трудности с нахождением отбросов, потому что выглядели они паршиво. Зато наглости у них было сколько угодно. Их присутствие как-то не вдохновляло меня на то, чтобы закрыть глаза. Раскладушка Вайса мне бы сейчас ой как пригодилась. Утром — подумал я — обращусь к Гонеду с просьбой выделить мне хоть какую-нибудь кровать. Опять же, нужно будет напомнить ему и про талоны на питание. Раз уж я выполнял здесь явно определенную роль, навязанную мне работу

по обязательному проведению исследований над статуями, которыми, кроме меня самого, как-то никто особой охоты заниматься не проявлял, потому что всем на них было плевать, по крайней мере, в той конкретной форме, которую представляли собой статуи из комнаты теней — так что раз я был пригоден к чему-то, выполняя легальную — хотя бы официально — функцию ученого, то со своей стороны я тоже мог требовать, чтобы мне обеспечили хотя бы элементарные условия существования.

Осознание существования так и не объясненной тайны статуй появилось во мне так же неожиданно, как неожиданно оно покинуло меня во время разговора с Вайсом. А может время, предназначенное на сбор информации о здешних статуях, было определено генералом каким-то кратким сроком. Кто-нибудь мог прийти сюда утром, требуя подать подробнейший рапорт. Тогда что, в подобном случае, мог я сообщить Лендону относительно черных фигур, если бы он спросил меня об этом прямо сейчас? Как раз сейчас было самое время для того, чтобы составить резюме накопленных наблюдений.

Как я узнал из адресованного Вайсу письма, комната теней не была единственным местом, в

котором, неизвестно сколь давно, появились эти таинственные фигуры. Относительно них уже должна была существовать какая-нибудь, более или менее расходящаяся с истиной, теория. Отправленное женщиной письмо как раз содержало ее скупые моменты; в определенной степени, содержащаяся в письме информация покрывалась с официальной, заявленной руководством укрытия попыткой объяснения загадки, а в какой-то другой части — она отражала передаваемую из уст в уста, развивающуюся в совершенном замешательстве, да еще и искажаемую различными факторами легенду. Как следовало понимать загадочный фрагмент письма, в котором жена или любовница Вайса уговаривала его пассивно ожидать решения руководства? Такое решение по словам письма — должно было состоять в передаче знака согласия. Не важно пока, кому это согласие должно быть выражено. Вопрос в другом: согласие на что? На то, чтобы принять такую же, как и они (то есть, статуи!) форму. Сколько же было несчастной надежды в подобной постановке вопроса! Ну да продолжал размышлять я — какая-то часть обитателей укрытия (и кто знает, насколько значительная?) представляет, будто бы в критической ситуации, когда при исчерпав-

шихся запасах всем грозит неизбежная смерть, единственной надеждой на спасение становится подсовываемое под самый нос уже сломавшихся людей, не совсем правда ясное, но насколько же искушающее предложение перенестись в неопределенное более точно пространство с необычно замедленным временем, понятное дело, вместе с крайне малыми запасами воздуха и пищи, равно как и другими необходимыми для жизни предметами, перенесенными тем же самым волшебным способом — то есть, шанс перенестись в условия, в которых все преждевременные проблемы автоматически перестают существовать. Понятно, что порции пищи или же воздуха, достаточной в укрытии на один день — там, в мире замедления совершенно всех и всяких процессов, хватит на десять тысяч восемьсот дней, а за столь долгий период с поверхности земли, где время идет с нормальной скоростью, придут наконец долгожданная помощь и спасение.

И все это было даже осмысленно продумано. К сожалению, требовало вмешательства и основы на необыкновенных возможностях тех (существ, якобы существовавших внутри Земли), которые и должны были весь этот переезд реализовать. Если не обращать внимания на уже упомянутую

сложность, я должен был признать авторам подобной концепции, что их надежды на спасение подобным путем не были полностью лишены смысла, и я уже не удивлялся их расчетам, тем более, в данный момент, после посещения фрагмента города, обогащенный многочисленными наблюдениями, которые вынес оттуда, в настоящий момент когда у меня уже не было никаких сомнений, что все законы природы, обязательные для горожан, были идентичны аналогичным законам природы, в соответствии с которыми здесь, в укрытии, мне довелось все время жить.

Однако, Вайс не воспринимал слишком серьезно такой совершенно фантастической возможности спасения, хотя, с другой стороны, письмо упоминало о его довольно таки активной деятельности по распространению этой гипотезы. В конце концов — и этот факт также обладал своим значением — он вызвался в кандидаты для управления подземной машиной. Мне не нужно было слишком долго ломать себе голову над тем, что с ним происходило с того момента. Он был заменен подставленным типом, точно так же — хотя и раньше, чем Раниэль и Асурмар — как, возможно, все пилоты; по крайней мере в этом вопросе для меня не было никаких темных пятен,

ведь, в конце концов, это была моя собственная история.

Я поднялся с пола и уселся за столом. Прежде всего — я осознал это значительно раньше — люди из залитых магмой помещений, что застыли на сорок пятом уровне, а среди них и Еза Тена — все они не имели ничего общего со скульптурами из комнаты теней и из города. Эффект замедленного времени их не касался — это была уже совершенно отдельная загадка. Если бы я, по крайней мере, знал, известен ли был обитателям укрытия не только сам факт появления то тут, то там отдельных экземпляров статуй, но и не поднятый до сих пор никем в моем присутствии факт существования всего Каула-Зуд, целого окаменевшего города. Относительно этого последнего, у меня имелись сомнения, ведь дорогу в тот мир я обнаружил абсолютно случайно, при энергичной помощи Рекрута, которого про себя даже начал благодарить за ненамеренно оказанную услугу; ведь если бы я открыл, что в зеркало можно без всяких опасений сунуть руку, потому что оно не было обыкновенным зеркалом — но вот отважился бы я погрузиться в нем целиком?

Чтобы в океане неизвестности найти хоть какую-то точку опоры, я принял во внимание

принцип Эйнштейна — основу специальной теории относительности гласящий, что во всех инерциальных системах (то есть, находящихся в состоянии покоя или же перемещающихся относительно друг друга прямолинейно и равномерно) все законы природы идентичны, другими словами: они неизменны относительно преобразований Лоренца. Если же сюда ввести одно предположение (хотя абсурдное и невозможное для того, чтобы принять!), что современное укрытие и старый город, соседствуя рядом в пространстве, перемещаются относительно себя же со скоростью, довольно приближенной к скорости света, и если при этом еще заявить, что в подобном предположении нет никакого противоречия — вот тогда можно было бы объяснить уже все, за исключением еще одной загадки, совершенно другого рода: того факта, что город из дня катастрофы (как бы в один миг) был перенесен во времени на девять месяцев в будущее — в современность укрытия; или же наоборот — что современное укрытие было перенесено во времени в прошлое города, о чем я подумал в первый момент, и чего уже наверняка определить было невозможно.

На вырванном из блокнота листочке я выписал

преобразования Лоренца. В формулы я всматривался со смешанными чувствами. Они были у меня перед глазами уже во время полета в воздухе окаменевшего города, но вот можно ли было черпать из них какую-нибудь информацию для анализа столь парадоксальной ситуации? В первую очередь, здесь не выполнялось начальное и, вне всяких сомнений, обязательное, условие: системы, которыми были укрытие и город, достаточно очевидным образом покоились относительно друг друга. Не могло быть и речи о каком-либо движении и, следовательно, об отличной от нуля скорости. Но в этих вот уравнениях, определявших преобразования, релятивистские эффекты являлись функциями именно скорости.

Реальность издевалась надо мной: никакого движения не было, зато существовало, по крайней мере, два эффекта, которые могли возникать только лишь при наличии все той же скорости! Неужели, несмотря ни на что, я осматривал тот мир из другой относительной системы с одновременной и необычной при том возможностью переноса в него не только мыслями, но и телом? В связи с подобного рода фактом, эта относительность была бы довольно таки особенной (а точнее,

его отрицанием), потому что неотвратимой: статуи никак не могли сказать, что для них я, в свою очередь, являюсь статуей. В конце концов, когда я убрал это противоречие, предполагая, вопреки очевидности — вначале, что движение все-таки имелось, а затем, что относительная скорость города (удаляющегося от условно покоящегося города) соответствовала уже выявленному отношению времен, то, принимая во внимание то же самое соотношение времен (трем часам, проходящим в укрытии, соответствовала одна секунда в городе), в качестве множителя я получил число, равное десяти тысячам восемьсот. Именно в столько раз всякая масса, взятая из города, для меня была больше соответственной массы, взвешенной в укрытии. Я тут же начал ради примера пересчитывать некоторые значения. Мужчина, вес которого для обитателей города составлял 70 килограмм — для меня, принадлежащего к миру укрытия, обладал массой в 756 тонн, то есть массой, сравнимой с инерцией объекта величиной с корабль. И все остальные материальные тела — какими бы они не были — имели там, в городе (также и в комнате теней), для нас, наблюдателей из укрытия, во столько же раз пропорционально большую массу. Отмеченная здесь относитель-

ность состояла в том, что совершенно неважным было различие: где в данный момент находился рассматриваемый предмет, но лишь четкое определение: к какому из двух миров этот предмет принадлежал, и кто спрашивал о его массе. Даже обычная мышь (и кто мог такое о ней подумать!) взвешенная на весах города, стрелка которых показала бы, допустим, всего десять грамм — во время прогулки по комнате теней для меня весила уже сто восемь килограмм.

Так что ничего удивительного, что перышко — чуть ли не пылинка в потоке воздуха — каким был я во время своего путешествия в город, не вызвало на каком-либо из имевшихся там предметов какого-то особого впечатления. Я все время опирался на уже проведенном наблюдении, что всякий процесс, было ли ним свободное падение выпущенного из рук тела, сердцебиение, пищеварение, любая химическая реакция, электрические явления, тепловое движение частиц или, наконец, человеческое мышление — в городе продолжался в десять тысяч восемьсот раз дольше, чем аналогичный процесс в укрытии.

Но ведь в ровно столько же раз должно быть для меня — наблюдателя из укрытия — то измерение любого предмета из города, которое в

данный момент совпадало с направлением этого самого движения. Ведь этого самого требовало преобразование длины (если под длиной понимать то измерение, о котором мы ведем речь). Но никакого релятивистского сокращения не было. И только наконец я осознал, где, собственно, весь город располагался. Из переправы через границу двух миров я вынес догадку, что вертикали города и укрытия обладали противоположной направленностью, что привело меня, скорее всего, к единственно возможному ответу на этот вопрос. Город находился под бронированным дном укрытия, где-то в глубинах земли; то обстоятельство, что мне не было известно, подвергалась ли сокращению удаленность города от этого дна, не позволяло мне оценить этого расстояния более точно. Во всяком случае, дом, столб или любой иной объект, достигающий в городе высоты в десять метров — с моей точки зрения не должен был превышать толщины ногтя. После осознания всего вышеизложенного мне уже не оставалось ничего другого, как только согласиться с мыслью, что в процессе перехода сквозь плоскость зеркала я автоматически приспособился к длине города, но при всем этом мое время и масса оставались неизменными.

Вне зависимости от анализируемых до сих пор релятивистских эффектов, выступающих в ситуации, в которой — в соответствии с приобретенными перед экранами знаниями — они никак не могли появиться, на свет выходила еще одна проблема, ничего общего с предыдущей не имеющая, а конкретно — проблема перемещения во времени. Принципиальный вопрос звучал следующим образом: был ли из своего прошлого (непосредственно предшествующего катастрофе) в нынешнее время укрытия перенесен (во времени) истинный город, или же — что было более вероятным — всего лишь его удивительно верная копия? Как раз в этот самый момент ко мне вернулось возбужденное ранее сомнение, не навредило ли излучение из моего оружия встреченным мною в городе людям, а если, к сожалению, и навредило, то кого я убивал там в замедленном темпе: настоящих людей или же их искусные имитации.

Я тут же отпрыгнул в мыслях назад, замечая, в какую попадаю опасность: я желал рассматривать вопрос человеческой идентичности, разницу между определениями: "те же самые" и "такие же самые" — заводя себя на дорогу сложнейших размышлений, существенных, воз-

можно, в каком-то другом месте, но уж наверняка не здесь. Ведь для меня — фигуры им совершенно чужой — было совершенно безразлично, кого они собой представляли: то ли истинных обитателей Каула-Зуд из четвертого июня прошлого года, то ли до совершенства имитирующих их двойников, хотя и принципиально им не идентичных; если только они мыслили и чувствовали — одним словом, жили — я был обязан и желал относиться к ним, как к настоящим людям.

С ручкой и блокнотом Вайса перед собой я вновь взялся за вычисления. Из них неизбежно следовало, что, как жители города, так и укрытия не могут взаимно видеть ни самого источника света родом из другой системы, ни предметов соседа, освещенных его собственным видимым светом, поскольку излучение из диапазона волн видимых для одного — передвинуто в диапазон радарных волн для другого. Но автоматически в диапазон излучения, для меня в городе видимого, входили (также весьма значительно перемещенные к более длинным волнам) гамма-лучи с частотой так случайно подобранной, что я мог их — отраженные от тел того, другого мира — видеть как прекрасно известный мне свет, потому что электромагнитные волны, кроме длины, ничем

друг от друга не отличались. По той же самой причине в городе я слышал только ультразвуки.

В этот момент мне в голову, уже во второй раз, пришел фрагмент дневника Тены с описанием нашей необычной встречи возле открытого люка. Тена отметила в памяти достаточно точный образ моих молниеносных перемещений по городу. Ей они представлялись как очень краткое мигание черного размазанного пятна, которое куда-то исчезло и тут же вернулось к ней, чтобы зарисоваться на фоне стены человеческим силуэтом (именно тогда я довольно долго простоял возле фотографирующего мужчины). Этот случай помог мне сделать два очень важных вывода: Во-первых, теперь я был уверен, что город был аутентичным (в противном случае, Тена меня не смогла бы увидеть), а во-вторых, вопреки проведенным на бумаге расчетам, которые привели меня к совершенно противоположным выводам — мне уже не нужно было бояться, что там, в городе, я поразил из излучателя пару десятков человек, ведь Тена — тоже облученная мною — ни на что напоминавшее лучевую болезнь в своем дневнике не жаловалась.

Чтобы получше приготовиться к возможному отчету, которого в любой момент мог потребовать

от меня Лендон, я выполнил еще ряд простых подсчетов. Действительно, инерционность воздуха в городе полностью совпадала с инерционностью ртути в убежище. То есть, во время ныряния в нем я встречал сопротивление почти в четырнадцать раз большее, чем при перемещениях в воде. Именно тут лежала причина моей усталости и обессиленности. Царящая в городе гравитация тоже не представляла какой-либо сложности: с моей релятивистской — точки зрения земное ускорение свободного падения там было и вправду ничтожным (оно составляло одну десятую микрона на секунду в квадрате), что — наряду со столь же ничтожным атмосферным давлением и выталкивающей силой, которые, равно как и земное ускорение свободного падения, были функциями замедленного времени — в сумме вызывало, что, говоря практически, там я пребывал в состоянии невесомости.

Потом я вернулся к проблеме катастрофы. Часы города сейчас указывали три часа тринадцать минут и сорок одну секунду. Сейчас там в черепашьем темпе ползла сорок вторая секунда. До момента сотрясения, предшествующего катастрофе, не хватало еще только пяти минут и восемнадцати секунд. "Только" — с точки зрения

горожан, которым этот кошмар угрожал, зато "если" — когда об этом же размышляли спасенные в укрытии. Потому что, в соответствии с временем, идущим здесь, критический момент должен был наступить только лишь через четырнадцать дней.

И вот здесь меня заставляет задуматься удивительнейшее обстоятельство: подбор момента, в котором город появился под дном укрытия. У меня появилось туманное ощущение...

По коридору кто-то шел. Дверная ручка дрогнула, и в проеме появился полковник Гонед.

10. НЕПРОНИКНОВЕННОЕ ВЧЕРА

— Я ищу этого чертова Уневориса! — начал он с самого порога.

Под мышкой он держал толстую пачку ровненько обрезанных листков. С первого же взгляда было заметно, что этой ночью он не отказал себе в удовольствии выпить приличную порцию спиртного. Гримаса на его лице странным образом противоречила впечатлению, которое я вынес о нем после нашей первой беседы. Чуть ли не повиснув на дверной ручке, наличие которой спасала его от падения, он исподлобья всматривался в меня, с той характерной для нетрезвых людей рассеянностью, которая с ними случается в моменте разрыва сути беседы первым же проведенным в мыслях расчетом.

— Это удачно сложилось, господин полковник, что мы встретились.

— Ага, это вы? — буркнул тот. При этом у него была такая мина, будто полковник желал заслониться передо мной дверью.

— Да, это я. Возможно, сейчас самое время убрать мои личные хлопоты. Наверняка вам известно...

— Угггу.

— Так вот, как вам наверняка известно, — продолжил я, — Вайс возвратился. Благодаря этой счастливой неожиданности, вопрос с моей комнатой остается открытым, то есть, мне просто некуда деться. К тому же вчера вы, видимо, забыли о талонах на питание для меня...

— К делу! Коротко и ясно, пожалуйста.

— Я уже сказал, что вы, видимо, не обратили внимание на эту мелочь. Собственно говоря, не было бы о чем и говорить...

— Та та та та... — застрекотал полковник. — Фамилия?

— Нет Порейра.

— Чин?

— Я гражданское лицо.

— Служебная специальность?

— К сожалению, мне так кажется, что вы меня совершенно не узнаете.

— Ага, знаю! Вы тот физик от Лендона, который вчера приблудился к нам.

— Все правильно. Так когда...

Он сунул мне в руки пачку бумажек и энергичным шагом направился в сторону ближайшего стола. Там он неожиданно пошатнулся и — хотя ему было ближе к стулу — возвратился к дверной

ручке, где и повис над порогом. Я хотел отдать врученную мне пачку листов, но он упрямо отталкивал меня вместе с ними, то очерчивая рукой широкую дугу, то опять застывая в жесте, который одинаково хорошо мог означать: "Вы уж простите эту неприятную картину", так и "Вон отсюда!" или же "И не морочьте мне больше голову". Хорошенькая история, подумал я.

— Развесить! — с громадным усилием просопел он из под перевешенной над головой руки.

Считая, что ему сделалось нехорошо, и что сейчас он просит помочь снять пиджак, я услужливо приблизился к Гонеду. Но когда я уже взялся расстегивать пуговицы, тот с силой ударил меня по верху ладони.

— Развесить! Плакаты расклеить! И как можно быстрее!

По-видимому я снова ослышался. На всякий случай я вытащил из пачки один лист и внимательно осмотрел его. Долго всматриваться не пришлось, потому что листок был чист с обеих сторон как совесть новорожденного ребенка. Точно так же, как и все остальные.

— Вы вынули эти листки не из той папки, — попытался обратиться я к его рассудку. — На этих листках нет никакого текста. Мне что, пустые

листки развешивать?

Гонед топнул ногой.

— В коридорах. Все! До единого!

Принципиальная ошибка в общении с пьяным состоит в том, что обращаешь его внимание на истинный источник конфликта — которым является нетрезвость одного из собеседников, дошло до меня в этот момент. Но опять же, с какой это стати я должен был позволить строить из себя дурака.

— Кому я, собственно, подчиняюсь? — спросил я несколько резче, чем намеревался. — Военным или гражданским властям?

Гонед поглядел на меня остекленевшими глазами и стукнул ботинком в жестянку с клеем, что стояла на полу за порогом. В ней торчала грязная кисточка.

Он готов прогнать меня в другой сегмент, — подумал я, — если начну сопротивляться. Тогда бы мне пришлось напрасно объясняться перед Лендоном, какова была истинная причина этого столкновения. А так, притворюсь, что послушался, выйду отсюда и выброшу всю эту кипу бумажек в первую же встреченную по дороге дыру, лишь бы только поскорее освободиться. А уже потом, когда он придет в себя, мы поговорим

по-другому.

Но как только я удалился от него на десяток шагов, Гонед что-то буркнул мне. Он выглядывал через щель не до конца закрытой двери и указывал на стенку рядом со мной. Ничего не поделаешь: я обильно смазал клеем участок стены и прилепил к нему первый же лист из толстой пачки. Полковник похвалил меня, молча склонив голову. И еще один раз — к счастью, перед самым углом повторилась та же самая сцена: он указал и кивнул, я же ляпнул лист на клей, пару раз пригладил кулаком и пошел дальше. Счастье еще, что никто не крутился в этот момент по коридору, вот было бы представление.

Только лишь выглянув из-за угла, я убедился в том, что двери столовой наконец-то были закрыты, что освобождало меня от обязанности работать расклейщиком. В тот же самый момент из холла, располагавшегося за столовой, появился какой-то пожилой мужчина в очках. Сгорбившись, он неспешно направлялся по пройденному мною маршруту, а когда добрел до первого плаката, остановился перед ним, высоко задрав подбородок. Не было никакой причины тому, что он так долго всматривался в бумажку. Затем он оглянулся по сторонам, а затем, искривив пальцы

словно когти, легко разодрал плакат на мелкие кусочки, тем более, что клей еще хорошо не засох. Та же самая судьба встретила и другую афишу; мало того, что старичок — на сей раз уже вовсе не оглядываясь — пропахал его ногтями вдоль и поперек, но потом трудолюбиво отодрал жалкие остатки бумажки, смял в ладонях до микроскопического объема, отбросил остатки в угол да еще и плюнул вслед.

Подобная картина никак не умещалась у меня в голове. То, что упившийся Гонед упрямо, как козел — но не без какой-то пьяной последовательности призывал меня к слепому послушанию, а я сам, в свою очередь, дурачился перед ним — это было уже совершенно иное дело. Но вот что на моих вытворял этот несчастный! Ни секунды не раздумывая, схватив бумажки под мышку, я удрал со своего места, потому что он мог разодрать меня на клочки как эти несчастные плакаты.

Я высматривал какую-нибудь мусорную корзину, достаточно объемную, потому что класть в нее было что. Такую урну я вскоре обнаружил, но вот избавиться от своего груза сразу же не смог, поскольку то тут, то там открывались и закрывались двери, а по коридору туда-сюда шастали

люди. Меня кто-нибудь мог наругать за то, что я выбрасываю столько чистой бумаги, которая сама по себе представляла определенную ценность. В конце концов всякие шорохи и шумы затихли, люди прошли, и в этой части коридора наступил момент покоя, отметив который, я бросил бумажки в урну.

Было уже около шести часов, так что можно и позавтракать, подумал я. Но как только я сделал пару шагов, сзади меня позвал знакомый голос.

Я оглянулся и увидел Асурмара, который, нагнувшись, извлекал из мусорной корзины только что сунутую мною туда кучу бумажек.

— Пойдемте со мной, пожалуйста, — сказал он.

По его лицу я никак не мог прочесть, что он, собственно, имеет в виду, потому что никакого выражения на нем и не было. Я послушался, с определенной дозой нетерпения, не без оснований подозревая, что на этом история с плакатами не закончится. Асурмар вел меня в канцелярию Гонеда. Внутри мы застали Сента и еще одного мужчину, в котором — когда он заговорил — я легко узнал по голосу Алина. Именно с ними я блуждал в темноте по сорок пятому уровню. Мне было интересно, вернулись ли они оттуда с какой-нибудь ценной добычей. С Сентом, провожавшим

меня вчера по главному коридору, на эту тему я еще не говорил. Только лишь когда Асурмар обратился к ним с требованием покинуть канцелярию минут на пятнадцать, одновременно заверяя, что берет на это время ответственность за заключенного, я догадался, какие функции эта парочка выполняла здесь, внизу.

Служебное помещение полковника представляло собой узкую, но вытянутую в длину комнату; на одном конце ее сидел какой-то бледный мужчина, наверняка тот самый упомянутый заключенный (от нас его отделяла толстая решетка), а на другом находились две пары дверей.

Асурмар как бы по стойке смирно уселся за столом и указал мне на стул напротив себя. Со времени моей неудачной поездки на кроте, на основании проведенного тогда телефонного разговора с Гонедом, я мог догадываться, что Асурмара с полковником объединяли тесные дружеские узы.

Он положил руку на пачек бумажек.

— И что это должно означать, господин Порейра? — холодно спросил он.

— Это я сам умираю от любопытства, ожидая вашего мнения по данному темному делу, — ответил я. — Так вот, не далее как минут двадцать

полковник Гонед лично, говоря кстати, не совсем в кондиции, а говоря прямо совершенно нетрезвый, — тут я заговорщически подмигнул, — приказал мне расклеить в коридорах эти чистые бумажки. При этом он настойчиво утверждал, будто это плакаты.

Все это я выпалил одним духом и, уже складывая губы в улыбку, ожидал реакции своего собеседника. Но как же я ошибался, ожидая адекватного ответа на свою усмешку.

— А вы выбросили их в мусор, так ли?

— Потому что там было их место. Стены и без того грязные. Впрочем, согласен, признаю вашу правоту: следовало сохранить их у себя, чтобы отдать их Гонеду через пару часов, когда он протрезвеет. Но я м сам не знаю, куда мне деваться, потому что полковник до сих пор не предоставил мне никакого угла. Так что, мне еще таскать по коридорам эти дурацкие бумажки?

— Спрашиваю еще раз: почему вы не исполнили явный приказ?

— Ясное дело, чтобы не стать объектом глупых шуток. Ведь листки чистые.

— Откуда вам известно, что на них нет никаких текстов?

Я хотел было сказать, что не слепой, но не стал

этого делать, а вместо этого недоверчиво всматривался в Асурмара. До меня что-то начинало уже доходить...

Мой собеседник встал и несколько раз прошелся вдоль стенки. При очередном повороте он остановился возле стола и взятой из жестянки мокрой кистью провел по средине одного из листков. Под полоской клея через какое-то время проступили поначалу отдельные буквы, а затем и целые строчки текста.

Совершенно сбитый с толку, я упал на стул. Меня как будто кто-то по голове ударил. Я был изумлен не потому, что удивился столь простой штучке, поскольку проявляющая реакция клея, смешанного с краской, не была чем-то необычайным, но по той лишь причине, что я совершенно не принимал во внимание тайности этих объявлений. Тут уже нечего было говорить, сам же я лишь сгорал от стыда.

— Но зачем же весь этот маскарад? — спросил я, еще не соглашаясь с преподанным мне неприятным уроком. — Почему эти объявления не напечатаны обычным образом?

— А это уже не ваше дело, — сухо ответил на это Асурмар. — Можете считать, это для того, чтобы текст проявился уже только на стенке.

— Признаюсь, что я совершил серьезный проступок; я принимал других за глупцов, тем временем оказалось, что я один из них. Но можете ли вы открыть мне содержание объявления? По столь малому фрагменту я не могу прочесть его полностью. Ведь это, видимо, не тайна, раз уж...

Асурмар взял у меня из рук прочерченный клеевой полосой листок, старательно сложил его и спрятал в карман.

— Вы сказали, проступок? Лично я назвал бы это несколько иначе. Говоря деликатно, вас уже можно подозревать в нелояльности. А отсюда совсем уже недалеко до...Тут есть люди, которые за подобную несубординацию арестовали бы вас. И неизвестно, что бы из этого вышло, если бы кто-нибудь другой застал вас при попытке данные объявления уничтожить. Ход уголовного разбирательства здесь, внизу, нельзя назвать неспешным.

— Я применил данный термин сознательно, поскольку в другом месте... есть такие вещи... — заикался я — короче говоря: то, что здесь происходит, мне кажется игрой в жмурки. И в этом значении "проступок", если не сказать "лажа", прекрасно соответствует ситуации.

Я все время избегал упоминания темы статуй,

поскольку урок, вынесенный из столовой, заставлял хорошенько задуматься. Вполне возможно — если бы не присутствие здесь заключенного — я бы и вернулся к прерванной там беседе.

— Вы, видимо, представляете, — заговорил Асурмар, — будто мы полностью утратили контроль над принципиальными событиями.

— Да нет, вы управляете ними с достойным удивления искусством; только дело в том, что эти принципиальные события, как вы сами их назвали понимаемые вами как принципиальные — на самом деле таковыми и не являются.

— Напоминаю, что один неприятный урок вы уже получили. Неужто вам спешно хочется получить и другие?

— Это правда, какое-то время я блуждал...

— Тогда прошу в будущем точно выполнять распоряжения начальства. В течение всего периода пребывания в этом секторе вы подчиняетесь нашим чрезвычайным предписаниям. Вашим непосредственным начальником является полковник Гонед. Кроме того, обязан вам сообщить, что индивидуальное задание, с которым вы сюда прибыли, с распространенной здесь точки зрения имеет второплановый, если не сказать прямо: маргинальный характер.

— Я догадывался об этом уже с первых минут.

— Прошу прощения за грубоватые акценты в своей речи. Но в подобных обстоятельствах их было не избежать. Обо всем этом я говорю ради вашего же добра. Со своей же стороны я постараюсь объясниться и оправдать вас перед полковником.

— Буду весьма обязан. Но могу ли я говорить открыто?

— С удовольствием послушаю.

Я кивнул головой в сторону решетки и мужчины на табурете, который, еще более бледный, чем ранее, поглядывал на нас все чаще.

— В его присутствии можете говорить совершенно свободно, как будто тут никого нет. Отсюда он уже не выйдет.

Я сочувственно присмотрелся к мужчине. Меня уже замучила атмосфера попыток старательно избегать определенных тем.

— Вы часто выплываете из города? — спросил я прямо, ожидая при этом какой-то небанальной реакции.

— Не чаще, чем в этом возникает необходимость, — совершенно обычным тоном ответил Асурмар. — Вам тоже следовало бы разок прогуляться, потому что в рассказах это выглядит

совершенно иначе. У вас не было бы никаких сложностей с получением разрешения, хотя, по сути, ваше пребывание здесь связано с фигурами из комнаты теней. Но только прошу не касаться данной проблемы в той форме, в которую вы же сами облекли свои высказывания вчера, во время ужина. Вы сами видели, как мне пришлось унизить себя, лишь бы не допустить скандала. Определенные группы людей в этом плане ведут себя не совсем адекватно, так что вам придется уважать царящие здесь настроения. Было бы лучше, если бы вы вообще удержались от непродуманных замечаний.

После этого высказывания Асурмара произошла вещь для меня совершенно неожиданная: я завис в умственном вакууме. Я так много хотел узнать сразу, но мне не хватало слов, достаточно осторожных, которые — не выдавая моего происхождения — одновременно развеяли бы все остальные сомнения.

— Я последую вашему совету, — шепнул я.

После этих слов воцарилась тишина. Я ее боялся: она означала, что сейчас я отсюда выйду, ну а уйти означало: остаться ни с чем. Я боялся новых шатаний в тумане, посреди бесконечного ряда вопросов, остающихся, как правило, без ответа; я

опасался, что меня вновь охватит своим ледовым взглядом глаз — что, возможно, я и открою тайну статуй, зато никогда не пойму людей.

Тема уже была исчерпана, следовало уходить. Мне никак не приходило в голову никакого подходящего вопроса; наоборот — на его место перлись все те лобовые вопросы, которые бы меня сразу же скомпрометировали. А самое паршивое, в двери появилась голова Алина. Асурмару больше нечего было мне сказать. Он дал знак Алину, чтобы тот вошел. Подчиненные Гонеда молча заняли место за столом возле решетки. Перед этим Сент поставил на полу возле заключенного кружку с водой и опиравшийся на ее краю сухарь. Мужчина даже не глянул на свой завтрак; зато я все время присматривался к нему; мне показалось, что человек этот все время подает мне украдкой какие-то знаки. Как только он скорчил заговорщическую мину, я тут же начал старательно избегать его взгляда. Алин с Сентом за столом начали партию в карты.

— Видимо, нет полной уверенности относительно того, каким будет приговор этому человеку? — спросил я, чтобы хотя бы что-нибудь сказать.

— Нет, — неохотно отозвался Асурмар. (Алин без слова сделал круговой жест возле шеи.) —

Полной уверенности нет. Будущее каждого из нас покрыто глубокой тайной.

— Это правда, — поспешно признал я его правоту. — Но, по крайней мере, если говорить о прошлом, мы крепко стоим на ногах.

— Оно тоже расстилается за нами словно мрачная ночь.

— Я должен воспринимать это дословно?

— Понятное дело, что выражением "мрачной ночью" я воспользовался в метафорическом смысле; прошлое туманно; мы его, попросту, не знаем, даже тогда, когда оно непосредственно касается нас.

— То есть как это, мы его не знаем? — поспешно подхватил я данную тему, уже ощущая, что иду правильным путем. — Ведь подобным утверждением вы противоречите очевидному.

— Неужто достаточно уверенным не является уже то, что наше мнение о прошлом является сборищем субъективных интерпретаций?

— Согласен, давайте примем такое различие: разделение на факты и на представления о них. Так что, когда я говорю, к примеру, что родился... и после этого сообщаю точную дату (это пример настолько банальный, что приводится чаще всего), то тем самым подтверждаю несомненный

факт из прошлого.

— К сожалению, этим вы не подтверждаете никакого факта.

— Правда?

— В своем примере вместо самого факта вы представили собственное суждение о прошлом.

— У вас оригинальная точка зрения, но разве способ расхождения со здравым рассудком не кажется вам слишком уж разительным?

— Не будем говорить о здравом рассудке, потому что реальность имеет с ним мало общего. Повторяю, что вы представили исключительно собственное суждение о прошлом. Даже извлекая из него столь мелкую подробность, вы признали, что она является существенной, и это автоматически выдало ваше к ней отношение.

— Но ведь я не выражал мнения о себе самом, но только упомянул дату своего рождения.

— Уже этого будет достаточно в качестве мнения, потому что наряду с датой вы акцентировали свое собственное или чье-либо иное присутствие в мире, в данный момент выдвигая его на первый план. Подобного рода процедура носит все признаки абсолютно субъективного взгляда.

— Только не нужно смеяться надо мной! Неужто, все имена я обязан перечислить одно-

временно?

— А что вытекает из невозможности сделать это?

— Таким образом, мы никогда не придем к пониманию. Ведь я же не упираюсь относительно даты своего рождения, которая вам как раз и не нравится. Я мог представить и какой-нибудь иной пример; в конце концов, мы не можем жаловаться на недостаток фактов.

— Из этого ничего нового бы не вышло: сами по себе факты недостижимы; вместо них мы располагаем лишь интерпретациями прошлого. Невозможно освободиться от собственного мнения о чем-то, что проявляется в основном если не исключительно — через сделанный выбор, и которое не является ни истинным, ни фальшивым — но только лишь собственным, если, конечно же, не является чужим, что случается чаще всего, и что составляет еще худший случай.

Во время нашей беседы заключенный глядел то на Асурмара, то на меня, своими движениями напоминая зрителя, следящего за игрой в пинг-понг. Мина у него при этом была такая, как будто от результата нашей словесной стычки зависела его колеблющаяся судьба. Зато Алин с Сентом, поглощенные игрой в карты, совершенно не

обращали на нас внимания.

— Так зачем же провозглашать идеи всеобщего детерминизма, — продолжил развивать идею Асурмар (было видно, что я затронул самую сердцевину уже давно беспокоящих его мыслей), — зачем упираться в том, что объективно данные причины всегда ведут к одному и тому же результату, который, опять же, становится причиной следующих конечных состояний соединенных бесконечной цепью связей, что позволяет судить, будто бы все будущее заранее определено самой природой. Тогда зачем же, повторюсь, обманываться якобы открывательской значимостью подобного рода уверенности, раз мы этого будущего — уже заранее определенного или же нет — не в состоянии познать в его реальной форме, даже и тогда, когда оно превратится в совершенное время?

Слушая подобный вывод, который был диаметрально противоположен моим предыдущим размышлениям, я глядел на тонкую струйку клея, выплывающую из какой-то щелки в жестянке. Банка с клеем стояла на краю стола, над стулом, на который Асурмар сложил кипу загадочных объявлений, так что через несколько минут на первый плакат пролилась приличная порция

жидкого клея и разлилась на нем несколькими лужами, что вызвало проявляющую реакцию обширных фрагментов текста, и чего Асурмар со своего места заметить не мог. Сам я сидел рядом с этим стулом, так что, опустив глаза вниз, лишь притворяясь, будто внимательно слушаю, у меня появилась возможность сконцентрироваться на содержании странного объявления.

Мне удалось прочитать полностью лишь те отделенные друг от друга чистой бумагой фрагменты, которые хорошенько напитались клеем:

...поскольку до сих пор рассматривали человеческое сознание в

таких категориях, которыми анализируют исключительно явления. Отсюда и

возможность отрыва разума от мозга, как возможность отрыва формы от

содержания — казалась нам совершенно исключенной...

...что их существование обязано основываться на цивилизации

разумов нашего — на одну ступень более низкого — уровня.

То есть, в течение миллионов лет — без какого-либо понятия о

сути столь будничного явления — сами регу-

лярно, через каждые десяток с
лишним часов, предаемся в их невидимые — как до сих пор — руки,
поскольку те принципиально превосходящие нас существа основываются на
фазе материи, организованной в форме наших разумов в течение всего
нашего, как правило, восьмичасового сна. Именно отсюда и берется тот
загадочный до сих пор эффект угасания сознания у спящего человека,
только лишь отсюда следует выводить и сам сон — результат процесса
потребления высшего порядка, в котором они с беспамятных времен
переваривают наши умы, вовсе не убивая их — точно так же, как мы сами
стрижем наших овец или же доим коров...

У меня не было времени задуматься над содержанием этого совершенно странного объявления, посему, практически ничего не поняв, я сконцентрировал внимание на словах Асурмара, который продолжал на одном дыхании:

— ...охватить целое во всех его необыкновенно сложных проявлениях, вновь кажется обязательным, поскольку мы желаем это целое понять и

описать. То обстоятельство, что из неисчислимого количества сосуществующих подробностей действительности мы всегда выбираем определенное конечное и по самой природе ничтожное их число, указывая на данное обстоятельство, что, само по себе дисквалифицирует данные факты как объективные. Всякий элемент, вырванный из целостности, становится для нас уже чем-то совершенно иным, он присваивает совершенно новые свойства, всякая изолированная частица выдает качества, отсутствующие в тот момент, когда частица эта еще была созвучна целому.

— Из этого следует лишь то, — перебил я его, чтобы доказать собственные размышления над его словами, — что, называя что-либо по имени, я уже деформировал путем сделанного выбора как саму лишенную своей части целостность, так и этот, извлеченный из нее, элемент. Но ведь при описании ситуации можно взять поправку на подобного рода деформацию.

— Из этого следует гораздо больше, чем на первый взгляд кажется: указать на нечто существующее среди прочего — это означает выбрать, ну а выбрать — это как раз интерпретировать реальность, то есть, с помощью тенденциозно вырванных из целостности элементов формули-

ровать некий определенный образ мира. И то, что каждый образ — пускай даже самый безумный — найдет достаточные обоснования, было не раз уже доказано. Кто-то скажет: "Горчица", вы спросите: "Что за горчица?", а тот объяснит: "Ну да, горчица — существует!" Но он является сумасшедшим не потому, что повторяет эти слова всю жизнь, с различными оттенками и в различных ситуациях, но лишь по той причине, что в своем образе он совершенно одинок. Но будет достаточно, чтобы эта самая горчица появилась на экранах телевизоров, чтобы она торчала на них все двадцать четыре часа, целыми годами, чтобы о ней начали говорить детективы, вестерны и философские трактаты; чтобы люди рядом с ней рождались и умирали, как появятся глубокие конфликты, связанные с амбициями: "У всех горчица имеется, а у меня нет!", юридические проблемы: "Разрешено ли перевозить горчицу тайком?" и научные: "Из чего можно выдавить горчицы как можно больше?", новые эстетические критерии: "Вот этот вот горчичный ход — это и в самом деле представляет собой выразительную силу!", не говоря уже о трогательных лиричных произведениях: "Его горчицу обожаю...", наконец, религиозные догмы: "Существует только лишь

одна Горчица", и постоянные организационные хлопоты: "Чем заполнить пустоту между одной порцией горчицы и другой?" — и вот уже на месте старой культуры появится горчичная цивилизация, в которой упомянутый в самом начале чудак будет пестовать очень высокую и ответственную функцию. Вы скажете, что это нонсенс: видеть все под столь узким — горчичным углом. Что, принимая во внимание постоянную склонность к умножению абсурдной ситуации, ей следует противостоять не с помощью бесплодной — как учит опыт — болтовни о горчичном прошлом, не с помощью псевдознания о нем (раздутого в тысячах томов и проиллюстрированного в картинах и песнях), которое, вместо осуждения вечно преображается в болезненную увлеченность, но убрать его путем освобождения места для новых ценностей, присутствующих на отдаленных планах же с самого начала истории. Слыша подобное, люди ужасно удивятся: "Как же так? — спросят они. — Ведь горчица существует объективно!" "Да! — выкрикнете вы, уже несколько ослабленный. — Иногда и действительно: появляется. Но не только она, не она одна. И не она прежде всего!" И вот тут вас раздавят на месте: "А разве она не исполняет в нашей жизни основной, принципи-

альной роли!"

— То есть, всякий отдельный мир создается таким образом, что умалчивает существование иных миров.

— Естественно.

— И, в связи со всем вышесказанным, вы предлагаете единственным реальным фактом назвать всю Вселенную, растянутую во времени и в пространстве.

— Именно к такому выводу я и стремился.

— То есть, это был бы диалектический охват, уверенность о всеобщей связи вещей, рассматриваемых не во взаимном отрыве, но исключительно в их одновременном сосуществовании и развитии во времени. Но, все же, мы сами, ведущие подобного рода рассмотрения, мы сами, повторю, так же мельчайшие элементы в неизмеримой реальности, не можем ли опереться на какой-либо уверенности? Разве мы не знаем, кем являемся, где находимся и что здесь, собственно, делаем?

— Вас, к примеру, зовут Нэт Порейра. Вы находитесь в укрытии Каула-Зуд, в глубинах земли, а ваше занятие состоит в исследовании объектов, сформированных силами природы.

— Ну, именно.

И подобное описание собственной ситуации в мире вас полностью удовлетворяет?

Уж лучше такое, чем вообще никакого. Это всего лишь скелет. На очерченной подобным путем мощной конструкции можно опереть и все остальное. Можно и нужно заполнить эту конструкцию подробностями.

А разве подробности выживут, когда рухнет основная конструкция?

Не может сломаться нечто столь несомненное как уверенность в том, что я есть, мыслю и чувствую.

Согласен — то, что вы сейчас перечислили, останется. Но только автоматические ответы: "Я зовусь так-то и являюсь тем-то", "Нахожусь тут-то", равно как "Занимаюсь тем-то с целью достижения того-то и того-то" окончательной информацией не являются. Это всего лишь удары теннисной ракетки, которыми мы отбиваем от себя, словно мячи, вопросы реальные. И этим самым мы их вовсе не уничтожаем, что заменяем муляжами истинных ответов.

Я опустил взгляд на собственные руки, которыми бессознательно раздавливал спичечный коробок. Все так, как будто он просмотрел насквозь, как будто сал обладателем моей величайшей

тайны, хотя сам я ничем себя не выдал. Он так всматривался в меня, как будто — уже зная обо мне все — лишь подбирал в мыслях слова, чтобы ими меня окончательно демаскировать. Он царил надо мной своими аргументами — это точно. Мне следовало наконец-то решиться, открыть основной смысл: желала ли сила, которая управляла мной — могучий и непроникновенный Механизм, подкрасться, окружить и уничтожить людей в своем скрытом ото всех стремлении, или же наоборот — освободить их? Но я был лишь элементом этой силы, высланной в пространство ячейкой, послушным ее воле орудием. Где же — или в себе самом — нужно мне было искать ответа?

— Меня заставляет задуматься одно из ваших высказываний, — заговорил я. — Приведу его в дословном звучании. Вчера вы сказали: "Мы, фигуры из Его сна, обязаны заботиться о том, чтобы Его не разбудить". Вы сделали акцент именно на те местоимения, которые выделил сейчас и я, из чего делаю вывод, что вы имели в виду очень важную личность. Кого вы имели в виду тогда, и какой смысл содержит в себе это непонятное высказывание?

— Я сказал нечто подобное?

— Несомненно. Иначе бы я просто не поднял эту тему.

— Когда это было? На ужине?

— Нет, не там.

— Может в лифте, когда я провожал вас в наш сектор?

— Мне очень жаль, что я обратил ваше внимание на нечто, чего, похоже, вы совершенно не желаете помнить.

— Но ведь я и не упираюсь. С охотой вспомню.

— Вы произнесли это в коридоре, у выхода к пространству, покрытому сожженным лесом.

— У выхода к пространству, покрытому сожженным лесом, вы сказали?

— А что вас так удивляет? Я запомнил каждое слово, поскольку, уже после инцидента с лежаком, когда вы на какое-то время исчезли с моих глаз, манекен, сформировавшийся из остатков летающего объекта, повторил это предложение слово в слово. Настолько точно, как будто бы вас передразнивал.

— Манекен... повторил...? Что это вы тут выдумываете?

— Вы не были свидетелем начала той сцены, потому что подбежали к нам уже через пару минут. Достаточно уже того, что манекен повторил

за вами не только упомянутое предложение, но и поочередно все слова, с которыми вы обратились ко мне во время нашего пребывания среди горелых деревьев. Всем этим я был поражен в той же самой степени, как и вы сами, сейчас, когда я об этом рассказываю.

— Да нет, я удивлен чем-то иным, совершенно иным.

— Чем же конкретно?

— Потому что я не понимаю, зачем вы придумали всю эту историю. Если это и должен быть ваш аргумент в нашей дискуссии, то я должен признать, что я совершенно легко в ней выиграл. Но сейчас я вас никак не понимаю.

Уже не один только заключенный, но и Алин с Сентом глядели на меня с неожиданно пробудившимся любопытством. Предыдущее заверение Асурмара, что можно говорить откровенно, ввело меня в ошибку. В собственном стремлении узнать правду я, по-видимому, зашел слишком далеко. В присутствии этих людей Асурмар недвузначно отпирался от всего.

— Вы уже завтракали? — резко сменил я тему и поднялся с места.

— Еще нет. Но для меня большая честь, что я принимал участие в перипетиях вашего сна. Вот

только никак до меня не доходит, что все это должно доказывать. Могу предположить...

— Хватит! — довольно невежливо перебил его я. — Вы не пойдете со мной?

Я злился на Асурмара из-за того, что он без какой-либо необходимости ломает комедию перед присутствующими, и при этом явно направлялся к выходу, незначительно таща своего собеседника за собой. Мы вышли в прихожую.

— Давайте пройдемся по коридору, — предложил тот.

— Вы уж извините за следующее беспокойство, — обратился я к нему, — нор у меня в голове настолько все перемешалось, что я совсем уже не понимаю, что мне разрешается говорить открыто, а что скрывать, когда и перед кем.

— Но ведь здесь нет никаких неясностей кроме той, исследованием которой вы сами занялись.

— То есть, нет никаких тайн, кроме самих статуй?

— Ну конечно же. Это вы сами, исключительно ради собственного пользования, как мне кажется, создаете для себя какие-то дополнительные загадки, как будто нам не хватает одной той.

— Тогда почему в присутствии Алина и Сента, а может и заключенного, я и сам уже не знаю, вы

корчили недоверчивые мины, и почему тщательное описание вчерашних событий вы назвали выдумкой?

— А я и не мог реагировать иначе, поскольку мне не известны причины, ради которых вы все это придумали.

— Придумал? Теперь уже я, в свою очередь, начинаю подозревать, что вы смеетесь надо мной. Лично я желал всего лишь выяснить значение вашего вчерашнего высказывания.

— Не будем уже говорить о том одном предложении. Прежде всего, все обстоятельства места, в котором, якобы, произошли описываемые вами события, на все сто придуманы, о чем вы и сами прекрасно знаете. Потому-то я и удивляюсь вам, не понимая, к чему вы ведете.

— Вы продолжаете утверждать, будто я все это придумал.

— А никакого иного выбора у меня нет.

— Мы можем сейчас же пройти через туннель на место, что позволит вернуть вам память, если и не всю, то, по крайней мере, ту ее часть, которая касается того, как вы выкинули с лежака вашего же двойника. Разве вы не сделали этого собственноручно?

— Меня все так же удивляет ваша фантазия.

— Я покажу то место на земле...

— К сожалению, вы этого не сможете сделать.

— Почему это?

— Потому что сожженный лес существует исключительно в вашем собственном воображении.

— Тогда пошли!

— Замечательная идея. Осмотр на месте прочистит вам мозги. Но только я не могу принять в нем участия, в связи с чем загляну в бар. Если вы захотите в ближайшее время встретиться со мной, то зайдите в гости. Я занимаю комнату Е-43.

Он удалился в сторону приоткрытой двери, откуда доносился говор многочисленных голосов.

— Тут имеется вытяжка с фильтром, благодаря чему, можно покурить, бросил он мне вослед.

Только я уже его не слушал. Ускоряя шаг, я направлялся хорошо известным мне путем к тунелю, ведущему к обширному небу с бело-синим шаром луны в глубине темно-синей пустоты, к имитации открытого пространства — я прекрасно понимал это уже тогда, когда стоял там с погруженными в пепел ногами, среди искалеченных черных растений, когда свежее дуновение ветра несло вонь давно угасшего пожара.

По узкому проходу я протиснулся между двумя

приближенными стенами и очутился в предбаннике, откуда по мрачному коридору добрался до прохода, ведущего в туннель. Сердце беспокойно забилось уже в тот момент, когда я открывал дверь. Прохода не было! Я стоял в каком-то коротком, пустом помещении с потолком, напоминавшим свод туннеля. Там же, где я ожидал увидеть уже известный пейзаж, виднелась литая стена, покрытая старой, потрескавшейся краской. Я уткнулся в нее лбом и закрыл глаза. Ноги подо мной подкосились.

11. ПРИЗНАНИЯ ШПИОНА

Коридор вел к неизвестной мне части сегмента. Проходя мимо ряда дверей, в какой-то момент я подумал, что, если бы мне удалось какую-нибудь из них открыть, тогда — при какой-то доле удачи — там нашлась бы и пустая кровать. Я даже был готов согласиться с возможностью скандала, который мог закончиться тем, что меня выкинут за двери, если бы в настоящее время отсутствующий обитатель комнаты, возвратившись к себе, застал меня в постели. Так или иначе, но я мог бы хотя бы часок поспать, а здесь, в коридорах, нельзя было найти места, чтобы даже посидеть.

Под влиянием подобного рода мыслей я нажал на несколько дверных ручек. Двери были закрыты на ключ; только лишь четвертая уступила, открывая внутренности небольшой комнаты, занятой двумя беседующими мужчинами. Я сказал "простите" и уже собрался отступить, когда человек, стоявший сразу же за дверью спиной ко мне бросил быстрый взгляд через плечо и резко повернул лицо к своему товарищу. Тот стоял чуть подальше, в глубине комнаты, возле перевернутого стула. Чай из разбитого стакана постепенно

заливал лежащие на столе бумаги. Оба мужчины тяжело дышали. В первом, у которого галстук на разорванной рубашке переместился чуть ли не за спину, я узнал Уневориса. Он заслонял собою нечто, что держал в вытянутой руке на уровне груди.

— Будьте добры, господин Порейра, присядьте на том вот стуле, произнес он, не отрывая взгляда от своего собеседника. — Господин Коорец не помешает нам, тем более, если будет столь любезен, что поставит стул и займет на нем место.

— Вчера вы собирались сообщить мне что-то важное, — напомнил я ему, садясь на указанном стуле. При этом у меня тлела надежда на то, что такого рода вступление объясняет мое неожиданное появление в этом месте. — Я уже не проживаю в комнате Вайса. Так что подумал, что вам будет меня найти трудновато. Вы упоминали о какой-то проблеме, касающейся физики. Она все так же актуальна?

Пока я все это говорил, Уневорис обошел меня сзади и занял место за столом. При этом он лавировал столь искусно, что мне не удалось увидеть предмет, который он держал возле груди. Усевшись, он опустил правую руку на колени. Хотя я все так же не видел эту руку, легко можно было

догадаться, что в ней он держит нацеленный на второго присутствующего револьвер.

— Проблема актуальна даже более, чем когда-либо.

— И чего же она касается?

— Нашего положения. При этом, наше "положение" занимает меня как в прямом, так и в переносном смысле.

— Тогда слушаю вас. Каково же оно по вашему мнению?

Тот пододвинул ко мне смоченный чаем блокнот.

— Вы уж извините, что я не буду писать. — При этом он все время всматривался в мужчину на стуле с таким вниманием, как будто бы обращался исключительно к нему. — Такое, понимаете, несчастье, случай, которых бывает так много: я вывихнул правую руку.

— То есть, вы желаете, чтобы я стенографировал вашу беседу?

— Нет. Вас я попрошу выполнить несколько простеньких вычислений. Вначале я задам вопрос, который, на первый взгляд, не имеет с действительностью ничего общего. Какой путь преодолеет звездолет, вылетевший с Земли, если через год, оставаясь все время в состоянии равно-

мерно ускоренного, прямолинейного движения, он достигнет скорости, весьма приближенной к скорости света?

— Вы меня, что, желаете насмешить? Для меня это выглядит как экзамен по элементарной физике. Одним словом, под видом каких-то абстрактных размышлений, вы желаете испробовать мои умения?

— Сами перестаньте шутить, тут очень важное дело. Я пришел к некоему выводу, и мне бы хотелось, чтобы вы тоже над ним поразмыслили.

— Описанный вами объект преодолеет половину светового года, если измерять по земным меркам. Или вам необходим результат в километрах?

— Прекрасно, этого мне достаточно. А сколько времени потребуется на то, чтобы этот самый звездолет, непрерывно двигаясь с ускорением, полностью равным земному, достиг той самой границы скорости?

— Тут уж мне придется воспользоваться блокнотом.

— Займитесь этим, пожалуйста. Завтра уже может быть поздно для проведения определенного наблюдения.

Я вынул ручку, низко склонился над блокнотом

и быстро глянул под стол, на колени Уневориса, где брякнуло что-то металлическое. Правой ладони мне заметить не удалось, поскольку тот быстро переместил ее в новое место. Сидящий на стуле мужчина не был похож на перепуганного. Раз за разом он зевал и поглядывал на часы, чем выражал собственное нетерпение, но никак не страх перед нацеленным в свою сторону оружием. Неужто я все же ошибся, подозревая, будто перед самым моим появлением здесь разыгралась какая-то ссора, закончившаяся стычкой, если не дракой?

Считал я без всякого энтузиазма. Чай из заливающей стол лужи мерно капал на пол. В подчеркнутой шелестом страниц тишине я услышал возбужденный мужской голос, доходивший из-за двери соседней комнаты. Пребывающий там мужчина кричал на кого-то, кто практически не отвечал. Когда же я записывал окончательный результат, я вздрогнул и невольно оглянулся, потому что мне показалось, что в одном из тихих голосов за стеной узнал знакомые нотки.

— Триста пятьдесят четыре дня, — сообщил я, выполнив деление. — Чуточку не хватает до целого года.

— Сходится, — подтвердил Уневорис. А до этого

результата нам не хватает восьмидесяти суток. Двести семьдесят четыре дня уже прошли.

— Вы имеете в виду тот период времени, что прошел со дня катастрофы до сегодня?

— Да. Я говорю именно об этом периоде. Но кроте того я считаю, что каким-то загадочным образом мы потеряли те восемьдесят дней, которых не хватает до трехсот пятидесяти четырех, и которые, наверняка, для нас уже прошли. Это прозвучит как предупреждение, сделанное глухим людям, но прибавлю, что критический момент может наступить в любое мгновение — хотя бы и сегодня, через час или даже через секунду. И я совершенно не удивился бы этому.

— Что вы понимаете под "критическим моментом"?

— Тот момент, когда отключится тяга фотонного двигателя. Это же очевидно, что при достижении субстветовой скорости двигатель будет выключен, и, что за этим следует, движение из равномерно ускоренного автоматически превратится в равномерное. Из этого последуют очень серьезные хлопоты. Назовем их скромно — текущими сложностями. Потому что о тех, которые появятся в ближе не определенном будущем, лучше и не упоминать.

— То есть вы хотите сказать, что мы находимся почти на половину светового года от Солнечной Системы?

— В этом я уверен.

— И это, как вы считаете, взгляд совершенно отдельный?

— К сожалению. Среди окружающих Лендона людей эта идея, насколько мне известно, не нашла никакого понимания. Вы очень тщательно заботитесь о том, чтобы данный взгляд не был распространен. Может статься, что эту пугающую правду держат в тайне и не напрасно. Но почему советники Лендона, когда я поделился с ними своими наблюдениями, меня высмеяли? Неужто факты сами не говорят за себя!

— Какие такие факты? Ведь пока что вы дали мне образ оторванных от реальности спекуляций. Что означает, к примеру: "Мы потеряли восемьдесят дней"?

— Этого я не знаю, но пока что не назвал главной причины, на которой основал свою гипотезу.

— Хотелось бы ее узнать.

— Первая причина — это принцип эквивалентности Эйнштейна. Вы глядите вокруг себя с блаженной уверенностью, будто все предметы здесь притягиваются здесь к полу в результате

действия силы гравитации...

— Тем временем, это реакция на постоянную силу, приложенную к вырванному из земли и занесенного в космическое пространство укрытию, то есть сила инерции. Вы так рассуждаете?

— Естественно. Потому что в данной точке пространства эффекты гравитации и равномерно переменного движения идентичны, и их невозможно различить. Я уже сказал, что ускорение этого движения в точности равно ускорению свободного падения на Земле.

— Могу догадываться, что все, до сих пор затронутое, было только подготовкой, вступлением к введению последнего аргумента.

— Вы угадали.

— И им является вычисленное сегодня соотношение времен. Одного, протекающего в городе, назовем его релятивистским городом, и второго которое протекает здесь.

— Именно это я и имел в виду! А вы знаете, какой относительной скорости города и убежища соответствует такое соотношение скоростей времен?

— Близкой к световой.

— Следовательно, круг замкнулся.

При этих словах сидевший на стуле мужчина

вздрогнул и замигал, кривя губы, как будто бы только что проснулся. Не знаю почему, но он меня раздражал. Сейчас на его лице не было той скучающей мины, как раньше. Но, по-видимому, он вообще не следил за нашим разговором, а мерил взглядом расстояние до двери.

— А теперь я, в свою очередь, задам вам вопрос, — отозвался я. — Чем является, по вашему мнению, исследуемый нами город?

— Фотографией.

— Как это?

— Для нас он является достаточно специфическим фильмом.

Что-то заставило меня перестать слушать Уневориса. У меня в ушах продолжали звучать какие-то слова, но мое внимание обращал не их смысл, поскольку они были довольно тихими, но звучание голоса, который эти слова произносил. Я уже не сомневался, что меня мучило уже несколько минут, когда, беседуя, я одновременно вслушивался в доносящиеся из-за стены звуки. Среди других я узнал тихий голос Ины. Она находилась в соседней комнате. И там кто-то ее ругал. Эта встреча меня радовала.

— Сразу же предупреждаю, что я имею в виду фильм, абсолютно совершенный во всех отно-

шениях, — продолжал Уневорис. — Все эти изобретения как стереоскопия, полная панорама... и так далее, являются всего лишь суррогатами верности этого образа Каула-Зуд, который, зафиксированный в день четвертого июня и проецируемый в пространство, путешествует сейчас за нами, словно вынутая из альбома перед отправкой в путешествие и хранимая в кармане фотография.

Сейчас мои мысли были заняты чем-то иным, но беседу я поддерживал. Во мне тлела надежда на то, что по пути в коридор Ине придется пройти через это помещение.

— То есть, вы стоите на том, что нам представлен не сам перенесенный во времени город, но его абсолютная репродукция? — спросил я тихо, поскольку желал ухватить какой-нибудь кусочек разговора за стеной.

— Несомненно. Потому-то любое изменение, вводимое нами там, не является вмешательством в прошлое города, и, тем самым, не может решить о форме нашего сегодня. По той же самой причине вы не украшаете своего вида годичной давности, ретушируя сегодня сделанной тогда фотографии. Подобного рода операция влияет только лишь на поддержку самочувствия, поскольку позволяет

пестовать в себе сладкую иллюзию.

— Н хорошо, а где же, по вашему мнению, эта репродукция находится? Тут, рядом с нами, сразу же под дном убежища, или же в множестве километров отсюда, где за нами осталась Земля? Меня поражает парадокс, заключенный в образовавшейся ситуации.

Тут я услышал несколько более выразительный голос из-за двери: "В принципе, от вас и не требуют совершить невыполнимое!"

Возбужденный силой своих аргументов, мой собеседник по мере дискуссии все больше поворачивался ко мне фронтом, как бы презирая проявляемую поначалу осторожность и позабыв о присутствии второго человека. Тот же, вроде бы, безразлично глядел в угол комнаты, но при этом выразительно подался вперед и поменял положение ног, из чего опять же могло следовать, что он ожидал наилучшей возможности для нападения и готовился прыгнуть на своего стражника. В опасении перед тем, чтобы не показаться смешным в том случае, если бы все мои подозрения оказались ошибочными, я удерживался от комментариев на данную тему.

Зазвенел телефон. Уневорис поднял трубку и — если не считать брошенного в нее ругательства

— произнес только одно предложение: "В таком случае, пришлите Сента, ведь я отсюда выйти не могу".

— Нелегко открыть эту тайну, — продолжил он через какое-то время тоном, указующим на то, что не забыл мой последний вопрос. — Репродукция находится здесь — возле нас, в противном случае мы бы не могли ее осматривать, но одновременно она находится и там — на далекой Земле, поскольку — если бы она не осталась на месте — мы бы не наблюдали ее в навязанных движением трансформациях. Так может проектор находится там, а образ тут? Его несут к нам высылаемые из места похищения электромагнитные волны. Подобное объяснение может убрать все противоречия. Здесь у нас одновременно имеется дополнительный эффект в форме эффекта Допплера: сдвиг высылаемых проектором световых волн к более длинным волнам, причем, такой значительный, что лучи, для горожан видимые, для нас являются радарными, а на их место сдвигается диапазон гамма излучения. Приемное устройство галактического корабля, в трюме которого находится наше убежище (было бы наивно считать, что звездолет имеет форму сигары, которую мы всегда представляем,

когда речь идет о космических кораблях), воспроизводит программу, излучаемую с Земли. Это неизбежность чисто физическая и неизбежная, что мы прослеживаем ее сквозь призму релятивистских эффектов. Относительность всякого рода движения вводит нас в ошибку: это не город удаляется от нас, а мы от него.

Внимательно следя за ходом сенсационного высказывания Уневориса, я не переставал прислушиваться к голосам из-за стены. Теперь там царила тишина. Я обеспокоился тем, что Ина то помещение уже покинула. В таком случае, мне бы не удалось ее снова найти, ведь я не знал даже ее нынешнего имени.

Я поднялся с места.

— А знаете ли вы, почему мы можем подозревать, что наше паническое бегство в убежище...

— Прошу прощения, — перебил я его. — Есть ли из соседнего помещения непосредственный выход в коридор?

В то время, как Уневорис глядел на меняя более вытаращенными глазами, чем раньше, называемый им Коорецом мужчина поспешно кивнул. Это движение перешло в что-то похожее на нервный тик. Кивая, он подал мне рукой какой-то неопределенный знак, как бы желая сказать

этим: "Ну, наконец-то ты врубился в ситуацию!".

У меня уже не было ни времени, ни желания выяснять смысл этой многозначной сцены. С мыслями, занятыми образом удаляющейся Ины, я направился к двери. И в тот же самый миг у меня за спиной прозвучал выстрел.

Я увидел Кооpеца, остановленного в прыжке, на половине расстояния от стола, где его прошила пуля. В руке вскочившего с места Уневориса блеснул ствол револьвера. Мертвое тело мужчины свалилось на пол. В двери показалось перепуганное лицо Ины. Мне не удалось перехватить ее взгляд, который скользнул по мне как по совершенно постороннему предмету, прежде чем остановиться на лежащем.

— Вы засвидетельствуете, что я действовал в соответствии с последними инструкциями, — холодно заявил Уневорис. — Спешка здесь была просто неизбежной.

Ина подняла на него взгляд. В ее глазах уже не было изумления, но лишь застывшая в длительном страдании печаль. При всем при этом меня она совершенно не замечала; я не успел прийти в себя, как женщина без слова исчезла в соседнем помещении.

— Будет лучше, если вы отсюда уйдете, — слов-

но во сне услышал я голос Уневориса.

Я вышел в коридор. Неподалеку от входа в комнату, которую я только что покинул, находился туалет. В нем я и спрятался. Сквозь щелку в двери я собирался выглядывать в коридор. Я ожидал продолжения, а может и объяснения непонятных событий. Да и Ина, в конце концов, тоже должна была выйти. В ушах до сих пор звенело эхо недавнего выстрела. Я не мог согласиться с мыслью, будто какая-то инструкция разрешает здесь стрелять в людей как в набитых опилками кукол. Впрочем, меня не так уж занимало, кем был Коорец, и почему Уневорис убил его у меня на глазах с таким спокойствием, будто бы здесь речь шла о такой ничтожной, сколь и понятной в каждой своей мелочи вещи. Почему столь сухо он констатировал смерть? Более всего меня обеспокоило странное поведение Ины. Наверняка у нее были причины, чтобы в присутствии Уневориса не признаваться к знакомству со мной. Скорее всего, она ввязалась в какие-то скрытые действия, что вело за собой необходимость соблюдения строжайшей конспирации.

Несмотря на все это, я не мог поверить, чтобы Ина была способна взять себя в руки до такой уж степени. Совершенство ее игры меня удивляло и,

одновременно, беспокоило. В ее глазах я не видел даже малейшей искорки узнавания. Вместо этого, в ее взгляде было полнейшее безразличие, столь правдивое, какое проявляют к человеку по-настоящему чужому. Понятно, что время нашего знакомства прошло в абсолютной темноте, зато мы видели друг друга достаточно долго через стекла цилиндрических аппаратов уже в самом начале, в сфере действия Механизма. Или же мой доносящийся из-за стенки голос предупредил женщину о моем присутствии в прилегающем помещении, благодаря чему, она и смогла затем сохранить хладнокровие?

Сквозь щель я увидел, как дверь в комнату Уневориса открывается, и тут же вздрогнул, когда на пороге появился Коорец, массирующий синяк на скуле. Мужчина быстро прошел по коридору. Ничего, кроме этого синяка, о вреде его здоровью не свидетельствовало. Когда он проходил мимо дверей туалета, из своего укрытия я прекрасно мог видеть его довольное лицо.

Выходит, все это было фикцией, обманом и игрой. Кого и в чем должна она была убедить? На ком должен был сделать впечатление Уневорис, когда выстрелом холостого патрона импровизировал сцену, которая ни коим образом не могла

быть подстроена заранее? Ведь я вошел к нему совершенно случайно, и, войдя, тут же оказался в самом центре событий. Следовательно, это было представление, цель которого состояла в том, чтобы устрашить Ину.

С другого конца коридора приближался Сент. На каждом шагу о его бедро бился подвешенный к поясу неразлучный револьвер. Я вышел ему навстречу, поскольку мне хотелось узнать, с какой целью его вызвали в кабинет Увевориса.

— Ну, и как удался вам всем визит в залитой магмой зоне? — заговорил я с ним, сразу же упоминая о нашем памятном путешествии на сорок пятый уровень. Вначале мне хотелось Сента разговорить, чтобы потом поставить ему прямой вопрос.

— Чего? — буркнул тот. — Где?

— Тогда я очутился в серьезной опасности, после чего пришлось уже справляться самому. Но удалось ли вам выбить какую-нибудь из дверей? Было за ними что-нибудь ценное?

Сент скорчил мину и с размаху стукнул себя пальцем по средине лба.

— А изолятор трещит по швам, — заметил он с деланной меланхолической ноткой в голосе.

А перед тем, как исчезнуть за дверью поме-

щения, которое только что покинул Коорец, он добавил уже серьезным тоном:

— Но советую спасаться самостоятельно!

Спешенный подобным отношением, я без слова оперся о стену. При этом я стоял, повернувшись спиной к соседней двери. Кто-то закрывал ее и толкнул при этом меня. Я услышал голос Ины:

— Простите.

Женщина прошла мимо и с безразличным видом направилась в глубину пустынного коридора. Все это мне уже начало надоедать.

— Ина! — крикнул я вслед.

Она обернулась, но, едва смазав меня быстрым взглядом, пошла дальше. С яростно бьющимся сердцем я заступил ей дорогу.

— Что с тобой, Ина? Неужто ты... — мой голос дрогнул. — Долго мы еще будем притворяться?

— Меня зовут Эльта Демион. Видимо, я кого-то вам напомнила.

— Ина, да ты что, с ума сошла? Ведь это же я... — тут я замолчал. Я был настолько взволнован и выбит из равновесия, что совершенно забыл, как до сих пор она меня называла. — Выходит, ты меня вытерла из своей памяти? Это же я, Рез!

— Мне очень жаль, но... — печально улыбнулась та. — К сожалению, я ничем не могу вам

помочь.

Уставив глаза в пол, она удалилась.

Что-то меня еще толкало за ней. Возможно, наивная надежда на то, что я недостаточно выразительно объяснил, кто я такой. Мне хотелось вновь догнать ее; кричать, объяснять, схватить за руки и трясти ними до тех пор, пока она, наконец, не опомнится; я желал, чтобы мой бунт против разделявших нас сил дошел и до нее, чтобы мы вместе могли им воспротивиться.

Но я остался на месте, обезоруженный наихудшими предчувствиями. До меня дошло, сколь безумными и напрасными были те, подсовываемые мне надеждами усилия. В моих мыслях клубился туман, в котором кружили фигуры незнакомых людей и изложения так и не понятных мне событий. Мое сознание затягивало ночным мраком. И в этой ночи я находился совершенно один.

Ну почему я не хотел им быть — Нэтом Порейрой, настоящим?

До сих пор, защищаясь перед постепенно усиливавшимся его давлением, я шел против течения реальности и все объяснял для себя наоборот. Всякое впечатление, подталкивающее меня в сторону Порейры, я поспешно удалял

из собственного сознания; я попросту засыпал, когда разум восставал против данности, будто я являюсь призванным к жизни Роботом. Как это было возможным, чтобы люди, которых я хорошо знал, отпирались от меня, зато те, которых видел впервые, опять же, называли меня по имени?

Сразу же после встречи с Вайсом я представлял, впрочем, не без оснований, что являюсь двойником того человека. Механизм придал мне вид пребывающего здесь физика — показалось мне в тот момент. Я уже знал, чего следует держаться. Так что с самого начала я занял наиболее удобную оборонную позицию; с такого места мне было легче всего подавлять и затирать возникающие поочередно противоречия.

Но хрупкая конструкция иллюзорного знания о себе ломалась под тяжестью последующих, полностью разрушающих ее открытий. Мираж реального Нэта Порейры чуждой тенью склонялся надо мной, а сам я уже не находил основы, благодаря которой, мог бы спасти последние свои убеждения — знания о себе самом.

Я сидел в кафе за столиком, напротив Асурмара, и курил одну сигарету за другой. Откуда мне было известно, что уже вскоре буду пытаться его разыскать? Сюда я зашел сразу же после повторного

осмотра предполагаемого туннеля. Именно там должно было находиться первое звено неустанно удлиняющейся цепочки загадок. В стене, перпендикулярной той, которая в соответствии с сохранившейся в памяти картиной, вообще там не должна была существовать, находился вход в дежурное помещение вооруженного охранника. Он охранял видневшуюся в глубине низенького предбанника мощную переборку с дверью — единственный переход в соседний сегмент. На вопрос, как часто ему предъявляют пропуска, позволяющие покинуть нашу зону или же пройти в нее, он ответил, что я с Асурмаром вчера были единственными, кого он туда пропустил.

И все так, словно происходило на самом деле: сожженный лес, свежий ветер, залитая синим сиянием фигура Асурмара, когда он говорил: "Еще не все потеряно", а еще раньше: глубокая ночь, и в ней пустота и страх, беспомощность и дыхание Ины у самого моего уха, ее близкий шепот, сладость ее губ; и еще ранее — стоки застывшей лавы по пути к вымершим кабинам, живые голоса Алина и Сента, мое лицо, скованное объятиями магмы над дневником Езы Тены, бегство из стартовой камеры, все девятимесячное пребывание под панорамным экраном, мир,

съежившийся до пространства между четырьмя стенами и — наконец — подавляющий мираж Механизма: все мое прошлое.

Ведь все это существовало на самом деле; неужто оно могло быть иллюзией, фикцией и сном — одним только воображением? Кем же тогда, относительно этого, был Раниэль, пилот, которого я, сам того не желая, пленил на складе, если не запутавшимся в какие-то коварные действия орудием, которым оперировала из укрытия затаившаяся где-то в глубинах конструкции Сила? А Рекрут, во время неудачной попытки покушения на мою жизнь, чью волю выполнял он? Неужели — если предположить отсутствие таковой, какой она минула, формы моего собственного прошлого — возникала необходимость призывать имя Механизма всуе?

Что с того, что высмеянная другими гипотеза Уневориса (вскоре должен был наступить день ее подтверждения или же отрицания), мысль об убежище, вырванном из Земли, точно так же, как из почвы вырезает фрагмент высланная человеком в лес автоматическая исследовательская станция-лаборатория, собирающая пробы организованной жизни; мысль о нашей пугающей ловушке, несущейся через холод галактической

пустоты тягой фотонного двигателя, в устах этого человека прозвучала, словно разрушающее все и вся пророчество? Был ли я более несчастен из-за того, что все мое существование не проходило в месте, тесно связанном с какой-то Землей, но на неизмеримо длинной линии, соединявшем это место с неопределенной точкой в космосе, раз и так крышка захлопнутого над нами гроба могла не открыться еще многие и многие годы?

Нынешняя моя судьба, казалось, вращалась вокруг, якобы, утраты памяти минувших событий, вокруг подсовываемой мне (посредством запрограммированных Механизмом обстоятельств) настойчивой суггестии, будто бы я идентичен с особой прибывшего сюда вчера настоящего Нэта Порейры..

Физик этот — о чем сейчас я мог догадываться, и что соответствовало моей личности — вскоре после прохождения границы сегмента отправился вместе с проводившим его Асурмаром в канцелярию Гонеда. Складывающееся суггестивное впечатление могло сводиться к тому, что, скорее всего, еще в прихожей, у дверей этой самой канцелярии, где им двоим пришлось какое-то время ожидать, была произведенная управляемая на расстоянии операция по преобразованию лич-

ности этого физика. В результате сознательно вызванного психического потрясения пришелец моментально утратил всю свою память. Лишенный ее, он увидел чужих себе людей, постоянных обитателей данного сегмента: Ину и Раниэля, которые как раз покидали кабинет; еще он услышал доносящиеся из-за стены канцелярии голоса Гонеда, Алина и Сента (отсюда и появление этих последних в мыслях Порейры, но, по причине соответствующих этим голосам конкретных фигур, их окружала полнейшая темнота). Без промедления на очищенное ото всех подробностей истории предыдущей его жизни сознание физика Механизм наложил новый груз: прошлое, сотканное из туманов, диапазон воспоминаний, по сути своей выдуманных, хотя и не совсем противоречащих с фактической действительностью, поскольку Механизм подсунул ему память готовую, населенную самыми аутентичными личностями, разве что замеченными только лишь сейчас — словом, сотворил в его сознании именно то суггестивное прошлое, которое лично я признавал своим самым правдивым прошлым. Один сюжет сплетался здесь с другим, одно содержание с другим, и конец сцеплялся с началом.

Дело, понятно, в том, что здесь не было двух

разных личностей: Нэта Порейры, физика — с одной стороны, и меня самого, Робота BER-66 — с другой, но одна и та же самая личность — и я являлся ею. Это на моей памяти была проведена эта операция.

Лишь только передо мной появился такой образ значительной части прошлой жизни, как я его тут же убрал из собственных мыслей. Только червячок, один раз введенный в мозг, продолжал проедать в нем все новые и новые каналы. Выходит, я был ящичком, то полным, то пустым, один раз с таким, а в следующий раз — уже с совершенно иным содержимым; мешком, из которого можно было извлечь одно, чтобы на его место тут же кинуть другое. Одновременно я радовался тому, что было мне милостиво дано, как самой настоящей собственностью, абсолютно не подозревая какой-либо подлянки.

Бессилие вело меня к безумию, гнев меня уже просто душил. Я стиснул кулаки — сидящий напротив Асурмар должен был это заметить. Только на него мне было наплевать. Я совсем уже решился ударить и теперь выискивал узел, сплетение самых чувствительных нервов, какое-нибудь доступное мне слабое местечко на тле того чудовища, которое заставляло называть

себя Механизмом. Я решился перечеркнуть его непредсказуемые для меня расчеты, даже если мне придется заплатить за это наивысшую цену.

И я нашел то место, куда мог пасть мой удар: я решил отдаться в руки людей.

— Что это с вами происходит? — услышал я тихий голос Асурмара. — Вы побледнели? Вам здесь не душно?

— Знаете ли вы, кто я на самом деле?

— Ну?

— Я орудие для сбора скрытой информации, чужим агентом, присланным...

— Шпионом?

— Так!

— Сколь охотно возвращаемся мы к прошлому, которое минуло для нас на поверхности земли, — сказал мой собеседник с мягкой улыбкой. — А сколько в этих воспоминаниях меланхолии! Сейчас мы смело предаем свои самые тайные секреты, зная, что здесь нас никакой приговор уже не достанет. Ведь мы находимся вне мира. У меня самого столь живописного прошлого не было. Так... когда-то я был консулом... Но я вижу, что вам уже не терпится. Поэтому, вместо того, чтобы говорить о себе, я расскажу об одном человеке, который вчера открыл передо мной свою душу.

Любопытный случай паранойи. Так вот, этот сломившийся психически человек признался мне, что уже несколько дней его мучает видение конвейера.

— Конвейера?

— Ну, возможно, что он имел в виду совсем не тот конвейер, который представили сейчас вы.

— А какой, по вашему мнению, представился мне?

— Не надо так нервничать, ведь на самом деле мы же не говорим о чем-то неслыханно важном. Имеется в виду исключительно символ. Говоря так, он желал подчеркнуть монотонную повторяемость цикла, в который он был в своем воображении захвачен. Он видел ряд одинаковых, перемещающихся по рельсам цилиндров. И видел он их тем более выразительно, что внутри одного из них он находился сам. Он стоял в нем голый, каким создал его Господь Бог. Он ожидал, не понимая того, что происходит вокруг. Наконец его транспортное средство остановилось. Из уст человека, находящегося перед ним в цилиндре на рельсах, он услышал удивительнейшее заявление. Хотя в нем содержался целый ряд различных смыслов, в сообщении этом доминировала одна нота. Короче говоря, он узнал, что является робо-

том. И теперь он мучается этим днем и ночью, не имея возможности найти себе места. Он знает или же, скорее, судит, будто что бы он ни делал — действует под влиянием приказа некоей сотворившей его воли. Охваченный этой навязчивой мыслью, он с беспокойством прослеживает ход всех своих мыслей. Но это всего лишь второй слой осторожности, которую сам от себя требует. В третьем — следовательно, более высшем слое — он тщательно анализирует свое отношение к этим мыслям, с помощью которых перед тем выявлял истинный смысл мыслей, лежащих в первом слое. Еще он говорил мне о собственном мышлении как бы возведенном в четвертую степень. Хотя сам я давно уже потерял последовательность всех его выводов, сам он, похоже, со всем этим превосходно справлялся.

— Вы хотите представить его в смешном свете?

— Юмор, это единственное спасение в подобного рода случаях.

12. СКЕЛЕТЫ

Асурмар подарил мне вырванный из собственного блока один талон на завтрак. С ним я отправился в столовую. Там я уселся за свободный столик в углу и склонился над кружкой с кофе. Ел я совершенно машинально, не замечая ничего и никого вокруг себя.

Меня продолжала мучить уверенность, что на моей памяти была проведена грубейшая операция, в результате которой я навсегда утратил свое аутентичное прошлое. Только сейчас я уже не предполагал, будто эта психическая пересадка совершилась вчера под дверями канцелярии Гонеда; теперь я, скорее, склонялся к мысли, что трансплантация памяти произошла пять дней назад, той памятной ночью, когда после открытия прохода в переборке меня вызвали к выходу в качестве "экземпляра под номером шестьдесят шесть". В таком случае, я уже никогда не мог узнать, каким образом меня завлекли на место операции. Подчиненные Механизму силы могли травмировать меня там во время сна, когда же я открыл глаза, то, по отношению к самому себе, был уже кем-то совершенно другим. Коварная

адаптация превратила меня в послушное орудие Механизма.

Если предположить подобное, тогда прошлое, которое прошло для меня с того момента, было бы уже реальным. Сент не признавался к знакомству со мной, поскольку не желал, чтобы другие узнали, чем он занимался на сорок пятом уровне. Роль кладбищенской гиены, которую он недавно сыграл вместе с Алином, наверняка вступала в противоречие с исполняемой им теперь функцией тюремного стражника.

Невыясненной оставалась лишь загадка чужой Ины. Лишь только я об этом подумал, ее фигура мелькнула в приоткрытой двери столовой. У меня появлялась возможность еще раз поговорить с ней. Вероятность того, что я спутал ее с какой-то иной женщиной, вообще не входила в расчет. Здесь не было никого другого, кто знал бы ее лучше меня.

Я оставил недоеденный завтрак на столе и выбежал в коридор. Ина как раз сворачивала в ближайший поворот. Я не ожидал, будто бы она скажет мне что-либо новое, раз уж решила относиться ко мне с таким безразличием. В любом случае, я не мог рассчитывать на то, что очередные настырные цепляния вызовут изменения

в ее настроении. Поэтому, я пока что решил не приближаться к девушке; было бы достаточным просто узнать, куда она направляется. И я пошел за ней на определенном расстоянии.

Она обходила наиболее часто посещаемые коридоры. Удаляясь от средины сегмента, она провела меня за собой в обширное круглое помещение, заваленное различной мебелью. Некоторые кучи стульев и столов достигали потолка; по-видимому, сюда перенесли все лишнее из кабин, когда оказалось, что туда необходимо поставить значительно больше кроватей, чем это было запланировано с самого начала.

Я оставался несколько сзади и потерял Ину из виду. Стоя возле единственного прохода на склад, я все же мог быть уверен, что она еще не покинула его. Приближался момент окончательного разрешения подавлявших меня сомнений. Мог ли я надеяться на то, что после разговора с Иной буду уже знать, кто я такой? Результата этого разговора я опасался словно неотвратимого приговора. Мне казалась отвратительной фигура сформированного Механизмом Робота, хотя с другой стороны меня в такой же степени пугало и настырное видение совершенно чужого человека, которым был для меня физик Нэт Порейра.

Совершенно сознательно я отдалял момент, когда обязан был задать Ине неизбежные вопросы.

Но, уже через десяток с лишним минут, я начал все же свои поиски среди свалок мебели. Эластичные подошвы ботинок не издавали ни звука. Бесшумно передвигаясь, я выглянул из-за очередной кучи и увидел Ину. Она лежала на расстеленной ковровой дорожке. Глаза ее были зарыты; на покрасневших веках были видны размазанные следы туши для ресниц. Они даже не успели высохнуть. Рядом, на стуле, возле надгрызенного куска сухого хлеба лежал какой-то загадочный предмет, то ли медицинский инструмент, то ли измерительный прибор. Под стулом в ящике можно было видеть шейки каких-то бутылок.

Я отдернул голову и отошел назад на несколько шагов. У спящей Ины наверняка имелись и собственные проблемы, чтобы теперь заниматься еще и моими. Я решил отложить разговор с нею на потом. Я и сам едва держался на ногах, поэтому заполз под соседнюю, сложенную из стульев пирамиду и закрыл глаза. И вскоре черная пустота поглотила все мои мысли.

Проспал я часа три, намного больше, чем предполагал вначале, до одиннадцати часов утра.

Проснулся я в хорошем настроении, что было результатом близкого соседства Ины. Я мог склонить ее исповедаться в собственных проблемах, даже если бы признала, что разговаривает с кем-то совершенно чужим. В конце концов, наше знакомство и могло как раз с этого начаться, если я и вправду до сих пор для нее не существовал. Я заглянул в ее укрытие, где меня ожидало неприятное разочарование. Ну как мог я ожидать, будто девушка останется здесь на длительное время! Я прикоснулся к развернутой дорожке — та до сих пор хранила тепло ее тела. Загадочный инструмент и коробку с бутылками Ина забрала с собой. Неужто, как и мне, ей некуда было деться, или же она искала здесь лишь нескольких мгновений одиночества, которых так сложно найти в перенаселенном убежище? Вернется, а где еще ей ночевать? — убеждал я себя, призывая в мыслях образ слез, с которыми девушка засыпала. Я увидел лежащий на стуле кусок хлеба, единственный оставленный ею здесь предмет. Я долго глядел на него как на окончательное доказательство того, что Ина живет здесь постоянно.

Мне нужно было заняться чем угодно, лишь бы оно направило мои мысли в какую-нибудь другую сторону. Я уже начал подозревать, сколь

сложно мне будет однозначно решить, кем я являюсь на самом деле. Подобного рода явление мне было хорошо известно, хотя столкнулся я с ним по совершенно другому вопросу: одна решенная проблема автоматически открывала ряд последующих, которые перед тем вообще не находились в поле зрения. Но даже и тут не был конец: Достаточно было убрать все сложности, чтобы высвободить лавину последующих вопросов, до сих пор неосознаваемых даже в самых храбрых путешествиях воображения. Мираж окончательно удовлетворяющего ответа, казалось, всегда находился перед пальцами протянутой в его сторону руки; и та же самая необходимость, которая заставляла протягивать к нему руку, все время отодвигала этот мираж в бесконечность.

Но теперь я мог наконец и покончить со всем этим; имелся надежный способ на то, чтобы заснуть в действии вслепую, чтобы дрейфовать по течению событий, но не против него: нужно было всего лишь обратить все внимание на самые простые дела. А в их состав, прежде всего, входила забота об успокоении наиболее элементарных потребностей. Нужно было отыскать полковника Гонеда. Если он уже пришел в себя после вчерашнего, можно было еще раз напомнить о предо-

ставлении мне помещения и склонить к тому, чтобы он, наконец, выписал для меня продуктовый аттестат. Затем — уже после совершения этого формального акта, который юридически обосновывал факт моего нахождения в сегменте — чтобы все так же идти путем наименьшего сопротивления, я мог разнообразить свое пребывание здесь, установив дружеские контакты с любыми обитателями убежища, к примеру, с той самой компанией, которая вчера в столовой вела дискуссию по вопросу отсутствия приличных сортов мыла. Проведение времени в подобного рода окружении имело свои положительные стороны: оно давало мне гарантию, что не услышу ничего такого, что прозвучало бы многозначно; подобного рода опасность не могла возникнуть там по самой природе вещей. Опять же, пора было подумать о пополнении гардероба. На мне все так же были брюки Вайса. Но в этом переходном недостатке тоже имелось нечто утешительное: нахождение собственной одежды наверняка поглотило бы приличный запас энергии, до сих пор растрачиваемой совершенно напрасно.

Я направился в сторону канцелярии Гонеда. Проходя мимо дверей комнаты теней, я заглянул вовнутрь, чтобы проверить, нет ли полковника

там. Но вместо него я увидел там Уневориса. Тот кивнул мне. Я вошел.

— Вы что-нибудь можете понять из этого? — спросил тот.

Я огляделся по сторонам. Уже с первого момента мне здесь чего-то не хватало. Черные фигуры девочки и собаки исчезли.

— Что с ними произошло?

— Если вас удивляет отсутствие статуй, — ответил он мне, — то здесь произошло небольшое недоразумение. Лично я имею в виду нечто другое. А статуи уже на той стороне.

— Но разве возможно такое, чтобы девочка успела подняться и покинуть это место собственными силами за столь короткое для нее время?

— Дело в том, что она вовсе и не поднималась с пола. Госпожа Эльта Демион занялась этим сегодня ночью. Пес, одаренный лучшими рефлексами, случайно сунул нос в зеркало. Он быстро сориентировался. Как можно отсюда выбраться. Уже одиннадцать часов он втаскивает девочку за собой вглубь канала с помощью поводка, конец которого Демион в полночь сунула девочке в руку. Вот, поглядите: фрагмент ее обуви все еще выступает из поверхности зеркала. Только я в самом начале спрашивал о другом. Меня удив-

ляет тот факт, что статуи не были раздавлены собственной тяжестью уже в тот момент, когда попал сюда.

— Правильно. Если бы они подчинялись действию нашего гравитационного поля, неважно, естественное оно или искусственное...

— ...они тут же были бы сдавлены в результате громадной силы притяжения, которая должна быть пропорциональна их колоссальной массе, закончил Уневорис за меня.

— Таким образом, нам следует принять, что и здесь они подчинялись земному ускорению свободного падения, идентичному тому, какому подчиняются все тела в городе, во всяком случае, если иметь в виду его абсолютную величину. А там оно ничтожно.

Уневорис, молча, кивнул и направился к выходу.

— Вы все так же ожидаете, что вскоре мы все повиснем в состоянии невесомости? — бросил я ему в спину.

Тот с неохотой оглянулся. Мне же хотелось спросить про значение спектакля с Коорецом. Так же он мог мне сообщить, в чем состояли нынешние обязанности Эльты Демион. Но в самый последний момент я раздумал. Я помнил о

попытке запугать Ину, что заставило сохранять в отношении Уневорис определенного рода отстраненность.

— Ожидаю — это еще мало сказано! — ответил тот, помолчав. — Мне смешно при мысли о том замешательстве, которое вызовет отключение двигателя, пришпандоренного к этому гробу. Нас ожидает неописуемый хаос, если только мы не приступим к необходимым приготовлениям. Только, видать, куриную слепоту не излечишь.

Он вышел. Я же попытался представить сцену, пришествие которой предсказывал Уневорис.

И я увидал потрясающий клубок человеческих тел, беспомощно кружащих в воздухе посреди разбросанных в пространстве предметов, что бились друг о друга и о стенки с тем большей силой, чем более энергичными были движения людей, пытающихся справиться с ужасающей ситуацией. Воздух потемнел от густого тумана пыли, плавающих шаров жидкости и мусора. В воздухе с одинаковой легкостью вздымались как песчинки, так и неосторожно приведенные в движение предметы мебели. Вся подвижное содержимое убежища все время перемешивалось и сбивалось в кучи во всех помещениях, в коридорах и складах со всеми обитателями, которые

— перепуганные отсутствием постоянной опоры под ногами и вовремя не предупрежденные — отпихивали друг друга в попытках изменить собственное положение, что еще более усиливало окружающий их хаос.

Я заглянул за разбитый топчан, где после возвращения из города спрятал свой дыхательный аппарат вместе с рентгеновским излучателем. Все лежало на месте. Начерченный на мебельном складе план стабилизации собственной жизни мог подождать своего исполнения. Я надел дыхательный аппарат и, вооружившись излучателем, перешел сквозь зеркало.

Прежде всего, меня интриговала загадка светящегося окна. Я знал, что, несмотря на отсутствие подачи электроэнергии, город не погружен в полную темноту, поскольку его освещал висящий вверху раскаленный шар. Не смотря на него, там наверняка существовало много других источников и другого освещения, которых я никак не мог видеть по уже раз сформулированным причинам. Если же, несмотря на все это — после выключения излучателя — в абсолютной для меня в других обстоятельствах темноте в каком-то месте светился голубой прямоугольник, можно было предполагать, что там находится какой-то

местный источник гамма-излучения.

Я проплыл сквозь канал и, выбравшись на тротуар, сразу же направился в сторону светящегося окна. Исходящее из него сияние было еще более интенсивным, чем девять часов назад, когда я увидел его впервые: по-видимому, плотность излучения за это время значительно возросло.

Разгребая массы плотного воздуха, я удерживался на определенной высоте над человеческими фигурками и другими объектами внизу. Несмотря на энергичную работу рук и ног, чтобы добраться до не слишком отдаленного виадука, который широкой петлей проходил между стреловидными колоннами выстроенных здесь небоскребов, мне понадобилось более часа времени. Арка мостовой заслонила расположенный несколько выше источник света. Я неподвижно завис рядом с ее поверхностью, чтобы хоть немножко отдохнуть. При этом я повел включенным излучателем вокруг себя.

Одну сторону широкой автострады занимал длинный ряд автомобилей. Ниже, под виадуком, разрезая наискось двухуровневый в этом месте фрагмент квартала, проходили четыре полосы мостовой, но на них не было такой толкучки, как здесь. Рядом — почти на самой границе

светового пятна моего излучателя — маячили тени нескольких громадных зданий. На их фоне стройные силуэты небоскребов выглядели ослепительно белыми царапинами, прорезанными в черной пустоте. Свободное пространство у их нижних этажей было заполнено плоскими параллелепипедами — похоже, различными магазинами, о чем свидетельствовала путаница разбросанных то там, то сям зигзагов, которые могли быть отключенными неоновыми рекламами. Размещенный с той стороны торговый центр был окружен кольцеобразным променадом для пешеходов. На спиральных лестницах, на многочисленных пандусах закаменела, словно на стереоскопическом снимке, толпа маленьких, похожих отсюда на муравьев, людских фигурок. С другой же стороны автострады, значительную часть неба заслонял плотный ряд жилых многоэтажных домов.

Во время осмотра этой панорамы незначительный ток воздуха медленно поворачивал меня в пространстве над мостовой. Пассивно поддаваясь ему, я вплыл между двумя расположенными рядом автомобилями. Они находились на полосе, наиболее отдаленной от барьера виадука. Я заглянул вовнутрь одного из них.

Внутри находились четыре фигуры. Поначалу мне бросилось в глаза лицо женщины, выглядывающей из окошка. Я осматривал его с расстояния не более двух десятков сантиметров. Она прижалась к поверхности стекла щекой и расплющенными губами. Глаза были подняты кверху. Я пялился на женщину несколько минут. Меня забавляла сама эта ситуация: автомобиль мчался по дороге, я же стоял на асфальте рядом с ним, едва-едва ощущая перемены в его положении. При этом я размышлял: когда же женщина в окне меня увидит.

Я совсем уж было собрался переместиться несколько дальше, чтобы взглянуть на остальных пассажиров, когда почувствовал, что мне не хватает воздуха. Что произошло, до меня дошло сразу же, вот только времени бежать уже не было. Мои бедра сжимал напор сблизившихся друг к другу автомобильных капотов. Они стискивали меня между собой в замедленном темпе; вот только из ловушки я выбраться никак не мог, потому что за что-то зацепился. Клин дверной ручки удерживал меня в медленно сходящихся тисках.

Опережающий автомобиль двигался со скоростью несколько миллиметров в секунду. Вихри ртутной субстанции, которые я сам же и вызвал,

вырвали у меня изо рта загубник кислородного аппарата. Бородач в машине у меня за спиной напирал на руль вправо. Понятно, что я никак не мог строить иллюзий относительно того, что этот резкий маневр он производит ради меня. Сигнал клаксона опережающего автомобиля до него дошел, вероятнее всего, еще тогда, когда я разговаривал с Гонедом в убежище. Реакция на импульс, который несколько часов назад склонил его совершить резкий поворот вправо, исходил исключительно из необходимости освободить левую полосу движения. Он уходил с пути движущегося рядом соседа, а черное пятно, втиснутое между обеими машинами, которым я был для водителей, должно было появиться в их сознании только через час.

От смерти через раздавливание я освободился в буквально в последний момент и тут же припал ртом к трубке дыхательного аппарата. Какое счастье, что его не раздавило трением о корпус машины. Несколько минут я не мог отдышаться. И все это время автомобиль с женщиной в окошке все время изменял свое положение на шоссе. Он переместился приблизительно на метр. В том месте, где я был сжат между ними, капоты машин имели вмятины, хотя они наверняка не

столкнулись друг с другом.

Несколько остыв, я еще раз глянул внутрь более быстрой машины, но теперь, предусмотрительно, с другой ее стороны. Стрелка спидометра находилась чуть ли не последнем делении, напротив числа "140". Таким образом я понял, что автомобиль бородатого мужчины двигался со скоростью всего около сорока километров в час. Я попытался представить, как выглядел этот инцидент с точки зрения обоих водителей. Наверняка до столкновения не хватало самой малости, и при этом от меня осталось бы только мокрое пятно; вопя клаксоном, опережающий автомобиль промчался мимо другого так быстро, что женщина с прижатым к стеклу лицом даже не успела опустить на него глаза.

Прежде чем я выскользнул между автомобилей, этим движением был вызван сильный вихрь до сих пор почти неподвижного воздуха. Вскоре ртутные массы перенесли меня за барьер виадука, и я вновь увидел источник света. Я подплыл к бетонной плоскости. Мрачной, не имеющей окон стене находилось всего лишь одно отверстие, то самое, за которым что-то светилось. Отверстие имело форму небольшого, вытянутого прямоугольника, напоминающего бойницу. Доступ

в средину загораживала прозрачная плита. Я заглянул в средину, между краев толстой стенки: ничего, кроме яркого сияния видно не было. Внизу, в глубокой нише, я заметил фрагмент подстанции высокого напряжения. Оттуда торчали толстенные изоляторы. Рядом находились ворота. Я заплыл в них. Никакой информационной таблички, которая бы раскрывала характер объекта, возле входа не было. Статуя стражника, застывшего у входа, никак не могла помешать мне войти. Проплыв мимо нее, я оказался во дворе. Возле пандуса стоял грузовик с несколькими фигурами мужчин, склонившихся над какой-то машиной, которую они, в застывшем усилии закатывали по доскам на платформу; чуть дальше толстая решетка загораживала вход в проходящий под зданием туннель. На его конце между коленами труб высилась огромная конструкция, средина которой была заполнена мерцающей в свете излучателя субстанцией. Над ней на толстых опорах вздымалась округлая крышка бетонного бункера с люком в верхней части.

Через открытое окошко возле решетки, за которой сидел другой охранник, я протиснулся в средину здания. В просторном вестибюле я выключил излучатель на несколько секунд. Рас-

пыленный на стенах лестничной клетки отблеск доходил даже сюда. Он показал мне путь к источнику сияния. Я проплыл на несколько этажей выше и еще раз погасил собственный "фонарь". Оказалось, что теперь его можно и не включать: даже без него здесь было достаточно видно.

Внутреннюю часть коридора прорезали длинные полосы лилового света. Они ложились поперек пола и наискось на противоположной стене, проектируя на нее странное изображение, нечто вроде образ просвеченного навылет диапозитива. Из наиболее резкого места на этом диапозитиве на меня глядели пустые глазницы черепа. Я еще раз отбился ногами от поручней на лестнице и проплыл за угол, в глубину коридора. Честно говоря, я готовился к какой-то другой неожиданности, хотя и не мог достаточно верно определить, чего, собственно, ожидал.

Неподалеку, в дверном проеме, из-за которых ко мне катилась лавина фиолетового сияния, стоял человеческий скелет. Это его образ переносили на стенку лучи из-за полуоткрытой двери.

Целых несколько минут я не смел приблизиться к нему, считая, что сочленения скелета распадутся, как только до них доберутся потоки возбужденного мною воздуха. Скелет был об-

веден нерезкой линией, ограничивающей всю фигуру; внутри нее неоднородная и наполовину прозрачная масса псевдо-тела удерживала все части на своих местах. Когда я, наконец, решился подплыть поближе, то вырвался из ошеломления, вызванного первым шоком. Скелет перестал меня пугать, и я прикоснулся его рукой. До самих костей пальцы не добрались, остановившись на ткани костюма, покрывавшего стекловидное тело, которое тоже было заметно с большим трудом. Легкий туман просвеченной материи опирался на ребрах, лишь в некоторых местах несколько затемняя образ проходящего в средине позвоночника. В грудной клетке, рядом с другими внутренними органами, маячил абрис остановившегося сердца. На высоте таза черная по контрасту тень в форме расчески явно свидетельствовала о наличии этого металлического предмета в кармане пиджака предполагаемого скелета.

Я оглянулся, чтобы глянуть в сторону призрака на стене. Этот диапозитив вовсе не был для меня чем-то совершенно новым: удивительнейшим образом он походил на рентгеновский снимок человека, просвеченного в костюме, с той лишь разницей, что здесь передо мной был позитив,

в то время, как обычные рентгеновские снимки являются негативами. Пространственное расположение конечностей скелета представляло одну из фаз остановленной на ходу фигуры мужчины, который — как будто ничего и не случилось — положив руку на дверной ручке, проходил в коридор изнутри какого-то помещения. И именно там должно было находиться разъяснение всей загадки.

Я протиснулся над головой статуи вовнутрь камеры без окон. С самого начала глаза мои были буквально пробиты сиянием, исходящим из приближенных друг к другу острых наконечников. Они находились внутри призмы, занимающей средину камеры. Трое из восьми наклонившихся над нею скелетов опирались просвеченными ладонями на грань этого ледового блока, в прозрачной внутренности которого застыли белые, вихреобразные полосы. Ниже, над искрящимся слоем инея, где линии мраморного узора были пересечены широкой трещиной, в фиолетовом ореоле конвульсивно дрожала насаженная на острия ослепительно голубая медуза.

Окаменевшие возле ледяного блока статуи напоминали сконструированные для студентов-медиков манекены, которые применяют на

лекциях анатомии. Полупрозрачные внутренние органы заполняли очертания тел, натянутых на тоже частично просвеченных скелетах. То тут, то там паутину кровеносных сосудов пробивали черные дыры. Они были заметны, в частности, на челюстях скелетов, среди оскаленных зубов, где выдавали присутствие золотых и серебряных пломб. Металлы поглощали поток падающих на них лучей, становясь впоследствии источниками радиоактивного излучения.

Эта последняя мысль вырвала меня из временного паралича. До меня дошел смысл встреченной здесь ситуации. Собравшиеся в камере люди явно не осознавали грозящей им смертельной опасности. Только для меня, и только в этом освещении, которое обязано было представлять собой сильно ионизирующее излучение — как минимум половина находящихся в помещении материалов была просвечена навылет, благодаря чему некоторые материалы казались изготовленными из стекла, хотя на самом деле такими не были. В положении статуй я не мог усмотреть никаких окаменелых в своей внезапности жестов или хотя бы первых следов обеспокоенности, которая бы указывала на то, что люди уже сориентировались — что же происходит внутри

блока, между черными змеями кабелей, где — в зажиме кристальных клещей — трепетал источник смертельных лучей.

Несколько секунд назад — отсчитанных в их мире — вызванный здесь случайно лавинный процесс вышел из под контроля ученых, чего, однако, никто из присутствующих еще не успел заметить. Наверняка это была одна из тех чудовищных аварий, называемых "ядерными", что вела либо к немедленной смерти, либо же к длительной лучевой болезни, если поглощенная порция радиации не была слишком большой, и этих аварийных случайностей, несмотря на самые лучшие средства безопасности, никогда нельзя было полностью исключить как невероятные, поскольку в каждом опыте и в каждой операции незаменимым и одновременно самым слабым звеном эксперимента оставался ошибающийся человек. Конечно, массивные, выложенные свинцовыми плитами переборки в виде стен, пола и потолка (если исключить не закрытую дверь) хорошо экранировали внутренности камеры, изолируя ее от остальных помещений здания от жесткого гамма-излучения, но, по-моему, мне казалось непредусмотрительно, что столь опасный объект расположили рядом с центром города, а

не где-нибудь далеко на его окраинах.

Я переплыл на новое место. Три прозрачные статуи неподвижно застыли возле пульта управления. На рукоятках лежали лишенные плоти кости пальцев самого малорослого из скелетов. От их владельца, возможно, зависел весь ход процесса: постепенная остановка его развития или же ненамеренное ускорение. Два других скелета склонялись над какими-то регуляторами. Манипуляция ими тоже могла о чем-то решать. Позы остальных пяти скелетов выражали пассивное наблюдение. Только один из них повернул пустые глазницы в сторону входящего костяка. Я же завис в пространстве вне зоны взглядов присутствующих.

Перед тем, как выполнить какой-либо маневр, нужно было хорошенько поразмыслить. Поспешные действия могли привести к фатальным результатам. Вначале до меня дошло, что отсутствие окон не давало возможности присутствующим увидеть свечение над городом. Вой сирен не выгнал их из камеры, скорее всего, потому что учебные тревоги повторялись слишком часто, чтобы рад этого стоило отвлекаться от важного эксперимента. Я чувствовал себя точно так же, как во время своего первого путешествия,

когда пытался спасти падающего мужчину: постепенно осознавая собственное бессилие.

Чтобы передать только информацию, я располагал огромными количествами растянутого во всех отношениях времени, которое, в результате, подавляло меня по той причине, что у меня имелись ничтожные возможности его применения. Я прекрасно понимал тот коварный факт, что мне будет крайне сложно предупредить этих людей, обратить их внимание на совершенную ошибку, которая привела к утечке радиации. Сам же я непосредственно привести к ее ликвидации никак не мог. Прежде всего, даже собственным присутствием — если бы начал крутиться между статуями — я мог бы вызвать дополнительное замешательство в и без того угрожающей ситуации. Интригуя сидящего у пульта человека мерцанием черного пятна, которым бы я ему представлялся, я лишь отвлекал бы его внимание от реальной опасности, совершенно тем самым не ликвидированной. Перепугавшаяся статуя, возможно, привела бы всех к еще большей опасности; в нынешних условиях роковым могло оказаться любое лишнее движение его руки.

В то время, как я размышлял над, возможно, самым надежным способом спасения этих

людей, чудовищная обстановка в камере никак не менялась. И тут в голову пришла идея. Я вытащил из кармана блокнот. К сожалению, самим блокнотом, чтобы накалякать на его страничках несколько слов предупреждения, я воспользоваться не мог только потому, что любой перенесенный из убежища предмет представлял для здешних статуй черное пятно. Этот последний факт, исключая возможность связаться со статуями с помощью обычной переписки, одновременно привел меня на нужный путь действий. Найденным в кармане брюк ножом я начал вырезать из листков печатные буквы. Про себя я уже сформулировал самое лаконичное предупреждение: БЕГИТЕ — РАДИАЦИЯ!

Чтобы вырезать комплект более или менее читабельных букв не слишком острым ножом в условиях, далеких от совершенства, вместе с преодолением последних трудностей возле пульта, на котором я решил расположить надпись напротив глаз статуй, в сумме понадобилось около часа. Поначалу бумага рвалась в клочья, а вырезанные фрагменты складывались в ни на что не похожие формы, потом с таким трудом вырезанные буквы никак не хотели держаться поверхности пульта, взлетая в воздухе, но потом,

прижатые к экрану, они прилипли к нему чуть ли не сразу, по-видимому, из-за электризации.

Прежде чем мне удалось все это совершить, я глянул несколько раз в сторону источника сияния. Я никак не мог понять, почему до сих пор присутствующих не встревожили сигналы счетчиков Гейгера-Мюллера. Утечка длилась уже не менее четырех секунд, то есть достаточно длительное время, чтобы заставить действовать даже самого большого флегматика.

Голубая масса все еще дрожала в объятиях просвеченных инструментов. Молниеносные преобразования и конвульсии медузы, которая высылала снопы убийственного фиолетового свечения, удивительным образом контрастировали с абсолютной неподвижностью всех тел, находящихся внутри камеры. Даже столь значительное замедление времени видимым образом никак не смягчало практически мгновенных ядерных перемен. Но это одновременно свидетельствовало об утешающем факте, что излучение не развивалось лавинно, в противном случае все здесь было бы давно кончено.

Я подплыл к двери. Черные для статуй буквы находились в самом заметном для них месте. Я не напугал собравшихся вокруг пульта людей,

поскольку пребывал здесь невообразимо короткое для них время. Я испытывал облегчение при мысли, что теперь со спокойной совестью покину это чудовищное место.

Я еще размышлял над тем, когда статуи успеют прочитать мою надпись. Его существование могло дойти до сознания сидящего возле пульта оператора в течение доли секунды. Но нужно было какое-то время, чтобы мысли статуи кристаллизовались, на то, чтобы содержание послания было ею усвоено, на реакцию — поначалу удивления, изумления, затем на реагирование со стороны нервной системы, в конце концов, на сомнения. Сколько времени понадобится на то, чтобы вышедший из мозга импульс вызвал сокращение соответствующих мышц? Ну, а потом замешательство, бег к двери камеры в том случае, если бы кризис нельзя было ликвидировать путем блокировки развития реакции? В сумме все это должно было дать секунд десять. Этот период — измеряемый временем убежища длился бы около тридцати часов. Намного короче, если бы оставить события их собственному ходу. Лишенные моей помощи люди могли бы подвергаться действию радиации пару десятков дней. Я был доволен собой и с легким сердцем

направился к выходу.

Тут я глянул в сторону, и волосы на моей голове встали дыбом.

Смертельно перепуганный отсутствием узкой щели в двери, через которую я протиснулся сюда, я всем телом налег на дверную ручку. Поздно! Массивный, изготовленный из металла и покрытый свинцовой плитой блок плотно сошелся с фрамугой. Когда? Каким образом? Я не верил собственным глазам, хотя все было так просто. Наконец до меня дошло.

Скелет, который в самом начале стоял у края приоткрытых вовнутрь дверей, повернутый к ним спиной, где-то в полуметре от порога, уже в глубине камеры, сделал следующий шаг, перемещаясь еще дальше. Поглощенный операцией по спасению статуй, я не обращал на дверь ни малейшего внимания. Час назад я проплыл мимо этого скелета с уверенностью, что развернутой за спину рукой он хватался за ручку с намерением спокойно закрыть дверь, что продолжалось бы, для меня, не менее, чем несколько часов. Но он — как оказалось сейчас — не хватался за ручку, но, предварительно сильно пихнув ее, отрывал от нее пальцы, резко, словно очень спешащий человек. Я неправильно оценил динамизм движения,

в фазе которого скелет замер, что и привело к печальному результату. В течение трети секунды щель все время сужалась, пока двери не закрылись полностью. Я попробовал оценить их инерционную массу: порядка трех миллионов тонн! И вся эта масса неслышно и неотвратимо захлопнулась!

Мне было холодно. Я повел по сторонам взглядом, который нигде не находил места, свободного от присутствующих повсюду, оскаленных зубов. В ушах копился невыносимый вопль, басовые рычания, скрежет пилы — черепушки по-своему смеялись надо мной. Скелеты множились и, что хуже всего, вдруг начали быстро перемещаться. Кроме них я уже ничего не мог видеть. Перед моими глазами нарастали видения просвеченных кишок, костей — целые кучи ободранных от мяса костей напирали на меня и душили меня.

Я покрылся холодным потом. Неконтролируемая дрожь рук усиливалась, мозг разрывало холодное осознание цены, которую пришлось заплатить за проявленное легкомыслие.

Я был живьем похоронен в бронированной гробнице, в ловушке, из которой не было выхода.

13. БРОНИРОВАННАЯ ГРОБНИЦА

В течение последующих пятнадцати минут я кусал пальцы до крови в приступе слепого гнева, направленного исключительно против себя самого же за удивительно легкомысленную неосторожность. Но, в конце концов, страх победил. Он вновь вернулся и окончательно подавил бессильную ярость. Страх уничтожил ее во мне, преобразуясь в апатию; я начинал расклеиваться. Вся ирония судьбы заключалась в том, что я сразу же очутился в самой безнадежной из всех тех, которые могли встретить меня в городе, ситуации: здесь просто невозможно было найти более изолированного от всего света места, чем эта бронированная гробница.

Когда через какое-то время я поглядел на часы, было двадцать минут второго. До двух часов я плавал возле стенок, крутился под потолком и возле самого пола. Я еще рассчитывал на чудо, потому что ни на что другое я рассчитывать уже не мог. Неоднократно я обследовал содержимое тесного помещения, проследил вдоль все соединения толстенных металлических листов, по сто раз осмотрел каждый квадратный дециметр об-

шивки. Камера была абсолютно непроницаемой. Она была выложена толстыми, соединенными одна с другой железными плитами, а под ними мог находиться еще и слой свинца с бетоном. Я не обнаружил ни одного отверстия или хотя бы трещины, хотя светящийся прямоугольник на внешней стене здания явно свидетельствовал о какой-то утечке радиации. Оказалось, что существовал еще один источник свечения, и он находился в соседнем помещении.

С угловой скоростью малой стрелки наручных часов скелеты поворачивали свои головы в разные стороны. Это был акт первый фарса — забавы в прятки, которая могла продолжаться здесь целый месяц. Я вовсе не ухудшил свою ситуацию тем, что, крутясь внутри камеры уже пару часов, неоднократно подставлялся под взгляды статуй и, в конце концов, обратил их внимание на молниеносные скачки смолисто-черного пятна. Люди видели меня на фоне стен в видимом им свете, поскольку, благодаря наличию местного источника напряжения, какое-то освещение здесь наверняка было. Лишь одна статуя, повернутая спиной ко всем другим (оператор возле пульта), перед глазами которого я поместил свою надпись, мог ее прочитать, однозначно понять и

отреагировать быстрым прыжком к двери в течение времени, не большем, чем сутки, поэтому — чтобы не пугать его понапрасну — я вообще не появлялся в поле его зрения.

Если бы речь шла только лишь о тридцатичасовой голодовке, я бы спрятался где-нибудь в уголке возле распределителя и терпеливо ждал отдаленного финала бегства скелетов, а вместе с ним — и собственного освобождения. Но еще до голодной смерти меня, в первую очередь, ожидала смерть от удушения. Небольшой запас кислорода в баллоне (что я выяснил, глянув на циферблат манометра) должен был исчерпаться уже через пару часов. Расчеты были совершенно простыми, и я напрасно притворялся перед самим собой, будто не могу правильно подсчитать: полчаса мне требовалось, чтобы добраться до зеркальной границы убежища, а остальные полтора часа — в пересчете на время города — сжимались до половины секунды.

Чудовищный факт, что и статуя, которая только что вошла в камеру и непрерывно удалялась от двери, не могла открыть их за столь короткий для себя промежуток времени, лишь только припечатывал ожидающий меня смертный приговор. Прибывший успел закрыть дверь ранее потому,

что пихнул дверную ручку задолго до моего здесь появления. Теперь же было физически невозможно, чтобы человек, удаленный от двери на полтора метра, резко остановился, тут же развернулся, помчаться назад и моментально открыть дверь, довольно массивную даже и для него. Не мог совершить подобное одаренный молниеносной реакцией феномен, даже и в том случае, если бы прекрасно знал, на что я рассчитываю, и что от скорости его действий зависит и его подвергаемая угрозе безопасность. К сожалению, этот прибывший человек о своей ситуации в камере пока что не имел ни малейшего понятия. И самое паршивое, в таком незнании он мог находиться еще целые сутки, поскольку все знаки, подаваемые ему с моей стороны, чтобы обратить его внимание на дверную ручку, не вели, понятное дело, к какому-либо осмысленному результату: в первую очередь он заинтересовался бы мной самим еще до того, как ему в голову пришла бы мысль покинуть помещение.

Так что теперь уже ничто не могло меня спасти; я торчал на месте в тупом оцепенении. Уходящее время вскрыло значение парадоксальной ситуации: поражаемые ничем не прикрытым потоком сверхжесткого излучения статуи — даже при

всей своей карикатурной медлительности — находились, тем не менее в положении во сто крат лучшем, чем я, хотя тот же поток лучей, который их убивал, лично мне ничем не вредил.

Я отбросил все мысли. От безумия меня могло спасти лишь немедленное действие. Любого действия, пускай и самого глупого, лишь бы немедленного. Я даже и не заметил, как это все случилось. Во мне проснулось смертельно перепуганное животное. Одной рукой я схватил локоть удалявшейся от двери статуи, второй же схватился за дверную ручку. А после этого я начал стягивать эти две гигантские массы. Даже лучше было, что я совершенно обезумел: это был явный знак быстрого конца. Вздымающаяся в воздухе пылинка боролась с подобными массами. И я даже неплохо взялся за дело. А как же! Я закрыл глаза в усилии и засопел, продолжая напрягать мышцы. Комар, пытающийся свалить лошадь — вот какой жалкий вид я представлял. Понятное дело, статуя послушно исполняла мое скрытое желание. Я притягивал ее в равномерно ускоренном движении. В бреду было возможно все что угодно: я даже мог свернуть Землю. Статуя находилась уже рядом со мной. Я открыл глаза.

Лучше бы я их вообще не открывал! Гораздо

лучше было бы вырвать из зубов загубник кислородного аппарата и сразу же задохнуться, чем пережить подобный кошмар. Статуя осталась стоять н своем прежнем месте; она даже и не дрогнула. Ко мне же приближалось нечто другое: сама оторванная от туловища рука, за которую я тянул.

Перед тем, когда скелеты множились вокруг меня, я понимал, что это игра воспаленного воображения. Теперь же я имел дело с реальной действительностью, из-за чего кожа по всему телу покрылась мурашками. Рука разыскивала меня в ртутном пространстве, двигаясь — в сопоставлении с моим знанием о ней — неправдоподобно быстро. И она нашла самое слабое место, уже добираясь до горла. Уклоняясь от нее, я метнулся назад. Я глухо ударился спиной о поверхность двери в тот самый момент, когда костистые пальцы охватили мою шею стальными когтями и прижали ее к плите настолько сильно, что я даже потерял сознание.

Очнулся я при следующем действии вслепую. Вот теперь я и вправду ничего не видел. Глаза заслонял плотный туман. С покрытым жидким свинцом лицом я метался в багровом пространстве. Сейчас я стоял на стене, перпендикулярно

поверхности двери, согнувшись над ручкой, которую тянул с одной лишь мыслью: вырваться отсюда любой ценой!

Дверь сопротивлялась ужасно. Но открывалась! Несмотря ни на что, она открывалась с подозрительной легкостью! Я подтянул ее под самый подбородок, после чего отпустил ручку и протер заклеенные красным свинцом глаза. И снова потрясение: дверь оставалась на своем месте. Она все также плотно прилегала к железному косяку. Это сама дверная ручка, изогнутая и вырванная в месте изгиба, сопротивлялась перед тем моим усилиям. Одаренная теперь значительным импульсом, пропорциональным ее пятитонной массе, ручка уже не оставалась в том месте, где я выпустил из рук. Она продолжала перемещаться по прямой линии вглубь камеры. Находясь в состоянии поступательного движения, она одновременно вращалась, пока ее острый конец не нацелился в спину искалеченной статуи.

Я метнулся прямо перед собой и изо всех сил стиснул ее пальцами. Только никакого значения это уже не имело. С той же легкостью, как будто бы я был лишь собственной тенью, ручка тянула меня за собой в ртутное пространство. Мне не хватало какой-либо опоры, чтобы зацепиться

руками или ногами. С ужасом я почувствовал, что разогнавшийся снаряд затягивает мои пальцы в глубину просвеченного пространства, заполненного пластичным воском. И тогда я выпустил его из рук, до смерти перепугавшись во второй раз.

На моих глазах обломок дверной ручки плавно пронзила просвеченную грудную клетку статуи. Она разрезала облачко материала пиджака, словно это была паутинка, размозжила ребро, прошла через легкое, а далее — двигаясь, словно в сильно замедленном кинофильме — прошила сердце, двигаясь по тому же пути, которого не изменили встреченные преграды.

Через несколько секунд снаряд добрался до хрустального блока. Он пробил его внешний корпус, разминувшись с бедром второй статуи, пролетел рядом с набухшей сиянием медузой и погрузился в находящуюся внутри аппаратуру. Я видел его еще какое-то мгновение, когда среди вспышек он расплющивался на краю какого-то черного острия. И после этого медуза погасла. В один миг меня охватила абсолютная темнота.

В то время, когда я впервые знакомился со статуями в комнате теней, то посчитал, и не без основания, что они очень твердые. Под нажимом они вызывали впечатление отлитых из железа.

Когда же к этому наблюдению впоследствии я прибавил свое знание об огромной их массе, значительная твердость статуй уже не представляла для меня никаких сомнений. Мне было тем легче сохранять это ошибочное представление, поскольку, за малыми исключениями, я здесь ни к чему не прикасался. Только лишь сейчас я мог догадываться, почему я так обманывался: граница двух миров, которую образовывало зеркало, обладала свойством покрывать проникающие через нее тела тонким изоляционным слоем; твердой — в случае статуй, прошедших в комнату теней, и эластичной — когда кто-либо из убежища переходил в город. Этот слой впоследствии исчезал при возвращении, удаляемый той же самой граничной поверхностью, которая до этого его же и образовывала.

Я вонзил нож в стену. Мои предположения оказались верными. По мнению статуй стена была покрыта толстой железной плитой, мне же казалось, что это преграда сделана из материала, что был мягче свинца. Нож, родом из убежища, под сильным напором погрузился в металл по самую рукоять!

Мое сердце переполнилось двумя совершенно противоположными чувствами; с одной стороны,

это были обвинения самого себя, поскольку, охваченный ужасом положения, я запаниковал, что привело к увечью, а потом и к немедленной смерти человека; с другой же стороны — радость при мысли о возникших передо мной необыкновенных возможностях. Ведь я же мог предусмотреть их значительно раньше, с научной точностью, нужно было лишь поглубже задуматься над всеми последствиями, которые автоматически возникали при столь значительном растяжении времени. Подавленный гигантской массой всех тел в городе, я до сих пор никак не мог подумать, что для меня они намного мягче, чем для обитателей этого места. Я был спасен! Ожидание чуда сделалось совершенно излишним. Подчиняющийся тем же физическим законам, что были обязательными и для меня, Механизм не мог дарить меня особой милостью, поскольку это не лежало в его ограниченных возможностях.

Излучатель пропал где-то в темноте, и он мог повиснуть где угодно, поэтому пришлось разыскивать его по всей камере. При этом я горячечно размышлял об удивительном, совершенном только что открытии. Как же это так! Обычный нож способен резать железо под нажимом руки — как же сложно было в это поверить! А может,

я находился под воздействием галлюцинации? Тем не менее, факт этот подтверждал не только опыт, но и точнейшие законы, которые подобное чудо предусматривали. Я крайне ясно осознавал физический смысл мощности любой способной выполнить работу машины — в том числе, и мышцы смысл мощности, выражающейся отношением величины работы ко времени, в течение которого эта работа была выполнена. В связи с замедлением времени, я мог выполнить работу в десятки раз большую за столь же короткое время, что придавало моим мышцам в сотню миллионов раз большую мощность, чем та, которой я обладал бы, если бы сам был статуей в этот момент. Я преобразовал про себя несколько уравнений, чтобы получить тот же самый результат несколько иным путем. Оказалось, что мощность прямо пропорциональна квадрату расстояния (в этом месте одинаковому что для меня, что для статуй), к массе — на которой я терял во столько же раз, сколько выигрывал по времени и обратно пропорциональна времени в кубе. В связи с тем, что величины массы и времени, которыми я был здесь в состоянии оперировать — измеренные соответствующими мерками города — для статуй представляли величины в десятки раз меньшие,

чем для меня, а так же тот факт, что время в уравнении было возведено в третью степень, а масса — только в первую, здесь я был способен развить мощность, сравнимую с крупной электростанцией. Это совершенно не означало, что я был хоть чуточку сильнее по сравнению с людьми, которые перешли сюда из убежища. Мощность любого человека, прибывшего оттуда, здесь проявлялась через размягчение всех материалов, которые для статуй оставались такими же твердыми, как для нас такие же материалы, но оставшиеся в убежище. Если же сравнивать нашу инерционную массу по отношению к массе статуй, то в воздухе города мы были пузырьками, заполненными пустотой. Зато причина, ответственная за столь парадоксальное состояние вещей, одновременно одаряла нас гигантскими способностями рушить все вокруг.

К сожалению, я не мог скрыть этого перед самим собой, что до сих пор вел себя более бессмысленно и грубо, чем тот слон из пословицы в посудной лавке. Это проявилось уже во время моего первого путешествия, когда в темноте я отбился ногами от головы прохожего. К каким это привело результатам, я мог представить лишь теперь, когда оторванная рука статуи в камере

в момент, когда я тянул за нее, припоминала чрезвычайно массивный студень, смешанный с пластичным воском кости, изгибавшейся с такой же легкостью, словно она была сделана из мягкой пробки. Мне сложно было размышлять обо всем этом без рвотных позывов и отвращения к самому себе. Статуи дорого заплатили за знания о релятивистском мире, которые я добывал за их счет. Меня уже раньше должна была заставить задуматься подозрительная легкость, с которой шпилька, которую я выдернул, вонзилась в щеке статуи падающего мужчины. А разве потом не заметил я вмятин на капотах обоих автомобилей, между которыми я дергался? Только теперь стало ясно, что мои действия с точки зрения водителей были равноценны взрыву.

Наконец-то я обнаружил излучатель и осветил лучом стенку. Нужно было найти подходящее место, чтобы вырезать отверстие. Как же легко мне было теперь множить и углублять совершенные ранее ошибки. Правда, снаряд, образованный из обломка дверной ручки, перебил какую-то электрическую цепь, что привело к немедленному прекращению излучения, только теперь этих людей с моей стороны ожидала следующая опасность. Ею была угроза чудовищной рез-

ни, которую могла вызвать операция по резке стенки. Столь невинная с моей точки зрения деятельность для статуй являлась высвобождением энергии, эквивалентной взрыву нескольких килограммов динамита из их города. Предупреждая события, я уже видел рой обломков, пронзающих внутреннее пространство камеры, и самого себя, гоняющегося за ними и пытающегося контролировать ситуацию. Разве не мог я выбраться отсюда, не калеча и не убивая присутствующих здесь людей?

В соответствии с третьим, а потом и вторым законом динамики Ньютона, равная — относительно абсолютной величины — приложенной силе и обратно направленная реакция на эту силу, была прямо пропорциональна как массе смещаемого с места тела, так и ускорению, придаваемому ему действующей силой. Так что ничего удивительного, что при резкости движений, к каким я привык в убежище, даже шпилька для волос с увеличенной во много раз массой когда я рванул ее, подгоняемый спешкой — пробила мне кожу ладони. Здесь мне никак не мог пригодиться опыт, приобретенный в убежище. Там — в мире небольших масс, зато мощного гравитационного поля — предметы вели себя совершенно иначе: ес-

ли я не мог поднять с пола слишком большой вес одним решительным и энергичным движением, то тем более уже не мог поднять его, если тянуть вверх очень медленно и беспрерывно. Здесь же — при ускорении свободного падения, меньшем в сто миллионов раз — говоря практически, было совершенно безразлично, в какую сторону тянул я или пихал подвешенный в пространстве предмет: вверх или вниз в вертикальном направлении. Сопротивление, оказываемое мне телом, зависело исключительно от его многократно увеличенной массы и от приложенной силы, являясь пропорциональной обеим этим величинам. Из этого же закона автоматически следовало, что здесь я мог поднять с пола абсолютно любой вес, лишь бы только действовать на него не слишком резко, за то достаточно долго.

Я заплыл за распределительный шкаф, переборки которого могли создать достаточную защиту перед возможными обломками меньшего калибра. Я надрезал в стене дыру и выковырял из нее кусок железа величиной с кулак. Тут же я медленно стянул его вниз, к полу, внимательно следя за тем, чтобы какой-нибудь острый обломок не выпал из моих рук. Если бы я оставил его в пространстве, он без чьей-либо помощи упал на

пол в течение часа. Но перед тем, под воздействием резкого движения локтя или пальцев, он мог приобрести скорость ружейной пули, которая в этом мире — с моей точки зрения — имела бы массу килограммов в двести и скорость при выходе из ствола от шести до девяти сантиметров в секунду. Такая пуля не вонзилась бы в стену, которую сейчас я резал ножом, более твердым для статуй, чем их наилучшая закаленная сталь, даже на глубину в один сантиметр. С целью сравнения, я осознал тот факт, что пятитонный обломок дверной ручки я разогнал на отрезке от ног до груди до скорости около полуметра в секунду. Студенистые тела статуй не были в состоянии остановить столь громадный импульс. В сопоставлении с их мерами инерционной массы и времени, такой снаряд обладал массой в пол килограмма и скоростью, лишь на три километра в секунду меньшей, чем первая космическая скорость для города.

Я посветил излучателем вовнутрь образовавшейся в стене небольшой дыры. За железной плитой находился свинец. Но он казался таковым только на основании характерного серого цвета, поскольку сам я, нажав пальцами, ощущал лишь пластилин. Глубже, под слоем свинца, я попал

рукой на поверхность стенки, сформированной из песка, связанного не слишком сильным клеем. Я не сомневался в том, что это бетон в понимании местных обитателей. Из дыры я извлек приличную кучку этого материала и растер в пальцах до состояния мелкого песка. Уже ничто — если не считать огромной инерционной массы этих материалов — не было мне помехой.

На стене я надрезал окружность такого диаметра, чтобы мог пробраться в соседнее помещение, двери которого, что было отмечено мною ранее, были открыты в коридор. Углубление дыры не доставило для меня больших хлопот. Когда отделенный от переборки крупный цилиндр уже не соединялся в какой-либо точке со стенкой, я осветил его в последний раз. Цилиндр неподвижно висел в пространстве. Тут я глянул под ноги, где происходило нечто непредвиденное. Огня я не заметил, впрочем, его там могло и не быть. Сильно разогретые трением железные опилки и обрезки, попав на валявшиеся в углу бумаги, покрывались белыми облачками дыма. Для моих чувств они не казались более горячими, чем перед этим. Даже при отсутствии тонкой пленки, изолирующей мои пальцы, я не мог бы ощутить, насколько сильно они разогрелись: их

повышенная температура — следовательно, и средняя кинетическая энергия атомов — все так же не слишком отличалась от абсолютного нуля.

Видимо, я все же был урожденным физиком, по крайней мере, когда речь шла о постоянной склонности к анализу необычных явлений, потому что, когда я напер на вырезанный цилиндр, одновременно глянул и на часы. Пихал я с такой силой, как если бы держал на плечах в убежище стокилограммовый вес. При максимальном напряжении мышц, через семьдесят секунд круглый блок переместился в глубину стены на один с четвертью метра. Чтобы вызвать подобного рода эффект, статуи должны были бы применить пять килограммов динамита. Путь к спасению был открыт. И я бросился вперед со столь большой спешкой, что уже ощущал недостаток кислорода.

Я плыл прямо к выходу канала, правда, несколько иным путем, чем ранее. Теперь я пересек виадук точно в том месте, где, после перемещения на четыреста метров, сейчас находился более быстрый автомобиль с поврежденным мною капотом. Я присмотрелся к пассажирам этой машины. Водитель уже давил на тормоз; к счастью, никто из сидящих не пострадал. Помятая дверь частично

была вогнута вовнутрь; она была сильно повреждена, разрезая острыми краями металла спинку сидения, на котором никого не было.

Я поднялся на пару десятков метров выше, чтобы охватить взглядом и соседние улицы. После регулировки крана аппарата оказалось, что я могу дышать свободно; запаса кислорода должно было хватить еще на полтора часа. С той значительной высоты, на которую я поднялся теперь в воздухе, можно было видеть значительный фрагмент района. Полоса света из излучателя добивала метров на двести. Приблизительно на такое расстояние я и переместился, удалившись от канала во время нынешнего путешествия. Я плыл параллельно той самой автостраде, которую перед тем видел внизу с высоты виадука. Вдалеке, у стоянки, где находился вход к группе лифтов (как раз туда направлялась Еза Тена), автострада сливалась с двумя другими улицами, сходившимися друг с другом под острым углом. Обе эти улицы располагались на трассе моего неспешного "полета"; чтобы попасть к каналу, мне нужно было пересечь их наискось и приблизиться к кольцу, образованному из сотен автомобилей, тесно сбившихся возле площадки.

Неподалеку от первой улицы я задержался. Вися

в пространстве над крышами домов, я направил излучатель вертикально вниз, где маячили тени воскообразных фигур. Суженный поток света скользнул вдоль мостовой и, перескакивая от одного человека к другому, высветил на средине пустой мостовой белый автомобиль. После этого я перевел взгляд на группу людей, которых данный момент зафиксировал в непонятной сцене у входа в ночной ресторан. Я спадал в глубину узенького перешейка, образованного рядами окон; при этом я был переполнен растущим напряжением с непонятным происхождением. Я спустился до уровня тротуара. В глазах — даже тогда, когда я повернулся к монотонно черному небу — стоял образ белого пятна с маленькой фигуркой человека внутри открытой автомашины. Вновь я нашел его лицо на самом конце длинной световой полосы. Оно неотвратимо притягивало меня к себе. Затаив дыхание, я выплыл на самую средину мостовой и заложил петлю вокруг неподвижной фигуры.

В моей памяти не оставалось никакой, даже самой малейшей подробности, которая бы связывалась с этой сценой, но все каким-то образом можно было объяснить. Стрелки весов, сотрясаемых различными обстоятельствами, колеблясь

между вероятным и сомнительным, наконец-то склонились в сторону полнейшей уверенности, что я аутентичный человек. Больше ни о чем я уже не думал; все было так, словно я загипнотизировал самого себя, глядя в зеркало, которое ночью четвертого июня перехватило мое изображение и сохраняло его в течение девятимесячного периода. В мужчине, сидящем за рулем открытого белого "ога", я узнал самого себя.

Все здесь для меня было совершенно чужим, за исключением самого тела. Как форма автомобиля, когда-то принадлежащего мне самому, так и одежда статуи — мне абсолютно ничего не говорили. Я не был идентичен с ним исключительно потому, что нас разделял девятимесячный отрезок времени. Но, за исключением всего того, что принес приобретенный в убежище опыт, мы совершенно не различались. Я всматривался в черты собственного лица, а автомобиль, миллиметр за миллиметром, перемещался вдоль пустынной мостовой. Очень медленно, но неотвратимо, он удалялся от стоянки. Через четыре минуты он занял место, удаленное на шаг от предыдущего положения. Я склонился над циферблатом спидометра. "Ог" мчался со скоростью сто сорок четыре километра в час. Сейчас он двигался

в сторону сборища статуй, которые перекрывали мостовую. Я оценил, что автомобиль промчится мимо них через три секунды, поскольку именно столько времени автомобилю требовалось, чтобы преодолеть расстояние в сто двадцать метров, разделявшие его от плотной толпы. Я поплыл в ту сторону.

Люди окружали довольно крупный павильон, возведенный в месте, что разрыв в стене домов образовывал нечто вроде небольшой площади. Издалека здание делало впечатление конструкции, открывавшей вход в подземную станцию метрополитена. Низкий и толстый потолок, над которым я завис, опирался на четырех колоннах, симметрично размещенных по окружности овальной плиты. Спереди имелась надпись: "ЛИФТОВАЯ ШАХТА № 6", что заставило меня предположить, что здесь находился еще один комплекс лифтов, перевозивших горожан в убежище. Вместо стенки, пространство под крышей левого крыла перегораживали разбитые уже во многих местах стекла. Группы статуй застыли возле образовавшихся проломов, пропихиваясь сквозь них по пути в центральную часть здания.

Я и сам протиснулся сквозь один из таких проломов и проплыл над многочисленными

головами в средину павильона. Внутренняя терраса обрывалась на высоте половины этажа. У окружавшей его балюстрады стоял плотно сбитый ряд вооруженных полицейских. Они сдерживали напор людей, желавших попасть на нижний этаж. Разрыв в мраморной плите открывал вид на наклонный туннель. Его перечеркивали длинные ленты эскалаторов, на конце которых темнела яма вестибюля. Из ситуации наверху могло следовать, что места на ступенях занимали лишь те из прибывших, кто попал в шахту через официальный вход.

Осторожно лавируя между застывшими в неподвижности телами, я поднялся под самый потолок, откуда — описав широкую петлю — попал к переднему входу. Я уже собрался было поплыть наискось вниз, над рядами застывших на бегу фигур, чтобы добраться до расположенных здесь лифтов. Но случайный взгляд в направлении улицы вызвал, что я остался на месте.

Сквозь стекло я увидал силуэт мужчины с револьвером в руке. Он, глубоко склонившись, застыл под рослой фигурой наклоненного над ним полицейского. Другая фигура в мундире собиралась нанести удар дубинкой. Кулак выскочившего сбоку нападавшего уже находился на

его челюсти. Толпа статуй напирала на решетку у главного входа. Чуть поближе, группа полицейских защищала доступ к замаскированному проходу. Один из стражей порядка лежал на краю светового круга. В настоящий момент он поднимался с пола; направив руку за спину, он вытаскивал револьвер из кобуры. Сейчас же он застыл, приподнявшись на левом локте, с головой у колен своего стоящего товарища, в которого попала предыдущая пуля, и теперь он уже терял равновесие, чтобы упасть плашмя на плиты пола. Взглядом я вернулся к нацеленному в лежащего оружию. Указательный палец опирался на возведенный до упора спусковой крючок. Сноп света из моего излучателя приклеился к бледному лицу, резким скачком оторвался от него и, обходя конец ствола, у выхода из которого я ожидал заметить медленно двигающуюся пулю, дальше упал на плиты пола. Там, на фоне черной ночи, я увидал чью-то обнаженную спину. Более десятка людей переваливалось через сломанный барьер; женщина в разорванном платье выползала из под их ног.

Мой взгляд застыл на выпуске ствола. Затерявшаяся в хаосе форм пуля нашлась совершенно в ином месте. Сейчас она находилась на пути,

касательном к кривизне стеклянной переборки. Пуля уже пробила воздух под мышкой падающего полицейского; я мог бы схватить ее сейчас руками, если бы не помеха в виде стекла. Я опасался, что разбивая стеклянную переборку в близости собравшихся на другой стороне людей, пораню гораздо больше собравшихся и наделаю гораздо больше вреда, чем это сделает сама пуля. Нужно было выбраться из павильона.

Пуля двигалась по траектории, проходящей в просвете между телами статуй. Далее линия выстрела совпадала с поребриком мостовой. Поспешно плывя вдоль стеклянной переборки, я приближался к выходу, ни на секунду не теряя пули с глаз. Я предполагал, что она не ранит никого по пути, если только мне удастся догнать ее в полете до того, как она достигнет другой стороны улицы. Наконец-то мне удалось обойти все помехи, и я выскочил из здания. Пулю я обнаружил с помощью суженного светового конуса на белом фоне подхваченной дуновением воздуха шали.

Пуля прочесала волосы склонившейся над мостовой женщины, прошила полу чьего-то пиджака и вылетела в пространство над мостовой. Если бы не сумасшедшее сопротивление воздуха, я бы достал ее одним скачком. Но даже и так, я

двигался гораздо быстрее нее. С моих глаз она исчезла в то момент, когда я перелетал над крышей автомобиля. Я огляделся по сторонам. Все поле зрения занимали абсолютно неподвижные фигуры. Но мне удалось заметить небольшую дырку между окнами фиата. Я тут же заглянул внутрь автомобиля. Пуля продолжала находиться в прямолинейном движении, нацелившись прямо в голову водителя. Я не стал раздумывать.

Вырванным из-за пояса ножом я вырезал отверстие в крыше. Затем, сунув туда руку, я схватил пулю и остановил ее в полете, буквально в нескольких сантиметрах от головы возможной жертвы. Оттуда я выбросил ее в направлении неба.

Фиат катился по мостовой со скоростью около пятнадцати километров в час, он наверняка притормаживал перед станцией лифтов. Я представил, какую бы мину скорчил водитель, если бы когда-нибудь узнал, что от смерти его отделала одна десятитысячная доля секунды.

Я чувствовал боль в мышцах, вызванную постоянным сражением с массами воздуха. Но при этом меня так и подмывало вмешаться в драку статуй. Сначала я срезал ножом поднятую для удара дубинку полицейского. Мне было легче

раздавить или оторвать кому-нибудь руку, чем осторожно извлечь из нее готовый выстрелить револьвер. Я предусмотрительно избегал непосредственного контакта со статуями. Их тела проявляли пластичность разогретого воска, который сразу не поддавался нажиму пальцев только лишь потому, что одновременно проявлял и громадную инерционность. Я как размышлял о том, как разоружить дерущихся без того, чтобы нанести им тяжкие раны, как вдруг мой взгляд остановился на темном пятне в верхней части колонны. По вполне понятным причинам любое движение на фоне окаменевших форм здесь казалось мне чем-то необычным.

Под потолок я взмыл, когда уже было поздно. Громадная свинцово-железная масса срезала колонну прямо у меня на глазах. В ней я узнал тот самый металлический цилиндр, который сам полчаса назад вытолкнул из стенки камеры скелетов. Снаряд вылетел в свободное пространство под уровнем виадука. В самом начале он пролетел сквозь окно соседнего помещения и, преодолев около шестидесяти метров, добрался сюда. Временный недостаток кислорода и бегство из научного учреждения не позволили мне ясно осознать тот факт, что за собой я оставляю страш-

ный пушечный снаряд, разогнанный до скорости чуть ли не в четыреста метров в секунду.

Совершенно в ином свете предстали передо мной теперь погоня за револьверной пулей, шутка с полицейской дубинкой, а потом и моральные проблемы, связанные с вопросом кому, собственно, следовало помочь, и что из этого могло получиться, спустя пару часов. До сих пор я разыгрывал из себя доброго ангела-хранителя, исправителя прошлого, не осознавая своей пугающей и страшной силы, результатом чего были ужас, смерть и ненамеренные разрушения. Разбитая у вершины колонна уже слегка отклонилась от вертикали, проявляя тенденцию к тому, чтобы свалиться на газон. То счастливое обстоятельство, что на газоне никого не было, никак не могло закрыть мои глаза на принципиальную проблему.

Выходило, что в мире замедленного времени не могло быть и речи о каких-либо осторожных действиях. Даже сам ураганный свист, но, возможно, рык или грохот воздуха, которые я возбуждал, плавая над головами статуй, в конце концов, могли привести к последствиям, которые просто невозможно было предусмотреть.

После этого я сразу же направился к кана-

лу, оставляя позади каменный круг, полную напряжения ситуацию и самого себя за рулем мчащегося "ога". Оборванное в последующем явлении хода времени мгновение всеобщего бытия охватывала этот мир стальным зажимом, который было лучше оставить собственной судьбе.

14. РТУТНЫЙ ОКЕАН

Я увидал свет в темноте.

Вначале прозрачный столб. Затем светло-фиолетовый круг, который пронесся по стенке соседнего небоскреба, поднялся, колеблясь словно маятник, до самых высших его этажей, до самой верхней мелово-белой галереи, где превратился в удлиненный эллипс. Стекла нескольких десятков окон замерцали искрящейся синевой и тут же погасли. Прежде, чем вновь воцарилась темнота, я успел заметить, откуда вспыхнул луч: едва рисующийся в темноте конус прятал свою верхушку внутри одного из окон шестого этажа.

Я кружил у самого края стены, на значительной высоте, сразу же над выпуском канала, в который собирался опуститься, чтобы через зеркало попасть, наконец-то, в комнату теней. До сих пор я не принимал во внимание такого рода опасности: встреча с кем-то из убежища, который, вооружившись излучателем, устроил бы себе наблюдательный пост внутри одной из квартир, тем более, чтобы подобного рода встреча могла привести к смертельному поражению гамма-лучами. Я спрятался за выступом стены и погасил

свой излучатель.

И в тот же самый момент по мрачному ущелью улицы промчался следующий каскад световых рефлексов: светящийся столб прошелся по окаменевшим фигурам на мостовой, метнулся над рядом автомобилей и, разбрасывая по кругу смолистые тени, пролетел дальше, поперек остановки; на сей раз — благодаря максимальному напряжению излучения — лучи проникли даже под купол ближайшего шахтного ствола. Одновременно я заметил и второй источник света, который нервной дрожью завторил первому. Свет загорелся совсем рядом, на противоположной стороне улицы, он раз за разом короткой дугой бил в асфальт — скорее всего, кто-то там, внизу, сигнализировал свое присутствие, чтобы предупредить несчастный случай.

Стена жилого блока за моей спиной отбрасывала плотную тень на ту часть мостовой, возле которой стояла машина Езы Тены. Пользуясь ею в качестве прикрытия, я опускался все ниже и добрался до выхода канала в тот самый момент, когда нижний излучатель повторил серию предупредительных сигналов. У меня были все основания опасаться того, что мой запас кислорода кончится в любой момент, посему

немедленно погрузился бы в люк, если бы перед тем не распознал в отраженном от стен свете знакомый силуэт и лицо: над самым тротуаром проплывала Ина.

Нас делила лишь ширина улицы: небольшое расстояние, которое я тут же возжелал преодолеть, чтобы встретиться с Иной в этом необычном месте, но тут же застыл на самом краю люка, прибитый к нему неожиданным скачком направленного сверху светового столба. Широкий поток лиловых лучей заполнил пространство между мною и Иной, и прежде чем я успел подумать, что же все это означает, горло стиснула судорога беспокойства, измеренное же долей секунды время открыло в моем сознании фиолетовую картину, наводящий ужас абрис силуэта девушки, залитый излучением. Призрак погас столь же неожиданно, как кратковременная вспышка фотолампы. Но был ли он всего лишь иллюзией? Ина на мгновение замерла; но при этом она сохранила ясность мысли и метнулась прямо перед собой — в направлении единственного находившегося поблизости "щита", которым была статуя у самого края тротуара.

На место она успела добраться перед очередным ударом луча; я увидел, как девушка прячется

за окаменевшей фигурой, и облегченно вздохнул, поскольку, если раньше я еще мог строить иллюзии относительно того, что спрятавшийся наверху человек оперирует излучателем, словно обычным прожектором, не понимая ужаса всей ситуации, то теперь мне было понятно наверняка, что с его стороны это сознательные и, скорее всего, намеренные действия. Я стал бессильным свидетелем безжалостной охоты. И я никак не мог ее предупредить, поскольку выстрел с моего месторасположения лишь скользнул бы по стене дома, не проникая вовнутрь комнаты, а безумный прыжок на другую сторону улицы под лавиной гамма-лучей ничем, понятно, Ине помочь бы не мог.

Перестроенный на узкую полосу излучатель врага прошил пространство интенсивной, слепящей полосой; луч уперся в руку статуи и перечеркнул асфальт у его ног. Отсюда белая игла перескочила выше, на спину и, свернутой в многочисленные петли спиралью, очертил несколько кругов вокруг вздувшегося пузырем пиджака. Светящаяся полоса несла в себе сконцентрированную в узеньком пучке громадную энергию, которую могло остановить и распылить лишь тело статуи. Я верил, что скорчившаяся

за прохожим Ина не отважится выглянуть из-за спасительной тени, пока же она там находилась, ей можно было ничего не опасаться.

Про себя я назвал его прохожим. Насколько же я не понимал того, что здесь происходило! Я настолько был перепуган ужасом положения Ины и собственным бессилием, что даже толком не присмотрелся к фигуре, которая защищала девушку. Только сейчас я с изумлением открыл, что неестественная поза мужчины, странное положение его тела для меня ассоциируются с чем-то совершенно странным: мысль о бегуне, схватившемся со стартовых колодок, пока не прошла первая секунда после выстрела, и которому невидимая рука набросила на шею петлю, после чего резко рванула ее назад; человек этот изогнулся дугой, с выпихнутой вперед грудью (поскольку это вовсе не была спина, как показалось мне вначале) и, скорее всего, уже переламывался в позвоночнике под невидимым напором — столь сильно он откидывался назад, где на вытянутых наискось и вверх руках — дополнявших кривизну дуги всего тела — вздымался сорванный с туловища пиджак, но задержанный локтями, и подкладкой вверх тот самый главный экран для Ины — своей формой напоминающий фотографию, сделанную

во время урагана.

Что-то заставило меня быстро глянуть на часы (было десять минут четвертого пополудни); я не знал, почему ни что-то иное, но именно это инстинктивное движение вызвало, что я связал теперь два отдаленных факта и понял в один миг, хотя еще пару десятков секунд не был в состоянии выйти из шока. Статуя медленно погружалась в грязь — так мне казалось, и хотя это не имело ничего общего с истиной, у меня не находилось никакого лучшего сравнения, чтобы передать главный признак этого движения, когда на моих глазах мужчина медленно, но неумолимо "стекал" вниз — и это в мире, в котором абсолютная неподвижность, казалось, была основным принципом поведения.

Передо мной был знакомый образ мужчины с тридцать шестого этажа в последней фазе падения на мостовую. Прошло как раз пять секунд полета — и столько же секунд его тревог, растянутых до пятидесяти четырех тысяч по моим часам, по истечению которых он сталкивался с мостовой на скорости ста восьмидесяти километров в час. Он выпал из окна, находящегося очень высоко вверху на противоположной стороне улицы. Хорошо затянутый на его руках ремень тогда мог его

спасти, что ясно дошло до меня только теперь.

Почему Ина не воспользовалась своим излучателем для самообороны? Я опирался на крышке люка, повернувшись спиной к стене дома, несколько больше, чем другие, отодвинутого от мостовой, и, чтобы поподробней описать ситуацию, мне пришлось осознать, что площадка с пятой шахтой находилась справа, здание, в котором скрывался неприятель — тут же, слева, а линия, соединявшая выпуск люка с отдаленным световым прямоугольником, а, следовательно, и с камерой скелетов, проходило наискось влево, пересекая дугу виадука, а ближе — вторую улицу, практически параллельную нашей, и пересекалась с ней как раз в той точке, которую только что проехал открытый "ог", мчащийся в сторону шестой шахты. Все это промелькнуло в моих мыслях за долю секунды.

Одним движением ног я схватился с места и припал к к углу дома в котором прятался нападающий. Оттуда уже, с помощью поспешных движений рук и ног — в тени, образованной выступом стены — я поднялся на высоту шестого этажа. Мне нельзя было терять ни мгновения; я собирался подкрасться к неприятелю сзади и застать его врасплох на его собственной огневой

позиции. То есть, мне необходимо было проплыть через одно из примыкающих помещений и, старательно избегая встреченные преграды, найти нужную дорогу.

Разбить стекло мне было несложно — я вскочил в какую-то комнату и стиснутым в кулаке ножом несколькими глубокими разрезами раскроил закрытую дверь; заядло мне сопротивлялась лишь вырванная доска, когда я оттягивал ее, напрягая все силы; если не считать этого, я довольно спокойно попал в коридор, где, проплыв мимо темной фигуры статуи, резко свернул вправо и нырнул в приоткрытую дверь, прямо в квартиру, в которой мог остаться навечно.

Уже в коридоре я заметил слабый отблеск на полу, что лишь подтвердило мои предположения о том, что я попал куда нужно; теперь же я очутился в небольшой прихожей — из-за следующей, тоже лишь приоткрытой двери проникал свет. Крайне осторожно я приблизил голову к неправильной формы пролому и глянул в комнату.

Рекрут собственной особой находился в полете у окна с трубкой излучателя, направленной вниз вдоль бедра. Увидав его, я тут же поднял собственное оружие. Я решил пронзить его лучом сразу же, как только он попытается направить

излучатель в сторону улицы. Он неподвижно висел в пространстве, повернувшись ко мне спиной, и выглядывал в окно — ожидая, видимо, когда Ина полностью будет лишена последнего укрытия. В ходе этой нервной интерлюдии мне пришло в голову, что было бы здорово неожиданно подкрасться к нему, обезоружить и затянуть в убежище, где потом я мог бы его допросить и заставить объяснить, от чьего имени он действовал: то ли желая убить нас по приказу людей, или же он был только орудием Механизма.

Я полностью доверял собственным мышцам, поэтому, под влиянием этой мысли, осторожно протиснулся сквозь узкий пролом и вплыл в комнату, готовый в любой момент порезать Рекрута на куски, если бы тот оглянулся преждевременно. Покидая удобное местечко возле пролома, я совершил ошибку, которую практически невозможно было исправить, только я никак не мог предусмотреть подобной ситуации.

Сто стоял посреди комнаты, на нем высился стул, а еще выше — статуя женщины, выпрямившейся на стуле и застывшей с руками, поднятыми к потолку, где за снятой белой плиткой, верно имитировавшей фрагмент потолка, в мелкой нише находились еще одни дверки, стальные,

снабженные номеронабирателем и рычагами. Дверки были опущены вниз и открывали внутренности замаскированного сейфа, в которых сейчас была погружена рука женщины-статуи. Возле стола находилась другая женщина; остановленное время заморозило ее с поднятой вверх головой. Она подавала другой женщине пузатый несессер — окаменевшие глаза ее всматривались в пространство; приоткрытый рот замер в средине слова. Было совершенно ясно что, не осознающие катастрофичность ситуации женщины — сразу же после объявления тревоги — вместо того, чтобы спасать собственную жизнь, теряли время на то, чтобы достать драгоценности, с которыми, скорее всего, собирались уйти в убежище. Но не этот вид вызвал, что мне немедленно захотелось отступить в прихожую.

Краем глаза я заметил удлиненную тень, перемещавшуюся на фоне белого потолка.

Сейчас я совершенно неожиданно увидел — чего ранее определить никак не мог — что в комнате находился еще один пришелец из убежища, компаньон Рекрута. Он плавал под самым потолком, с телом, вытянутым параллельно его поверхности и, обернувшись спиной к полу, горячечно копался в тайнике. В этом втором человеке

я стразу же узнал Коореца.

Теперь уже не было и речи ни о какой драке, ни о попытке обезоружить Рекрута: и так страшная ситуация теперь усложнялась — она заставляла меня совершить двойное убийство, тем более, что от самой мысли о том, чтобы повернуться к неприятелю спиной в ходе пропихивания сквозь пролом, у меня мурашки шли по телу, что было вызвано представлением о том, как молния из излучателя Рекрута хлестнет по моей спине. Каким образом смог бы я достаточно быстро и однозначно объяснить Коорецу, что ему с моей стороны ничего не грозит, что мне лишь необходимо предотвратить нападение Рекрута на самого себя?

Решение пришло со стороны и было намного лучше, чем я мог себе только представить. Я как раз сплывал в угол, за телевизор, водя дулом выключенного излучателя от одной фигуры к другой, когда Рекрут — которого, видимо, изумила сцена на дне ртутного океана — повернул лицо в сторону Коореца и резко кивнул, как бы желая призвать его к себе. Но тот сигналами Рекрута никак не заинтересовался; гораздо сильнее его поглощало нечто иное: горячечный грабеж. Дрожащими от возбуждения пальцами он пе-

ребирал в сейфе, вытаскивая раз за разом все, что только удавалось. Но то же самое явление, которое позволяло ему никак не считаться с присутствием женщин, доставляло ему немалые сложности. Вот он и метался то вправо, то влево, сражаясь по отдельности с каждым колечком и с каждым драгоценным камнем, прежде чем ему удалось часть из них рассовать по карманам. Бессмысленная жадность ослепила его и охватила безраздельно; он явно представлял наверняка, что в убежище ему каким-то чудесным образом удастся привести все эти сокровища к нашей системе отсчета. Я видел горсть золотых монет, развешанных в воздухе под тайником; в дожде жемчужин, разбросанных в пространстве вокруг порвавшегося шнурка, особенно искусительно замерцало огромное бриллиантовое колье. Кооpец никак не мог с ним справиться, так что, в конце концов, оно вырвалось у него из пальцев.

И в тот же миг в дело вступил его напарник: несколькими энергичными скачками он нагнал ценную добычу и схватил ее обеими руками; только этот шустрый прыжок — по мнению Кооpеца — никак не решал проблему собственности. По выражению его лица я мог сделать вывод, что Рекрута будет сложно сплавить к окну, куда

его указующим жестом направлял Коорец. В ходе немой потасовки Рекрут все время обеими руками хватался за колье. Чтобы окончательно решить спор, он пнул Коореца в живот, бесцеремонно отбившись от него обеими ногами; при этом он приобрел огромный импульс, пропорциональный гигантской массе колье, которое и потащило его в сторону окна по прямой.

Лишь только он выпал на улицу, как из-под потолка его догнал узкий лиловый луч; по всей вероятности, Коорец не колебался ни секунды. Луч прошел сквозь живот несчастного, разрезая того пополам. Како-то время е еще видел его, когда, свернувшись клубком, он падал вниз за оконным парапетом.

Нагрузившись ничтожной частью сокровищ, Коорец с огромным трудом отправился вслед за своей жертвой. Штанины брюк возле бедер и углы пустых карманов пиджака тащились за ним в карикатурных конвульсиях, как будто бы он каждую секунду цеплялся за невидимые острые крючки.

Спина моя покрылась холодным потом, но вовсе не потому, что меня столь тронула судьба Рекрута — в конце концов, один бандит стоил другого, так что здесь некого было оплакивать.

Когда Коорец исчез из моего поля зрения, я очнулся среди статуй в густеющей темноте и с желтыми пятнами перед глазами. Мне не пришлось долго размышлять над тем, что это означает: в мыслях я опять преодолел значительное расстояние, отделявшее меня от комнаты теней, и понял, что мне никогда не удастся преодолеть даже половины этого пути. Я висел под пустыми баллонами с последней порцией кислорода в легких, осознавая неизбежность смерти, которая здесь — на дне мрачной пропасти несмотря на многие удачи, все же решила достать меня окончательно.

Я еще мог проплыть как можно дальше в сторону окна — и этого мне было достаточно, поскольку я пожелал бросить последний взгляд в сторону спасенной Ины. Я выглянул. Зубы вонзились мне в язык, в то время, как голова металась во все стороны, сотрясаемая напрасными конвульсиями груди — куда не кинуть взглядом, внизу лежал океан ледовитой ртути, застывший, пустой и мертвый, пускай даже и роящийся сотнями людей. Среди глухого грома, нараставшего у меня в ушах, раздался резкий треск. Я столкнулся с чем-то. Что это? Рядом со мной дрейфовала какая-то бесформенная масса. Я посветил в сторону, на стену, и в отраженном свете увидал разрезанные

молниеносным лучом останки Рекрута.

Всего один взгляд на его дыхательный аппарат пробудил мое гаснущее сознание. Я сорвал с тела баллон и маску, тут же припав к ней ртом. Еще в течение нескольких мгновений, прерываемых свистом кислорода, выходящего возле кранов, я видел фигуру Рекрута, величественно заплывающую в окно — как раз под ноги искалеченной женщины. Мог ли он когда-либо предполагать, каким образом спасет мне жизнь?

15. РАПОРТ

На разбитом топчане — вновь установленном под стеной в комнате теней я проспал полные пять часов, то есть, до половины девятого вечера. На него я рухнул остатками сил, абсолютно счастливый оттого, что не нужно никуда идти дальше, настолько был я исчерпан переживаниями в застывшем городе, теперь же, испытывая большую, чем ранее, тяжесть, стылость и боль во всех мышцах, до меня дошло еще, сколько это часов я ничего не имел во рту. Голод дополнительно усиливало горькое чувство того, что за еду здесь придется сражаться, как будто бы я ее вообще не заслуживал.

Конечно, можно было бы обратиться к служащим столовой с унизительной просьбой нелегально выдать мне одну порцию (легко представить удовлетворение официантки), или прямо заняться остатками ужина, оставленными кем-нибудь на тарелке, опять же, можно было попросить Асурмара выручить меня талоном, уже третьим — если он не исчерпал собственного терпения — и я мог продолжить атаки на полковника Гонеда, чтобы тот выдал нужный

бланк и приложил к нему необходимую печать. И я решил следовать последней мысли.

Поначалу я отправился на склад, чтобы разыскать Эльту Демион, как Ина хотела сама себя называть; у меня пред глазами еще стоял кратковременный образ ее фигуры, залитой потоком лилового света, и хотя все это наверняка мне лишь привиделось, мне хотелось удостовериться, что девушка, несмотря ни на что, не пострадала. К сожалению, там я ее не нашел. В холле царила горячечная активность. Где-то с десяток мужчин крутилось в узких проходах между растущими горами мешков, которые они сносили из других помещений и беспорядочно закидывали наверх, под самый потолок, либо же запихивали в еще не занятые проемы между стульями. Внутренности всего помещения неожиданно подверглись полному преображению. Напрасно искал я взглядом свернутый коврик, последнее логовище Ины. Рядом с подвинутыми под стенки кучами ненужной мебели появились новые свалки, образованные средствами защиты населения от оружия массового поражения. Среди огромного количества противогазов и сапог-чулок с длинными отворотами, среди связок прорезиненных защитных плащей то тут, то там сиротливо пря-

тались разноцветные пакеты, ящики, баллоны и канистры с надписями "Дезактивация", "Дезинфекция", "Защита от заражения" — все вместе наверняка составляло специальное оборудование, собранное на случай заражения региона ядерным, биологическим или же химическим оружием. Обитатели убежища были хорошо приготовлены к спешной эвакуации на тот случай, если бы возникла необходимость выхода по длинным туннелям на поверхность земли и путешествия под осадками радиоактивной пыли, равно как и на преодоление других предусмотренных несчастий, которые не имели ничего общего с разыгрывающейся тут и сейчас трагедией. Было нечто подавляющее в этом нервном и бессмысленном переносе вещей с места на место, в этих напрасных попытках избавиться от бесполезного бремени, только занимающего бесценное пространство — а может это все было лишь попыткой имитации какой угодно деятельности, которая на какое-то время заняла бы мысли и руки бездельничающих людей.

Из склада я направился прямиком в кабинет Гонеда. Алин стоял в открытых дверях канцелярии и сонно выглядывал в коридор. Через его плечо я заглянул вовнутрь — Гонеда не было.

— Чего надо? — рявкнул охранник.

— Вы, случаем, не знаете, где может быть сейчас полковник Гонед? спросил я.

Тот пожал плечами и, молча, подняв в сторону двери указательный палец, подчеркнул ногтем листок блестящей бумаги в рамке. Я прочитал: "Прием проводится с 8 до 16". Мне показалось, что сейчас я просто рассмеюсь, но взял себя в руки: этого здесь еще не хватало, здесь — на пути к звездам!

— А вы, случаем, не думаете, что он все же зайдет еще вечером?

— Возможно.

— Вы не позволите подождать?

Тот неохотно отодвинулся. В изолированной решеткой части помещения сидело четверо мужчин. Поглядывая на них искоса, минут десять я стоял под стенкой, потом присел на краешке стула возле стола. Алин, который до того, казалось, меня не замечал, пробудился от краткосрочной дремоты на пороге и подскочил ко мне столь резко, как будто речь шла не менее, чем о защите трона, которому угрожал святотатственный контакт: он вырвал из под меня стул и тут же протер сидение рукавом собственного свитера.

— Туда, — прошипел он, указывая рукой куда-то

за спину. Рассаживайтесь на табурете. Мы тут не в частной камере. Порядок должен быть!

Один из заключенных захихикал.

— А ну тихо! — рявкнул Алин. — Если кто-то из вас хоть раз раскроет клюв... — снизил он голос.

Я не дал запугать себя подобным отношением: в конце концов, исполнение чиновничьих функций все еще обладало своей карикатурной силой. Но когда я направился в сторону табурета, стоящего возле решетки, Алин завопил столь отчаянно, что можно было опасаться, не теряет ли он последние крохи терпения:

— Мужчина, и куда бы я это шел! Не туда, сюда идите! Предписания запрещают приближаться к решетке ближе, чем на два метра. Вы что, в школу не ходили?

После этого он лениво направился в сторону дверей. Сам же я уселся в углу на неудобном стульчике и, чтобы более полно определить границы ментальности Алина, заговорил с ним еще раз:

— Нельзя ли ненадолго воспользоваться карандашом? — указал я на стол, где лежали письменные приборы Гонеда.

Алин отказал, покачав головой. Только спустя несколько минут, когда я успел забыть обо всем инциденте, во время очередного переброса

взгляда с левой на правую сторону коридора, он пробормотал, наполовину про себя:

— Нельзя, и все!

Я всматривался в голубоватую белизну лиц, освещенных жужжащей сверху лампой дневного света и размышлял над огромной способностью к приспособлению, которой отличались личности типа Алина. Каким образом из обычного бандита смог он преобразиться в образцового стража порядка, в педантичного исполнителя приказов — это оставалось его личной и сладкой тайной, загадкой всех тех примитивных духовно структур, у которых столь легко изменить порядок от самых основ, но лишь потому, что там нечего особенно преобразовывать или нарушать.

Прошло минут тридцать. Время ожидания Гонеда затягивалось тем больше, что я вовсе не был уверен в результате нашей встречи. Еще раз я присмотрелся к заключенным. Мужчины, который утром подавал мне знаки во время дискуссии с Асурмаром, за решеткой уже не было; новые арестанты хранили абсолютное молчание, трое лежали на дощатых нарах, четвертый спокойно прохаживался из угла в угол. Этот последний привлек мое внимание в тот момент, когда воспользовавшись временным невниманием

Алина — просунул руку между прутьями и быстро схватил шнурки, лежавшие с этой стороны, на столике, среди прочих других отобранных у арестантов мелочей. Какое-то время я сонно присматривался к его действиям: мужчина привязал пустую кружку к концу шнурка и начал мерно раскачивать ее из стороны в сторону. Каждое колебание кружки он акцентировал беззвучным движением губ. Наконец он подтянул рукав пиджака и значащим жестом указал на левое запястье, где обычно носят часы.

Эту забаву я прокомментировал бы стереотипным: "И чего только со скуки не придумаешь!", если бы мужчина не пытался втянуть меня в нее. Он бросил мне несколько значащих взглядов и, раз за разом, указывая на свою игрушку, отворачивал рукав пиджака, как будто желал узнать, сколько сейчас времени.

— Десять минут десятого, — сказал я вслух.

Алин оглянулся.

— Поздновато уже, — объяснил я ему.

— Если вы куда-нибудь спешите, то до свидания!

Арестант отрицательно покачал головой с выражением нетерпения на лице. Понятно, что время его не интересовало. Он имел в виду нечто

другое. Когда же я наконец сориентировался, что ему нужно, одновременно пришлось со стыдом признать, что кому-то эта простая идея пришла в голову раньше, чем мне: мужчина хотел узнать действующее здесь значение ускорение свободного падения. А ведь, по причине исполняемых мною здесь функций, я первый был обязан заинтересоваться этой проблемой.

В кармане я нашел небольшую зажигалку Вайса, после чего занялся поисками нитки. Ее я вытащил из штанины и отложил ровно метр длины, размотав нитку дважды вдоль края табурета, размеры которого — как гласил вывешенный на стене список инвентаря — были педантично нормализованы и, к счастью, не представляли военной тайны. Привязав к нитке зажигалку, я выполнил сто полных двойных колебаний. Это заняло три минуты без двух секунд. В то время, как арестант одобрительно кивнул, Алин, критично проследив за всеми моими начинаниями, с размахом стукнул себя пальцем по лбу. Глупость всех этих несерьезных действий, которыми я нехотя мучил его воображение, для него была столь очевидной и тронула до такой степени, что, забывая о субординации — по причине отсутствия другого поверенного в чувствах — с

широкой усмешкой он обратился к арестанту. Тот тоже — явно, чтобы не доставить разочарования Алину — постучал себя пальцем по виску.

Дрожащими от возбуждения пальцами я взялся за записную книжку Вайса. Уравнение математического маятника я преобразовал так, чтобы узнать ускорение свободного падения. Подставив соответствующие значения и проведя несложные расчеты, я получил совершенно неожиданный результат.

— Двенадцать целых и сорок девять сотых метра на секунду в квадрате, произнес я вслух, как бы про себя. — С небольшой ошибкой, — прибавил я потом.

Я был настолько поражен полученными цифрами, а еще более, обстоятельствами, которые меня к ним привели, что перестал реагировать на гримасы Алина. Необходимо было наконец рассечь узел основных сомнений: что здесь над чем доминировало — люди или явление? То ли люди, управляемые неясными мотивами поступков — или же руководимое волей Механизма таинственное физическое явление? Кем были эти мужчины, сидящие за решеткой фигуры — на первый взгляд кажущиеся рядовыми обитателями убежища, изолированные за какое-то

банальное нарушение — и особенно, кем был человек с маятником в руке, который спрашивал про значение ускорения свободного падения столь же естественно, как кто-либо спрашивает, сколько сейчас времени, как будто уже несколько часов — ба, а может и несколько месяцев! прекрасно осознавая факт, что оно значительно отклоняется от нормы (о чем лично я не имел ни малейшего понятия), и он с моей помощью желал лишь удостовериться, находится ли оно все так же на том же уровне?

Итак, меня грубо поставили на место: до сих пор я представлял — не без некоторого самомнения — что в одиночку иду вслед за мыслями Увериса, что я один иду с ним наравне по сложному пути открытия истины. И вот случайность столкнула меня с человеком, осознающим ситуацию гораздо лучше. Было ли это проявлением охватывающей все и вся непонятной конспирации, в результате которой любой, кто пытался понять ситуацию собственными силами, был вынужден барахтаться отдельно — и каждый, на своем уровне, точно так же ошибался?

Я выполнил еще несколько вычислений. Отношение скорости света к полученному только что значению ускорению свободного падения равня-

лось двумстам семидесяти восьми дням. И все это время для нас уже прошло, если не считать трех последних дней. Очередная неопределенность была ликвидирована. Последний, вытекающий из замечаний Уневориса, тезис оказался абсолютно верным, хотя он собственный взгляд сформулировал исключительно на анализе релятивистских эффектов, а несоответствие времен пытался убрать с помощью фантастического предположения, будто мы "потеряли" куда-то эти не хватающие восемьдесят дней. Только теперь я уже не вращался в сфере туманных предположений — ближайшие несколько часов должны были подтвердить чудовищную истину.

Я вырвал листок из блокнота и озаглавил его следующим образом:

Коменданту убежища генералу Лендону

Рапорт Нэта Порейры

Я буду писать о фактах — как правило — прекрасно известных, и по

этой причине не намереваюсь здесь углубляться в более подробный анализ.

Четвертого июня прошлого года, то есть, девять месяцев назад, наше

убежище было вырвано с поверхности Земли и поднято в космическое

пространство столь мягко, что никто этого не смог тогда заметить. И

сегодня всего этого нельзя было бы утверждать со всей уверенностью, если

бы ускорение движения, в котором мы до сих пор находимся, в точности

равнялось гравитационному ускорению на Земле, поскольку, в силу

эквивалентности Эйнштейна, невозможно различать эффекты гравитации и

аналогичные эффекты, вызванные равномерно ускоренным движением.

Однако, ускорение, о котором идет здесь речь, больше среднего

земного приблизительно на два с половиной метра на секунду в квадрате, в

чем можно легко убедиться. Сила инерции равна реакции на постоянную силу,

приложенную к убежищу, и направленная в противоположную сторону,

прижимает нас к полу, вызывая то, что человек, который на Земле весил 60

килограммов, здесь весит 76 килограммов.

Отсутствие каких-либо сотрясений со дня катастрофы позволяет судить

о постоянстве ускорения и далее ведет к обяза-

тельному выводу, что в
течение двухсот семидесяти пяти дней убежище удаляется от Солнечной
Системы, и что к настоящему времени оно уже обрело скорость, весьма
приближенную к скорости света в вакууме. Из сравнения времени
релятивистского города с временем убежища следовало бы, что скорость
убежища равняется части скорости света, определяемой десятичной дробью, в
которой после нуля целых идет целых восемь девяток — столь близко это
значение к единице; с другой же стороны может показаться, что подобная
ситуация должна случиться только через три дня. В любом случае, прежде
чем они пройдут, прекратится тяга фотонного двигателя, ответственного за
силу инерции, благодаря которой мы имеем здесь искусственную гравитацию.
И этого следует ожидать в любой момент.
Это все, что касается несомненных фактов. Что же касается мира
статуй, застывшего под дном убежища, то относительно него я могу

выдвигать лишь более или менее вероятные гипотезы. Конечно, легче всего
было бы здесь сослаться на существование сверхъестественных сил и
обременить их ответственностью за все то, что здесь происходит. И тогда
вся проблема была бы закрыта раз и навсегда. Только дело в том, что и
такие силы тоже — во всяком случае, по моему мнению — обязаны подчиняться
всеобщим законам природы, посему они тоже являются связанными.

Механика, обязующая сегодня в Каула-Зуд с нашей точки зрения — если
рассматривать ее в отрыве от принципиальной сложности — в своем описании
не представляет каких-либо трудностей. Все физические законы там
похоже — абсолютно сохранены. Все количественные изменения можно получить
простыми преобразованиями времени и массы. Неразрешенной пока что
остается проблема длины наблюдателя, переходящего через границу миров;
эта размерность, изменяется на стыке миров и как бы автоматически

приспосабливается к сокращенной дине города. В связи с этим сама собой
приходит попытка понимания явления на основе теории относительности, но
она обременена — насколько нам известно — как минимум, одним главным
противоречием, которое никак нельзя убрать. Особое сопоставление
движущихся относительно друг друга систем, с которыми мы имеем здесь
дело, теоретически является абсолютно невозможным. Таким образом, мы
становимся перед альтернативой: является ли это локальной экспозицией или
же проекцией с Земли. Здесь мы имеем своеобразный дуализм: если не
обращать внимания на проблему зрения, то в первом случае известную
ситуацию лучше всего описывают преобразования Лоренца, а во втором
необходимо ссылаться на эффект Доплера.

Остановлюсь на этой последней возможности. Полоса электромагнитных
волн, выстреленных из излучателя, перенесенного из убежища в город,
имевших с самого начала частоту вторичного

космического излучения, туда
попадает уже с длиной, большей в двадцать тысяч раз, то есть как
излучение на стыке рентгеновских и гамма-лучей. Потом, после частичного
отражения от предметов города, возвращается назад, еще раз подвергаясь
допплеровскому эффекту (следовательно, передвинувшись еще дальше к
"красному" краю спектра) и окончательно, в системе наблюдателя займет
место в спектре излучения видимого для него света. Время экспозиции,
облучения, для статуй столь краткое, что — говоря практически — такое
облучение никакого вреда им не приносит. Зато личность из нашей системы
отсчета, облученная в городе излучателем непосредственно, подвергается
поражению немедленно. Все это происходит, в первую очередь, потому, что
такой человек поглощает поток излучения с частотой в двадцать тысяч раз
большей, а во-вторых, по той причине, что время облучения для такого
человека будет во столько же раз большим, чем

соответствующее время
относительно статуй.

Остается еще решение проблемы, для обитателей убежища, по-видимому,
самой важной: является ли таинственное творение, что мчится за нами в
космическом пространстве, абсолютной репродукцией города периода
последних шести минут, непосредственно предшествовавших сотрясению и
катастрофе, говоря иначе — является ли он симметрическим отображением
определенной пространственной зоны, связанной с Землей, на
пространственную зону, связанную с убежищем, либо же следует считать
(здесь я бы мог указать на убедительные доказательства), что данное
творение идентично самому городу? Разница между двумя возможностями
является очевидной, поскольку в первом случае нам даны два города: там
недосягаемый оригинал, а здесь — его копия, на которой мы можем
производить различные операции, не опасаясь того, что вводим изменения в

собственное прошлое; во втором же случае имеется только один город

летящий за убежищем оригинал. Если — в чем лично я уверен — реализуется

вторая из рассматриваемых возможностей, то все, даже самые мелкие

изменения, вызванные нами в городе в настоящий момент, следует трактовать

в качестве автоматического дополнения отсутствующих предшественников во

всех этих событийных связях, для которых в убежище уже имеются им

соответствующие последствия. Такие дополнения необходимы с точки зрения

детерминизма. Они совершаются как бы на краю нашей деятельности,

поскольку сами мы не имеем возможности их проконтролировать.

Я покинул канцелярию Гонеда, которую правильнее было бы назвать комиссариатом, и пошел по опустевшим коридорам, куда глаза глядят. У меня уже не было терпения ожидать его на месте; с другой же стороны, я не ожидал и того, чтобы Алин пожелал указать мне место пребывания полковника. По дороге я сунул в карман листки с рапортом Лендону. Нужно будет

передать их как можно быстрее. Тщательная изоляция между сегментами не облегчала мне этого задания. Нужно было бы получить разрешение покинуть данную зону, и такое разрешение мог выдать только полковник Гонед. Успел бы я вернуться потом, чтобы, наконец, связаться с Эльтой Демион?

Насколько я успел понять царящие в убежище обычаи, Гонед никогда бы не посчитал мой рапорт документом первостепенной важности и направил бы его в сегмент коменданта обычным служебным порядком. Замечание о термоядерном заряде, которым он желал воспользоваться, чтобы пробить путь на поверхность Земли, выразительно свидетельствовало, на что этот человек рассчитывал. Он напоминал муху, мечущуюся внутри запечатанной бутылки; стенки ловушки отделяли его от цветущего сада, и было бы сложно объяснить, что, выбивая окно, он всех подвергнет опасностям галактической пустоты.

Так или иначе, все пути, которые вычерчивала передо мной ситуация, сейчас фокусировались на личности Гонеда, поэтому я очень обрадовался, увидав его в компании нескольких собравшихся в коридоре лиц. Направляясь в его сторону, я прошел мимо Сента и Раниэля. Увидав этого по-

следнего, я несколько смешался: выходит, кто-то выпустил его со склада. Мне не хотелось разговаривать с ним. Любые оправдания прозвучали бы здесь неуклюже и фальшиво, тем более, что — говоря по правде — я совершенно о нем забыл.

Какой-то мужчина с портфелем в руке обогнал меня в тот самый момент, когда я притормозил, проходя рядом с Раниэлем. Он вел себя так, как будто желал опередить меня в очереди устройства всяческих вопросов с полковником. Мужчина подошел к разговаривающему с двумя женщинами Гонеду и остановился в позе, выражающей готовность к длительному ожиданию. Портфель при этом он поставил на пол. Если бы не блестящие, разгоряченные глаза, я бы сказал, что лицо его надело маску терпеливости, отличающей образцового просителя. Сам я глянул на Раниэля: тот смотрел на меня.

Все то, что случилось в течение последующих пяти секунд, можно назвать мастерским примером молниеносного действия, на которое был способен один только Сент. Вначале я слышал его краткий рык: "Ложись!" Прежде чем кто-либо успел повернуть голову, Сент подскочил к Гонеду и пихнул его, вместе с женщинами, столь резко, что все повалились. При этом мы дали доступ к

дверям туалета, в которые Сент пнул ногой изо всех сил и, практически одновременно забрасывая в средину подхваченный с пола портфель. Двери отбились от стенки и с треском вернулись на предыдущее место — это было одно мгновение секунды; а во второе я уже увидал Сента, приготовившегося к выстрелу с бедра и уже удалившуюся фигуру хозяина портфеля который, разбросав руки, отклонялся назад, подбитый пулей еще до того, как решился на явное бегство — и все это вместе в глухой тишине, потому что даже выстрел из револьвера был тишиной по сравнению с оглушительным грохотом взрыва, потрясшего всем сегментом.

Взорванная дверь вылетела в коридор, открывая внутренности ниши, засыпанной мусором развалин. Грохот в туалете прекратился очень резко; все мы лежали в плотном облаке белой пыли, посреди все еще сыплющихся обломков, сквозь нервный женский визг я слышал чей-то кашель.

— Раненные имеются? — спросил Сент. Все его лицо было покрыто красными пятнышками.

Никто не отвечал. Тогда он склонился над Гонедом и помог тому встать. Я и сам поднялся на ноги. Если не считать разбитого локтя, резаной

раны на бедре и свернутой в щиколотке ноги — никакого особого вреда взрыв мне не принес. Другим точно так же. Следовало признать, что Сент прекрасно стерег своего начальника. Женщины взаимно обтрепывали друг с друга толстый слой пыли. В этих действиях было больше необходимости успокоить возбужденные нервы, чем какого-то иного смысла. После этого они тут же спрятались в соседнем помещении. Двери по всей длине коридора начали открываться, показывая осторожно высовывающиеся головы и целые фигуры людей, чаще всего вырванных ото сна. Никто ни о чем не спрашивал. И более всего меня изумляла эта неестественная тишина.

Сент растаптывал кровавую лужу возле тела террориста — окруженный растущей толпой зевак, он шарил у того по карманам.

— Кто это был? — спросил я у Гонеда. — Вы не догадываетесь?

Тот подпирал стенку, стеклянным взглядом всматриваясь в размазанную по ладони кровь. Но она была родом из другого источника, на что я указал ему пальцем. Кровь капала из раны в ушной раковине, в которой торчала толстая деревянная щепка.

— Вам плохо? — спросил я еще раз.

Гонед на меня даже не глянул, только хрипло дышал. На нем не было видно следов какой-либо серьезной контузии, но он казался совершенно умирающим. Когда я брал его под руку, глядя на его мелово-белое лицо, которое своим оттенком соответствовало седым волосам и бровям, до меня дошло, что пройдет немало времени, прежде чем мне удастся с ним поговорить толком. Сент подошел к нам и решительно отодвинул меня в сторону.

— Пошли, — сказал он.

— Простите, — робко обратился я. — Понимаю, что говорю об этом не совсем в подходящий момент, только вопрос крайне важный и срочный. Я хотел вручить господину полковнику рапорт. Он касается...

— Завтра, — отрезал Сент.

— В нем я представляю всю серьезность нашей ситуации. Ценным является каждый час, поскольку необходимо сделать необходимые приготовления...

Полковник с Сентом уходили.

— Может быть, кто-то другой займется этим, раз господин Гонед сейчас не может... — попытался я еще раз.

Сент оставил Гонеда и вернулся ко мне.

— Послушайте, не стройте из себя идиота, — услышал я у самого уха его тихий голос.

И они ушли. Под потолком руин туалета на проводе раскачивался кусок бетона. Я остался сам.

16. ЗАТЕРЯТЬСЯ В ТОЛПЕ

Я долго блуждал по коридорам в надежде, что по счастливой случайности обнаружу Эльту Демион. Только нигде ее я так и не встретил. Я заходил в столовую, в бар, заглядывал в различные уголки и ниши; лишь комнаты, в которых люди закрывались на ключ, были для меня недоступны, равно как и для нее.

Мысль об Ине заслонила для меня все остальные дела, но не отодвинула их в тень полностью. Ни с того, ни с сего, я впутался в воспоминание высказывания Людовика Вайса, перепуганного угрозой моего предательства, тут же в мыслях промелькнуло фальшивое лицо Кооpеца, затем — практически заставляя себя — я начал анализировать увертки Асурмара и двойную игру Уневориса, в какой-то мере родственного мне духом, чтобы после того дойти до арестантов в кабинете Гонеда и покушения на его жизнь. Могли ли быть люди за решеткой плодами и орудиями Механизма? Я поочередно останавливался на различных событиях, то вновь видел их все вместе — сплетенные в один клубок.

Поставленные перед опасностью, которая

должна была их объединить, обитатели убежища солидарными не были. Вполне возможно, что какие-то принципиальные различия во мнениях по оценке ситуации уже давно привели к разлому, который после этого перерос в скрытую и яростную войну. Но вот была ли это война между людьми и силами Механизма? Если все было столь существенным, то за какие цели эта война шла? Ведь речь шла не о жизни или каких-то материальных ценностях. Да и свободу уже никто и никому здесь не мог ограничивать сильнее с того времени, как закрылись центральные шахты; а вот находилось ли убежище на месте или же неустанно двигалось — какой же неразрешимый конфликт все еще растравлял его жителей и направлял на путь коварных действий, склонял к интригам и шантажу, раз никто — кроме абстрактного для них понятия Механизма — не мог иметь и не имел никакого влияния на полет?

Я направился на слад, где вчера, сам того не желая, пленил Раниэля. Дело в том, что мне пришло в голову, будто там я смогу найти еду. И я не ошибся. Следы пребывания Раниэля помогли мне в поисках: в одном углу я заметил разложенный на полу план Каула-Зуд и пустую банку. Рядом на полках стояло несколько ящиков с консервами.

С собой я забрал большую пачку крекеров, банку сгущенки и четыре банки мясных консервов. В холодильнике нашлись лимоны. Кроме того, я позаботился о новых баллонах с кислородом и, сунув в карман план города, возвратился в комнату теней.

Она лежала на топчане, вытянув руки вдоль тела и отвернув голову в бок, точно так же, как привыкла отдыхать тогда, наверху, когда я еще не был для нее совершенно чужим, и когда долгими часами, не уверенные в своей судьбе, вслушиваясь в собственное дыхание, мы вместе всматривались в ночь. Я тихонечко, на цыпочках, подошел поближе и глянул ей в лицо. Рот был слегка приоткрыт, губы спекшиеся, синяки под глазами; я долго глядел на прямые, длинные, пересыпавшиеся в одну сторону волосы; на кончиках были еще видны следы от неровной подрезки ножом, которым я отделил их от основания цилиндра, уже очень давно — в самом начале нашей дороги в новый мир. Все совпадало даже в мельчайших подробностях — я сам желал в это поверить.

Я тихо уселся на стуле и открыл консервную банку. Ел я, уставившись на ее фигуру, ожидая, пока девушка не проснется сама. Спала она бес-

покойно.

Через час она перекатилась на месте. Время от времени тело ее сотрясалось краткой, нервной конвульсией; она переживала во сне что-то неприятное, пыталась кричать, и мучивший ее кошмар уже не позволил мне медлить. Я приложил ладонь к ее лбу.

Открывая глаза, она вздрогнула, всматриваясь в сеня черными дырами зрачков. Когда же я возвратился к стулу, она приподнялась на локте.

— Ина, — с надеждой в голосе шепнул я.

Девушка продолжала молчать.

— Ты видишь меня впервые?

Ее глаза были широко открыты. На лбу заблестели мелкие капельки пота. Возможно, она делала отчаянные усилия, чтобы призвать какой-то туманный образ; мне даже показалось, что на ее губах промелькнула слабая улыбка, но тут же лицо покрыла та же чуждая тень.

— Да... помню.

— Помнишь? — Сердце бухало в груди молотом. Я сорвался с места. Говори... Что...?

— В коридоре... кажется, вчера или сегодня.

— И ничего более?

— Уже вспомнила.

— Так ты меня узнала! Знаешь, кто я такой?

Но она медленно покачала головой. Уставив взгляд в какую-то отдаленную точку, как бы все еще вглядываясь в свой сон, девушка поднялась с топчана.

— Или ты желаешь этим сказать, что в твоих мыслях образ человека, которого знала, только он не имеет со мной ничего общего?

— Нет, не то.

— Скажи яснее...

— Вас я вижу всего второй раз. Мы встречались в коридоре.

Я упал на стул и спрятал лицо в ладонях. Так я сидел, словно мертвец, несколько минут. Наверное, думал о Механизме. О нашей цели среди бронированных стен, о дороге сквозь чащу и о неуловимой загадке трансплантации памяти. Я размышлял о жестокой воле уничтожения той многочасовой ночи, которая уже один раз — и навсегда — соединила меня с Иной.

И я даже не заметил, как пальцы мои стиснулись в кулак; я тупо глядел на них и, как на смех, увидал там уже зажившие следы от зубов Ины — памятку о начале нашего знакомства.

— Гляди... — поднял я кулак и протянул руку в сторону топчана в неожиданном порыве, — тогда ты укусила меня за руку, когда я обрезал тебе

волосы. Разве не видно?

Она печально покивала головой, не желая столь грубо выводить меня из ошибки. Впрочем, я уже видел, что кивала она не ради руки — она жалела меня; настолько я был смешон в наивной потребности представить материальное доказательство, что девушка могла меня принять за сумасшедшего.

— Ты сильно проголодалась? — сменил я тему и повернулся к столу, на котором выложил принесенную со склада еду. — Есть крекеры, но, может, ты хочешь консервы?

Я перетащил все на топчан, чтобы девушка могла есть лежа. Можно было догадаться, что она ужасно устала после путешествия в город. Я увидал ее сквозь открытую дверь туалета, когда, склонившись над ванной, она пила воду прямо из крана. Затем она окинула жадным взглядом приготовленный на топчане ужин и, беспокойно зыркая в сторону входной двери, спросила, ни с того, ни с сего:

— И что теперь будет?

— То есть как, что? Ешь.

— Но я... — запнулась она.

Выражение на ее лице было обескураженным.

— Ты меня боишься?

— Я заняла ваш топчан... ведь так?

— Ах, ты это имеешь в виду. Ну, говоря честно, вторглась ты сюда бесправно, — попытался пошутить я, — так что, когда покушаешь, придется тебе возвращаться к себе. Ведь наверняка ты проживаешь в шикарных апартаментах.

Девушка все так же обескуражено глядела на меня.

— Ладно, можешь не беспокоиться. Эта комната никому не принадлежит.

— Вы тут не живете?

— Иногда.

Ина потянулась к молоку и крекерам.

— Я уберусь отсюда, когда ты только пожелаешь, — сказал я после долгого молчания. — Но раз уж мы познакомились, называй меня Нэт.

— А меня зовут Эльта Дамион, знаешь?

— Естественно! Запомнил на все сто.

Девушка уселась. Хотя последнее время ей пришлось по необходимости поститься, да и выглядела истощенной, ела она без аппетита. На ней было короткое летнее платье, возможно, то же самое, в котором, после длительного отсутствия она возвратилась в комнату и прикорнула рядом со мной на ковре, где я догорал в полусне, гораздо более близком смерти, чем яви, под грузом чуть

ли не материальной темноты, вглядывающийся в бездну, откуда на нас глядел глубокий зрачок невозможного описать Механизма.

И она опустилась на колени, а может, и легла рядом — сколько бы я дал за то, чтобы теперь знать — и что-то оживленно мне рассказывала, чего я, однако, не понимал, поскольку до меня не доходили никакие иные звуки, если не считать пульсации крови в собственных сосудах, которая и отмеряла время понимания. Однажды, словно дикий зверь, я вырвал у нее из рук консервную банку, хотя она сама мне ее и подавала; сейчас она сидела на краешке стола, как и тогда, когда, отрезанный от источника, я не подумал о столь важной вещи, не была ли моя беспомощность из определенного отсутствия духовного здоровья, и до меня никак не доходило, что она, в моменты моего отсутствия, за себя и за меня — там, на этажах — живет, чувствует, размышляет и действует. Многое пришлось ей перетерпеть, прежде чем я ее покинул.

— Нэт.

— Слушаю.

— Ты знаешь полковника Гонеда?

— Наверняка ненамного лучше, чем ты.

— Это он выдает талоны на питание?

— Да, он сам, в собственной официальной особе. Вот только у него крайне сложно что-либо получить. Как правило, его просто невозможно застать. Кроме того, у него здесь имеются личные враги. Недавно на него устроили покушение с бомбой. Я при этом присутствовал. Слышала грохот?

— Да. Он жив?

— Спасся, благодаря исключительно молниеносным действиям одного из своих охранников. А потом он уже не был в состоянии размышлять о чем-либо другом, впрочем, это меня никак не удивляет. Но я не понимаю одного: что эти люди имеют в веду. Они ведут себя так, как будто заимели высшую степень посвящения. От себя они меня отталкивают словно несносного ребенка, который в сотый раз спрашивает, к примеру, почему у палки два конца. Связанная с похищением убежища, с его полетом к звездам и с нашей будущей судьбой реальная опасность для администрации никакого значения не имеет. По крайней мере, мне так кажется. Меня изумляет факт, что они здесь опасаются чего-то совершенно иного. И пара десятков агентов Механизма, шастающие где-то в глубинах убежища, понятно, что не смогли бы вызвать подобной атмосферы.

Во всяком случае, проблема статуй и загадка самого полета — для подавляющего числа обитателей, это второй, если не еще более дальний, совершенно неважный, план событий. В первом же — они знают, чего хотят: действуют осмысленно и активно, крайне точно и хладнокровно. Они действуют, но вот пойму ли я когда-нибудь — ради чего?

Я взглянул на молчащую Ину, и мне сделалось стыдно.

— Ну так... — неуверенно буркнул я, — что-то я разболтался, тем временем, ничего о тебе не знаю. Я услышал твой голос за дверью комнаты Уневориса, а потом видел тебя над, якобы, трупом Коореца. Ты уже знаешь, что они тебя обманывают? Тогда с Коорецом ничего не случилось. Он покинул комнату целым и здоровым, чтобы, в конце концов, во время твоего пребывания в городе, убить типа с коротко пристриженными волосами, который там атаковал тебя излучателем? Все это я видел собственными глазами, поскольку находился рядом...

Я продолжал говорить, но будто кричал в пустоту. Ина просто отсутствовала, хотя телом все так же находилась близко, рядом со мной. Вот только где сейчас блуждала она мыслями? Можно было

спросить ее прямо. Но я умолк. Может быть, я хотел, чтобы она нашла во мне духовного поверенного, без малейшего нажима с моей стороны.

— Нэт, — отозвалась она наконец, как будто следовала за ходом моих мыслей. — Нэт, я должна тебе кое-что сказать...

— Говори смело.

Только она, похоже, колебалась. Странное дело, ведь я уже держал ее в объятиях — там, в нашем совместном укрытии, теперь же я чувствовал к ней странное отчуждение. Я попытался еще раз:

— Скажи откровенно, что ты тут, собственно, делаешь?

— Если бы все было так просто.

— Ну... если ты боишься...

— Сейчас.

Она подняла ко мне взгляд и тут же опустила его — на свои руки, которыми судорожно хваталась за край стола, колеблясь, склонялась над ними, как будто из последних сил, или же из страха, что ей грозит окончательное падение.

— Я получила приказ... тебе грозит опасность. От меня хотят... бормотала она слабым, дрожащим голосом.

— Ну...! — еле выдавил я из себя. Шприц? Таблетки? — промелькнуло у меня в голове; то я

опасался, что до конца она мне не расскажет, то вновь предпочел бы питаться иллюзиями.

— Считают, что именно я должна, что это моя священная обязанность...

— Кто? Ну почему ты говоришь столь безлично?

— Ну как ты не понимаешь, Нэт! Только не это сейчас самое главное. Я только хотела тебя заверить...

— Тогда почему же ты притворялась, что меня не узнаешь?

— Нет!

У нее в глазах стояли слезы.

— Или они требуют, чтобы ты меня коварно заманила в ловушку? Им столь важна моя смерть?

— Убить? Да нет же, дело не в том! Здесь имеется нечто хуже, чем смерть, хотя, с определенной точки зрения, может показаться наибольшим благодеянием.

— Но что?

— Пойми... Ты должен мне довериться. Не дай по себе узнать, будто что-то знаешь.

— Но ведь я еще ничего не знаю!

— Будет лучше, если ты и не услышишь этого со всеми подробностями. То, что говорю я — это необходимость. Тогда ты сможешь действовать

далее без наибольшего бремени, как действовал до сих пор. Ибо незнание — это твое основное оружие и спасение.

— Вот теперь я уже вообще ничего не понимаю. Твоей главной задачей было засеять неуверенность? Зачем же ты завела меня на самый край, подсунула мне осознание величайшей опасности, чтобы молчать теперь, когда эту опасность необходимо наконец-то конкретизировать. Зачем было вызывать во мне неопределенные подозрения?

— Потому что мне хотелось открыть тебе глаза в определенной степени, необходимой на тот случай, если бы ты заметил нечто необычное и утратил ко мне доверие. Но теперь, что бы не произошло в ближайшее время, прошу тебя от всего сердца: сохрани уверенность, что я всегда буду оставаться на нашей стороне, и что ты можешь полагаться на меня до последнего.

Ина произнесла это неестественным голосом, столь удивительно торжественным тоном, что можно было подозревать, будто она цитирует заученную формулу. Зачем она вообще упоминала о взаимном доверии? Разве не был я отдан ей на милость в этих обстоятельствах, раз уже оказалось, что она посвящена гораздо больше

меня? Какой-то гадкий червяк дрогнул в самом моем мозгу, заполз в глубину мыслей и тут же — к счастью — издох.

Ина попыталась улыбнуться. Она уселась рядом со мной на топчане и взяла меня за руку. Когда же она положила вторую руку мне на плечо, я вздрогнул, как будто пробудился ото сна. Смешное дело — она меня утешала! Она сама хотела нести то самое бремя, от которого я пытался освободить ее в мыслях в течение всего нашего пребывания здесь. Все-таки, как совершенно по-иному представлялась мне судьба нашего будущего союза.

— Разве ты еще не заметил, — продолжила Ина после нескольких минут молчания тем же самым тоном, — что некоторые обитатели убежища, особенно тогда, когда от них этого никак не ожидаешь, но и в любом ином случае, делают отчаянные усилия, чтобы однозначно выразить свое поведение как постоянную готовность исполнения возлагаемых на них надежд? Разве не бросилось тебе в глаза, что именно через старательно подбираемые позы, при одновременно тщательно замаскированном или, по крайней мере, подавляемом отвращении, путем демонстрации полнейшей преданности, путем

имитации активности, а так же — если возникает необходимость — изображение жадности и глупости, они делают все возможное, чтобы сделать свое поведение банальным, привычным, согласующимся с навязанными нормами — одним словом, не заметил ли ты, что они попросту скрываются в толпе?

Я молчал. О ком же она это говорила? Почему выбрала столь запутанную дорогу, чтобы поговорить со мной? Она все время отдалялась от меня по мере того, как я сам пытался к ней приблизиться. Как мне следовало понимать ее последние слова? Выходит, Коорец не убил Рекрута ради банального желания обогатиться, ну а Алин не был тупым дебилом, которым желал выглядеть? Неужто они хотели быть такими лишь затем, чтобы не выходить за рамки банальности чтобы их в чем-то не подозревали? Глупость — наверняка Ина говорила об орудиях Механизма, то есть, и о нас самих среди всех прочих. Но, в таком случае, что ей мешало, что заставило ее относиться ко мне недоверчиво, чтобы не сказать этого открыто? В конце концов, это была наша общая тайна, и уж друг перед другом нам было нечего скрывать. Я уже собрался было поговорить на эту тему, как тут до меня дошло, насколько я ошибался.

Ситуацию, существовавшую несколько дней назад, я желал, не рассуждая, отождествить с нынешней. Кем был я для нее: роботом или же человеком из плоти и крови? Откуда мне было взять уверенность, за кого она меня сейчас принимала, раз все так же откровенно не признавалась, что со мной знакома? Она добровольно желала поверить мне какую-то тайну, предостеречь меня перед чем-то, и вовремя заметила, что ее откровенное признание может привести к еще большим сложностям; из всей нашей беседы же она обязана была вынести гадкое впечатление, что я ее коварно допрашивал.

В моих ушах все еще звенел оставленный без ответа вопрос, и нужно было его чем-нибудь заглушить. Ина все так же упрямо всматривалась в меня, как будто на что-то надеялась; она наверняка ожидала каких-то объяснений.

— Да, механически сказал я. — Действительно. Они попросту скрываются в толпе. Но, может, поговорим об этом в другой раз. К примеру, завтра, после того, как ты отдохнешь. Ложись спать, потому что лично я собираюсь выбраться в город. Там меня мучает одна ситуация. Мне крайне сложно объяснить тебе, насколько важно, чтобы до моего возвращения ты никуда не выходила. Надеюсь,

что уже вскоре смогу что-либо выяснить... Но меня обожди. Могу ли я просить об этом?

— Обещаю. Для меня это тоже очень важно.

В то время, как я занимался подготовкой к новому путешествию, в голове у меня клубились новые сомнения: мало того, что она не могла знать, кем я являюсь на самом деле, поскольку и я сам не знал еще своего истинного происхождения — кем, прежде всего, была она сама, раз духовно не чувствовала себя идентичной с Иной? И еще: кого она хотела видеть во мне... а я в ней? сколько же здесь возникало вопросов и неясностей!

Могли ли мы полагаться исключительно на инстинкте чувств и жить рядом в постоянном напряжении, без заботы о завтрашнем дне и без полного знания, соседствует ли ее мир с моим миром, среди постоянных взаимных подозрений, в ожидании удара, в ожидании змеи, которая неожиданно могла появиться в ее или моих глазах, лишь только пробьет условленный час; не обманул бы я ее в чем-то самом существенном, возможно, что и несознательно, но, вероятно, наиболее коварным и подлым образом, потому что именно так придумал Механизм...

Я уже стоял перед зеркальной границей с кислородным аппаратом на спине и с излучателем

в руках. Ина спала. Мне же кое-что вспомнилось. Я вырвал из блокнота листок и написал на нем несколько указаний для Ины, так, на всякий пожарный случай:

Если в какой-то момент утратишь почву под ногами и повиснешь

в состоянии невесомости, не паникуй. Попытайся сохранить

спокойствие и ожидай меня. Такое явление будет иметь совершенно

естественный характер, и его следует ожидать. Объясню все после

возвращения.

Нэт Порейра

Человеком я был лишь в той степени, в которой мог быть уверенным, что являюсь продолжением во времени статуи за рулем мчащегося по улице "ога". Но автомобиль двигался со скоростью сто сорок километров в час, от шахты же его отделяло всего сто двадцать метров. Вот уже девять часов, в течение которых автомобиль неустанно приближался к толпе статуй, меня мучили эти два числа. Во время своего последнего путешествия я не заметил, чтобы мой окаменевший двойник отпускал педаль газа — совсем даже наоборот: мне показалось, что он жал на нее даже сильнее.

Если же он не намеревался останавливаться возле шахты, если не спустился вниз перед катастрофой, это бы значило...

Лично я предпочитал этого не представлять. С бешено колотящимся сердцем я погрузился в холодную ртуть. В моих глазах застыла фигурка свернувшейся калачиком Ины. И этот образ я унес с собой на дно окаменевшей бездны.

17. УРАВНЕНИЕ ТРАЕКТОРИИ

До шестой шахты я добрался в половину двенадцатого — ровно через три секунды, которые истекли в городе с момента первой встречи со своим окаменевшим двойником. Автомобиль сейчас должен был проезжать мимо шахты, это в том случае, если бы он двигался с неизменной скоростью — и как раз этого я боялся, поскольку надежда, что я являюсь человеком, в этом случае не имела бы под собой никаких оснований. Только возле станции мог я окончательно узнать, кто же я на самом деле: то ли верная копия, изготовленная по образцу того самого мужчины, который все же остался в городе, чтобы погибнуть в нем через пять минут во время всеобщей катастрофы, или же — во что я верил в течение всех этих девяти часов — человек, который вышел из автомобиля возле шахты и спустился на лифте в глубину, чтобы теперь быть мной самим.

По дороге меня снова охватили сомнения: я пришел к выводу, что если бы водитель "ога" собирался остановиться возле главного входа, он бы начал торможение значительно раньше. Меня беспокоила величина скорости машины в

сопоставлении с близостью цели; если бы статуя нажала на тормоз сразу же после нашей встречи, то есть, уже в четырнадцать тридцать, тогда, после крайне резкого и опасного торможения, всю предыдущую скорость он растратил бы в течение шести секунд на пути ста двадцати метров и остановился бы у шахты утром следующего дня, где-то в половине девятого. Только ведь стопы статуи не меняли своего положения.

Я проплыл над группой высоких домов и завис у края последней крыши, откуда одним взглядом мог охватить всю застывшую внизу улицу. Я прорезал ее широким лучом из своего излучателя. Белого автомобиля нигде внизу не было видно. Увидел я его, только опустившись ниже: машина стояла у самой шахты, невидимая сверху, поскольку ее заслонял широкий навес, прикрывавший большую часть тротуара. Автомобиль был припаркован на плитах возле одной из колонн; водитель же поднимался со своего места.

Из моей груди вырвался вздох облегчения. Я был настолько осчастливлен удачным ходом событий, что в этот момент и не допустил бы до себя никаких иных мыслей кроме чего-то вроде триумфа: реальность оказывалась сильнее всяческих вычислений и расчетов, что мучили меня

по дороге; статуя собиралась покинуть автомобиль, у меня же самого была необычная оказия присмотреться к себе самому на замедленном пути к эскалатору; наново пробудилась во мне надежда, что, возможно, какая-нибудь замеченная сейчас подробность или мелочь вернет мне память событий девятимесячной давности. Я подплыл поближе.

Потрясение было тем сильнее, что ему предшествовало глубочайшее облегчение. Хотя в долю секунды вид прошил мой разум холодом полнейшего понимания, я все так же не доверял собственным глазам. Издали все это выглядело совершенно по-иному: как будто бы статуя вставала с места самостоятельно. И правда... она поднималась с сидения... можно было поклясться, что ее медленное, плавное движение противоречит принципам поведения всех остальных статуй. Я глядел в это застывшее лицо — свое собственное, пускай и моложе на девять месяцев — в лицо, искаженное каким-то непонятным спазмом, то ли боли, то ли смеха, но, возможно, искаженное неожиданным испугом, уже осознанным, но который еще не успел развиться до конца. Я глядел на него со все возраставшим остолбенением, и сам не заметил, как очнулся над спидометром.

Стрелка застыла на самом конце циферблата, на указателе "сто сорок пять километров в час".

Автомобиль разбивался о колонну. Долю секунды назад — измеренной в его мире — автомобиль съехал с мостовой, завернул на тротуар и, еще до того, как водитель мог мигнуть, столкнулся с массивной помехой. И столкнулся он с ней на полном ходу, с той же бешенной скоростью, на которой мчался по опустевшей улице в чудовищном ореоле подвешенного над городом шара. Гонка была безумной, но ведь в каких обстоятельствах она происходила! Я обнаружил след револьверной пули, которая пробила правую переднюю шину. Воздуха там не оставалось нисколечки. Можно было догадаться, что это и стало основной причиной катастрофы. Колеса вращались необыкновенно медленно, но поступательное движение автомобиля все равно можно было заметит; вскоре можно было сказать точно, что его скорость — в пересчете на мое собственное время — составляла четыре миллиметра в секунду.

Образ уничтожения дополнился по истечению следующей минуты. Сила инерции выбрасывала водителя вперед — над раздавливаемым капотом открытого автомобиля, я же никаким образом не мог противодействовать этому. Задние колеса

уже утратили контакт с мостовой: как в замедленном кинофильме они поднимались вверх. Спрессованная передняя часть двигателя глубоко вгрызлась в бетон и в глубокой тишине, изредка прерываемой басами преобразованных ультразвуков, сантиметр за сантиметров влипалась в основание колонны; металлические листы капота набухали и разлезались во все стороны, свертываясь по бокам с такой легкостью, словно это были лепестки сливочного масла. Фрагмент шасси лопнул окончательно.

Продолжая наблюдать эту чудовищную сцену, скорее всего, уже окончательно безнадежную, несмотря на неприятное осознание напрасности предыдущего опыта, я пытался найти какой-то шанс на спасение. Одновременно я удерживал в памяти гигантскую массу всех тел в городе и, в то же самое время, их необычную мягкость, равно как не забывал о коварстве физических условий, которые мою гигантскую мощь и скорость, которыми я располагал в сопоставлении со статуями, делали практически бесполезными. И все это происходило в тот момент, когда речь шла о спасении именно этого человека, когда я до конца осознал, что означает для меня его жизнь.

Мне удалось сохранить хладнокровие. В связи

с тем, что, скорее всего, центр тяжести автомобиля и центр колонны, находились точно на прямой, определявшей вектор скорости, сам автомобиль должен был остановиться, преодолев около метра, поскольку приблизительно такое расстояние отделяло передний бампер от рулевого колеса. Зато выброшенная из водительского кресла статуя, которая уже плыла в воздухе над ветровым стеклом, достаточно медленно, чтобы мне удалось отмерить на колонне будущее место, в котором разобьется ее голова, все так же двигалась со скоростью сорока метров в секунду в своем мире, не медленнее — понятное дело — чем она мчалась ранее со своим автомобилем. И по-другому быть не могло, раз статуя до сих пор не столкнулась с какой-либо помехой, которая бы уменьшила ее импульс. В этом последнем заключении таилось нечто чудовищное, которое насмехалось и издевалось надо мной: да, я был в состоянии не допустить столкновения, не допустить контакта статуи с колонной, но для этого мне было необходимо изо всех сил толкать ее восьмисоттонную массу в противоположную сторону до тех пор, пока тело не разможжилось бы на мне — одним словом, я мог спасти ее от неизбежной смерти, ожидавшей ее несколько

далее, убивая своего двойника своими каменными руками на пару мгновений ранее. Один раз я уже совершил подобное в камере скелетов, так что подобное можно было сотворить еще раз: разогнать или остановить столь огромную массу — но там я толкал железный предмет, не думая про его деформацию; здесь же навстречу с преградой, укрепленной своей гигантской инерцией, летел студень. Даже на первый взгляд невинное искривление головы статуи тут же привело бы к сотрясению мозга, следовательно — чудовищный нокаут, не считая иных тяжких повреждений.

Размышляя обо всем этом в течение всего времени столкновения, которое еще не превысило и пяти минут, все время я крутился, как ошпаренный. Я прекрасно понимал, что все мои требующие массы труда мероприятия являются лишь вспомогательными и никак не ликвидируют главной опасности, тем не менее, я делал все возможное, что можно было в этих условиях совершить, лишь бы проложить статуе путь через останки неустанно разбиваемой машины. При этом я метался вокруг без секунды на отдых. Вначале я оторвал и оттянул в сторону руль, тем самым убирая из под живота статуи первую помеху; после этого я удалил лобовое стекло и оттащил

его на безопасное расстояние, и наконец разрезал ножом дверь, которая уже выпирала вовнутрь. После этого оказалось, что необходимо свернуть несколько металлических листов и запихнуть далеко вглубь машины приличный фрагмент панели управления, поскольку траектория коленей проходила в опасной близости от нее.

Теперь статуя своей позой напоминала прыгуна в воду, несколько неуклюже покидающего трамплин. Она висела в пространстве, вытянувшись практически вертикально; вот только руки — к счастью, более часа назад не связанные с рулем — застыли, выброшенные в левую сторону, как бы в поисках чего-то, может быть, уже отсутствующей двери. Я не смел глянуть статуе в глаза. Ее голова неустанно приближалась к мраморной плите. Когда это расстояние уменьшилось сантиметров до двадцати, мне пришлось принять хоть какое-то решение — хоть удачное, хоть губительное. А поскольку никакого выбора у меня не было, я решил уничтожить колонну.

Вот только легко сказать! Погружая в помеху свой нож, я, к счастью, сориентировался, что мне не придется убирать ее всю, что, понятное дело, было бы просто неисполнимо в столь короткое время. Достаточно было лишь вырвать из

толстого цилиндра приличных размеров кусок армированного железными прутьями бетона, то есть, вырезать в колонне нечто вроде корыта, по которому голова могла бы пройти свободно, поскольку туловище плыло несколько сбоку, и пока что ему ничего не угрожало. Мне пригодился опыт, вынесенный из камеры скелетов: я вырезал ножом, сколько было нужно, и изо всех сил стал напирать на отделенный вылом, направляя его наискось, в сторону неба.

Как обычно, в течение первых несколько секунд, казалось, что, несмотря на столь отчаянный нажим, бетонный кусок все так же остается на месте. Если бы я не знал законов этого мира, то посчитал бы себя побежденным. Эффект принесло терпение. Вначале перемещение было практически незаметным: его можно было определить разве что долями микрона, но вскоре оно увеличилось: до сотой, а потом и до десятой части миллиметра. Тем не менее, оно все время возрастало пропорционально квадрату времени, следовательно, все быстрее, и наконец достигло сантиметра. Теперь все шло уже гораздо легче. Скорость перемещения вылома росла на глазах. Я же трясся от усилий; пот заливал мне глаза. Голова статуи заполняла выемку в корпусе ко-

лонны буквально вслед за движениями моих рук. Удалось! Но сам я уже был близок к тому, чтобы потерять сознание.

После такого убийственного усилия я повис с закрытыми глазами, с трудом хватая кислород из аппарата. Очнулся я только при мысли, что отсрочил смерть своего двойника всего на пару десятых секунды, и что битва за его жизнь еще не закончилась. Статуя все еще висела в пространстве, уже метрах в четырех за колонной, у самой поверхности крупного мраморного строения с треугольным сечением, у боковой стороны которого темнел корпус автомобиля-цистерны.

Я приблизился к нему. Стена здания была наклонена к горизонтали под острым углом, благодаря чему, плита образовывала по всей длине не очень крутой пандус. Это было чрезвычайно счастливым обстоятельством, и, кто знает, не оно ли стало решающим, в силу того, что, повернувшееся в полете тело статуи, спиной проезжало по достаточно длинной поверхности под острым углом. Сила — казалось — достаточно мягко прижала тело к мрамору. Расплющившись на спине, статуя медленно перемещалась к верхнему краю плиты стока. Вот только сейчас она скользила в широкой полосе какой-то блестящей жидкости.

Кровь! — мелькнуло у меня в голове, лишь только я охватил взглядом всю картину.

Столкновение как-то ушло от моего внимания: выходит, несчастный случай имел место еще четверть часа назад, в первой фазе аварии, когда у меня не было времени разглядываться по сторонам. Оказалось, что вырванный и с огромным трудом вытолкнутый вперед руль "ога" ударился в боковую часть цистерны. Летя со скоростью нескольких сантиметров в секунду, что в мире статуй соответствовало скорости пушечного снаряда, он разорвал металл резервуара на значительной длине. Минуту назад, перед тем, как статуя столкнулась с поверхностью склона, на нее из цистерны выплеснулась приличная порция солярки. Ничего опасного в таком купании не было; если бы не кляп в виде загубника кислородного аппарата, я бы сейчас облегченно рассмеялся, поскольку в первый момент мне показалось, что статуя скользит в луже крови, вытекшей из ее собственного разбитого тела.

Статуя скользила по "пандусу" еще целые пятнадцать минут. Несколько поднятая голова не касалась поверхности плиты; она прошла под барьером в том месте, где пандус сворачивал в сторону шахты; там же тело попало на вер-

тикальный трамплин, добравшись до конца мраморного помоста. И здесь произошло то, чего, очевидно, и следовало ожидать: статуя не упала резко вниз, но все так же висела в пространстве, несмотря на отсутствие опоры, она поднималась все выше по мере удаления от порожка. Тело продолжало лететь по траектории, которая из прямой мягко переходила в очень вытянутую параболу. Легко можно было догадаться, что, в связи с большой начальной скоростью, при одновременном отсутствии препятствий на значительной протяженности пути, этот человек упадет на приличном расстоянии от места, в котором разбился его автомобиль.

Впервые я мог осмотреться уже осознанно. Уже не подгоняемый спешкой, я поднялся высоко над зданием шахты. В течение моего трехсекундного отсутствия, в его окружении произошли некоторые изменения. Прежде всего, в глаза бросалось нарастающее среди людей новое замешательство, которое накладывалось на старую картину паники. Значительное количество окаменевших на бегу фигур находилось на тротуаре, задрав головы к верху. Толкучка у входа со стороны площади сделалась поменьше. Да, люди все так же напирали один на другого, но теперь, как

правило, уже в другом направлении.

Из динамических поз статуй следовало, что перед тем все сбегались в сторону центра с безумным намерением как можно скорее прорваться в станцию лифтов. К сожалению, в этих условиях для большинства это было невыполнимо. Передо мной был трагический образ, столь типичный для всякой паники: перепуганные обыватели желали пробиться к эскалаторам и пандусу практически одновременно, и потому-то никто туда добраться практически и не мог. Потрясающие сцены в забитых переходах привели к тому, что собравшиеся там людские массы практически не двигались.

И вот теперь я мог заметить обозначавшуюся во многих местах противоположную тенденцию: рассредоточение толпы. Со своего наблюдательного пункта я еще раз охватил всю ситуацию. Я пришел к выводу, что если бы не присутствие задавленных в толкучке людей, которые практически заблокировали слишком узкие проходы, все собравшиеся, при соблюдении хоть какой-то видимости очереди, смогли бы попасть в убежище минут за пять. Но никто здесь — кроме меня самого — естественно, не мог знать, что катастрофа произойдет только через пять минут.

Еще я обратил внимание на новую крупную форму, возникшую посреди мостовой возле шахты. Я подсветил в ту сторону — еще один автомобиль. Но в какой позиции! Он стоял дыбом, практически вертикально, опираясь на передний бампер. Выходит, во время моего отсутствия здесь произошел какой-то опасный карамболь. Как можно быстрее я поплыл в сторону места аварии.

Водитель висел внутри машины на застегнутых ремнях безопасности. Скорее всего, никакие серьезные опасности ему не грозили, поскольку машина перекатывалась по правой стороне мостовой, вдоль которой дорога была пустой. В данную долю секунды автомобиль продолжал находиться в фазе переваливания на крышу. Он подъехал с противоположной, относительно "ога" стороны, и на большой скорости зацепил угол "фиата". Мостовая в этом месте шла резко вниз, что, наверняка и создало поворотный момент во время столкновения. Фиат неожиданно выскочил на средину дороги. Все это произошло вскоре после погони за револьверной пулей, когда водитель фиата-нарушителя (тот самый мужчина, перед головой которого девять часов назад я остановил пулю) на бегу выскочил из

машины. Скорость фиата к этому моменту была уже небольшой. Но он резко свернул на самую средину мостовой, откуда, после мощного удара и в достойном сожалении состоянии, его отбросило на предыдущее место. Человек упал на асфальт на безопасном расстоянии от обеих машин. Видимо, его слишком сильно перепугало мое предыдущее вмешательство, раз он отреагировал столь резко. И теперь мостовая по всей ширине была забаррикадирована двумя разбивающимися машинами.

Теперь мне стало понятно, почему водитель "ога" резко свернул вправо и влетел наискось на пустой тротуар. Поребрика с этой стороны не было. Слева же его ожидала верная смерть, поскольку оттуда ему навстречу мчалась другая машина. До сих пор свободная средина дороги внезапно заполнилась призраком взбесившегося фиата, а вдобавок — перед водителем мелькнула фигура мужчины, выскочившего изнутри еще двигавшегося автомобиля.

В подобного рода ситуации необходимо было выбирать что-то одно: чудовищное столкновение слева, авария по прямой и сомнительный шанс на спасение на правой стороне улицы. Мой двойник рассчитывал на то, что успеет проскочить по узенькой полосе возле пандуса; а может, он наде-

ялся, что... Впрочем, здесь не о чем было говорить: успел бы он осознать так много в течение этой одной секунды, когда под взрыв лопающейся покрышки решались судьбы всех трех водителей?

Я понял все. И уже не мог устоять перед впечатлением, что много часов назад, одним совершенно неосознанным движением, действуя в наилучшей вере и с самыми добрыми намерениями, я вызвал длительную и — что самое паршивое еще не закончившуюся цепочку событий, ужасным образом сцепляющуюся и с моим собственным прошлым; ряд тесно связанных последствий, которые в течение всего лишь трех секунд выросли до лавины опасных событий, над которыми столь сложно было теперь захватить власть.

Падения водителя "ога" нужно было ожидать еще несколько часов. Я вернулся к нему. Статуя все так же висела в воздухе, на высоте около трех метров над землей. Сейчас тело находилось в состоянии едва заметного движения по длинной параболе, траектория которой далее пересекала застекленную стену универмага. Статуя летела с горизонтально вытянутым телом, как ее выбросило с пандуса. Я внимательно оглядел ее со всех сторон. Глаза у нее были закрыты.

Я продолжал кружить возле нее. Абсолютная беспомощность бесила меня. Мой двойник не подавал никаких признаков жизни. А чего, собственно, мог я ожидать? Нас омывали две различные реки времени. В моих мыслях наши ситуации все время менялись местами, я путался в системах отсчета: то я был самим собой, то ним, и вновь собой. Его время практически стояло на месте — зато мое мчалось с невероятной скоростью. Я глядел на обе пары часов — на его, на запястье окаменевшей руки, и на свои. Прошла секунда, растянувшаяся на полных три часа. Уходящее время напомнило про заканчивающийся запас кислорода. У меня его оставалось где-то на час, зато моему двойнику хватало сделанного заранее одного глотка.

Теперь мы находились в пространстве где-то рядом с вершиной траектории — возле того максимума функции, откуда начинается постепенное снижение кривой. Глаз он не открывал. Странно, но как меня взволновал именно этот факт. А может, он как раз мигал? Дрожь неуверенности прошла у меня по спине, когда я продолжал всматриваться в его серое лицо. Эту мысль я отталкивал от себя до последнего, ту самую воспаленную мысль: что я, несмотря ни на что, являюсь

биологической машиной, запрограммированной марионеткой, точной копией телесной фигуры этого вот мужчины. И тут я подорвался, чтобы заглянуть ему в лицо — в последний раз. Что же мне до сих пор заслоняло глаза, почему я был так слеп? Я отвернул голову с резким потрясением понимания. Ведь это же был труп!

Уж лучше бы никогда не посещала меня та мимолетная надежда, на которой я выстроил все, весь смысл собственного поведения, уже тогда, когда увидел его в голоде впервые. Выходит, что я выкаблучивался, целых три часа мерил взглядом стену универмага, чтобы, как последний дурак, спасти в его внутренностях собственные останки! А если бы даже мой двойник и жил...

Ведь он мог и не погибнуть на месте, сразу же — размышлял я в нарастающей панике. При столь резком замедлении темпа всех движений было крайне сложно оценить, как все произошло в реальности: то ли он изо всех сил ударился в склон пандуса, то ли всего лишь проехался по нему. Достаточно было какого-нибудь внутреннего кровоизлияния, наложившегося на потерю сознания. И никто не мог ему помочь, даже я сам. Если бы после этого полета он не смог бы подняться собственными силами и быстро побежать

по направлению к шахте лифтов — его судьба была бы обречена.

Я резко расталкивал ртутные массы, чтобы вернуться на пару десятков метров назад, к самому склону пандуса. Только здесь, уже теперь — но не через несколько часов, во время следующего похода в город — мог я наконец узнать, кем же являюсь в действительности.

Я достал из кармана свой маятник — нитку длиной в метр с привязанной на одном конце зажигалкой. Еще раз именно эта простенькая нитка могла оказать мне неоценимую услугу. Боковая, вертикальная стенка пандуса образовывала огромный прямоугольный треугольник. Я проверил вертикаль и измерил ниткой величину катета, противоположного острому углу. Его длина составляла два метра. На гипотенузе я отложил свою мерку восемь раз. Величина угла становилась известной. Итак, это был классический бросок под углом в пятнадцать градусов к горизонту и с начальной скоростью в сорок метров в секунду. Теперь я взялся за блокнот и карандаш. Правда, несколько раз они выпадали из рук. И, как на злость, из головы вылетели все готовые уравнения. По правде говоря, я никогда и не пробовал их все запоминать. В течение десят-

ка минут я выводил их из самых элементарных уравнений с самого начала. В конце концов оказалось, что время полета составляет две секунды, максимальная высота — пять метров, а дальность полета — целых восемьдесят метров. Понятно, что все расчеты относились к движению тела в вакууме. Пришлось учесть сопротивление воздуха, после чего я глянул в захваченный с собой план города. На одном из листов я обнаружил очень подробный рисунок окрестностей шахты. Судя по масштабу, стена дома располагалась в пятидесяти метрах от пандуса.

Я был уверен в том, что запас кислорода закончится еще до окончательного падения статуи. Но вот была ли она жива, была ли в сознании? Теперь и на этот вопрос я мог дать себе ответ. Я подплыл к колонне, где в замедленных конвульсиях оседали останки разбитого "ога".

Как было мною замечено уже раньше, вся территория, вместе с громадной площадкой тротуара и прилегавшей к нему мостовой, представляла собой некрутой спуск, начиная от линии, соединявшей колонну с местом на мостовой, где сейчас перекатывался автомобиль. "Ог", врезавшись в колонну с противоположной стороны, ехал под горку. Тут я заметил предупредительный дорож-

ный знак, из которого следовало, что уклон здесь составляет десять градусов. Теперь я уже располагал всеми данными для вычисления составных элементов скорости, с которой тело ударилось в пандус. Разница обоих согласованно направленных углов не превышала пяти градусов. В связи с этим, составная скорости тела, параллельная к поверхности пандуса, была на какую-то долю меньше, чем скорость автомобиля, зато составная, к ней перпендикулярная (от нее и зависела жизнь статуи) имела значение трех с половиной метров в секунду. Я совершенно успокоился, когда оказалось, что при столкновении с мраморной плитой статуя обладала таким импульсом, как будто бы упала на спину с высоты шестидесяти сантиметров.

Оттуда я поплыл прямиком к универмагу. У его стены я задержался: еще раз нужно было воспользоваться карандашом. Можно было вычислить на какой высоте статуя — пробивая стенку — попадет внутрь здания. Для этой цели пришлось выводить уравнение траектории тела, выброшенного на известной высоте, с известной начальной скоростью и под известным углом. Полученную высоту столкновения я отложил на стенке. Теперь мне было известно, какое стекло

необходимо убрать с пути подлетавшего тела. Удалив его, я осмотрел место будущего падения: оно располагалось в отделе постельного белья. Второй раз за эту ночь я чуть ли не расхохотался, когда окончательно определил место падения водителя "ога". Он летел в сторону огромной кучи сложенных под стеной одеял.

18. БУНТ

Разбудил меня шум в ванной.

Открывая глаза, я глянул на часы. Было пять минут второго дня; стрелки совместились напротив цифры "один" — пришлось поверить, что они не повернули назад, и, что уснув под утро, я проспал целых девять часов. Лампочка давала мутный свет. Где-то далеко за стенкой раздалась приглушенная пулеметная очередь. Какое-то мгновение, вытянувшись струной, я всматривался в пустое место, в углубление на топчане, оставленное телом Ины, пока наконец не услышал стоны и кашель, а затем и ее ускоренное дыхание, донесшееся из-за двери ванной и тут же подавленное стоном при последующей попытке рвоты.

Я соскочил с топчана и резко пихнул дверь: Ина сидела на краю ванны. Наклонившись над краном, она тряслась всем телом. На скулах выступили красные пятна. Выжатые длительными усилиями слезы стекали по ее измученному лицу; девушка настолько обессилела, по-видимому, попытками справиться с рвотой, что наверняка бы упала в ванну под струю воды, если бы я ее

вовремя не подхватил.

— Что с тобой? — пробормотал я все еще сонным голосом. — Что-то не то съела?

Прошло несколько минут, прежде чем ей удалось тихо произнести:

— Мне плохо...

— Долго тут сидишь?

— С самого утра. У меня ужасно болит голова.

Я взял ее на руки и отнес на топчан.

— Но ведь меня же могла разбудить, — укоризненно сказал я. В моих мыслях, словно шарманочная мелодия, крутилось одно предложение: "Консервы были несвежие", только оно меня никак успокоить не могло. — А теперь тебе лучше?

Ее кожа слегка покраснела. Мне самому с трудом удавалось скрывать волнение. Я уселся рядом с Иной и начал выпытывать симптомы. Она попросила воды. Пила, и тут же ее рвало. Наконец ей стало полегче.

Я же размышлял о лучевой болезни, о результатах чудовищного воздействия радиации в городе, которые лишь теперь дали о себе знать. Вот только головная боль и рвота сопровождали многие другие болезни, среди всего прочего, они были симптомами и воспаления мозговых оболочек.

— В первый раз... — отозвалась Ина, — там,

на улице... я чуть не задохнулась... Сначала был фиолетовый отблеск, а потом...

— Это тогда, когда ты попала под залп излучателя Рекрута? — выпалил я одним духом.

Девушка повернула ко мне воспаленное лицо.

— Кто такой Рекрут?

— Это я его так назвал. Ну да ладно, это неважно. Самое главное, что луч прошел очень быстро. Опять же, он не был концентрированный. Я сам это видел. Он вызвал только временный шок. Вскоре силы вернутся к тебе. Через несколько часов ты почувствуешь себя лучше, а завтра, самое большее, через пару дней — ты обо всем забудешь.

Ина приподнялась на локте.

— Мне нужно встать. Помоги, Нэт.

— Лучше останься здесь, а я поищу врача.

Я принес из ванной тазик. Очередной приступ тошноты настолько ослабил девушку, что она вскоре заснула. Но выглядела она при этом значительно лучше. Я боялся оставить ее без опеки, только и помощь врача была необходимой. Я тихо вышел в коридор, закрыл дверь на ключ и направился в сторону комиссариата.

Ионизирующее излучение. Что я знал по этой теме? Все зависело от величины поглощенной

порции. И при этом я не мог отогнать самых неприятных мыслей. Через несколько дней горячка усилится. "Пациент" — то обезличенное создание, которым оперировала известная мне краткая история болезни — "в результате уничтожения слизистой оболочки кишок перестает есть. Проявляется общее заражение и поносы, а также выпадение волос. К наиболее ранним проявлениям относится уменьшение количества белых кровяных телец и анемия эритроцитов. Через поврежденные ткани кишок бактерии из пищевого тракта проникают в кровь и межклеточное пространство. Этому вторжению бактерий организм не может противостоять по причине уничтожения иммунной системы. Развитие инфекции не может быть остановлено даже путем интенсивного лечения антибиотиками, которые в иных обстоятельствах дали бы прекрасный результат. К общей картине присоединяется и общее отравление, вызванное продуктами распада погибших тканей и обезвоживание организма, вызванное рвотой. После дозы радиации, превышающей шестьсот рентген, смерть наступает в течение двух — четырех недель".

В комиссариате я застал Алина, занятого раздачей супа арестантам, количество которых

на данный момент уже превысило десяток. Он направил меня в соседнюю комнату. Я закрыл за собой тяжелую, обитую звукопоглощающим материалом дверь и встал в потоке воздуха, под большим вентилятором, напротив распластавшегося на стуле полковника. Гонед сидел без кителя, в пропитавшейся потом сорочке; в тот момент, когда я только вошел, он обматывал галстук вокруг руки, в которой держал телефонную трубку. При этом он вопил в нее раздраженным тоном:

— ...то есть как это, невозможно исполнить?... Кто?... Снова Кинсуил? Да что может значить этот клоп?... Хватит! Я не собираюсь... Послушайте-ка: вам не хватает организационного чутья. Вы должны успеть везде. Необходимо вызвать чувство недовольства. Люди уже готовы... Да, это я уже слышал, но их необходимо умело убеждать, пробудить доверие, вызвать энтузиазм; они обязаны поверить в то, что нашим основным заданием... Так что, я вас еще буду учить!... Что...? Да пошли вы... И на этого чего-нибудь найдем. Сразу же направьте туда несколько человек и держите в готовности группу Аглера.

Он закончил разговор и связался с Асурмаром.

— Слушай, ты не будешь столь любезен свя-

заться со мной? — спросил он тоном, сиропность которого странным образом контрастировала с предыдущим раздражением. — ... Так... Они были час назад... Хорошо, жду тебя в кабинете.

Он нажал на кнопку и тут же начал набирать следующий номер.

— Господин полковник, — отозвался я. — Я лишь хотел спросить... Тут никто не желает предоставить мне информацию...

Нетерпеливым жестом руки Гонед заставил меня замолчать.

— А ну-ка дайте мне Джека Джонсона, — рявкнул он в трубку и пролистал несколько листков, лежавших на коленях. — Слушайте, Джонсон. Может, вам уже надоел занимаемый вами до сих пор ответственный пост? Кто утверждал текст?... Да это же верх неспособности... Молчать! В два часа я обязательно внесу это в список наказаний. Передайте!... А вы, если и дальше вместе с Кинсуилом будете лизать пятки, то я вас, в конце концов, тоже пришибу. Какое-то время он только слушал. — Потому что, прежде всего, — заговорил он опять, — необходимо ликвидировать их пропагандистские источники... Именно это я и имел в виду... отлично. Крупный шрифт и радиоузел... Ради всеобщего блага... Ну... или что-нибудь в

таком духе... Понятно!... Ну уж огнестрельное оружие, это само собой.

Гонед положил трубку.

— Я ищу врача, — сообщил я полковнику. — Не можете ли вы мне сообщить, где в этом сегменте оказывают помощь тяжело больным?

Тот уселся поудобнее и положил ноги на столешницу.

— А что, — чмокнул он губами, — икота достала?

— У меня нет охоты шутить. С Эльтой Демион в городе произошел несчастный случай. Она попала под выстрел излучателя. Сейчас она находится в крайне тяжелом состоянии и требует опеки специалиста...

Полковник наморщил брови, глянул на часы и взял телефонную трубку. Я следил за движениями его пальцев по диску.

— Это Гонед, — сонно просопел он. — Не будете ли вы так добры доложить обо мне генералу Ротардьеру? — После этого он провел по мне отсутствующим взглядом. — Можете присесть.

Движением подбородка он указал на второй, пустой стул и тут же настолько резко, что я даже вздрогнул — схватился с места. Теперь он стоял по стойке "смирно" и, вытянувшись струнко,

приложив пальцы руки к шву зеленых форменных брюк, стеклянными глазами глядел в пространство.

— В соответствии с приказом, господин генерал, вам звонит полковник Гонед.

Тишина. Мне было слышно лишь хриплое дыхание, сквозь которое с трудом прорывался энергичный лай в трубке.

— Так точно! — щелкнул каблуками Гонед. — Неожиданностей практически никаких. Ситуацию мы контролируем... И я тоже поздравляю вас, господин генерал... Не только... поскольку, разрешите уж повторить очень удачное ваше высказывание: "За ярмом в очереди никто не давится"... — Понятно, что однозначно... Да, да... Подготовленные на специальных занятиях. Они решительны и готовы к наивысшим жертвам. Ждут лишь жеста... Святая правда! Никогда бы лучше вас так бы это не определил. Это громадный энергетический потенциал... Есть! Немедленно выполню и доложу.

Он положил трубку на рычаг.

— Так где? — спросил я у него.

— Что, где? — поднял тот брови.

— Где мне найти врача? — повторил я. — Ведь, скорее всего, место его пребывания не является

военной тайной.

Полковник переложил несколько бумаг на столе, глядя по сторонам сонным, усталым взглядом.

— Так вы говорите, несчастный случай?

— Она была облучена.

— Так что в этом странного? — повернулся он ко мне. — Оружием необходимо пользоваться умело. Для этого имеются курсы. Женщина или мужчина — все умелые, сплоченные в наивысшей готовности. Враг...

— Но здесь дело не в том, — поднял я голос. — Она была облучена бандитом.

— Ага! Вот оно как... — свистнул тот. — Теперь я понимаю ваш гнев. Бандит — это просто отвратительный тип. Это гадкий прыщ на здоровом теле... моральная падаль и тому подобное. Потому что целиться следует в указанном направлении, а не так себе, хочу туда, хочу сюда. Программа, похоже, была определена однозначно. Ну вот сам скажите: Что бы случилось, если бы всякий стрелял в другую сторону? — Он рассмеялся и развел руками: — Бар-дак!

Меня словно по голове стукнули. Я поднялся со стула.

— О чем вы говорите. Я ведь спрашиваю, где

найти амбулаторию. Мне нужен специалист по радиологии, или кто-нибудь другой, кто в этом разбирается. Неужели я выразился недостаточно ясно?

— Можете быть абсолютно спокойны. Все устроено!

— Что?

— Мы этим займемся. Медики предоставят ей необходимую помощь.

— Когда?

— Незамедлительно.

Он подал мне руку.

— До свидания. И хочу поблагодарить вас от имени наивысшего дела. Сообщив об этом несчастном случае, вы исполнили свою обязанность. А теперь прошу вернуться на свой пост. Все уже устроено! Обещаю. Я обещаю! подчеркнул он и легонько подтолкнул меня в сторону двери.

Я не устоял, сделал несколько шагов назад и только потом повернулся.

— Погодите... Ведь вы даже не спросили, где она находится.

— Не спросил?

— Она лежит в комнате теней. То есть, под номером...

— Ну а вы, — вмешался Гонед еще перед тем,

как я закончил, — в какую оперативную группу вас назначили? Тоже к излучателям?

— Я уже один раз говорил...

— Минуточку! Погодите, сейчас вспомню. — Он измерил меня взглядом с головы до пят. — Легкое конвенциальное?

— Хватит уже! Мне ничего не известно ни про какие назначения или группы. Я по уши занят работой по решению тайны статуй, поскольку именно поэтому меня и перевели в ваш сегмент.

Полковник положил мне руки на плечи.

— Статуи... — шепнул он. — Так! Теперь я уже все понял. — Он закрыл глаза и поднял голову к потолку. — Ох и ах! — буркнул он. — Как это возвышенно! — Тут же он глянул на меня и подмигнул. — Галактика... не так ли? Безграничность пустоты, и в ней пылинки... Вот такие, — указал он на кончик ногтя. — И мы летим... летим... Увлекательно! Чистая поэзия. Совершенно неожиданно он перешел на серьезный тон, энергичным шагом промаршировал в другой конец комнаты и вернулся обратно. — И что? — резко выпалил он.

Я стоял перед ним словно теленок с выпученными глазами. В руке у меня был рапорт генералу Лендону, который я вынул из кармана, когда

Гонед спрашивал меня про группу. Не говоря ни слова, полковник забрал у меня все бумаги и какое-то время всматривался в них.

— Кому?! — взвизгнул он.

Еще раз он пробежал глазами несколько строчек текста, вернулся к заголовку и подчеркнул его толстым ногтем. Лицо налилось кровью. После этого он отошел в другой конец комнаты.

— Так вы считаете... — снизил он голос, порвал рапорт и швырнул его остатки мне прямо в лицо. — ...упрямо и провокационно вы настаиваете, что это генерал Лендон является комендантом убежища?

Я не верил своим глазам. Вопрос, кто в настоящее время является комендантом убежища, было последним, который пришел бы мне в голову.

— Вы уж простите, но до сих пор я не занимался административными вопросами, — попытался выпутаться я. — Но если для вас это представляет какую-то разницу...

— Разницу...?

Гонед топнул ногой и схватил телефонную трубку. С пальцем, застывшим на номеронабирателе, он довольно долго стоял совершенно неподвижно. В конце концов раздумал. Трубка вернулась на рычаг. И вновь взгляд полковника

сделался сонным.

— Прощайте, — произнес он, как будто ничего и не случилось. — Мне это нравится. И никому не скажу ни слова. Ха! И что тут поделать, если подобного рода наглость меня просто разоружает?

Я не сдвинулся с места. Зазвонил телефон. Моя крыша была близка к тому, чтобы окончательно поехать. До меня дошел спокойный, нереальный голос Гонеда, который деловым тоном принимал доклад: "Так, понял: восемь убитых, тринадцать раненных".

— Восемь убитых, — повторил я за ним, когда полковник уже ложил трубку. — И чьи же это потери?

Тот ковырялся спичкой в зубах.

— Наши. Со стороны Бакли погибло тридцать семь человек. Их необходимо держать в ежовых рукавицах. Если бы не наш стальной намордник, раньше или позднее, навязывая свои понятия про порядок сначала в нашем сегменте, в конце концов они захотели бы захватить власть над всем убежищем. Ручаюсь вам, что генерал Ротардьер придушит их в течение суток.

— Их — это означает кого?

— Вы и так слишком испытываете мое терпение. Ясное дело, приспешников Бакли. Считаются

одни они. Ведь разве эти ваши дегенераты, ваши лендоновцы уже не дергаются в последних конвульсиях?

— Давайте, наконец, оставим в покое имена. Неужто количество запрограммированных автоматов, человекообразных роботов, которыми здесь среди нас — оперирует Механизм, возросло столь значительно, что они угрожают нашему существованию?

Гонед копался в шкафе с бумагами. Он глянул на меня из-за толстенного скоросшивателя.

— Механизм? — выплюнул он спичку. — А это что такое?

— Сложнейшее орудие Сверхсуществ, если вы до сих пор этого не знали. Сердце, а точнее, мозг автоматически управляемой галактической станции, с помощью которой Они дотянулись до нас сквозь бездну пространства.

Гонед молчал. Какое-то мгновение он глянул на меня так, будто я прямо у него на глазах превращался в чудовище.

— Ясно...! — сглотнул он. — А я все время пытался относиться к вам абсолютно серьезно.

Полковник закурил и пыхнул мне в лицо струей сизого дыма.

— Сент! — бросил он в сторону двери.

Замок щелкнул, худющий охранник переступил порог.

— По вашему приказу...

— Замени Алина возле решетки. Пускай он отведет господина Порейру в отдел Людовика Вайса.

— Изолятор?

— Не твое дело. Исполняй!

Дверь кабинета захлопнулась за нами.

— Слыхал? — шепнул Сент, склонившись к уху Алина. — Давай, тащи этого придурка к Вайсу. И немедленно!

Мы прошли по длинному, пустому коридору, который на перекрестке сворачивал к комнате теней. Алин хотел идти прямо. Ина ожидала моей помощи. Я остановился.

— За мной! — рявкнул охранник.

— Я пойду своей дорогой, а вам лучше отцепиться от меня.

Сент наморщил лоб, вернулся и потянулся к револьверу. Мы стояли под стеной возле крутой металлической лестницы, которая вела к люку в потолке. Охранник вынул наручники, надев один браслет себе на запястье левой руки. Глядя на второй браслет, висящий между обеими своими занятыми руками, он приставил мне ствол прямо

к сердцу. Он желал соединить нас наручниками, но никак не мог справиться с обилием железок.

— Сейчас помогу, — коварно шепнул я и схватил за наручники.

Операция заняла всего секунду. Я подвел браслет к своему запястью и решительным движением — заслоняя плечом поле зрения — застегнул его... на поручне лестницы.

Замок щелкнул.

— Готово, — сказал я и тронулся с места. Сент дернул в средине первого шага. Когда он терял равновесие, я вырвал револьвер из его руки. Мой охранник был пленен. Глаза у него полезли из орбит.

— Ключ! — потребовал я и обыскал Сента. — Я и сам изумлен вашей безалаберностью. Если услышу хоть звук, вернусь и застрелю

Нацелив револьвер в болвана, я отступил за угол. Тот был перепуган выражением моего лица.

По пути к комнате теней я столкнулся с двумя женщинами в белых халатах. Они катили по коридору накрытую простыней больничную каталку. Я подумал, что они перевозят больного в операционную. И я пошел за ними, чтобы узнать, где находится амбулатория. Прячась в

нишах, я следил за женщинами на расстоянии. Те остановились возле двери без ручки, открыли ее и вкатили тележку в темноту. Двери остались не закрытыми.

К ним я подбегал на цыпочках. Возле самого замка я заметил щиток нумератора. Тот факт, что вместо обычной защелки вход здесь был защищен сложным устройством, лишь удвоил мою осторожность. В памяти застряло установленное число: 987-123.

Я тихонько зашел вовнутрь. Женщины подвезли каталку под стену и теперь стояли, повернувшись ко мне спиной. Я осторожно прошел мимо них и спрятался за столбом, подпиравшим потолок более низкого помещения, оборудование которой ничем не напоминало операционную. Стены склонялись к средине помещения, они были покрыты распределительными щитами и пультами управления с экранами осциллографов. Разноцветные указатели были окружены рядами циферблатов. Все это наводило на мысль о какой-нибудь крупной электростанции.

Женщины двигались молча. Одна вернулась к двери, закрыла ее и перешла в отдельную кабинку. Вскоре после того она появилась на ее пороге с запечатанным листком картона и сунула его в

щель на пульте. Под уверенными движениями ее пальцев, которые пробежались вдоль ряда кнопок, загорелись лампочки, на нескольких экранах ожили световые кривые. Вторая женщина потянула за простынь, и та упала на пол.

Я увидел мелово-белое лицо трупа, а потом и все его застывшее тело, одетое в тот же самый костюм, в котором я видел его в последний раз: это был Асурмар. Фрагмент потолка разломился на две части, открывая взгляду стеклянный купол, заполненный прозрачной жидкостью. В нем свернулись косы серебристых кабелей, затем конвульсивно затрепетали и, распрямляясь во все стороны, притаились в виде многорукого пучка. И в тот же самый момент тяги подъемника охватили столик тележки и перенесли его на высший уровень. Тело сдвинулось в мягкий, розовый желоб. Под аккомпанемент громкого шуршания, издаваемого пластиковыми тягами, оно вползло в длинную спиралевидную нору, откуда, на транспортере под рядами трясущихся датчиков вновь протиснулось наружу и прижалось к блестящей пленке. Мякиш раскрывшейся чуть ниже гортани раздулась вокруг трупа в осклизлую кишку. Тело в последний раз повернулось в ней и с громким, словно выстрел, чмоканием, упало

в голубую бездну.

Женщина передвигала рычаги. Потолок сомкнулся. В кратковременной тишине я слышал собственное дыхание. Ритмичная икота, шорохи, всасывания, плески и стоны — все отзвуки, поступающие сюда, рождались в источнике, который перемещался вдоль потолка, а затем поперек черной переборки. Я почувствовал дуновение. Стена слева, огромная лазурного цвета переборка, поднялась бесшумно, открывая обширные внутренности.

Там были практически все: полковник Гонед, Вайс, Алин и Сент, а также Уневорис. За панорамной витриной находилась абсолютно недвижная, тесно сбитая толпа мужчин и женщин. Они занимали практически все пространство громадной зеркальной камеры. Все лежали в педантично распланированных слоях, погруженные в прозрачные параллелепипеды, словно ступени хрустальной лестницы. В правой стороне резервуара мелькнула продолговатая тень. Законченное присоской рыло транспортного механизма уложило на место очередной блок, содержащий в прозрачной массе застывшее тело Асурмара.

Переборка опустилась. Огни пригасли. Работницы в белых халатах покинули комнату

управления. Я вышел из-за колонны и перевел рычаг, тот самый, которым в последний раз действовала женщина. И снова я увидел их: обитателей целого сегмента. Я узнавал все новые и новые лица: официантка из столовой лежала в глубине; Рекрут внизу, старичок, срывавший плакаты — на краю, слева; арестант из комиссариата — под телом Асурмара. От всех голов вверх тянулись тонкие золотые водоросли. Я пригляделся к лицу Гонеда: как и все остальные, широко раскрытыми глазами он глядел вдаль. Там же лежали тела двух женщин, которые привезли тело Асурмара на тележке. Может, мое тело лежало в каком-то другом резервуаре, поскольку я не мог его обнаружить. Тела Ины я тоже нигде не видел.

Над местом, где находился параллелепипед с телом убитого Сентом террориста, я заметил четыре свободные переборки — последние, до сих пор еще не заполненные места. Я не мог оторвать от них взгляда. Совершенно не осознавая этого, я оперся на рычаге, и тот сдвинулся до упора: все глаза сколько их там было под поднятыми веками — повернулись как по команде и остановились на мне. Еще раз глазные яблоки ожили на окаменевших лицах, когда я прятался от них

у противоположной стены. Но и там они меня достали. И я, невольно, вышел навстречу к ним.

Очертания всех тел помутнели, сливаясь в один серо-голубой массив. Остались одни только глаза, развешанные внутри всего пространства камеры. И они все время увеличивались — пока не сделались совершенно огромными. И все время они фокусировались на моем лице. При этом они медленно приближались к прозрачной стене резервуара, как будто подвижные линзообразные наросли на поверхности проецировали на меня иллюзорный образ. Для меня это было взглядом глаз в объединенном теле несколькосотголовой амебы. Только я не нашел в этих глазах ничего такого, чтобы желало наполнить меня ужасом. Нет, я видел в них страх, страдания и отчаяние. В самой глубине раскрытых зрачков таилась невысказанная надежда, она обращалась ко мне. Именно так я это и воспринял: глаза о чем-то молили меня.

Я уже не был в состоянии ни сконцентрировать мысли, ни заставить себя повернуть рычаг назад. Припав к выходной двери, дрожащими пальцами я выставил нужное число на нумераторе. Ригель замка отошел в сторону. Я пробежал по лабиринту пустых предбанников и наконец выскочил в

главный коридор, по которому — среди толпы людей — запыхавшийся и совершенно оглупевший, добежал до нашего помещения.

Дверь пискнула в петлях еще до того, как я коснулся ручки. На пороге стоял Асурмар. Он как раз выходил.

— Ох, простите... — сказал он и повернулся боком. — Чуть-чуть вас не ударил. — В руке он держал мокрый шприц, который на моих глазах сунул себе в карман. — Уже? — удивленно произнес он. — Вы очень оперативны. Впрочем, я тоже справился. Препарат готов. — Он поглядел по сторонам. — Как же это так... вам не дали тележку?

Я дрожал всем телом. Асурмар внимательно поглядел на меня.

— Что это вас так достало? — спросил он, краснея под моим взглядом. Нет! В этом меня не подозревайте! — Он шутливо покачал пальцем. — В свою очередь, все эти правила... все эти педантичные предписания!... Впрочем, черт с ними. Вначале я заскочу в сортировочную, а вы уж будьте добры меня подождать.

Он начал удаляться. Ноги подо мной подогнулись.

— Кстати!... — отозвался он уже издали. — Господин Порейра! У меня имеется еще один талон

на ужин. Охотно отдам его вам. Этим вы доставите мне истинное удовольствие. Мы все исполняем здесь свой долг... — бормотал он.

Бледный, словно труп, я вбежал в комнату теней. Когда я зацепился за стул, с него на пол слетела ампула с отломанной шейкой. Тело Ины тоже лежало на полу. Я присел рядом: на ее лице я не заметил ни малейших следов страданий. Я поднял ее — и она обвисла у меня на руках. Тут силы совершенно покинули меня: я упустил тело, и топчан глухо застонал всеми своими пружинами. Я уселся и тут же встал. "Никогда я не любил эту женщину!" заорал я изо всех сил. — "Это какое-то недоразумение".

Тишина, и в ней отдаленные звуки сегмента. Где-то вдалеке я видел свое отражение на ртутной глади зеркала, где-то за границами миров. "Статуи, размышлял я, — они там". Только мне было совершенно все равно. Бежать? Я заметил старый желтый подтек на длинной белой стенке — такой реальный. Вновь я взял ее на руки. Нанизанная на электрод крыса в лабиринте, кусок тела с ампутированной головой — так я шел к той стене. Еще раз меня глубоко поразил след укола между позвонками на шее Ины. "Препарат готов". Только двери мне ничего не ответили.

В конце концов, я опять положил ее на топчане. Даже нет, не укладывал. Она лежала в той самой позе, в которой я обнаружил ее здесь много часов назад. Она сама легла здесь. "Выйду", — зазвенело у меня в ушах. "И скажем, что я никогда сюда не входил". "Погоди", — схватил я себя за горло: "Удивительно, насколько я оперативен". Отзывалась ли она вообще когда-либо?

Я тихонько повернулся к стене и притворился, будто сплю. Никакого лучшего решения мне не удавалось найти. Скрытно я пересчитывал свои пальцы. В тайне от всех. Пересчитал их раз, второй, третий: десять. Это я сам: Нэт Порейра — все сходилось! Вот именно, я все время что-то подсчитывал, а она умирала. Нет, здесь было какое-то недоразумение.

Я очнулся. Сначала сказал сам себе, спокойно и выразительно: "Здесь лежит Элта Демион, а Ина — это совсем другое". К сожалению, это прозвучало так, будто бы я по складам прочитал подпись под цветной картинкой с первой страницы букваря. "Слишком поздно" — повернулся я на другой бок: она все так же лежала рядом. Я пытался вспомнить ее последние слова, но никак не мог вспомнить. Все говорили поочередно: Асурмар, Гонед, Алин и Сент, потом Раниэль и Рекрут...

официантка, Вайс, затем Уневорис и Коорец. Все были такие болтливые. Даже Еза Тена обращалась ко мне во сне. Лишь она одна молчала.

Тут я поднял глаза: в комнату вошел Асурмар-Робот.

— Препарат уже пропитался, — обратился он ко мне. — Ценный экземпляр, не правда ли? Кстати, меня наградили за выслеживание именно этого образца. Он похлопал Ину по щеке. — В связи с вышесказанным, — тут он указал на медаль, — вы пойдете со мной, поскольку нужно отметить. И нам поручили функции ассистентов при операции. Я люблю исполнять собственные обязанности.

Он вышел и тут же вкатил тележку в комнату.

— Да, чуть не забыл, — он почесал себя за ухом. — Сразу же после миксериума, нам придется участвовать в заседании группы присяжных. Сплошные обязанности, хоть разорвись: и вы только представьте, какой-то извращенец задушил своего начальника.

— Зачем вы принимаете участие в этом отвратительном убийстве?

Он раскладывал простынь. При этом у него была такая мина, как будто мой вопрос до него вообще не дошел.

— Вы что, не расслышали, — рассеянным тоном пробормотал Асурмар. — Так вот, какой-то извращенец...

Я схватил его за горло. Он выпучил глаза. Глупцом его нельзя было на-звать, так что понял, что я имел в виду.

— Что...? — прохрипел он между приступами сухого кашля. — Да вы с ума сошли! Разве вы не получили приказ? Я свои исполняю тщательно, и на этом моя роль кончается. Приказ — это приказ! Неужто вы не понимаете столь простых вещей?

До меня уже дошло — к сожалению, бунт здесь был просто невозможен; у меня отобрали даже чувство мести. Можно ли наказать гильотину за то, что она отрубила голову? На его теле никаких рычажков не было: когда он наклонился за телом Ины, я отключил его револьвером. А потом погасил свет с помощью банального выключателя. Оба этих действия едва запечатлелись в моем сознании.

Часы шли за часами. Я знал, что они придут. Сейчас я сидел, уставившись в ее лицо, неподвижный, глухой, слепой — без единой мысли.

Время от времени сознание возвращалось. Тогда я слышал отдаленный грохот взрывов, сотрясавших самими основами убежища. Им

вторило более тихое стрекотание автоматов. Обычное оружие еще не вышло из обращения, — размышлял я, — излучатели резали бы тела бесшумно. Неужто они дрались только ради имени коменданта? По крайней мере, в этом вопросе Механизм оставил им свободу выбора; а вне этого выбора за свои действия они не отвечали.

Итак, конец. А мне казалось, будто вся жизнь впереди. И свои видения я строил на иллюзии, будто бы Ина стояла на первом плане. Кратковременное переходное состояние, объединение и долгий совместный путь — такой вот пейзаж; я соткал его из туманных предпосылок, будто бы жил среди одних людей. Но правда: я сопротивлялся течению, что несло все вокруг меня. Ну вот: я остался, а течение сплыло.

Понимать или чувствовать? — внезапно мне вспомнились те самые страшные глаза. Четыре свободные переборки продолжали ждать, где-то на краю муравейника плененных зениц. Кто должен был вскоре занять эти места? Люди среди машин — разбитые, тщательно перемешанные с ними и — что самое удивительное — внешне настолько похожие, мы не могли отыскать друг друга, даже относительно самих себя, не говоря уже о том, чтобы договориться, понять и по-

грузиться в том, что здесь было лишь пустым термином — доверии. Мы не умели выделить, отличить себя от них: настолько мы были законспирированы. Ведь если бы не это глубочайшее укрытие, сколько времени прожили бы здесь те из нас — безумцы — которые хотя бы разок выдали себя среди них одним неосторожным жестом, слогом, одним лишь предсказанием мысли? Как долго могли выжить те два не известных мне настоящих человека, которые до сих пор не были демаскированы как личности в однородном поле, посторонние тела в сплоченной конструкции, эти двое последних — если их, как ранее меня, их не посчитали сумасшедшими?

Они победили. Не люди и не животные — машины. Только они одни были неуничтожимы; их можно было умножать до бесконечности.

Когда в течение тысячелетий люди, засмотревшись в свои внешние формы, обманывались тем, что именно эти формы: пальцы на руках, уши, глаза, прямохождение, а прежде всего, мозг, очеловечат их, многие задавали себе вопрос: что произойдет в неизбежном будущем, когда прямоходящий манекен, покрытый снаружи и набитый изнутри синтетической плотью, надлежащим образом пошевелит своими конеч-

ностями и, обратив заполненную электронными мозгами голову к своему создателю, произнесет необыкновенно убедительным тоном: "Человек — это как раз я!". И многие футурологи испытывали всю угрозу подобной возможности, которая равнялась видению упадка человека как выделенного вида и значимости, ведь можно было представить также и то, что такое до совершенства подделанное творение испытывает боль или наслаждение, что время от времени оно боится, чего-то желает и, бывает, нежным голоском признается в любви; ведь все в нем, любые чувства и проявления можно было вызвать, введя в его внутренности аналогичные системы, которые бы различные состояния — в конце концов, это было бы исключительно технологической проблемой. Можно было себе представить, что лишь тогда — а не значительно раньше — в эпоху, создающую возможность производства громадного количества подобного рода роботов, всплывет и моральная проблема, абсолютно неразрешимая при отсутствии каких-либо отличительных критериев. Проблема? Конечно: потому что отключить автомат или убить человека — это совершенно разные вещи.

Сколько же обманов принесла блаженная

уверенность, что до машины приказ мог дойти только по проводам в виде импульса тока или же посредством радио с помощью электромагнитной волны, излучаемой генератором и поглощаемой резонатором, но ни в коем случае путем, прекрасно известным даже детям: механическим, преодолевая расстояние гортань — ухо, то есть, в форме словесно отданной команды! В данном случае должны были отпасть критерии разума и сердца: первые — поскольку электронный мозг действовал более эффективно, чем естественный; а вторые — поскольку добро и зло менялись местами в зависимости от точки зрения. Имелись различные формы передачи приказов, и эти команды направлялись различным устройствам; но в хаосе несущественных понятий лишь вольная воля могла сотворить человека, воля, равнозначная ответственности за свои собственные действия, существование которой проявлялось через отношение к приказу.

Машина — независимо от степени ее сложности — выполняла приказ автоматически, находя в нем первый источник и окончательную цель собственного бытия; она реализовывала программу, пускай даже самую сложную, в соответствии со своим предназначением, если

только ее запускали соответствующим ключом и если, естественно, машина не была сломана. Многофункциональные машины никаких новых качеств не вносили; они тоже были орудиями, разве что универсальными. Зато любой приказ, в самом широком понятии этого слова, понимаемый как внутренний или внешний импульс — для человека был исключительно информацией о состоянии всего мира, выраженной в виде формулы: "Произойдет то-то и то-то, если ты не сделаешь того-то и того-то"; следовательно, такой приказ был всего лишь подвешенным в сознании сигналом: звуком, цветом, формой, запахом, впечатлением формы — и все вместе, побудительным импульсом, воспринятым чувствами, до тех пор не переложенным в действия, пока человек не противопоставил его своим индивидуальным чувствам, принципиально недоступным командному центру. По этой причине, человек, к которому ошибочно относились как к инструменту был полностью бесполезен; более того: он мог посчитать машиной тот самый командный центр, который посчитал его орудием.

Машины существовали с беспамятных времен. Неоднократно я прослеживал их на своих экранах в кабине-лаборатории. Они гораздо лучше

знали, чем являются в действительности, и совершенно не скрывали этого в тайне. Разве сами они не определяли себя своими же собственными словам, когда по кругу, словно заигранные пластинки, повторяли в Нюрнберге с мест для обвиняемых: "Мы всего лишь выполняли приказы. Мы не несем никакой ответственности"? И действительно, они были освобождены от самостоятельного мышления и чувств: некто иной думал и чувствовал за них: в их понятии это был Фюрер-Сверхчеловек, в понятии других — параноик, который, находясь в изоляции, был бы совершенно бессилен, возможно, даже смешон. Только стадо машин жаждало однонаправленных приказов. Историю — как бы наверняка сказал Асурмар-Человек — нельзя описать или объяснить с помощью всего лишь одного окрика: "Горстка извращенцев!" Толпы захватчиков, с охотой нарушающих границы, равно как и добросовестные сотрудники концлагерей, в большинстве своем состояли из машин с глубоко укоренившейся моралью.

Вот что пришлось мне осознать, чтобы оправдать убийство, поскольку труп Асурмара-Робота лежал возле топчана; тело из плоти и крови — этого скрыть было нельзя. Теперь я уже знал, что

в данный момент в нашем сегменте меня окружают только похожие на реальных людей плоды Механизма; вот только сам я до сих пор еще не был уверен в том, а являюсь ли человеком я сам.

19. ТАРАН

Еще раз я выбрался в город статуй. Мною не руководил интерес дальнейшей судьбой водителя "ога" или же надежда, что там мне удастся спрятаться перед орудиями Механизма; я подчинился немой просьбе Ины, ее последней воле, выраженной словами: "Есть нечто хуже, чем смерть", которыми она дала мне понять, как было ей страшно при мысли о том, чтобы занять место среди искалеченных, ни живых, ни мертвых тел — среди плененных в параллелепипедах зеркальной камеры препаратов.

Многофункциональный компьютер станции — Механизм, которому осевшие в каком-то регионе галактики Сверхсущества должны были оставить определенную свободу действий в рамках сформулированной в общих чертах исследовательской программы по причине громадных расстояний от командного пункта, функционировал, скорее всего, точно так же, как и посылаемые людьми на Луну, Марс и Венеру автоматические станции. Разница состояла в огромной универсальности Механизма и в его относительной свободе действий, ограниченной лишь рамками

не известной ни людям, ни роботам программы. Было лишь неизвестно, экспериментировал ли Головной Робот на людях исключительно во имя Науки, как и люди в ее славном имени экспериментируют на любимых собою животных, либо же, скорее всего, из садистских побуждений, заправленных скукой долгого пути, он издевался над их плененными мозгами, не совсем в соответствии с первоначальной волей Сверхсуществ — и разница в этом, для нас, одинаково мучимых, совершенно безразличной.

Тело Ины я перенес в мир статуй и спрятал его высоко, внутри одной из покинутых квартир. Там она была в безопасности: повиснув в ртутной ночи, чтобы существовать в ней вплоть до полного уничтожения. Я оставил ее с уверенностью, что бы ни произошло со мной после смерти — она одна, по крайней мере, последняя среди людей женщина, не испытает ужаса того неописуемого ада, который без слов заговорил со мной из движущихся глаз людских останков, полностью отданных на милость и немилость Механизма.

Я уже не видел никакой возможности спасения ни для них, ни для себя самого. Как будто сквозь туман мне помнилось, что через несколько секунд после убийства Асурмара-Робота в комнату

заглянул освободившийся от наручников Алин-Робот. Увидав меня с револьвером в руке над трупом, он, не говоря ни слова, схватил ключ и запер меня в комнате теней. Наверняка теперь меня там ожидала целая банда. Вооружившись излучателем и револьвером, я мог бы защищаться несколько часов, возможно, даже дней — вплоть до смерти от голода. Но тогда, равно как и в случае, если бы меня убили раньше, я отправился бы в хрустальный параллелепипед.

Под влиянием всех этих мыслей во мне дозревало решение покончить с собой в укрытии, найденном для Ины. С запасом кислорода на несколько часов, я все еще откладывал самоубийство, без какой-либо цели и без всякого направления блуждая среди застывших фигур. В двадцать один час (через семь секунд после столкновения "ога" с колонной) я очутился возле шестой шахты. Еще издалека я заметил свою собственную статую. Нет, мой двойник не разбился: теперь он уже сбегал по лестнице универмага. Но я глядел на него безразлично.

Судьба людей из камеры эластичных блоков, которые, после перемещения рычаг, сливались в гигантскую, несколькосотенголовую амебу, лишила меня последних иллюзий: я понял, что

спасение собственной статуи никак не разрешает старого сомнения: являюсь ли я сейчас человеком или только взбунтовавшимся роботом. Изготовленные по образцу оригинальных людей и до последнего преданные Механизму типы наверняка появлялись в сегменте уже давно, пока, наконец, они не заменили всех его аутентичных обитателей. Выходя из репродуктивной камеры, они тут же брали на себя функции своих теперь уже удаленных двойников и все сюжеты их жизней, свято веря, что продолжают свое собственное прошлое. Механизм не посвящал их в суть реальности; он лишь нераздельно правил над их мыслями, которыми руководило чувство очевидности. Благодаря этому, замена носила неявный и скрытый характер, и, видимо, лишь немногие сориентировались, что происходит. Вот за такими охотились особенно заядло; а поскольку именно они сеяли бунт, их заменяли в первую очередь. Мне вспомнилась осторожная аллюзия Асурмара относительно исповеди мужчины, охваченного настойчивым видением транспортера. По-видимому, не только во мне, но и в другом пришельце снаружи Механизм усмотрел подходящий объект для проведения адаптации нового рода: путем дистанционно

управляемого преобразования памяти.

История моего пребывания на здешней юдоли так бы, видно, и кончилась на этом коротком размышлении, поскольку я намеревался вернуться в укрытие Ины и уничтожить собственное тело, направив на него луч излучателя. Но, когда я уже уплывал из под крыши лифтовой станции, в глаза мне бросилось странное поведение статуй, а потом — когда я спустился пониже и глянул со стороны увидел весь чудовищный образ, который, несмотря на мою глубочайшую апатию, подкрепленную уверенностью, что пришел конец моей жизни, переполнил меня болезненной печалью. Я стал неумышленной причиной трагедии статуй, мои действия невольно привели к гигантской катастрофе в их мире.

Вся конструкция шахты склонилась в один бок: толстенный, укрепленный кожухом из стальной плиты и выполненный из единого бетонного блока потолок станции валился на собравшихся внутри людей. В данный момент на большой площади собралось более тысячи человек. Для меня потолок валился с черепашьей скоростью — в их же свете до чудовищного конца оставалось не более секунды.

Я окружил шахту с полным осознанием вины,

бессилия и поражения. Вниз направлялась масса, сравнимая с инерцией нескольких десятков танков из мира города. Для меня же таких танков было в десять тысяч раз больше. Основной вес потолка до сих пор распределялся между четырьмя толстыми колоннами. Сейчас же сохранились только две — со стороны виадука. Одну из двух других колонн уже давно срезал пушечный снаряд, который я вытолкнул собственными руками из камеры скелетов, вторая — в течение нескольких секунд еще пыталась удержать двойную нагрузку, но, серьезно ослабленная вырезанным желобом, а к тому же еще сильным ударом автомобиля, как раз переламывалась на моих глазах.

Несмотря на кажущуюся медлительность, события пары десятков последних часов помчались столь стремительно, что мне не удавалось ухватить смысла удивительнейших стечений обстоятельств, которые все мои собственные усилия в конечном результате — привели к гибели статуй. Лишь смерть могла избавить меня от чудовищного бремени ответственности. И я как можно скорее направился ей навстречу — в сторону квартиры, где лежало тело Ины, чтобы, по крайней мере, ничего не видеть.

По дороге в моих мыслях вопили, словно пы-

таемые чудища, два сцепившихся друг с другом слова: "Вес потолка". Они парализовали всю мою нервную систему до такой степени, что, вместо того, чтобы плыть прямо, я наматывал огромные круги. Подобного рода настырность, докучливая и в нормальных условиях, сейчас доводила меня до безумия. Бессильное относительно нее подсознание в инстинкте самозащиты пыталось сбросить ее с помощью различных уловок. В конце концов, оно смягчило ее сухой формулировкой: "Вес потолка? Но ведь вес потолка — это всего лишь произведение его массы на земное ускорение свободного падения".

Вот эта последняя мысль пронзила меня словно молния. Я развернулся на месте. Изо всех сил разгребая воздушные массы на обратном пути, я размышлял все более горячечно:

В самом паршивом случае могло случиться, что масса всего потолочного перекрытия составляла тысячу тонн. Тогда та же самая величина — измеренная моей меркой инерции — составляла бы здесь десять миллионов тонн. Головокружительное число — это правда. Но ведь, благодаря необычному замедлению времени, ускорение свободного падения — что уже не раз доходило до меня — здесь было в сто миллионов раз меньшим

по сравнению с той же величиной в подземном убежище. Произведение обеих величин давало ничтожный относительно — вес: сто килограммов силы. И еще парадоксальный вывод: я мог удержать весь потолок (не поднять, а только удержать на месте), толкая с силой всего лишь в сто килограммов, даже и на собственной спине!

Я начал искать наиболее подходящую точку для подпоры и сразу же заметил гранитный постамент у края крыши на противоположной от двух целых колонн стороне. Его вершина была плоско срезана и дополнительно усилена металлической крышкой. От падающего потолочного перекрытия его делило расстояние где-то метра в полтора. Оба края — крыши лифтовой шахты и постамента, если оставить их собственной судьбе, разминулись бы на несколько сантиметров. Я поднялся туда. Возбужденный возможностью спасения статуй, я совершенно позабыл про еще одну трудность: мне было просто невозможно торчать под потолком в течение десятков часов.

В руках у меня был единственный предмет, который прекрасно мог выручить меня: длинный ствол излучателя. Им я и подпер перекрытие. В мире статуй сталь, перенесенная из убежища, была тверже самого крепкого алмаза. Люди были

спасены. Но, втискивая концы ствола между краями сближающихся масс, я одновременно лишал себя единственного оружия, с помощью которого мог полностью уничтожить свое собственное тело. Ради личных целей Механизм был способен оживить даже мертвые и поврежденные мозги, так что огнестрельное оружие не давало гарантий абсолютного уничтожения. И я вытащил излучатель.

Ничего не видя, я глядел вниз — на ленты эскалаторов, на которых к лифтам спускалась окаменевшая толпа. Я очутился перед неразрешимой дилеммой, поскольку после собственной смерти никак не мог поместить излучатель на предыдущее место. Так что: я или они?

И внезапно я увидал лицо Ины. Она стояла на третьем эскалаторе; повернувшись ко мне профилем, она глядела вниз. Какое-то мгновение мне казалось, будто все это мне снится. Я был настолько разбит внутренне, что видение далекого прошлого принял за явный знак воскрешения. Ожидание затянулось еще на несколько секунд. Хотя я мог подплыть к ней, коснуться ее и ожидать, когда она повернет ко мне лицо, нас разделяла непреодолимая пропасть, которую не было в состоянии убрать никакое чудо. Я прибыл

сюда из иного мира — она же принадлежала городу. Присутствие девушки в шахте, которой грозила катастрофа, потрясло мною намного сильнее всего того, что уже произошло, и дало новую пищу для размышлений. Я осознал, что сложное решение, с принятием которого я колебался до последнего, было принято гораздо раньше — можно сказать, еще девять месяцев назад. Ведь тогда Ина наверняка спаслась; в противном случае, она не могла бы жить рядом со мной в убежище. И я знал, почему она спаслась.

Я сунул излучатель на место — под крышу, и в абсолютной темноте, оживленной всего лишь одним ориентационным знаком: светящимся прямоугольником над камерой скелетов, направился в комнату теней за досками от разбитого топчана. Ствол излучателя был только временной мерой: его концы уже втискивались в мягкую сталь потолочного перекрытия и постамента; следовало сконструировать что-то покрепче.

Меня взяли без всякой драки.

Я лежал на полу, связанный толстой веревкой, которой меня молниеносно затянули четверо неизвестных мне мужчин. Меня обезоружили в тот самый момент, когда, совершенно позабыв о повороте вертикали на границе миров, я выпал

из зеркала головой вниз — прямиком им в руки. Меня молча схватили с четырех сторон, за руки и за ноги, еще до того, как я успел сделать хотя бы один выстрел.

Нападавшие появились в комнате теней с готовым планом. Затянув последний узел у меня на спине, они перенесли из угла заранее приготовленную мощную решетку и установили ее перед зеркалом. Раздалась канонада выстрелов. Решетку прикрепили к стенке парой десятков толстых дюбелей. Выстреливаемые из специальных пистолетов стальные гвозди, глубоко проникая в стену, прижали решетку к краям серебристого прямоугольника. Таким образом, проход в окаменевший город был окончательно закрыт. Мое замечание про заваливающуюся шахту осталось без ответа. В тот самый момент, когда двое мужчин занимались закреплением решетки, двое других занесли железную дверь. Ее подвесили на усиленных петлях вместо старой, деревянной. По ходу этой операции в коридоре появилась группа уже известных мне роботов. Со своего места на полу я узнал Гонеда, Алина, Сента и хозяина брюк, что были на мне — Людовика Вайса.

Последний обратился к Гонеду:

— Паршивых овец следует изолировать от здо-

ровых экземпляров.

— А чем же мы как раз занимаемся? — удивился полковник. — Оба арестантских помещения уже переполнены. Возникает срочная необходимость в новом.

— Я не то хотел сказать, — оскорбленным тоном заявил Вайс. Во время чрезвычайного положения единственной разумной изоляцией является ликвидация. Сумасшедший или бандит — одинаковое бремя для истинных людей, которого нам нет смысла тащить за собой.

— В вас говорит ментальность охранника. Для этих дел существует суд присяжных, чтобы принимать решение о чей-либо вине или ответственности. Понятное дело, что он будет наказан. Но поначалу следует выявить мотивы действий. Мы должны руководствоваться чувством справедливости. Этот человек психически болен.

— Все это лишь фразы!

— Только без дискуссий! Порейра будет ждать приговора только лишь потому, что я терпеть не могу бардака.

Но ведь вы же и сами прекрасно знаете, что мы никогда бы не захватили власть в свои руки, если бы кормили собственных людей слабостью и глупостью. Но приказываете здесь вы, и не мое

дело, что с нами произойдет завтра. Вопрос лишь в том, где нам его разместить, раз уж вы заранее предназначили данное помещение для двух захваченных экземпляров фауны. Инструкция не оставляет никаких сомнений: она приказывает сохранить их для специальных целей, даже если бы миксер, лишенный четырех элементов, которых не хватает до запланированного комплекта, проявлял бы определенного рода помехи своему внутреннему равновесию во время работы.

— Хватит! Он останется здесь с ними до утра в связи с требованиями теста.

— Слушаюсь.

— Вот только... относительно вашего замечания относительно неспособности: четыре элемента, вы сказали. Долго еще вы будете вожгаться с обнаружением двух последних?

— Я нахожусь в хлопотливом положении...

— Неужто? Похоже, Асурмар часть работы сделал за вас. Он отрапортовал о готовности в миксериум сразу же после приготовления одного препарата. Мне доложили об этом сразу же перед его смертью. И что? Вы несете ответственность за то, что третий экземпляр исчез где-то по дороге. А где находится четвертый?

— К сожалению, до сих пор скрывается в тол-

пе.

— Нет, что за чушь! Вы, похоже, желаете убедить меня, будто невозможно отличить животное от человека?

— Этого я не сказал. Животных легко демаскирует отсутствие подчиненности. Им неизвестно понятие абсолютной обязанности или же сверхцели, как они известны нам. Уже благодаря этому, мы опережаем их в развитии на много тысячелетий. Помимо того, они не в состоянии ухватить сущность очевидного. Но если бы вы был на моем месте...

— В том то и оно! Если бы я сидел на вашем давно уже не проветриваемом месте, то тут же заглянул бы в центральную картотеку и в зал миксера, чтобы проверить, чья животная оболочка до сих пор еще не покоится в своем эластичном гнезде. Или вы ждете, чтобы нас опередили лаборанты Бакли? Похоже, в вас ни на грош амбиций.

— Но ведь мы не располагаем списком первоначальных обитателей сегмента, ни собранием их фотографий. Нынешний реестр формировался постепенно, по мере заполнения очередных гнезд. Он хранится в картотеке комнаты управления, и в настоящее время уже практически полный.

Вот только на данном моменте операции на его основании было невозможно установить данных о первичных типах, которые свободно тогда еще вегетировали среди уже призванных людей за исключением их голого количества. Анализатор миксерского зала со всей легкостью исключал любые ошибки. Благодаря нему, человеческие останки, которые ошибочно иногда попадали туда вместе с экземплярами фауны, возвращались и направлялись в кладбищенский резервуар. Что же касается последнего экземпляра первобытных существ, которые до сих пор населяли нашу систему, то я могу лишь догадываться, отчего он неуловим. Подозреваю, что внутренне он слишком неоднороден: в нем сражаются черты первобытные животные, с зародышами свойств, присущих только нам — человеческих, что значительно затрудняет выявление. Помимо того, я уверен, что данный экземпляр вегетирует в одиночку. За время своего здесь пребывания он, наверняка, не установил никаких товарищеских контактов. Я имею в виду сердечное сближение, ибо лишь в таком проявилась бы его истинная натура; тогда его бы распознали, и сегодня — после сублимации — его высшее воплощение находилось бы среди нас, людей. Данное жи-

вотное, говоря короче, является соответствием нашего эгоиста. Недоверчивое относительно всех встреченных жителей сегмента, неспособное к чувству любви или, хотя бы, дружбы — оно ограничивалось в своих отношениях с другими к обмену несущественными замечаниями. В случае такого вот — эгоистического отшельничества, даже донос, эта священная обязанность любого честного человека, в отношении него был бессилен, поскольку оно — животное, охваченное манией преследования — своих истинных мыслей никому не раскрывало. Еще можно надеяться на то, что систематически и безжалостно выслеживаемое оно само, в конце концов, сломается и отдастся нам в руки. В противном случае, следует предпринять огромную работу по сравнению одна с другой четырехтысячных толп. В первой фазе операции по сублимации это задание было бы невыполнимо по вполне понятным причинам, в последующих фазах — весьма рискованным, зато сейчас, на завершающем этапе — такое действие будет достаточно простым и осмысленным. Вы считаете, что нам необходимо взяться за него?

Гонед манипулировал замком новых дверей. С неохотой он обернулся, зевнул.

— Я вас практически и не слушал, — признался

он. — Терпеть не могу пустопорожней болтовни, и мне наплевать на ваши теоретические сложности. Мне хочется, что бы в сегменте наконец был порядок. Завтра утром доложите мне конкретный план действий.

Вайс ушел. По приказу полковника двое его подчиненных привели предсказанных еще в самом начале "двоих экземпляров первобытных существ". Я с трудом сдержал возглас изумления, потому что в комнату ввели скованных наручниками Раниэля и Коореца. Особенно последнего я никогда не мог подозревать в том, будто он является человеком. В этом я чувствовал какую-то коварную хитрость. Прибывшая пара и на меня глядела недоверчиво. Сент, которого вместе с Алином полковник назначил нести охрану у двери комнаты теней, перед тем, как повернуть ключ в замке, предупредил их, чтобы меня не развязывали, поскольку я способен на все, и в приступе безумия могу их придушить.

До полуночи в новой арестантской царила абсолютная тишина. Веревки врезались в мое тело. Я лежал на полу, в углу, привязанный к металлическому штырю. Меня охватила безнадега. Наручники остались в кармане Сента, так что мои товарищи по несчастью — по крайней мере,

в границах, определяемых стенами обширной комнаты — могли перемещаться свободно. Дошло до того, что я глядел на них с завистью, как на людей полностью свободных. Коорец вертелся на топчане; побелевшими губами он что-то бормотал самому себе, чего разобрать мне не удавалось. Раниэль тоже выглядел не лучше: он то бился головой об стенку, то сползал по ней на колени и, приложив ухо к стене и глядя по сторонам безумными глазами, курил сигарету за сигаретой. Передо мной был классический образ ночи перед казнью. Но для них я был машиной-шпионом.

— Господа, — отозвался я наконец, понизив голос. — Клянусь, что мы принадлежим к одной группе животных, поскольку я тоже человек. Меня здесь принимают за местного сумасшедшего, правда, жизнь это мне не спасет. Завтра меня казнят за убийство робота. По крайней мере, хоть развяжите меня, а то я уже подыхаю.

Мне хотелось разрядить напряжение невыносимой ситуации трагикомическим тоном, только это был голос вопиющего в пустыне. Они ожидали его с самого начала и удивлялись лишь тому, что я отозвался так поздно.

Коорец с Раниэлем молчали. Каждый самостоятельно вгрызался в призрак предназначенного

лично ему ада; возможно, они пытались представить, что означает специальная цель, ради которой Механизм их зарезервировал. Раниэль мимолетно глянул на меня. Наверняка он думал о коварстве моего характера, которое я проявил, хитростью закрыв его на складе. Коорец сполз с топчана и встал надо мной.

— Четыре, — произнес он. Затем посчитал на пальцах. — Нет! Даже пять каталажек.

И он расхохотался во все горло.

— А ну тихо там! — крикнул Алин и грохнул кулаком в железную дверь. Давай, Сент, тасуй.

— В карты играют, — тут же, ни к селу, ни к городу, заметил Раниэль. И Сет сдает...

Зато Коорец буровил вполне осмысленно:

— Каталажка в каталажке... и все запаковано в третью, посреди еще большей тюряги, да и та сама тоже в каталажке — так что всего пять.

— Что с вами случилось? — сочувственно спросил я у него.

— Ну да, тюрьма в пятой степени, — ответил тот вполне осознанно. — Сами можете развлечения ради пересчитать: веревка, словно на окороке, и арестантская без выхода — это две первые каталажки, одна в другой. Потом стены третьей камеры-каталажки — сегмента, напич-

канного автоматами и отрезанного переборками от остальных сегментов. Кожух всего убежища, из которого мы не можем выбраться уже девять месяцев — это граница тюряги номер четыре. И все хором запаковано в пятую каталажку — в ракету.

Он истерически захихикал.

— Живот надрываю, как на вас гляну, — продолжил он, отсмеявшись. Можете представить более безнадежную ситуацию? А кто дал себя обмотать? Окорок обвязанный!

Он начал пританцовывать на одной ноге и до тех пор распевал: "Окорок! Колбаса болонская!", пока Алин не приоткрыл окошечко в двери и не выстрелил в стену рядом с Коорецом. Только тогда тот успокоился. Поначалу я считал, что с висельным юмором он иронизирует над моим положением, чтобы рассмешить нас всех шуткой, будто ситуация их двоих на одну ступеньку менее безнадежная, чем моя. Только теперь уже явно было видно, что у него произошел нервный срыв. Раниэль выскочил из ванной и вылил Коорецу на голову ведро воды. Поступил так он довольно неуместно, как человек, которого вывели из состояния равновесия. Если же они разыгрывали передо мной заранее подготовленную комедию

— то в актерстве своем они были просто гениальны. Тел этой пары я в зеркальном зале не замечал, только это, собственно, ни о чем еще не свидетельствовало, ведь они могли лежать в каком-то глубинном слое, точно так же, как и мое собственное. Или меня закрыли с двумя роботами, чтобы создать условия для последнего экзамена?

— Никогда не следует терять надежды, — бросил я наивное замечание.

— А как же, — подхватил нить Раниэль. — Ну вы и весельчак. В качестве автомата-убийцы вы завтра попадете в безопасный уют кладбищенского резервуара, нас же перед окончательной смертью будет ждать масса невысказанных телесных и психических наслаждений под скальпелем космического исследователя.

Коорец обнюхал дверь, затем промаршировал назад к решетке, под ртутное зеркало, где в очередной раз задумался над достойной сожаления толщиной прутьев и крюков. Оттуда он обратился к Раниэлю:

— Я слышал, что Гонед забрал с собой ключи от двери. Следовательно, эти двое, — тут он снизил голос, — даже если бы нам удалось их подкупить, нам никак не помогут.

— У меня целая связка, — с надеждой шепнул я. Одновременно мне вспомнилось, что Сент стреляет быстро и необыкновенно метко.

— Я знаю, что она у вас, — склонился надо мной Раниэль. — Я осмотрел их еще пару дней назад в комнате Вайса, когда лежал рядом с вами на кровати. Он вытащил ключи у меня из кармана, внимательно изучил их, глянул на дверь и выругался. — Естественно, совершенно другая система. Номер не проходит. После этого он снял с кольца один из ключей. — Семерка! Если бы вчера он у меня только был! Этой цацкой можно было бы открыть лаз в ремонтный шлюз крота. Вчера его спустили на наш уровень. Теперь у них имеется растворитель, чтобы удалить слой живого стекла, которое под влиянием света быстро растет из зародышей серебряной пыли. Перед стартом все приборы и передачи были залиты им, а теперь машина готова к дороге. Совершенно случайно я узнал, что им собираются воспользоваться завтра. С его помощью явно хотят пробить тонкий слой почвы, окружающей убежище, чтобы попасть в командный пункт ракеты. Не знаю, на кой ляд они лезут туда, раз звездолетом управляет головной автомат, а они здесь исполняют роль всего лишь примитивной прислуги.

А вот нам крот мог бы спасти жизнь. Мы могли бы включить холостой ход и на роликах по тунелю могли бы подняться в верхнюю стартовую камеру, то есть, в соседний сегмент, где свободно живут остальные люди. Другой дороги туда нет, поскольку охранники наших переборок даже под самыми страшными пытками не выдали бы тайны цифровых комбинаций нумераторов. Они у нас герои: прекрасно понимают, чем заключается их обязанность и святая цель.

Коорец с ненавистью глянул на дверь.

— Хватит уже бредней, — разозлился он. — Вы все выше витаете в облаках, а вот железо придется грызть собственными зубами.

— Вы бы хоть меня развязали, — напомнил я.

— Правильно.

Раниэль присел рядом со мной.

— Оставьте его! — воспротивился Коорец. — Кому какое-дело до сломанной дрели. Он нас отсюда не вытащит. Так что пусть повоет.

— В данный момент... кем бы... он ни был, — бормотал Раниэль, уцепившись зубами за первый узел, — это живое существо... которое страдает.

— Отойди от него, а то позову Сента!

Раниэль поднялся и с презрением поглядел на Коореца. В конце концов, махнул рукой и вернул-

ся на топчан. Коорец, стоя у двери, грозно следил за ним. Я же отвернул голову к стене, чтобы хотя бы не видеть этой гнусной рожи. Мне хотелось спросить, какую выгоду принесло ему бриллиантовое колье, которое он своровал в городе, чего достиг благодаря сговору с Уневорисом-Роботом против Ины, но до меня вовремя дошло, что беседа с ним не имела бы никакого смысла: это была самая настоящая скотина в человеческом теле; именно потому Механизм и не стал превращать его в машину.

Прошел еще час. Я размышлял о лифтовой шахте, которой угрожала катастрофа, и о холодном укрытии Ины, погруженном во мраке ртутной ночи, что со всех сторон окружала ее мертвое тело. Наверняка ли бы выбрала она смерть, как выбрал ее я, вместо имитации жизни в когтях механизма? Призрак этого горького вопроса мучил меня словно зубная боль. Я попытался подумать о чем-нибудь другом.

Ствол излучателя, подпирающий потолочное перекрытие шахты, уже целую секунду своими концами врезался в мягкую сталь балки и постамента. Материал орудия наверняка был достаточно твердым, чтобы выдержать тяжесть даже в несколько раз большую, но на самых кон-

цах пригодились бы дополнительные опоры.

— Что бы случилось, — спросил я у Раниэля, — если бы кто-то из здешних случайно остался в городе? Получается, что он не смог бы пробраться в убежище. — Я указал жестом головы на решетку. — Прутья заделаны в стенку глубоко. Чтобы прорваться, нужен разве что танк.

— Это уже не имеет никакого значения, — ответил тот. — Нас всего лишь закрыли на ключ. А из сегмента в город есть еще два прохода. Они даже более известны, чем этот. Я их сам видел. Выход одного из каналов ведет в подвал какого-то небоскреба, а второго — на газон разворотного круга.

Где-то до трех ночи я провел в полусне. И все это время у меня в ушах звенели последние слова Раниэля. И под их влиянием мне приснились несколько чудесных событий. К примеру, я представил, будто какое-то дружественное нам создание подплыла к нам со стороны мира статуй и разрезало ацетиленовой горелкой все прутья; потом совершенно иной бред: мне приснилось, будто наступило долго ожидаемое состояние невесомости, и среди летающей в воздухе мебели зависли тела Алина с Сентом, которые, желая хоть как-то умолить рассерженное божество, ничего не осознавая от ужаса, как можно скорее

открыли двери нашей камеры и, приглашая нас выйти, отбивали перед нами земные поклоны.

Во время триумфального похода по коридору я проснулся окончательно и попал прямиком в грубые объятия действительности:

— Через три часа за вами придут.

Я приподнял голову: это Коорец, которому не спалось, отмерил время до ожидающей меня сессии суда присяжных роботов.

Я приложил разгоряченную щеку к луже на полу возле своей головы. Еще в полночь, когда Раниэль вылил воду на Коореца, брызги приклеили мне к лицу какой-то затоптанный листок. Тогда я сдул его с носа. Тот перевернулся и упал на расстоянии ладони. В моем поле зрения он лежал уже часа три, поэтому — обездвиженный веревкой — я глядел на него по неизбежности, но видел лишь белое пятно. Теперь же я глянул на него чуть ли не в сотый раз, и внезапно мои глаза сфокусировались на нем. Чтобы разобраться в нем мне понадобилось несколько минут.

— Слушайте, — дрожащим голосом шепнул я. — Мы спасены!

Коорец пихнул локтем Раниэля в бок:

— Придется сунуть ему в рот кляп, потому что будет доставать нас до самого утра.

— Мы спасены, — повторил я. — Есть идея. Только развяжите меня.

Коорец приблизился ко мне, держа в руках грязную тряпку. Он хотел сунуть ее мне в рот, но Раниэль схватил со стола какой-то предмет и заступил дорогу.

— Прочь! — прошипел он, багровея от гнева, при этом замахнулся кулаком, в котором держал разбитую на конце крупную ампулу.

Для Коореца это не было достаточно убедительным аргументом, поскольку при росте почти в два метра он весил более ста килограммов. Но отблеск острого конца ампулы и цвет вытекающей оттуда жидкости что-то напомнили ему, и он остановился.

— Еще мгновение, и у нас тут прибавится новый препарат! — продолжил Раниэль тем же тоном, только на октаву выше. — И препаратом этим станете вы. Разве не видите, что у него не поступает кровь к мозгу, вот он и сходит с ума от боли. Я его развяжу, и ему полегчает.

Он присел рядом и развязал меня.

Мы выйдем отсюда, благодаря невольной помощи Уневориса, — сказал я после того, как хоть немного расправил кости.

И я прочитал им вслух содержание листка:

Коменданту убежища,
генералу Бакли
4-III, 21-00
Давид Уневорис.
Рапорт четвертый.

Касается не идентифицированного шара из помещения Н-5, называемого
Комнатой Теней.

Шар по всей поверхности одинаково твердый, как и статуи девочки,
собаки и мыши. Помимо того, как и они, он абсолютно черный. Диаметр шара
составляет пол метра. Шар катится очень медленно, зато обладает
гигантской массой. На коротком отрезке я тормозил его движущимся
динамометром. Зная значение приложенной силы, время длительности
равномерно замедленного движения, начальную и конечную скорость на пути
торможения, я вычислил, что инерционная масса шара достигает двенадцати
тысяч тонн! В городе статуй шар весил бы тысячу двести килограммов.

Вывод: шар выполнен из материала голода с удельным весом,

соответствующим платине.

В данный момент — после незначительного изменения импульса — шар

катится в сторону топчана со скоростью трех миллиметров в секунду.

— Катится? — буркнул Коорец, когда я закончил читать. Он уселся на черном шаре, который опирался на стенку напротив зеркала. — Этого совершенно не видно.

— Вы не поняли, — попытался объяснить я. — Шар лежит там спокойно уже три дня. Рапорт касается ситуации, имевшей место четвертого марта. Уневорис размышлял о ней в девять вечера, еще до первого моего визита в комнату теней. Я же пришел сюда сразу после него.

— И какое мне до этого дело?

— Да нет, вас это должно интересовать, поскольку, с помощью этого шара мы сейчас разобъем решетку и, проплыв через город ко второму каналу, попадем в камеру крота, который поднимет нас к людям. Вы уже поняли? Мы воспользуемся шаром как мощным тараном.

Раниэль схватился с топчана. Коорец все так же глядел на меня с недоверием:

— Но ведь он же весит двенадцать тысяч тонн! Как вы там прочитали? А это вес крупного судна.

— Вовсе нет. Я прочитал, что шар обладает массой в двенадцать тысяч тонн. А это уже нечто иное, особенно в наших физических условиях. Мне это известно давно, точно так же, как и статуям, что случайно забрели сюда через зеркало. Эта масса подчиняется воздействию лишь гравитационного поля города. А напряженность этого поля составляет всего одну десятую микрона на секунду в квадрате, точно так же, как и там. Говоря практически, нам придется преодолеть лишь ее громадную инерцию. Если же нам удастся разогнать ее до скорости десять сантиметров в секунду, даже крепчайшие прутья решетки разойдутся от удара. Ведь вся работа, которую мы выполним относительно шара, втроем толкая его изо всех сил от стены до зеркала, то есть, на пути около десятка метров, что займет у нас несколько минут — будет отдана возле цели всего за секунду. А отношение работы ко времени — это мощность. Возле зеркала шар будет иметь кинетическую энергию, сравнимую с энергией пушечного снаряда. Опять же, даже трение шара о пол нам не будет мешать. Смотрите.

Я склонился над шаром и ухватил его руками. Через несколько минут подъема без чьей-либо помощи, я поднял его на высоту груди. Там я

выпустил его из рук. Шар повис в воздухе.

— С этой высоты он упал бы на пол часа через полтора, — сказал я.

Никакой другой аргумент не подействовал бы на них лучше: мои товарищи по несчастью моментально оживились.

Раниэль уже запихивал подушку между сеткой на окошечек в двери и закрытым Алином глазком. Делал он это наверняка с той целью, чтобы предпринять средства безопасности на случай шума и не дать возможности Сенту выстрелить из коридора. Коорец соединил шлангами баллоны с кислородом, распределяя его на три порции, поскольку в моем аппарате, которым я пользовался в последний раз, кислород еще был, а найденные в комнате два других были пустыми. Какое счастье, что нападавшие отобрали у меня лишь револьвер, оставив все остальные железки. Переломанную доску от топчана я поставил у зеркала; свято веря в то, что решетка нас не удержит, я не забывал о ситуации в шестой лифтовой шахте.

Все пошло именно так, как я и предполагал: без каких-либо неприятных неожиданностей. Мы надели кислородные аппараты и маски. Затем, отвернув краны на баллонах, чтобы подкрепиться кислородом, энергично нажали на висящий в

пространстве шар и за пять минут переместили его до самой решетки. Он раздвинул прутья с глухим скрежетом и медленно погрузился в зеркале. Коорец с Раниэлем бросились за ним. Я пошел последним. Наши стражники, по-видимому, заснули под дверями, поскольку никто из них не отозвался ни звуком.

20. ОБШИРНОЕ ОКО ПРОСТРАНСТВА

Крот — механизм перемещения в грунте, четвертый, и одновременно последний, экземпляр которого доставили к ремонтному шлюзу на нулевом уровне, наряду с возможностью быстрого движения в земле, в соответствии со своим первоначальным предназначением, был приспособлен и для медленного прокладывания и укрепления стен каналов в слое почвы, отделявшей убежище от поверхности земли. Хотя сам я был пилотом, натренированным на макете крота, об этой особенности механизма я узнал только от Раниэля, который — точно так же, как Вайс с Асурмаром — мог управлять кротом, поскольку и сам был его водителем.

В кабине мы обнаружили включенный свет. Информация Раниэля соответствовала действительности: готовый механизм уже располагался на пандусе. С его помощью мы могли добраться до остальных обитателей убежища (наверняка не изолированных друг от друга межсегментными переборками), чтобы с их помощью поспешить назад — спасать людей, которых здесь переваривали внутренности Механизма. Я свято верил, что

мне удастся добыть известные роботам средства для оживления тела Ины. В своих надеждах я мог рассчитывать только лишь на помощь Раниэля, поскольку Коорец беспокоился исключительно за собственную шкуру. По дороге я посвятил их в ситуацию Эльты Демион.

Как можно скорее мы расположились внутри небольшой четырехгранной пирамиды. Раниэль уселся на место водителя и схватился за рычаги. Завести машину ему удалось без каких-либо сложностей. Двигатель уже гудел басом; через боковое смотровое окошко я видел истекающие смазкой шестерни подъемника. Валки со всех сторон охватили цилиндрический корпус крота и очень гладко завели его в туннель. Для нас это был момент крайнего облегчения. Вот только чувство пробужденной уверенности в себе и радости заслонялось осознанием одиночества и тенью Ины, оставшейся где-то позади. Мыслями я возвратился к нашей первой встрече и вновь увидал себя в абсолютной темноте под лазом в кабину крота, когда, слыша за стеной голос плененной женщины, я колебался на пандусе, то ли подойти к ней, то ли, в соответствии с приказом Механизма, немедленно отправиться в неизвестное. Как бы совершенно иначе сложились наши

судьбы, как бы теперь выглядело все мое пребывание в этом мире, если бы я тогда не решился покинуть кабину. Я как раз думал о той неуловимой границе, которая разделяла в моей памяти фикцию прошлого, привитого мне Механизмом, от истории реальных событий, когда механизм по вертикальному туннелю поднимался в стартовую камеру, где, в соответствии с заверениями Раниэля, он должен был опереться на выступах амортизатора.

— Тормози! — бросил я, перебивая зловещий скрежет передач, и, оторвав глаза от смотрового окошка, разблокировал рычаги лаза.

Но едва лишь я успел сунуть голову в отверстие, когда вместо ожидаемых внутренностей шлюза увидал громадный пласт перемолотой винтом почвы, которая под давлением — словно выброшенная из катапульты лавина — сыпанула мне под ноги. Прежде чем следующая порция земли упала через лаз внутрь кабины, я захлопнул люк и тут же стал помогать Раниэлю, догадавшись, что он утратил власть над управлением.

— Они сменили систему! — крикнул тот.

Он потянул руль на себя и бешено пинал педали, но без какого-либо результата, поскольку, не подчиняющийся управлению двигатель со-

трясал всем корпусом машины и забивал наши уши высоким визгом работы на самых высоких оборотах. Все вместе явно свидетельствовало о том, во что нам всем не хотелось бы верить: крот уже погрузился в грунт и закаленными остриями ротора врезался все дальше и дальше — в глубины земли.

После первого мгновения замешательства, мы, все трое, совместно уперлись в заклинившийся рычаг. Но с места его сдвинуть не удалось. В конце концов, он переломился у самого основания, а машину остановить все равно не удалось. Еле дыша, я упал на пол рядом с багровым от усилий Коорецом; в этот ужасный миг нам нечего было сказать друг другу, потому что, хотя нам и не были известны причины аварии, каждый и сам прекрасно понимал, к чему она может привести. Мы были абсолютно беззащитны, поскольку излучатель — теперь уже оборудованный дополнительными прокладками из досок — остался в голоде статуй, под потолочным перекрытием шестой лифтовой шахты. Все здание моих надежд рассыпалось в прах.

Главный приводной вал трясся будто в лихорадке, перенося вибрации на весь корпус. Казалось, будто сотрясения и адский шум никогда

не прекратятся; в таких условиях мы не могли даже общаться, так как слова заглушало рычание ротора. Путешествие к неизвестной цели не имело конца.

Через час такой езды бледный, словно полотно, Коорец бросился с не артикулированным возгласом к люку лаза. Видимо, несмотря на все, он хотел его открыть, Пришлось оттянуть его оттуда совместными усилиями и затащить за спинку водительского сидения. Он уже бы готов царапать камень собственными искривленными пальцами, лишь бы только сбежать отсюда и избежать встречи с призраком Механизма, который наверняка занимал главное место в рубке управления звездолетом. Еще через час сотрясения прекратились: по-видимому, крот, управляемый автоматикой, уже пробился сквозь камень и теперь заполз в более мягкую породу.

Я глядел на Раниэля с немым вопросом на устах. С залитым потом лицом тот молча следил за движениями стрелок измерительных приборов. Но их показания для него явно были потрясением. Он оторвал взгляд от счетчика пройденного пути и бросил мне короткий взгляд, столь красноречивый, что, еще до того, как он сам произнес вслух: "Четыреста метров", я прочитал это в его

расширенных зрачках.

— Нет, это он на месте буксует, — слабо простонал Коорец. — А стрелки сошли с ума еще в самом начале.

— К сожалению, — обернулся к нам Раниэль. — К сожалению! А точнее, следовало бы сказать: к счастью. Они нас не обманывают!

Я подскочил как ошпаренный.

— Что вы хотите... То есть мы... Как же это? — заикался я, стискивая язык за зубами, в то время как все остальное, весь с таким трудом сконструированный мир переваливался у меня внутри с ног на голову.

Мы оба подумали об одном и том же, только никто из нас еще не смел произнести вслух подобную ересь. Коорец напряженно, с набожным остолбенением всматривался в нас.

— А сколько...? — наконец выдавил он из себя. — Какая...?

— Шестьсот! — выдал Раниэль. — И можете не волноваться. В песке скорость в три раза выше. Потерпим еще двадцать минут.

До нас всех дошло, чего следует ожидать. И действительно, когда датчик скорости оборотов ротора, установленный на самом его конце, дал знать об изменении сопротивления среды. Кри-

вая давления резко спустилась до нуля. Лопасти у выпускной дюзы крота еще продолжали перемалывать грунт, но уже под уменьшающимся давлением, зато верхние ножи завертелись с удвоенной скоростью. Нос механизма застрял в каком-то эластичном "тесте". И в этот самый момент крот, несмотря на непрерывную работу приводного вала, окончательно застыл на месте.

— Что это?

Полчаса мы вслушивались в доносящиеся сверху странные отзвуки. Мне казалось, будто ротор неустанно всасывается в какую-то пластичную мазь. Тут же он перерабатывал ее в болтушку, кружащую вокруг корпуса. За смотровым стеклом все так же царила темнота. Раниэль поглядел туда.

— Болото? Понятия не имею, где мы находимся.

Через несколько минут механизмы крота полностью успокоились. Скорее всего, закончилось топливо. Повисла глубокая тишина. И в ней я услышал шепот Кооpeца:

— Звиздец!

Раниэль пожал плечами:

— Только не будем поддаваться истерии. Так или иначе, нам нужно покинуть кабину. Ну как,

рискнем?

Я кивнул, поскольку мне было все равно.

— Жаль, что кислородные аппараты остались в шлюзе, — сказал Коорец, не отрывая взгляд от потолка.

— Что поделать, — ответил на это Раниэль. Его лицо тоже набежало кровью. — Придется обойтись без них. За ротором имеется свободное пространство. В противном случае, нас бы продолжало тянуть дальше. Через минуту я открою люк. Сделайте пару десятков глубоких вдохов и выдохов, в ускоряющемся темпе, чтобы насытить легкие кислородом. Когда же я открою лаз, и грязь пойдет вовнутрь, сделайте еще один глубокий вдох. Мы не успеем подняться на поверхность раньше, чем эта гадость заполнит большую часть кабины, поскольку давление выровняется только в этом случае.

После минуты подготовки, когда от избытка кислорода даже потемнело в глазах, я услышал предупредительный возглас:

— Внимание!

Щелкнул замок люка. И тут же на его месте появился гейзер черной грязи. Я удержал в легких последнюю порцию воздуха и погрузился в грязевую темень. Фонтан сбил меня с ног. Но я

обеими руками держался за ручку у самого люка. Как только кратковременный напор ослабел, я протиснулся наружу.

Меня окружал ледяной, размякший ил. Я застыл в нем на несколько секунд, чтобы сориентироваться в пространстве. Верх был там, где темноту оживляла робкая серость. Головой я пробил слой глины и, отбросив толстый слой ила, очутился на залитом водой дне. Как только я вытащил ноги из топкой грязи, вода начала поднимать меня наверх. Становилось все теплее и виднее. Я мчался навстречу зеркальной поверхности.

И внезапно сверху на меня навалилась ослепительная лавина света: я увидел солнце. Оно висело чуть ли не в зените: прямо посреди лазурного неба. Я медленно плыл по гладкому зеркалу озера, в котором отражались зеленые деревья — весь пруд был окружен парком. Дальше, куда не бросишь взглядом, за густыми зарослями и группами деревьев высились белые террасы, черные арки асфальтовых дорожек и разбросанные посреди других строений стройные небоскребы города с миллионом жителей. Толпы людей высыпали на улицы. Здесь царил жаркий полдень.

Неподалеку от себя на воде я заметил головы Раниэля и Кооpeца. Вместе с ними я направился

к берегу, и там вцепился зубами в прибрежную траву. И только после этого все мысли меня покинули.

Я лежал в буйной траве, неподалеку от берега, на небольшой полянке, со всех сторон окруженной парковыми зарослями. Целый час мы, словно дикари, скрывались в гуще от людских взглядов. Когда под жаркими лучами солнца наша измятая одежда высохла, мои товарищи осторожно выглянули из-за ветвей и вышли на край прогулочной тропинки. Никто не обращал на них внимания; осмелев, они отправились дальше — в город.

Перед тем они долго и оживленно беседовали; я понял лишь одно, что пронзило мое сердце: "Мы в Каула-Зуд". Похоже, что город цвел в неизменной форме все эти девять месяцев; все остальное до меня как-то не доходило. За все это время я не проронил ни слова. Коорец тоже не обращал на меня ни малейшего внимания, город он знал, поэтому отправился в свою сторону; Раниэль обещал вернуться.

Часы шли за часами. Солнце переместилось в сторону заката, но стояло еще высоко. Ветер пригнал темные тучи. Сверху полил недолгий, проливной дождь. А потом снова засияло солнце. Я не двигался с места. Скорее всего, я ни о чем не

думал, хотя мир в его реальной, стерео-видео-звуковой форме видел, слышал и ощущал впервые в жизни. Небо было чистым, голубым и глубоким до рези в глазах. Воздух вибрировал над нагретыми предметами, деревья шумели листьями, одни были дальше, другие ближе; я слышал голоса, одежда парила на мне, муравей тащил веточку; мне хотелось ощутить горький вкус листа; где-то далеко, на поднятых над улицами автострадах пищали автомобильные шины; ветер холодил мне скулы, вода морщилась, я глядел на стебли травы, но был слеп, потому что, из под всего этого, что нес издали и вблизи блеск отдаленного неба, высовывались все те же глаза, ее тело в летнем платьице и лицо, обрамленное мраком абсолютной, ртутной ночи.

А потом снова появились облака: они зависли низко и высоко, несколькими скомканными слоями. Сквозь них продирался мутный, серый свет; стены домов пригасли, контуры слились — вся округа в последний раз сделалась розовой, а потом посерела, сделавшись мрачной. Мне стало холодно, и я свернулся в клубок. Моросил дождик, поэтому я стучал зубами, пряча лицо в траве. Рядом с собой я хранил ее ледяное тело, не имея возможности или желания выпустить его

из собственных рук.

Раниэль возвратился поздно, на закате, когда еще раз распогодилось. С собой он принес небольшой чемоданчик, из которого вынул костюм. Эта одежда странное дело — призвало в моей памяти какой-то туманный образ: как будто где-то я его уже видел.

— Я был в своей холостяцкой квартире на Девятнадцатой Улице, — начал рассказывать Раниэль. — Вы только представьте: консьерж, увидав меня, ужасно перепугался. Так глядят разве что на привидение. Пришлось поклясться всем святым, что четвертого июня я не спустился в убежище, и рассказать байку о приятеле, у которого жил все это время. Только тогда он отдал мне ключ. Короче говоря, все они уверены, что убежище осталось на Земле!

Я молчал.

— Да, да! — воскликнул он, глядя на меня исподлобья, с миной понимающего все и вся человека. — Я и сам в первый момент остолбенел. Ну а теперь я буквально убью вас удивительнейшими новостями. Только сначала сбросьте с себя эти лохмотья, потому что дождя сегодня уже не будет. Я видел расписание: здесь все идет по заранее установленному плану.

Меня всего колотило. Потом я взял костюм и укрылся за кустом. Раниэль продолжал рассказывать: нескладно, то увлеченно, то, вновь, с оттенком беспокойства в голосе, одним духом:

— Так вот, чтобы не испытывать больше вашего терпения, сразу же выдам всю тайну, хотя, вообще-то, следовало бы рассказывать в той последовательности, в которой я сам знакомился с фактами, так что, сначала, о моем визите в читальный зал, где я попросил газету за четвертое июня и несколько других, потому что мне не хотелось задавать глупых вопросов встреченным людям; затем об экскурсии за город, где высится поднебесное окно, наконец, о центральном питателе, мимо которого я проехал на обратном пути. Так вот, весь громадный город был захвачен с поверхности Земли!

— Весь город, — рассеянно повторил я, продолжая переодеваться. О чем-то я еще хотел спросить... Но он был такой добрый.

Раниэль пнул меня под бок кулаком — гневно, в наибольшем возбуждении.

— Вы что, не расслышали? Так вот, повторяю, что Каула-Зуд, одним куском, вместе с убежищем, которое было выстроено на глубине в шестьсот метров, также летит в той же самой коробке

сквозь мрак галактической пустоты. А какая воронка осталась там — на такой далекой сегодня Земле, когда ночью, в момент мягкого сотрясения, ровно в три часа девятнадцать минут, как об этом пишут, мы все поднялись вверх — и они вместе с нами!

Раниэля буквально трясло. Я знал, что когда он все уже выпалит из себя, то опадет, словно та мокрая одежда, которую я только что бросил на песок. Ведь все эти несколько часов лишь одна мысль держала его на ногах: что я еще ничего не знаю, последний среди всех, что здесь жили.

В конце концов, мне было его даже жалко. Лично я страдал не по этой причине: чуждый мне город не обращался ко мне какими-либо воспоминаниями, он же, после чудесного спасения, с мыслями, переполненными радостью и жизнью, легко пошел на встречу людям и своему давнему прошлому, что прошла среди этих светлых стен, а ведь возвращался сюда разбитым, с тем же самым бременем, которое мы несли в глубинах земли в течение девяти страшных месяцев.

Мой товарищ вытащил клочок старой газеты.

— Здесь все черным по белому, — продолжил он. — Я вырвал это в читальном зале, украдкой, чтобы показать вам. "В таком масштабе, — стал

читать он вслух, — наш город, даже с толстым слоем почвы под всеми коммуникациями, это всего лишь кусочек диаметром в пару сантиметров и толщиной не более миллиметра на модели земного глобуса с диаметром почти тринадцать метров. Так что, с определенной точки зрения..." Тьфу! — сплюнул он. — Погодите, я хотел прочитать что-то другое.

Его руки дрожали, когда он крутил в пальцах клочок запечатанной текстом бумаги. Я же указал в небо.

— А это что?

Он задрал подбородок.

— Пускай вас глаза не обманывают. К сожалению — это мираж. Я прочитал большую статью на данную тему. Движущаяся стереоскопическая картинка — вот и все. Город накрыт огромным, герметически закрытым куполом, по форме близкой к полушарию диаметром в два десятка километров. Образ неба, чистого или покрытого облаками, с солнцем в ясный день и со звездами ночью на купол отбрасывает с той стороны какой-то скрытый проектор. А вот осадки самые настоящие. До четырнадцати часов погода просто чудо. А вот дожди, туманы и сквозняки под эту полусферу вдувает автомат, настроенный

на суточную программу. Никто точно не знает, каков механизм этих явлений, но все погодные изменения происходят циклично. По ним можно даже часы выставлять. Воздух здесь чист, а развитие растений, точно так же, как и в естественных земных условиях, осуществляется без помех. Люди одеваются и питаются здесь очень хорошо: каждый день, в указанное время все автомобили, обслуживавшие давние продовольственные магазины и универмаги, подъезжают к непреодолимой границе, которая гигантским кольцом окружает весь город, чтобы загрузить и развезти по местным магазинам всю товарную массу, приготовленную кем-то и необходимую для поддержания высокого уровня жизни населения крупного города. Крышки спрятанных в стене ям открываются автоматически. Из них выдвигаются управляемые на расстоянии громадные контейнеры. Предлагаемые городу грузы всегда наивысшего качества. Жители ежедневно получают прекрасные пищевые продукты, которые практически ничем не отличаются от снабжения по старому ассортименту. Мужчина, с которым я заговорил на месте, выразился об этих ямах не без горькой иронии: он назвал их кормушками. Точно так же, находимые там са-

мые различные промышленные изделия с любой точки зрения соответствуют самостоятельному производству города девятимесячной давности; они не превышают достижений цивилизации нашего времени. Авторы обширного анализа данной проблемы, который я взял с собой из библиотеки и пролистал в метро, вынесли впечатление, будто скрытые изготовители всех этих товаров не желают хвастаться перед своими пленниками какими-либо добычами высших технологий. Газовые и водопроводные трубы, кабели электрической сети и все остальные над— и подземные системы были подключены к скрытым за границами источникам энергии уже ночью четвертого июня прошлого года, следовательно, еще перед стартом. Теперь горожане имеют даже в избытке все то, что у них имелось на Земле — кроме самой свободы. Ну и кроме знания, что с ними, горожанами, случится в недалеком будущем, возможно, месяцев через десять, если от равномерно ускоренного движения мы перейдем к равномерно замедленному движению с одинаковым абсолютным значением ускорения. Я читал заметку по этой теме. Про цель никто до сих пор не догадывается, поскольку никто ничего не знает о направлении полета; можно лишь вы-

числить его дальность в том случае, если бы была известна конечная скорость на первом отрезке пути и длительность равномерного движения.

— Вы упоминали о границе города, — перебил я его. — Чем, собственно, она является, что ее образует?

— Я был рядом с нею. Граница невидима. На ощупь напоминает абсолютно прозрачное стекло. Никакое сверло до сих пор не смогло оставить на ней даже царапины. Граница, словно бритва, прорезает поля и пригородные леса. За ней можно видеть абсолютно верный, трехмерный, цветной и подвижный образ окрестностей города, которые окружали его когда-то на Земле. Группы, работающие там с самого начала, пока что до нижнего края стекла не докопались. Верхнего края просто нет, поскольку прозрачная поверхность плавно переходит в арку громадного, достигающего неба купола. Уже несколько вертолетов разбилось об эту "крышку". Но остальные продолжают исследования...

— А город уже отстроил разрушения?

Раниэль даже подскочил.

— В том-то и дело! — воскликнул он. — Чуть не забыл. Так вот — нет! Потому что никакой катастрофы и не было.

— То есть, ничего тогда и не произошло?

— Ничего, абсолютно.

— А громадный светящийся шар, который медленно падал сверху? Разве он не раздавил дома?

— Сейчас я вам все понятно изложу. Кстати, можно подкрепиться; я тут взял немного подарков наших невидимых опекунов. Денег здесь — понятное дело — нет. Да и зачем? Все эти запасы я взял с магазинной полки словно из своей кладовой. Так что голодать больше смысла нет.

Он открыл чемоданчик.

— Никакой катастрофы и не было, — повторил Раниэль. — Я и сам задал себе этот вопрос, когда брал первую газету. И в ней я обнаружил простое объяснение явления. По крайней мере, в этом вопросе с самого первого дня никаких сомнений и тайн не было. Как вам наверняка известно, огромное здание производственной компании "Пластикал-Эксперимент" располагается точно в центре города.

Тут он сам же прервался и вынул из чемоданчика кучу различных бутербродов, которые сам же начал уписывать с большим аппетитом.

— Честно говоря, я ничего не знаю ни про здание, ни про его расположение, — отозвался я, — но об этом поговорим в следующий раз.

— Так вот, в ту памятную ночь, — проглотил Раниэль кусок, — ...в без четверти три ночи, то есть, за двадцать минут до того, как раздался сигнал тревоги, дистанционно управляемая кольцевая гильотина обрезала все провода, трубы и кабели высокого напряжения вокруг всего города. По этой причине в один момент город погрузился в темноту. Но работающее круглосуточно уже упомянутое мною производство имело аварийные источники энергии. Они подключились автоматически. Но случилось так, что эту систему аварийного питания давно толком не проверяли, поэтому в подвалах произошел небольшой взрыв. Огонь перекинулся на разбросанные повсюду легковоспламеняемые материалы и начал быстро распространяться. Пожар локализовать не удалось. Уже к трем часам забитый различными горючими изделиями цех, который был окружен круглой стенкой и накрытый стеклянной крышей, раскалился будто внутренности доменной печи. Понятно, что это ни к чему бы не привело, если не считать значительного материального ущерба, поскольку все рабочие ночной смены успели смыться — если бы не следующее стечение обстоятельств.

— Купол?

— Вы угадали! Именно о нем я и буду сейчас говорить. Но, может, свежего воздуха на сегодня уже хватит? Вижу, что и у вас на щеках нездоровый румянец. Это, случаем, не простуда? Давайте уже идти. Ага, еще я посетил городские власти и ознакомил их с ситуацией обитателей убежища. Они с трудом поверили, что и убежище также находится в трюме галактического корабля и летит с ними, погребенный в земле на такой глубине. Здесь, на поверхности, ни один из кротов не появлялся, все же каналы по всей длине были замурованы еще перед сотрясением по каким-то военным поводам, что, наряду с отсутствием радиосвязи, давало здешним обитателям уверенность, будто бы убежище осталось на Земле. Бургомистр назначил совещание на десять часов завтрашнего утра. Мы тоже будем на нем присутствовать, чтобы дополнить наши сведения. Знаете, они здесь обсуждали еще одну возможность: вращательное движение вокруг оси, параллельной поверхности земли. Тогда так же — как и при равномерно переменном поступательном движении — при радиусе величиной, скажем, сто километров и круговой скорости, равной один километр в секунду, мы бы имели здесь центробежную реакцию, приближенную к

земному весу и — что за всем этим следует — точно такое же ускорение свободного падения. Но цель подобного вращения в каком-либо секторе пространства кажется глупой, не говоря уже о том, что все вертикали в городе — что выявлено со всей доступной тщательностью — абсолютно параллельны одна другой, что, опять же, такую возможность исключает автоматически. А теперь я приглашаю вас к себе на квартиру.

— Говоря по правде, мне уже осточертели всякого рода помещения. По крайней мере, на этот момент. Меня до сих пор не покидает мысль о коридорах убежища.

Раниэль печально усмехнулся.

— Понимаю и разделяю вашу нелюбовь к ним. Ага, а я как раз нашел соответствующий абзац.

Он склонил голову над газетой. Зато в моей голове зудел безнадежный вопрос: позволят ли они жителям города пробить шахту глубиной в шестьсот метров.

— Огромная шарообразная чаша, радиус кривизны которой составляет десять километров, а высота, отсчитываемая от центра города до вершины чаши, равняется половине этого расстояния, — медленно читал Раниэль, — плотно накрыла весь наш город, отрезая его от окружа-

ющего света кругом, диаметр которого у самой земли составляет семнадцать и три десятых километра. Около трех часов ночи внутренняя поверхность чаши представляла черты, свойственные шаровому вогнутому зеркалу с фокусным расстоянием равным пяти километрам. Ранее его никто не замечал. Прежде чем оно окончательно встало на своем нынешнем месте, пару десятков минут висело в темном пространстве, очень медленно спускаясь вниз, поддерживаемое неизвестными силами. Его оптический фокус через стеклянную крышу попал внутрь стен раскаленного здания производственного здания, которое находится прямо посреди города на небольшой возвышенности, после чего продвинулся несколько глубже относительно поверхности земли. Все это время в городе царил неописуемый ужас. Мы видели отраженный в зеркале и многократно увеличенный иллюзорный образ круглых внутренностей горящего здания. У тех, кто, вырванный ото сна, выглядывал из окон или же выбежал на улицу и глядел вверх, сразу же появлялось неотвратимое впечатление, будто на город сверху летит гигантский раскаленный шар. Многие приняли его за космическое тело. Его можно было видеть под углом, в двенадцать раз большим, чем с Земли

наблюдается диск Луны.

Раниэль бросил газету под ноги, распаленный, с долго сдерживаемой злостью, которая вскипела в нем совершенно неожиданно, появившись вместо ожидаемой сломленности. Наверняка ему вспомнился ужас той ночи.

— Выходит, все мы сидим под колпаком, — меланхолично заметил я.

Мне хотелось приглушить в нем болезненное осознание факта, что бегство в убежище и все пребывание в его мрачных стенах были настолько же жалким, что и совершенно напрасным поступком.

— В том-то и оно! — гневно подхватил тот тему. — Вы ухватили самую суть: не под шарообразной чашей, как ее по-ученому называет журналист, но под самым банальным колпаком! Мы торчим здесь точно какие-нибудь муравьи на испытательном столе в какой-нибудь лаборатории инстинктов — под перевернутым вверх дном стаканом, который, дистанционно управляемый и охраняемый высоко эффективными, самообучающимися и саморемонтирующимися кибернетическими системами, несет нас на отдаленный операционный стол. И тут мы видим полнейшую аналогию.

Он поднялся.

— До десяти утра — именно на это время созвано чрезвычайное собрание Городского Совета — у нас еще куча времени. Сейчас же мы можем зайти поужинать в какой-нибудь ресторанчик. Предлагаю посетить ближайший, Раниэль указал рукой цветастую неоновую вывеску возле белой стены небоскреба, который стоял на краю парка. — Когда-то я бывал в нем частенько. Сам ресторан находится на сороковом этаже, так что оттуда можно прекрасно наблюдать панораму города.

21. СВЕРХСУЩЕСТВА

Мы сидели за столиком под окном, в обширном и практически пустом в это время зале эффектно обставленного ресторана, куда привел меня Раниэль. После ужина, когда, погрузившись в собственные мысли, мы курили над чашечками кофе, глядя вдаль через панорамное окно на лабиринт реклам, мой товарищ указал мне на соседний столик, на котором лежала пачка газет и многоцветных журналов.

— А вы знаете, чем сейчас — в сложившихся обстоятельствах — занимаются некоторые из наиболее активных изданий? — спросил он.

— Ну и?

— Ровно тем же самым, чем занимались когда-то: давним как мир и чрезвычайно важным — по их мнению — брюзжанием. При этом они строят мины, будто масло вроде бы и не совсем свежее, а вот спиртные напитки, пускай даже превосходные, выдаются в недостаточном количестве, опять же, что марки и модели автомобилей изменяются слишком медленно относительно потребностей, и тому подобное... Более всего достает некоторых скучная телевизионная

программа: для них она совершенно не развлекательная. Думаю, мне не следует упоминать, кто эту программу транслирует.

— И разве никто здесь даже не пытается разрешить тайну?

— Этого я не говорил. Определенное количество одиноких людей бьется над ней днем и ночью; по крайней мере, им бы хотелось понять, нет ли уже какого-то спасения. Но, похоже, вскоре они окончательно успокоятся. Как сообщает сегодняшняя пресса, вчера вечером — во время своих исследований под куполом — они, совершенно не желая того, долгосрочный перерыв в приеме телепередач, что совершенно испортило кровь странным сторонникам программы. Так вот, в городской совет поступило несколько тысяч решительных протестов, и, похоже, грядет крупный скандал.

— Традиция — видать — сильнее времени и пространства. Но разве не является безразличие одной из форм самообороны?

— Вот только не надо их защищать! — возмутился Раниэль. — Традиция это самая нудная из всех форм выражения импотенции. Разве не говорили мы всегда с гордостью: "человек современности"? Ведь при этом мы забываем о самых элементарных знаниях, содержащихся в учебни-

ке биологии: что в настоящее время рядом друг с другом на одной Земле сосуществуют потомки практически всех видов, через которые за три миллиарда лет неутомимо прошла эволюция, начиная от коацерватов и одноклеточных, прежде чем пришла к той форме человека, которой мы теперь гордимся. Повторяю, все существуют параллельно. Так что же, современниками являются все те, кто живет именно сейчас — буквально в данный момент? Выходит, всех их, без исключения мы имеем в виду, когда гордо заявляем: "люди двадцатого века"?

— Ну, скорее всего, нет.

— И скажу вам откровенно: возможно, в этом и нет особого смысла, но сейчас — в канун смерти — мне всего лишь безгранично...

— Стыдно?

— Да! Поскольку чувствую себя глубоко униженным. Я стыжусь за них перед... теми. Ведь когда-то — на Земле — мы представляли: понимание и сосуществование. В самом худшем случае — война миров. А что мы имеем здесь? Корыто-кормушку. И хрюкающее стадо свиней-потребителей. Такая вот война миров!

— Но ведь они бессильны точно так же, как и мы.

— Да ведь здесь дело не в том, чтобы биться головой об стенку главное, сохранить хотя бы достоинство! Я читал, что уже в первый день, на рассвете, поспешно рассматривался отчаянный проект сделать пролом в куполе с помощью массированного удара термоядерными зарядами. Правда, решение так и не было принято. И здесь нельзя в чем-то обвинять власти. Никому не хотелось брать на себя ответственности за вытекающие из такого решения последствия, во-первых, потому, что все прекрасно понимали громадный технологический перевес, которым они обладают над нами, а во-вторых, по той причине, что в то же самое время стало известно о незначительном увеличении ускорения свободного падения, изменения которого нельзя было объяснить иначе, как только поступательным и равномерно ускоренным перемещением всего города. Так что бы дало, если бы люли, в самом лучшем случае, увидели сквозь дыру звезды настоящего неба? На самом же деле, всем грозила верная смерть в результате разгерметизации корпуса ракеты в условиях космического вакуума. Опять же, никто даже не представлял себе реализации столь сложного задания, которым была бы — при решительном сопротивлении автоматов

— попытка возвращения города на Землю; то есть попытка необычно мягкой посадки, без какого-либо знакомства с кибернетическими системами, с помощью которых они подняли нас в неюо. В настоящее время можно лишь догадываться, что наша движущаяся система оборудована фотонным двигателем. Наверняка его реальная форма не имеет ничего общего с нашими самыми смелыми представлениями по данной теме. Ученые в своих статьях высказываются лаконично и сухо. Могу представить пример.

И Раниэль разложил одну из своих газет.

— Как это следует из общего уравнения Циолковского, — читал он, — чтобы разогнать корабль с фотонным двигателем до известной субсветовой скорости, а затем полностью затормозить его у цели, перед полетом необходимо приготовить такую массу груза и топлива, чтобы отношение полезной массы, то есть конечной, к стартовой массе равнялось квадрату отношения единицы к двадцати одной тысяче шестистам. Нет никаких теоретических помех с точки зрения физики, которые бы делали невозможным совершение космического полета в столь гигантском масштабе; лишь только нам — людям двадцатого века — такой проект кажется фантастическим.

Я глядел вниз — в темноту, оживленную отблесками тысяч огней.

— Целых пять часов шатался я по всему городу, — вновь заговорил Раниэль, — пешком или на скоростном метро; перелопатил кучу свежих журналов и газет, заглядывал в книги, заходил в универмаги и в модные лавки, торчал перед экранами телевизоров и беседовал с людьми — все лишь затем, чтобы сориентироваться, чем они, собственно, живут в своем основном количестве, куда направляют собственные мысли. Вы видите, какие элегантные автомобили здесь ездят? Корпуса — настоящие игрушечки, в средине же комфорт, вызывающий чувство, граничащее с робостью. Так вот, мне стало известно, что каждый день куча громадных транспортных грузовиков вывозит за город на аннигиляционную свалку, наряду с другим мусором, тысячи спрессованных в небольшие кубы машин, которые были брошены перед тем в наилучшем состоянии их раскапризничавшимися хозяевами; сотни тысяч не поврежденных холодильников, столько же совершенно новеньких и эстетически выполненных телевизоров, видеофонов, видеомагнитофонов; мебель без единого пятнышка, горы элегантных костюмов и совершенно упомрачи-

тельных дамских платьев, которых однодневные их владельцы даже не успели помять, ба — хотя бы надеть на себя, но отбросили их будто порванные лохмотья, потому что у них в головах был уже совершенно иной фасон. Я отправился туда, поскольку совершенно случайно услыхал, что как раз подходит время вывоза мусора, а как всем известно, по выделениям болезнь пациента можно выявить лучше всего. Это было чудовищное зрелище. Я стоял там словно околдованный, один как палец, посреди автоматически разгружаемых контейнеров, и глядел на эти исчезающие горы, которые мне напоминали, скорее, кипы шикарных изделий, только-только сошедших с конвейера, чем презренные испражнения погрузившегося в лень города. Мне это дало гораздо больше поводов к размышлениям, чем самые ученые анализы экономических систем. Мне известно, что такое настоящий голод, но замечаю и голод иллюзорный. И тогда я узнал, в течение буквально четверти часа, что тот знаменитый минимум, о котором с надеждой мы когда-то болтали все это фикция, совершеннейшая чушь, поскольку в сфере потребления вещей ничто и никто не способен ни удовлетворить человека окончательно, ни заткнуть его бездонной пасти:

врата так называемых элементарных потребностей растягиваются до бесконечности.

— А каким образом была решена и существует ли вообще проблема справедливого распределения всей товарной массы?

— Кое-что по данному вопросу мне известно. Так вот, наряду с уже описанными благами автоматической продукции и значительного избытка дорогостоящих изделий, проблемы "элементарных потребностей, вместе со всеми (вовсе не иллюзорными) напряжениями в обществе, которые данное понятие при своих кавычках вызывают — все еще удерживаются на старом уровне. Насколько я уже успел сориентироваться, здесь царит следующий порядок: половина, а часто бывает, что и все девять десятых всего груза, получаемого через камеры снабжения, тут же кратчайшим путем идет прямо в мусоропровод, ежедневно опорожняемый нашими неутомимыми поставщиками, зато о наиболее ценный остаток здесь ведутся долгие споры, редко когда разрешаемые без скрытой или даже откровенной борьбы, отвратительные проявления которой мне встречались на каждом шагу. Так происходит лишь потому, что при хорошо известном всеобщем желании отличиться, пускай даже самым

дешевым способом, при постоянном настрое на конкурентную борьбу, которая из старых штучек, связанных с повышением размеров счета, после ликвидации денег непосредственно перенеслась на сражения за вещи, на желание владеть экземплярами товаров из, по возможности, самой малой серии — никто даже руки не желает протянуть к наиболее массовым вещам, ведь это — как тут говорится о большинстве, во всем остальном прекрасных изделий — "затертые до отвращения" дешевки. Разве нам не ведома история собственной цивилизации, и разве как гром с ясного неба поразило нас то банальное открытие, что первоэлементы наблюдаемого здесь явления или, если кто того желает, феномена родились еще в мрачной древности, и что они развивались в течение столетий технического прогресса, особенно усиливаясь в последние десятилетия? Для того ли владелец огромного счета — то есть, образец для подражания в сознании большинства — держит в шкафу сорок изысканных костюмов, чтобы надеть их на случай прохладной осени? Только ли потому миллионер за чек с множеством нолей приказывает подать себе на тарелке нафаршированных изысканными блюдами специально разводимых муравьев, и золотыми вилочками

час колупается в них к утехе развращенного общества, чтобы утолить чувство голода? Давайте не скрывать хотя бы сейчас: ведь подобного рода люди всегда были нашими идеалами. Мы обожали их за то, что всегда они подавляли нас покупательной способностью денег и распаляли наши амбиции. А разве не известно вам с самого нежного возраста, что граница между реальным и изысканным голодом (для выхода избытка энергии) всегда поднимается вместе с ростом материального достатка с точно той же скоростью, что и благосостояние?

— Ну, это, по крайней мере, тайной не является.

— Таким образом, мы имеем старый как сам свет конфликт, ибо, хотя постоянно увеличиваются сами потенциалы, разница между ними — напряжение, к измерению которого всегда сводится любой акт наблюдения, совершенно не изменяется, и вместо того, чтобы пасть лицом в прах перед алтарем системы загнивающих ценностей, вы бы совершенно понапрасну объясняли бы кому-нибудь, что его просто не существует, поскольку в условиях абсолютного насыщения "элементарных потребностей" она вообще не должна была бы появиться. Всякий конфликт,

независимо от вызывающих его причин — сам по себе — всегда является истинным, точно так же, как истинными являются боль и отчаяние безумца, хотя сама причина и кажется нам абсурдной. Когда один полюс прибора оставим на далекой Земле, в ситуации отличающейся лишь количественно, второй же воткнем в это странное гнездо, стрелка, указывающая разницу потенциалов, отклонится очень сильно. И мы не будем в состоянии понять мотивы разыгрывающегося здесь сумасшествия. Но если мы только станем между ними, плечом к плечу, что бы в соответствии с их идеалами человечности жить в течение нескольких месяцев среди тех же проблем — постепенно громадное напряжение, сегодня еще вызывающее головокружение, спадет, зато оставшаяся разница потенциалов наверняка подтолкнет нас в сторону будничной и горячечной драчки вокруг потребности подъема индивидуального "благосостояния", то есть, на ту же самую гоночную линию — в объятия того же самого культа.

— Похоже, что благодаря вашему путешествию по городу, у меня уже сложился тщательный образ формирующейся тут ситуации.

— Ой, нам еще долго придется прослеживать

за ее смешными и трагическими подробностями! Я уже упоминал о "наиболее ценном остатке", который в этом невозможном к воображению котле ежедневных приливов и отливов, после отбрасывании якобы ничего не стоящих пузырей, остается для "справедливого раздела" среди "наиболее нуждающихся". Кстати — признайтесь, что это неизбежно — кто-то должен заняться выгрузкой товаров из камер снабжения и их доставкой в местные универмаги, равно как и их разделением по видам — в противном случае, толкучка образовалась бы у самого источника, и большая часть хрупкого товара была бы там раздавлена. (Внимание: я все время говорю о людях с нашей ментальностью). Таким образом автоматически возникает потребность в создании группы по поддержанию порядка, а после нее — и административного аппарата, который — пускай здесь он называется совершенно иначе — по сути своей является давно известной формой власти. Но ведь благорасположение властей можно завоевывать, точно так же, как можно сделать все, чтобы ее сладкие привилегии просыпались аккурат в наши жадно подставленные руки. Вас заинтересовала проблема справедливого распределения. Но сначала необходимо знать, что элементарной

потребностью для здешнего мужчины (уже без каких-либо кавычек, поскольку наши потребители подобного рода шуток понимать не желают) — является жгучая необходимость получить автомобиль с несколько иной, чем у его соседей, формой, особенно удачную кинокамеру или телевизор с наиболее модным на этой неделе корпусом, а для женщины...

Тут Раниэль умолк и широко разложил руки.

— ...тут я просто замолкаю, — продолжил он после длительного молчания, — поскольку уже вижу, как лавина самых скрытых желаний катится через распаленные умы, и мне никак бы не хотелось замыкать вашего воображения: через сколько же отделов, лавок, салонов и магазинов способна пробежать даже самая слабая женщина, и сколько тысяч пар туфель смерит она критичным и оценивающим взглядом, прежде чем выберет ту одну, самую подходящую и желанную, чтобы у ее менее выносливой подружки глаза вылезли наверх? Старые как сам свет требования моды определяют направление неустанной гонки, а она здесь изменяется всякую неделю — в противном случае, и не была бы модой. Новинки время от времени появляются "в недостаточном количестве", и, естественно, не может быть

и речи о том, чтобы все смогли овладеть ими одновременно. Поэтому в ход идут специальные хитрости, тончайшие разработки, связи, протекции и знакомства в заведениях служб поддержания порядка, но гораздо чаще — самые банальные, хотя и подкрепленные интеллигенцией и знаниями, локти и пинки; самые разнообразные фокусы, обмены, ходы и соревнования на скорость и выдержку. Но что представляет собой ценность вещи? Попробую дать краткое определение: это то, о чем вообще невозможно говорить, если эту вещь вырвать из ее окружения и отбросить далеко-далеко — в пустоту. Наши стражи и опекуны превосходно знают людскую психологию. В снабжающих автоматах поэтому, наряду с крупными сериями систематически презираемых здесь товаров, появляются серии очень малые, иногда даже уникальные экземпляры. Вот они-то и являются самыми желанными и аппетитными кусочками. А почему происходит именно так, угадаете? Зачем они закидывают среди нас яблоки раздора? Да исключительно ради движения и регулярного обмена материи! Исключительно ради того, чтобы поддержать вывезенный с Земли потребительский бум, чтобы создать наиболее рациональные условия

откорма третьей генерации и постоянного потребительского оборота, без которого мы никак не смогли бы жить. Ведь если бы все, исключительно из необходимости, ели и одевались по единому образцу, если бы все в одинаково обставленных жилищах накопили бы совершенно идентичные промышленные изделия, очень быстро выступила бы потребительская апатия, появилась бы гнусная сонливость, скука процесса переваривания и болезненная стагнация, ба! возможно, мысли о самоубийстве, а с этим всем: адское видение полнейшей бездеятельности; а потом уже из-за благопристойного фасада великолепного образа гордых повелителей Земли проявилась бы горькая действительность: отсутствие цели и смысла существования. Ну покажите мне на Земле такого умного хозяина, который бы во время долгой дороги на бойню станет морить голодом и неудобствами загруженное на телегу и прилично уже подкормленное стадо, вместо того, чтобы нежно заботиться о нем до самого убоя! Разве наши животные, которых мы откармливаем, не отпихивают одно другого и не собираются кучами вокруг корыт с глубочайшей уверенностью, что смысл именно в этом, что именно это и есть проявление наивысшего разума, в то время как

одни лишь фермеры знают, каким будет финал этой хитроумно проведенной операции?

— А не видите ли вы будущего в слишком мрачных тонах?

— Вы что же, не подозреваете, что грядет? Понятное дело, наши тела им не нужны. Где там! Наши или любые иные биологические организмы при их уровне цивилизации вообще не входят в расчет. Там наверняка уже существует четвертая потребительская генерация, если по упрощенной схеме за первую принять растения, животных — за вторую, за третью — все то в людях, что отличает их от животных, то есть, в первую очередь, проявление культа технологических изделий. Ведь собака, наблюдающая за человеком, который накапливает пачки банкнот, продолжает отделывать давным-давно уже комфортное жилище, делает все возможное, чтобы достать более шикарный автомобиль, или же отрывает от себя кусок, чтобы купить себе телевизор — никогда не признает его превосходства, глядя на проявления глупых — как ей кажется — действий; зато она расчувствуется и увидит Бога в лице человека, если только тот, каким-то чудом — в городе, казалось бы, пустыне, где нет ни крошки мяса откуда-то достанет и принесет

ей кусок колбасы.

— То есть, с какого уровня мы бы не глядели, вокруг себя мы ни за что не увидим больше, чем находится в нас самих.

— С таким взглядом я согласен. Пример с человеком и собакой позволяет нам вникнуть в суть границы, разделяющей две соседствующие генерации. Вот только, какие у нас имеются основания, чтобы со всей уверенностью заявлять, будто это уже последняя пропасть — как будто в бесконечном космосе уже нет последующих ступеней бытия? Растянутая во времени и пространстве Вселенная за эти миллиарды лет существования возвышала и до сих пор возвышает на вершины материальных возможностей, так же, видимо, бесконечных, множество различных цивилизаций, из которых, наверняка, многие намного превысили наш нынешний уровень. Так что они могут лишь насмеяться над нашим решительным НЕТ!, за которым мы скрываем исключительно незнание и ограниченность воображения. Упоминая подобный трюизм, стоит все же спросить, а что означает очень сильно опередить кого-либо. Я этого не знаю и подозреваю, что вы тоже об этом не догадываетесь. Так и мы вначале видели зеленых человечков на трех

ногах, с одним-единственным глазиком посреди лба или же с целой дюжиной по всей башке, которые к тому же бегло болтали по-английски. После этого пришли более смелые фантазии: мы пугали друг друга различными чудищами или, наоборот, ангелами, Величие и Добро которых с некритичным знаком равенства посредине должны были распалить в нас веру в космический триумф справедливости, и которые, якобы, превышали нас в любом плане, вот только мы были не в состоянии этого перевеса толком описать. И хотя во всех этих, вроде бы, чудовищных образах, которые мы призывали с немалым трудом, постоянно менялись размеры туловищ, их окраска и формы, хотя росло количество хоботов, щупальцев и ложноножек, либо наоборот: уменьшалось до нуля — постоянно представляя самые разнообразные тамошние общества, экономические и защитные системы, научные достижения, религии, обычаи и культуры, и все время, имея в виду более высокую цивилизацию — мы описывали нашу собственную; разве что только в ее более извращенных формах.

— Но ведь сейчас, по-видимому, нам грозит и сейчас, ибо — поставленные перед фактами — мы все так же страдаем от недостатка воображения.

— Все же, давайте попытаемся собрать все эти факты: мы принимали во внимание их безразличие либо полное согласие и мирное сотрудничество с ними, а также возможность вторжения и нашего полного уничтожения. Если отбросить очередной трюизм, что установить контакт и сотрудничать возможно исключительно с существом, стоящим на том же самом уровне, при чем, тысяча лет развития самой только технологии не вносит реального качественного различия — теперь следует принять во внимание столь же неновое обстоятельство: что сражаться можно исключительно с существом, которое руководствуется идентичными мотивами, поскольку конфликт появляется только там, где стороны сталкивает одну с другой точно такой же двигатель.

— То есть, наша нынешняя трагедия состоит, к сожалению, в том, что мы для них никакими партнерами не являемся.

— Подозреваю, что именно так оно и есть. Попробуйте-ка со всей серьезностью признать, а какая из упомянутых возможностей выступает в нашем случае? Поглядите на нас, обитателей города, того города, который, без какой-либо разницы для сути дела, мог бы с успехом оставаться

на Земле, в связи с чем отпал бы аргумент об отсутствии свободы; а после поглядите на всех нас, которых избаловывают здесь в соответствии с нашими самыми скрытыми мечтаниями, и на них — скрытых где-то в глубинах галактики, которые дистанционно, с помощью своих послушных и точных автоматов, угождают нам в рамках достижений нашей собственной технологии, мгновенно исполняя все наши капризы. Давайте посмотрим! Примеряем по очереди: сначала, так ли выглядит мирное и творческое сотрудничество между двумя цивилизациями? Отвечаю вопросом на вопрос: выходит, что и наши любимые кошечки с собачками, которые делают нашу жизнь милее в наших жилищах, равно как и животные из зоологических садов, тоже сотрудничают с нами в вопросе овладения материи? Далее — тот ли это космический контакт, о котором мы мечтали, настраивая свои радиотелескопы и вслушиваясь в шумы космоса? Вновь отвечаю вопросом на вопрос: а мы сами в течение тысяч лет различными методами, а в последнее время с помощью радио. Устанавливали ли тот знаменитый контакт с рассеянными по нашей планете муравейниками; в частности же, направляем ли мы их обитателям всякого рода

информацию о наиболее грандиозных наших достижениях в области науки и культуры, чтобы несколько отставшие от нас в развитии букашки также смогли бы черпать пользу из наших технологий? Не буду уже вас смешить, поскольку вопрос: "Является ли то, что имеется здесь и сейчас, потрясающим образом убийственных состязаний в ведущейся ни на жизнь, а на смерть войне миров?" оставлю без ответа.

— Итак, вы свели к абсурду все иные возможности, кроме одной. И эта возможность сама навязывается нам.

— Кроме одной, которую мы когда-то не принимали во внимание в ее наиболее существенном аспекте. И что более всего горько — это изумительно полная аналогия. Ручаюсь вам, что здесь — в преобладающем числе осчастливленных — еще живут люди, для которых вся ситуация является омерзительной. Но дикий зверь, замкнутый в клетке, тоже не сразу начинает есть. Он тоже какое-то время продолжает оставаться недоверчивым, обеспокоенным, либо замкнутым в себе и апатичным. Но пройдут годы: в конце концов, мы доберемся до цели. В новом мире вырастут наши дети. В свою очередь, вырастут дети тех детей. Вот они уже без каких-либо внут-

ренних предубеждений будут есть у своих господ с рук, хотя никогда, по-видимому, даже и не увидят их своими глазами. И станут издеваться над отсталостью собственных дедов, как мы на Земле высмеиваем тех, которые не восхищаются достижениями нашей технологии. Именно в этом я и вижу трагедию нашей цивилизации.

— Один раз вы уже сказали, что им не нужны наши тела. Интересно, имеем ли мы в виду одно и то же?

— По многим причинам было бы нонсенсом подозревать их в банальном людоедстве. В убежище у нас была неприятная возможность ознакомиться с их гигантскими репродукционными способностями. Раз у себя на месте они могли без труда синтезировать наши тела из неорганических соединений, тогда зачем было им трудиться, доставляя их из такой дали. Подозреваю, что наш сегмент был захвачен подставленными на наши места двойниками, которые бессознательно являются преданными их над-наивысшему делу прежде всего затем, чтобы в первой фазе расселения у кормушек нового мира, благодаря активной помощи этих раз и навсегда уже запрограммированных роботов, смягчать и ликвидировать наше возможное сопротивление. Это как раз они,

тщательно перемешанные с толпой настоящих людей, наверняка сумеют успокоить разгоряченных и убедить недоверчивых, что все происходит в соответствии с наивысшей очевидностью. Но, повторюсь, наши биологические организмы никак в расчет не входят. Это чудища не того сорта, какими мы ради забавы пугаем своих детей. Наверняка они перевозят на свой потребительский стол упакованные в тела и откормленные соответствующим культом — наши сознания.

— Сознания! То есть, души? Но разве нет здесь аналогий с преисподней и вечными карами? — с сомнением перебил я Раниэля.

— Шутка вам не удалась. Разве курицу кладут в кастрюлю затем, чтобы ее за что-то наказать?

— Ну, вообще-то я думал о чем-то ином.

— О чем же?

— Я представлял, будто они руководствуются той же самой жаждой знаний, которая и нам приказывает углублять тайны природы, следовательно, среди всего прочего, анализировать строение всех схваченных созданий. Мне казалось, что — уже после тщательного ознакомления с нашими телами — они хотят на месте подключиться к нашим мозгам, чтобы из всесторонне испытать и описать; одним словом, исследо-

вать, ибо, скорее всего, не все еще для них ясно в нашей психической конструкции. Меня же мучил только один вопрос: что сами люди делают с остатками собственных "лабораторных кроликов", когда уже полностью насыщают свою потребность в понимании. Разве отвозят их назад в лес?

— Вы хотите успокоить меня — что не из желания удовлетворить органический голод, но чтобы насытить голод знаний? Но почему же это всегда происходит за счет другого живого существа? Ведь любой ученый, не только физиолог, но и физик, и психолог, прекрасно знает, что, чем более деликатным является описываемая система, чем глубже мы желаем проникнуть в ее суть, тем большие опустошения вызывает в ней сам акт исследования. Подвергаемый наблюдению человек всегда ведет себя иначе, чем в том случае, если бы ему было известно, что за ним не следят чьи-либо глаза, не говоря уже о том, когда в ход идут измерительные инструменты и скальпели. Таковы уж законы природы, что любой предмет полностью мы можем познать лишь путем полнейшего уничтожения его первоначальной формы и состояния, что, впрочем — кстати ставит под вопросом усилия наиболее

амбициозных экспериментаторов. Неужто гораздо приятнее было бы быть четвертованным и перемолотым в фарш шестеренками сложнейшего анализатора (когда перемалываемым содержимым становится физическое тело или содержимое мозга: память, мысли, желания и страхи — а все вместе: осознание своего существования), чем быть "исследованным" банальной мясорубкой? Это всего лишь смена терминологии! Чтобы успокоить свою совесть, человек и не такие штучки выдумывает. Конвульсии кишок в процессе переваривания тоже с полным успехом можно назвать более торжественно, к примеру, колебаниями цепей анализатора.

— Сейчас я уже могу признать, что для нас нет особой разницы перевозят ли они нас на свой лабораторный стол или же на кухонный.

— А вы что же, представляете, будто они забрали нас с Земли в такую даль лишь затем, чтобы похвастаться перед нами громадьем своих технических возможностей, либо же, чтобы у цели предоставить нам невысказанные наслаждения, нечто вроде седьмого неба, которое мы сами придумали для подкрепления своих сердец?

— Ну, уж не настолько я наивен.

— Я остаюсь при своем потребительском пред-

ставлении в его чистой форме, то есть, не желаю все замутить рассиропливанием типа: "Нами жертвуют во имя Науки". Ведь, если мы осознаем, что мы сами вначале приносим в жертву собственных животных, а потом они нас вместе с полученным знанием, а их, в свою очередь, приносит в жертву некто высший, то здесь трудно не поддаться впечатлению, что, наряду с прекрасно известной пищевой цепочкой, существует и другая цепочка, такая же длинная и, возможно, более славная чем первая. Но наверняка ли от этого она становится менее жестокой?

— Действительно, — согласился с ним я. — Кроме того можно представить, что к правилам развития всякого рода существ во Вселенной принадлежит навязанная правами длительной эволюции — редукция, постепенная деградация физиологических функций организмов в пользу гигантского возрастания из высших — психических — функций. Но и эти последние тоже — ради поддержания внутренних процессов — должны откуда-то черпать энергию, так что процессы снабжения в связи с этим вовсе не перестают существовать только лишь потому, что данная цивилизация по истечению множества миллионов лет наконец-то поднимается на одну

ступеньку выше. Люди не подключаются напрямую к своим мощным электростанциям с целью ежедневного пополнения недостатка энергии, хотя ими располагаем уже давно, потребность же в мощностях, необходимых для поддержания процессов обмена материи всего человечества, просто микроскопичны по сравнению с мощностями, предлагаемыми уже имеющимися у нас электростанциями. Их этого мы видим, что пищевые проблемы — в качестве общего правила развития — могут быть универсальными.

— Итак, мы идем по двум колеям одного и того же пути. Кто знает, нет ли в этом глубинной аналогии: они, при всей своей невообразимой технологической мощи, будут паразитировать на разложении наших хорошо откормленных сознаний, по тем же самым (видимо, неизбежным) причинам, которые нас — при импонирующем, казалось бы, развитии техники — заставляют все так же питаться организмами наших растений и животных.

— Вы сказали: растения и животные. А ведь с них следовало бы начать. У нас лишь растения — самое низшее звено в пищевой цепи (именно, что самое низшее) — могут строить свои тела из неорганических соединений. Второе звено

— животные; они уже не способны подражать первому, поэтому они питаются телами растений. Но кто (или это, может, Дарвин) сказал, будто это недостаток или только чистая случайность, вместо того, чтобы заметить в этом обстоятельстве натуральную закономерность и синоним несомненного превосходства? Теперь-то я уже полностью понимаю, какие гигантские ошибки совершали мы когда-то, размышляя над формами Сверхсуществ! Вот послушайте: если бы какое-нибудь растение, скажем, пшеница, могло вести подобного рода размышления, то, призывая образ собственного Сверхсущества, оно, естественно, не сказало, будто им является осот, ведь именно это растение заглушало пшеницу с беспамятных времен и было для нее обычным в своей ежедневной жестокости; опять же, осот никак не показался бы пшенице значительно выше организованным. Стебель пшеницы с колосом на вершине своего тела не был бы способен пересечь качественную границу, очерченную вокруг первой генерации. Нет, он бы всего лишь усиливал свои количественные характеристики, раздувая хрупкую формочку до громадных размеров. То есть, стебелек описал бы растение толстое и высокое, с мощными корнями... Короче говоря, пшеничный

стебелек выдумал бы Дерево. Но вот КУРИЦУ, прохаживающуюся между колосьями и пожирающую тела будущих детей пшеницы, он вообще бы не заметил, поскольку все животные — что весьма характерно — для растений невидимы.

— И вот мы имеем первую ступень космического непонимания, — резюмировал Раниэль.

— В свою очередь, — продолжил я, — та же самая курица, поставленная перед аналогичной теоретической проблемой, понятно, не указала бы на пса со своего подворья, как на существо принципиально высшее, поскольку он ее ежедневно гонял и был в ее жизни явлением банальным, хотя и докучливым. Более того, пес не обладал никакими чертами, которые бы курица причислила к совершенным. Если бы у нее спросили, какой кандидат, по ее мнению, был бы совершенно необычайным, она наверняка бы выдумала летающее животное величиной со слона, с могучими когтями и, естественно, с сотней острых клювов. В особенности, эта сила когтистых лап и множественность клювов импонировали бы курице в наивысшей степени, ведь это какой же шмат земли можно разгрести за один раз с помощью подобного фантастического органа для разгребания и сколько червячков

и зерен можно схватить за раз сотней клювов! ЧЕЛОВЕКА же, который как раз поедал бы рядом ее собственные яйца, она вообще не заметила бы в той его существеннейшей части, в какой он и вправду был бы человеком, а не животным, то есть в той, благодаря которой принадлежал уже к третьей генерации, ибо все люди в проявлениях своей психической деятельности, если упомянуть только лишь об обычаях, науке и культуре опять же, весьма знаменательно — для животных просто невидимы. Одним словом, курица — видя животное тело — не заметила бы РАЗУМА.

— Вы нашли очень хороший пример. Он представляет генезис ошибки и очертания обстоятельств, которые по прямой линии ведут ко второй ступени космического непонимания. И в ваших размышлениях особенно стоит подчеркнуть, что существа с данной ступени развития абсолютно не способны увидеть существо, хотя бы на одну ступень их превышающее, хотя — говоря объективно не подлежит никаким сомнениям, что эти высшие существа точно так же материальны. Но почему так происходит? Действительно, неужто не по той ли простой причине, что в первом описанном случае не хватает глаз, а во втором — достаточно развитого мозга,

который бы вынес бремя абстрактного мышления! Не потому ли данное существо не видит своего Сверхсущества, что у него нет соответствующего органа наблюдения? Когда-то человек называл духом все то, до чего не мог дотронуться собственным пальцем. Но времена изменились. Теперь мы говорим о реальном существовании сотен тысяч вещей, которых мы не в состоянии исследовать каким-либо из наших органов чувств в непосредственном акте наблюдения. И это верная, материалистическая точка зрения. Ведь упираться, будто "существовать — это быть наблюдаемым", иначе, считать, будто бы реальным является все то, что сам видишь так называемыми собственными глазами, это означает провозглашать субъективный идеализм в издании Беркли. Курица из вашего примера в непосредственном акте наблюдения не в состоянии увидеть человеческого существа. Чаще всего она видит лишь движущуюся фигуру, тело. В лучшем случае она видит в ней второе животное. Прибавим — не без снисходительности — что такое животное для нее является, скорее, "телятиной", чем убийцей и укротителем. Даже упомянутый один раз пес в ее представлении стоит значительно выше в иерархии живых существ, и это по причине его

клыков и когтей, не говоря уже про чудовищный голос, от которого становятся дыбом все перья. Но не будем очаровываться нашептываниями собственной гордыни: человек для курицы — это исключительно явление природы. Одно среди множества; иногда грозное, но, как правило, весьма симпатичное. Это явление — в качестве части мира курицы, интегрально связанной с другими частями — появляется два раза в день на площадке между сараем и амбаром, и тогда на землю падает вкусное зерно. В другую пору дня появляется явление менее приятное: рука с палкой. И тогда сразу ясно, что следует быстро бежать в курятник, поскольку это повторялось уже много раз. Курица-ученый тоже могла бы иметь собственную теорию относительно объективной реальности. Наверняка она бы признала, что имеются куры глупые, которые законов природы не знают, и как раз они получают палкой по башке и ходят с пустыми желудками, но существуют и разумные куры — образованные, которые, благодаря приобретенному знанию о мире, прекрасно ориентируются, что данные причины неизбежно ведут к определенным результатам, что позволяет им противостоять неизбежным требованиям природы. Вывод: следует хорошо

знать явления природы, чтобы ними управлять. Такая курица наверняка бы признала себя повелителем во всем мире, в котором бы человек для нее значил более или менее столько же, как, один раз противное ее желаниям, а в другой раз — сопутствующее... проявление великого закона всемирного тяготения. И ничто бы не помутило ее глубочайшей убежденности, что именно она стоит на вершине лестницы живых организмов, параллельно с иными животными. Мне плакать от смеха хочется, как только подумаю, что мы как раз такими курицами и являемся. На самом же деле, это не сама курица выращивает пшеницу, хотя она с охотой поедает ее зерна но человек; но из этого следует лишь то, что сознательное и рациональное разведение начинается только на уровне человека. Вот только кто мне может представить абсолютное доказательство того, что на этой же ступени оно и заканчивается?

— Тогда давайте займемся теперь самим человеком, который ест куриные яйца, — подхватил я прерванную нить рассуждений. — Его мы не спросим, как он сам представляет Существ, которые в течение какой-то "частички" вечности, скажем, в течение десяти миллиардов лет (хотя столько и не нужно), известные и неизвестные

законы Вселенной возвели на пути эволюции (вдоль экспоненциальной кривой) на невообразимый (исключительно для нас!) уровень, что в истории космоса наверняка случалось много и много раз. Нам не нужно задавать ему никаких не имеющих ответов вопросов, поскольку на интересующую нас тему на Земле уже существует богатейшая литература. Но и она, в свою очередь, никак не может нам помочь, поскольку — на основании примеров с растением и животным — следует ожидать, что, вместо взглядов ввысь, то есть, над самим собой, мы там найдем упрямые взгляды в стороны: описания организмов якобы высших, а на основании принятого уже в самом начале критерия познания — самим себе и нам параллельных, но иных, точно так, как рыба ни в чем не походит на лошадь, одним словом, животных одной и той же генерации. Человек, ослепленный ничем не обоснованным мнением, будто бы он сам, в собственном лице, был центром всей Вселенной, когда у него спросишь о принципиально высшей цивилизации, тут же надувается, словно воздушный шар: он увеличивает толщину собственного стебля (технику), его высоту и распространенность ветвей (науку), тут же он растягивает протяженность и увеличивает

густоту своих корней (культуру) — точно так же, как это было в случае жалкой пшеницы; либо же укрепляет силу собственных когтей (военные возможности) и множит количество своих клювов (потребительские товары) — что делала столь же несчастная курица.

Я замолчал. Раниэль глядел на меня так, будто бы я все время читал вслух все его мысли. В этом не было ничего особенного, что в идентичной ситуации, с грузом прекрасно известных фактов, мы совместно приходили к одному и тому же выводу. Как раз несоответствие взглядов было бы здесь чем-то удивительным. Поэтому я продолжил:

— Но вот все ли законы природы, а в их числе и самые общие — законы развития, являются универсальными только лишь в соотнесении к одному уровню и только лишь к одной планетке, нашей, вокруг которой, в соответствии с нашим переполненным гордыней убеждением, обязаны вращаться все метагалактики?

— Ну, именно!

— Но ведь, раз человек не является во Вселенной чем-то абсолютно исключительным (равно как существующий вне всяких законов природы, совершенный сам в себе, Всемогущий Бог теологов — первопричина и окончательная цель), раз,

повторюсь, человек не является в Космосе чем-то совершенно исключительным — торжественные заверения о чем мы находим в каждой ученой книге Материализма — тогда, в соответствии с самыми элементарными законами логики, мы обязаны — естественно — прийти к выводу, будто кто-то (?) его (человека) в долгой последовательности неравных одно другому существований, с какой-то (?) реальной (но не пшеничной или куриной) точки зрения превышает. К этому же прибавим, что — при отсутствии верхнего предела данной последовательности, которая никак не может быть конечной в многомерной Вселенной — кто-то его превышает в значительной мере.

— И к такому очевидному выводу, — подхватил нить размышлений Раниэль, мы должны прийти независимо от того, хватает ли нам воображения для описания такой высшей цивилизации, или у нас оно попросту отсутствует. Ведь мы же никогда не сомневаемся в том, что существует наша собственная цивилизация, хотя сложный ее образ не помещается ни в колосе пшеницы, ни в мозжечке у курицы.

— Только из всего этого никак не следует, — перехватил я эстафетную палочку, — что та, высшая цивилизация уже стоит на самой вер-

шине космических возможностей, что она уже достигла какого-то окончательного предела в развитии. Наоборот: в соответствии с основной идеей наших размышлений — как мне кажется — никакую генерацию (и это название мы приняли здесь ради удобства классификации, в качестве более широкой, чем цивилизация, категории) в объективном смысле нельзя признать исключительной. Каждую из этих генераций это свойство определяет, прежде всего, тем, что она выступает сразу же после предыдущей и перед последующей — после определенного изменения бытия. Та, о которой мы говорили до сих пор, точно так же, как и всякая иная, является только обычным, по причине своей очередности, звеном в бесконечной и последовательной цепи. Ряд этот исходит из любой формы материи и, растягиваясь вдоль, вширь и вглубь многочисленных ее форм, охватывает поочередно все, что только существует во Вселенной, чтобы замкнуться, в конце концов, в той же самой форме материи, от которой мы бы желали начать наш долгий осмотр. То есть, это круг без начала и конца.

— Но когда мы уже дошли до несомненного вывода, что кто-то человека значительно превышает в развитии всяческих видов бытия,

— вмешался в первоначальную тему Раниэль, — то теперь мы, в свою очередь, признать, что этот кто-то — во всяком случае, с точки зрения мотивов собственного действия — относится к нам точно так же, как животные относятся к растениям, а затем, как мы сами относимся к нашим животным.

— Ведь если бы он не руководствовался — на практике, а не в теории! прежде всего рациональными предпосылками (независимо от количества обманных смягчений, которые он выдумывает, чтобы подсластить ситуацию), — вновь заговорил я, чтобы дополнить эту мысль, — то есть, если бы им руководило исключительно некоторое противное указаниям природы и ее необходимости милостивое и великодушное добро в космическом издании, то он был бы самодостаточным существом, чем-то во Вселенной совершенно исключительным, то есть, ничем иным, как именно Господом Богом, наличие которого мы уже исключили раз и навсегда.

— Растение строит собственный организм из неорганических соединений (если оно способно питаться самостоятельно), а тело человека (животное) питается им, растением, для поддержания своих физиологических функций. Если затем мы

скажем, что разум такого человека "паразитирует" на его теле, подобная мысль покажется нам противоестественной, даже смешной. Но если мы выразимся иначе: что высшие функции мозга черпают энергию от низших, физиологических процессов тела, тогда мы ни в чем не разойдемся ни со здравым рассудком, ни с самой истиной. В свою очередь, мы можем спросить, каким образом Сверхсущества "возделывают" наши умы, чтобы черпать от них какие-то нужные для себя "потребительские" ценности.

— Мне кажется, что ответ на этот вопрос прозвучал уже в самом начале нашей беседы, — заметил я.

— Да, это я его дал. Но тогда он прозвучал довольно-таки абсурдно. Ну а теперь — после выяснения многих важных моментов — кажется ли он менее правдоподобным?

— Здесь, в похищенном с поверхности земли городе, где человек пользуется материальными ресурсами в их готовой форме, атмосфера "разведения" не будит во мне никаких сомнений. Но, вот можно ли было бы данную мысль обобщить, в частности же, можно ли ее некритично перенести на деятельность человека на Земле — вот тут уже подобной уверенности нет.

— Давайте поглядим, когда все суммируем. Мы поочередно показали: сначала, что присутствие Сверхсуществ является несомненным фактом, и далее, что они подчиняются точно тем же законам природы, которым обязаны подчиняться и мы сами, лишь с той существенной разницей, что они знают эти законы гораздо лучше нас, благодаря чему, гораздо лучше ими управляют. Затем мы доказали, что для нас Сверхсущества должны быть невидимыми, хотя их этого совсем не следует какой-либо банальный вывод, будто они являются духами. Для поддержания этой последней точки зрения нас заставляют не только размышления, проводимые над слепотой пшеницы и курицы, которые просто не в состоянии увидеть деятельность человеческого разума, хотя сами мы в ней не сомневаемся, но и масса других фактов. Ведь человек со всей серьезностью размышляет над сущностью пространства-времени, гравитационного поля, элементарных частиц и над строением той части Вселенной, до которой еще не достали наши телескопы, хотя сам человек собственными глазами объектов своих исследований еще не видел и никогда не сможет коснуться их своим указательным пальцем. Также мы убедились, что, наверняка, отношение

Сверхсуществ к людям — по естественной необходимости — должно иметь тот же характер, что и наше отношение к растениям и животным, то есть — что между ними и нами имеются какие-то отношения, связанные с потреблением. Все это мы показали по делу и — как считаю — достаточно ясно. Открытой остается лишь проблема, выраженная раздражающим вопросом: "Каким образом и чем они обрабатывают наши умы?" Давайте поразмышляем над тем, как это выглядит на низших ступенях кормовой цепи. Могли бы ли пшеница с курицей познать хотя бы часть правды, если бы могли и пожелали подумать над аналогичным, только относительно них, вопросом?

Они должны были бы заметить лишь то, что более всего занимает их в жизни. Если бы пшеница заметила, что наибольшее удовольствие ей доставляет черпать соки из постоянно удобряемой человеком почвы, и если бы курица отметила, что от рассвета до заката бегает за зерном, рассыпаемым человеком, тогда они — в своем диапазоне, естественно — знали бы, по крайней мере, одно: что является подсовываемым им кормом. А потом им бы встретилось более сложное задание: у них бы появился вопрос, а кто этот корм им

подсовывает и с какой целью?

— По крайней мере, первая часть задания не кажется мне слишком сложной ни относительно пшеницы, ни относительно курицы...

— ...ни относительно человеческого разума, — закончил я. — Разве не так?

— Так. Ведь достаточно осмотреться по сторонам, а также заглянуть вглубь собственного сердца, чтобы заметить, за чем люди с нашей ментальностью, которых здесь, в городе, мы видим уже совершенно голенькими, гоняются более всего.

— Здесь — под колпаком — у нас имеется исключительная ситуация: откорм просто явный. Но вот на Земле, где люди сами творят собственную технологию, дело выглядит иначе.

— Я так не считаю. Как раз из этого догмата и вытекает у нас явная неосознанность откормки. Догмат о якобы самостоятельной деятельности человека берется оттуда, что мы как раз и не видим того неизменного явления, на которое неустанно глядим с первой до последней секунды своей жизни. Здесь, в условиях закрытого в клетке дикого зверя, который только лишь после именно такого потрясения чувствует себя паршиво, но при откорме из поколения в поколения

великолепно чувствует себя на протяжении тысячелетий, мы тоже пробудились от многовекового летаргического сна. Корм подается нам прямо в рот, что для нас является отвратительным, поскольку нам бы хотелось "самим" возводить свои строения, с помощью собственных "сложных" теоретических и практических операций, точно так же, как курице на нашем месте тоже хотелось, чтобы у нее полностью не отбирали иллюзий с помощью зонда, вводящего пищу прямо в желудок, поскольку ей бы хотелось "самой", в соответствии с границами свойственных ей оперативных возможностей (о которых пшеница не может и мечтать) выгребать из песка бросаемое ей человеком зерно. Не будем забывать о тайне статуй: наши опекуны в определенной степени уже управляют пространством-временем. Тогда что для них наши инженерные достижения, если не куриные операции по разгребанию земли? Откуда у нас может быть какая-либо уверенность, что наша потребительская продукция основана исключительно на первичных законах природы, то есть, в их еще ничем не порабощенном состоянии, и что среди совершенно естественных для нас явлений нет определенного числа дистанционно управляемых чьими-то рациональными

знаниями и волей факторов — в соответствии с более лучшим знакомством с данными законами?

— А могло бы растение отличить сознательную деятельность человека, то есть, его систематические мероприятия, связанные с удобрением, севом и любого рода уходом — от условий по-настоящему естественных, какими являются происходящие в почве процессы гниения, дождь или солнце?

— Разницы оно бы не смогло уловить никогда! — в этом я абсолютно уверен. Оно не смогло бы различить и распознать комплекс условий, созданных специально и "подсунутых" этому растению человеком (который не руководствуется "добром" или "злом", но всего лишь потребностью рациональной потребностью! — увеличения объема роста растения) в более многочисленной группе явлений, до сих пор бывших "дикими", то есть полностью независимых от воли человека. Такое растение даже в прекрасно оборудованной теплице, где искусственными являются и дождь, и освещение, свято верило бы, что правит в мире, ибо каждое создание на любом уровне носит в себе стопроцентную уверенность в том, что принадлежит к наивысшей генерации. Возьмем

другой пример. Нам, как раз, известно, чем являются электрические явления. Ведь, до какой-то степени, мы их контролируем. Но вот животное их не знает, равно как ничего не может знать и о нашей власти над такими явлениями. В подобной ситуации, запряженная в телегу лошадь, глядя на обгоняющий ее трамвай, могла бы воскликнуть: "Эврика!" и прибавить: "В мире имеется такой всеобщий закон: телеги с сеном нужно изо всей силы тащить, а вот сундуки с людьми каким-то образом передвигаются сами!" Человек же в подобных обстоятельствах выражается более точно: "Я открыл закон всеобщего притяжения: вверх тело нужно каким-то макаром изо всех тащить, а вот назад оно падает как-то само!" И здесь никак не поможет "научное" дополнение, что любые две массы — благодаря "естественным" свойствам материи — взаимно притягиваются на расстоянии. У лошади тоже, наверняка, в запасе всегда имеется какое-нибудь чудесное "на расстоянии". Примеры подобного рода недоразумений можно было бы множить и дальше. Только, на самом деле — не стоит. Мне хотелось бы знать: можем ли мы — на своем нынешнем этапе развития, который вовсе не является наивысшим из возможных — вообще различить две совер-

шенно разные вещи: объективное природное явление, никем еще не порабощенное, и столь же объективные явления, но в форме вторичных эффектов, возникающих исключительно по причине деятельности иных, то есть, от управляемых потребностями рационального разведения "питательных факторов"?

— К прискорбному сожалению: нет. Вы и вправду прихватили меня на "куриной слепоте", — признал я. — В данный момент до меня дошло одно крайне важное для нас обстоятельство, которое позволит нам глубже вникнуть в суть сложностей добычи соответствующего энергетического материала для построения организмов на последующих ступенях развития. Так вот, мы прекрасно знаем, что самой распространенной в пространстве является пустота, которая и творит практически всю Вселенную; в свою очередь, материя в форме неорганических соединений в этой всеобщей пустоте представляет собой уже редкость. То есть, пустота, вакуум, была бы нулевой генерацией существований, ведь нам откуда-то известно, что материя без пространства вообще существовать не может. Далее мы имеем первую генерацию — необычное отступление от предыдущего правила, которое само было

отступлением от более ранней закономерности, о чем нам не следует забывать — особенность материи, организованной в растениях, масса которых (относительно массы неорганических тел всей Вселенной) является ничтожной. Нам известно, что на этой ступени ряд неслыханных исключений из исключений не заканчивается. Последующим отступлением от предыдущей нормы, совсем уже извращенным, во Вселенной становятся тела животных — вторая генерация по нашей классификации. Но и в этой форме материи Природа не нашла своего абсолютного рекорда, поскольку вот у нас более высокая степень организации энергии — небывалое отклонение в последнем извращении — самое неправдоподобное из известных нам до сих пор состояний материи: человеческие разумы..., о которых мы до сих пор представляли, будто на них уже все и кончается. Это как раз и есть экспоненциальная последовательность, в которой количество переходит в качество. Замечая на каждой ступени неизбежный факт, что всякая генерация бытия (фаза существования материи) может поддерживать себя (существовать) исключительно на энергетическом материале генерации, предшествующей данный элемент

в последовательности, легко заметить, как умножаются сложности с "питанием" с ростом потребительских ступеней вдоль данной кривой, и что Сверхсущества, несмотря на свои невообразимые возможности в иных сферах (а точнее, именно поэтому), должны тяжко трудиться на насущный для них "кусок хлеба".

Раниэль начал развивать собственную мысль:

— Как мы вообще можем знать, что наше производство развивается в условиях полнейшего космического обособления. Разве на основании отсутствия модулированных "разумным" кодом шумов в резонаторах наших радиотелескопов можем мы достичь уверенности, будто в их радиусе действия никаких Сверхсуществ нет? Ничего подобного! Просто в радиусе их действия нет никакой другой и похожей на нас курицы. Вот и все. Стоит ли еще упоминать о муравьях из наших лесов, которые веками напрасно ждут "разумного" диалога с нашей стороны?

— Вы убедили меня в том, что мы напрасно ожидаем того знаменитого контакта с высшей цивилизацией. В человеке с самого детства и до поздней старости нарастает глубочайшая уверенность, будто весь Космос терпеливо ждет подходящего момента его, человека, развития,

когда он уже достигнет необходимого уровня знаний и технических умений, чтобы достичь звезд и постепенно исследовать обширные территории всего того, что существует. Говоря иначе: человек уверен, будто вся Вселенная ожидает аккурат его инициативы (человека будущего), и будто она видит в нем своего самого могущественного открывателя. Но если бы он не обманывал себя такого рода сладкими иллюзиями, давно бы уже пришел к определенным выводам. Практически всякое существо или Сверхсущество — по-видимому, это как раз и является основным и естественным законом — носит в себе скрытую уверенность, будто оно, в какой-то сфере, является гениальным. Всякое создание прилагает собственные успехи к своим идеалам (после чего — что является наиболее особенным во всей операции) — всегда в данный момент его идеалы лишь незначительно опережают его собственные достижения), благодаря чему, на каждом уровне, пускай и самом примитивном, оно может оставаться в субъективной убежденности, будто оно стоит очень высоко, поскольку это следует из показаний его индивидуального коэффициента совершенства. Этот закон — в столь различающемся в плане уровней мире — позволяет нам

жить без комплексов неполноценности.

— Наверняка у Вселенной было множество времени, чтобы, в соответствии с ее собственными законами, в ней могли развиться различные Сверхсущества и Сверх-Сверхсущества (чтобы не прибавлять уже новых приставок), из которых каждое на своем уровне, всегда в определенной степени ограниченном, исследовало ранее и продолжает исследовать все, что находится в его нынешних возможностях познания, но трудно судить, будто только наша планета осталась незамеченной или же — что было бы еще более глупо — что перед теми, вначале нас посетили гости, опережающие нас в развитии всего на пару тысяч лет, то есть, несколько иные существа из той же самой генерации. Мы можем быть уверены, что на нашей, с определенной точки зрения банальной планете — одной из массы ползущих пылинок — не раз уже останавливались различные внимательные глаза существ различных генерационных уровней, и следует считаться с тем, что среди огромного количества безразличных также нашлись взгляды и заинтересованных нами; и это взгляды вовсе не милитаристские или мирные — которыми мы сами забивали себе головы, считая, будто весь Космос устроен по

нашей земной моде — но взгляды совершенно рациональные. Они знают о нас, возможно, значительно больше, чем мы сами знаем о себе, хотя, с той же уверенностью, они не могут знать всего, ибо путь к совершенству бесконечен для всякого сознания, и если они не обращаются к нам на нашем "разумном" языке, то это по той же самой причине, которая нам, в свою очередь, заставляет оставить в блаженном покое наши симпатичные растения и животных.

— И снова вы возвратились на то же самое место: к наиболее воспаленному пункту в наших совместных рассуждениях. Когда мы обсуждаем проблему в категориях физики, то есть, ее языком, ситуация кажется нам правдоподобной и совсем не болезненной для нас. Но достаточно сменить терминологию при описании того же самого явления; подставим вместо определения "высшая форма материи" слово "Сверхсущество", которое вовсе необязательно писать с большой буквы, и уже какой-нибудь защитник неверно понимаемого гуманизма сожжет нас на костре во имя наивысшего культа, о котором, как раз, даже не известно, чем он является. Могу ручаться, что никто из людей, даже жители похищенного города, а в их числе, возможно, и мы сами, которые

выстроили эту смелую теорию (Теорию Относительности Жизни) — буквально никто из нашей третьей генерации в Сверхсущества не поверит. Весь круг нас абсолютно не греет. Но вот его коротенькая дуга, тот самый кусочек, где кто-то нас — в естественном порядке вещей — должен опережать, нам кажется абсурдным. Нас шокирует мысль, что в данный момент во Вселенной мы не являемся самыми главными. Это уже проблема не физики — но исключительно амбиций, к которой никакая наука или ее аргументы доступа не имеют. Свергая самих себя в иерархии бытия, в своих умах мы вызываем точно такой же шок, который вызвал в умах своих современников Коперник критикой геоцентрической системы. Нам хорошо известно, сколько понадобилось времени, чтобы свалить геоцентризм. Но в настоящее время на Земле господствует не менее мрачная эпоха антропоцентризма, зашоренные взгляды, подвид того же самого культа. Мы наслаждаемся обманчивым сознанием, будто законы природы неумолимы, но, к счастью, они нас вообще не касаются, поскольку борьба за существование проходит где-то низко у наших ног. Сами же мы — открыватели этого универсального закона — в своем собственном мнении уже стоим вне этой

борьбы в качестве окончательных победителей: на самой вершине питательной цепи. Мы не желаем, мы не в состоянии представить себе, будто кто-то может нас ежедневно пожирать, не используя при том ножа и вилки. И беда тому еретику, который попытался бы нас когда-либо переубеждать в наших ошибках. Он пойдет на костер, поскольку всегда будут существовать какие-нибудь церкви вместе со своим неписаным правом всеобщего притяжения наоборот. Мы никогда не поверим в Сверхсущества. Никак не можем мы поверить, что высоко над нами, среди наивысших уровней многомерной Вселенной все так же длится яростная война ни на жизнь, а на смерть — война за последующее воплощение материи. Что среди прочих там в безжалостных схватках сходятся такие силы, о которых мы не можем и мечтать, и что значительно ниже — или выше, это с какой точки посмотреть — поначалу наши животные тела, а потом и разумы принимают в ней участие абсолютно бессознательно, просто в качестве последующих, рядовых звеньев той бесконечной последовательности, в которой нет таких слов как "живое и мертвое", равно как "высокое и низкое" или же "доброе и злое" имеются всего лишь конфигурации, вероятност-

ные состояния, потенциалы, полюса и волны, перемещения, молниеносные скачки и падения, медленные перемены, личности в личностях, постоянные отступления от первоначальных правил, тесно связанные неустанным стремлением к смене фазы и к неизменному совершенству, исчерпанным комбинацией расположения того, что существует; а еще там имеется какая-то мысль, в суть которой, к сожалению — а может, и к счастью — мы никогда не сможем толком проникнуть. Помимо того, я считаю, что мутный свет тех незаметных, меленьких "пятнушек" вверху, которые мы едва желаем замечать ночью на небе, никак не менее важен, чем набухшее от будничных стремлений и желаний сияние могучих туш наших все более новых и элегантных автомобилей, которым мы здесь бесстыдно поклоняемся.

Я переночевал у Раниэля, в одной из его комнат, которую он гостеприимно предоставил мне на неопределенное время. Мой хозяин поднялся в семь утра, в то время как я остался под одеялом с тридцатидевятиградусной горячкой. Я не знал, почему именно здесь — вначале среди статуй и человекообразных роботов, а затем и среди людей, охваченных горячкой потребительства

при объективном присутствии Сверхсуществ — какой-то несчастный "грипп" показался мне ни к селу, ни к городу. Но, видимо, вирусы существовали независимо от того, что именно сейчас поглощало мои мысли, и трудолюбиво делали свое — столь спокойно, как будто бы их окружал старый, знакомый мир.

После завтрака, который Раниэль подал мне в постель, мы и не заметили, как беседа вернулась на вчерашние тропы, все время вращаясь вокруг тех же самых вопросов. Раниэль, в ожидании назначенного бургомистром времени собрания Городского Совета, прохаживался по комнате, делясь со мной различными предположениями и затягивая меня в дискуссию, в которую, по причине слабости, вызванной развивающейся болезнью, не принимал слишком активного участия. В какой-то момент он сказал:

Нам давно уже известно о том, что разум человека, его определенных наклонностей и основных мотивов действий само по себе, даже наиболее импонирующее, техническое развитие принципиально изменить не способно. Теперь у нас появляется возможность глянуть на себя глазами Сверхсущества. Интересно, какой бы шанс развития видело бы для нас. Один из путей

нашего славного прогресса ведет от звериных клыков дреопитека, через дубину и лук в направлении ружья и пулемета, проходит мимо танка и, достигнув водородной бомбы, нацеливается дальше по ветви, которая совершенно параллельна самому древу эволюции. И куда бы эта ветвь не вела, уже первобытный человек, сидящий у ее основания, трахая дубьем второй раз по башке (причем, второй раз уже совершенно лишний) своего павшего перед тем врага, мог бы отметить удивительнейший факт: что труп никак нельзя возводить в следующую степень и переносить на следующую ступень. Теперь давайте обратимся к другой ветви развития, которая — что вы сами вчера отметили — в качестве наивысшего мирового идеала в основном и занимает наши умы, а конкретно — индивидуальные транспортные средства. Нет смысла подробно описывать его последовательных перемен на пути к несомненному совершенству. Личный автомобиль (понятная и простая вещь в том случае, если он не является уже описанным неподвижным искусственным удобрением, то есть, той "последовательностью импульсов, проникающим в сознание из закрытого на сто замков гаража"), каким бы изысканным не был, служит для того,

чтобы перевезти своего владельца из пункта А в пункт Б, при чем — на что стоит обратить внимание — независимо от длины пути АБ, в пункте Б (то есть, у цели) пассажир, как правило, без особых потрясений констатирует, что в Сверхсущество пока что не превратился. За то, в соответствии с собственной волей (если он уселся в машину исключительно ради одного только удовольствия), он превратился во внука того самого дреопитека, когда, буквально только лишь захлопнув дверки, бежит что было духу в пропитавшихся продуктами сгорания легких к тем зеленым лесам (которые вырастали в его мыслях в течение последних пяти дней недели), и вместе со всей своей семьей в безлюдной пустоши вступает в бой за последнюю кучку травки с другим, также окруженным несчастными детишками, таким же первобытным и несчастным противником.

— Действительно, подобное явление имеется, — признал я.

— Только вот зачем я все это вам говорю, — продолжал мой хозяин, — раз стагнация, а нередко и регрессия — проявляются явно, и, раз уж множество ветвей того величественного древа, которым для нас стала техника, вместо того, чтобы наис-

кось и вверх, посылает свои ветви горизонтально — в бока, давая нам иллюзию ускоренного движения вперед, при все более высоких прыжках на одном и том же месте. Все эти туннели (пробиваемые с громадными усилиями) до боли напоминают мне тупиковые коридоры в здании эволюции: при известной из каких-то других источников невозможности поворота назад — к лифту, который бы поднял нас вверх, они все сильнее затягивают в пустоту любого, кто хоть раз туда забрался.

— Вы считаете, что если бы имелась возможность контакта с представителями всех известных нам видов из первой и второй генераций (а ведь мы знаем, что число одних только видов животных превышает миллион), тогда каждое растение и животное, то ли среди семей, сошедших практически на нет, то ли среди еще существующих крупных общин, все то, что только движется или ассимилирует, эвгленой зеленой с дрожжевыми грибками начиная, развиваясь до хвощей и плаунов, потом инфузорий, червей (как плоских, так и круглых), разных моллюсков и вплоть до хордовых, сумчатых и далее — то есть, любое живое создание заявило бы совершенно отдельно и категорично, что вся эволюция разви-

валась исключительно ради его вида.

— Вот этого я боюсь!

— Иными словами, вы подозреваете, что, не смотря на ничтожный шанс, меньше одного на миллион, любое растение и животное, спрошенное о том, видело бы оно себя в последнем и непревзойденном до нынешнего момента сегменте того основного ствола развития, через который и ведет единственный путь к вершине эволюции, и что представитель любого вида нашел бы множество несомненных для себя доказательств для подтверждения собственного превосходства?

— К сожалению, да. Такая же, более или менее тревожащая мысль пролетела через мою голову и парализовала все члены, когда я поглядел на себя глазами более высокой цивилизации. Ведь тот же самый естественный закон, который всяким эвгленам зеленым и сумчатым не позволяет заметить человеческого разума, нам, в свою очередь, никогда не позволит поверить в Сверхсущества. Ведь сами подумайте, что позволяет людям считать, будто бы они находятся на самой вершине: свой собственный коэффициент интеллекта, но вовсе не какое-либо внушение снаружи. Утром вы уже упоминали о нем. Прикладывая собственные достижения, которые у нас имеют техноло-

гическую природу, к собственным, не менее технологическим идеалам, в результате применения элементарной арифметики, мы получаем показатель, приближенный к единице, которая в этом показателе является самим совершенством. Но вот разве не известно каждому ребенку, что в множестве положительных чисел значение дроби растет, как только, при постоянном числителе, уменьшается его знаменатель? Знаете, в конце концов я подумал о том, не являемся ли мы в их глазах теми потешными мезозойскими рептилиями, которые — как только заметили способность быстрого набора собственного веса — тут же впали в гигантоманию, чтобы еще больше опередить своих конкурентов по данной фазе материи, и в течение ста миллионов лет подавляющего превосходства достигли такого значения показателя совершенства, о которой мы сейчас не можем и мечтать.

— Наверняка, — согласился с ним я. — На этом периоде эволюции, который, по сравнению с историей человеческой цивилизации, кажется целой вечностью, во времена вершины второй генерации, то есть, в эре практически безмозглых громад живого мяса, обнаружение возможности неограниченного увеличения массы тканей да-

вало своим открывателям гигантский перевес в гонке к тогдашнему идеалу.

— Я имею в виду динозавров, — уточнил Раниэль, — а в их числе особенно бронтозавра, рептилию с мозжечком величиной с кулачок, поднятым на вершину тридцатитонной мясной горы, который в собственном коэффициенте развития, подставляя под черту дроби видение всего земного шара, выполненного из индивидуальной порции мяса, сам — с целью проверки истинности избранного раз и навсегда эволюционного пути — над этой чертой помещал массу своего чрезмерно перекормленного тела. Считывая замечательный во всех отношениях результат измерения, рептилия эта презрительно глядела на путающегося у нее под ногами нашего прадеда — жалостно в те времена выглядящего пра-млекопитающего. Опять же, бронтозавр тогда постоянно проверял истинность закона Архимеда, причем, не ради самой охоты: ему просто приходилось торчать до самого мозжечка погруженным в воде или болоте, чтобы дать хоть немного облегчения недоразвитым своим ногам. Свои гиганты были и в растительном царстве: хвощи и плауны. От этих и других генераций, находившихся на собственной вершине, вместо космической славы

нам остались лишь тихие вопросительные знаки: залежи угля и месторождения нефти. А сколько раз эволюция совершала подобные ошибки? А столько, сколько раз пробовала — за исключением одного-единственного случая. Тут я имею в виду нас. Вот только ни история самой Земли, ни ее ближних или дальних окрестностей еще не завершена, поскольку время не остановилось и никогда не остановится на месте. Эволюция еще не произнесла своего последнего слова, и она еще не скоро его скажет. Вновь пройдет множество миллионов лет. Великолепное настоящее покроются новыми толстыми слоями деяний, последующими длительными эрами и периодами. Я считаю, что люди уже не поднимутся на высший уровень, на тот верхний слой, который нарастает со все увеличивающейся скоростью, лишь путем раздувания туши собственной технологии, только лишь благодаря механической и химической обработке и переработке материи, равно как и одному лишь потреблению вещей, и безразлично — то ли своими мыслями они останутся на старой Земле, то ли, как уже описанный выше пассажир автомобиля, веря в чудесные свойства быстрой езды, с помощью звездолетов они перенесут свои тела и подкармливаемые только одной идеей

умы из пункта А в пункт Б, как бы там этот второй пункт не назывался. Интересно, какого рода карикатуры на нашу тему станут рисовать, ради утехи своих детей, наши местные Сверхсущества, к которым просто обязана прийти земная цивилизация, если бы оказалось, что сами мы вместе со своим культом потребления вещей попали в низкий и заканчивающийся тупиком коридор, в одно из тех наиболее вероятных и ошибочных ответвлений земной эволюции, которая никак по прямой к ним и не ведет. Вот если бы мы, по крайней мере, полностью вымерли, как те, что ни говори, счастливые мезозойские рептилии — тогда нам было бы совершенно безразлично, кто над нами будет смеяться. Но если наши потомки выживут лишь в незначительно измененной форме (точно так же, как до нынешних времен сохранилось большое количество видов), и они станут множиться в перерывах между подскоками на месте, то есть, если уж они и доживут до той уже принципиально высшей эры с теми же мыслями в башках, которые мы и теперь полируем до блеска — тогда что иное может произойти, какое иное место для наших правнуков смогут найти в собственном мире земные Сверхсущества, если только не замкнутые зоологические

резервации высшего порядка? И не то является самым пугающим в этой теоретической возможности, что нашим правнукам в новых клетках без прутьев будет плохо в принципе: будто они станут голодать, не смогут развивать свои старые технологии, постоянно размножаться — о, нет! Наоборот: меня как раз пугает то, что там им будет просто замечательно!

— Вы так считаете?

— Им будет крайне хорошо, поскольку они никогда не сориентируются, что происходит, точно так же, как наши нынешние животные не в состоянии сориентироваться, а кем, собственно, они для нас являются. Никто из людей нового мира не унизится до их уровня, чтобы им хоть что-нибудь объяснить, но вовсе не от злостного упрямства или желания подложить свинью, но всего лишь по той объективной причине, что это будет невозможно. То есть, люди и далее смогут верить, будто безраздельно правят миром и, изобретая все новые и новые средства массового уничтожения, смогут взаимно убивать себя, поскольку никто первоначальной свободы у них отбирать не станет. Но при этом они будут полностью изолированы от дел земных Сверхсуществ, ибо то — что в наивности люди станут

принимать за естественные и "дикие" законы природы — на самом деле будет ничем иным, как внутренностью той самой клетки без прутьев: обширным комплексом законов уже полностью исследованных, явлений, которые будут полностью контролироваться деятельностью иных, за стены которого ни одна новая человекообразная обезьяна никогда не высунет носа. И подобного рода ситуация, естественно, не будет результатом потребности удовлетворения чувства жестокости будущих людей: комплекс явлений будет затянут жестким винтом нетерпимости по тем же самым причинам, которые и нас сегодня заставляют ограждать резервации диких животных.

22. В ПЕТЛЕ ПРЕБЫВАНИЯ

Раниэль вышел из квартиры пораньше, чтобы проведать своего знакомого, которого желал пригласить на заседание Городского Совета. Мы должны были встретиться в десять, уже прямо в здании местных властей. Я вышел сразу же за своим хозяином. Немного времени у меня еще было, поэтому в первую очередь я направился в сторону шестой лифтовой шахты.

Здание лежало в развалинах. Я прекрасно знал, кто это сделал, поэтому образ руин привел меня в состояние полнейшего замешательства. Здесь никто не проявлял охоты к восстановлению объекта, ибо теперь — в соответствии с убежденностью жителей города — шахта вовсе не вела в убежище. Здание завалилось четвертого июня прошлого года, видимо, уже после того, как тревога была отменена, точно в тот самый момент, когда исчез излучатель, подпиравший потолочную плиту.

Понятно, что излучатель вообще не переставал существовать: он находился в пространстве, в том же самом месте, где я оставил его в релятивистском городе. И он обязан остаться там и

тогда, когда окончательно исчезнет несколько-минутный мир.

Размышляя о всем том, что было сложно себе представить, я приглядывался к руинам, столь нереальным для меня после последующего изменения системы отсчета, когда в какой-то момент в недоступном закоулке развалин заметил нечто знакомое: присыпанный пылью ничем не выделяющийся предмет, который цветом и формой напомнил мне ствол моего излучателя. Было бы вершиной невозможности, если бы излучатель и вправду там находился, и я прекрасно понимал тот факт, что уже поддался первому импульсу. Сердце забилось в груди живее.

Как можно быстрее я помчался к объезду, откуда попал на соседнюю улицу, на которой стоял прекрасно знакомый мне небоскреб. С тридцать шестого этажа этого здания выпал мужчина-статуя. Убежище Ины прилегало к комнате, занятой собравшимися гостями. Ее тело я оставил в соседнем помещении, в покинутой и закрытой квартире, хозяин которой должен был сейчас находиться в подземном укрытии.

На лифте я поднялся на тридцать шестой этаж и без всякого труда нашел нужную квартиру, где остановился перед закрытой дверью.

С изумлением я пялился на давным-давно уже не поднимаемую решетку, какими обычно закрывают магазинные витрины — сейчас она была опущена на двери. Странные печати у замка и пломба с каким-то символом усилили мое возбуждение и уверенность, что, несмотря на глупость подобного предположения, Ина все еще находится там. Горячка и слабость давали себя знать: мне нужно было добраться до нее именно сейчас, никак нельзя было отложить этого на потом. И я видел лишь один путь, который мог привести меня внутрь закрытой квартиры, где я спрятал тело Ины: через окно со стороны улицы.

Я постучал в соседнюю квартиру. Мне открыла какая-то женщина с немым вопросом на устах. Мне было совершенно ясно, что отвечать ну никак нельзя: пришлось бы рассказывать несколько часов подряд, чтобы объяснить, что меня сюда привело, что мне вообще нужно, но и тогда никто бы не поверил ни моей истории, ни — тем более — в реальность Ины. Не говоря ни слова, я прошел в комнату, где находилось более десятка гостей. Почти никто не обратил на меня внимания.

Окно было широко распахнуто. Я перелез через подоконник и встал на парапете, несколько выгнувшись над пропастью и держась рукой за

проходящий над головой, частично уже разваливающийся и выветрившийся выступ стены. Можно было пройти по карнизу, выступающему из внешней стены небоскреба, образуя узенькую ступеньку. Но едва лишь я успел поставить на нем ногу, как вдруг почувствовал сильный удар в живот, потрясший всем моим телом.

Это было всего лишь краткое мгновение. Пальцы руки все еще держались фрагмента навеса, уже оторвавшегося от стены. Я висел над улицей, над меленькими фигурками людей и коробочками автомобилей, но ноги мои все еще находились на парапете окна. Я глядел наискось и вниз: эта рука не спешила мне с помощью. Я видел стиснутый кулак убирающийся после удара в глубину оконной рамы. Он все еще находился среди обломков стекла — крупных и мелких — неподвижно висящих в пространстве. Мужчины и женщины сидели вокруг заставленного тарелками и бутылками стола. Некоторые из них стояли. У горлышка перевернутого графина на скатерти расширялось коричневое пятно. Одна из женщин вскакивала с места. Ее сосед уже практически выпрямился. Он застыл, пялясь на меня; опираясь при этом о стол стиснутыми кулаками, вокруг которых скатерть вздулась несколькими широ-

кими складками. Графин висел в пространстве ниже плоскости стола — находясь в неспешном, хотя и неумолимом поступательном движении к полу.

Я ни о чем уже не думал. Все мое сознание, относительно которого мы так много беседовали с Раниэлем, занимали всего два слова: "Петля пребывания". Взглядом я искал черное размазанное пятно и ожидал укола шпильки для волос, которая должна была пронзить мне щеку, чтобы все могло исполниться.

Но вот еще одна неожиданность — последняя. В то время, как проходили секунды, и люди (вовсе не статуи!) перемещались в глубине комнаты, также в состоянии невесомости, я отплывал от окна в обычном воздухе, туда, куда направил меня удар — наискось и вверх, при этом перемещаясь в пространстве над миражом улицы внизу.

Внезапно я понял, что не являюсь тем мужчиной-статуей. Это несколько стечений обстоятельств привело меня к ошибке. Только что отключилась тяга фотонного двигателя. В соответствии с предположениями, звездолет, после девяти месяцев равномерно ускоренного движения перешел к равномерному движению по прямой. Город сейчас очень медленно вращался

вокруг горизонтальной оси. После изменения вертикали — подумалось мне — когда звездолет начнет свое многомесячное торможение, притяжение вернется.

Я плыл по орбите (на сей раз обычно, словно космонавт в состоянии невесомости) на значительной высоте между стенами домов, залитых ярким, предполуденным солнечным светом. Из окна, из под низкого лба и прямых, знакомых мне бровей, на меня глядели глаза Робота BER-64, который в глубинах Механизма предшествовал мне на ленте транспортера. Это его кулак сбил меня в пропасть, и сейчас я находился в радиусе действия его излучателя.

Он медлил, но я практически о нем и не думал. Пока что он не нажал на спусковой курок. И не потому, что он хотя бы на мгновение поколебался убить меня или же подарить жизнь. Он всего лишь оттягивал то радостное мгновение, в которое сможет исполнить свою обязанность, пережить свой малый оргазм вместе с облегчением, что вот, наконец-то убил очередного взбунтовавшегося робота. Я прекрасно понимал, что пришел конец моего существования. Только ни о чем не жалел: не мог я жалеть о том, что было неповторимо. Никогда бы я не поменялся

с ним местом, хотя сам жил лишь раз, а он был неуничтожим, поскольку его можно было множить до бесконечности.

Я свободно поднимался ввысь под куполом глубокого, лазурного неба. В глазах у меня стояли мрачные коридоры убежища. Мелькнуло лицо Людвика Вайса, перепуганного угрозой моего предательства. Алин и Сент грабили в темноте кабины на сорок пятом уровне. Но был и Уневорис, которого я не спросил вовремя, зачем он стрелял в Коореца. Между столиков в столовой ко мне протискивалась высокая фигура Рекрута. И Асурмар склонялся среди стволов сожженных деревьев над стебельком, чтобы сказать, что не все еще потеряно. Покрытый пылью взрыва Гонед бледнел у развалин туалета...

Мои мысли залил океан ртути. Статуи — словно малые стрелки часов, спутанные ленивым временем — стискивались вокруг меня, делаясь все плотнее и плотнее. Широкая полоса лилового света скользила по стенам. Когда она проникла через очередную дверь, я и сам добрался до цели: я увидел поднявшуюся в пространстве фигурку в летнем платье и обращенные ко мне ласковые глаза Ины.

Варшава, 1971 г.

«От разбойника...»

I

В тот день мне с самого утра казалось, будто ночью вокруг меня произошли какие-то неуловимые перемены. Я несколько раз просыпался и засыпал снова. Иногда солнечный луч прояснял полумрак комнаты, падая на пол из-за плотной портьеры. Хоть мебель и занимала свои обычные места, но уже тогда, когда я впервые открыл глаза, еще колеблясь на грани яви и сна, чуждые краски и очертания знакомых вещей обеспокоили меня смутными ассоциациями.

По утрам я никогда не подымал оконных жалюзи. Свет я зажег только в ванной и беспомощно застыл перед полочкой с туалетными приборами. Толстый тюбик зубной пасты был заполнен сжатым воздухом. Кусок розового мыла выпал из моих рук на дно ванны и разбился на несколько осколков белого гипса. Вместо полотенца на привычном месте висел лист голубой бумаги той же величины. Вот только отсутствие воды в кране можно было легко объяснить утренним ростом ее потребления.

Я быстро оделся и пошел на кухню, где обнаружил следующие муляжи. Виноград был

искусственным. Вместо яиц я разбил над сковородкой два гипсовых шарика, а вот приличной величины батон хлеба под ножом съежился с подозрительным шипением до размеров малюсенькой булочки. Молоко имитировала белая краска, покрывающая бутылку изнутри. Под оберткой брикета масла я обнаружил деревянный кубик. К сыру я даже ножом не дотронулся, так как тот был сделан из какой-то твердой пластмассы. Разве что ветчину я смог бы порезать на кусочки, когда удостоверился, что она сделана из розовой резины, только времени забавляться у меня не было.

Холодильник заполняли муляжи пищевых продуктов, которыми иногда украшают витрины магазинов. Среди них на одной из полочек лежал кусок твердой пластмассы, которой фабричный пресс придал форму ощипанной гусиной тушки.

После вечеринки в центре Кройвена, продолжавшейся до четырех утра и недолгого сна я всматривался во все это отсутствующим, непонимающим взглядом, пока мне не пришло в голову, что наверняка вчера вечером или ночью, во время моего отсутствия кто-то из знакомых поменял мне все туалетные принадлежности и хранимые в холодильнике запасы на их более или менее

удачные имитации, Только вот я как-то не мог соотнести кого-либо из своих приятелей с подобной шуточкой. Может быть Линде — подумалось мне когда я все ей расскажу, будет легче указать мне на автора такой подлянки.

В кабине лифта я сунул руку в карман за сигаретами и тут же обнаружил следующую шутку: они были сделаны из пустых картонных трубочек. Спустившись на первый этаж, я с беспокойством глянул на часы. Поскольку до семи оставалось всего двадцать минут, всю дорогу от дома до станции метро я бежал и выскочил на перрон в тот самый момент, когда поезд уже въезжал на станцию. Но я еще успел бросить монетку в окошко киоска и схватить со стойки утреннюю газету.

Двери вагона закрылись за мною, поезд тронулся, я прошел дальше в вагон и уселся на ближайшее свободное место, не отрывая глаз от газетной передовицы. Экземпляр, который я купил в киоске, вместо привычных колонок текста покрывали различной величины прямоугольники, залитые серой типографской краской. То тут, то там над этими вроде бы статьями были напечатаны черные линии, имитирующие крупный шрифт, заголовки же были составлены из случайной последовательности букв. Все это сделано

так, что если бы кто-то глянул с большого расстояния, то принял бы бумажный лист за газету.

Поглощенный рассматриванием эрзац-газеты я не сразу обратил внимание на собственное окружение. Когда же я наконец поднял голову и осмотрелся по сторонам, то в первый момент могло показаться, будто у меня начались галлюцинации.

Весь вагон был заполнен манекенами. Одни сидели, другие стояли; и те, и другие иногда передвигались, иногда переговаривались — все они занимали обычные места пассажиров в метро, имитируя едущих на работу людей. Все они были сделаны из пластмассы и резины, цвет которых напоминал цвет человеческой кожи. Все они глядели на мир стеклянными глазами. Черты их лиц были упрощенными, в носах довольно часто не было ноздрей, а во рту губы не разделялись; если же губы и разделялись улыбкой или сказанным словом, то вместо ряда зубов приоткрывались горизонтальные полоски, вырезанные из белой массы. Результаты экономии я заметил и в одежде своих соседей по вагону. Собранные здесь манекены не носили новых костюмов — то есть с иголочки, как у моделей, выставленных в витринах универмагов: почти на всех были уже

поношенные вещи, различной степени затасканные, иногда измятые, со следами пятен и другими дефектами.

Собственно, муляжи имитировали пассажиров с различной степенью достоверности. Одни (по крайней мере внешним видом и поведением) достаточно верно подражали живым людям — находясь в проходах или сидя на лавках, они двигались совершенно свободно. Другие — с внешностью упрощенной временами до совершенно жалкой степени — были установлены здесь навечно. На манекенах, прикрепленных к сиденьям или поручням, были костюмы из бумаги. В нескольких крайних случаях редукция форм придавала пассажирам вид бездарно вылепленных восковых фигур или ограничивалась лишь передачей общих очертаний тела.

Расстояние от Таведы до Пиал Эдин поезд проходит за четыре минуты. За такое короткое время я едва успел охватить взглядом внутреннюю часть вагона, а мы уже подъезжали к следующей станции. Стоя на перроне, через ряд открытых дверей в других вагонах я видел толпу манекенов — женщин и мужчин.

Сойдя на станции в Пиал Эдин, где находилась моя фабрика, я все еще чувствовал запах

пластмассы, которым был наполнен вагон метро. Заинтригованный необычным зрелищем, я прошел по перрону в сторону тоннеля, забитого жителями нескольких пригородных районов, направлявшихся на работу к ближайшим фабрикам. Здесь никто ни на кого не обращал особого внимания. Движение происходило согласно давно заведенному утреннему распорядку. Я мог бы остаться в вагоне и проехать дальше, хотя бы до Десятой Улицы, чтобы глянуть, а что происходит там. Но я стоял на перроне, в то время как поезд-призрак направился к центру Крой-вена. В удаляющихся с нарастающей скоростью окнах виднелись силуэты пассажиров, которых — с приличного расстояния — было очень трудно отличить от нормальных людей.

В самом конце перрона была телефонная будка. У меня появилась мысль, что можно немедленно позвонить Линде, чтобы хотя бы в нескольких словах описать ей чудо, превратившее целый поезд в его движущийся макет. Линда начинала работу двадцатью минутами ранее, так что в этот момент должна была уже сидеть за своим столом. К сожалению, будку уже занимала какая-то девица; рядом прохаживалась другая, ожидая своей очереди. Я остановился рядом с ними.

Через несколько минут, когда ситуация не изменилась ни на йоту, и стало не хватать терпения, я постучал в стекло кабинки. Но это не дало ни малейшего эффекта. Номер, набираемый девушкой, стоящей у автомата, имел, повидимому, несколько десятков цифр, ибо, спустя еще одну минуту, она так и не закончила его набирать. Я обошел будку и присмотрелся к молодой особе. Указательный палец любительницы поболтать по телефону намертво торчал в отверстии "восьмерки" на номеронабирателе гипсового аппарата, а каучуковая рука ритмично вращала диск туда и назад. Вторая рука манекена была нераздельной частью трубки, та же — через массу, окрашенную в цвет человеческой кожи — была спаяна с левым ухом девицы. При всем этом глаза девушки глядели на аппарат осмысленно, а ее живое лицо выражало то собранность, то, через какое-то время, нетерпение, что в результате давало чудовищный эффект.

Отходя по направлению к своей фабрике, я еще бросил взгляд на фигуру второй пластиковой девушки, туфли которой вытоптали в разогретом асфальте след в виде большой подковы, отмечая путь ее многочасового топтания в ожидании возможности поговорить по телефону.

На пол-дороге к фабрике я встретил Райяна Эльсантоса, своего знакомого по работе.

— Мы опаздываем, Карлос, — сказал он совершенно естественным голосом, протягивая мне свою искусственную руку.

Я же склонил голову, чтобы глянуть на часы. Но в стрелки всматривался несколько секунд не для того, чтобы узнать точное время, так как работа была самым последним делом, о котором я в данный момент мог мыслить трезво: мне хотелось скрыть нерешительность, граничащую с испугом, которая должна была появиться на моем лице, когда я увидал Райяна. Дело в том, что он подобно иным прохожим, движущимся по обеим сторонам улицы — состоял из резины и пластмасс. И выглядел он даже хуже остальных. Райян приезжал на работу со станции Кройвен-Центр, так что по дороге он должен был много чего насмотреться.

— Все в порядке? — невинным тоном спросил я у него.

— Пойдет.

— В центре ничего интересного нее происходит?

— Все как обычно, — буркнул тот сонно. Неожиданно он зевнул так сильно, что на какое-то

время я даже засомневался, сможет ли он своими силами вернуть челюсти искусственного протеза в начальное положение. — А чего у тебя слышно?

— Я спрашиваю не про то, как у тебя дела.

— Тогда о чем же ты спрашиваешь?

— Ну, чего ты видел, когда ехал сюда?

— А чего я мог такого видеть? — Его лицо было навечно стиснуто в мину, которую придал ему пресс. — Разве что-то случилось?

Я молчал. По мере того, как мы удалялись от метро, местность принимала все более неестественный вид. Настоящие пальмы и пинии уступали место паршивым имитациям из пластмассы. Дешевые эрзац-муляжи появились и во всех конструкциях, выстроенных по обеим сторонам улицы, вытесняя солидные материалы. Мы как раз проходили мимо картонной мастерской по ремонту автомобилей. Собранные на площадке корпуса разбитых машин были сделаны из пропарафиненной бумаги. Даже во внешнем виде домиков, что стояли в подозрительно цветастых палисадниках, я постепенно находил все большие произошедшие за ночь изменения. У первых домов были обычные, кирпичные стены, следующие уже были на тяп-ляп сколочены из

фанеры, у последних же не было даже окон и дверей — одни лишь контуры, нарисованные краской на листах картона. Проходя мимо таких "домиков" я оглянулся и застыл.

Я увидал обратную сторону, изнанку всего того, на что до сих пор глядел со стороны линии электрички. Во всех удаленных от станции домах не было задней стены. Провалы эти (невидимые для кого-нибудь, глядящего в восточном направлении, где располагалось озеро) открывали внутренности домов, заполненные, чаще всего, конструкциями, подпирающими фальшивые стенки. Подпорки эти удерживали в вертикальном положении искуственные фасады, выстроенные и до мелочей отделанные лишь с той, по-видимому, целью, чтобы наблюдатель, глядящий из окна поезда, не отличил их от настоящих.

У меня сложилось впечатление, что все, скрытое псевдо-стенками, уже не имеет никакого значения. Леса и помосты, спрятанные внутри, иногда принимали вид этажей, коридоров и квартир, заставленных дешевой мебелью, где то тут, то там виднелись куклы, изображающие людей. Начиная с половины расстояния между железнодорожным полотном и идущим параллельно

ему берегом озера все застройки имитировались различной величины макетами, выставленными фасадами к дороге.

Я несколько минут простоял рядом с пальмовым стволом, смонтированном из консервных банок, под бумажными листьями лимонного дерева, на пластиковых ветках которого висели пустые желтые шарики. Когда я глянул вдаль, на апельсиновые деревья, во мне уже не было уверенности, стоят ли они там на самом деле, или же это всего лишь цветная картинка, изображающая пригородные виллы и намалеванная на щите.

И все это время Райян пристально вглядывался в меня.

— Что с тобой? — наконец спросил он. — Заболел?

— Как раз размышляю над этим.

— Чудненько! А ты знаешь, который уже час?

— Оставь меня в покое.

Тот переложил папку из под левого протеза под правый и приблизил свою маску к моему лицу.

— Видно, что-то у тебя все же не в порядке, потому что выглядишь ты ужасно.

— А ты сам... если бы на себя посмотрел!

— А что, чем-то вымазался?

Он вытащил из кармана прямоугольную кар-

тонку и погляделся в нее стеклянными глазами. Когда он выглаживал волосы куском расчерченной линиями жестянки, парик сдвинулся ему на маску лица. Райян тут же поправил его. Более всего меня изумлял тот факт, что он разговаривал нормальным человеческим голосом:

— Совершенно не было времени расчесаться.

— Ну а было время хоть раз оглядеться в вагоне или на улице?

— Слушай, в конце концов, ты скажешь, что ты имеешь в виду?

— Нет, это ты мне скажи, — завопил я, — ты их тоже видишь или нет?

Он перепугался.

— Что?

— Все эти чертовы декорации!

Он уставился в землю.

— Вижу, — сказал он после короткого раздумья. На нем была рубашка без единой пуговицы, навечно приклеенная к искуственному телу. — Да, честное слово, Карлос, я тоже их замечаю. А отвратные какие! И целыми днями человека преследуют.

— Не целыми днями, а только сегодня, с самого утра.

Он даже головой не пошевелил, только уселся

под картонным забором на земле, посыпанной зеленым порошком, что издалека наверняка выглядело так, будто кто-то присел на подстриженом газоне. Внезапно он о чем-то вспомнил, покопался в портфеле и подал мне пустую бутылку из под коньяка. Я его не понял и, ни о чем не думая, опустил бутылку под ноги.

На отдаленной линии затарахтел поезд. Когда я вновь поглядел на Райяна, тот держал горлышко бутылки возле своих резиновых губ и двигал гортанью.

— Неплохой, — чмокнул он губами и отер их тыльной стороной ладони. Глотни-ка еще разок. Это тебя быстро поставит на ноги.

Вот это уже добило меня окончательно.

— Ты что, придурок, не видишь, что бутылка уже пустая?

Он направил стеклянные глаза на бетонный столбик — его роль исполнял картонный ящичек, на котором стоял предмет нашего спора. Если бы у него не было его неподвижной маски, можно было бы сказать, что Райян недоверчиво улыбнулся.

— Мы же только-только ее пригубили.

— Она была и остается пустой, — заявил я, повысив голос.

— Да ты что, такую бутыль в два глотка не опорожнишь. Карлос ты Карлос, баран ты, с утра уже и ужрался.

— Тогда я расскажу тебе все. Другого выхода нет.

— Интересненько, чего это ты еще насочиняешь...

— Ты и вправду не мог увидеть своей пластмассовой морды в листке бумажки, который принял за зеркальце, только вот я прекрасно ее вижу. Ты весь искусственный!

— Хочешь сказать, что я веду себя неестественно?

— Хуже!

— Или я неправильно понял твой туманный намек насчет коньяка?

— Да это же мелочь на фоне ужасающей истины. Ты что, сам не видишь и не чувствуешь, что все твое тело сделано из паршивой пластмассы?

— Так я клоун? Ты это хотел сказать?!

— У меня вовсе не было желания тебя оскорблять.

— Ясненько. Ты только назвал меня куклой!

— Другие люди, которых я встретил сегодня по дороге на работу, тоже были манекенами.

— Я уже догадываюсь, что ты сам в собственном

видении единственный остался живым и настоящим. Когда ты буровил мне про декорации, это еще имело признаки какого-то небанального наваждения. Но теперь, когда выявилось, к чему ведут твои глюки, я совершенно не намерен эту бредятину выслушивать. Поищи для себя другого слушателя. А если будешь продолжать, так и знай, что я заеду тебе прямо в твою нахальную рожу.

Он поднялся, высосал глоток воздуха из бутылки, старательно заткнул ее и сунул обратно в портфель. Уходя, он бросил на меня долгий, ничего не выражающий взгляд. Что бы там ни было, в нем все же было нечто естественное, заставляющее меня думать, что под толстой искусственной оболочкой он продолжает нормально чувствовать и мыслить.

Он дошел до перекрестка улиц, но на углу не свернул налево, где находилась наша фабрика, а двинулся прямо — по направлению к озеру. По-видимому, под влиянием прекрасной погоды или же под воздействием воображаемого спиртного он решил сегодня полентяйничать. Меня тоже не прельщала перспектива познакомиться с новым внешним видом рабочего места, окруженного декорациями. И я медленно двинулся за Райяном.

От линии метро до озера было километра два.

Пройдя узкую полоску рощи из ненастоящих пальм, я добрался до песчаного пляжа. Райян сидел под пальмой, держа перед губами пустую бутылку. Воду озера имитировала огромная, небесного цвета стеклянная плита. Я поставил на нее ногу. Поверхность стекла была твердой и слегка поморщенной. Я направился по ней в сторону противоположного берега.

В этом месте ширина озера составляла километров шесть. Далеко слева, на большом острове, расположенном между Таведой и Лесайолой, зеленела густая пальмовая роща. Солнце на безоблачном небе поднималось все выше. До края стекла я добрался, когда отошел от берега в Пиал Эдин где-то на километр. Начиная от этого места, и уже до самого берега Лесайолы вода была настоящей.

Я возвратился к Райяну.

— Эй ты, баран, угости-ка лучше меня своим коньяком, если сам еще не высосал до конца, — миролюбиво попросил я.

Он лежал на спине, затем вдруг подхватился на ноги и замахал руками. Равновесие удержал, лишь ухватившись своими пластиковыми пальцами за мой воротник.

— Знаешь, что я только что видел!? — запи-

щал он.

— Наверняка что-то очень интересное, иначе от волнения не пытался бы меня сразу же придушить.

— Ты ходил по воде!

— Заливаешь.

— Честное слово, ты ходил по самой середке озера!

— Я что, плавал там одетый?

— Нет. Ты шел по самой поверхности.

— Нечего мне всякие дурацкие шуточки рассказывать.

— Клянусь!

— Что ты из меня придурка делаешь?

— Я видел это собственными глазами.

Тут я коснулся ногой бутылки и головой указал на нее.

— Все сходится, — резюмировал я тоном превосходства. — Сначала я после вчерашней пьянки выпендривался перед тобой, а теперь...

— Ну конечно, я нализался будто последняя свинья! — радостно воскликнул он. — Вот это номер, — добавил он потише и облегченно вздохнул.

Только у меня вовсе не было охоты смеяться. Но, чтобы сделать ему приятное, я поднес бутылку к губам и высосал из нее пару глотков воздуха.

В этот миг я понял, по крайней мере, одно: если мне хочется остаться в согласии с изменившимся миром, придется оставить при себе все, что я о нем до сих пор узнал.

II

Линда работала в бюро торговой фирмы, называвшейся "Темаль". Офис фирмы находился на Двадцать Девятой Улице. После утренних переживаний, и так уже натянувших мои нервы, мне даже не хотелось гадать о том, как она сейчас выглядит. По мере того, как я продолжал знакомиться с изменениями во внешнем виде городских предместий и внешности их обитателей, во мне нарастал страх, что эти пугающие перемены могут касаться и моих ближайших знакомых.

Под влиянием самых дурных предчувствий я оставил в покое Райяна, который, с упорством, достойным лучшего применения, изображал на пляже лежащего без сознания пьяницу, и направился на станцию в Пиал Эдин, где как и утром — те же самые две пластмассовые девушки продолжали блокировать макет телефонной будки. Я отчаялся найти настоящий телефон, кроме того, главным для меня было встретиться с Линдой лично. Тогда я сел на поезд, идущий в центр Кройвена.

Пока я ехал до станции на Десятой Улице, где

уже начиналась плотная городская застройка, у меня было время получше присмотреться к ближайшим пассажирам. В вагонах уже не было такой толчеи, как утром, когда вагон был забит едущими на работу манекенами, но все-таки какое-то число муляжей продолжало стоять, не занимая свободных мест. Вскоре я понял, почему так получилось. Почти у всех пассажиров, которые стояли в проходах между пустыми лавками, держась за верикальные и горизонтальные трубки, предназначенные для удержания равновесия, их руки были навечно к этим поручням прикреплены. Лица обездвиженных выглядели при том вполне естественно. Они сохраняли ограниченную свободу движений, некоторые обменивались друг с другом псевдо-предложениями, сложенными из случайного набора слов, или же пялились в покрытые серыми прямоугольниками газеты.

Одна из женщин, недвижно стояла возле стенки, так как была прикреплена к ней лопатками. Свободными руками она перелистывала страницы цветного журнала, в котором прямоугольники, залитые серой краской, изображали текст, другие же представляли яркие фотографии. В ближайшем углу, подвешенный двумя руками на захвате, свободно свисающем на по-

ручне, мерно болтался маленький пластиковый старикашка в очках, впаянных прямо в пустые глазницы. Рядом с ним опирались друг на друга двое сросщихся спинами мужчин. Они составляли неразрывное целое, но, при всем при том, вовсе не походили на мертвых кукол. Один из них через равные промежутки времени возобновлял попытки знакомства с моей соседкой по сиденью. Он обращался к ней с вопросом, выходит ли она на следующей остановке, и если так, то он охотно проводит ее домой. Когда женщина поднимала к нему стеклянные глаза и отрицательно крутила головой, он уговаривал ее провести вечерок в театре. Вот только женщина эта ну никак не могла воспользоваться приглашением, пусть даже если бы свою компанию ей предлагал кто-то другой. Ее тело было отлито из мягкой пластмассы и навечно соединено с сидением и спинкой скамьи. Напротив меня сидела мать с ребенком на руках. Она качала дитя и свободно вертелась по сторонам, зато ноги ее были спаяны материалом, имитирующим человеческое тело, а стопы — по самые щиколотки — были затоплены в пол.

Кроме нескольких исключений все эти изображающие людей создания были смонтированы в вагоне навечно, как составная часть его оборудо-

вания, что всякому, очутившемуся на моем месте в роли непосвященного и находящегося в здравом уме зрителю показалось бы в высшей степени странным. Тем более удивился я, увидав настоящую женщину, которая неожиданно прошла по вагону под руку с пластмассовым манекеном и вышла на перрон, не обращая ни малейшего внимания на все наше необычное окружение.

Эта парочка вышла из поезда на остановке у Двадцатой Улицы. Ведомый тем чувством радостного изумления, которое наверняка управляет человеком на необитаемом острове, когда он после долгого одиночества внезапно увидит другого товарища по несчастью, я тут же сорвался с места и выбежал за нею.

Манекен тянул женщину за руку. Я догнал их уже на лестнице, ведущей к выходу на улицу.

— А мне уже казалось, что во всем городе я не найду ни одного настоящего, — обратился я к женщине.

— Слушаю вас?

— Я вышел за вами из метро.

— За нами?

Она наморщила брови и глянула на своего искусственного партнера.

— Ну, если говорить откровенно... — запнулся

я. — Впрочем, вы и сами понимаете, что я имею в виду в данных обстоятельствах. Я с самого утра еще не видел человеческого лица. Могу представить, что и вы удивились, когда встретили меня.

— Погодите... — перебила она меня. — Я не очень понимаю...

— В том-то все и дело! — с энтузиазмом подхватил я. — И я тоже ничего не понимаю. Здесь, в центре, таких уж особых перемен видимо и нет. Я выглядывал в окно, прежде чем мы въехали в тоннель, и кроме имитаций людей на улицах ничего особенного не заметил.

Она остановилась.

— Вы что, знакомы? — спросил манекен.

— Нет, — ответила женщина.

— Вы уж извините, пожалуйста, — поклонился я ему. — Мы говорим о делах, которые вам совершенно не понятны.

— Но вы имеете друг с другом что-то общее.

— В каком-то смысле, да, — подтвердил я уже с меньшей уверенностью, так как разговор наш уходил совершенно в неожиданное направление.

— А можно узнать, что вас объединяет? — продолжал он настаивать.

— Как бы это вам поделикатней объяснить...

— Только сейчас я вспомнил о Райяне и о невозможности с ним объясниться. — вы сегодня еще ни разу не разговаривали друг с другом...

— Так значит тебе известен этот человек? — перебил меня манекен, обращаясь к женщине.

— Я его не знаю!

— Ты утверждаешь это категорично, но он продолжает считать, будто у вас друг с другом имеется нечто общее.

— Зачем вы лжете моему мужу?

Выражение ее лица было неприязненным, посему, в конце концов, пришлось спросить прямо:

— Неужели нас не объединяет тот факт, что вы настоящая женщина, и это создает возможность нам объясниться, не говоря уже об обмене информации относительно...

— В жизни не видел такого наглого ухажера! — ледяным тоном прошипел манекен, прежде чем я смог сказать, что имею в виду.

Но ведь я вовсе не собирался...

— Так чего, собственно говоря, вы от нас хотите? — сухо отрезала женщина.

После быстрого обмена словами повисла напряженная тишина. Когда я выбегал за женщиной из метро, то наивно полагал, будто то, чего я от нее желаю, написано у меня на лице и никаких до-

полнительных объяснений не требует. Теперь же — когда ее холодный прием застал меня врасплох — я мысленно представил, чем может закончиться наш дурацкий разговор, если я немедленно не удалюсь. Пришлось согласиться с тем, что и на этот раз я позорно провалил все дело. Я не сумел объясниться ни с превращенным в имитацию человека Райя-ном, хоть он и был моим коллегой, и мне можно было рассказать ему обо всем, ни с этой чужой женщиной, которая была настоящей и наверняка видела вокруг себя то же самое, что и я сам.

В предыдущем случае естественная реакция человека, разбуженного на сцене посреди декораций и напуганного ими, была названа проявлением примитивной гордыни, здесь же — наглыми ухаживаниями хама, который цепляется на улице к женщине, сопровождаемой мужем, и начинает засыпать ее дешевыми комплиментами типа "Наконец-то я повстречал настоящую женщину!"

Все дальнейшие попытки продолжения этой безнадежной сцены так или иначе вели к скандалу.

— Прошу прощения за этот неприятный инцидент, — сказал я. — Теперь я вижу, что спутал вас

со своей знакомой.

— Я в этом была уверена.

— А мне кажется, что вы ищете приключений на свою задницу, — нарываясь на драку, буркнул манекен.

В конце концов, он имел право на подобную реплику. Я повернулся и спустился по лестнице вниз, в тоннель, где грохотал поезд. Но перед этим я еще услыхал последние слова, которыми обменялись выведенные из равновесия супруги:

— Успокойся, Мартин! Это просто какой-то сумасшедший! Разве ты не слышал, что он плел?

— Но вы разговаривали будто пара хороших знакомых. Я давно уже подозревал, что ты что-то скрываешь от меня...

Я еще раз спустился в метро, чтобы доехать до следующей станции, поскольку до Темаля, где работала Линда, ближе всего было пройти с остановки на Тридцатой Улице. Но я так засмотрелся на имитации пассажиров, размещенных то тут, то там и в этом поезде, что нужную станцию пропустил и вышел уже в Кройвен-Центре. Мне не хотелось вновь возвращаться по мрачному тоннелю, откуда не было видно, что творится на улицах города, потому решил выйти на свежий воздух и вернуться пешком.

Само здание вокзала вместе с подземными залами было сделано солидно, из настоящих строительных материалов и ничем, повидимому, не отличалось от того вокзала, который я прекрасно знал. Вот только внутри вместо настоящих людей шастала огромная толпа манекенов.

Вскоре после выхода из здания вокзала, на перекрестке Шестой Аллеи и Сорок Первой Улицы, я увидел троих настоящих мужчин. Они шли рядом по центральной части тротуара и обошли меня совершенно безразлично. Сам я уже сохранял некоторую осторожность, помня о том, чем закончилась предыдущая попытка спонтанно заваязать знакомство. Но я все-таки остановился, готовый присоединиться к компании, если бы меня только пригласили. Но никто на меня даже не взглянул. Я долго следил за ними, пока они не исчезли в перспективе улицы. Но, благодаря им, я, по крайней мере, узнал, что не являюсь чем-то необычным, так как в городе еще остались и другие живые обитатели.

Четвертого настоящего прохожего я повстречал через сотню метров. Уже решившись остановить его, я даже перешел на другую сторону тротуара, как вдруг он сам спросил у меня:

— Который час?

Я поглядел на часы.

— Восемь минут двенадцатого, — ответил я, крайне изумленный банальностью его вопроса.

— Спасибо.

И пошел дальше.

— А чтоб оно все... — хотелось мне выругаться, но тут же исправился. С ума сойти можно.

Прохожий оглянулся.

— У меня уже уши совершенно опухли, — признался я честно. — У вас, случаем, нет настоящей сигареты?

— Пожалуйста.

Какое-то время он копался в кармане, пока не вытащил распечатанную пачку и не протянул ее мне. Я тут же сунул сигарету в рот. Настоящую сигарету!

— Я с самого утра не курил... — начал было я спокойным тоном, но замолчал, увидав, что незнакомец спешно удаляется. — Секундочку! — крикнул я ему вслед.

Тот неохотно задержался.

— Слушаю вас.

— У меня и спичек нет.

Он дал мне прикурить собственной спичкой.

— Что вы думаете о всех этих манекенах, — повел я рукой по сторонам.

Вместо того, чтобы осмотреться по улице, где в пространстве, пропитанном вонью резины и пластика, вокруг нас роилась толпа фигур, отлитых из пластмассы телесного цвета, тот внимательно глянул на меня.

— Я что, что-то смешное сказал? — спросил я подозрительно.

— У меня поезд через четыре минуты, — уклончиво ответил прохожий.

— Но что вы о них можете сказать? — нетерпеливо настаивал я. — Я спросил, поскольку из безразличия других людей следует, что здесь нет никаких проблем.

— Их и так нет.

— Но разве все эти куклы не заслуживают хотя бы словечка комментария?

— Я вижу, — еще раз внимательно глянул на меня прохожий, — что вы ищете здесь того, кто бы относился к уличной толпе со свойственным вам презрением.

— Да ведь я же не о том! — в отчаянии воскликнул я.

Тот лишь усмехнулся и быстро направился к вокзалу.

— Извините, — еще успел бросить он уже на ходу.

Я провел его взглядом до самого эскалатора. Презрение ко мне — что он хотел этим сказать? Или он был так же слеп, как Райян, как все те манекены, что прошлой ночью появились во всем городе на фоне то тут, то там расставленных декораций, занимая места людей настоящих? Что бы он там ни имел в виду — этим одним словом он меня раздавил. И под его влиянием я перестал верить в возможность понимания меж людьми, подобно мне одинокими в толпе искусственных фигур.

На всем отрезке Шестой Аллеи между вокзалом Кройвен-Центр и Тридцатой Улицей не было следов каких-либо перемен. Декорации, скрытые от глаз невнимательного прохожего, находились лишь внутри магазинов, кафе, ресторанов и киношек. По обеим сторонам мостовой двумя рядами росли настоящие пальмы. Дома тоже — по крайней мере, своим внешним видом — ничем не отличались от тех хорошо мне известных белых, черных и разноцветных многоэтажек, что стояли здесь еще вчера вечером.

Я шел, палимый солнцем, которое лишь в послеполуденные часы заглядывало на дно аллеи, в остальное время погруженной в плотную тень, потому что с обеих сторон улица была застрое-

на небоскребами. У людей были пластиковые, неподвижные лица. Пока не настурил полдень я встретил еще с десяток настоящих прохожих, в том числе и несколько детей. Почти все автомобили, припаркованные у тротуаров или же движущиеся по мостовой, имели лишь бы как сделанные картонные корпуса. За рулем сидели деревянные куклы. Но издали я бы никогда не понял, что задача едущих машин — лишь имитировать уличное движение.

В магазинах, забитых подделками настоящих товаров, искусственные клиенты, покупали суррогаты и муляжи товаров, оплачивая их зелеными бумажками и пластмассовыми кружочками, изображавшими банкноты и мелочь. В продовольственных отделах магазинов самообслуживания предметами покупки были, чаще всего, только упаковки. Манекены накладывали в корзинки цветастые, но пустые коробочки, банки, пакеты и бутылки.

Заинтересовавшись видом фальсификатов, собранных в витрине ювелирного магазина, я на минутку зашел туда. В средине я увидал хозяина всех этих подозрительных сокровищ и единственного, уже решившегося на покупку клиента. Ювелир вежливо поздоровался со мной

и извинился за минуту задержки, необходимой для "финализации" — как он сам выразился — серьезной сделки. Выражение на его лице было совершенно счастливым. При этом он то снимал, то надевал на мизинец бронзового цвета колечко, отпиленное от бутылки шампанского. Покупатель этого своеобразного перстня в это время отсчитывал деньги из толстой упаковки грязных бумажек, играющих роль банкнот.

Может они дурили друг друга? Клиент раз и другой пересчитал бумажки, затем повторил это действие еще несколько раз. Но, видимо он боялся положить лишнее, потому что, собравшись в очередной раз, стал повторять свои действия, как будто пересчитывал бумажки впервые. Оба были прикреплены к стойке с разных сторон.

Возможно, кому-нибудь живому — пришло мне в голову — проходящему по улице и заглянувшему в окно ювелирного магазина, вся эта сцена и показалась бы настоящей. С этой мыслью я прошел мимо нескольких витрин, переполненных дешевыми муляжами и заглянул через стекло в парикмахерскую. Но и здесь не обманулся ни профессиональной стойкой якобы мастера, сбривающего щепкой пену с подбородка гипсовой фигуры, ни умелыми наклонами другого

парикмахера, что картонными ножницами стриг воздух вокруг парика какой-то надувной куклы. Так что впечатление прогулки по настоящему городу могло возникнуть лишь у того, кто бы ехал на автомобиле, не особо внимательно разглядываясь по сторонам.

Симуляция торговли и услуг происходила везде, куда бы я ни заходил. На этом фоне довольно-таки загадочной показалась мне роль некоей настоящей продавщицы, женщины полной и совершенно непрезентабельной, но живой, на которую я наткнулся в каком-то неприметном холле. В ее киоске имелись самые настоящие журналы, сигареты и спички. В имеющемся у меня портмоне рядом с настоящей мелочью имелось и несколько фальшивых монет. На пробу, попросив продать мне сигареты, я подал женщине пластиковый кружочек. Та, не говоря ни слова, вернула его мне. Так, как довольно часто поступают с иностранцами или же с детьми, она взяла портмоне у меня из рук, вытащила оттуда настоящую монетку и подала мне сигареты вместе со сдачей, которую отсчитала настоящей мелочью.

Мой вид не вызвал у продавщицы ни малейшего интереса. Перед этим она читала газету. После того, как продавщица взяла у меня деньги,

лицо ее оставалось совершенно безразличным: она сделала то, что ей следовало, и вернулась к прерванному чтению.

— А почему вы не принимаете этих жетонов? — спросил я вежливо, только лишь затем, чтобы втянуть ее в разговор.

На ее лице появилось такое выражение, как будто я ее в чем-то упрекнул.

— А вы сами приняли бы их?

— Ну, если за них можно все купить...

— Здесь нельзя.

— Но вот в других магазинах я видел людей... которые платили именно такими вот кружочками.

— Ну так идите туда. Разве я заставляю вас покупать именно в этом киоске?

После подобного ответа я совершенно потерял надежду на то, то она мне хоть что-нибудь объяснит.

III

Здание Темаля, как и большинство домов, мимо которых я проходил, внешним видом не вызывало ни малейших подозрений в чем-то ненастоящем. Равно как и занимаемая торговой фирмой верхняя часть здания казалась прохожему, глядящему на нее снизу, конструкцией из настоящего стекла, бетона и алюминия.

Я поднялся на лифте чуть ли не на самую вершину небоскреба — на шестьдесят второй этаж, где располагался отдел, в котором работала Линда. Там я ее не застал. Мне сообщили, что госпожу Тиназана вызвал начальник отдела, и сейчас она находится у него в кабинете. Этой информацией поделилась со мною сотрудница Линды, одновременно заверяя меня, что моя знакомая скоро вернется. В офисе Линды я бывал уже неоднократно, посему знал в лицо всех четырех ее сослуживцев. Я уселся на предложенный мне стул и в течение нескольких минут изображал совершенное спокойствие.

Причины волноваться у меня имелись, так как все сотрудники Линды в ее псевдо-офисе были искусственными. На основании увиденного у меня

могли родиться опасения, что сейчас я увижу и пластиковую Линду. Я ожидал ее под бумажной стеной, между двумя картонными ящиками, изображавшими рабочие столы. Возле ящика справа был установлен манекен смазливой девицы. На ее столе стояла самая настоящая пишущая машинка. Кукла с пулеметной скоростью стучала по клавишам всеми своими пальцами. Я заглянул ей через плечо. На бумаге я не увидал ни единого осмысленного слова: одни лишь ряды беспорядочно сгруппированных букв. В отдельных строках пробелы группировали буквы в некие псевдо-выражения, благодаря чему кто-то живой, который заглянул бы сюда на секунду, мог бы спутать этот реквизит с настоящим документом. Пластмассовая секретарша молотила по клавишам вслепую, лишь бы изобразить из себя опытную машинистку.

Две остальные референтки этой же секции, в которой Линда занимала пост руководителя, имитировались манекенами из резины и пластмасс. Выглядели они как сестры-близняшки. Декоратор прикрепил их за столами в совершенно одинаковых позах: обе подпирали головы левыми руками без пальцев. Двигать они могли только правыми руками. Одна брала со стола

розовые карточки и вычерчивала на них ручкой изящные спиральки. Другая же размещала эти фишки в перегородках картотеки.

Про бухгалтера, единственного мужчину, работающего здесь среди симпатичных женщин, Линда вспоминала без охоты: о старичке сложилось мнение как о рассеянном ворчуне, вечно разыскивающем в бумагах какую-то потерявшуюся ассигнацию. Теперь его копия стояла возле книжного шкафа в позе, выдающей продолжение этих анекдотических поисков. На нем даже настоящего костюма не было. Его недвижное тело было покрыто рубашкой и брюками из бумаги. Двигались только шея и резиновые пальцы. Сейчас он пытался вытащить с полки какой-то реестр. Присутствие документов имитировали одни лишь корешки папок, которые декоратор приклеил рядами на рамы, что должны были играть роль полок. Уже через несколько минут бухгалтер мог взбесить любого: повидимому, в его пустотелом корпусе имелся какой-то часовой механизм, потому что он, через равные промежутки времени повторял одно только предложение: "Ну куда же ты подевалась, миленькая моя?"

На макетах столов стояли отлитые из гипса телефонные аппараты. Все офисные приборы

были расставлены перед манекенами в образцовом порядке. У всех них был упрощенный вид детских игрушек и были прикреплены к поверхности ржавой проволокой. Ящик, имитирующий рабочее место Линды выглядел все же получше остальных. На нем стоял настоящий телефон. Я поднялся со стула (единственного настоящего предмета мебели в этой комнате), чтобы присмотреться поближе, чем же Линда занималась до полудня, прежде чем ее вызвали к начальству.

На столе валялись различные цветные папки и отдельные листки бумаги, покрытые нормальным почерком.

— А что, кабинет начальника находится на этом же этаже? — спросил я у машинистки, которая на минутку перестала стучать по клавишам.

— Последний кабинет налево, — отвечала она самым обыкновенным голосом. — Только я бы не советовала туда входить. Некоторые вещи лучше не замечать.

В этом предупреждении имелась какая-то подозрительная подначка. После пятнадцати минут ожидания я выразил сомнение, вернется ли Линда до конца рабочего дня. Мне никто не ответил. Референтки хихикали голосками заводных кукол. Машинистка полировала ногти. Когда же бухгал-

тер в очередной раз запустил свою пластинку со словами: "Ну куда же ты подевалась, миленькая моя?". я вышел из комнаты и направился в самый конец коридора, к дверям с табличкой, на которой понятным было лишь слово "начальник".

В первой комнате я обнаружил механическую секретаршу начальника.

— Чем могу быть вам полезной? — спросила она шарманочным голосом.

Она сидела на вращающемся стуле рядом с выстроганным из листа фанеры горизонтально размещенным щитом, цветом и формой имитирующим элегантную офисную мебель. На ней была мини-юбка из бумаги и выкрашенный фиолетовой краской парик. При этом она все время трепетала слепившимися от черной туши длинными ресницами, попеременно демонстрируя то перламутровые веки, то громадные стекляшки глаз. Ее элегантно отлитые из пластмассы ноги были навечно закреплены одна на другой. Но при этом она могла двигать руками.

— Я не совсем уверен, попал ли я в нужный кабинет. Здесь ли, — указал я на дверь, покрытую толстым слоем звукопоглощающего материала, — находится кабинет начальника отдела, в котором работает Линда Тиназана?

— Да.

— Не могли бы вы попросить ее выйти ненадолго?

— Тиназаны здесь нет.

— А мне сказали, что она сейчас у начальника.

— Шеф сегодня не принимает.

— Но он у себя?

Секретарша ответила после нескольких секунд раздумья:

— Он вышел час назад.

— Не верю. Могу я войти?

— Нельзя!

— Вы что-то скрываете!

— Вы не войдете в кабинет просто потому, что шеф закрыл двери на ключ и забрал его с собой.

Она склонилась над краем макета столика, на котором торчали цветные рисунки стакана с чаем и вазона с цветами. Картинки эти были вырезаны из картона. Вместе с другими декорациями, расставленными в кабинетах торгового центра, они могли бы обмануть лишь зрителя, глядящего на них из окна соседнего небоскреба. Ненастоящая секретарша передвинула резиновый палец по краю щита и положила его на кнопку сигнализации.

Тут я рванул к двери кабинета. Но у куклы была

прекрасная реакция: со своего поворотного стула она могла достать до дверной ручки, и схватилась за нее на мгновение раньше меня. Тогда я напер на дверь всем телом.

— Начальник запретил!.. — взвизгнула секретарша нечеловеческим голосом.

Крик ее слился в одно с хрустом раздираемого пластика. Через щель в дверной коробке я увидал юбку Линды, брошенную на спинке стула. Но что-то продолжало блокировать двери: прежде чем они уступили окончательно, я услыхал резкий скрежет, исходящий с места, занимаемого секретаршей. Через мгновение дверь хлопнула о стенку, и я ввалился вовнутрь.

Линда была настоящая. На ней была только блузка и чулки. При этом она сидела возле вырезанного из фанеры силуэта рабочего стола на коленях у пластмассового мужчины. Она с испугом глядела то на меня, то на что-то рядом, что все сильнее притягивало ее внимание и парализовало ее саму до такой степени, что до нее никак не доходило, в какой ситуации я ее вижу. Манекен тоже глядел туда же. Я повернулся.

На дверной ручке висел протез целой руки. Она была вырвана из искусственного сустава вместе с каучуковой лопаткой и теперь болталась на руч-

ке, судорожно зажав ее каучуковыми пальцами.

Секретарша на своем поворотном стуле сейчас была обращена к нам. Она так крепко была скреплена с ним, что в момент сотрясения не упала на пол. В ее правом боку зияла бесформенная яма. Но вместо живого лица у нее была все та же неподвижная маска восковой фигуры с застывшими в полуулыбке чертами.

— А ведь ты говорил, что любишь только меня, — сказала она потухшим тоном. — Сегодня ты должен был ей это наконец-то сказать. Разве ты не обещал? Ведь именно затем ты вызвал ее сюда и приказал мне следить, чтобы вам никто не помешал.

Уцелевшей рукой она поправила парик. Ее пальцы украшали колечки из провода с разноцветными стекляшками. Неожиданно она отвела руку от парика и поднесла к правому боку. Затем застыла. Самым же несносным было сочетание раз и навсегда зафиксированной на маске ее лица улыбки с неподдельным изумлением, прозвучавшим в окрике, который она издала, обнаружив неестественную рану.

— Где она у меня?

Про руку она и не спросила, как будто возможность ее потери вообще не входила в расчет.

Солнце светило через высокое окно прямо мне в глаза. Пол возле самого входа был залит красной краской. От нее исходил интенсивный запах нитро-растворителя. Секретарша все еще искала что-то взглядом. Чтобы заслонить ей чудовищный вид у двери, я вступил в лужу краски. В суматохе странных событий я никак не мог представить реакцию поломанной куклы, которая может увидать собственную руку, отрванную и повисшую на дверной ручке. Линда спешно одевалась в уголке комнаты.

Мысль о коварной измене с манекеном, которую совершила моя девушка в обстоятельствах, переполнявших меня тревогой, смешанной с одновременным чувством вины и непонятной угрозы со стороны искалеченной куклы, обезоружила меня до такой степени, что я совершенно не был способен что-либо решить. Это состояние духа сопровождалось уже ранее установленная невозможность провести границу между истинностью и программируемой симуляцией в поведении искусственных людей.

Спиной я чувствовал взгляд стеклянных глаз. Под его влиянием я представил, что мне следует немедленно куда-нибудь спрятать этот оторванный протез или же как-то пришпандорить его к

плечу механической секретарши. Я попытался разогнуть резиновые пальцы. Но оторвать от дверной ручки мне их так и не удалось. В ходе этой сумасшедшей деятельности внезапно я почувствовал на своей шее другие холоднющие пальцы, стиснувшиеся на ней с той же силой, что и те, другие, на дверной ручке. Я уже не мог дышать, как вдруг манекен, атаковавший меня сзади, поскользнулся в луже краски и несколько ослабил захват. Ему не хватило реакции. Я тут же оттолкнул его на расстояние удара и заехал изо всей силы в самый центр его пластиковой маски. Он зашатался. Прежде чем он рухнул на пол, в кабинете раздался пронзительный крик Линды. В нем не было никакого определенного содержания, кроме панического ужаса. Поскольку это было похоже на приступ истерии, я подбежал к девушке и зажал ей рот рукой. Мне не хотелось, чтобы сюда сбежались остальные.

— Как ты могла? — прошипел я сквозь стиснутые зубы.

— Так это ты? Карлос? Неужели это ты? — лепетала она.

— Как ты могла сотворить такое именно сегодня? — сделал я упор на последнее слово.

— Сегодня?

Широко раскрытыми глазами она глядела на что-то за моей спиной. Я услыхал грохот упавшего стула. Пластмассовый начальник лежал навзничь, его лицо было вдавлено в пустотелый череп. Искусственное тело интенсивно напрягалось, имитируя конвульсивную агонию. Искривленные пальцы рвали на клочки макет стола. Еще одно сотрясение, еще один удар по стулу босыми ногами в виде обувной колодки, и манекен застыл окончательно.

Линда склонилась над куклой начальника.

— Он мертв, — прошептала она.

— Да что ты плетешь, дура!

— Не такая уж она и дура, — сказала секретарша. — Наоборот, это опытная блядь.

В моих глазах все еще оставался образ непристойной позы, в которой я увидал Линду, открыв двери кабинета. Теперь же она положила руку на деформированную маску, пошевелила головой своего искусственного начальника. Нервы у меня были натянуты до последнего, но я никак не мог думать о случившемся в категориях банальной измены. Линда заговорила в тот момент, когда в дверях секретариата встал какой-то манекен:

— Ты убил его!

— С ума сошла! Что это за шуточки!

— Я с трудом узнала тебя, Карлос. Что с тобой случилось?

Я оттянул ее за поясок платья от макета трупа.

— Линда, умоляю тебя, хватит глупить. Ведь это же всего пластмассовая кукла!

— А ну отпусти ее! — грозно крикнул искусственный тип у меня за спиной.

Линда разминулась с ним в дверях и выбежала в коридор.

— Погоди! — крикнул я. — Мы же не можем вот так расстаться!

Девушка скрылась на лестничной клетке. Я бы погнался за ней наверх, но призванный шумом свидетель скандала решительно преградил мне путь.

— Ни с места! — предостерегающе рявкнул он. В его руке был нож с длинным клинком, уже приготовленный к удару. — Больше ты уже никого не убьешь.

Он был одет в рубашку из цветной бумаги и такие же бумажные брюки с настолько идеально отглаженными складками, как будто он нигде еще не присаживался. Возможно, его предназначали для исполнения роли всего лишь в одном эпизоде. Своим слепленным лишь бы как из пластмассы телом он копировал редкого толстя-

ка. Его резиновое брюхо забаррикадировало мне выход в коридор.

Его образцовое поведение спонтанного защитника работников фирмы я презрительно не комментировал: у меня не было ни времени, ни желания объясняться, каким образом дошло до псевдо-смерти их начальника. Самым главным для меня было объясниться с Линдой. Но, когда я бесцеремонно выпихнул толстяка из прохода, тот вдруг отступил в коридор и с неожиданным искусством ударил меня ножом в сердце.

Длинный стальной нож погрузился в мое сердце по самую рукоять. Через мгновение, выдернутый той же пластиковой рукой, что вонзила его в мою грудь, он вылетел из раны и зазвенел по мраморному полу. В течение секунды, показавшейся мне вечностью, мы держали друг друга в смертельном объятии. Засмотревшись на его жирное лицо, бездарно слепленное из пластмассы, на которой толстый слой блестящего лака должен был изображать пот, я почувствовал на груди холодную струю крови. Она залила всю рубашку. Я разорвал рубашку и поднес руки к своему лицу: они были липкие, багровые, ужасные.

Только тогда ноги подо мной подломились. Я затрясся от ужаса, но не при виде крови, от

которой несло растворителем: меня перепугала мысль, что я тоже один из них — пластмассовый манекен. Все потому, что я не чувствовал ни малейшей боли.

Искусственный нападающий, уверенный в своем перевесе, поддерживал меня за плечи, как будто его противник уже неспособен сражаться, ибо вот-вот прийдет его смертный час. И тут я увидал возле его туфли окровавленный нож. Я потянулся за ним лишь для того, чтобы присмотреться поближе, в чем же состоит его тайна, так как на перепачканной красной краской груди я не обнаружил ни малейшей ранки.

Я совершенно не планировал применять какой-нибудь прием самообороны. Но, наклоняясь за ножом, я присел так резко, что лишенный опоры манекен свалился мне на спину, а когда я — через мгновение, уже с ножом в руке выпрямился так же неожиданно и с подозрительной легкостью, толстяк перекувыркнулся в воздухе и рухнул на поручни лестницы.

Он был гораздо легче, чем можно было судить по габаритам его тела. И только лишь поэтому я подбросил его на такую высоту. Падая на хрупкую имитацию поручней, манекен разломал их на кусочки. Одна железка пробила насквозь его

надутый воздухом живот, и тот лопнул; сам же он повис на другом пруте, пробившем его резиновое горло. Эхо падения заполнило всю лестничную клетку. Его сопровождало шипение выходящего воздуха. Манекен уменьшался на глазах. Очень скоро эрзац-толстяк стал выглядеть будто болезненно исхудавший дистрофик.

За собой я слышал чьи-то голоса. Из-за приоткрытых дверей робко выглядывали головы искусственных чиновников. Все смотрели на меня. Они видели всю сцену драки, посему я ожидал, что в случае необходимости, могли бы дать показания в мою пользу. Возможно среди них находился и кто-нибудь настоящий, перед которым следовало бы оправдаться.

— Вы же видели, кто ударил первым?! — крикнул я в глубину коридора, излишне громко, как бы призывая в свидетели все здание.

Ножом я указывал на свою ярко-красную грудь. Когда же я сделал несколько шагов вперед, все двери как по приказу захлопнулись. Увидав окровавленную фигуру с оружием в руке, манекены тут же разыграли сцену страха.

Я осмотрел нож. Под нажимом пальца, преодолевшим сопротивление слабенькой пружины, лезвие без помех вдвинулось в рукоять. Из са-

мого кончика, тупого, законченного круглым отверстием — будто из медицинского шприца — хлынул остаток краски. После того, как я ослабил нажим, лезвие вернулось на место. Издали нож выглядел грозным оружием. Спрятанный в рукоятке, заполненной краской, шток вытолкнул ее через дырочку в момент удара.

Я побежал по лестнице за Линдой, чтобы показать ей этот театральный реквизит. Последнее открытие бросало новый свет на события всего сегодняшнего дня. Теперь-то я мог объяснить многое, но никак не мог понять поведения Линды, которая, изменяя мне с копией своего начальника, за что я должен был иметь к ней претензии и обижаться, решительно обвиняла меня в человекоубийстве.

На шестьдесят третьем этаже я не обнаружил никого живого: ни Линды, ни даже какой-либо движущейся или разговаривающей подделки. В замусоренных клетушках, бетонные потолки и нештукатуренные переборки которых были покрыты следами многолетних подтеков (это был последний этаж небоскреба), среди случайных макетов мебели сидели или стояли серые от старости гипсовые отливки мужских и женских фигур. Этим отливкам кто-то придал вид погло-

щенных работой людей. Случайно я зацепил один из этих макетов. Тот упал и разбился на кусочки на твердом полу.

Линда могла подняться еще выше. По металлической лестничке я вскарабкался на окруженную баллюстрадой плоскую крышу Темаля. Уже снаружи я услыхал рев сирены. Я перегнулся через ограду и выглянул вниз. Далеко внизу, у самого входа в здание, с визгом тормозов остановились две автомашины: белая и черная. Сирена умолкла, но мигалки крышах автомобилей продолжали работать. Из обеих машин на тротуар выскочили маленькие, быстро движущиеся фигурки. С такого расстояния трудно было узнать, кто это такие. Одеты они были вчерное и белое.

Только о карете скорой помощи и машине с карабинерами я подумал как раз в тот момент, когда увидал панораму всего города. После этого я сразу же позабыл о том, что происходит у входа в здание.

IV

С крыши Темаля я увидал весь Кройвен.

В свете солнца безоблачного дня и в чистейшем, до самого горизонта, воздухе, я увидал полную панораму города, выстроенного почти из одних декораций и раскинувшегося по обеим сторонам озера Вота Нуфо, воду которого в большей его части имитировало стекло. Хотя с самого утра у меня было много времени, чтобы приготовиться к любому потрясению, картина все-таки была для меня неожиданной.

Практически все вокруг, от Альва Паз, живописно раскинувшегося за пальмовой рощей на восточном берегу Вота Нуфо, через макеты трех мостов, низко подвешенных над стеклянным озером, вплоть до западной границы города, опоясанной с той стороны копиями небоскребов Уджиофорте, выстроенными на горе; и в другом направлении: от Ривасоля на юге, заселенного в основном цветными, вдоль линии метро (соединяющей этот район с Куэнос) на отрезке до Пятидесятой Улицы; и от Таведы, где находился мой дом, до северной границы города — вплоть до Куэнос — получалось, что все (за исключением

настоящего фрагмента центра, окружающего Темаль; какой-то части Пиал Эдин, где я работал. а также Лесайолы — небольшого района, занимающего долину на восточном берегу озера) — все, во всем Кройвене, было ненастоящим.

Я смотрел в юго-восточном направлении, на другой берег озера, где под неподдельной синевой неба располагался искусственный Альва Паз. Обширный район заполняли макеты домов (скопированных очень верно), стоящие фасадами к центру Кройвена. За ними вдали, вплоть до самого горизонта зеленел густой пальмовый лес. Был ли он настоящим? Большое расстояние не позволяло разрешить этого сомнения. Одни лишь постройки и различные конструкции, такие как мосты, производственные здания, столбы и подъемные краны довольно легко выдавали свое искусственное происхождение.

Я прошел на другой край террасы и поглядел на северо-восток. Стеклянное зеркало вод Вота Нуфо — насколько можно было его видеть с высоты крыши Темаля — имело форму громадного кита, хвост которого был у Ривазоля, а голова — между Таведой и Лесайолой. Эта последняя, окраинная и малопривлекательная местность, сейчас обращала на себя внимание тем, что оставалась

настоящей: ночь она пережила в неизменном виде рядом с громадным городом, преображенным практически полностью. Ее нынешний вид вызывал новые вопросы: дело в том, что Лесайолу я посещал всего лишь раз и не заметил там тогда ничего выдающегося. Загадка Лесайолы, спасшейся рядом с громадным складом реквизита, заставляла задуматься, тем более, что вода озера тоже оставалась настоящей только лишь возле этого небольшого селения. Вторая (значительно меньшая) область настоящей воды растягивалась между мостами у выездов Двадцатой и Тридцатой Улиц, то есть, уже в самом центре Кройвена. Об этом можно было судить по разному цвету поверхности вод озера.

Еще раз я окинул взглядом панораму всего города, а затем внимательно пригляделся к той его части, которая осталась настоящей. Всего она занимала где-то одну пятую часть всей площади: я смог выделить ее, благодаря несколько отличающимся оттенкам в окраске настоящих застроек. Опять же, живая растительность выделялась на фоне мертвой отличающейся интенсивностью зелени.

Граница между территорией, покрытой декорациями, и сохранившимся фрагментом города

прихотливо извивалась в нем: на плане Кройвена она вырезала какую-то уродливую фигуру, похожую на осьминога с головой, упирающейся в центр Кройвена, и щупальцами, переброшенными через озеро по направлению к Лесайоле. Темаль находился в месте сужения у головы этого осминога; одно его щупальце, почти километровой ширины, устремлялось к северу, через Пиал Эдин, вдоль железной дороги до самой Таведы, возле которой оно сворачивало под прямым углом на восток, там неожиданно раздувалось до половины ширины острова, образовывая большой залив у его южного берега; а второе — более извилистой лентой — разделяло два соседствующих моста и вело из центра на противоположный берег озера, где охватывало восточную его сторону на поросшем лесом отрезке между Альва Паз и Лесайолой, соединяясь там с первым щупальцем. Оба они встречались друг с другом в незаселенной округе, и там они были самыми широкими, зато граничная линия сложной фигуры, в пределах которой находились все настоящие дома и деревья, а также неподдельная вода, делала вокруг Лесайолы громадную дугу.

Без всякой связи с тем, что я видел внизу, внезапно мне вспомнились слова Линды: "Я с трудом

узнала тебя, Карлос". Прежде чем до меня дошло, что из этих слов следует — то ли она имела в виду мой внешний вид, или же, что точнее, мое поведение — я увидал на террасе трех карабинеров. Один из них был негром, и как раз он один был настоящим. Он стоял у выхода с лестницы, вытащив револьвер. Остальные двое были манекенами, одетыми в мундиры карабинеров. Из-за их спин робко выглядывала маска какой-то пластиковой женщины.

— Это он! — указала она на меня.

— Наденьте на него наручники, — приказал негр.

Я не собирался ни удирать, ни драться с ними, так что происшедшее в следующие несколько секунд граничило с совершеннейшим абсурдом. Искусственные представители права энергично схватили меня за руки в тех местах, куда обычно одевают наручники. Но, вместо того, чтобы сковать мне руки, каждый из них — после нескольких резких движений, изображающих драку — прижал мою ладонь к собственной шее. Теперь они отступали к ближайшему краю террассы. Крепко придерживая мои руки у обшлагов собственных мундиров, чтобы создать впечатление, будто я их душу и подпихиваю назад, в то

время как сами они лишь беспомощно обороняются, они навалились спинами на баллюстраду и сломали ее. Только после этого они отпустили мои руки, но опять же, таким образом, чтобы могло показаться, будто именно я сталкиваю их в пропасть.

Когда они оба полетели вниз, до меня донесся грохот выстрела из револьвера. Через мгновение негр снова выпалил в меня из самого настоящего оружия и снова промазал. После третьего неприцельного выстрела, до смерти перепуганный возможностью потери жизни в этой бессмысленной забаве, я подскочил к нему и выкрутил револьвер из его руки. Мне удалось совершить это без особого труда, можно было даже сказать — с подозрительной легкостью. Но, буквально в последний момент нашей недолгой стычки, настоящему карабинеру удалось-таки нажать на курок. В воздухе над Темалем вновь раздался грохот. Пуля поразила пластиковую женщину, что привела сюда карабинеров, а теперь очутилась перед оружейным стволом в момент случайного выстрела.

Разоруженный негр спрыгнул с лестницы и сбежал в кабину лифта. Кукла-женщина свалилась на бетон террассы. Я склонился над ней, чтобы

проверить, действительно ли она ранена, так как, после нынешней канонады я вообще не верил, что револьвер был заряжен боевыми патронами. Никакой раны на искусственном теле женщины я не обнаружил. Только, когда я перевернул ее на бок, изо рта куклы потекла струйка крови. Я раскрыл ее резиновые губы и увидал остатки наполненного красной краской резинового пузыря, похожего на те, которые актеры раскусывают зубами, чтобы изобразить в кино смертельные внутренние кровоизлияния.

Несколько минут стоял я на коленках над муляжом, исследуя пластиковое женское тело. Но ответа на вопрос, каким образом манекены двигались и говорили, я так и не нашел. Но я был абсолютно уверен, что с момента моего прихода в Темаль все, искусственные и живые люди, заставляли меня участвовать в разыгрываемой тут мистификации.

Под здание завернули еще две черные машины и вторая карета скорой помощи. В подъезд вбежало восемь фигур в черном. Четверо из них были вооружены автоматами. Водители автомобилей — отчаянно трубя клаксонами маневрировали в толпе. На мостовой, где лежали останки карабинеров, спрыгнувших с крыши, уже собралось

приличное сборище. Многочисленные свидетели случившегося обращали лица вверх и показывали на меня пальцами.

Теперь возможность сбежать из здания, окруженного возбужденной толпой, показалась мне совершенно нереальной. После периода, заполненного пассивной реакцией на атаки манекенов, после того, как невольно я уже сыграл ту кровавую роль, которой ненастоящие люди наградили меня без предварительной договоренности или же согласия с моей стороны, в конце концов, я оказался перед альтернативой: убивать и дальше, только теперь, начиная с этого момента делать это уже сознательно и активно (что наверняка бы весьма понравилось реализаторам таинственной программы), либо, рассчитывая на понимание со стороны кого-то настоящего, кто рассмотрел бы мои аргументы и признал их очевидными, отдаться без борьбы в руки искусственной справедливости.

Поддавшись, я положил бы конец кровавому развлечению, но при том рисковал бы тем, что эта нечеловеческая справедливость покарает меня пропорционально моим преступлениям, причем совершенно по-настоящему. У меня еще звучали в ушах слова Линды, сказанные вроде бы не к

месту над трупом ее пластикового начальника. Помнил я и бессмысленный ответ прохожего-человека, у которого я поинтересовался мнением относительно манекенов, и который в моем вопросе увидал не попытку убедиться в реальном положении вещей, а только лишь демонстрацию презрения ко всем людям.

Мог ли я после подобных моментов питать надежду, что на пути с крыши Темаля под нож гильотины, то есть, во время проведения фиктивного следствия и деланого судебного разбирательства, найдется хотя бы один настоящий и зрячий человек, который бы захотел и смог разогнать видение неигрушечной казни? Я даже прекрасно представлял эту гильотину — не видя лишь ее ножа: а будет ли оно резиновым или же из закаленной стали, разницы в этом не было для одних только манекенов.

Не приняв какого-либо решения я медленно спустился на шестьдесят второй этаж. В пустынном коридоре стояла кукла, изображающая мальчишку. В шахте лифта через застекленные дверцы я заметил движение канатов и шум поднимающейся кабины. Наверняка ее заполняли готовые атаковать манекены в мундирах.

Начиная с этого мгновения, и события последу-

ющих нескольких десятков секунд, и соответствующие им мои мысли понеслись в сумасшедшем темпе. Все происшедшее было гораздо более драматичным, чем случившееся ранее, и привело к трагическому обострению конфликта.

У меня все так же не было уверенности, достаточно эффективно ли мое оружие на случай реального нападения. Чтобы побыстрее проверить это, я выпалил из револьвера в ближайшую стенку. Нехватка времени на осмотр патронов, оставшихся в барабане, заставил меня произвести пробный выстрел, результат которого — совершенно неожиданно пришло мне в голову — решал о моей дальнейшей судьбе. Он отвечал даже на один весьма существенный вопрос: из какого материала изготовлено лезвие ножа местной гильотины, ибо, если бы негр (живой карабинер) стрелял боевыми пулями, это сразу же означало бы, что настоящие люди относятся ко всему этому побоищу серьезно и — что за этим следует — так или иначе вскоре пришьют меня, раз один из них уже пытался это сделать раньше.

Стена, на которую я навел оружие, перед тем как произвести роковой выстрел, с расстояния не более тридцати сантиметров имела вид неошту-

катуренной бетонной плиты с грязными следами различного рода подтеков и пятен. "Стена гладкая и старая" — таким было лаконичное описание стенки, появившееся в моем сознании в виде быстро сменившихся друг за другом трех фрагментов информации. После фрагмента "стена" появилась уверенность в безопасности лиц, возможно пребывающих с другой ее стороны; после информации "гладкая" я сразу же представил небольшой кратер и закрыл глаза, поскольку ожидал града бетонных осколков и удара отрикошетившей пули в том случае, если бы она и вправду находилась в патроне.

Иногда случается, что в многократно исследованном предмете или явлении мы замечаем лишь самые яркие его свойства, и необходима случайность, аналоговый раздражитель, чтобы до сих пор скрытая, какая-то неизмеримо важная черта ранее уже известной вещи или явления — в виде быстрой и яркой как молния мысли — неожиданно явилась нам.

Подобного рода озарение я познал в самый неподходящий момент: сразу же перед тем, как нажать на курок. Когда я закрыл глаза, в моем сознании кристаллизовалась следующая информация. Она сообщала нечто совершенно

банальное, а именно то, что стена "старая". В мозгу она появилась последней и вызвала задержку в нажатии пальца на курок, ибо как раз в это же мгновение вместо револьвера в моем сознании выпалила совершенно не подвергавшаяся до сих пор оценке мысль, что все декорации Кройвена одинаково стары, как и эта настоящая стенка.

Во время многочасового путешествия по городу, подавленный количеством эрзац-зданий и тем, что еще вчера их не было, я все время выпускал из виду вовсе не безразличную возможность оценки их возраста, ибо сознание было подавлено другими , более кричащими фактами. И я не замечал патины лет: выгоревших на солнце красок, ржавчины, висящей в закоулках паутины, толстого слоя пыли на защищенных от ветра поверхностях, отшлифованных обувью или прикосновениями сотен рук вещей на земле, гнили, вызванных нечастыми ливнями и ежедневным воздействием солнца вздутий и присутствующей повсюду грязи — словом, замечая одни лишь декорации, я не видел, что они несут на себе следы многолетнего существования в Кройвене, городе, в котором проходила вся моя жизнь.

Лишь после этой убийственной мысли, которая выявляла объективный факт постоянного при-

сутствия декораций в городе и переворачивала вверх ногами смысл утреннего открытия, указывая одновременно на необъяснимую слепоту моей жизни, ведомую мной перед тем, я (с четырехсекундной, повидимому) задержкой нажал на курок и услыхал грохот выстрела.

Открыв глаза, я повернул голову к двери остановившегося лифта. Перед кабиной уже стояли фальшивые карабинеры. Их было двое, потому что в тот краткий миг, когда я стрелял из неизвестного для меня револьвера и размышлял над возрастом декораций, четверо других еще не успели выйти из кабины. Эти же двое, успевшие выскочить из лифта, окаменели посреди коридора, выпучив на меня стеклянные глаза. По сравнению с другими искусственными людьми они производили впечатление застывших восковых фигур или же лишенных возможности двигаться манекенов в витрине магазина с военным обмундированием. Через мгновение до меня дошло, что притворным чувством, притормозившим их на бегу, они хотели продемонстрировать свое оцепенение, вызванное мерзостью открывшегося им преступления. Сам же я понял это лишь тогда, когда повернул голову к стене, чтобы оценить результат эксперимента с оружием.

Под стенкой, прямо напротив револьверного дула, лежала пробитая насквозь пулей голова пластикового мальчика.

Когда я увидал это, ноги подо мной подломились. Я совершенно утратил чувство времени. Ноги вросли в пол. Пистолет все еще находился на уровне лба мальчишки, сыгравшего роль жертвы в сцене убийства, бывшего всего лишь симуляцией. Но судорога, что свела мышцы правой руки, не позволяла мне сменить позу, не оставляющую никаких сомнений, что этот ужасный преступник — именно я. Единственной реальной мыслью, пробившей в моем мозгу дорогу сквозь нелепые видения и вспышку тревоги, была хладнокровная констатация: все манекены действуют согласно навязанной кем-то программы, заставляющей меня лично исполнять роль бандита-выродка. Этот факт был абсолютно очевидным, поскольку, лишенный инстинкта самосохранения, подчиняясь ранее установленной программе, пластиковый сопляк, хитро использовав момент, когда я на мгновение отвлекся, быстренько подбежал к месту предполагаемого выстрела с той лишь подлючей целью, чтобы заполнить своей пустой головой небольшое расстояние между стенкой и револьверным стволом.

Когда простреленная кукла мальца свалилась на пол, карабинеры сняли с плечей имитации своих автоматов. Отпихнув их на бегу, я громадными скачками бросился в другой конец коридора. Там меня прижала к двери длинная очередь деревянных пуль. Замороченный лавиной непредвиденных событий я действовал вовсе не по какому-то осмысленному плану — как дикий, окруженный со всех сторон зверь я только лишь спасался бегством от немедленного исполнения приговора, уже не заботясь о будущем.

Расположенные в стенной нише двери, на которые я жал все сильнее, прячась за углом от удара настоящей пули, неожиданно распахнулись. Случай пожелал, чтобы я спиной влетел в секретариат начальника Линды. Его кукла, поваленная ударом моего кулака, все еще лежала в кабинете. Выходит, я снова очутился в том самом месте, откуда начался мой усеянный ненастоящими трупами путь.

В средине я застал три одетые в белое фигуры. Они входили в состав группы реаниматоров из первой кареты скорой помощи. Два манекена-санитара укладывали на носилки куклу начальника. Манекен врача, наклонившись над фальшивой секретаршей, приближал руку,

вооруженную самым настоящим скальпелем, к разорванному боку раненой. Кому-нибудь, кто бы наблюдал эту сцену издалека, наверняка показалось бы, будто он видит хирургическую операцию. Глаза секретарши были закрыты; она лежала немая и недвижная.

Всю эту сцену я охватил единственным, опережавшим мысль взглядом. Она имела чрезвычайно статичный характер: все принимающие в ней участие фигуры только позировали, как будто бы находясь перед фотоаппаратом. Только лишь оглушительный стрекот автомата, сотрясший картонными переборками этажа, моментально задействовал все пружинки застывшего в сонном кошмаре действия.

В фигуре мужчины, преследуемого градом пуль и отступающего с револьвером в руке, фальшивый врач сразу же увидал своего потенциального противника. С опытностью циркового метателя ножей он бросил в меня скальпель. Через секунду после его неточного броска я нажал на курок. Этот нервический рефлекс был вызван свистом пролетевшего у самого моего уха лезвия. Хотя на этот раз я уже сознательно целил в грудь нападавшего, но от волнения — промазал. Пуля разорвала санитарную сумку, открывая лежащий

внутри моток толстой веревки. Но, хотя пуля наверняка не попала в доктора, тот с глухим стоном взмахнул руками и напрягся будто смертельно раненный человек. На его белом халате расцвело алое пятно. Когда он упал на спину, я повернулся к двери, откуда тоже послышался шум падающего тела. За порогом лежал карабинер. В его горле торчал скальпель, который врач метнул в меня.

Я был сыт всем этим под самую завязку. От непрекращающейся резни у меня перед глазами плыла кровавая муть. Я захлопнул дверь и повернул торчащий в замке ключ, который вынул и спрятал потом в карман.

После этого я присмотрелся к новому трупу. Заинтригованный тем, какая на этот раз была использована хитрость для изображения смерти моей последней якобы-жертвы, я расстегнул залитый красной краской халат и содрал с груди пластмассового врача остатки сорочки. В его грудной клетке образовалась дыра после взрыва небольшого заряда взрывчатки. Полоски пластыря удерживали на уровне сердца разорванный теперь пакетик с тротилом, а тоненький проводок — через миниатюрный детонатор — шел по рукаву к левой ладони.

— Именем закона, открой! — жестко прозвучал

за дверью чей-то голос.

Слова сопровождались ударами кулаков.

— А ну тихо! — заорал я еще жестче.

— А то что? — Голос притих, несколько опешенный моей наглостью, но тут же добавил с подозрительной догадливостью: — Застрелишь заложников, если мы выломаем двери?

— Он так и сделает, господин капрал, чтоб я так жил, — завыл один из санитаров.

— Ясное дело! — подтвердил я твердым голосом. — Вы же сами видели, на что я способен.

"Заложники", — повторил я про себя. Откуда я все это знал? Где я видел все эти банальные сцены?

Я уселся под стенкой, держа револьвер в руке. Мне было ясно, что под угрозой этого настоящего оружия, можно ставить карабинерам самые террористичные условия. Свобода — в замен на жизнь санитаров.

— Я не сделаю им ничего плохого, — сказал я в пространство. — если вы позволите мне выйти отсюда и уехать на предоставленном мне автомобиле.

— Согласны, — ответил мне голос из коридора.

— Но до машины я проведу заложников под стволом своего револьвера и если по дороге уви-

жу хоть одного вооруженного человека, тут же их застрелю.

— Мы принимаем это условие. Открывай!

Согласие, выраженное так поспешно, должно было возбудить подозрения, посему, заметив, что приказ "Открывай!" звучит довольно глупо и какое-то время подумав, капрал исправился:

— Ситуация довольно-таки сложная. Один я не могу принять такое ответственное решение. Я свяжусь со своим начальством и дам тебе знать о том, что оно скажет. Иду к телефону.

Я представлял, к какому он идет телефону. Уходя. он оставил в коридоре четырех постовых. В переговоры я не верил. Независимо от достигнутых соглашений, меня прибили бы откуда-нибудь из-за стены, и я не успел бы даже дойти до предоставленной мне машины — это мне было совершенно ясно. Опять же, ненастоящее законодательство могло и не считаться со словом, данным преступнику.

Я ожидал голоса из-за стены, уже зная, что он не принесет мне обещанной свободы.

Час проходил за часом. Время от времени я крутился меж неподвижных манекенов. Все эти макеты живых людей уже сыграли свои эпизоды во второстепенной части таинственного

сценария Кройвена, который и я сам невольно и бессознательно реализовывал с самого утра. Им уже не было нужно продолжать играть свои периферийные роли.

У меня не было никакой концепции разумного поведения. Хуже того: я вообще не представлял себе жизни, навсегда перечеркнутой видением совершенных преступлений, если ей суждено протекать среди декораций — даже если мне бы и удалось выйти отсюда. Была ли она трагедией или фарсом? никто не мог дать мне подходящего ответа, и потому в мыслях я бросался из одной крайности в другую: то дрожал от страха перед наказанием за смертельные удары, то смеялся, видя во всем лишь издевку и шутку.

До самого вечера я пассивно ожидал дальнейшего развития событий. Но ничего не произошло. В конце концов наступила ночь. Я закрыл санитаров в кабинете, а сам вытянулся на полу, красочно разрисованном под богатый ковер. Во всей этой чудовищной забаве реальным были спазмы моих кишок, вызванные тридцатичасовым постом. Желудок — видимомо — не умел симулировать чувства сытости.

Только как же так случилось, что, живя среди декораций, годами окружавших меня, я их не

замечал? С этой мыслью я и заснул.

Так прошел понедельник.

V

Когда я открыл глаза, уже светало. Во всем здании и за окном царила тишина. До меня донесся лишь какой-то металлический скрежет. Он раздавался из замка двери, отделявшей кабинет от секретариата. Как раз этот скрежет и поднял меня на ноги.

— Господин капрал! — толстый слой звукопоглощающей ткани, покрывавшей дверь в кабинет, заглушал голос санитара до тихого шепота. — Немедленно выбивайте передние двери! Мы сидим во второй комнате и находимся здесь в безопасности!

— То есть как это вы находитесь там в безопасности? — недоверчиво шепнул я сам себе. — А мой револьвер, это вам что?

Я полез в карман за нужным ключом. Когда, после нескольких неудачных попыток вставить его в замок я склонился над дверью, то понял, что имели в виду санитары: они запихнули в замок со своей стороны какой-то мусор, чтобы не дать мне возможности открыть дверь, за которой я оставил их на ночь.

"Вот сволочи!" — подумал я с неожиданной

нежностью. Шустро это они придумали. По счастью для меня, никакие его зовы до коридора не добрались. В противном случае мне бы пришлось снова убивать и самому быть убитым. Эта неудачная уловка искусственных заложников свидетельствовала об их готовности к коварным действиям, при первой же малейшей возможности, так что и на слово карабинеров я тоже рассчитывать не мог.

Вот только санитары могли бы написать о своем выгодном положении на листочке бумаги и выбросить его в окно. Следовало каким-то образом застраховаться от подобного маневра. Один раз я уже имел дело с этой дверью и помнил, что твердой у нее была только дверная коробка с рамой, а средина была заполнена толстой подушкой изоляции, которая-то и заглушила зов о помощи. Да, начальник был хорошо защищен от подслушивающей секретарши.

В докторском саквояже, среди имитаций различных врачебных принадлежностей и хирургических инструментов я обнаружил еще один стальной скальпель. Им я вырезал большое отверстие в двери кабинета, вынув из нее изоляционную подушку. После этой операции я приказал заложникам перейти в секретариат. Их

лица могли бы выражать разочарование, если бы они смогли на своих застывших масках — хоть чуточку изменить гримасу счастья, отлитую из пластмассы.

В течение следующего часа из коридора доносилось монотонное кудахтание постовых. Решившись на долговременную осаду, они исполняли роль статистов в полусонном действии, декламируя воинские уставы.

Я без всякой мысли глядел на санитарную сумку, из которой — через разрыв после револьверной пули — еще вчера (что я сразу же заметил) вываливался моток какой-то веревки.

На что им эта веревка? — наконец-то задал я себе простой вопрос. И сам же на него ответил:

— А ну садитесь спинами друг к другу, — приказал я своим пленникам.

Те тянули время, делая вид, что ничего не понимают. Тогда я несильно толкнул их на пол. Санитары спокойнехонько прижались друг к другу спинами. Я отрезал кусок веревки от мотка и связал их. Резиновые рты — чтобы они не могли переговариваться с солдатами — я плотно заклеил им кусками пластыря, который тоже достал из сумки. Сам скальпель я положил в карман, завернув лезвие в третий кусок пластыря. Потом

привязал один конец веревки к трубе под окном секретариата, а второй конец выбросил наружу.

Моток размотался без помех: второй конец веревки достал до пятьдесят восьмого этажа, то есть, до окна, находящегося четырьмя этажами ниже. В такое раннее время на улице возле Темаля еще не было оживленного движения. Но среди автомобилей, припаркованных у стены небоскреба я все же заметил две новые патрульные полицейские машины и большой военный грузовик, который вчера вечером подвез сюда новую партию карабинеров.

Только мне уже не хотелось больше глядеть в эту двухсотметровую пропасть. Я сунул револьвер за брючный ремень, схватился за веревку и медленно съехал вниз.

Уверенность в успехе этого эффектного акробатического трюка давало мне загадочное присутствие веревки в санитарной сумке — веревки, явно подсунутой мне манекенами, подобно тому, как на сцену доставляют театральный реквизит, что предусмотрен текстом готового сценария, как будто бы для всех главным была бы исключительно смелость самой игры.

Но как только я спустился на несколько метров ниже края окна, то почувствовал сильный удар

по голове. Краем глаза я увидал над собой чью-то руку. Скованный страхом, я застыл у стены меж двумя этажами. Только вот холодный пот испуга, вызванный тем, что я болтался над бездной был совершеннейшей мелочью по сравнению с ужасом, чуть не сбросившим меня в пропасть, когда я наконец увидал, что рука, когтищами пальцев ухватившая меня за волосы, вырастала прямо из гладкой стены. И тут же я узнал в ней руку секретарши.

Намертво прикрепленная к стулу несчастная большая кукла все время притворялась мертвой, так что, занятый манекенами, я совершенно не обращал на нее внимания. Теперь же искалеченная секретарша этим жестом, от которого волосы становились дыбом, отдавала меня карабинерам в руки. Это именно она со своего вращающегося стула — с возгласом упырицы: "Эй ты, рогач рассеяный, что сбежал через окно и висишь теперь на веревке! Трофейчик свой забыл!", намекая на противоестественную связь моей настоящей Линды с пластиковым начальником — бросила мне на голову свой оторванный протез.

Повидимому, во время псевдо-операции она так достала врача своими воплями "Куда она подевалась?", что манекен снял протез руки с дверной

ручки и спрятал его за имитацией письменного стола, так чтобы уцелевшей рукой несчастная любовница искусственного начальника смогла бы его достать.

Слыша ее выдающий мои действия крик, солдаты (наверняка заранее приготовленными инструментами) взломали дверь и ввалились в комнату. Через мгновение я увидал над собой их головы. По неудачному стечению обстоятельств три окна, находящиеся под окошком секретариата, были зарешечены. Возможно, что за этими окнами находились кассы фирмы и потому в опасении перед ворами, подобно мне ползающими по стенкам — их солидно укрепили.

Мне нужно было добраться до самого конца веревки — до окна (уже без решетки) четырьмя этажами ниже. Когда же я наконец спустился до его уровня и пинком разбил стекло, в глубине комнаты тут же увидал готовую к немедленному действию группу карабинеров. Участники операции связывались друг с другом с помощью настоящих радиотелефонов и потому с легкостью локализовали то место, где я висел на стене.

Я стоял на оконном парапете, держа конец веревки в левой, а готовый выстрелить револьвер — в правой руке. Я выбирал меж двумя возможно-

стями умереть: пропастью с одной, и автоматами с другой стороны. Никто из манекенов не ускорял принятия окончательного решения ни малейшим движением, ни словом. В напряженной тишине ожидания этого решения раздались шаги настоящего карабинера. Это был тот самый негр, у которого я отобрал оружие на крыше Темаля.

Спокойным шагом он подошел к окну и поднял ничем не вооруженную руку.

— Это мой пугач, — спокойно, как будто просил вернуть потерянный портсигар, сказал он.

Негр-карабинер был прав, и к тому же он был настоящим. Я и не заметил, когда револьвер очутился в его раскрытой ладони. Теперь я ожидал, что негр прибавит к своему замечанию хотя бы одно предложение типа: "Господа, мы удачно закончили этот сложный эпизод, спасибо, все свободны".

Только настоящий карабинер повел себя очень странно: он сунул револьвер в кабуру и с безразличной миной улетучился из заполненной манекенами комнаты.

— Эй, погодите-ка! — пискнул я, прежде чем тот хлопнул дверью.

Мне нужно было спросить его еще о чем-то, что — в сумятице мыслей как-то туманно связано

было с переплетной мастерской. Внезапно это "что-то" совершенно улетучилось из моей ничего не понимающей головы. Дело в том, что я получил по ней дубинкой ближайшего карабинера. После удара я упал с парапета на нужную сторону окна — прямиком в комнату. Лежа на полу, мне казалось, что я слышу выступление ритм-секции какой-то джаз-банды. Глухим отзвукам ударов множества дубинок (сделанных из пустых внутри картонных трубок) аккомпанировало рычание зверя, которого подвергли пыткам. Особенность этого спонтанного наказания состояла среди всего прочего и в том. что душераздирающие вопли, раздающиеся по всей округе, испускали те же самые пластиковые палачи, которые безжалостно молотили меня.

Довольно скоро манекены насытились местью за двух сброшенных с крыши товарищей. Поднявшись, я обнаружил на запястьях резиновые наручники. Фальшивые садисты подсунули мне под нос настоящее зеркальце. Смотрелся я ужасно: старый кармин кровавого пятна, расползшегося по всей рубахе (это была краска из рукоятки ножа) дополняли темно-синие полосы на лице, отпечатавшиеся после ударов "дубинок" выкрашенных чернильным порошком.

Избитый таким вот образом я направился к лифту и спустился на первый этаж в компании восьми гримеров.

Внизу все уже были извещены о результатах всеночной осады. Мы остановились в вестибюле, где искусственный полицейский небрежно просмотрел мои документы. Ему и не надо было изучать их тщательно, поскольку, после допроса сотрудников Линды, он еще вчера знал обо мне все, что хотел знать.

— Вас зовут Карлос Онтена, — констатировал он.

Я кивнул.

— И проживаете в Таведе?

Я подтвердил и это.

— А кто эта женщина?

Пальцем он указывал на фотографию открыточного формата, которая уже несколько дней валялась в моем бумажнике среди всех прочих бумажек и фотографий. Я склонился над ней, чтобы понять, о ком он спрашивает. Ответ замер у меня в гортани. Я не мог издать ни звука, хотя женщину эту знал прекрасно.

Это была Линда — на фотографии она была настоящей, живой и выглядела точно так, как и сейчас. Только вот для этой фотки мы позировали

вместе: глядя теперь на нее, я понял, почему, окруженный декорациями и ненастоящими людьми всю жизнь вплоть до рассвета понедельника — я совершенно не замечал их. В изображении пластикового манекена, сфотографированного рядом с неподдельной Линдой, я узнал собственную прежнюю фигуру.

Полицейский добрался до конца стандартного набора вопросов, и мы вышли из холла. По подъезду мы прошли через две шеренги карабинеров. Восходящее солнце низко висело над Альва Паз. С той же стороны, с настоящего залива Вота Нуфо дул прохладный, освежающий ветерок. Когда я поднял лицо вверх. чтобы в последний раз глянуть на розовую, погруженную в синюю тонь неба вершину Темаля, удерживаемая кордонами небольшая толпа утренних статистов приветствовала меня воплями ненависти.

Именно так — из рядового манекена Таведы, что годами честно притворялся рабочим с фабрики Пиал Эдин, а в последнее время симулировал любовь к настоящей секретарше-референту из Темаля, после ночной сублимации — в течение неполных суток я стал убийцей карабинеров, ужасом для женщин и детей, бандитом-выродком — вампиром Кройвена.

Мы поехали на патрульной машине. Вначале по Шестой Аллее под эстакадами Центра — по направлению к Ривазолу, потом свернули направо, по Сороковой Улице, через весь настоящий фрагмент города — до восточной границы Уджиофорте.

Полицейский, устанавливавший мою личность в вестибюле, уселся рядом с водителем, закрепленным в автомобиле навечно, я — на заднем сидении, между капралом слева и сержантом справа — как банальный, переправляемый в КПЗ преступник. Мои соседи несколько минут переговаривались между собой, потом замолчали. Я понятия не имел, до чего же они договорились; мне показалось, что для имитации фонического эффекта разговора обычных людей они попеременно читали рекламные плакаты, мимо которых мы проезжали. Шофер вообще не имел голоса, потому что для болтовни здесь были другие; его ягодицы и спина были спаяны с креслом, а руки — с рулем. Полицейский офицер, удовлетворив свой мелкий интерес, делал вид, что дремлет на переднем сидении.

Кем же, собственно говоря, они были, и кем был я сам до вчерашней ночи, прежде чем указанная таинственным Пальцем движущаяся и

говорящая порция пластмассы, в виде которй я существовал всю свою псевдо-жизнь, превратилась в человеческое тело? Так что, кем они были — только правильнее было бы спросить: чем? Были ли они автоматами? — размышлял я. — Нет! Манекенами. Одни от других отличаются теми же чертами, которые позволяют распознавать истинные инструменты среди муляжей. Автомат — это машина, внешний вид которой определяют потребности определенного рода деятельности. Своей формой они не обязаны повторять конструктивных ошибок в строении человеческой фигуры; поэтому они ее и не копируют. А манекен — это декорация, созданная исключительно ради своего внешнего вида.

Следовательно, все они были движущимися и говорящими декорациями. Они заменяли настоящих людей там, где присутствие аутентичных персонажей выразительностью ролей, разыгрываемых в несоответствующих местах сцены распыляло бы внимание Зрителя, отвлекая его от истинных актеров и направляя его на малосущественный фон.

Но вот как они устроены изнутри, и испытывают ли они боль? Спрятанным в кармане скальпелем — после того, как снял с него защит-

ный пластырь — я надрезал капралу бедро. У сержанта (обнаглев от безразличия его напарника) я выковырял коленный сустав и осмотрел его со всех сторон. Тот был отштампован из твердой пластмассы розового цвета. Оба даже не моргнули, когда я калечил их: сидели, как бы проглотив палку, будто мумии, со стеклянными глазами, уставленными в перспективе погруженной в полумраке улицы, которую вдали замыкали залитые солнцем щиты небоскребов.

Они не чувствовали боли, а вот я испытывал реальный неприятный осадок после этой рискованной, хотя и ненастоящей операции. Зато он давал мне уверенность, что в новом своем воплощении я не стал садистом. Я не принадлежал и к тем банальным вандалам, что находят и испытывают свои несчастные оргазмы в разрушительных актах насилия и силе, скрытно разряжаемой на мертвых предметах, ибо жалкая деятельность по разрушению пустых упаковок не давала мне — о чем я знал уже раньше — даже эрзаца того интимного наслаждения, которое хулиганы, распарывая ножами сидения в метро или обрывая трубки уличных телефонов, получают совершенно бесплатно.

На финише этой невеселой поездки находилась,

замаскированная фасадом одной приличной стенки, примитивная копия участка карабинеров. Она находилась где-то посреди Уджиофорте, в квартале, практически полностью имитируемом громадными макетами домов.

Там мы остановились. Две остальные патрульные машины, сопровождавших нашу, стояли перед входом до тех пор, пока я не очутился за толстенной решеткой. Перед тем капрал занял место за настоящей пишущей машинкой и под диктовку сержанта произвел на свет протокол предварительного прослушивания. Готовый документ попал на стол к сержанту, который от руки приписал личные замечания, оставляя внизу место для моего автографа. Весь лист был покрыт рядами хаотично отпечатанных на машинке букв. Четыре строчки спиралевидных каракулей, начертанных сержантом ниже машинописного текста его коллеги, дополняли важные замечания капрала. Я подписал этот псевдо-протокол полным именем и фамилией — что не произвело на присутствующих ни малейшего впечатления.

Меня заперли в отдельной камере. Рядом, в глубокой нише — за истонченной жарой и временем пластиковой решеткой КПЗ — торчали

три восковые фигуры. Они изображали вечных постояльцев комиссариата: отвратительную на вид и мрачную проститутку, с виду старую уличную склочницу; пьяницу, валявшегося в эрзац-дерьме, и довольно-таки симпатичную старушку, страдающую выпадением памяти, которая вышла из дому и до сих пор в него не вернулась. Наличие подобной этой отборной компании привело меня к выводу, что данный пост имеет типичное оборудование — возможно даже нормализованное для большинства подобного типа комиссариатов.

В полдень я сообщил капралу о своем желании есть и пить. Получив пустую кружку и деревянный брусок, изображающий полбуханки ржаного хлеба, я совершенно разозлился: воспользовавшись невнимательностью стражей порядка, я располосовал скальпелем картонную стенку ниши и через образовавшуюся в ней неэстетичную дыру свободно — хотя и с некоторым удивлением — выбрался на улицу.

На безоблачном, голом небе немилосердно палило солнце. Еще мне казалось, что своим внешним видом я привлекаю внимание фальшивых прохожих. Но все равно — я был на свободе!

VI

В этом районе Уджиофорте я бывал довольно часто, иной раз и два, и три раза в неделю. Сюда я приезжал к Долли и Тому Йоренам, с которыми познакомился через Блеклого Джека. С Йоренами меня объединяла совместный интерес к заграничным путешествиям. Мы много чего могли сказать про экхотические страны и уже несколько лет планировали первую совместную поездку. Я охотно приходил к ним и всегда заставал друзей дома, в чем не замечал ничего особенного, поскольку — хотя в мечтах они проявляли интерес ко всему миру — в действительности же они были парой ярых домоседов.

С ними я проводил долгие, интересные вечера; случалось такое, что мы, заболтавшись за просмотром слайдов, которые Блеклый Джек приносил в своей шитой-перешитой сумке, а Том проецировал их на стенку для меня и Долли (более всего взволнованной живописными видениями ждущих нас приключений) разрабатывали проекты дальних круизов. В таких случаях я обычно зевал последний поезд на Таведу и оставался в Уджиофорте на ночь, чтобы на

рассвете ехать прямиком в монотонную серость фабрики Пиал Эдин.

Пару раз я приходил к Тому и Долли вместе с Линдой, но она — и это нас разделяло — явно скучала там, хотя и делала все возможное, чтобы не показывать этого. Возможно, что по тем же самым причинам, которые в то время были мне неизвестны, Блеклый Джек тоже не засиживался в Уджиофорте. Он оставлял слайды и возвращался к своим бродягам, что шатались по восточному берегу Вота Нуфо.

Йорены жили на перекрестке Шестнадцатой Аллеи с Сорок Второй Улицей, то есть, недалеко от комиссариата карабинеров, из которого я сбежал через разрезанную скальпелем картонную стенку. Направляясь в сторону их дома, я подумал, что в нынешней моей ситуации, возможно, и не следовало бы приходить к ним сейчас, когда на мне висят многочисленные и ужасные обвинения. Известия о вчерашних событиях в Темале наверняка попали в утреннюю прессу, обо всем остальном должны были рассказать дневные газеты. Мог ли я убедить Тома и Долли в собственной невиновности? Могло случиться, что, обращаясь к ним за помощью на правах старого друга, я навлек бы на них судебные ре-

прессии. Я не раз читал о наказаниях за укрытие преступников.

С другой же стороны, я крайне нуждался теперь в этой помощи: подгоняемый неприязненными взглядами фальшивых прохожих, я бы не смог безопасно добраться к себе домой, где и так не смог бы скрыться, поскольку там наверняка бы ожидали меня карабинеры из Таведы, которых явно предупредили по телефону. Мне следовало немедленно сменить измазанную краской рубашку, смыть с лица полосы от чернильных дубинок и, в конце концов, что-нибудь поесть. Более всего мне хотелось пить, а воды поблизости нигде не было видно. Именно из-за нее я и решился нанести Йоренам этот неприятный визит.

Имитацию их дома я сразу же узнал по оригинальному фасаду. Я со всей осторожностью поднялся по более-менее крепкому фрагменту лестницы на этаж, поделенный перегородками из фанеры и постучал в знакомую дверь. Сделана она была из картона. Мне ответила Долли:

— Проходите!

Голос ее прозвучал громко и донесся из самой глубины квартиры. Впрочем, так было и всегда: они не выходили в прихожую, чтобы приветствовать гостей. Я прошел по длинному коридору.

Вместо двери, ведущей в комнату, висел лист грязной бумаги, растянутый гвоздиками на деревянной раме. Я провернул эту раму и вошел в средину картонного ящика.

Я уже был готов к наихудшему, поэтому увиденное мною за фальшивой дверью напугало меня не слишком.

— Привет, Карлос! — воскликнула Долли.

Я что-то ответил.

Только собственного голоса не услыхал. Из стола, за которым сидел Том, торчала какая-то доска. Когда я протянул руку Долли, чтобы приветствовать ее, мне показалось, что неправильно оценил расстояние и что вместо женской руки пожал именно этот обрубок.

— Мы рады, что ты заскочил, — флегматично заметил Том.

— Нет, мы ужасно рады, — прибавила Долли.

Я снова что-то промямлил.

Рука Тома была чертовски твердой, и когда он протянул мне ее над столом, заскрипела в суставе.

— Я всегда с удовольствием прихожу к вам в гости, — пробормотал я.

Когда же Долли со своего постоянного места на ящике, с огромным трудом имитирующем

софу, указала мне на табурет, больше всего мне хотелось сразу же сбежать.

— Ну, и почему же ты так долго не появлялся, отшельник пригородный? Присаживайся! А если хочешь напиться кофе, что я прекрасно вижу по твоей глуповатой физиономии, то на сей раз налей себе сам. Я сегодня так натаскалась с уборкой в этом вечном балагане, что и не подумаю еще и прислуживать такому как ты лодырю.

— Да не беспокойся так, Долли. Я заскочил только на минутку, чтобы...

— Тогда или вари себе кофе, или немедленно садись.

— Иду, иду...

Только я и в кухню не пошел, где на полке стояла моя чашка, которую я всегда приносил в комнату, а вечером ставил на ее постоянное место, и не присел. Продолжая торчать столбом посреди картонного короба комнаты, я сравнивал сохранившийся в памяти туманный образ тогдашних Йоренов с жестокой версией действительности.

— Ох ты и лентяюга, — шепнула Долли.

— Что?

— Мне что, вставать?

Я вздрогнул, как будто меня разбудили самым

грубым образом.

— Так ты идешь за кофе, — фыркнула она, — или мне самой придется за тобой ухаживать?

— Да нет, нет! — решительно воспротивился я.

Долли была прикреплена к тонкой крышке ящика в полусидячей полулежачей позе. В любом случае, если бы она поднялась с места своей вечной лежки, то поломала бы не только свой хлипкий постамент, но и порвала бы приклеенное к нему тело. Именно этого я-то и перепугался.

Я выскочил за картонную дверь и из замусоренной опилками пустой каморки принес в коробку комнаты одну чашку. Две другие уже стояли перед Йоренами на подпираемом тремя кривыми деревяшками фанерном листе. Чашку я нес осторожненько, чтобы не разлить притворного кофе. Я прошел под стенкой, украшенной книжными корешками, длинными рядами наклеенными прямо на картон, и уселся на расшатанную многолетней службой табуретку.

— Мамочка моя! — вскрикнула Долли. — На кого ж ты похож!

— Ты что, дрался с кем-то? — спросил Том.

Наконец-то заметили — подумал я.

Табурет, держащий на себе фигуру Тома жа-

лостливо запищал. Какое-то время, глядя на красивую фигуру Долли, я слышал лишь шорох пластиковых костей ее верного товарища жизни, который рискованной дугой перегнулся через стол в мою сторону.

— Кто это тебя так разукрасил?

— Да это все мелочь, не стоящая и секунды вашего внимания, — попытался выкрутиться я.

— Ну да, кровь, и эти синяки на лице!..

Я поднес пустую чашку к губам. Йорены видели достаточно зорко, чтобы заметить на моей голове и рубашке страшные следы, оставленные карабинерами и толстяком, но, все же, недостаточно, чтобы под этими поверхностными изменениями заметить более глубокие преображения, придающие мне вид человека истинного.

— Хочешь скрыть от нас какую-то тайну?

— Да нет же!

— Тогда рассказывай, что случилось.

— Да глупости все это. — Я сделал глоток воздуха из чашки. — Пара наглых типов из Альва Паз попыталась остановить меня на углу.

— Где это произошло?

— Возле Кройвен-Центральной, когда по дороге к вам пересаживался на автобус.

— И по морде ты получил здорово, — заметил

Том.

— Ничего, они тоже возвратились на ту сторону не в лучшем виде, продолжал я врать.

— Ты их побил?

— А что бы сделал ты, если бы тебе приставили нож к горлу?

Долли беспокойно засуетилась на своем расшатанном постаменте. Она дергалась будто женщина, прикованная к постели неизлечимой болезнью, но когда обратилась ко мне, повернув в мою сторону лицо с маской, застывшей в выражении беспомощного нетерпения, голос ее прозвучал весьма живо:

— Ладно, бедняжка, стаскивай свою сорочку! Сейчас я тебя перевяжу, потому что рана наверняка глубокая.

— Дорогуша, клянусь тебе, это просто царапина. И только не втавай, умоляю тебя!

Только в этот миг я почувствовал себя настоящим убийцей.

— Ну, в таком случае... — она чуточку развернулась на своем ложе в границах, оставленных ей монтером-декоратором и вытащила из лежащей на столе пачки картонную сигарету, — в таком случае, хотя бы умойся. В ванной висит твое полотенце.

— Знаешь... лучше не буду. — Я поднес свою настоящую, хотя и не зажженную спичку к кончику пустотелой трубки, которую она сунула себе в рот. — Не хотелось бы мочить свежую рану, а то она снова будет кровоточить.

В ванную — гонимый усиливающейся жаждой — я заглянул еще раньше, когда искал кофе. Ванна была нарисована на стене под тремя полотенцами из бумаги, а вода — протекая через щели в потолке — собиралась на полу разве что во время проливного дождя. К сожалению, осадков в Кройвене не наблюдалось уже месяца четыре.

Том копался в диапроекторе, стоящем на столе. Сам аппарат был сколочен из фанерных обрезков, но внутри у него была лампочка, так что он посылал на стенку какое-то нерезкое изображение. Глядя на все эти приготовления, я уже догадывался, что мне сейчас предстоит.

И я не ошибся: даже не поднимаясь со своего постоянного места, Том длинной палкой достал до оконного отверстия и заслонил его бумажным листом.

— Такого ты еще не видал! Повернись к экрану. Как увидишь, сразу на пол слетишь, — таинственным голосом обещал он.

Задолбаный до последнего, я охотнее всего по-

кинул бы эту населенную упырями квартиру под первым же подходящим предлогом, но неожиданно услыхал стук во входные двери.

— Проходите! — выкрикнула Долли.

В ее голосе снова звучала радость. Я вслушивался в отзвук шагов следующего гостя Йоренов, напрасно подавляя в себе волну вздымающейся паники.

В коробку квартиры вошел Блеклый Джек. Он был живым человеком. Уже немного освоившись с пластиковыми масками, встречаемыми повсюду на улицах, я опасался теперь лишь встреч с настоящими людьми.

— Уважаю всех вас, тех, кто остается в тени, — торжественно произнес новый гость.

Это было одно из вступительных приветствий Блеклого Джека. Он всегда говорил подобные слова при встрече, и по ним даже слепцы в барах с легкостью узнавали его.

— Рады, что ты заскочил к нам, — сказал Том.

— Мы очень рады твоему визиту. — Долли указала на свободный табурет. Присаживайся, бродяга!

— Не будет у меня отдыха, пока солнце заходит вечером за Уджиофорте, а утром восходит над Альва Паз.

Долли серьезно задумалась.

— Выходит, что ты никогда не отдыхаешь. А может ты спишь только днем?

— Такой День еще не появился еще из тьмы. Только он уже близок.

Мы уже давно знали, что между вопросами, которые задавались Блеклому Джеку и ответами, которые он немедля выпаливал, связь была довольно-таки слабенькая.

— Ну ладно, тогда я полетел, — произнес я нетвердым голосом.

Я боялся вопросов, которые мог мне задать Блеклый Джек. Поднимаясь, я случайно заглянул в его лицо: из под прямых и длинных, очень светлых волос, когда он убрал их с лица быстрым движением руки, на меня глянули печальные, очень проницательные глаза, в которых была видна откровенная и глубокая приязнь, но еще и нечто странное, что у всех — при первой же встрече с ним — порождало мысль о его ненормальности.

— Ну, Карлос! — запротестовала Долли. — Посидел бы еще немножко. Если хочешь, можешь даже оставаться на ночь. Разве тебе здесь плохо?

— Тем более, что мы должны были смотреть слайды, — напомнил Том.

Долли заскрипела своей "лежанкой".

— Так ты остаешься, правда?

Снова я почувствовал себя убийцей.

— Пускай уходит, — молвил Блеклый Джек.

Он сказал это настолько неожиданно, что все сразу же переключили внимание на него. Как и всегда, одет он был очень странно: на нем был старый мешок с дыркой для головы и кусок ржавой цепи, которой он подпоясывался в бедрах. Только самым необычным было то, что его совершенно не заинтересовала моя внешность. В последний раз мы встречались два дня назад, когда я еще был манекеном. Сейчас же, видя изменения в строении моего тела, он — как человек и сам живой — должен был заметить и фальшивые синяки, и ненастоящую кровь на рубашке.

— Не мешкай, — повторил он, акцентируя свои слова. — Выходи на улицы Кройвена и ищи на них правду. Она освободит тебя. Уже исчислены часы наши.

— Откуда ты знаешь? — спросил я с беспокойством в голосе.

До сих пор все пророчества Джека входили у меня в одно ухо и выходили через другое.

— Нет ни былинки в поле, ни капли в водах, ни пылинки в воздушном вихре, что скрылись бы

пред Его взглядом, — неспешно, хотя и не раздумывая ни мгновения, ответил тот.

Он еще не закончил говорить это, как я сказал:

— Мне хочется пить.

Когда Блеклый Джек заканчивал свою мысль о Его взгляде, бумажная заслона упала с окна.

— Я жажду, — чуть тише повторил я. — Если он знает, где есть вода, пусть укажет мне.

— Пойдешь по Сорок Второй Улице по направлению к Вота Нуфо. Все, в чем ты нуждаешься, найдешь за первым поворотом.

— Какие глупости! — Долли металась будто птица в силках. — Все, чего тебе нужно, можешь найти тут же, рядом, за дверкой нашего холодильника!

Я покинул обиталище Йоренов под аккомпанемент пронзительных воплей его хозяйки.

VII

Участок карабинеров, равно как и дом Йоренов стояли уже за контурами замеченного мною с крыши Тема-ля "осминога", границы которого — как мне помнилось — окружали неподдельную часть города. Я пошел в направлении, указанном мне Блеклым Джеком. Повсюду расстилалась застроенная громадными макетами домов, насыщенная испарениями разогретых пластмасс и резкой вонью фанеры, истекающей смолой и клеем — раскаленная солнцем безлюдная пустыня. Выходя из квартиры Йоренов на солнечный зной, я сменил ад психический на физический: я шатался будто алкоголик, украшенный памятками пьяной драки, и может потому людские муляжи — прохаживающиеся по тротуару с целью имитации уличного движения — отшатывались от меня с отвращением. Залитой краской рубахи я не мог выкинуть, так как красное пятно на груди выглядело бы еще более подозрительным.

Я прошел первый перекресток. За углом — согласно указаний Джека можно было найти все, что было мне нужно. И правда: продовольственный магазин размещался в нише между

эффектным фасадом высоченной декорации жилого дома с одной стороны и внешне богатого салона готового платья — с другой.

Сначала я зашел за рекламный щит продовольственного магазина, который — к несчастью — не был магазином самообслуживания. Вместо настоящих съестных припасов я видел повсюду их сделанные из гипса или крашеного дерева муляжи. Богатство имеющихся в магазине продуктов изображали так же стеклянные и картонные упаковки, собранные здесь разноцветными рядами и кучами. У меня не было уверенности в том, что все они пустые. Я осматривался в поисках какого-либо питья и заметил три бутылки с лимонадом. Они стояли за прилавком на самой высокой полке среди прочих пустых бутылок.

В очереди к искусственной продавщице ожидали четыре пластмассовые куклы. В моем кошельке были как настоящие, так и фальшивые деньги. Продавщица быстро крутилась на своем рабочем месте: она выдавала манекенам муляжи товаров взамен за ничего не стоящие кружочки и бумажки.

— Три бутылки лимонада, — хриплым голосом сказал я, когда пришла моя очередь.

На прилавок я положил настоящую монетку.

Продавщица вынула из ближайшего ящика три пустые бутылки и поставила их рядом с монетой.

— Я прошу вам дать вон те три бутылки, — показал я пальцем на самую высокую полку.

— Но вы же просили лимонад?

— Да.

— Вот, пожалуйста.

Она отдала мне пустые бутылки и принялась отсчитывать сдачу. Я задержал ее руку.

— Я прошу вас дать мне лимонад, стоящий вон на той полке.

— А этот вам не подходит?

— Нет.

— Неужели тот вам нравится больше?

— Мне кажется, да.

— Вы ошибаетесь.

— И все-таки прошу дать мне те бутылки.

— Но ведь этот свежий и холодный, а тот стоит на полке уже несколько месяцев и греется на солнце.

— Я хочу тот.

Кукла окинула меня критичным взглядом, Повидимому, особого впечатления я на нее не произвел, потому что она неожиданно сменила тон:

— Вы что, думаете, будто я ради чьих-то дурацких капризов стану вытаскивать лестницу, чтобы снять с полки выставочный товар, декорации?

"Декорации!" — подумал я. И это сказала она! Возможно, что в каких-то иных обстоятельствах я бы просто рассмеялся. Сейчас же я стопорил место у прилавка, так что в магазине вновь образовалась очередь.

— Чтобы не беспокоить вас, я сам туда зайду, — предложил я и быстренько пошел за стремянкой.

Вытаскивая ее из угла, нехотя я зацепил сложенные пустые коробки и рассыпал их.

— Синьор! — взвизгнула продавщица.

— Прошу прощения. Сейчас я сниму те бутылки, и все приведу в порядок.

— Хватит уже! — Она вышла из-за прилавка. — А ну-ка выметайтесь из магазина. Здесь не место для пьяниц и скандалистов.

— Ну что, долго еще будет копаться здесь этот замороченный спиртным грязнуля? — резко спросил деревянный тип с самого конца очереди.

— Не выйду, пока не получу вон те бутылки.

Я еще надеялся, что мне уступят хотя бы ради спокойствия. Но ошибся: деревянный тип подошел ко мне и показал пальцем на дверь.

— Вон отсюда!

Но я остался в магазине. В каком-то другом месте пришлось бы начинать все сначала. Тогда энергичный манекен сам вышел на улицу и вернулся в компании куклы, одетой в фиолетовый мундир. "Делишки неважнецкие", подумал я. Голос фальшивого полицейского походил на заигранную пластинку:

— Что тут... тут что тут... чтотутчтотутчто...

— Ничего особенного, вот заскочил купить лимонадику.

Повидимому, внутри полицейского был какой-то дефект:

— Доку... докудо... докудокудо...

Мои документы остались в комиссариате. Впрочем, мне уже было на них наплевать. Я приложил к животу полицейского скальпель.

— Руки вверх!

Внезапно к нему, с перепугу, вернулась способность говорить:

— Сгниешь в тюряге.

— А мне плевать.

Я вынул из его кабуры жестяной пробочный пистолет. Пугач походил на детскую игрушку: у меня появились опасения, удастся ли мне терроризировать всех их с его помощью.

— Ты знаешь, кто я такой? Лично сам Карлос Онтена! Слыхали про такого? Я не колеблюсь ни секунды. Если кто только моргнет — пуля в лоб!

Все отступали к выходу.

— А ну на пол, лицами вниз! — приказал я.

Послушались. Я сам приставил стремянку к полке. Сидя под потолком, я хлебал прямо из бутылки, внимательно поглядывая на энергичного манекена, который медленно полз к двери. Опорожнив две бутылки, я начал третью. Остатками лимонада обмыл себе лицо. К счастью, мои заложники этого не видели, иначе в их глазах я бы вместо грозного бандита показался им каким-то сумасшедшим. Чтобы убедить их в том, что все время мои действия были разработаны заранее, и моей целью был грабеж, с вершины лестницы я произнес импровизированную речь, в которой открывал тайны собственного успеха:

— Почтеннейшие жители Уджиофорте! К сожалению, вы позволили, чтобы вас надули как малых детей. Тем не менее, рассчитываю на вашу рассудительность. Подумайте только: да разве ради пары бутылок паршивого, выдохшегося лимонада кто-нибудь из Таведы, носящий мое имя, заглянул бы в вашу нору? Нет! — отвечаю я за вас. Так поступил бы только придурок или

сумасшедший. А разве я похож на такого? Кроме того — разве у меня есть хоть сто-то общее с почтенным человеком?

— Нет, поскольку у вас отрицательный ха-ха-ха-ха-ха.. — опять заклинило полицейского, — ха... характер.

— В том-то и дело! — взволнованно продолжал я. — А теперь перейдем к разгадыванию криминальной загадки. Так вот, в тот момент, когда продавщица отсчитывала мне сдачу, я заметил в ящике кассы приличную сумму. Я увидал деньги! — ну что, догадались? Скандал с лимонадом я устроил лишь затем, чтобы заманить сюда вооруженного полицейского. Мне нужен был револьвер, потому что одним ножом работать с толпой трудновато — вот вам и все.

Аплодисментов не было. Я уже спускался со стремянки, как вдруг деревянный манекен, который перед этим привел в магазин полицейского, внезапно подхватился с пола и метнулся к двери.

— Стоять! — крикнул я.

Тот уже схватился за дверную ручку.

— Ни шагу, иначе буду стрелять!

Дверь он все-таки открыл. Взбешенный его поведением, я бросил ему в спину бутылкой,

поскольку он все же оставил меня в дураках.

— Ну, — шепнул манекен загадочно, когда замолк звон разбитой витрины.

— А ну возвращайся! — рявкнул я ему.

— Ну, — подмигнул он мне левым глазом.

— Чего "ну"? — совершенно ошалел я, ничегошеньки не понимая.

— Ну, валяй! — стукнул он себя пальцем по лбу.

— А, вон оно что! — понял я наконец.

И только после этого нажал на курок пугача. Игрушка наделала такого шума, что я чуть не свалился с лестницы. Подстреленный манекен, шатаясь, сделал несколько шагов в глубину магазина. На его белой сорочке расцвела пара алых пятен. Он поскользнулся на двух резиновых затычках, что закрывали входное и выходное отверстия огнестрельной раны, и которое он незаметно вырвал из собственного тела и небрежно бросил на пол. Похоже было, что в предсмертных конвульсиях он снесет с прилавка всю массу эрзац-товара, что произвело бы прекрасный сценический эффект — и, повидимому, такой была ведущая задумка сценариста и художника-декоратора. Но из-за чертовых этих затычек до прилавка он не добрался, лишь грязно выругался

— когда поскользнулься на них — и вытянулся на полу во весь рост, чем запорол всю сцену.

— Одному хана! — успокоил я перепуганных покупателей, когда они подняли голову, интересуясь происшедшим. — И такое же ждет каждого, кто высунет нос из магазина в течение ближайшего часа.

Бумажки из кассы я запихал в плотный мешок с надписью РИС. До того его гордо распирал сжатый воздух. Среди множества пустых жестянок я нашел две банки консервов. Я бросил их в мешок вместе с буханкой черствого хлеба, который только лишь из-за какого-то снабженческого недоразумения попал каким-то сложным путем в этот безлюдный район. На буханке имелся дефект в виде горба из более светлого теста на румяной корочке, и потому-то, наверняка, он несколько дней спокойно валялся на полке, не выдерживая конкуренции с другими буханками, идеально отштампованными из пластмассы.

Окна были закрыты плотными жалюзи. Я как раз уже закрывал дверную решетку, когда в магазин вошел новый покупатель.

— Конец очереди вот здесь! — показал я ему стволом своего пугача свободное место на полу.

— Я...

— Ша!

— Но...

— Заткнись. Своими впечатлениями можешь поделиться со своей соседкой по полу.

Пластмассовый пришелец поправил очки. У него была мина рассеянного ученого, и он, похоже, совершенно и не заметил моего револьвера. Но, не сомневаясь ни секунды, он послушно улегся рядом с искусственной женщиной.

— Что это за имбецил? — шепнул он ей. — Эти тупоголовые вечно любят дирижировать нормальными людьми. Лично я заскочил сюда на минутку, чтобы разменять банкноту...

В это время я уже всовывал ключ с другой стороны замочной скважины.

— ...понятное дело, без очереди, — закончил фальшивый ученый. — А вы за чем лежите?

Я подсунул ему под нос свой открытый мешок.

— Могу разменять без очереди, — легко предложил я ему будто опытный кино-гангстер

Через минуту — уже одетый в сорочку из салона готового платья — я вновь выскочил на улицу как раз в тот момент, когда плененные мною клиенты разбивали витрину продовольственной лавки. Я побыстрее уселся в припаркованный неподалеку автомобиль и приставил пистолет к

виску навечно вмонтированного водителя.

— Езжай!

— Куда?

— Прямо!

Тот тянул время, глядя на сборище у магазина.

— А ну давай, езжай, — зашипел я, — иначе бахну тебя тут и сам сяду за руль!

Я опасался свидания с настоящим полицейским, который по случайности как негр-карабинер в Темале — мог и тут вступить в дело.

Перепуганный манекен резко рванул по Сорок Второй Улице по направлению к Вота Нуфо.

— Налево! — приказал я ему возле Тринадцатой Аллеи.

Тот послушно свернул. Мы быстро добрались до Тринадцатой Улицы, где я приказал водителю остановиться. Вылезая, я совершенно инстинктивно полез в карман за бумажками, чтобы заплатить за поездку (потому что это было такси), но тут до меня дошло, кем я являюсь в течение этих двух суток.

Какое-то время я бродил по лабиринту объединяющихся друг с другом вроде-бы-двориков, пока не вышел на Двадцать Девятую Улицу, где проживала Линда. До ее дома отсюда было все же еще далековато. Что-то меня одновременно и

тянуло, и отталкивало от него.

Внезапно — уже несколько расслабившись после последних потрясений — я вспомнил о том, что у меня уже давно посасывает под ложечкой. Сквозь толпу манекенов я пробился к стенке одной из ближайших декораций. Я уже вынимал из мешка хлеб и консервы, как вдруг волосы у меня на голове встали дыбом из-за нечеловеческого визга, что — будто собака сорвавшаяся с цепи неожиданно раздался из чего-то неопределенного, закрутившегося под моей рукой:

— Господин, пожалейте несчастного нищего!

Устыдившись неадекватной реакции, я спрятал в карман уже готовый выпалить пробочник и облегченно вздохнул: на тротуаре, под стенкой, прикрепленный к ней заржавевшей проволокой, сидел разрушенный временем, дождями и солнцем, почерневший и проеденный жучками муляж старого нищего.

— Подайте что-нибудь, подайте от щедрот своих!..

Я переложил хлеб и консервы в другую руку и весь остаток своей добычи легонько опустил на колени нищего. В этом не было ничего сложного, тем более, что этот идиотский мешок мне только мешал. Теперь следовало удирать от бла-

годарственной частью литании попрошайки — в звуковом плане более разнообразной и многословной, чем часть вымаливающая.

Нигде в округе не было видно никакого спокойного местечка, где можно было бы сесть и перекусить. Правда, этот район был мне неплохо знаком, но теперь я глядел на все совершенно другими глазами.

После рейда на такси и пешей прогулки через замусоренные дворы я очутился к северу от неподдельного фрагмента Центра — на территории, еще покрытой декорациями, но поблизости от района, застроенного настоящими домами. Акцентируемый с утра понедельника раздел на настоящие и фальшивые элементы в окружающей меня новой действительности вовсе не совпадал с известным уже давно делением на фрагменты красивые и безобразные всего городского агломерата, так как декорации могли изображать собою как образы исключительнейшей роскоши, так и крайней нищеты.

С богатством я встречался в центре Кройвена, том его районе, что располагался над берегом озера Вота Нуфо, и относительно мимолетно — в Альва Паз, с другой стороны озера, когда ездил туда вроде бы и бесцельно, но по-настоящему

лишь затем, чтобы поглазеть на счастливчиков, которым улыбнулась фортуна.

Здесь — районе совсем не периферийном — куда я сбежал после нахального нападения на едва сводящую концы с концами продовольственную лавчонку, бедность бросалась в глаза еще сильнее, чем в населенном чернокожими Ривазоле. Тротуары заполняла непрерывная толпа пешеходов, но под стенками разваливающихся бараков, на маленьких площадках и в придорожных канавах повсюду, где только находилось свободное местечко среди груд отбросов и мусора, кочевали (под голым небом) орды ободраных и грязных манекенов.

Ловко, будто обезьянки, куколки детворы с визгом катились под изображавшие уличное движение развалины автомобилей, обрывали друг другу уши, ломали пластмассовые ножки или сдирали носы в беззаботных играх под сенью уличных пальм. Местечки получше, в нишах между декорациями и заваленных сараях, оккупировали семьи бедняков, изображающих какие-то скромные занятия. Одни эрзац-люди занимались здесь производством паршивых поделок, другие — мелкой торговлишкой. Вся оставшаяся пластиковая нищета и босота жиро-

вала на кучах псевдо-отбросов или же нахально лентяйничала на панелях, чаще всего, валяясь на спине.

Привлеченный вывеской бара самообслуживания, я прошел через всю эту толчею на другую сторону улицы. Возле бара мне пришлось увидать сценку, характерную, скорее, для богатых районов: атлетично сложеный вышибала пинком под зад выгонял ободранного бродяжку. В непршеном госте — когда тот поднялся с тротуара и вытер измазанное грязью лицо — я с изумлением распознал настоящего человека. Я пошел за незнакомцем к следующему дому. Нищий был худющий и голодный как ничейная собака. Он сразу же вытянул свою костистую руку за хлебом. Я разломил буханку и дал ему половину с одной банкой консервов. После того я попытался с ним познакомиться, задавал ему какие-то вопросы и рассказывал о себе. Только никакого контакта установить мне с ним не удалось: его умственное развитие остановилось на уровне крайнего идиотизма.

В бар я вернулся приветствуемый низким поклоном искусственного вышибалы, что доставило мне хоть какую-то тень удовлетворения.

VIII

Прошлого я практически не помнил. Мнимая жизнь, веселое или же мрачное, Таведа, квартира на девятом этаже, книжки, телевизор, несносные соседи, Пиал Эдин со своей фабрикой, уикенды на острове Рефф, пляж в жаркие дни, слайды у Йоренов, коньяк с Эльсантосом и его подружки, иногда печаль, а временами радость, и, наконец, Линда — все пластиковое прошлое, вплоть до момента пробуждения утром в понедельник, поблекшим сновидением маячило в моей памяти будто за дымовой заслоной.

В этом туманном прошлом одна только Линда была без обмана. Мыслями я возвращался к различным эризодам ее действительной жизни, в течение полугода связанного с моим фиктивным существованием, я восстанавливал воспоминания, чтобы выстроить новую версию происходящего и разрешить множество загадок — для того, чтобы осветить мрак чего-то непонятного. Еще я пытался представить, чтобы происходило и дальше, если бы вчера я не нанес ей тот самый с катастрофическими последствиями визит в Темале, который нас взаимно скомпрометировал.

Для Линды искусственные люди в Темале не были манекенами, а работа в фиктивной торговой фирме — лишь видимостью некоего занятия. Достаточно было только глянуть на ее стол, где лежали документы, покрытые ее собственноручными заметками, чтобы появилась уверенность, что, сидя в товариществе четырех симулянтов конторской работы, она нашла порядок и смысл во всем этом привычном и будничном маскараде и ко всем своим обязанностям относилась со всей серьезностью. Теперь же, наверняка, когда она узнала, на что я способен, в ее глазах я утратил гораздо больше, чем добыл утром как настоящий человек. Она обнаружила во мне буйно-помешанного, я же в ней нашел девицу легкого поведения, хотя, с другой стороны, я не имел права осуждать ее за то, что она занималась любовью с манекенами: если бы Линда их презирала, нашего сближения никогда бы не произошло.

С самого начала было ясно, почему ненастоящие обитатели Кройвена не отличали людей живых от фальшивых, оригинальных построек от фрагментарных копий и заменяющих настоящие строения конструкций. В этом никакой проблемы не было, ибо никто в свете не видит ничего, кроме того, что находит в себе самом.

Постепенно до меня начинало доходить и то, почему и живые люди такие немногочисленные в искусственной толпе — безразлично проходили мимо декораций и не замечали в манекенах всех тех позорных черт, которые бесили меня. Даже в самых необычных явлениях привыкшие к ним с рождения не замечают ничего особенного.

И может лишь только тот, что был слепым с рождения, и у кого с глаз неожиданно исчезло бельмо, увидел бы вокруг себя весь фон: панораму макетов, изготовленных из материалов-заменителей, сколоченные из фанеры щиты, имеющие контуры домов и деревьев и выставленные фронтом на дальней перспективе кадра, а уже ближе, среди оригинальных элементов он распознал бы муляжи, имитации, ненастоящие материалы, искусственные и пластические массы, всяческого рода эрзацы и суррогаты, копии, парики и маски, протезы, пустые упаковки и фальшивки — одним словом, содержимое склада реквизита, смонтированное на пограничье всего действия, и посему, возможно, сам играя роль статиста на сцене, заметил бы, громаднейшие толпы статистов фона, навечно установленных на окраинах сцены, и тогда увидал бы мировые рамки в их действительном обличье.

В открытой нише бара самообслуживания на Двадцать Девятой Улице я просидел до самого вечера. Я подремывал на высоком табурете, установленном в тени мертвой пинии возле долгой полки, отделявшей собственно бар от улицы, среди вечно меняющихся говорящих и дрыгающихся кукол. Временами разбуженный чьим-то возбужденным голосом — я повнимательней разглядывался по сторонам. И теперь для меня уже не было проблемой то, как манекены движутся и разговаривают (если кому-то кажется, будто сам он знает, как это делают люди — пусть продолжает спокойненько дрыхнуть), зато догадываясь уже, с какой они это делают целью, хотелось бы еще знать, кто засталяет их проявлять постоянную активность и дистанционно управляет ими.

Я съел свой хлеб и соленые мясные консервы, Вскоре мне опять захотелось пить, В буфете и на столиках фальшивых посетителей бара стояли только пустые рюмки, стаканы и бутылки, которые манекены частенько подносили к своим резиновым губам и наклоняли над своими недвижными масками. Пластиковая закуска тоже путешествовала к губам вслед за пустыми рюмками и после нескольких движений гипсовых зубов возвращались на бумажные тарелки

в неизменном состоянии. Происходило все это настолько естественно, что уже с расстояния в пятьдесят метров кто-либо живой не заметил бы обмана и мистификации, которую так легко было бы обнаружить вблизи.

Мой нетипичный способ поедания хлеба с консервами не вызвал в баре никакой сенсации. Его просто не заметили. Чтобы не занимать места даром, мне все же пришлось взять на свой столик и что-то из буфета, посему за фальшивую банкноту я получил от бармена порцию воздуха в украшенной красивой наклейкой бутылке. Закусок я не брал, прекрасно понимая, сколько раз муляж копченого мяса или рыбы сделал рейсов из буфета через столик клиента к его губам, а через губы, на столик и обратно в буфет. Бармен, каждое свободное мгновение занимавшийся поисками потерянного парика, сносил отполированные сотнями рук закуски лишь со столиков, временно занимаемых посетителями с улицы, потому что те входили, опрокидывали в себя, нюхали и уходили — но таких столиков здесь было всего лишь несколько.

Большинство же мест занимали муляжи клиентов, связанных с данным баром навечно, только вовсе не тягой к рюмочке — но столярным клеем,

которым были смазаны их зады. У таких постояльцев бармен не забирал их якобы-блюд — он их только смахивал тряпочкой от пыли. Пленники заведения оживленно болтали друг с другом, и это они в основном и создавали постоянный гомон. Для проходящего по улице случайного слушателя шум в баре терял свое естество лишь после того, как он переступил бы порог и попытался сконцентрировать свое внимание на избранной беседе. Каждый из пьяных монологов или же дружеских диалогов, что велись на тяп-ляп подделанными посетителями — если рассматривать их индивидуально — выдавал признаки заранее запрограммированной небрежности в деталях: они состояли из бесконечной серии повторов какого-то с трудом артикулированного предложения, едва-едва походящего на нормальный язык.

Со стороны улицы практически все бары и лавочки вместо стен имели различного рода жалюзи, которые либо полностью убирались, либо сворачивались на время открытия заведения во время долгосрочной жары. Благодаря этому, если сидеть в баре под поднятыми жалюзи, откуда открывался вид на всю округу, складывалось впечатление отсутствия изолированности от проходящей по улице толпы и полнейшего уча-

стия в общественной уличной жизни.

Тротуары возле бара шлифовались сотнями пластиковых ног. В это время дня непрерывное движение пешеходов на одной из самых больших улиц было явлением абсолютно естественным. Я и сам вот уже два дня проталкивался в этой толпе и, помимо волнующего факта, что вся эта масса состояла из ненастоящих типов, ничего необычного не заметил. Чтобы познать механизм создания толкучки и постоянного потока пешеходов на улицах Кройвена, нужно было остановиться в сторонке хотя бы на несколько минут.

Когда за последнюю найденную в карманах бумажку лысый бармен вместе со второй пустой коньячной бутылкой дал мне дружеский совет "чуточку притормозить", я обратил внимание на парочку молоденьких манекенов, что проходила мимо бара уже в пятый или шестой раз. Паренек обнимал свою подружку в поясе, и в том месте, где они сближались, парочка была соединена навечно. Время от времени перед глазами мелькала фигура стройной, очень шикарно, по образцу элегантной модели из Экстра-Виссо одетой женщины. Двигалась она с истинной грацией, но, глядя на идеальные пропорции ее тела, после

четвертого ее возвращения я с неодобрением заметил, что у нее ободран локоть.

Кучка детей неопределенного пола, зато легкоопределимым отцовством, регулярно, каждые четверть часа заскакивала в бар, передавая извозчику (намертво установленному возле пустой бутылки) известия от мамы, которая уже ни секундочки больше не станет будто последняя прислуга возиться с кастрюлями, когда муженек нажирается тут с дружками и не приносит домой ни копейки. Как и на большинстве манекенов, на детях была одежка из бумаги, на местах дырок, иллюстрирующих нищету, заклеенная заплатками из газет самого низкого пошиба.

Я познакомился с лицами и многих других постоянных прохожих и, в конце концов, мог утверждать, что практически все искусственные люди, что шли по тротуарам, разворачивались по определенным маршрутам и проходили их многократно, туда и назад, с целью вызова впечатления вроде бы естественного уличного движения. Я размышлял о мрачной судьбине этих вечных прохожих и пытался представить, что они делали потом в макетах своих домов, когда поздно вечером — после многочасового исполнения роли статистов в толпе — таинствен-

ная сила наконец-то освобождала их от дневных обязанностей.

Бармена звали Кальпатом, и он был хозяином данного заведения. Возле буфетной стойки на длинном гвозде висел листок с напечатанным его рукой известнейшим риторическим вопросом: "Если ты такой умный, так почему ты не богатый?", на который он время от времени указывал наиболее расшумевшимся посетителям. Я сам присутствовал при том, когда год назад Блеклый Джек молча приписал на том же листочке вопрос к хозяину: "А ты сам — если такой богатый — почему ты несчастлив?" На том же самом гвозде, заслоняя тексты обоих вопросов, болтался потерявшийся парик бармена. Я хотел уж было указать Кальпату предмет его долгих поисков, как тут в бар зашел Блеклый Джек.

— Уважаю всех вас, тех, кто остается в тени, — сказал он.

Сюда он прибыл в компании более десятка манекенов. Увидав его, я инстинктивно (то ли опасаясь, что он станет расспрашивать меня о происхождении красного пятна на рубашке, замеченного им у Йоренов, то ли руководствуясь нежеланием продолжения касающихся меня предсказаний) спрятался за газетой, развернутой

искусственным соседом, хотя и совершенно исключал возможность того, чтобы пророк вызвал сюда полицию или карабинеров.

— Если ты уважаешь и меня, — обратился к нему бармен, — сделай так, чтобы у меня на голове отросли волосы.

— А ты веруешь, что я способен сделать это?

— Верую тебе, Господи. Ты способен.

Блеклый Джек окинул бармена долгим и серьезным взглядом. Он приказал ему встать под листочком с вопросами, где намазал его пластиковый череп клеем и натянул на него снятый с гвоздя парик. Измененного таким вот образом бармена он отправил за прилавок, говоря при этом:

— Никогда уже не заблестит твоя лысина, корчмарь. Продолжай полдсчитывать деньги свои и возвращайся к имениям своим.

Неожиданно покрывшийся волосами хозяин бара бросился к ногам Блеклого Джека, который успокоил его спокойным жестом руки.

— Но о том, — сказал он, — что я вроде бы сделал тут, не труби повсюду вокруг себя, крича голосом громким: "В одно мгновение отросли у меня волосья!" Лишь в мыслях благодари Того, кто послал меня сюда — ибо это Он высадил волосы

на голове твоей.

Так он говорил. Но едва вышел, бармен тут же помчался, чтобы рассказать о случившемся всем постояльцам и гостям.

Когда же Блеклый Джек еще разглагольствовал о Том, кто послал его сюда, с улицы прибежали манекены, указывая пальцами на разложенное на тротуаре тряпье, где уже много лет валялся парализованный старик. Все не связанные навечно с баром посетители тут же направились туда, и каждый, у кого имелись глаза, чтобы видеть, лично удостоверился, как их учитель руками своими потер обе ноги и руки, пораженные неизлечимой болезнью. Переломав четвертый кусок проволоки (весьма истончившейся от ржавчины), которой члены старого манекена были прикручены к каменной плите, Блеклый Джек выпрямился над поваленным немочью телом.

— Тебе говорю, несчастный. Встань! Забирай отсюда лохмотья свои и иди.

И случилось так, когда сказал он это, что хромой легко поднялся.

Оттуда Блеклый Джек захотел перейти на другую сторону улицы. Но уже на самой средине мостовой ему заступил дорогу прокаженный.

Страдающий ужасной болезнью ианекен

имел на себе лишь тоненькую оболочку с наложенными на ней пластиковыми имитациями чудовищных ран и язв, а так же трусы. Трусы были тоже нарисованы краской на этой оболочке, что выявилось лишь в тот момент, когда Блеклый Джек, говоря: — Желаю, будь очищен от болезни своей! — поддел уголок отвратительной оболочки и легко стянул ее со всей фигуры прокаженного, к сожалению, вместе с нарисованными поверху трусами. Разорванная резиновая пленка — съежившись — только свистнула и пропала.

Какое-то время они стояли друг против друга в свете закатного солнца, посреди забаррикадированной мостовой: Блеклый Джек в своем старом мешке, с толстенной цепью на бедрах и голый манекен со снежнобелой кожей, пока всем случившимся не заинтересовались двое искусственных полицейских.

Один уже бежал к ним с готовой ударить дубинкой, а второй — вытянув блокнот с штрафными квитанциями. Блеклый Джек поругал одного и второго, после чего сказал:

— Идите за мною, и я сделаю вас ловцами статистов.

И случилось так, что как только обратился он к ним, спрятали со стыдом они орудия свои и

послушно пошли за проповедником.

Два слепца нагнали Блеклого Джека уже на другой стороне улицы. У обоих глазницы были замазаны гуашью, наляпанной на пластиковые маски.

— Веруете ли вы, что я могу сделать это? — спросил он.

— Конечно же, Господи! — отвечали те.

— Тогда промойте глаза ваши в дождевой воде, собравшейся в самой глубокой канаве. И они сделали так, как он сказал. Когда же раскрылись глаза их, Блеклый Джек пригрозил им сурово, говоря:

— Позаботьтесь о том, чтобы никто не проведал о случившемся.

Но те мололи языками до тех пор, пока не собралось четвертое сборище.

И весть о нем расходилась по всему Кройвену: по берегам Вота Нуфо, от Уджиофорте до Альва Паз и от Ривазоля до Таведы, но и дальше — до самого Куэнос.

Он же стоял среди толпы и учил их, говоря:

— Играйте роли свои, ибо приблизилось время готовности зрелища сего и день идет Окончательного Монтажа. Ищите истину в сердцах ваших, ибо она освободит вас. Вера во Внутренний Голос

перенесет вас на экран мира, на который вскорости обратит Зритель взгляд свой. Там вы будете жить вечно, как на сцене этой, что сейчас лежит у ног Его.

Благословенны статисты, когда не выступают они на первый план. Лишь тихие останутся на мировом экране. И те, что мусором ныне являются, утешены будут, ибо минуют их ножницы Монтажера. Только не считайте, что дано мне изменять законы игры кинематографической либо же от имени Зрителя прощать вам свершенные в актерском искусстве промахи.

Слыхали вы, когда говаривалось ранее: "Да будет Воля Твоя". Я же говорю вам, что каждый актер или статист, что на съемочной площадке воспротивится совести своей и сыграет, не согласуясь с Духом Сценария, вырезан будет из дубля и выброшен будет в мраки внешние. Так что если недоволен ты своим правым глазом — выдави его, если недоволен ты своею десницей — отруби ее: ибо полезней для тебя будет, чтобы погибло что-то из членов твоих, чем если бы весь ты убран был из сцены этого фильма при его Окончательном Монтаже.

Зритель не станет оценивать тебя по полученной роли, но лишь за достоинства твоей игры

в рамках полученного тобою таланта, который ты осознаешь в судный день. Потому и говорю вам: не собирайте для себя сокровищ на сцене, где моль и ржавчина пожрет все и где — кроме вашей веры в сокровища — все фальшиво и поддельно. Гляньте на птиц, что не сеют и не жнут, и не собирают в гумна, но Творец наш питает их. И зачем беспокоитесь вы об одеждах? Приглядитесь к лилиям полевым, как они растут: но ведь не вышивают они и не прядут. А разве королева красоты во всей славе своей бывает одета так, как хотя бы одна их них?

Так что уж если траву полевую, что сегодня есть, а завтра бывает в печь выброшена, Отец мой так одевает, то не более позаботится и о вас, о маловерные!

Газета, за которой я спрятался от Блеклого Джека, неожиданно заинтересовала меня. По случаю она была настоящей и содержала новейшие известия. Она торчала в широко расставленных руках моего чернокожего соседа. Его стеклянные глаза всматривались в страницы, покрытые настоящим печатным шрифтом, так же бессмысленно, как и глаза двух иных манекенов, которым уличный продавец за пластмассовые кружочки сунул в руки имитацию последнего номера "Кройвен-

Экспресса". Единственный настоящий экземпляр, чудом попавший в бар, тут же выхватил каучуковый негр.

Когда чернокожий перевернул газетный разворот на другую сторону, я увидал напечатанный крупным шрифтом заголовок:

"НАГЛОЕ ГРАБИТЕЛЬСКОЕ НАПАДЕНИЕ

"В САМОМ ЦЕНТРЕ КРОЙВЕНА

Уверенный, что газета сообщает о моих похождениях, я беспокойно припал глазами к полосе, но сразу же удивился, потому что в статье шла речь лишь об очередном, закончившемся удачей деле знаменитого гангстера Давида Мартинеса:

Вчера вечером, в восемнадцать двадцать, шай
ка, состоящая из шести гангстеров под предво
дительством неуловимого бандита Давида Марти
неса совершила вооруженное нападение на спец
машину, груженную золотыми слитками. Нападе
ние было совершено на Пятьдесят Первой Улице в
тот момент, когда конвой автомобилей эскорта
проезжал возле универмага "Рива Альта". По-

сле
недолгой перестрелки между вооруженными авто
матами гангстерами и стражниками, действу-
ющи
ми совместно с полицией, бандиты уехали на
спецмашине в неизвестном направлении, остав
ляя на месте двух своих убитых сообщников. В
перестрелке пало восемь сопровождающих и трое
полицейских.
Напоминаем, что это уже девятое кровавое гра
бительское нападение, совершенное шайкой Дави
да Мартинеса за последние четыре года. На сей
раз добычей гангстеров стали четыреста килог
раммов золота, перевозимых в банк "Куэфеда Нос
Паза". Власти ведут интенсивное следствие.

Я попросил у резинового негра газету, чтобы просмотреть ее повнимательней. Прежде, чем чернокожий успел отреагировать, другой погруженный в чтение манекен вежливо предложил мне свою имитацию. Под доброжелательным контролем его стеклянных глаз я добрые чет-

верть часа тупо всматривался в черные полоски и серые прямоугольники, покрывавшие бумагу вместо заголовков и колонок текста. В конце концов негр отправился к буфету за бутылкой. Тогда я незаметно поменял оба экземпляра, положив эрзац-газету на столик чернокожего.

Лишь на предпоследней странице я нашел заметку, касающуюся меня:

БЕЗУМЕЦ В ТЕМАЛЕ

Множество неприятностей доставил карабинерам

некий Карлос Онтена, проживающий в Таведе ра

ботник фабрики по ремонту вагонов в Пиал Эдин.

Ведомый ревностью к своей невесте, секрета

ря-референта из Темаля, которую он подозревал

в любовной связи с начальником отдела, в кото

ром та работала, во время своего неожиданного

визита в здании торгового центра, застав не

весту с начальником, Онтена буквально взбесил

ся. Убив начальника и семь других человек, ко

торые то ли пытались обезоружить безумца, то ли случайно попали к нему в руки, Онтена зак
рылся с тремя заложниками в одном из поме
ний офиса, где под угрозой застрелить этих не
виновных людей он не допускал, чтобы оса
ждаю
щие карабинеры смогли взломать двери. Толь
ко
лишь сегодня, на рассвете — после мобили
зации
значительных сил — карабинеры захватили прес
тупника, уже без дальнейших смертельных жертв.

Во вчерашней информации (отредактирован
ной во
время осады) мы сообщили дополнительные под
робности о разыгрывающейся в Темале тра
гедии.

Согласно многократно подтвержденным, до
стой
ным доверия сведениям, полученным на ме
сте на
шим корреспондентом, Карлос Онтена (до сих

пор
ни в чем себя не скомпрометировавший перед по
лицией), прежде чем устроить побоище в Темале,
был одним из последователей тридцатитрехлетне
го уличного пророка, называемого Блеклым Дже
ком, который сам себя зовет "режиссером мира"
и пользуется значительной популярностью среди
бродяг, кочующих на восточном берегу Вота Ну
фо.
Нам бы не хотелось акцентировать здесь влия
ния учения уличного пророка на поведение фаб
ричного рабочего. Только бросается в глаза
факт, что Карлос Онтена, располагающий неве
роятной физической силой, в Темале отличился
исключительнейшей жестокостью. Уже во второй
раз мы помещаем в репортерском сокращении

спи
сок его преступлений:
У секретарши, загородившей собою дорогу в ка
бинет начальника, преступник вырвал из тела
руку вместе с лопаткой. Самому начальнику он
разбил голову одним только ударом кулака. Нож
в руке чиновника, бегущего на помощь подвер
гшимся опасности женщинам, лишь побудил Онте
ну совершить длинную серию новых убийств. Сог
ласно показаниям свидетелей, громила поднял
чиновника под самый потолок и с такой силой
бросил того на лестницу, что металлические
опоры разбитых перил пробили тело несчастного
навылет.
Совершив это, залитый кровью своей жертвы
Онтена поднялся на смотровую площадку здания.
Там, во время попытки его ареста сотрудниками
правопорядка, он схватил за лацканы мундиров

двух рослых карабинеров и, перенеся их к огра
де крыши небоскреба — спихнул в пропасть. За
тем он обезоружил третьего, стрелявшего в не
го, но промахнувшегося карабинера, и выкру-
тил
револьвер у того из руки. Он не простил и бе
зоружной женщине, которая указала властям мес
то укрытия преступника: Онтена застрелил ее,
прежде чем та успела сбежать с терассы.
Как бы несытый еще крови, проливаемой в ка
ком-то сумасшедшем вдохновении, Онтена спус
тился двумя этажами ниже, когда он уже был в
безопасности, когда на него уже никто не напа
дал, и из самых садистских побуждений застре
лил восьмилетнего ребенка. Преступник убил
мальчика, приложив ему револьвер прямо ко лбу.
Вскоре после того, нагоняемый вторым патру
лем карабинеров, убегая по коридору шестьде
сят второго этажа торгового центра, он втор
гся на место первого своего преступления, где
еще раз воспользовался добытым оружием: из не

го он застрелил врача из экипажа скорой помощи, оперировавшего раненую секретаршу. Через секунду (видимо, только лишь для того, чтобы продемонстрировать свою чудовищную всесторонность) он сменил орудие преступления с револьвера на хирургический нож, вырванный из тела оперируемой. Ужасным ударом этого ножа он пробил насквозь горло карабинера, убивая на месте уже восьмого по очереди человека.

"В последнюю минуту: Как нам докладывают из Главного Управления Карабинеров, схваченный на рассвете грозный бандит Карлос Онтена — после того, как разбил стену — сегодня в полдень сбежал из камеры предварительного заключения.

Из бара на Двадцать Девятой Улице я ушел поздним вечером, когда тротуары несколько опустели. Неподалеку, на голой земле — под усеянном звездами небом — сбившись в кучи,

лежали куклы бездомных обитателей этого района. В горячем воздухе поднималась вонь дыма от костра этих несчастных. Мне хотелось лечь среди них и немедленно закрыть глаза. Спрятавшиеся в плотной тени тела искусственных людей выглядели поваленными пугалами.

На другой стороне улицы я споткнулся на куче мусора. Выпутывая туфли из силков всяческих отбросов, я заметил среди них протезы двух человеческих ладоней. Они были оборваны у самых запястий и судорожно сжимали краешек разорванной тряпки, в которой — когда на нее упал свет, и я смог прочитать надпись РИС — я узнал остатки мешка с фальшивыми деньгами. Я сразу же стал искать глазами место у стенки, где еще несколько часов назад сидел осчастливленный моим даром нищий. Но там его не было, хотя сидеть он мог только там. Видно, что он до тех пор воспевал всему миру конец своих бедствований, что от него остались одни ноги — выпрямленные на тротуаре и затопленные в бетон. Остальные части его тела — таща за мешок — разорвали и разнесли повсюду волки пластиковых джунглей.

Сожалея, что дал нищему эту ценную кучу макулатуры, на ночь я устроился в темном углу заваленного всяческим мусором сарая. Со своего

места, через щель я видел костер, окруженный имитурущими сон манекенами. Интересно — подумал я — какого же рода позорные знамения и постоянные связи мог видеть Блеклый Джек, когда глядел на меня или других манекенов высшего разряда, которых я уже не замечал и только лишь потому называл их настоящими людьми.

С бумажками в мешке или же без них, в этом или каком-то ином фильме каждый в тисках некоего постамента, на крючке единственной роли мог оставаться в счастливом состоянии только лишь до тех пор, пока оставался на привязи собственной натуры. И, возможно, между Блеклым Джеком и нами вроде бы настоящими людьми — было такое же расстояние, которое отделяло нас от манекенов. Но эти последние, глядя на живых людей — не замечали в них никакого превосходства.

Отблески огня, окруженного очертаниями человеческих фигур, призывали мысли о первобытной орде и связью между одинаково чувствующими существами. Но вторая мысль, что в данном случае эта связь механически симулируется с целью вызвать определенный сценографический эффект, особо настраивала на меланхолию.

Совершенно неожиданно — замороженный чувством страха — я придвинул часы к полоске света, попадавшего вовнутрь сарая через дыру в стенке. Ьыло двадцать три часа пятьдесят девять минут. Взглядом я уставился на секундную стрелку, сделавшую еще оди полный оборот, отмеряя последнюю минуту вторника.

IX

Не выспавшись, утром следующего дня я проснулся с чувством нарастающей угрозы, действующей сильнее, чем физическое истощение. Долгое время я вообще не двигался с места. Все то, что не совсем явственно рисовалось в моем сознании: чудесное оживление после многих лет псевдо-бытия на съемочной киноплощадке и нечеловеческая роль, которую я играл в обмен на освобождение из пластиковых пут — все кристаллизировалось и рухнуло на меня будто известие о неизлечимой болезни и скорой смерти, тем более страшное тем, что пришло оно в тот момент, когда я начал жить по-настоящему.

Благодаря таинственному превращению различного рода эрзац-материалов, из которых я до сих пор был сложен, в тело настоящего человека, я вдруг очутился в ситуации человека, родившегося на свет в полноте физических и психических сил, но при том лишившегося периода накопления знаний. Поэтому во всякой мелочи для меня заключалась загадка и проблема. Со свойственной детям впечатлительностью я реагировал на всякие явления, совершенно не замечаемые

людьми, усыпленными наркозом псевдо-знания.

Все просто: все живые обитатели сцены в возрасте своего раннего детства — ошарашенные окружающими их чудесами — должны были задавать многочисленные вопросы своим взрослым родителям. Но ведь именно для того и существовали школы, чтобы при процветающей образовательной системе подавлять естественное любопытство, и для того, чтобы затыкать детям рты эрзацами правильных ответов. Следовательно, отвечая на вопрос, почему монета падает на землю, учитель давал классу, боящемуся получить плохую оценку, протезик, говорящий о "притяжении", ученик же, счастливый тем, что смог дотащить его др экзамена, весь остаток жизни проводил, решая вопрос: каким же образом удержать такую монету в кармане. При подобной системе обучения (широко применяемой во всех областях знаний), движущей силой которой был страх перед репрессиями за самостоятельность и оригинальность, экзамен на аттестат зрелости сдавал достаточно зашоренный выпускник.

Мне трудно было поверить, что та же самая сублимация, что подняли мое тело и сознание до уровня истинного существования, одновременно осуждала меня на одиночество и скорую смерть

в условиях, невозможных для жизни. В особенности же я не мог согласиться с необходимостью самостоятельно защищаться перед репрессиями закона для ненастоящих граждан. Вместе с видением смертного приговора, которое реально возникло из помещенной в "Кройвен-Экспресс" статьи, пришла, однако, и уверенность, что в огромной массе закончивших обучение законам данной жизни, уже безразличных к тому, что человек в моем положении мог бы сказать по самым важнейшим для всех живущих вопросам, и уже заткнувших рот обывателей, я все-таки найду людей, все так же ищущих правды и склонных углубить свои знания.

И мне нужно было самому обнаружить этих людей, поскольку, провозглашаемое уже несколько лет учение Блеклого Джека не разрушало стены молчания относительно смысла жизни в заполненном декорациями мире.

Я сел на автобус и поехал в направлении Центра, к тому отрезку побережья Вота Нуфо, где вода была настоящей. Здесь я утолил жажду, напившись прямо из озера. Правда, при этом я рисковал наглотаться эмбрионов холеры. Потом я прошел немного дальше.

Весь мост у выезда с Двадцать Девятой Улицы

был солидно сконструирован из стали. С обеих сторон его окружала неподдельная вода. Отсюда я не видел никаких декораций. Деревья и другие растения, а также все дома в округе, если смотреть со стороны, образовывали вполне естественный пейзаж. Одни только движущиеся объекты (как например, автомобили и пешеходы) были, в основном, искусственными. Среди прохожих изредка появлялись и настоящие люди. В этом районе на километровом отрезке я насчитал их около трех десятков. Я пытался выяснить, по какому закону можно было бы связать всех живых в одну группу, но никакого правила не открыл. Настоящие прохожие были самые разные — такие, которых в обычных условиях можно встретить на улице где угодно.

Я вышел на прилегающую к озеру площадь, посреди которой высился комплекс суперсовременных, настоящих зданий Университета. Самые высокие части объектов комплекса, укрепленные легкими конструкциями из стали и бетона, врезались в небесную лазурь и отражались на солнце плоскостями из стекла и алюминия. Многоцветные помосты и колонны опирались на мраморные сегменты. На площади росли образчики самых настоящих пальм. Повсюду царила

чистота и идеальный порядок.

"Это здесь, — подумал я. — Вот место, где Разум и извечно беспокойная, ищущая правды Мысль вздымаются выше всего. Здесь я легко найду кого-нибудь, кто обнаружит смысл в аргументах, свидетельствующих о кинематографической версии действительности.

Скорым шагом я направился по аллее, обрамленной самыми настоящими кипарисами. И только очутившись в самом здании, я заробел — задрожал, напуганный великолепием интерьера и близостью к титанам мысли. Я до такой степени поддался усиливающейся дрожи, что вместо приготовленных тезисов почувствовал в голове совершенную пустоту. Глядя на руки, я видел лишь траур за ногтями. В таком состоянии можно было опасаться, смогу ли я передать кому-нибудь собранную мною информацию, в форме достаточно завлекательной, чтобы заинтересовать кого-либо.

Я возвратился на площадь, по пути никого не встречая. Еще раз я подошел к фонтану, водяной султан которого орошал свежую зелень травы. Там я помыл руки. "На всякий случай, — подумал я, — чтобы обезопасить себя перед неожиданными эффектами, которые могли быть вызваны

эмоциональным подходом к делу, — следовало бы где-нибудь присесть и спокойненько сформулировать все на бумаге. В таком случае у меня было бы больше времени для подбора соответствующих выражений, чем во время беседы. Кроме того — в случае следующего приступа робости, вызванного легендарным профессорским разумом — я мог бы просто передать листок на рассмотрение соответствующему лицу".

Я тут же помчался на угол Двадцатой Улицы, где стоял киоск со всякими нефальшивыми мелочами. Там я купил тетрадку и ручку. После этого я уселся под пинией и на четырех вырванных из тетради листочках представил собственную точку зрения относительно декораций.

Только лишь в университетском коридоре я осознал причину глубочайшей тишины во всем помещении. Я попал сюда во время весенних каникул. Разочарованный неудачей я уже направился-было к выходу, как вдруг услыхал женский голос, раздающийся из-за дверей, мимо которых я проходил, Я поднял голову и увидал табличку с перечислением титулов и исполняемых функций, что покрывала почти половину дверей, ведущих в кабинет профессора.

— Это здесь, — еще раз шепнул я себе с надеждой

в голосе, и снова задрожал в тисках нарастающей тревоги. Я даже не был в состоянии прочитать полного текста вывески, Перед глазами у меня мигали лишь фрагменты длинного списка: "один из величайших", "председатель Комитета", "член Президиума", "заместитель директора Института"...

Я вошел.

— Слушаю вас, — вежливо обратилась ко мне механическая секретарша профессора.

Закончив ненастоящий телефонный разговор и положив на место трубку аппарата, провод которого даже не доходил до стенки, она повернулась ко мне на своем кресле, установленном под дверью кабинета за поверхностью элегантного столика. Кукла была абсолютной копией секретарши начальника из Темаля, и сам этот факт меня весьма обеспокоил.

— Я пришел к господину профессору по очень важному делу, но забыл о весенних каникулах. Не могли бы вы сказать мне, где я могу его теперь найти?

— Профессор сидит рядом, в собственном кабинете.

— Так он здесь! — обрадовался я.

— На период каникул его задержала на месте

работа... — Секретарша оглянулась украдкой и закончила шепотом, приложив к губам свернутые трубочкой ладони: — работа, имеющая важнейшее теоретическое значение.

— Даже так!

Листочки выпали у меня из рук и рассыпались по полу. Я собрал их. Черт, он уже обо всем знает, а то и больше, — с облегчением, но и с ноткой зависти подумал я. Куда уж там мне до подбных умственных высот.

— Это будет бомба! — сообщила секретарша, на сей раз уже без рупора ладоней.

— А не мог бы я забрать у профессора несколько минут его драгоценного времени?

— Исключено!

— Только пару слов.

— Не может быть и речи! — Она крепко ухватилась за дверную ручку, как и ее копия из Темаля. — Весь мир ожидает результатов работы господина профессора.

— Но ведь я пришел сюда как раз относительно этой бомбы! — воскликнул я, видя, что обстоятельства буквально заставляют меня дублировать кое-какие фрагменты своей роли.

— Так надо было сказать об этом с самого начала!

Я стоял рядышком с ширмой, оклееной фотографией шикарного столика и горячечно размышлял, как прорваться через этот первый запорный шанец. Секретарша быстрым движением забрала листки у меня из рук.

— А где же свободное место для авторской подписи и всех титулов господина профессора? Все издательства и редакции принимают его труды исключительно в фрмате А-4. И вы считаете, будто громадные пробелы в своей никому не нужной работе профессор... наоборот, черт подери... наоборот, пропорционально массе его тела... елки зеленые! — Она запнулась. Потом она что-то повернула у себя в голове, пока там не щелкнуло, — что несущественные пробелы в своем великом труде профессор станет заполнять такими вот огрызками? Тоже мне!

— Но я... как-то не пони...

— Это что тут за вопли? — раздался ясный, великолепный и могучий голос из-за картонной двери.

"Это он", — бледнея, подумал я. Чтобы не упасть, я схватился за уголок ширмы. Сердце в груди бухало пневматическим молотом.

Разблокированная секретарша приоткрыла двери и через щелку, едва слышимым шепотом

произнесла таинственную шифрованную фразу:

— Тип согласился слизать без шаблона в формате А-4. устраивать?

— Мамзель Элеонора, мамзель Элеонора! Как вам не ай-ай-ай! Сколько раз вы уже заучивали на память, что каждого человека надо уважить. А вдруг мы и приспособимся.

— А вдруг! — указала она мне на дверь.

Я вошел.

Манекен профессора сидел на кресле-качалке рядом с колоссальным по величине макетом рабочего стола, стоящего между двумя пирамидами муляжей научного оборудования посреди комнаты, все стенки которой были будто обоями оклеены корешками, сорванными с ученых трудов.

Я выскочил.

— А вдруг!

Метко уколотый острием пружины, выскочившей из кончика туфли секретарши, я вновь вскочил в кабинет. Профессор обоими протезами рук уже приготовился к предполагаемой аргументации: одним уже прикладывал к лацкану ленту с длинным рядом орденов и медалей, а второй перекладывал собственные дипломы.

— Ошибочка, — спокойно произнес я и еще раз

направился к выходу.

— А вдруг!

На сей раз механическая охотница за ватой для эпохального труда запихнула меня в святилище могучими ударами обоих ног, которым успешно помогали мощные пружины. Я упал прямо в кресло, поставленное перед фальшивым гением.

— Если кто-то в первом акте упоминает о бомбе... — тут он сделал значащую паузу, — в последнем обязан для меня что-нибудь взорвать.

Я же, все так же молча, глядел на него. Тот подмигнул мне стеклянным глазом и, вроде бы ради пустой забавы рук, привыкших оперировать символами, начал полировать восковую медаль. Он разогревал ее трением пластиковых пальцев и до тех пор разглаживал и плющил свои знаки отличия, пока парафиновая кучка не достигла приличных размеров.

— Позвольте поинтересоваться, коллега, чем вы очищаете свои коллекции? — спросил он небрежно, лишь бы отметить мое присутствие, а может просто отвлечься.

Я пожал плечами.

— Я тоже не хвалюсь, хотя, под давлением моего личного участия, когда я перекачивал из пустого в порожнее, раздулись все учебные программы.

Мало того, это именно я так потряс фундаментами представлений о пятом колесе в телеге, что дрогнули наивысшие этажи надстройки. Но успели ли вы сделать диссертацию еще в те тяжкие времена, когда после многократного деления спички у всех наконец-то мелькнула светлая мысль про скварки?

— Про что?

— Ладно, это мелочи. Каждому, кто не желает делиться с другими, близка и дорога гипотезия про скварки. Пытаемые многолетними иссследованиями ученые признавались под присягой, что никто уже этой мелочевки не сможет на опилки поделить. Я же — в своей верной гипотезии — каждую из этих неделимых частиц на две субскварки по-честному раздраконил. Только из-за глупости этой мелкой в историю пока не попал, хотя ныне за термин "запущенной юлы" сейчас и получаю титулок. Мне тут стипушечку оформили, и после целого года научной активности новые частички я назвал скварчатками. Шуму тогда было! И вот, полюбуйтесь!

Он указал на целую охапку дипломов и номер счета.

— Мне бы хотелось объяснить вам, зачем...

— Ша! — нетерпеливо перебил меня он таким

жестом, как будто защищался от нападения пластиковой мухи. — Все существующее можно без труда объяснить одним только присутствием скварчат, гравитолазов и фалиций. Ибо, почему любые две вещи друг к другу стремятся, и что различные кирпичики все время в кучу стягивает? Явление это вызвано присутствием гравитонов, которые любое тело по направлению к другому из себя испускает, а второе первому возвращает, и тогда они квиты! Так вот, я частицы эти, выдуманные крутым видно мыслителем, гравитолазами назвал. И вот!

Он показал следующую охапку и новый банковский счет.

— Может сейчас я бы представил господину профессору...

— Представления нужно ожидать до следующего конгремсса. Там я оглашу всему миру, что все глобусы, что кружат во вселенной, на привязи держит моя "гравитационная фалиция". Вводя в науку это пустопорожнее понятие, я намереваюсь доказать коллегам, что не имею понятия, чем она, наука, занимается.

— Я мог бы кое-что вам сказать...

— Я! Все время это "я". Имени я как-то не расслышал, лицо мне незнакомо, дипломов не замечаю,

зато вижу отсутствие базисных знаний и научной пытливости. Приходит, понимаете, какой-то тип с улицы, перебивает мои важнейшие выводы и еще говорит мне "я".

Я поднялся, чтобы выйти. Только искусственный профессор — разозленный помехами во время его выступления — могучим захватом пластмассовых рук заставил меня слушать дальше.

— Вы, повидимому, сюда с чужой планеты прибыли, — позволил он себе легкую шутку. — Вы хотя бы знаете о том, что на физическом факультете за одного потенциального студента дерутся меж собою четыре свободных места? В данной ситуации титулованными научными светилами у нас автоматически становятся все те дубины, что завалили конкурсные экзамены на других специальностях. Мы подсовываем им собственные свободные места как спасательную доску, ласкаем и вздымаем на самую вершину. Благодаря такой системе, все дипломанты — наши люди, и здание науки оккупировано плотной группировкой пронумерованных в нужных реестрах фигур — и это стена, которой не пробъет одинокий тип даже с кайлом в ркаx, пусть даже если ему и есть сказать что-либо существенное.

Ни один поставленный на страже декораций научный работник не допустит выявления ценной мысли пришельца снаружи, ибо после ее объявления все публикации, издаваемые до сих пор с целью имитации научной деятельности, пошли бы — понятное дело — прямиком на гвоздик в туалет. Трагедия подобного рода случается один раз в несколько столетий. И происходит она в самый момент исключительнейшего бардака в какой-то отдельной дисциплине или же по вине достойных наказания недосмотров научных чиновников, призванных и обученных только лишь затем, чтобы охранять пустые упаковки. Я по этой теме знаю все, так что вы мне ничего нового не расскажете.

— А вдруг! — неосторожно вмешалась секретарша-автомат.

Мне показалось, что в последней части своего пасквильного монолога манекен неожиданно заговорил вдруг человеческим голосом. Под влиянием этого промелькнувшего впечатления я поддался в конце концов сильному искушению и поделился с профессором опытом, собранным мною в течение двух последних дней. Я обратил его внимание на тот факт, что истины о мире следует искать совершенно в ином направле-

нии. Что следует убрать завесу мнимости, чтобы заметить, что практически все, происходящее в Кройвене, не имеет особого значения, так как лежит в глубокой отдаленности, далеко за передним планом, где-то у самого края экрана, на задах, в складах и за кулисами арены, что почти все, в нем имеющееся и существующее, создает более или менее туманный фон, вспомогательную и обширную декорацию, выстроенную вокруг единственной сцены и одного имеющего значения зрелища, которое практически всегда разыгрывается где-то вдалеке — за пределами зрения таких второплановых актеров, которыми мы оба (к сожалению или к счастью) являемся в толпе остальных статистов в течение всей своей жизни.

Когда я умолк, профессор низко склонил голову и через широко раскрытые резиновые уста, из самой глубочайшей части своего акустического корпуса издал протяжное баранье блеяние.

Я уже поднимался, когда он еще раз преградил мне дорогу своими пластиковыми руками.

— Ладно, спрошу кратко, — сказал профессор. — Имеется ли в вашей тетрадке выводы о сквар-чатках, гравитолазах или же гравитационной фалиции, которые подкрепили бы мои дипло-

мы?

— Нет.

— Тогда вон!

И он указал мне на дверь.

X

Я быстро перестал беспокоиться по поводу напечатанной в "Кройвен-Экспрессе" статьи, написанной на основании сообщений этой газеты. Самое большое, к чему эта статья склоняла человека, более всего проинформированного о событиях в Темале, каким был я сам, так это банальными рассуждениями о том, что так называемые голые факты — даже если они где-нибудь и выступают — быстро гибнут под давящим нажимом интерпретаций, подбираемым согласно основам нужного кому-то сценария событий.

После того, как я покинул здание Университета, гораздо более угрозы со стороны искусственного права меня занимала попытка ответа на вопрос, какую из двух необычных личностей судьба покалечила более жестоко: настоящего идиота, которого пинком выгнали из бара за его лохмотья, или же этого, выдрессированного научными методами фальшивого гения. Но и эта проблема (если анализ бараньего блеяния вообще составляет какую-то проблему) тоже вскорости в моем сознании отошла на второй план.

На афишной тумбе, поставленной у съезда с

настоящего моста, пластиковый мужчина расклевал новенькие объявления. На одном из них я издали узнал репродукцию собственной фотографии. Когда расклейщик ушел, я приблизился к плакату.

"О П А С Н Ы Й Б А Н Д И Т

"К А Р Л О С О Н Т Е Н А

"В С Е Е Щ Е Н А С В О Б О Д Е

Напечатанный громадными буквами заголовок занимал свое место рядом с фотографией. Чуть ниже чернел текст объявления о розыске, напечатанный шрифтом помельче:

Всех, кто повстречает разыскиваемого преступника, про

сят сообщить в ближайший комиссариат карабинеров или в поли

цейский участок место его пребывания. Одновременно предуп

реждаем, что за укрытие разыскиваемого бандита или же пре

доставление ему помощи грозит тюремное заключение на срок до

пяти лет.

Я уселся на лавке на берегу озера и, глядя вдоль широкой полосы неподдельной воды, любовался вздымающимся вдалеке внушительным мира-

жом Альва Паз. В отличие от крыши Темаля, с которой можно было легко выявить все декорации, отсюда, с этого наблюдательного пункта, застройки богатого квартала выглядели такими же настоящими, как и дома, соседствующие с Университетом.

Близился полдень, когда я, с пусттым желудком и забитой противоречивыми мыслями головой, медленно направлялся по Двадцатой Улице в направлении ближайшей станции метро. Я тащился в плотной массе спешащих на ленч манекенов, в толпе, редко-редко когда оживляемой фигурой настоящего человека. Но вся эта река моторизованных и пеших декораций текла в естественном пейзаже, рамками которого были стены самых настоящих домов, украшенные богатой рекламой, а также живые деревья и другие привычные уличные объекты.

На перекрестье Двадцатой Улицы с Шестой Аллеей — обостренным из-за голода обонянием — я почувствовал запах настоящей еды, источающийся изнутри третьего по счету ресторанчика, мимо которых я проходил. Два первых заведения радовали глаз богатой лепниной фронтальных стен и продуманным интерьером в оформлении залов. Они принадлежали к самым дорогим из

всех ресторанов города. В свое время я посетил каждый из них и оставил там целую кучу денег, чтобы насытить свое тщеславное любопытство. Теперь же окончательно пробужденный от пластикового сна — заглянув туда, я мог с безразличием констатировать, что оба эти заведения заполняли лишь оформительские конструкции и муляжи гастрономических деликатесов вместе с имитациями же людей.

Только лишь в третьем ресторане наряду с блюдами мнимыми подавали и нечто съедобное. В заведение входили по лестнице, соседствующей с входом на станцию метро. До сих пор я как-то избегал сюда заходить, но не из-за низкой категории, потому что уже привык есть в дешевых столовках. Просто, после пары посещений у меня выработалось мнение, что сендвичи здесь вечно несвежие. И вид у них был самый неэстетичный: при малейшем нажиме они распадались в пальцах и пачкали их. Повидимому, каждый раз мне ошибочно подавали порции, предназначенные для живых.

Ведомый собственным нюхом, будто зверь в пластиковых джунглях, я поднялся по ступеням и заглянул в заведение, которое, было время, всегда старался обходить стороной. За стеклом

между свободными столиками крутилась живая официантка. Буфетчица тоже была живой. В уголке сидели две пары манекенов, не связанных со стульями навечно, а столики у самой витрины занимала группа настоящих людей, среди которых я увидал Блеклого Джека и Линду.

Заметив Линду, я тут же ретировался на ступени лестницы, ведущей в метро. Все время думал я о ней и многократно размышлял, как бы устроить нашу встречу, но теперь, увидав ее, я почувствовал, что не готов к разговору, который, возможно, уже даже и не имеет смысла. Но, прежде чем я успел сбежать, она сама увидала меня сквозь витринное стекло, поднялась с места и быстро спустилась по лестнице.

— Я разыскивала тебя всю ночь, — сообщила она мне не своим голосом. Где ты был?

— Шатался по городу.

Она схватилась за пуговицу на моей сорочке и начала нервно крутить ее в пальцах. В глаза мне она старалась не смотреть.

— Вечером я поехала в Таведу и ждала под мостом на острове Рефф, там где ты рыбачил в последний раз.

— Ты думала, что я туда прийду?

Она кивнула. Говорила она изменившимся

голосом, ноги ее не держали.

— Около полуночи я вернулась в город и до двух часов разыскивала Эльсантоса. Дома его не было. А ведь ты мог позвонить ему. А потом уже до самого утра я просидела у Йоренов.

— Я был у них около полудня.

— Знаю, — при этом она слегка пошатнулась. — Они говорили. Мне казалось, что ты еще вернешься к ним. Джек видел тебя вечером в баре у Кальпата. Где ты ночевал?

— На свалке.

— Если не хочешь, можешь не говорить.

— Это уже не имеет никакого значения. Я ночевал в развалинах павильона напротив бара Кальпата.

Линда беспокойно огляделась по сторонам.

— Карлос, тебе надо немедленно спрятаться.

— И гнить до конца жизни в какой-нибудь норе?

— А плакаты видел?

— Один, возле моста.

— Их значительно больше!

— И это тебя волнует?

Она не ответила.

— По старой фотографии никто чужой меня неузнает, А ты сама? Много я утратил в твоих

глазах, после того, как содрал старую маску?

— Выходит, ты сам признался!

— В чем?

— Что желал показать, какой ты на самом деле?

Она вновь опустила голову. Я заметил, что она не настолько пьяна, как показалось мне сначала. Линда говорила разумно, хотя и обратила в метафору вопрос о маске, который лично я трактовал буквально.

— Линда, — приподнял я ее подбородок. — Как я тебе нравлюсь?

— Что ты имеешь в виду?

— Разве у тебя были трудности с распознанием моей рожи?

— В офисе ты выглядел ужасно.

— А сейчас?

— Дурачок! Лучше вспомни про объявления.

— Скажи, какие изменения ты замечаешь у меня на лице?

Она улыбнулась, и вдруг сделалась серьезной. При этом она внимательно глядела мне прямо в глаза. Потом несколько раз кивнула, как бы оценивая диагноз, поставленный про себя.

— У тебя появились какие-то навязчивые идеи, связанные с внешностью?

— Только не делай из меня придурка.

— Внешне чудовищем ты еще не стал. Но если бы я совершила то же, что и ты, наверняка часто гляделась бы в зеркале.

Она вытолкнула мою руку из под своего подбородка и снова опустила голову. Мне же казалось, что удастся объяснить ей все одним махом.

— В газетах нет ни словечка правды! Ведь кого волнует то, что происходит не по правде? Даже дети, вернувшись домой, уже совершенно не интересуются результатами игры в полицейских и воров, которой увлеченно занимались во дворе, а ты, продолжая жить за границами съемочной площадки, хочешь развивать фиктивный сюжет, введенный в действие, согласно сценария продолжающейся инсценировки. Здесь разыгрывается пьеса, игра. Снимается кино. Или ты хочешь вечно пилить меня за содержание небольшого дубля в Темале, где я, принужденный иными, принял участие в разыгрывании неизвестной мне фабулы? Неужели и актер, создающий в театре роль бандита, после того, как сошел со сцены, должен убегать от карабинеров?

— Не говори глупостей. Лучше скажи, зачем ты убил всех тех людей?

— Да сколько же раз тебе повторять, что газеты

сообщают фиктивную версию этой трагедии? Вашего начальника я ударил кулаком, так как имел право защищаться, когда он пытался задушить меня после несчастного случая с секретаршей. На нападение вооруженного ножом чиновника, который первым нанес мне мнимую рану, я ответил приемом самозащиты и кинул его на лестницу. В обоих случаях я действовал без заранее обдуманных намерений: я действовал совершенно инстинктивно, как человек, находящийся в смертельной опасности и подозреваемый без всяческих на то оснований. Опять же, с формальной точки зрения я ни разу не превысил пределов так называемой "необходимой обороны".

— А мальчик погиб от какой-то случайной пули?

— Нет! Представь себе, что этот дистанционно управляемый искусственный самоубийца сознательно подскочил под ствол моего револьвера, когда я, закрыв глаза, с близкого расстояния выстрелил в стенку, чтобы проверить, есть ли в барабане боевые патроны. Да и все остальные якобы мои жертвы покончили с собой сами. Два карабинера подтащили меня к самому краю крыши и сами спрыгнули вниз, что может показаться неестественным тому, кто не знаком

со сценарием всей этой инсценировки. Третий карабинер погиб от скальпеля, брошенного врачом, которым тот целился в меня, и который тут же погиб сам, разорванный зарядом взрывчатки, заранее приклеенного полосками пластыря у него на груди.

Линда беспокойно огляделась по сторонам.

— Спрячешься у меня на чердаке, — решительно заявила она. — Я уже знаю, как все это устроить. Дома было бы опасно. Утром нас уже посетила полиция, они могут свой визит повторить.

— Я не хочу, чтобы из-за меня тебе грозила пятилетняя каторга, — без особой уверенности противился я.

— Зачем столько болтовни? Сейчас поешь здесь, потому что дома у меня ничего нет. На работе я взяла недельный отпуск. Джек поставил нам пиво.

О своем начальнике она не упомянула ни единым словечком. Я тоже замолчал это дело, потому что другие были гораздо важнее.

Линда поставила еще один стул к столу, за которым сидели одни только настоящие люди, и заказала для меня спагетти и бифштекс. Пиво, о котором она рассказывала, куда-то испарилось;

вместо него между четырех столиков, оккупированных смешанной компанией, кружила большая бутылка виски. Вторую, опрожненную ранее, официантка убрала, чтобы поставить тарелки с горячими блюдами. Я ел под магнетическим контролем глаз какого-то старикана, склонившегося над пепельницей.

Блеклый Джек сидел в углу за столом, где кроме него разместились трое бородатых мужчин, девушка-подросток с миловидным личиком и прелестной улыбкой, а также полная женщина, качающая коляску с новорожденным. Разговорчивая соседка Линды наполнила мою рюмку и подняла тост за того, кто поставил всем выпивку. В ответ на ее жест Блеклый Джеку кивнул головой и поднял стакан со спиртным. Второй рукой, обнимая при этом веснушчатого ребенка, что сидел у него на колене с ржавой цепочкой во рту, он прикурил очередную сигарету.

Солнце выжигало останки травы по обеим сторонам опустевшей улицы. Линда под столом взяла своей ладонью мою руку. Когда последний манекен покинул ресторан, в тишине, прерываемой лишь бряцанием цепочки, которую таскал ребенок, Блеклый Джек заговорил со своего места мелодичным голосом:

— Ищите и обрящете, стучите и да откроется вам. Ищите узкую дорогу и врата тесные, что ведут к вечной жизни. Дорогу эту находят немногие. Но широка дорога и распахнуты настежь врата, что ведут к погибели через внешнюю тьму. И многие избирают как раз их.

Не давайте святынь псам и не мечите бисера вашего пред свиньями, дабы не затоптали они его и, обернувшись, не разорвали вас.

Не каждый, что молвит мне: Господи, Господи!, войдет в царствие экрана, но лишь тот в нем останется, кто действует по воле Творца, говорящего в нем. Ибо вы не из тех, кто говорит: это Дух Сценария взывает в вас!

И случилось так, что, когда Блеклый Джек изрекал это, за последним столиком раздался голос молодого мулата:

— Так это ты, кто должен был прийти, или же мы обязаны ждать иного?

Отвечая ему, Блеклый Джек спросил: — А сам ты что мыслишь? — После чего обратился ко всем присутствующим:

— Имеющий уши, да услышит. Вот план и дело мое: слепые прозревают, хромые ходят, прокаженные очищаются, глухие слышат, мертвые воскресают, а всем статистам сообщается воля

Сценографа.

Только что вы пришли увидать на съемочной площадке? Тростник, колеблемый ветром или пророка? Воистину говорю вам: И более, чем пророка!

Восславляю тебя, Отче, Господин съемочной площадки и экрана, что скрыл вещи эти пред разумными и расторопными, но выявил их пред детьми малыми. Следуйте за мною все, что обременены до сих пор, а я оздоровлю вас. И примите ярмо мое на себя, ибо бремя сие легко и благодарно.

XI

На эскалаторе мы спустились к станции метро, расположенной в туннеле под Шестой Аллеей. Я поддерживал Линду, опьяневшую больше меня. На перрон она вышла без одной туфли. Она — когда мы сходили с эскалатора отклеившейся подошвой попала в какую-то щель и разорвалась, когда я вытаскивал ее оттуда.

На перроне Линда сняла уцелевшую туфлю и со злостью бросила ее в корзину для мусора.

— Я могла бы потерять ногу! — раскричалась она.

— Ты преувеличиваешь.

— Ну конечно! Тебе на все наплевать. Я никогда не могу рассчитывать на твою помощь, когда мне угрожает опасность.

— А позавчера, когда тебе угрожала тяга к собственному начальнику, мне тоже нужно было тебя подстраховывать?

Она только глянула на меня и подошла к ближайшей лавке, осторожно ставя босые ноги среди куч мусора на полу. Я уселся рядом.

— К этому было обязательно возвращаться? — спросила Линда невинным голоском.

— Выходит, ты воображаешь, будто взамен за укрытие, которое великодушно предоставляешь у себя на чердаке...

— Ой, только не надо этих слов!

— Похоже, я не имею права сказать, что ты поступила как последняя шлюха, потому что наверняка не брала с него денег, хотя, кто знает, может рассчитывая на повышение...

— Имеется еще одна возможность.

— Это какая же?

— Такая, что он мне нравился.

— И ты тащишь меня к себе домой, вместо того, чтобы его оплакивать?

— Потому что нравился он мне в течение всего лишь пятнадцати минут.

Я глянул на станционные часы. Согласно расписания, ближайший поезд в направлении Ривазоля должен был отправляться только через десять минут. Линда уставилась на собственные коленки. Ни одно из приходивших на ум оскорблений, вызванных ее признанием, не было достаточно грубым. В бессильной злобе я не находил подходящих слов, которыми бы мог все перечеркнуть и акцентировать момент разрыва наших отношений.

Моя с Линдой свадьба должна была состояться

через две недели — так мы сами установили еще месяц назад, хотя я совершенно не был уверен, женюсь ли на ней вообще. На предложенный ею срок я согласился только лишь ради спокойствия, надеясь, что потом как-то удастся открутиться. В жизни без ограничений и обязательств я находил гораздо больше привлекательного, чем в супружестве, которое — по словам циничного Райяна Эльсантоса — для мужчины никогда не было выгодным делом. Как раз в понедельник я собирался уговорить Линду сдвинуть срок свадьбы еще на месяц. Испытывая в себе самые противоречивые чувства, я жил одним лишь днем — то с жаркими мыслями о Линде (и в подобные периоды не видал без нее дальнейшей жизни), в иное же время на первый план в моем сознании выступали какие-то другие дела, в которых она мне бы только мешала.

Как сильно я нуждаюсь в ней, мне стало понятно только сейчас — после ее жестокого признания. Одновременно я представил, что сталкиваю ее под колеса подъезжающего электропоезда, только все это было чушью, ибо она должна была жить еще кучу времени и все это время страдать за то, что сказала мне в момент безнадежно дурацкой откровенности.

— Да, это прекрасно объясняет твое поведение, — безразличным тоном отозвался я.

— Карлос, я понимаю, что все это глупо, но это так. Мне ужасно стыдно. Я поддалась ему в экстремальных обстоятельствах. Подобная ситуация уже никогда не повторится. Это было что-то... — Линда закрыла глаза, как бы желая призвать образ той сцены, чтобы поточнее описать, что же в ней было необычно-ужасного.

Я поднялся с места.

— Не трудись. Как бы там ни было, но все должно было идти шикарно, раз ты позабыла даже о моем существовании.

— Ты все еще злишься?

— Наоборот. Теперь я люблю тебя сильнее, чем когда-либо.

— Так чего же ты стонешь?

Со свеженького плаката, наклеенного на ближайшем столбе глядели вдаль те же самые стеклянные глаза на пластиковом лице. Типография размножила мой старый снимок, который забрали из моей квартиры в Таведе.

— Что с тобой, Карлос?

Наверное сейчас я выглядел гораздо страшнее, чем это следовало бы из текста объявления. Иронизируя относительно усилившейся любви, я сам

того не желая, сказал правду. Но после вопроса "Так чего же ты стонешь?", почувствовал, что в любой момент могу утратить самоконтроль и прибью Линду немедленно, вместо того, чтобы, изображая каменное спокойствие, жениться на ней, а затем много лет издеваться над нею, что торжественно себе обещал. Я стоял под объявлением о моем розыске и планировал месть в долгой-долгой жизни, которую оно полностью перечеркивало.

К счастью, в самый последний миг Линда сказала нечто весьма важное:

— В принципе, я должна тебе объяснить это. — Она тоже поднялась с места и обняла меня за шею. — Послушай, мой сумасшедший. Я тебе врала, так как боялась, что с тобой вновь приключится приступ ярости, когда узнаешь всю правду.

— Говори!

— Ты наверняка не поверишь.

— Ладно, попытаюсь.

— Он меня изнасиловал.

— Понятно.

И я спокойно повернулся, чтобы уйти.

— Подожди!

— Почему ты не придумала этого сразу же? Ведь каждый живет какой-то ложью и, возмож-

но, среди всех обманываемых я нуждался в ней более всего.

— Это было насилие. Поверь мне! Тогда я тоже не могла контролировать ситуации. Я поддалась под нажимом той же необходимости, которая заставляла тебя убивать всех тех людей.

Последние слова она сказала очень тихо и тут же замолчала.

— Ну, валяй дальше, — иронично шепнул я ей.

— Я все сказала.

— Нет, ты умолчала о самом интересном.

— Что?

— Что дала себя изнасиловать совершенно молча.

Она вздрогнула и подняла глаза. Она глядела на меня, и выражения на ее лице менялись до тех пор, пока глаза вдруг не наполнились слезами.

— Ну! — грозно рявкнул я.

— А почему же ты сам молчал, когда мочил всех по очереди? Твоего крика тоже никто не слыхал, хоть ты и клянешься, что поддавался насилию всех своих жертв. Или то, что ты мне рассказывал о себе, звучит более правдоподобно?

Она закрыла лицо руками и разревелась. Я посадил Линду на лавку.

— Сейчас я вернусь, — сказал я ей жестко.

Я направился в самый конец перрона, где был туалет. Мне нужно было очутиться там как можно быстрее, чтобы еще раз взглянуть на себя в зеркале. Несколько минут я недоверчиво всматривался в собственное отражение, крутил головой и строил рожи, проверяя, все ли части лица остались на соответствующих местах. Но, кроме двухдневной щетины и грязи, ничего нового я не заметил. Выглядел я точно так же, как и вчера, оставаясь таким же настоящим. Но и у женщины, обслуживающей туалет, у которой я попросил мыло и полотенце, тоже было настоящее тело.

Я отвернул кран над фарфоровой раковиной. Все мелочи в оборудовании станции, включая и туалет, были смонтированы из соответствующих материалов, свойственных устройствам подобного рода. Засмотревшись в струю теплой воды, я пытался пробиться сквозь настойчивое видение рыдающей на лавочке Линды. Я размышлял о таинственной фабуле, об известном только лишь Блеклому Джеку содержании постоянно режиссируемого зрелища, в котором писсуардесса из спрятавшегося на задах станции метро сортира играла более важную роль, чем всеми уважаемый и уверенный в собственном превосходстве

университетский профессор. В инсценировке Кройвена она была статисткой первого плана, а он — третьеразрядным участником фона, малосущественным элементом в массе говорящих и движущихся декораций.

Но удастся ли и мне хоть когда-нибудь в окружающей меня действительности, которую Блеклый Джек описывал параболами с помощью понятных нам теперь определений, произнести более важную реплику, чем та, которую провозгласила писсуардесса, говоря: "Вот бумажка, четвертая слева кабинка свободна"?

В сделавшемся неожиданно ярким свете все предметы как бы стали более резкими, краски более интенсивными. Я намылил руки и лицо, хорошенько умылся. С моим зрением происходило что-то нехорошее. Ослепленный неестественной белизной полотенца, я сощурился. Краны заблестели чистотой полированного серебра. В потоке ярчайшего света, исходящего из невидимого источника, покрытые плиткой стены сияли свежей лазурью. По контрасту с новым освещением все лампочки, казалось, погасли.

Я еще раз промыл глаза и вернул полотенце старушке. Она сидела у столика, установленного в проходе между мужской и дамской частями

туалета. С другой стороны мимо столика прошла красивая девушка. У нее были длинные, светлые волосы, одета она была в потертые штаны и голубую куртку с высоко подкатанным левым рукавом. Я видел ее всего лишь несколько секунд. Девушка положила монетку на блюдце. Затем она выбросила в жестяной мусорный ящик какую-то мелочевку. Я услыхал звон, характерный для бьющегося стекла. Когда же она протягивала руку, на ее коже, у самого края подвернутого рукава я увидал маленькую капельку крови. На сгибе руки, на синей вене краснел след от недавнего укола. "Наркоманка", — подумал я.

Стоя за открытой дверью в глубине дамской части туалета, девушка повернулась спиной к разделявшему нас столику и задержалась перед зеркалом. Я вышел на перрон в тот самый момент, когда поезд въезжал на станцию. Я же все еще размышлял над причиной проявившихся у меня необычных зрительных явлений.

Линда ожидала на лавочке в том же самом месте, где я ее оставлял. Она даже не сменила позы: сидела с низко опущенной головой и всматривалась в пол. Увидав ее, я даже обрадовался. Нас разделяло где-то с полсотни метров, и я побежал к ней. По мере отдаления от конца пер-

рона интенсивность неестественного свечения уменьшалась, а потом я вообще вбежал в область, погруженную в полутьме. Поезд уже стоял у платформы. Обегая выходящих пассажиров, я добрался до Линды и, не сказав ни слова, хлопнул ее по плечу. Она тоже молчала, лишь вытерла платочком размазавшуюся по щекам тушь.

Мы зашли в вагон. Здесь — посреди станции — лампы дневного света и рекламные неоновые трубки горели как обычно, хотя, по контрасту с тем сиянием, их свет был несколько приглушен. Но что-то еще, вне зависимости от озарения, вызванного таинственным освещением, не давало мне покоя. С какого-то момента во всем, окружавшем меня, постепенно происходили достоверно неопределимые изменения. Мне не удавалось уловить определенно, в чем они состоят — но чувствовал, что их целью является дополнение беспокоящего меня образа всего мира.

Только лишь когда мы уселись рядом, у меня нашлось время, чтобы выглянуть в окно на пустеющий перрон и охватить взглядом всех пассажиров внутри вагона. И вот тогда — разгадка пришла будто резкая вспышка — в один миг я понял, к какому же дополнению стремились все замеченные ранее перемены.

Когда я перебегал из освещенной сиянием части перрона в тот фрагмент станции, который оставался в тени, то еще видал манекенов, кое-где крутившихся между настоящими пассажирами. Это как раз они в основной массе спешили к эскалатору, ведущему наверх. Теперь же — в последней фазе этого систематичного обмена — все оставшиеся на перроне и занимавшие наш вагон пассажиры метро — все, без единого исключения, были людьми настоящими. И в тот же самый миг, когда я это заметил, необычное сияние переместилось с конца перрона и охватило всю центральную часть станции. Вагон со всем содержимым заполнился тем же освещением, которое так поразило меня в туалете.

Остановка поезда затягивалась более обычного. Казалось, что машинист тянет с отправлением, ожидая кого-то, кто еще сомневается: садиться в вагон или же оставаться на станции. Во время этого торжественного ожидания прихода чего-то необычного, такого, чего я и не осмелился бы предвидеть, окраска всех предметов заполнялась более глубокими тонами и получила сейчас полнейшую шкалу оттенков, сам же их рисунок — недостижимую на самых совершенных фотографиях резкость, и вот в момент самой

интенсивной яркости в вагоне появилась фигура, к которой и относились все предыдущие приготовления: в наш вагон зашла девушка, которую я один раз — правда, про себя — назвал наркоманкой.

Она зашла и сонно огляделась по сторонам, Двери за ней закрылись. Тут она заметила свободное место у окна, напротив сиденья, которое занимали мы с Линдой, подошла и села.

Никто из присутствующих не обратил на девушку ни малейшего внимания. Поезд отправился от освещенной станции и въехал в темный тоннель. На Пассажирку Метро так никто и не глядел. В черных окнах были видны отражения безразличных лиц, которых не тронул ни заливший все блеск, ни эмоции, вызванные Ее присутствием.

Я уставился на собственные, судорожно сплетенные на коленях руки. Линда опять достала платочек. Сейчас она заслонила лицо клапаном сумочки и, поглядывая в зеркальце, поправляла макияж. При этом она что-то говорила, но голос ее доходил до меня как будто из-за звукопоглощающей стенки. Я не слыхал даже стука колес и грохота плененного в тоннеле эха. Я как бы находился в сурдокамере, что охватывала весь

мир и колебалась в ритме ударов рвущегося из моей собственной груди сердца.

Первым реальным звуком, вторгшимся в мое сознание за время краткой поездки, был скрежет тормозов нашего электропоезда, въезжающего на следующую станцию. Я еще не успел хорошенько приглядеться к девушке, мне даже трудно было сказать, имелось ли в ней что-то необыкновенное вообще. Только я знал, что больше уже не подниму на нее глаз.

Потому что я — Карлос Онтена из Таведы, что ранее был движущимся элементом далекого фона, ныне живой, самый рядовой статист первого плана, сидя перед объектом интереса невидимой Камеры, фиксирующей в движении все ткани наших тел — на четыре минутки действия, в кульминационной точке своей жизни очутился в центральном круге света движущейся сцены и уже сыграл свою роль статиста первого плана, посаженного напротив актрисы.

Так пролетели четыре минуты — одно мгновение и, в то же время, целый век — за которые поезд обычно проходил расстояние между двумя соседними станциями — на Двадцатой и Тридцатой Улицах.

Линда жила на Двадцать Девятой Улице, то

есть, сейчас нам надо было выходить, только я, своими силами, не мог сдвинуться с места. И все так же я не осмеливался взглянуть на актрису. На своей руке я почувствовал ладонь Линды. Парализованный чувством невообразимой в прежнее время бессмысленности, я позволил ей вывести себя из вагона, хотя именно мне следовало бы придержать ее, так как она была более пьяной.

Я вышел из вагона и остановился возле самых дверей. Сейчас я отчетливо осознавал свое пребывание на краешке сцены и уверенность в окончании эпизода, венчавшего собственную жизнь. И в то же время я чувствовал, что этот незаметный шажок, с помощью которого я перенес тело из вагона на перрон — это самый фальшивый шаг в моем новом бытии. Меня еще до сих пор заливал необычно яркий свет. Только мне уже было ясно, по какому пути направится моя судьба потом. Я знал, что через несколько мгновений световое пятно углубится в тоннель и навсегда пропадет в лабиринте улиц огромного города. А когда это произойдет, все, что до нынешнего момента я принимал за истину и красоту окружавшего меня мира — по контрасту с тем, таинственным сиянием — заслонит туман безнадежности, зальет леденящий полумрак далекого

фона и единообразная серость декораций.

Линда стояла на одной ноге.

— Черт! Ну я и тяпа. Карлос, подай мне руку, а то я упаду. Я на что-то напоролась.

На перроне, под самой дверью вагона валялась разбитая бутылка. Линда вытаскивала из голой подошвы стеклянный осколок. Этой случайностью — и это я сразу же отгадал — хитроумный Сценарист указывал на нужное ему направление развития маргинального действия в написанном специально для меня эпизоде.

"Я не люблю ее", — сказал я сам себе. И я уже был в этом уверен. Но, чтобы усилить уверенность в том, что это так и есть, еще раз — в мгновение секунды — я призвал в памяти чувство наслаждения, рисующееся на лице у Линды в тот миг, когда ее обнимал пластмассовый соблазнитель — образ более выразительный, чем вид крови на ее босой ноге.

Двери закрылись, разделяя нас. Я вновь стоял в отъезжающем вагоне. Теперь я был хозяином своей судьбы — Кем-то, кто смог изменить сценарий заранее спланированной пьесы. И потому, глядя теперь на Линду, покачнувшуюся и усевшуюся на перроне, по счастью, далеко от театрального реквизита в виде роковой бутылки — я испыты-

вал триумф, в то время, как внутренний голос, глухой ко всем аргументам, ревом тревожной сирены предостерегал меня, что я вышел за рамки собственной роли.

Я прошел в вагон и уселся на свое прежнее место.

XII

Результатом накопленного на съемочной площадке опыта стало то. что я перестал верить, будто умственная отсталость или психическое заболевание, спиртное в крови, завышенное самомнение, чрезмерное любопытство, безумная любовь или желание отомстить не позволяют кому-либо не услыхать голоса, который во время представления руководит его поступками, и что на сцене иногда появляются статисты и актеры, не имеющие систем самоконтроля, а следовательно — персонажи беспомощные и — что за этим следует освобожденные от ответственности за фальшивые элементы игры в представляемых ими ролях.

Я продолжал всматриваться в собственные колени. Физическая близость Пассажирки Метро лишила меня воли: даже сейчас, вдохновленный успехом предыдущей "операции" — я был не в состоянии предпринять какой-либо инициативы, которая бы привела к знакомству с ней и, возможно — в дальнейшей перспективе — к нашему духовному сближению. Хотя — и это я упрямо подчеркивал про себя — во главе черного списка

всех возможных причин моего позорного бегства с перрона и находилось кратковременное ослепление ненавистью, жажда мести и потребность спасения мужского достоинства после измены Линды, фактически же моими поступками управляло дичайшее соединение множества причин: спиртное в крови, завышенное самомнение, чрезмерное любопытство, а так же — только это уже походило на насмешку — любовь с первого взгляда.

В голову приходили совершенно шальные мысли: я серьезно размышлял, в каком разрезе могла бы установиться равноправная игра между полярными персонажами снимающегося суперфильма — между актрисой с одной, и статистом с другой стороны. Но чем сильнее желал я привести к соединению наших судеб, с тем большей четкостью видел и разделяющую нас пропасть. Мы принадлежали к различным планам: она была Персонажем, а я — всего лишь фрагментом ее фона, она жила под лучом сияния, падающего на самую средину сцены, а я — в далекой перспективе дальнего плана или же у полутемного края, во всяком случае, там, где редко когда остановится Взгляд, заинтересованного действием Зрителя.

Под влиянием подобных мыслей я понял:

для того, чтобы сопровождать девушку на съемочной площадке, мне следовало немедленно преобразиться из статиста в актера, поскольку теоретическая возможность того, что фрагмент меняющегося фона, каким я был до сих пор, мог бы стать партнером героини фильма — была, понятное дело, совершенно исключена.

До решительного вывода ("теперь или никогда") я додумался в течение первой минуты поездки в направлении Кройвен-Центральный. В следующие несколько минут — я пытался найти какой-нибудь повод, чтобы познакомиться с Пассажиркой. К сожалению, как часто и бывает, ничего умного в голову мне не приходило. Как всегда и повсюду в подобного рода случаях (когда цель искусственно возносится на недостижимую высоту) проблема первого же предложения устанавливала уровень внутреннего сопротивления, пропорциональный величине эмоциональной заинтересованности.

Но это же первое предложение — какое угодно — пробило бы мне дорогу к участию в сюжете фильма. В том-то и оно! Удавалось ли кому-нибудь с помощью каких-то случайных первых слов выйти на первый план вечной жизни? Я уже хотел было обратиться к девушке с каким-то

замечанием, касающимся событий в туалете, но тут же прикусил язык. Если бы я напрямик спросил ее про название наркотика или же о том, сколько времени она его уже принимает, то поступил бы как ужасный грубиян: в самом лучшем случае, она посчитала бы меня шпиком, что привело бы, вместо нашего сближения, к неприятному инциденту, разыгравшемуся где-то в стороне главного действия.

Правда, оставалась еще одна — приятная каждой женщине — возможность обратить внимание девушки на ее несомненные внешние достоинства. Только похвалу следовало бы облечь в несколько преувеличенную, следовательно, не вполне справедливую, форму, что дало бы ей возможность для не слишком жесткой самообороны. В таком случае, в словесном споре — от одной реплики к другой — разговор мог принять головокружительный темп. На фабрике я часто бывал свидетелем подобного рода знакомств. Только здесь — в забитом людьми вагоне — играя роль пьяненького соблазнителя, я легко мог стать одним из тех банальных и жалких надоедливых типов, которых в метро хватало всегда, и, увидав которых, женщины часто прибегали к услугам карабинеров.

"Так что, парень, рули в другую сторону!" — с тревогой подумал я (а уже заканчивалась вторая минута горячечных размышлений). Любыми первыми же неуклюжими словами я раз и навсегда мог похоронить неповторимую возможность соединения своей судьбы с жизнью этой таинственной девушки. В течение всей третьей минуты я горячечно копался в памяти. Я пытался отыскать в ней самые подходящие для моей ситуации образцы оригинальных выходов нового Персонажа в кино и быстро пришел к постейшему выводу, что здесь (в трехмерном кино) подходящий "вход" должен быть гораздо более эффектным, чем все те, с помощью которых звезды наших плоских экранов навсегда фиксируются в памяти обычных зрителей наших земных кинотеатров.

Подавленный правильностью последнего вывода, совершенно ясно вытекающего из теоретических размышлений, я пошатнулся на своем сидении и совершенно невольно — поднял голову вверх. Недвижными глазами Актриса глядела прямо на меня. Я тут же вернулся к начальной позиции: уставившись на циферблат часов, секундная стрелка которого вертелась с сумасшедшей скоростью. Вагонные колеса стучали на

стыках рельс. Я все так же оставался статистом.

И тут — кончиком туфли на правой ноге, которая была перекинута через левую — девушка легонько толкнула меня в щиколотку. Я не мог доверять собственным чувствам. Еще раньше я успел заметить невидимые издали веснушки на щеках девушки и капельки пота на лбу. Осмелившись присутствием подобных доказательств несовершенства актрисы, я вновь поднял глаза. Девушка все так же упорно всматривалась в меня. Вообще-то, нежные веснушки возле носа лишь прибавляли прелести милому личику, но был в ней и еще один незначительный недостаток: время от времени она слегка дрожала, как будто ее било током.

Но могла ли действительность быть великолепней всех самых оптимистических мечтаний? Выходит, что пока я сам прикладывал все мозги, чтобы приоткрыть дверцу, ведущую в рай, она — казалось бы, совершенно безразличная к душевным метаниям статиста — соблазняла меня самым наглым образом, известным еще с каменного века! Расслабившись, я даже хотел было похвастаться перед ней, что тот самый знаменитый и ужасный бандит, Карлос Онтена, о котором писали газеты, ходит в моих закадычных

дружках, но тут заметил в ее широко открытых и недвижных глазах нечто странное. Их зрачки фокусировались где-то далеко, на стенке. Приглядевшись к тому, как она смотрит, я наконец-то понял, почему девушка совершенно не замечала моего лица: то что я по наивности принял за проявление "симпатии с первого взгляда", было всего лишь реакцией организма на укол героина.

И тогда я вновь погрузился в мрачные думы. А может она была больна и нуждалась в помощи? Возможно, она была неизлечимо больна, и, чтобы хоть как-то уменьшить болевые ощущения, врач прописал ей морфин? Но наверняка размышлял я — у того, кто выходит из дому и по дороге принимает в туалете порцию наркотика, жизнь должна быть порушена.

Она гляделась в собственный сон, когда поезд остановился на перроне станции Кройвен-Центральная. Тогда она поднялась с места и грациозно вышла из вагона. Понятное дело, что я тут же поднялся, подождал, пока Пассажирка отойдет от меня на пару десятков шагов, и, не теряя ее из виду, осторожненько отправился за ней.

Как на станции метро, так и в автобусе, а потом и на улице — со всех сторон нас окружали только настоящие люди. В толпе живых статистов

постоянно сменялись мужчины и женщины. Нам все время встречались все новые и новые живые прохожие. Одни ждали на автобусных остановках, другие проходили мимо нас, сначала на эстакаде возле станции, потом на тротуаре Сороковой Улицы, какие-то другие снова и снова входили в поле зрения девушки, показываясь ей за витринами магазинов или в окнах проезжающих автомобилей.

И хотя, вроде бы, каждого человека здесь занимали только собственные дела или же субъективно важная или мелкая цель — фактически же (о чем никто, естественно, не знал) все вместе они выполняли здесь только одно существенное задание: попадались Актрисе по дороге, создавая вокруг нее неподдельную толпу — то есть, изображали фон для игры одного Персонажа, на которого в данный момент глядел Зритель.

Побочным явлением этого поразительного факта было то, что я восхищался невероятной тщательностью сценария всего зрелища, написанного не только для одних Актеров, но и для всех живых и искусственных статистов, которые невольно — в любой момент действовали согласно воле Творца фильма. Ибо, основные принципы сценического действия здесь обязаны были со-

ответствовать тем же, что и в обычных студиях: если управляемые внутренними голосами актеры и статисты появлялись на съемочном плане в точно определенное время и необходимых местах — словом, там, где они были необходимы в качестве героев или же элементов фона снимаемого эпизода — тогда Редактор не имел ничего против них. Противясь же Сценаристу, они рисковали тем, что будут убраны, частично или полностью, с трехмерной пленки: частично — в случае мелких нарушений относительно подробностей Произведения, и полностью — в случае покушения на его коренное содержание. Режиссер мира никого не вынуждал жить вечно в рождающемся произведении: каждый мог покинуть фильм, выходя из действия через широкие врата, которые открывала перед ним его вольная воля.

Мы уселись в автобус на остановке возле эстакады с западной стороны станции Кройвен-Центральная и поехали по Сороковой Улице в направлении Уджиофорте. Все время нас сопровождал блеск необычного света. По сравнению с яркостью невидимого юпитера, солнце светило просто анемично. В этой части города декораций не было. Вся улица имела совершенно естествен-

ный вид. В автобусе, как и перед тем в вагоне метро, люди совершенно не проявляли обеспокоенности, глядя друг на друга, хотя случайность, собравшая на небольшой площади столько живых обитателей города, была совершенно маловероятной. И еще, из поведения статистов я сделал вывод, что повышение яркости света тоже здесь никого не удивляло.

Среди будничного бесчувствия к таким выразительным фактам оправданным было лишь безразличие Актрисы. Отсутствие у нее интереса к внешнему виду улиц и людей было обосновано совершеннейшим невежеством. Наверняка Актеры перемещались по определенным маршрутам: в любой момент они находились там, где происходило действие фильма. И они никогда не выходили за рамки центральной части съемочной площадки, то есть, никогда не покидали внутренней части той самой сложной фигуры, которую — осматривая город сверху — я увидал с крыши Темаля. Благодаря этому, главные герои фильма жили в естественной среде. Так как манекены никогда не появлялись в поле их зрения, окруженные настоящими зданиями и людьми, Актеры ничего не знали о существовании декораций, покрывающих большую часть Кройвена.

Девушка вышла из автобуса на остановке возле универмага "Экстра-Виссо". Следом за ней, я направился по подземному переходу на другую сторону улицы. Теперь я уже сознательно откладывал попытку познакомиться до того времени, пока не узнаю о ней чего-то более конкретного. При этом я рассчитывал на какой-то счастливый случай. Если бы я поспешил, то мог бы ее легко спугнуть, что в значительной мере затруднило бы мои действия. Очень трудно следить на улице за кем-нибудь понимающим, что за ним следят, и даже знающим настырного наглеца с виду. А у меня были далеко идущие планы. Актриса наверняка не помнила моего лица. Я решил следить за ней до самого ее жилища, даже если бы это заняло у меня весь день. Я надеялся, что в конце концов найду какой-нибудь повод для начала разговора и перевоплощусь из статиста в актера в самых благоприятных для меня обстоятельствах.

Большое бистро, куда я вошел за девушкой сразу же после того, как сошел с эскалатора, носило шумное название "Глаз Циклона", и было знаменито тем, что одну его половину, как правило, оккупировали глухонемые, а вторую — хиппи. Уже на своеобразной веранде со стороны "Экстра-Виссо" здесь можно было купить что-нибудь

настоящее из еды и напитков, но большинство живых статистов сидело на высоких табуретах под низкими сводами бара. Естественная вентиляция удерживалась сквозняком, дующим между вечно открытыми с обеих сторон дверьми с такой силой, что внутри бара с трудом можно было зажечь спичку.

Закурив сигарету, я спрятался за столбом и следил за группой молодых людей — двумя парнями и одной женщиной — к которым подошла моя наркоманка из метро. У обоих парней были длинные до пояса волосы. Один был одет в блузу с искусно вышитыми на спине ягодицами и белые плавки, натянутые поверх черных джинсов. Полный костюм его коллеги состоял из двух пар штанов, причем, одни он носил обыкновенно, как и все, а вторые — вырезав дырку на задней части — приспособил для того, чтобы покрыть ими верхнюю часть тела. Выглядело это так, что его голова выглядывала между брючинами, в которые он вложил руки будто в рукава рубашки. Замок молния под шеей можно было задергивать или распускать.

На фоне множества других изысканных протест-моделей в "Глазе Циклона" оригинальным костюмом обратить на себя внимание было слож-

но, поэтому меня заставил обратить внимание на эту троицу не внешний вид актеров, а то, что они общались друг с другом исключительно с помощью рук и мимики. Они были из группы глухонемых от рождения.

Наркоманка тоже жестикулировала. Изумленный искусством ее манипуляций, я попытался было ухватить что-то из ее рассказа, но без всякого успеха. До сих пор я совершенно не считался с возможностью того, что героиня суперфильма может быть глухонемой. При этом ее физическом недостатке у нее было чудесное тело и грациозные движения. Каждое выражение на ее лице притягивало к себе стихийностью реакции, волновало богатством выражаемых эмоций.

А вот у меня мина должна была сделаться совершенно хмурой. Сейчас, когда я наблюдал за актерами во время их беззвучной беседы, протекающей на фоне заполнивших бистро статистов, девушка нравилась мне еще больше, чем в метро, где она сидела в полусне. Ощущая, что это именно та женщина, которую я ждал всю жизнь, я терял последнюю уверенность в себе и сходил с ума при мысли о разделяющей нас пропасти. С помощью языка глухонемых наверняка можно было выразить столько же, сколько и словами.

Так что случайного наблюдателя, которому уже осточертела монотонная болтовня большинства людей, в немом способе обмена мыслями привлекала экзотика. Но, глядя теперь, на самую средину освещенной сцены, где актеры разыгрывали непонятную пантомиму, я чувствовал себя совершенно беспомощным, будто чужестранец.

Последние жесты актеров (если судить по их резкости) выражали какое-то требование, с которым моя знакомая не соглашалась. Через четверть часа после прихода сюда девушка направилась к выходу и уже с приличного расстояния — над головами статистов — послала глухонемым хиппи целую серию загадочных знаков, те же отвечали ей с места.

В конце концов, Актриса спустилась на эскалаторе в переход под универмагом. Там она вошла в кабину телефона-автомата. Через стекло я видел, как она набирает номер.

— Это Мюриэль, — совершенно естественным голосом сказала она в трубку.

Потом оглянулась и захлопнула за собой дверь.

XIII

Когда я выходил из "Глаза Циклона", мне показалось, будто какой-то тип в пропотевшей рубашке приглядывается ко мне подозрительно настырно. Дважды я ощущал на себе его взгляд. Третий же раз я ощутил его в тоннеле, когда девушка захлопнуля дверь телефонной будки. Тогда мне вспомнились объявления о розыске и сразу же пришло в голову, что этот человек мог сравнить мое лицо с напечатанной на плакате фотографией. На всякий случай я отступил за угол забитого людьми пассажа, но там спиной попал в руки четырех притаившихся полицейских.

Засаду организовали живые блюстители права. В тоннеле практически никто и не заметил нашей кратковременной стычки. Напавшие на меня люди в мундирах действовали молча, и меня полностью застали врасплох: я только успел подумать, что с кем-то столкнулся спиной, как тут же почувствовал наручники на заломленных назад руках. Повидимому, доносчик следил за мной уже долгое время и заранее предупредил уличный патруль.

Когда мы шли в дежурную комнату охранников

универмага, вокруг нас становилось все темнее. Наручники были стальными. У эскортирующих меня полицейских оружие было настоящее. И они совершенно не были намерены шутить. К двери дежурки они подтащили меня прямо по бетонному полу и при этом пинали ногами, как будто никогда не слыхали о мнимых полицейских операциях. И я понимал, что это все означает. В ушах у меня до сих пор звучали слова "Это Мюриэль", сказанные девушкой, которая в последний миг выдала мне собственное имя вместе с информацией, что никакая она не глухонемая. Когда же полицейский вытаскивал у меня из кармана скальпель и пугач, Мюриэль наверняка уже выходила из телефонной будки, чтобы навсегда исчезнуть в шестимиллионной толпе.

Вокруг себя я видел одни безразличные лица. Эти полицейские совершенно не знали ни про иерархию ролей в продолжающейся пьесе, ни про многоступенчатый ряд планов, выстроенных перед объективом невидимой Камеры. Здесь для них все было одинаково важным: и бумага, на которой находящаяся в круге света актриса писала письмо, и кусок газеты в сортире за кулисами. В борьбе с псевдо-преступниками они рисковали собственной жизнью затем, чтобы в газете, кото-

рую Мюриэль даже не возьмет в руки, появилась заметочка: "Приговор приведен в исполнение". Только кое что я все-таки, видно, пытался им объяснить, потому что, после того, как высказал несколько предложений, получил по голове рукоятью тяжелого револьвера и свалился на пол.

Чаще всего кройвенская полиция носила свое оружие исключительно напоказ. Для регулирования уличного движения и при патрулировании улиц у них, обычно, не было причин вытаскивать свои револьверы, потому что в большинстве случаев дубинки и штрафы решали основную массу проблем. И уж очень редко случалось, чтобы полиция принимала участие в крупных разборках.

Туда, где предвиделись опасные ситуации или же на места серьезных стычек с бандитами чаще всего посылали карабинеров, гораздо лучше подготовленных к вооруженным конфликтам и привыкших к виду крови. Это имело свою психологическую подплеку. Бывает, что такой миролюбивый человек, как полицейский, который оружие вытаскивает пару раз в год только лишь для стрелковых учений и каждый день не гоняется за готовыми на все гангстерами, во время первой в своей жизни встречи с ними, вдруг неожиданно выясняет, что в критической ситу-

ации нажать на курок бывает гораздо труднее, чем выжать центнер. Ведь посылка на тот свет других людей требует такой же самой рутины и привычки, как и вязание на спицах. Посему, захваченный врасплох видом настоящей смерти новичок, чаще всего погибает еще до того, как успевает сделать первый прицельный выстрел.

Повидимому, префект полиции Кройвена вписал меня в список врагов общества первой категории. Этот вывод пришел мне в голову сразу же после того, как я пришел в себя и увидал эскорт, состоящий из шести искусственных карабинеров. Куклы сидели на лавках по обеим сторонам кузова в движущемся автомобиле. Я же наблюдал за ними с пола. Снизу карабинеры походили на восковые фигуры. На руках у меня были выкрашенные черной краской гипсовые наручники.

Приподнялся я с огромным трудом.

— Господа, и куда мы едем?

Никто из них даже не шевельнулся. Тесно сбившись друг возле друга, они в два ряда занимали все места на сиденьях. Каждый гипнотизировал взглядом своего товарища, сидящего напротив. На них были напялены мундиры из бумаги. Неразгибающиеся руки придерживали на коленях

деревянные автоматы.

Окна тюремного фургона были снабжены солидными прутьями. Мы ехали по автостраде вдоль западного берега Вота Нуфо в направлении Нижнего Ривазоля. Слева за окном на солнце блестела обширная стеклянная плита, имитирующая поверхность озера, справа мелькали многоэтажные декорации. Громадные макеты небоскребов опирались на костыли, спрятанные за щитами фасадов. Все фасады и углы здешних построек были повернуты к северу, где располагался неподдельный фрагмент Центра. А в Нижнем Ривазоле находилась самая крутая в Кройвене тюрьма, туда мы, видимо, и ехали.

Головная боль, рана и кровь в волосах окончательно вернули мне чувство растущей угрозы. Загадочное обстоятельство, что мои конвоиры были третьеразрядными статистами, настраивало на оптимистический лад. Я попытался представить, как может выглядеть тюрьма, выстроенная на самом краю съемочной площадки. Если строители декораций руководствовались принципом последовательности, то здание петенциарного заведения, возведенное в отдаленном месте сценического фона, должно было изображаться лишь единственной стенкой с

зарешеченными окошками. Всяческого синтетического преступника, который сидел в своей "камере" (то есть, под голым небом, на помосте, укрепленном за этой решеткой) и строил мрачные мины в объектив Камеры, наверняка держал на месте инстинкт справедливости и чувство прекрасно исполняемого общественного долга.

Видение наказания, основанного на принципе добровольности, не слишком-то пугало меня. Под его влиянием у меня возвращалась вера в собственные силы, как вдруг я стал свидетелем потрясающих событий.

За перекрестком на Девяносто Третьей Улице наш фургон резко затормозил. В это время я выглядывал через заднее окошко. Ближайший конвоир подсек мне ноги своими выставленными коленями. Сила инерции бросила меня спиной на узкую полоску пола — между двух рядов сидящих манекенов. Через мгновение оказалось, что это самое счастливое падение во всей моей жизни.

Еще не отзвучал чудовищный писк покрышек и тормозов автомобиля, как после звона разбитого стекла в заднем окне появились два стальных ствола. А уже после этого в ящике тюремного фургона начался сущий ад. Поддельные караби-

неры, разрываемые очередями боевых зарядов из настоящих автоматов, поочередно падали с сидений и покрывали меня все более толстым слоем. Непрерывный грохот длился секунд двадцать.

После оглушительной канонады воцарилась зловещая тишина. От задней двери послышался скрежет замка. Сделалось немножко светлее. Через щелку в куче псевдо-трупов я увидал какие-то фигуры. Кто-то, стоящий на асфальте перед открытой дверью, сообщил ледяным тоном:

— Скрутились в клубок будто червяки на крючке.

— Черт подери! — отозвался на это другой голос, после чего добавил с деланой заботливостью: — Им там плохо не стало?

К завалу трупов подошел еще один тип.

— Шеф! Я знаю, чего это они так скривились. Видно им не слишком понравились духи из наших пульверизаторов.

Раздался гогот, не менее шумный, чем залп из "пульверизаторов". Это была классическая шуточка из более-менее приличного гангстерского фильма, и по ней я понял, что положение мое, скорее всего, нормальным назвать нельзя.

— Джон! Вечно ты сваливаешь в кусты, а другим за тебя пахать...

— Шеф, ну чего вы все Джон да Джон. Я ж вчера посуду мыл, а сегодня заметал даже...

— А ну за работу, а то сейчас как получишь по роже...

Гора поддельных трупов зашаталась, они стали давить на меня не так сильно. Кто-то вытаскивал кукол из машины и швырял их на асфальт.

— Ты, урод, не бросай же на самую средину мостовой, а то потом не развернешься. Мешки давайте!

Через щелку между двумя застывшими карабинерами я увидал нескольких пластиковых мужчин. Среди них был манекен-красавчик в черной шляпе с широкими полями. На основании снимков, часто публикуемых в прессе, я без труда узнал в нем неуловимого гангстера Давида Мартинеса. Это его банда в понедельник вечером совершила наглое грабительское нападение на спецмашину, перевозившую золото в банк "Куэфеда Нос Паза", о чем я узнал во вторник из газеты, когда сидел в баре у Кальпата.

Гангстеры не стали терять времени. Они вытащили из машины всех убитых конвоиров и оставили их на обочине. Я тоже притворился мертвым, и меня перенесли в самом конце. Во время транспортировки один из запыхавшихся

амбалов стянул с моей руки часы. Второй пластиковый вор, уже несколько лысеющий, поломал себе ногти, пытаясь содрать с меня парик. Так как в машине я лежал на самом дне, придавленный чудовищной грудой тел — после выноса очутился на самой ее вершине.

Я продолжал изображать из себя мертвеца, но внимательно следил за всем через прищуренные глаза. Я быстро догадался, почему шайка Мартинеса остановила нашу машину. Рядом с тюремным фургоном, который незадолго до налета свернул с автострады в боковую улочку, стояли две другие машины. Они разбились, столкнувшись друг с другом несколько минут назад. Одна из них принадлежала бандитам, которые возвращались на ней после очередной операции и везли с собой набитые добычей мешки. После аварии им пришлось сменить транспортное средство, и случайно им подвернулся наш фургон.

Так что за свое освобождение я должен был благодарить случайность, хотя при этом чуть не расстался с жизнью. Через минуту после расстрела карабинеров на улице воцарилась тишина. В радиусе нескольких сот метров не было видно ни одного — ни живого, ни поддельного — человека. Грохот автоматов распугал всех прохожих. По-

сле перегрузки мешков пластиковый грабитель уселся за руль и в сопровождении троих своих дружков отбыл по ведущей в Куэнос автостраде.

В сутолоке гангстеры не заметили, что из разорвавшегося мешка выпал золотой слиток и целая пачка денег. Золотой слиток изображал выкрашенный желтой краской гипсовый кирпич, а деньги — кучка ничего не стоящих бумажек. Кирпич мне и не нужно было брать в руки, потому что при падении на асфальт он раскололся и явил всему миру свои белые внутренности, так что я осмотрел только деньги. В толстой пачке случайно оказалось и несколько настоящих банкнот, которые я тут же спрятал в карман.

Сейчас боль ударила мне в голову еще сильнее: помимо шишки ужасно саднила царапина от ногтей лысого разбойника, который заинтересовался свеженьким видом моего "парика". В свою очередь, следовало поблагодарить Давида Мартинеса — помимо сочувствия за верность идее накапливания гипсовых кирпичей — за альтруистическую жертвенность, размах и энергию всей его деятельности, которая оправдывала существование и подпитывала деятельность прессы.

Дело в том, что Великий Разбойник принадлежал к авангарду марионеточных персонажей,

которых Главный Художник придумал для сохранности декораций.

Любого, кто в качестве неподдельного и осознающего окружающее туриста, прогуливался бы по Верхнему и Нижнему Ривазолю с целью осмотра негритянского квартала, вовсе не периферийному по отношению к формальному центру Кройвена, но выстроенного на дальней перспективе съемочной площадки — то есть, любого, кто, ведомый любопытством, добрался бы до самого горизонта громаднейшей сцены, наверняка трудно было бы уговорить, что линии, образованные рядами столбиков, поддерживающих фанерные листы, вырезанные в форме домов, хоть в чем-то походят на улицы города, населенного людьми. Хитроумный гид, которого наверняка бы засыпали лавиной неприятных и недоуменных вопросов, чтобы отвлечь внимание излишне въедливых туристов от деталей (уж слишком подозрительно смотрящихся вблизи), скорее всего показал бы вдаль — на самый отдаленный от центра мыс на Вота Нуфо, где из тонкого слоя стекла, покрывающего землю, вздымались щиты, вырезанные в виде элегантных пассажирских судов.

На станции Девяностой Улицы я вскочил в

вагон метро и, спрессованный давкой неживой толпы, направился в центр Кройвена, где сразу же пересел на полупустой автобус, благодаря чему, буквально через минут сорок после расставания с Мюриэль, вновь смог заглянуть в "Глаз Циклона", только понятное дело — там ее не застал. Сидя в бистро, я выкурил сигарету и выпил чашку кофе. Мне пришло в голову, что круги света, в которых передвигаются главные герои фильма, легче всего было бы заметить с места, не закрываемого стенами домов или щитами декораций — то есть, с приличной высоты. При мысли о Темале мне сделалось нехорошо; впрочем, это административное здание и не было самым высоким. В Центре имелся наблюдательный пункт намного лучше.

Я остановил такси и поехал на Пятьдесят Первую Улицу — к банку "Куэфеда Нос Паза" — зданию, насчитывающему сто двадцать этажей и бившему рекорд высоты среди окружающих небоскребов. В магазинчике рядом с банком я купил часы и красный фломастер. В холле банка можно было приобрести план Кройвена. На лифте я поднялся на самый верх "Куэфеды". Со смотровой террасы на крыше я увидал только одно световое пятно, что было ярче падающих

на землю солнечных лучей. Яркий круг обнаружился в самом неожиданном месте. Это была совершенно незаселенная местность, но она находилась в границах фигуры, заполненной неподдельными объектами. Я заметил его в естественной пальмовой роще на склоне холма за озером — километрах в четырнадцати отсюда.

Была ли Мюриэль единственной актрисой? Мне показалось, что нет. Уже сам факт, что она разговаривала с глухонемыми, исключал подобную возможность. Все люди, с которыми она поддерживала близкий контакт во время киносъемок, должны были являться актерами, поскольку обращали на себя внимание Зрителя. Но, возможно, наркоманка и не была из главных героев фильма? В качестве персонажа второго плана (но как актриса, рядом с которой я сыграл роль статиста первого плана) она могла быть связана с другой главной фигурой всего зрелища, в котором сама она играла пусть и не самую важную, но существенную роль. В таком случае, она бы принимала участие только в некоторых эпизодах фильма, написанных специально для нее.

Отблеск невидимого юпитера продолжал серебрить верхушки пальм. Засмотревшись вдаль, я терялся в догадках. В конце концов, я разложил

план города и красным фломастером начертил на нем контуры сложной фигуры, заключающей внутри себя все естественные объекты.

Этот контур был краем сцены, которую загадочное световое пятно никогда не покидало. Необычная яркость могла мне указать место нынешнего пребывания Мюриэль. Действие фильма (во всяком случае, в данный момент) разворачивалось на восточном берегу Вота Нуфо, где-то на полдороги между Альва Пас и Лесайолой. Если бы я летел на вертолете, то нашел бы актрису без малейшего труда. Часто ли "съемочная группа" выезжала на пленер? Чтобы сейчас добраться на место по ломаной линии, определяемой расположением улиц, мне бы пришлось проехать не четырнадцать, а все двадцать километров, пользуясь при том тремя видами транспорта.

Нужно было ловить такси. Но тут выплыла непредвиденная трудность. Водители всех остановленных мною такси были манекенами, чаще всего, закрепленными в своих машинах навечно. Мне это — понятное дело — было без разницы. Только вот таксисты яростно противились. Когда я говорил, куда мне надо ехать, они тут же выгоняли меня из машины, ссылаясь на то, что у них нет времени. Один как раз направлялся

за своим сменщиком, у второго заболела жена, третьему хотелось выпить пивка, а четвертому было просто не по пути. Все эти отговорки, однако, не мешали им брать других пассажиров. И тут я стукнул пальцем по лбу: наконец-то мне стало ясно, почему таксисты так часто капризничают на стоянках и сами выбирают себе пассажиров.

Да, никто из них никогда не слыхал о съемочной площадке, никто из них наверняка не знал, где в данный момент горит сияние невидимых юпитеров, но их внутренний голос с безошибочной точностью управлял их желаниями и формировал их таким образом, чтобы ни один манекен ни с того, ни с сего не влез по случайности на освещенную сцену прямо под объектив Камеры. А сейчас я в качестве цели своей поездки указывал водителям именно то место, где как раз и сиял "Кройвенский Маяк".

На поиски такси с живым водителем я напрасно потратил следующие четверть часа. В конце концов, я сел в автобус и поехал на станцию метро у Пятидесятой Улицы. Метро — которое обычно работало как часы — на сей раз меня подвело. Поезд остановился в тоннеле на красный свет. В безвылазной ловушке я застрял на целых двадцать минут. И в результате, на дорогу до на-

стоящего моста, соединяющего берега Вота Нуфо возле Двадцатой Улицы, я потратил полчаса.

Автобус-экспресс, идущий в аэропорт, уже ожидал на развороте. Я бегом бросился к нему. Но тот уехал, когда я почти что вскочил на ступеньку. Правда, автобус был забит настоящими людьми, и сам шофер тоже был живой, из чего следовало, что я иду по нужному следу. Через десять минут показался следующий автобус, но я на нем не поехал. Живой водитель привез живых пассажиров, развернувшись, выпустил их и заявил собравшимся на остановке, что у него поломка в двигателе и он сходит с маршрута.

Обманувшиеся в своих ожиданиях пассажиры направляли въедливые замечания то в сторону шофера, то двигателя, а я нашел виновного среди самих недовольных: им был пластиковый, неприметный старикан, пришлепавший в самый последний момент. Вскоре на остановке появились и другие статисты третьего плана. По мере того, как их прибывало, все мои надежды на обнаружение Мюриэль таяли как дым.

Мы уехали следующим автобусом. С обеих сторон моста рябила поверхность самой настоящей воды. Большинство живых пассажиров вышло сразу же за мостом, а остальные — в Парайо, где

я тоже покинул автобус, поскольку аэропорт — о чем свидетельствовала карта — находился уже далеко за границами сцены. Впрочем, из Парайо было ближе всего к тому холму, на склоне которого (два часа назад!) сиял "Кройвенский Маяк".

Дальше мне нужно было идти пешком. Местность была мне совершенно незнакома. Я прошел мимо последних построек поселка и свернул в глубину рощи. Пройдя ее, я очутился на самом высоком месте. Песчаная тропка извиваясь между деревьями — привела меня на берег озера. Целых полчаса бродил я по склону отмеченной на плане возвышенности, описывая все более широкие круги. Потом влез на дерево. Но нигде не было видно ни одной живой души.

Я кружил в нужном месте, только в неподходящее время: единственное сияние, присвечивающее мне в моих поисках, исходило с западной стороны лазурного небосвода, где над обкусанным небоскребами горизонтом пылало громадное апельсиновое солнце.

XIV

Я сидел на берегу Вота Нуфо и глядел вдаль. Из расположения линий, нарисованных на плане города, следовало, что пятно яркого света могло покинуть восточный берег озера только лишь по двум направлениям. Одно из них я исключил сразу же, так оно вело через мост возле Двадцатой Улицы. Если бы "киносъемочная группа" разминулась со мною там, я сразу бы это заметил. Второе же направление вело через остров Рефф и два коротеньких моста, соединявших его с Лесайолой на восточном берегу озера и с Таведой на западном.

Если Мюриэль осталась на восточном берегу (что было вовсе не обязательным), то сейчас она находилась где-то в посадках между Парайо и Лесайолой или же в одном из этих поселков. Опять же, нужно было бы принять во внимание Уза Не Хуто, поселение, где селили прокаженных. Хотя оно и лежало за официальной чертой города, только обозначенная на плане длинная красная загогулина вырезала из этого поселка небольшую его часть, и это указывало на то, что узенький помост сцены ведет и к людям, коренным образом

изолированным от остальной части общества.

Еще раз я разложил карту и склонился над треугольником Парайо Лесайола — Уза Не Хуто. Возможно, иголку в стоге сена было бы найти труднее, чем женщину, освещенную мощнейшим прожектором, но мысль о приключениях, случившихся со мною по пути с крыши банка "Куэфеда Нос Паза", остудила мой начальный запал гораздо эффективней, чем величина обозначенной на плане территории. Хотя, я обладал выбором и всю оставшуюся жизнь мог гоняться за сбегающим от меня по горам и лесам призрачным огоньком.

Меня арестовали в тот самый момент, когда я узнал, что Мюриэль вовсе не глухонемая, и когда я решил познакомиться с ней сразу же после того, как она выйдет из телефонной будки. Было ли это случайностью? Затем тормозимый следующими одна за другой "неудачами", сначала увертками таксистов, затем стоянкой в тоннеле, бегством одного автобуса и аварией другого — я потратил два часа на дорогу, которую в нормальных условиях проехал бы минут за тридцать.

И внезапно — раз, повидимому, в сотый за этот день — я вспомнил безмятежное, разве что несколько удивленное выражение на ли-

це Линды, когда она, пьяненькая, поудобней рассаживалась на перроне, чтобы глянуть на подошву окровавленной ноги. А ведь я знал, что она невиновна, и любил ее: это что, тоже было случайностью?

В свете заката я увидал лодку. Она приближалась ко мне со стороны Таведы, расположенной на противоположном берегу озера, и уже преодолела около половины пути. В лодке сидело двенадцать человек. Лодка погружалась чуть ли не по самые борта в настоящей воде, которая в этом районе — что следовало из карты — заполняла хранилище, окруженное стеклянной поверхностью. Эта неподдельная вода разливалась по приличной площади: начиная с того места, где недавно располагалась "съемочная группа", до Таведы в одну сторону направлении и до Лесайолы — в другую.

Я направился по берегу на встречу гребцам. Среди манекенов я увидал и нескольких настоящих мужчин. Они плыли вдоль края имитировавшего воду стекла. Когда лодка приблизилась к мысу, я увидал на озере еще одну фигуру. Она шла от противоположного берега по стеклянной поверхности, нанесенной тонким слоем на огромном пространстве земель в озерной впадине. Гребцы

тоже заметили эту тринадцатую фигуру. Довольно скоро в идущем по стеклу человеке я узнал Блеклого Джека.

А вот мужчины в лодке, увидав его, переполошились. Они бросили весла и переместились на нос судна, беспокойно поглядывая то на явление, то на сушу.

— Уверуйте! Это я, не бойтесь!

— Господи! Если это ты, повели мне прийти к тебе по воде.

— Иди!

И как раз в этот момент лодка краем коснулась стекла. Один из гребцов выскочил за борт на твердую поверхность. Очень осторожно он сделал по ней несколько шагов в направлении Блеклого Джека, но потом свернул немного, поскользнулся и упал в воду. Блеклый Джек вытащил его, и они сели в лодку, которая вскоре причалила к настоящему берегу.

Лодочники оставили свое судно на песке и направились по берегу в сторону Лесайолы. Я пошел за ними. По дороге нам встретились два манекена. Один был немым, а второй глухим. Блеклый Джек провел пальцем по рту немого (разделяя ногтем его склеившиеся губы). Глухому он проткнул уши поднятой с земли щепкой.

Ларингологическая операция также прошла удачно. Она заняла так мало времени, что глухой еще успел услыхать слова благодарности, высказанные немым.

Я мельком глянул на свою карту. Из нее следовало, что мы приближаемся к площадке с фиктивной растительностью. Эта искусственная роща имела в диаметре около километра и располагалась на пологом склоне возвышенности в местности, покрытой естественной зеленью. На краю этого "островка" Блеклый Джек остановился возле фигового дерева. Он искал на нем плоды, но обнаружил одни только листья. Как раз это дерево вне всяких сомнений было настоящим, поэтому я очутился перед неразрешимой теоретической проблемой, когда после слов: "И больше никогда не родишь ты плодов!", сказанных рассерженным проповедником, фига буквально в несколько секунд усохла и сбросила пожелтевшие листья.

Блеклый Джек насупился и уселся под деревом. В этот момент из искусственных зарослей вышел старик.

— Моя дочка только что умерла, — сказал он. — Но приди и возложи на нее свою руку, и она встанет.

— Веруешь ли ты в это?

— Конечно же, Господи!

— Тогда я приду и оживлю ее.

Ученики Блеклого Джека — уже освоившиеся со сверхъестественными способностями наставника — после эмоциональных переживаний, вызванных предыдущими чудесами, имели право на то, чтобы прозевать последний номер.

Лишь двоих заинтересовала судьба фигового дерева.

— Воистину, говорю я вам, — сообщил учитель любопытствующим. (В это время старик вел нас вглубь территории, на которой среди искусственных пальм и пиний кочевала орда бездомных манекенов.) — Если бы имели вы веру, то сделали бы не только то, что случилось с бесполезным деревом, но, приказуя этой горе, чтобы поднялась она и рухнула в озеро, увидали бы ее немедленное падение.

Девушка была неподдельной. У нее была посиневшая кожа и вид настоящего трупа. Когда старик завел нас в забитую манекенами хижину, где лежала умершая, Блеклый Джек наклонился над ней и сказал:

— Отойдите от нее, ибо не умерла она, но только спит. Сейчас вы ей не нужны. Пускай во сне

отдыхает она до нового утра и даже более, пока не наступит день.

Отец девушки окаменевшим взором уставился на пол. Угадывая его мысли, Блеклый Джек еще раз указал на застывшее тело.

— О маловерный! Прикрой уснувшую, ибо наступает прохладная ночь.

И вдруг в хижине воцарилась абсолютная тишина. Видя, как Блеклый Джек сам начал разыскивать одеяло, кое-кто из присутствующих стал над ним насмехаться. В этом гомоне умершая открыла глаза. Ее лицо покрылось румянцем. Она поднялась — обнаженная — и, как будто бы была одна в заполненной чужими хижине, одела ночную рубашку, после чего вышла и скрылась в лесу. Второй раз я увидал ее ночью, когда она стояла на пляже, всматриваясь в широкую ленту огней Кройвена на противоположном берегу озера.

В тот же вечер, вскоре после воскрешения настоящей девушки, в лагере манекенов случилось еще одно неподдельное чудо. Ему предшествовало совершенно несущественное событие.

К обступленному толпой бродяг Блеклому Джеку протолкался искусственный калека. О нем рассказывали, что его рука отсохла в тот самый

миг, когда он хотел ударить собственную мать. На самом же деле, манекен не владел своей правой верхней конечностью еще с того момента, когда покинул монтажную линию. Его отлили в негерметичной форме, расплавленная пластмасса вытекла из под пресса и сварила руку с корпусом.

Блеклому Джеку понадобилось несколько минут, чтобы выдрать лишнюю пластмассу, соединившую руку псевдо-инвалида с его боком.

— Протяни руку свою и владей ею свободно, ибо теперь она здорова как и вторая, — сказал он.

Как раз после этих слов и произошло то самое странное событие. Он подействовал на меня очень сильно, ибо оказалось, что для проповедника нет ни малейшей разницы между чудом истинным и фальшивым, и то, что я сам слепой с точки зрения высшего уровня — принимал за чудо действительное, Режиссеру мира удалось с большей легкостью, чем имитация сверхъестественного оздоровления.

В толпе возбужденных манекенов я обратил внимание на настоящую женщиину, лицо и руки которой были покрыты неподдельными струпьями проказы. Она стояла на коленях за спиной проповедника и коснулась краешка его

мешка в тот миг, когда Блеклый Джек возвращал руку манекену. Я наблюдал за ней с расстояния не больше, чем метр, так что нет и речи о каком-то наваждении или иллюзии: чудовищно скрюченные руки прокаженной вновь обрели все пальцы и покрылись новой кожей. Через несколько секунд недавнее чудище, по которой искусственные люди топтались ногами, превратилось в здоровую и красивую женщину.

Только в замешательстве практически никто этого и не увидал. Все отправились на пляж за исцеленным манекеном, она же одиноко осталась стоять на коленях. Поскольку проповедник ни разу не обернулся к ней, мне пришло в голову, что женщина была очищена независимо от воли Учителя и даже без его ведома. Но как только я подумал об этом, Блеклый Джек быстро глянул на меня (впервые после того, как сошел с лодки).

— Воистину говорю я тебе, — сказал он, со значением указывая себе за спину, — такой веры, которую проявила эта женщина, я еще не находил в Кройвене.

Мне показалось, что он прочитал мои мысли. Выходит, что эта женщина и я (вместе с другими — вроде бы, живыми — людьми) для Режиссера мира были манекенами высшего порядка,

которым он мог возвращать здоровье с той же легкостью, с которой каждый из нас смог бы очищать кожу, открывать глаза и рты, протыкать уши, а так же надевать парики и снимать узы беспомощным пластиковым муляжам.

После этого он уселся посреди собравшихся. Я со всем возможным вниманием приглядывался к нему, не обнаруживая, впрочем, на его теле никакого необычного знамения. Он выглядел как самый обыкновенный живой человек. Но ведь манекены тоже не могли отличать людей живых от искусственных. Сравнение это давало понять, что, находясь на нынешнем уровне, я никогда не увижу Блеклого Джека в его истинном виде.

Когда солнце уже скрылось за имитациями стен северного Уджиофорте, учитель вошел в лодку, отплыл от берега и с места, где каждый мог его видеть, обратился к собравшимся на пляже слушателям:

— Царствие экрана подобно пахотной земле, на которой хозяин посеял доброе семя. Только пришел неприятель его и посеял меж зернами пшеницы плевелы. Когда же взошла зелень пшеницы, показались и плевелы. Тогда сказали слуги хозяину: Хочешь, мы выберем их. Но тот сказал: Нет! Чтобы, выбирая плевелы, не выдергали вы

с ними пшеницы. Оставьте расти то и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецам: Отделите плевелы от пшеницы. Зерно перенесите в житницу мою, а плевелы бросьте в печь огненную. Так будет при кончине века сего. Пошлет Творец Ангелов, что отделят злое от доброго.

Говорил он еще многое иными притчами, когда же закончил говорить и вышел из лодки на берег, к нему приступили его ученики.

— Зачем притчами говоришь им?

Он ответил:

— Вам дано знать тайну царства небесного, но им не дано. Потому и говорю притчами, ибо, глядя, не видят. И хоть внимательно выслушивают, все же не слышат. Ибо исполняется через них пророчество, что говорит: Будете глядеть, да не узрите. Кто сумеет, пускай поймет.

Когда же стало совсем темно, во второй раз приступили к нему ученики, говоря:

— Пустынно место сие, да и время прошло. Распусти народ сей, чтобы отправился он в Парайо или же Лесайолу и купил себе еды.

А он на это:

— Вы дайте им есть.

Отвечали те:

— У нас только пять хлебов и две рыбы.

— Принесите!

И приказав людям, чтобы те сели на траве, разламывал хлебы и рыб и давал ученикам, а те людям. Так насытились все, и еще осталось.

Запылали костры. Блеклый Джек дал каждому по его потребности. Я сидел неподалеку от него и видел, как он делил хлеб и рыбы. С принесенных образцов — будто с матриц — он без конца снимал тонкие пластиковые оболочки. Буханки были пустыми изнутри, а рыбы напоминали целлулоидные игрушки, с которыми дети играются в воде. Огромнейшая толпа манекенов получила множество муляжей, загадочным образом умноженных, так что каждый из ненастоящих людей мог поднести к резиновым устам свою имитацию хлеба и рыбы.

Я тоже протянул руку.

— Дай мне поесть.

Он положил на мою ладонь такие же оболочки, стянутые с образцов. Я уже хотел-было спросить, нет ли для меня чего-нибудь по-настоящему съедобного, как вдруг почувствовалтяжесть, тепло и аромат свежего хлеба и запах неподдельной рыбы, которая, после того как я ее разломил, еще исходила паром, будто ее только что вынули из коптильни. Теперь я мог есть, но голода не чув-

ствовал — один лишь страх.

И я отошел на другой конец табора.

Пламя освещало свернувшиеся клубочком вокруг огня искусственные фигуры, бросавшие недвижные тени на ближайшие детали декораций. Сам же я размышлял о том, являются звезды капелькками серебрянки или же дырками в темно-синем куполе неба. В той части табора, где я ночевал, Художник-Декоратор расставил высокие пластмассовые кактусы. Их спутавшиеся разветвления и бульбообразные выросты после того, как их бросали в огонь, горели ярким пламенем, но при этом выделяли удушающий, слезоточивый дым.

Приступ кашля привлек внимание манекенов ко мне. После замечания относительно холода весенней ночи я получил от них кусок клеенки, имитирующий покрывало. Чтобы не разочаровать добродетелей, я как-то натянул на себя эту клеенку и какое-то время притворялся, что сплю. У меня создалось впечатление, что я лежу среди граммофонов, на которых крутились одни и те же треснутые пластинки. Меня окружали говорящие и движущиеся куклы. Соседний костер был окружен недвижными фигурами, расположившимися на безопасном расстоянии

от жара сжигаемых декораций. Измученный монотонным гулом псевдо-разговоров, изображаемых предложениями из слов, расположенных в случайном порядке, я поднялся и перешел к соседнему костру.

Там я уселся возле пластиковой женщины. Она положила голову на подтянутые под самый подбородок колени. Так она делала вид, что греет ноги в тепле горящего кактуса. Мне было не известно, перед кем же она играет роль замерзшего муляжа, потому что все ее товарищи были манекенами четвертого уровня (если причислять к ним гипсовые отливки), она же — как свободная в передвижениях фигура — относилась к статистам второго плана, следовательно, имела над ними перевес в две степени. Во всяком случае, сложена она была пропорционально, и даже ее лицо в полумраке выглядело ну совсем как живое.

— У вас, случаем, нет сигареты?

— Есть.

Я сунул картонную трубку меж ее резиновых губ, сам же закурил из пачки, купленной еще утром. После этого я глянул на ее ноги. И тут в мои мысли проникло что-то неестественное. В самом моем поступке, что сигаретную подделку я вложил искусственной женщине в губы, вместо

того, чтобы, по-нормальному, предложить ей взять из пачки, уже была какая-то ненамеренная фамильярность. Как она сама поняла этот мой жест, я узнал чуточку позднее.

Я глядел на огни дальнего берега.

— А я здесь одна, — сообщила мне соседка.

— Я тоже, — побыстрее соврал я.

Звезды гляделись в стекляшку озера. С другой стороны, из-за расставленных наверху декораций выглянул диск луны.

— Я замерзла.

— У меня есть покрывало.

— Нет.

— Что нет?

— Это не покрывало.

— А что же?

— Одеяло.

Я свернул свою клеенку.

— Покрывало или одеяло, какая разница. Мы же сидим у костра, — наивно заметил я.

— Но ведь мне же холодно. Неужели вы никак не поймете такую простую вещь?

Как же, понимал, только я был робким бандитом. Тогда она взяла мою руку и положила на свое колено.

— Вот, можете сами проверить, холодные как

ледышки.

Мне не надо было прикасаться к ней, чтобы представить соприкосновение живого тела с резиной и пластиком. Но когда я продвинул ладонь по ее бедру, то убедился, что оно нагрелось от костра. А в тепле пластик даже сделался мягким.

На искусственной женщине были сарафан и трусики. Она уже без всякого стеснения позволяла себя лапать. После этого уселась каким-то странным образом. До меня никак не доходило, что она сама могла получить, взамен на предложенную мне эрзац-любовь. Но, по мере того, как она вела мою ладонь все дальше и все медленнее, я почувствовал физическое возбуждение, растущее совместно с психологическим противодействием, указующим мне путь окончательного моего падения, но в самом конце — после целой минуты ужаснейших сомнений — сила отвращающая повернула в противоположную сторону и потянула меня за собой...

XV

Когда я открыл глаза, был уже четверг. В сиянии дня я тут же сощурился. Солнце висело низко над Уза Не Хуто, откуда жаркий ветер нагонял редкие перистые облака. В разогретом воздухе, провонявшемся пластмассой, жужжали насекомые.

Пластмассовую женщину рядом с собой я не обнаруживал. Теперь я лежал один среди надутых кактусов, рядом с кучкой серого пепла, в которой догасал ночной костер. Лес шумел бумажными листьями. Время от времени из-за пустотелых стволов выглядывали маски манекенов, бесцельно слоняющихся по округе. По песчаной дороге прошло стадо поддельных верблюдов, которых подгонял такой же ненастоящий пастух. Одни только гипсовые фигуры цыган, расставленные вокруг макета кибитки и очага, на котором готовят пищу, неподвижно оставались на своих местах.

Почему же большую часть съемочной площадки покрывали декорации? Когда я впервые столкнулся с ними, мне показалось, что при их монтаже Художник-Декоратор руководствовался исключительно потребностями экономии. Но

весьма скоро это объяснение стало недостаточным. Действительно, строительство настоящих домов на дальнем краю сцены, то есть там, где достаточно было простых макетов, особого смысла не имело, но ведь вместо того, чтобы штамповать движущихся и говорящих манекенов, а вместе с ними искусственных животных и растения, не легче ли было бы посадить на съемочном плане настоящие деревья и ввести в действие только лишь живых людей, ставя их на все возможные посты, даже если сценарий и предусматривал, что большинство их должно сыграть в фильме только лишь роли статистов дальнего плана?

После того, как мне стали известны творческие способности Блеклого Джека, я окончательно перестал понимать, что на самом деле представляло сложность для продюсеров необычного зрелища: конструирование живых персонажей или же только их имитаций. Могло случиться и так, что и те, и другие получались одинаково легко. Во всяком случае, экономия — в любых отношениях — никакого значения здесь не имела.

Но, чтобы охватить мысль, заключенную в труде, свершенном кройвенским Художником-Декоратором, вначале следовало бы заметить, что, с точки зрения искусства, объективный

взгляд на мир не обладает какой-либо ценностью, поскольку любая художественная деятельность состоит как раз в субъективном выборе. Более того, потребителя известная ему действительность никогда не интересует — но только лишь дополнение к ней. Автор замалчивает, либо упоминает вполслова несущественные для данного произведения факты, гасит излишние источники света, приглушает несущественные голоса, упрощает все то, что существует на краях представляемого им мира, отодвигает, затирает или же заслоняет второплановые структуры и формы — путем постепенного фокусирования на избранной им цели, для того, чтобы сконцентрировать на ней внимание потребителя.

Какие идеи представлял Блеклый Джек в фильме, режиссером которого он был — я еще не знал. Мне не дано было проникнуться его мыслями, так как в моем присутствии он обращался только лишь к статистам, в лучшем же случае эпизодическим персонажам первого плана, к которым я причислял и себя самого. Давал ли он свободу актерам, чтобы те следовали указаниям внутреннего голоса, выражающего Волю Сценария, или же тоже поучал их словом и поступками — я, опять же, не имел понятия. Но я был уверен, что

в зрелище, которое для всех нас — собранных на съемочной площадке мира — было единственной реальной действительностью, моя собственная роль была абсолютно несущественной. Ибо, какое удовлетворение мог я черпать из того жалкого факта, что в очереди за вечной жизнью мой персонаж стоял перед уважаемым (якобы!) университетским профессором, на самом деле оказавшимся третьеразрядным статистом, если в то же время моя роль была менее существенной, чем у скромной старушки из общественного туалета?

По утрам одиночество действовало на меня особенно сильно. Вот почему я как бездомная собака, что бежит за первой встреченной телегой, лениво тащился в группе манекенов, ведомой Блеклым Джеком. Я размышлял о женщинах, которых узнал в течение своей жизни: не везло мне с ними, потому что Линда и раньше, наверняка, гуляла при малейшей возможности, моя ночная знакомая была искусственной, а Мюриэль — недостижимой.

Еще до того, как Блеклый Джек повел за собой толпу, собравшуюся в таборе ненастоящих людей, я лежал возле цыганской кибитки. Кактусы заслоняли Учителя, но его мелодичный голос был

мне прекрасно слышен с самого утра:

— И говорю вам, что если кто бросает свою жену и берет другую — тот чужеложствует.

— Но, ведь если положение мужа с женой таково, дураком будет тот, кто захочет жениться, — заметил чей-то голос.

— Это касается тех, которым голосом совести указано сохранять верность. Посему говорю я вам: всяческий грех человеку отпущен будет, лишь кощунство против Духа Сценария никогда не простится.

Я вышел на пляж. К учителю подошел один из его учеников и, после долгих колебаний, спросил:

— Кто является величайшим в царствии экрана?

Блеклый Джек указал на пластиковых детей, которые делали вид, будто играются в песке, после чего обратился к ученикам:

— Если вы не уподобитесь этим детям, то не войдете в царствие. Лишь униженный вроде них — тот наивысший на мировом экране.

На дороге появился частный автомобиль. За ним тянулся шлейф белой пыли, пока он не остановился возле кучки слушавших. В машине сидели три порядочно одетых манекена. На чет-

вертом, навечно прикрепленном за рулем, была бумажная шоферская униформа.

Блеклый Джек глянул на них мимоходом, тут же нахмурился, но вернулся к предыдущей темк:

— Воистину говорю тебе: Гораздо лучше войти в жизнь малым, хромым или калекой, чем, пусть даже имея две руки и ноги, отвергнутым быть. Тщательно следите за тем, дабы не презреть кого-либо из малых сих. Ибо, где двое или трое собрались во имя мое, там и я среди них.

Два манекена вышли из автомобиля и подошли к Блеклому Джеку.

— Там, где двое или трое, можешь болтать свое, только не оболванивай всех, — сказал один из них.

— Господин магистр, может у меня что со зрением? — спросил другой. Он снял проволочную оправу и сделал вид, будто протирает несуществующие стекла очков. — Как это может быть?! Выходит, этот тип еще не в тюрьме?

— Заверяю вас, уважаемый господин ректор, что очень скоро мы его посадим, — ответил ему первый.

Фальшивый ректор был одет в тогу с изысканными складками, на которую была нацеплена масса значков. Все муляжи главных орденов он

налепил на широкую ленту с надписью "Мое Ученство". По сравнению с шикарным одеянием ректора серый мешок Блеклого Джека выглядел очень жалко.

Из толпы вышла настоящая девушка, которую вчера проповедник вернул к жизни.

— Это наш Режиссер, — представила она Блеклого Джека торжественным тоном, как бы желая подчеркнуть, что прибывшие наверняка имеют в виду кого-то иного.

— Он такой же Режиссер, как я девочка, — рассмеялся пластмассовый магистр.

— Спроси у него что-нибудь, — приказал ректор.

— А что бы могло развлечь Ваше Ученство?

— Ну, может легенда о сотворении мира...

— Уже делаю.

— Только пусть знает, что я выслушаю его исключительно по обязанности участия в народной культуре. Мне весьма нравится слушать народные сказки после всякого интеллектуального, назовем это, пира, который лично я переживаю, пересчитывая корешки толстенных книг, собранных в моей библиотеке, поскольку, именно тогда громаднейший объем зафиксированных на бумаге мыслей в сравнении с этими почтенными

сказаниями дает мне истинное понятие в разнице между титаном знания и неучем-бараном.

— У меня тоже имеется слабость к этим бесхитростным сказкам.

— Так чего же мы ждем?

Магистр обратился к Блеклому Джеку:

— Его Ученство не имеет чести спросить у самого себя, утверждаешь ли ты, что все, что имеется сейчас в видимости и что в ней — как ты говоришь движется, твой Господь сотворил всего лишь за одну неделю?

Вопрос этот остался безответным. Ректор (о котором я уже кое что знал из помещенных в прессе заметок) изображал из себя личность, которая бы всяческое свободное от научных торжеств мгновение посвящала исключительно науке. Только времени на научную деятельность у него не имелось. Даже подписанный его именем толстенный кирпич "Теории высших титулообладателей и практического умения передвижения их же" (торжественно помещенный в Святилище Вечных Книг), был сотворен истершимся от постоянной писанины протезом руки его коллеги.

— Господин ректор, — отозвался из машины третий, элегантно одетый манекен.

— Слушаю вас.

— Прошу вас сесть вас в машину, нам надо переговорить.

Куклы ученых скрылись в машине. Во время неуклюжего разворота шофер съехал с дороги и остановился под кактусами, за которыми укрывался я. Через открытое окошко мне был прекрасно слышен тихий голос третьего манекена:

— Мне весьма неприятно, но я перестал вас понимать.

— Черт подери! Неужели по свойственной нам рассеянности я обратился к этим пастухам на каком-то иностранном языке?

— Да нет. Вы говорили с ними на нашем.

— Тогда что, я недостаточно ясно высказался в пользу рационализма?

— Вы поражаете меня своим легкомыслием. Открыто издеваясь над учением этого человека в такой многочисленной группе слушателей, вместо того, чтобы победить его, вы только дали ему новых сторонников. Вначале нам следовало бы сделать, чтобы все стадо перешло на нашу сторону, и противопоставить его пастырю, чтобы затем отдать его без всяческого риска в руки прокурора. Но, избранная вами линия поведения, ведет к нежелательным волнениям.

— Полно, дорогой мой декан! Неужели вид

полусумасшедшего пророка так сильно вас тревожит?

— Вы уж извините, только лично я вовсе не нахожу фольклора в описываемом им безумном представлении о мире. Это же скандал, чтобы какой-то неграмотный тип, даже без начального образования, какой-то зазнавшийся шут гороховый шатался по всему Кройвену и безнаказанно призывал жителей города к бунту. Адольф!

— Слушаю, — ответил шофер.

— Ты что, застрял в песке?

— Уже едем.

— Выезжай на дорогу и еще раз остановись возле пророка. Я вам покажу, как следует лишать фанатиков веры.

— Еще сегодня я объявляю собрание членов нашего президиума, посвященное данному вопросу, — заявил ректор.

Автомобиль остановился рядом с Блеклым Джеком.

— Учитель! — выглянул из окошка декан. — Если ты являешься сверхъестественным персонажем, сыном Живого Зрителя, что послал тебя на съемочную площадку, чтобы здесь ты учил, как играть и тем самым заслужить для себя вечную жизнь, убеди всех, что ты мессия — совеши

в нашем присутствии какое-нибудь чудо.

На пляже воцарилась тишина. Учитель неспешно повернул голову к фальшивым жрецам заний.

— Вам я никаких знамений не покажу.

— Потому что и не можешь!

— Слыхали? Камень, отброшенный зодчими, сделался краеугольным. Но если кто упадет на камень этот — разобъется, если же на кого-нибудь камень сей упадет — сотрет в порошок!

— Скажешь ли ты то же самое губернатору Кройвена, когда прийдет время платить налоги? Как ты считаешь, должны ли граждане платить их?

— Зачем вы искушаете меня, лицемеры? Покажите мне монету, и тогда я скажу вам.

Когда же деньги ему дали, он спросил:

— Чье здесь изображение и подпись?

— Губернатора.

— Тогда отдайте губернатору то, что надлежит ему, а Зрителю — что Его по праву. Слепы предводители, что комара процеживают, но верблюда глотают.

По толпе собравшихся пронесся грозный шорох. Автомобиль медленно поехал мимо собравшихся на дороге манекенов. Когда же он исчез за изго-

родью искусственных пальм, к Блеклому Джеку подошел один из его учеников и спросил:

— Знаешь ли ты, что, услыхав слова эти, книжники остались недовольны?

А тот ему ответил:

— Всяческий род, которого Отец мой небесный не прививал, искоренен будет. Слепые незрячих в яму ведут. Оставьте их, ибо глаголю вам, что за каждое слово пустое, сказанное на съемочном плане, ответите вы в судный день.

Еще до наступления полдня Блеклый Джек повел свой народ по другим местам. В течение нескольких часов я следовал за ним в обходе съемочной площадки. Поначалу, оставив Парайо в стороне, мы направились по берегу Вота Нуфо к пляжам, занятым богатыми обитателями Альва Паз. За выездом с моста у Тридцатой Улицы, где нас вновь окружили декорации, мы приблизились к макету шикарного кемпинга, где искусственные слуги, одетые в бумажные ливреи, крутились возле молодого своего хозяина.

Этот юноша, чье тело было отлито из самого высококачественного пластика, как оказалось впоследствии, держал в руках треть акций всех предприятий Нижнего Ривазоля (где стояли одни только декорации) и владел десятком очень

дорогих гостиниц, живописные щиты которых главенствовали над искусственнным Альва Пазом.

Когда колонна статистов топтала зеленые опилки, что изображали траву перед кемпингом, юноша крикнул Блеклому Джеку:

— Добрый Учитель! Что должен я делать, чтобы попасть на небо и жить в нем вечно?

— Почему ты называешь меня добрым? Нет никого доброго, кроме самого только Зрителя, ибо от милостей его все зависит. А если сам не знаешь, что тебе делать, но желаешь войти в жизнь, придерживайся заповедей.

— Каких же?

— Не убий и не кради. Не лжесвидетельствуй против ближнего своего и возлюби всякого, как самого себя.

— Эти заповеди я почитаю с раннего детства, так чего же мне не хватает?

— Если желаешь быть совершенным, пойди, продай свои имения, раздай деньги бедным и, перейдя на первый план, следуй за мною. Покинь все, что имеешь, ради сокровищ небесных.

Выслушав этот добрый совет, юноша весьма опечалился. Тяжело было ему встать с кресла, в сидении которого он укрыл все свои ценные

бумаги, изображающие его огромное состояние.

— Воистину говорю я вам, — объявил проповедник статистам, — что с трудом войдет он в царствие.

А когда ученики его прошли дальше в поселок Альва Паз, где нарисованные на холстине изображения роскошных домов имитировали виллы городской аристократии, он остановился перед макетом великолепного особняка и добавил:

— Ибо на этом плане легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому заручиться милостью Зрителя. Множество первых ныне станут последними, а последних — первыми. И из многих созванных немногие будут по нраву Господу, чтобы пред иными войти в царствие Его.

Так случилось, что когда Блеклый Джек ходил по кварталу псевдо-богатства, к нему подошел какой-то пластиковый слуга.

— Мой хозяин сидит перед пустой бутылкой и весьма удручен этим, сказал он. — Если ты можешь, вступи в дом наш, возложи десницу свою на все рюмки и наполни их из пустоты.

Учитель вовсе не накричал над наглецом, издевающимся над ним.

— Хорошо, — согласился он. — Я прийду и утешу его.

Когда же он прошел в макет дома мрачного хозяина и уселся за стол в компании своих учеников и нескольких священников, через другие двери в комнату ввалилась компания бандитов во главе с самим неуловимым гангстером, Давидом Мартинесом. Все тут же протянули руки с пустыми стаканами, а Блеклый Джек взял в руку пустую бутылку от виски и преклонил ее над всей этой посудой. Большая часть стаканов так и осталась пустой — но себе, мне, а также нескольким живым ученикам учитель налил из этой пустой бутылки самое настоящее виски.

Пластиковые пьянчуги восхваляли учителя, тот же говорил с ними притчами, подливал и сам не забывал про свой стакан. В это время шпионящие за Блеклым Джеком священники шушукались меж собою по углам:

— Разве это не Карлос Онтена сидит здесь?

— Это он.

— А вон тот, второй, в черном сомбреро на голове? Разве не называют его Давидом Мартинесом?

— Воистину, так называют его.

— Выходит, что с бандитами пьет их наставник.

Блеклый Джек тут же пригасил подобные замечания:

— Здоровые не нуждаются в услугах врача, но те, кому плохо, — сказал он.

После этого замечания Блеклый Джек покинул дом Мартинеса и потянул всех назад, в Парайо, где стоял его родной дом. Но и там — в глазах соседей, знавших его с самого раннего детства — не заслужил он ни признания, ни уважения.

Увидав его, люди только пожимали плечами и перешептывались:

— Разве не сын это плотника, у которого мастерская за пекарней? Разве не рос парень этот на улице и не воспитывался с нашими сыновьями и дочками. Мы видели его всю его жизнь и слишком много знаем о нем, чтобы считать, будто он выше нас.

В Парайо Блеклый Джек никаких чудес не совершил. Он распустил народ и покинул поселок. Уже на поле он остановил учеников своих, будто собирался произнести долгую проповедь. Но потом лишь усмехнулся, махнул рукой, и откинул длинные волосы назад, с лица, чтобы сказать:

— Нет пророка ни в доме своем, ни в своем отечестве.

XVI

В самое жаркое время дня, когда солнце палило в небе, на дороге из Парайо на берег озера Вота Нуфо, учитель сошел с раскаленной трассы и, усевшись в тени настоящего дерева, где устроились на отдых и его самые верные ученики и слушатели, сказал тихо-тихо, как бы сам себе:

— Я пришел, но не узнали меня...

После чего спросил уже громко:

— За кого меня принимают люди?

— Одни видят в тебе пророка, — ответил кто-то, — а другие обманщика.

— Кто же я для вас?

Ему ответил смелый голос:

— Ты — Режиссер мира, истинный сын Зрителя живого.

— Благословен же будь, ученик мой, за слова эти, ибо сечас их подсказали тебе не кровь и плоть твоя, но Отец мой, что глядит на экран мира.

После этой похвалы Блеклый Джек приказал ученикам, чтобы те никому не открывали, что это он Режиссер зрелища земного. Еще он предсказал им, что Режиссер будет выдан в руки статистов, поскольку он обязан умереть, но на

третий день воскреснет и станет жить с ними до самого скончания веков. Как и всякий персонаж, роль которого увенчана издевкой мнимого поражения, он тоже познает горечь разочарования и испытает смертные муки, дабы душа, рождающегося на съемочной площадке произведения воцарилась над его увечным телом.

— И потому, — продолжил он после временного раздумья, — если кто желает идти путем моим, пусть отречется от себя самого. Ведь что поможет человеку, пускай даже и завладеет он всем миром, если утратит он душу и предстанет пустым в День Окончательного Монтажа. Но если кто утратит душу свою ради меня, обнаружит ее в себе и на экране пред глазами справедливого Зрителя.

Вскоре после полудня Блеклый Джек попрощался с учениками и ушел. Но перед тем он предсказал, что будет ожидать их на закате солнца на вершине горы возле Пиал Эдин.

Когда последние слушатели спустились вниз, к мосту возле Двадцатой Улицы, я остался сидеть под деревом на склоне, откуда открывался прекрасный вид на противоположный берег озера. Оставляя внизу неподдельные воды озера, я всматривался в стальную даль Уджиофорте, расцарапанную колоннами настоящих небоскребов.

Высотные здания Центра заливало солнце, и они купались в чистейшей лазури, а над остальной частью западной стороны неба в несколько слоев повисли белые, всклокоченные облака и черные тучи. Очень скоро верхушки всех зданий Центра скрылись в сизой заслоне.

И все эти громадные строения, весь этот лес небоскребов — были возведены ради нескольких героев фильма, которые даже не могли и знать о том, что все крутится только лишь вокруг них, что ради них построен шестимиллионный город. Им и не дано было знать об этом, поскольку, если бы правду узнали, были бы настолько ею поражены, что не смогли бы играть по-настоящему.

Это внутреннее замечание — через мыслишку о Мюриэль — заставило меня вспомнить о Линде, в одно мгновение вернув мне память о множестве проведенных с нею счастливых дней. Я почувствовал резкую потребность встретиться со своей знакомой и вместе с тем — страх перед арестом, которого я не испытывал в присутствии Блеклого Джека. Я решил позвонить Линде из первого же встреченного по дороге телефона-автомата.

И в тот самый момент, когда я принял это решение, у меня за спиной раздался какой-то подозрительный шорох. Резко поднявшись с травы,

я ударился головой о что-то твердое, тут же исчезнувшее из поля моего зрения. Мне показалось, что я просто ударился о ветку дерева, на самом же деле это был подбородок склонившегося надо мной манекена. После этого он упал на землю, нокаутированный этим сильным ударом.

Искусственный мужчина не подавал никаких признаков жизни. Он лежал ничком на траве, вытоптанной учениками Блеклого Джека, и даже не шевелился. Одет он был в трехцветный мундир профессионального шофера какого-то официального учреждения. Маска его лица была совершенно разбита, из чего следовало, что я вновь, не желая того, совершил убийство.

Перед глазами у меня вновь встало видение Темаля. Я беспомощно разглядывался по сторонам, пытаясь догадаться, ну зачем в безлюдном лесу какой-то управляемый на расстоянии паяц молча встал за самой моей спиной и подставил свою башку точнехонько так, чтобы я ее разбил. Я быстренько обежал место несчастного случая, чтобы выследить сообщника в возможной провокации, только в зарослях никого не обнаружил.

Я уже был настолько безразличен к виду псевдо-смертей, что возле трупа моей следующей жертвы мог спокойно подумать о делах практи-

ческих. Поскольку, переодевшись шофером, мне было бы легче скрываться перед выслеживающими меня манекенами, я, не колеблсь ни секунды, одел на себя его куртку и фуражку. Эта фуражка, в которой моя голова чуть ли не утонула, и черные очки пластикового бедняги настолько изменили мою внешность, что, по крайней мере, манекены, которые все видели нерезко и поверхностно, даже присматриваясь ко мне с близкого расстояния, никогда не узнали бы переодетого грозного бандита, о котором кричали афиши.

Когда я сворачивал к автобусной остановке, у самого съезда гравийной дороги на асфальтовое шоссе, раздался чей-то раздраженный голос:

— И куда ты прешь, придурок!

Я огляделся по сторонам.

— Он еще и пялится!

На шоссе не было ни души. Знакомый голос доносился из густых придорожных зарослей, где прятался красный автомобиль. Я раздвинул ветки и прошел в замаскированное укрытие. В открытых дверях машины сидел фальшивый ректор.

— Наконец-то! — просопел он. — Езжай побыстрей, потому что у нас очень мало времени. Ровно в час этот болван садится обедать, и в течение

двух часов уже никакая сила не сможет оторвать его от котлет и кремов.

Увидав ректорскую тогу, я не мог изать и звука. Первым же моим побуждением было бежать, но тут же я вспомнил о свойственной всем искусственным людям подслеповатости. Кроме него здесь никого не было. Я сориентировался, что ректор оставил где-то своих утренних товарищей и вернулся на восточный берег озера на другой машине, так как в первой, на которой он приезжал к Блеклому Джеку, шофер был скреплен с рулем и сидением намертво. Теперь я, по крайней мере, знал, чью фуражку натянул себе на голову.

Сейчас же я горячечно размышлял, как выпутаться из этой, что ни говори, неприятной ситуации.

— Валяй прямо к его преосвященству, — бросил мне ректор. — Жаль, что уже не успеем подобрать по дороге декана.

Я уселся за руль. В конце концов, можно было доехать до Центра, и выйти из машины за первым же перекрестком.

— Ну, и что там? — спросил ректор, когда мы проезжали по мосту.

— Дела идут, — несколько неуверенно отвечал я.

— Какие дела? — перепугался он.

— А всякие. Одни получше, другие похуже.

— Я тебя спрашиваю, баран, что тебе удалось?!

— Все неплохо, — продолжал лавировать я.

— То есть? — пригвоздил он меня.

— Не стану же я жаловаться своему хозяину.

Тут я попал в белый свет, как в копеечку.

— Хозяина, — возвысил он голос, — можешь легко найти в любом дешевом баре. А я для тебя не уличный какой-нибудь хозяин, но...

И он указал себе на грудь.

— Ваше Ученство, — закончил я.

— И заруби это себе на носу! Везет мне на кретинов. Адольфа палкой из той машины не выгонишь, так ему хорошо за рулем, а из тебя кнутом невозможно выжать простейшей информации, действительно ли пророк совершает чудеса, хотя целых полчаса ты подслушивал в кустах, откуда мог проводить тщательнейшие научные наблюдения.

— Так ведь чудес не бывает.

— Молчи уже, несчастный!

У него мог случиться приступ искусственной апоплексии, поэтому, когда он вернулся к предыдущей теме, я облегченно вздохнул.

— Я вижу настоящее чудо уже в том, что безна-

казанно главенствую в нашем Университете! И за это время я чудом не расстратил свое состояние на порошки от головной боли, напрасно решая самый главный вопрос: у кого переписывает ученый, котрый мыслит самостоятельно. Чудес подобного рода в своей жизни я могу насчитать целую кучу, только злые языки утверждают, будто я в них не верю.

— Но ведь эти никчемные утверждения подчиненных вовсе не дают оснований для такого отчаяния. Ведь имя Вашего Ученства записалось золотыми буквами на страницах книги, говорящей о систематичном уложении достоинства. Будет достаточно, если я напомню одну лишь мысль, изложенную уже на обложке великого произведения "Теория высших титулообладателей и практическое умения передвижения их же".

— Это всего лишь кирпич.

— Но ведь в погоне за этим кирпичом люди давятся в очередях, хотя тиражи просто сумасшедшие.

— Ты просто честный болван, если сам не можешь понять причины искусственно вызванного интереса к моей книжке. Молодые люди постоянно мучают библиотекарей и книгопро-

давцов лишь потому, что я лично включил ее в список обязательной литературы. Не я первый увеличиваю число ее читателей страхом перед экзаменами. Только куда это ты поперся?

Не зная цели нашей поездки, я уже несколько минут кружил по объездному кольцу у Восемнадцатой Аллеи.

— Особняк кардинала находится на Десятой Улице, — спокойно подсказал мне ректор. — Ты что, никогда не бывал со мной у его преосвященства?

— Никогда. В особняк Его Преосвященства Ваше Ученство всегда возил Адольф.

— Я всегда путаю ваши рожи. Сегодня мне нужен ты, потому что мы едем по очень важному делу, и ход встречи надо будет протоколировать, а ведь Адольфа, насколько тебе известно, из машины и собакой не выгонишь, такой он честолюбивый шофер. Кардинал наверняка уже пирует. Этот болван ни с кем словом не обмолвится, пока не впихнет себе в курдюк кучи разных вкусных вещей, закупленных за деньги, которые голодающие верующие оставили на пожертвования.

Я съехал с кольца и по Восемнадцатой Аллее, оставляя за собой целый ряд высоченных декора-

ций, добрался до Десятой Улицы, где припарковал машину возле указанного ректором особняка. Имитацию кардинальского дворца можно было узнать издалека по чрезмерному изобилию кружевных украшений, которые художник-декоратор обляпал серебристыми и золотистыми красками. Гнездящийся в каждом уголке этого макета кич давал понятие о вкусе хозяина.

Подгоняемый любопытством, какое дело могло привести муляж ректора светского учебного заведения к манекену кройвенского кардинала, я вступил вслед за ректором в громадный ящик и в качестве секретаря занял место рядом с ним за обильно заставленным столом напротив чудовищно толстой куклы-кардинала.

Кресло поддельного прелата с трудом удерживало вес самой существенной — занимающейся перевариванием пищи — части его туши. В громадном брюхе имитации этого священнослужителя и вправду могли поместиться муляжи всех изысканных блюд, заталкиваемых дрожащими от возбуждениями протезами рук, которыми кардинал сносил с тарелок все новые и новые горы "хлеба нашего насущного".

За время первого часа пиршества ректору ни разу не удалось отвлечь внимания кардинала от

искусственных блюд, беспрерывно вносимых в ящик, где мы находились, одетыми в бумажные ливреи лакеями. На любые зацепки фальшивого Его Ученства ненастоящее Его Преосвященство отвечало только лишь усиленной гастрономической деятельностью.

В половину третьего кардинал подал ректору руку для поцелуя, и это означало, что Его Преосвященство уже спускается с небес на землю, чтобы во время перерыва между пирами более милостиво глянуть на серые будничные проблемы. Я немедленно приступил к ведению протокола.

Поначалу стороны обменялись взглядами на целостный вопрос отношений между наукой и церковью и без всяческих дискуссий сошлись в том, что первая сторона посылает вторую сторону именно туда, куда вторая посылает первую, и где темней, чем у негра в желудке. Но — и это "но" в протоколе мне было приказано подчеркнуть — перед лицом общего врага, каким и для ученых в писании, и для священнослужителей является уличный пророк, стороны обязаны объединиться, чтобы действенно обвинить Блеклого Джека перед лицом генерального прокурора Кройвена.

Затем кардинал выразил свое удовлетворение по поводу отсутствия в городе губернатора, утвер-

ждая, что административной власти, сконцентрированной в руках генерального прокурора, должно быть достаточно для реализации целей, уже давно указанных духовенством при помощи ученых активистов. Последние слова прелата были реверансом в сторону ректора, посему, после принятия тезиса, что зараженного безумными мыслями Блеклого Джека следует изолировать от общества, а когда пришло время дальнейших предложений по процедурным вопросам, Его Ученость — оценив жест хозяина предложил, чтобы ведущую роль в процессе над пророком приняло на себя духовенство, поскольку представители науки отличаются легкомысленным отношением к тем идейным противникам, к которым церковь всегда относилась со свойственной ей нетерпимостью.

Объявленный ректором проект был выставлен на голосование, и кардинал его единогласно принял. Его Преосвященство при этом заметило, что среди учеников, сопровождающих бунтовщика, духовенство уже имеет одного подкупленного человека. Тогда ректор обратил внимание кардинала на одну весьма серьезную опасность.

— Ходят слухи, — сказал он, — будто два ученика пророка и двое из его слушателей (помимо

дюжины самых активных фанатиков) носятся с намерением написания Нового Завета. В этом документе очевидцы происходящего должны будут передать будущим поколениям всю правду о жизни и смерти Режиссера мира. Поскольку церковь не сможет изолировать и перебить всех сторонников нового проповедника, следовало бы, по меньшей мере, отыскать четверку будущих евангелистов и вместе с вдохновителем грозного движения бросить их в тюрьму.

Выслушав это замечание, кардинал расхохотался во всю глотку. Его веселье было вызвано двумя причинами, и потому он хихикал с удвоенной силой.

— Во-первых, — воскликнул он с ораторским задором, — кто тут говорит о тюремном заключении? А во-вторых, нет никаких оснований этих евангелистов опасаться.

— Так о чем же мы тут говорим, если не о потребности немедленной изоляции этих людей? — обеспокоился ректор.

— Мы говорим о необходимости исполнения смертного приговора над главным врагом церкви, — объяснил кардинал.

— А разве недостаточно ли будет, чтобы его осудили на пожизненное заключение?

— Этого будет мало, поскольку из-за тюремных стен узурпатор мог бы и дальше рассеивать свои отравленные зерна. Только лишь высшая мера могла бы выявить абсолютное бессилие этого якобы-мессии, что скомпрометирует его в глазах прежних почитателей.

— Но ведь мы не осуществляем собственные цели с помощью методов, типичных для духовенства, милосердие которого, вечно подчеркиваемое в программах, нашло свое выражение в многочисленнейших проявлениях бессмысленной жестокости и кровавого террора.

— Поэтому вам и не следует вмешиваться в это дело. Церковь принимает на себя всяческую ответственность за обвинение Блеклого Джека.

Кардинал не стал уточнять, какую ответственность имеет он здесь в виду. Вместо этого он вернулся к вопросу будущих евангелистов. По мнению прелата, этих людей вообще не стоило преследовать, поскольку с их стороны никакая опасность церкви не угрожала.

— Они же разорят вас! — пророчествовал ректор.

— Да пусть я никогда не сяду за этот стол, — со смехом отвечал кардинал, — если ученики Блеклого Джека изымут из нашей кассы хотя

бы медяк. Оглашая в печати правду о жизни и учении Спасителя, евангелисты вместо того, чтобы нас скомпрометировать в глазах верующих, что, естественно, входит в их намерения — дадут нам такие доходы, которых до сих пор не имели никакие финансисты во всем мире.

— Ваше Преосвященство смотрит в будущее излишне легкомысленно. Ведь, после дополнения старой Библии книгами Нового Завета у каждого появится возможность прочесть их и сделать вывод, что искаженный церемониальными и административными наростами золотой храм церкви имеет мало общего с учением, провозглашаемым Спасителем.

— Да ведь практически никто Евангелия сам не прочтет.

— Почему же? Ведь тот, кто серьезно относится к собственной вере, имеет не только право, но и обязанность черпать знания непосредственно из источника более-менее правдоподобного, каким станет объявленное в печати учение самого Пророка. Поэтому, мне кажется, что как только новая Библия появится в книжных магазинах, каждый верующий, пусть даже будет бедняком и должен будет снять с себя последнюю рубашку, продаст ее и побежит в...

— ...церковь, чтобы бросить их в нашу кружку для пожертвований и упасть перед нами на колени, поскольку в сознании верующего Богом является не Спаситель, но само церковное здание, — ласковым голосом закончил кардинал.

XVII

Пока главный священник Кройвена продолжал дальше открывать карты перед книжником, я поднялся из-за стола, вышел из макета резиденции фальшивого прелата и уселся в машину ректора. У меня не было никаких обязательств перед куклой ученого, поэтому я решил машину у него просто реквизировать.

На полной скорости я отправился по Десятой Улице в сторону Вота Нуфо. При этом мне пришлось проехать полосу искусственных садов; декорации, установленные в переходной зоне, но остановился я только лишь в районе Шестой Аллеи, обрамленной с обеих сторон настоящими домами, в районе станции метро, где мне удалось заметить неподдельную телефонную будку.

С самого начала я позвонил в Темаль и попросил соединить меня с Линдой.

— Тиназана в отпуске, — послышался в трубке голос знакомой телефонистки.

— Так она не у вас? — удивился я, но тут же вспомнил, что Линда сама говорила о том, что возьмет на работе недельный отпуск.

Тогда я набрал номер домашнего телефона Лин-

ды и ждал довольно долго, потому что у меня не было уверенности, настоящий ли у нее аппарат.

Трубку взял младший брат Линды и сказал, что сестра поехала днем к Долли и пока еще не возвращалась. Это сообщение я воспринял с вздохом облегчения, так как все сильнее беспокоился при мысли о нашей последней встрече, неудачном прощании и раненой ноге Линды. Выходит, рана не была опасной, раз моя девушка смогла поехать в гости в Уджиофорте. Только вот квартира Йоренов наверняка не соединялась с Центром какой-либо телефонной линией. Кроме того, я побаивался представителей дорожной полиции и карабинеров. Я и представить не мог, что буду делать, если какой-нибудь живой представитель закона заинтересуется краденой машиной и при этом под мундиром ректорского шофера распознает Карлоса Онтену.

По дороге к Йоренам я остановился у бара на углу Двадцатой Улицы, где перед тем выслушивал проповеди Блеклого Джека. Там я выпил большую порцию виски. Затем я отправился по Шестой Аллее, но — чтобы поглядеть на дом Линды — свернул на Двадцать Девятую Улицу. Оставляя район, застроенный настоящими небоскребами, я почувствовал себя в безопасности. Там, где зда-

ния изображали декорации, уличное движение имитировалось только лишь манекенами.

Я проехал мимо дома Линды, так и не решив до конца: подняться сейчас наверх или же искать свою девушку у Йоренов, как вдруг увидал ее в группе искусственных людей. Она сидела на высоком табурете в баре Кальпата. Я завел машину на тротуар и припарковался точнехонько в том месте, где во вторник Блеклый Джек поставил на ноги и вернул способность двигаться кукле парализованного нищего.

— Я с трудом узнала тебя! — воскликнула Линда, увидав меня.

Эти слова один раз я уже слыхал. В Темале. В бар я вошел, приветствуемый не только изумленным восклицанием Линды, но и поклоном искусственного вышибалы, а также доброжелательным приглашением самого Кальпата, которому парик был к лицу. Виски дало знать как раз вовремя: я уже почувствовал, как в жилах кружит спиртное.

Я подал Линде руку и, видя, что она вовсе не собирается отталкивать меня, быстренько поцеловал ее в губы.

— Что это ты напялил? — с некоторым беспокойством спросила она.

— Любимая, — шепнул я ей. — Я чертовски извиняюсь за свое дурацкое поведение в метро.

— Вот именно, дурацкое!

— Нога не болит?

Линда встала с табурета.

— Почему вчера ты не вышел со мной из вагона?

— Ты понимаешь, у самого выхода у меня с руки слетели часы, а когда я вернулся за ними, двери уже закрылись, и мне не удалось выскочить, — слова вылетели без малейшей запинки

За эту небольшую, но гаденькую ложь мне было стыдно гораздо сильнее, чем за все свои мнимые преступления. Но через эту придумку вела кратчайшая дорога к согласию, ибо для описания настоящей причины, задержавшей меня тогда в поезде, мне пришлось бы потратить весь вечер и вновь рассказывать Линде про "съемочную площадку" и рисковать тем, что она просто уйдет, не дослушав до конца. Только она и сама уже четыре дня видела во мне сумасшедшего, поскольку лишь умственным расстройством можно было бы объяснить описанные в газетах убийства. Нашел бы я во всем Кройвене другую женщину, которая после всего этого отважилась бы находиться рядом со мной?

Линда глядела мне прямо в глаза печальным и неподвижным взглядом.

— После того со мной случилось несколько приключений, — продолжал я, а днем меня сделали шофером одного выдающегося ученого.

— И поэтому все это время не давал о себе знать?

Я отложил сигарету в сторону и прижался лицом к ее щеке. Когда же она медленно повернулась ко мне, когда я почувствовал прикосновение ее губ к своим, у меня неожиданно родилось решение уйти от этой лжи.

Мы поехали на Сороковую Улицу и пообедали в одном из настоящих ресторанчиков. Целых два часа я рассказывал Линде историю своего пребывания на съемочном плане. Но, чтобы она могла понять, за чем я гонялся по городу вот уже четыре дня, какую тайну желал расшифровать, пусть даже и рискуя жизнью, и почему с помощью афиш был начат розыск моей персоны, вначале мне пришлось ввести ее в необычную атмосферу гигантской сцены, то есть, мне следовало ее убедить, что, она, подобно всем другим, с самого детства носит в себе фальшивый образ мира, не замечая в нем многоэтажных лесов декоративных планов, чтобы после этого перей-

ти к описанию актеров, статистов и громадных декораций.

Линда позволила мне уговаривать себя и даже принимала все мои аргументы с неподдельным сочувствием. Но мне пришлось разговаривать с ней так, будто она с самого рождения была слепой. Поэтому, практически все время — как и Блеклый Джек на берегу Вота Нуфо — я обращался к притчам, сравнениям и метафорам, чтобы пробить разделяющий нас барьер непонимания. Эти тщательно подбираемые сравнения, что подтверждают примеры, взятые из древнейшей истории, давали единственную возможность сообщить кому-либо о приблизительной картине невидимой для обучающегося стороны мира.

А в самом конце этой теоретической муки, в самый неожиданный момент, когда мне уже казалось, что я почти что достиг своей цели — Линда внезапно расплакалась. Она закрыла лицо руками и в ответ на всю мою длиннючую лекцию изменившимся от рыданий голосом прошептала всего лишь несколько слов:

— Карлос, — сглотнула она слюну, — я тебе верю. Разве я сидела бы с тобой, сейчас, если бы тебя не любила?

"Верю". Я глядел вдаль, по ходу Сороковой Ули-

цы, на макеты Уджиофорте, Стены и окна вокруг нас блестели в алых лучах закатного солнца. После двух часов напрасной болтовни меж нами осталось и продолжало звенеть в тишине одно только это слово: "верю". Я крутил его про себя во все стороны, не доверяя ему, как будто слышал нечто подобное впервые в жизни.

И вдруг — с трогательным волнением, заставившим меня закрыть глаза до меня дошло, что это я слеп. Верю! Вместе с этим простым словом она даввала мне все: любовь, надежду и смысл существования! А я, идиот, еще требовал от нее понимания и пытался выдавить нечто, которое здесь, на съемочной площадке — в мире иллюзий и скомканных мнимых ценностей — никогда никакого значения не имело.

Еще раз я сел вместе с Линдой в краденую машину. По автостраде, ведущей вдоль западного берега Вота Нуфо, мы на полной скорости направились в Пиал Эдин. Плоская, окруженная садами верхушка Солнечной Горы уже погрузилась в темноту. Здесь, на закате, Блеклый Джек должен был собрать своих учеников. Я хотел предупредить его о возможных результатах заговора священников и книжников.

По дороге мне вспомнились слова проповед-

ника: "Это касается тех, кому указано", произнесенные в таборе манекенов, когда он говорил о верности. Тогда мне показалось, что они звучат многозначно. Теперь же я знал, что он имел в виду. Линда была указана, но чувством, а не штемпельком, отпечатанным на бумажке.

— Что слышно у Йоренов? — спросил я у Линды, когда мы въехали в зону прибрежных декораций.

— Ну, ты же знаешь, как у них всегда: Том проецирует слайды, а Долли лежит на софе и стонет, что сегодня уже не успеет убрать, хотя этот вечный бардак в конце концов ее когда-то доведет до могилы. Ничего, как-то справляются. Но, вообще-то, им уже осточертела их монотонная жизнь, и потому они собирают деньги на путешествие за рубеж.

— А ты бы поехала посмотреть на дальние страны?

— С огромным удовольствием. Но только с тобой.

Я обнял ее свободной рукой и прижал к себе. Впервые за все эти четыре дня я почувствовал себя счастливым.

— Сегодня у нас четверг? — спросил я.

Линда кивнула. Я уже хотел было сказать, что

если ей так хочется, то завтра мы вместе уедем куда-нибудь далеко-далеко, где никто не знает о существовании Карлоса-убийцы. Но буквально в последний момент меня посетила мысль, чтобы подождать с этой великолепной идеей до утра.

— Ты помнишь ночь с воскресенья на понедельник? — неожиданно спросила Линда после довольно долгого молчания.

— Ты имеешь в виду ночь, что предшествовала скандалу в Темале?

— Да.

— Странно, но практически все, что происходило до той ночи, в моей памяти покрыто как бы туманом. Мне помнится, что где-то часа в три ночи мы танцевали в кафе "Глаз Циклона".

— А потом мы поднялись в бистро наверху, где Блеклый Джек проповедовал глухонемым и хиппи. Впрочем, там было много разных слушателей. Он еще спорил со своими идейными противниками. Какой-то священник грозил ему адским пламенем за провозглашаемые ереси, на что тот заявил, что если бы только пожелал, то разрушил бы храм и отстроил бы его в три дня.

— Вот этого уже не помню.

— Но ведь ты и пьяным не был, потому что денег нам хватило только лишь на входные биле-

ты. А уже в начале пятого, когда мы шли пешком на метро, ты всю дорогу подсмеивался над Блеклым Джеком, требуя, чтобы тот признался, где находится его киностудия, и чтобы он — если и вправду является Режиссером мира — дал тебе в своем фильме роль какого-нибудь преступника. Ты доставал его до самой станции "Кройвен-Центральная". Знаешь, Карлос, я вспоминаю эту ночь потому...

— Погоди, погоди, — перебил я ее, остановив машину возле тропки, ведущей через фальшивые сады к Солнечной Горе. — И что же он мне тогда ответил?

— Он сказал так: "Возвращайся в Таведу, Там ты найдешь и свою роль, и мою съемочную площадку".

У горы был пологий склон. От вершины до автострады было несколько сотен метров. По дороге Линда сошла с тропки и села на лавочке под стеной какого-то дома, мимо которого мы как раз проходили. Когда она сняла туфли, чтобы наклеить новый пластырь на раненую ногу, до нас донесся голос Блеклого Джека:

— Близится час мой.

Голос доносился из открытого окна деревянного гаража, стоявшего чуть ниже по склону,

буквально напротив нас, и прикрытого редкой растительностью. Забитое старой рухлядью помещение освещалось грязной лампочкой, подвешенной на голом проводе под дырявой крышей. На лысых покрышках, пустых канистрах и кирпичах, расставленных вокруг покрытого пятнами смазки ящика, вместе с пророком сидели двенадцать его апостолов. Все тянулись к этому центральному ящику, заставленному тарелками с какой-то едой и винными бутылками. Сегодня учитель был одет иначе — так же прилично и чисто, как и его ученики. На нем были новые брюки, стянутые в бедрах широким поясом с большой серебряной пряжкой, и рубашка с оригинальной вышивкой.

Некоторое время пирующие молча ели, а мы — как будто загипнотизированные — приглядывались к ним. Весь склон горы был залит снежным сиянием полной луны, шар которой поднимался над Уза Не Хуто, начиная свое путешествие по темносинему куполу неба.

— Воистину говорю вам, что один из вас предаст меня.

— Я ли это?

Блеклый Джек молчал.

— А может я?

— Опустивший со мною руку в блюдо выдаст меня.

— Не я ли это, учитель?

— Ты сказал.

Все глядели на него, а Блеклый Джек, взяв в руки хлеб, ломал его на куски и раздавал, а затем, взяв в руки бокал с вином, подавал ученикам со словами:

— Ешьте и пейте. Хлеб этот — тело мое, которое отдаю за вас здесь, а чаша эта — кровь моя Нового Завета, изливаемая за вас. Пускай же плоть и кровь дела моего останутся с вами на все дни вплоть до конца света.

У одного из учеников была гитара, и он подыгрывал на ней ученикам, когда те с песней поднимались на Солнечную Гору. Блеклый Джек остался чуточку сзади. Я отошел от Линды и приблизился к учителю. Мне не хотелось надоедать ему какими бы-то ни было предупреждениями, зная, что он разбирается в ситуации лучше кого-либо.

— Учитель, — тихим шепотом попросил я, — если можешь, поставь на ноги того кретина, который разбил лицо моей головой.

— А ты веришь, что я могу это сделать?

— Я уверен в этом.

— Тогда гляди, — и он показал на другой берег озера, в сторону Парайо, где в шести километрах отсюда валялся шофер с разбитой головой. — Он уже поднимается там.

Блеклый Джек оставил меня и присоединился к ученикам, я же почувствовал легкость. Какое-то время причину этой легкости я видел в успокоившейся совести, и только потом заметил, что на мне уже нет ни куртки, ни шоферской фуражки, которые неизвестно куда пропали.

Эта ночь была ужасно жаркой. Мы провели ее вместе, на Солнечной Горе. Я лежал с Линдой в фальшивой траве, под ненастоящими оливами, рядом с поляной, где залитый лунным сиянием Блеклый Джек отвечал на вопросы учеников.

— Ответь нам, когда это произойдет, и каковы будут знамения конца света.

— Глядите, чтобы никто не обманул бы вас фальшивыми пророчествами, Ибо множество их прийдет под именем моим, провозглашая: "Это я Режиссер мира!". Покуда будут проповедоваться те Евангелия, вы будете слыхать плохие вести. Но небо и земля уйдут, но слова мои останутся. И тогда люди восстанут против людей, познаете вы голод и болезни, землетрясения станут опустошать дома ваши. И в конце скорбей дней тех

затмится Солнце, и Луна не даст полной яркости. И как молния исходит с востока до запада, так и вы узрите меня в облаках Зрителя живого, когда вернусь я с силами и славой Его.

— Когда же это случится?

— Воистину говорю вам: Не прейдет род сей, свершится все сие окончательно. Когда ветви смоковницы становятся мягкими и выпускают листья, вы с легкостью узнаете, что близко лето. Так же и вы, когда увидите знаки сии, подумайте, что близко, у дверей. О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, что трубою громогласною соберут вас на Страшный Суд, а только сам Отец мой. Так что бодрствуйте неустанно, потому что не знаете, в который час Господь вас призовет. Вот и все мои слова.

XVIII

Когда я открыл глаза, была уже ночь. Ясная луна все еще просвечивала сквозь пластмассовые листья, а жаркий ветер доносил из Таведы собачий лай. Линда продолжала спать в моих объятиях.

Я осторожно поднялся и, проходя мимо спящих под оливами одиннадцати апостолов, направился к близкой вершине горы, откуда мне хотелось поглядеть на Таведу, где стоял мой дом.

Не доходя до места, я услыхал тихий голос Блеклого Джека:

— Отче, если возможно это, да минет меня чаша сия. И все же, не яко сам ее желаю, но яко ты.

Пророк стоял на поляне, у самой границы света и тени, которую отбрасывала на фальшивую траву кучка ненастоящих пальм. Его лицо было обращено к звездам.

Я тихонько вернулся к Линде и тут же, с другой стороны поляны, услыхал чей-то шепот:

— Которого я поцелую, того и хватайте!

Через мгновение Блеклый Джек, спустившись с вершины горы, появился из темноты на поляне.

— Дух охотен, но тело слабо, — громко сказал он то ли самому себе, то ли спящим ученикам.

Затем он еще раз посмотрел в небо. — Встаньте! Уже приблизился тот, кто меня предает.

И не успел еще он сказать это, из зарослей вышел один из двенадцати, ведя за собой толпу манекенов, вооруженных револьверами и дубинками.

— Приветствую тебя, учитель, — сказал он своему наставнику.

И поцеловал его. А Блеклый Джек спросил у него:

— Друг мой, за чем ты пришел?

И тогда статисты — обступив его со всех сторон — набросились на Режиссера мира и схватили его.

Но тут один из проснувшихся учеников достал нож и, ударив кардинальского служаку, отрезал тому ухо. Блеклый Джек не поблагодарил за это:

— Верни нож на место его, — сказал он своему защитнику и, всего лишь коснувшись отрубленного уха, приставил его слуге на место. — Кто мечом воюет, тот от него и гибнет. Разве не думаешь ты, что сейчас я не мог бы попросить Отца моего, и сюда бы на помощь мне поспешили двенадцать армий ангелов? Только как бы тогда исполнилось, что и так выполниться должно?

Слыша подобные слова, все ученики бросили

своего наставника и разбежались по садам. Я сам — не долго думая — схватил Линду за руку и отступил подальше в заросли. Из своего укрытия мы слышали недолгое совещание марионеточных защитников церкви. Согласовав меж собою, что допрос пророка будет происходить в доме верховного священнослужителя, десяток манекенов, вооруженных лучше всех, провел Блеклого Джека вниз, к шоссе, где их ожидали машины, остальные же статисты спустились по северному склону Солнечной Горы, через Пиал Эдин, к ближайшей станции метро.

Только лишь когда это сборище разошлось, и голоса затихли, мы с Линдой вышли на поляну. На ней осталась одна лишь истоптанная трава, лунный свет и жаркий ветер, который уже сдул куда-то к Вота Нуфо загадочный вопрос наставника: "Друг мой, за чем ты пришел?"

Через полчаса я сел вместе с Линдой в машину ректора. У самого начала тропинки, ведущей от шоссе вверх, какая-то живая девушка спросила у нас, не видали ли мы Блеклого Джека. Я пригласил ее в машину, после чего все мы отправились на Десятую Улицу. На площади перед кардинальской резиденцией стояла толпа искусственных людей. Уже издалека увидев ее, мы оставили

машину на углу Шестнадцатой Аллеи и присоединились к сборищу.

Блеклый Джек стоял на подиуме перед величественным фасадом сделанного из фанеры павильона, освещенный прожекторным лучом. Рядом — на возвышении собрались все значительные священники и книжники. Все они сидели, не шевелясь, будто мумии, У всех на головах были парики, сшитые их мотков растрепанной веревки, у всех были пергаментные лица, стеклянные буркала и резиновые перчатки на руках. Кардинала вынесли на возвышение прямо в кресле.

Потом очень долго допрашивали свидетелей, но — что должно было броситься в глаза даже самим обвинителям — признания сильно противоречили друг другу. У Блеклого Джека на губах была кровь. Он не сказал ни слова. Со стороны станции метро за сборищем наблюдала группа пластиковых карабинеров.

Повсюду бегали уличные торговцы, предлагая слушателям различные ненастоящие товары. Один из них продавал пустые бутылочки от кока-колы и пластмассовое мороженое. Каким-то чудом я увидал в его тележке бутылку настоящего виски. Линда пить не хотела, но я — хотя и

сам не был алкоголиком — за полстакана виски, выплеснутый на язву, палящую меня изнутри с того момента, когда Блеклый Джек остался одинешенек, отдал бы все все, что имел.

Последним из подставных свидетелей выступил священник, сидевший несколько дней назад в "Глазе Циклона". Он сказал всего лишь одно предложение:

— Я слыхал, как он говорил, — и указал на обвиняемого, — что может разрушить храм и через три дня его отстроит.

На площади воцарилась гробовая тишина. Кардинал повернул маску своего лица в сторону Блеклого Джека:

— Ты ничего не ответишь?

Пророк молчал.

— Заклинаю тебя Богом живым! — воскликнул первосвященник Кройвена. Сам признайся, ты ли наш Спаситель.

— Ты сказал. Не верите? Ибо говорю я вам: Вы еще узрите меня, сидящего одесную Господа вашего на облаках небесных.

Верховный священник огляделся по сторонам, поднес руки к груди, сжал ими края своего бумажного одеяния и театральным жестом разорвал его:

— Он богохульствует! Разве нужны еще какие-либо свидетели? Вы сами слышали его кощунства!

И вновь воцарилась тишина. И внезапно — как бы по команде, данной невидимым командующим — вся собравшаяся перед дворцом толпа заорала будто один человек:

— Казнить его!

Какая-то женщина подскочила к Блеклому Джеку и плюнула ему в лицо. Вторая влепила ему звонкую пощечину. На подиум поднялись следующие манекены. Одни схватили пророка за руки, а другие поочередно били его кулаками в лицо.

— Спаситель наш, — кричали они при том, — предскажи нам, кто же сейчас ударит тебя!

Кардинал стал успокаивать статистов и заявил собравшимся, что незамедлительно передаст пророка в руки прокурора.

Оставшуюся часть этой страшной ночи я просидел с Линдой в маленькой кафешке на Шестой Аллее. А жизнь продолжалась. Настоящие и фальшивые люди садились в машины, шастали по улицам, покупали утренние газеты, пили кофе и ели булочки. Все они говорили о делах, совершенно далеких от действительности.

Уже под самый рассвет мы решили, что еще

сегодня выедем из Кройвена. Я должен был навсегда оставить этот город и начать новую жизнь в другом месте, где никто не знал о моем роковом прошлом, и где я мог бы любить Линду, не опасаясь того, что в один прекрасный день какой-нибудь живой карабинер положит мне руку на плече. Линде эта задумка пришлась по нраву. Она наконец-то перестала хмуриться и хотела ехать немедленно, но сама едва держалась на ногах после уже второй бессонной ночи.

— Давай отправимся пополудни, — предложил я. — А сейчас я завезу тебя домой. Соберешь вещи. Тебе нужно поспать перед отъездом хотя бы несколько часов, а я в это время подскочу к Эльсантосу.

— Я уже не буду возвращаться домой, — сообщила мне Линда.

— И даже не желаешь попрощаться с родными?

— Вчера я окончательно рассорилась с ними.

— А причина?

— Ты.

Я понял. В этот миг мы оба были бездомными, только это уже не имело ни малейшего значения.

— А ты зачем хочешь встретиться с Райяном?

— спросила Линда, когда после долгого-предолгого поцелуя я отвел от ее губ свои.

— Видишь ли, нам предстоит поездка, а мы без гроша. Все мои сбережения остались дома. У меня в тайнике лежит приличная сумма. Я дам Райяну ключ от моей квартиры в Таведе и попрошу, чтобы он принес мне эти деньги. Со стороны карабинеров ему ничего не будет грозить, потому что, если бы его там задержали, он скажет, что запасной ключ я дал ему еще неделю назад, и ко мне в квартиру он пришел за собственными вещами. Только до того мне нужно будет вызвать его с фабрики в Пиал Эдин, а это займет какое-то время.

— В таком случае, может ты подвезешь меня к Йоренам. А там я тебя и подожду.

— У них ты можешь и поспать, если, конечно же, они еще не выехали из Кройвена, — согласился я, значительно подмигнув на последних словах.

Мы оба были в препаршивейшем настроении после всего того, что произошло перед кардинальской резиденцией. И потому — чтобы отвлечь Линду от судилища над Блеклым Джеком — по дороге на Сорок Вторую Улицу я пошутил относительно Тома и Долли, что, в принципе, было

очень легким делом.

Выходя возле дома Йоренов, Линда положила мне на колени длинную картонную коробочку.

— Держи, глупенький ты мой безумец, — сказала она с повеселевшим лицом и вбежала на лестницу.

Я свернул на Шестнадцатую Аллею и открыл коробочку. Внутри был живой цветок. Такого подарка я не получал еще ни от одной женщины, поэтому милая задумка Линды доставила мне огромное удовольствие.

Прямо от дома Йоренов я поехал на Сорок Восьмую Улицу, к генеральному прокурору Кройвену, офис которого соседствовал с зданием суда. Цель моей нынешней поездки и была основной причиной отсрочки нашего выезда. Я еще питал какие-то надежды, что мне хоть как-то удастся помочь Блеклому Джеку, не опасаясь при том ареста. Только мне не хотелось говорить об этом Линде, потому что она и так все время тряслась от страха.

Прокурор был живым человеком. Коридор, ведущий к его кабинету, был плотно забит манекенами, и мне с огромным трудом удалось протиснуться к открытой двери. Измученный ночным допросом Блеклый Джек стоял перед

прокурорским столом в окружении более десятка священников. Те обвиняли пророка в подстрекательстве к бунту и уговаривании населения не платить налогов губернатору Кройвена, утверждая при том, что сам он обладает высшей властью над горожанами.

— Так это ты наш Режиссер? — спросил прокурор, повернув свое непроницаемое лицо к Блеклому Джеку.

— Я перед тобою.

— Слышишь, как много обвинений выдвигают против тебя?

Блеклый Джек молчал. Священники продолжали настаивать на том, что пророка следует наказать. Прокурор задал ему еще несколько вопросов, которые, впрочем, остались без ответа.

Повернувшись к открытому окну, юрист задумался. Наконец он обратился к собравшимся в кабинете, заявив бесцветным тоном:

— Не нахожу я на человеке этом никакой вины. Но, согласно вашему требованию, я его арестую.

Потом он вызвал карабинеров и приказал очистить коридор.

С Райяном Эльсантосом в Пиал Эдин мне связаться так и не удалось. Макет вагоноремонтной фабрики казался настоящим производством

разве что со стороны линии метро, отстоящей от него в километре пути. Своим видом она могла обмануть разве что пассажиров проезжающего поезда — и только в этом ее задача и состояла. К окну цеха, в котором я работал с Райяном, мне удалось прокрасться со стороны озера, откуда легко было распознать всю эту мистификацию. На площадке рядами стояли силуэты "готовых" железнодорожных вагонов. Все макеты были отштампованы из тонкой жести, а точнее — только их боковые стенки. За фасадом цеха группы манекенов изображали работы по монтажу. Кто-то из них — чтобы наделать побольше шума — били молотами по пустым наковальням, другие протоптанными тропинками — будто громадные заводные куклы — переносили с места на место одни и те же макеты вагонных частей, вырезанные из картона.

С самого начала существования этой фабрики на ней ничего не было произведено, и то, что многие годы я сам, вместе с другими статистами второго и третьего плана принимал участие в этом идиотизме, совершенно не укладывалось у меня в голове.

Эльсантоса я через окно не заметил, а к другим рабочим у меня не было доверия.

В девять часов я поехал в Таведу, находящуюся в паре километров от Пиал Эдин. Лишь на пятый день непрерывного бродяжничества по городу у меня появилась возможность взглянуть на собственный дом. Он стоял в той части микрорайона, которая на моей карте входила в зону неподдельных объектов.

Когда я ехал вдоль железнодорожной линии, то не видел никаких декораций. В Таведе я проехал мимо неподдельной станции метро и свернул на улицу, ведущую далее, через короткий мост, на остров Рефф. Перед въездом на мост я проехал мимо собственного дома. Снаружи он выглядел солидно, как и все остальные дома по обеим сторонам улицы. Моя квартира на девятом этаже наверняка находилась под наблюдением. Вполне возможно, что там меня ожидала засада в лице вооруженного карабинера, поэтому я даже не отважился выходить из машины.

И вдруг — уже третий раз в жизни — я увидал "Кройвенский Маяк". Он появился из-за угла возле станции метро, проплыл мимо моей машины и углубился в гущу деревьев, которые росли на острове. Яркий отблеск сопровождал едущий автобус, и светлее всего было у него в салоне.

Когда я увидал этот необыкновенный "юпитер",

я снова разволновался и немедленно поехал за автобусом. Я проехал за ним через весь остров и второй мост, соединявший его с восточным берегом озера. По сторонам расстилался неподдельный пейзаж. На остановке в Лесайоле из автобуса вышла Мюриэль.

Селение Лесайола находилось километрах в двадцати от центра Кройвена. Актриса побежала в направлении комплекса кемпиноговых домиков, расставленных вдоль линии пляжа и вошла в павильон-ресторан. Я подъехал под самую стеклянную стену домика. В летнем ресторанчике сидело всего лишь несколько отдыхающих. На многих были только купальные костюмы. Актриса заняла место в конце зала, неподалеку от бара.

Я вошел в ресторанчик и сел за столик у окна. По сравнению с яркостью света, залившего небольшой зал и его ближайшие окрестности, солнце на безоблачном небе светило ненамного сильнее полной луны. Но вся эта лавина света действовала мне на глаза совершенно незначительно, а остальные живые люди, пришедшие сюда после купания, казалось, вообще ее не замечали. Кто-то бросил монетку в щель музыкального автомата. Зазвучала музыка. Мюриэль что-то писала на

листке бумаги, а я издалека присматривался к ней. Я чувствовал, что когда увидал ее, в мою душу вернулось все то, что я пережил пару дней назад.

Тут из служебного помещения вышел молодой официант. Он поцеловал актрису в губы и свободно уселся за ее столиком. Мюриэль передала ему листок. Несколько секунд актер всматривался в написанное, а потом что-то сказал, но музыка заглушила его слова. Мюриэль вырвала листок из рук официанта и подчеркнула на нем какое-то место, а потом что-то дописала. Я следил за ними в течение нескольких минут: он что-то говорил ей, а она жестикулировала или же отвечала письменно.

Официант разнес напитки, заказанные новыми посетителями, и вернулся к Мюриэль. В заведении стало еще светлее.

— Малькольм! — позвал какой-то мужчина у меня за спиной.

Официант перебрался за его столик. Мужчины переговаривались, снизив голоса. Красивая мелодия заглушала диалог актеров, играющих в фильме, в котором я всю свою жизнь был только статистом. В какой-то момент товарищ официанта обернулся. Мюриэль подняла руку и

улыбнулась ему над моей головой. Я воспринял все это будто удар волны раскаленного воздуха, поскольку в какое-то мгновение во мне родилась безумная надежда, что этой улыбкой и жестом руки Мюриэль призывает меня к себе.

Музыка умолкла.

— Ты прав, — шепнул официант, когда его знакомый вновь наклонился над столиком. — Я сегодня же сплавлю ее.

— Старик, я же знал, что у тебя мозги варят, — отвечал ему другой. Завтра я познакомлю тебя с девчонками из нашего нового ансамбля. Там же есть что выбрать! У тебя, наконец-то будут развязаны руки, плюс приличные бабки за эту хату, а у нас появится своя репетиционная студия.

— Да я уже ношусь с этой идеей целую неделю, только вот Мюриэль некуда податься. За несчастный уголок в Лесайоле дерут половину моей зарплаты, а она зарабатывает гроши.

— Найдет себе что-нибудь подешевле в Таведе или Нижнем Ривазоле. Впрочем, какое тебе дело! Она тебе нужна?

— Да я уже целую неделю ищу какой-нибудь повод послать ее подальше.

— Вот ты его и нашел.

— Да, я вижу, что ты прав.

— Так что, договорились?

— Поговорю с ней вечером. В любом случае, утром я выматываюсь, потому что она чрезмерно впечатлительная, и в ней до черта амбиций. Завтра, самое позжее, вечером получишь ключ. Больше тянуть не стану. Она уже действует мне на нервы.

— Лады, старик, передо мной нечего объясняться. Скажи только, как до этого дошло?

— Обыкновенно. Она торчит у меня вот уже два месяца. А познакомились мы в "Глазе Циклона".

— Парень, я ведь не спрашиваю, сколько времени вы спите друг с другом, а только, когда выяснилось, что у нее рак горла?

— Его вырезали еще четыре года назад.

— И что, с тех пор она не сказала ни слова?

— Наверное, шепотом она бы могла говорить, но не хочет. После операции вообще хотела покончить с жизнью. А потом как-то взяла себя в руки и теперь считает, что все можно высказать на бумаге.

— Заливаешь.

— А чего, пишет она очень красиво.

— И разговаривает. Как-то я сам слыхал, как она разговаривала с тобой по телефону.

— А, ты это имеешь в виду. Мюриэль повсюду

таскает с собой портативный магнитофончик. В самом начале пленки подружка записала ей нечто вроде пароля: "Это Мюриэль". Иногда она набирает мой номер и прикладывает магнитофон к трубке, а потом слушает, что я ей говорю, понятное дело, если мне есть что ей сказать.

— Ведь вы же могли бы устроить все это поинтересней: записать ряд готовых вопросов и ответов. Вот только может ли подобная игра тянуться всю жизнь. Это ее бюро услуг с громадной вывеской и одним клиентом в день просто обхохочешься...

— А я и не собирался связываться с ней надолго.

Сказав это, официант попрощался со своим знакомым и направился к клиентам, чтобы получить от них деньги. После этого он убрался в служебное помещение. Мюриэль поднялась из-за своего столика, держа в руках покрытую надписями салфетку. Какое-то время она глядела на дверь, за которой скрылся официант, как бы желая отдать листок ему, но потом раздумала и вышла из павильона.

Я тоже встал. Мне хотелось сказать ей несколько слов, и я чувствовал, что теперь мне не сможет помешать в этом никакая внутренняя сила.

Когда я уже шел к выходу, меня зацепил какой-

то мужчина.

— Это ваша машина? — спросил он.

— Нет, — ответил я совершенно машинально.

— А я видал, как он подъехал на ней к ресторану, — сказал знакомый официанта стоящему рядом с ним полицейскому.

"И зачем я только крал эту чертову машину?" — мелькнуло у меня в голове. Я уставился на террасу за стеклянной стенкой, где стояло шесть карабинеров. Все были живыми и заглядывали в ресторанчик, где в ярчайшем сиянии "Кройвенского Маяка" окруженный статистами актер второго плана указывал на меня пальцами.

— Не надо выкручиваться, Онтена, потому что эта машина никакого значения уже не имеет, — сказал полицейский, доставая наручники.

Я оттолкнул его. Карабинеры бросились к двери. Я бросился к боковой стенке. Звон разбитого стекла был последним звуком, запечатлевшимся в моем сознании перед тем, как я грохнулся на раскаленный солнцем песок.

В самой обыкновенной, но настоящей камере, куда меня бросили после того, как я пришел в себя, помимо Блеклого Джека и "неуловимого" Давида Мартинеса находился и какой-то еще пластиковый преступник. В час дня искусственные

конвоиры доставили всех нас в зал суда. Защитники и судьи были отлиты из гипса. Фигуры присяжных Художник-Декоратор вырезал из фанеры. Все эти фигуры за время более чем часового судебного заседания ни разу не пошевелились: говорил один только прокурор, и его слова сопровождались окриками из толпы псевдо-зрителей.

Раз в год генеральный обвинитель Кройвена имел право освободить одного обвиняемого, которого изберет народ.

После допроса четырех обвиняемых прокурор спросил:

— Кого желаете, чтобы я выпустил: Давида Мартинеса, называемого неуловимым гангстером, или же Блеклого Джека, которого зовут Режиссером мира?

Казалось бы, что у проповедника еще имеется шанс выйти на свободу. Но священники уже уговорили народ, чтобы тот во время суда настаивал на смертном приговоре пророку.

— Отпусти Мартинеса, — хором звучало отовсюду.

— А что мне делать с Блеклым Джеком?

— На смерть его!

— Но что он вам сделал плохого?

На этот вопрос куклы не отвечали. Живой

обвинитель еще раз попытался утихомирить манекенов, но, чем больше он их уговаривал, с тем большей ненавистью они кричали:

— На смерть его!

В два часа дня прокурор в последний раз дал знак всем замолчать и несколько минут, молча, глядел на группу поддельных представителей церкви. Повидимому, он думал про то, как отреагирует губернатор в том случае, если священники ему пожалуются, будто прокурор освободил пророка по своей воле. После этой последней попытки защитить Блеклого Джека, видя, что слова его падают в пустоту, генеральный обвинитель полил себе на руки из графина и умыл их пред всеми собравшимися.

— Не виновен я в крови этого справедливого человека, — сказал он. — Вы сами увидите это!

Оконные стекла задрожали от громового крика:

— Кровь его на нас и на детях наших!

В результате он выпустил Давида Мартинеса, а Блеклого Джека, меня и другого пластикового преступника передал в руки палачей.

По дороге на место казни я чувствовал себя совершенно парализованным: до меня практически ничего не доходило. Во дворе суда, как будто

через завесу тумана, я видел как фальшивые карабинеры бьют Блеклого Джека по голове прикладами, плюют на него, а после того становятся перед ним на колени и кланяются со словами: "Приветствуем тебя, Режиссер мира".

Нас посадили в машину и повезли в Пиал Эдин. Оттуда — в сопровождении других машин, забитых статистами — мы направились через Таведу до Куэнос, где заканчивалась линия метро. На горе, покрытой фальшивой растительностью, нас вытолкали. Из всех городских районов Куэнос располагался от Центра дальше всего.

На вершине горы росли три живые пинии. На половине высоты ствола одной из них карабинеры повесили табличку с надписью: "Это Блеклый Джек Режиссер мира".

Около трех часов пророка раздели, и после яростной ссоры, охранники бросили монетку, чтобы судьба решила, кто получит его новые брюки и рубашку.

— Прости им, Отче, ибо не ведают они, что делают, — сказал Блеклый Джек.

— Наставник, — обратился я к нему удивительно спокойным голосом. Если можешь, сделай так, чтобы Линда не скучала по мне.

— Этого я не могу сделать, равно, как не могу

сделать и так, чтобы избегла тебя ждущая нас чаша. — Только вы двое, — указал он на наши пинии, — сегодня не будете страдать.

И как только он это сказал, все окружавшие нас манекены превратились в живых людей, а установленные на горе имитации кактусов и пальм — в самые настоящие деревья и растения.

Лишь только когда нас повесили на деревьях, прибивая наши руки и ноги гвоздями, до меня дошло, что я вновь превратился в статиста второго плана, в одного из массы манекенов.

Гвозди пробили мне ладони и стопы, но, вися на них, я никакой боли не чувствовал. Все, окружающее меня, я видел теперь глазами искусственного человека... Под деревьями стояли самые естественные священники и карабинеры. Чуть подальше плакали настоящие женщины. Из находящегося неподалеку Куэнос приходили зеваки, чтобы из таблички, прибитой над головой Блеклого Джека — который испытывал неподдельные и ужасные муки — прочитать о его вине.

Я же никакой боли не испытывал, и как раз потому опасался, что никогда не дождусь смерти.

— Если ты и вправду Режиссер мира, — воскликнул я, — спаси нас и себя самого!

Блеклый Джек молчал. Но на мой крик ответил мнимый бандит, приколоченный к соседней пинии, который сейчас — в моих глазах — выглядел совершенно как живой человек.

— И ты не боишься его! — накинулся он на меня. — Мы справедливо отвечаем за поступки наши, но этот ведь ничего плохого не сотворил. Господи! — обратил он голову к наставнику. — Вспомни обо мне, когда прибудешь в царствие свое.

А Блеклый Джек на это ответил:

— Еще сегодня ты будешь со мною в раю.

Карабинеры охраняли нас, сидя под деревьями. На приличном расстоянии расположилась кучка перепуганных друзей проповедника. Среди них Блеклый Джек увидал свою мать и ученика, после чего подозвал к себе:

— Женщина, — сказал он, — вот сын твой. Ученик мой, вот твоя мать.

И случилось так, что когда ученик отвел мать на склон горы, учитель простонал: "Жажду". И дали ему уксус, и насмехались над ним.

Так проходил час за часом. Над горой кружили черные птицы. Они пикировали вниз или взмывали к солнцу, чтобы исчезнуть в лазурной глубине неба.

Я сонно разглядывался по сторонам. Внизу шу-

мел самый настоящий, живой лес. В котловине Вота Нуфо я видел самую реальную воду и необманные дома близкого Куэнос. Потом я поглядел на юг, с настоящей Таведой посреди (где на фоне далеких небоскребов отблескивал и мой дом). Но во всем этом вроде бы и естественном пейзаже я нигде не мог увидать ни "Кройвенский Маяк", ни надежды, что после превращения в искусственного человека хоть когда-нибудь дождусь реальной смерти без помощи карабинеров.

Те, что стояли прямо под нами или же прохаживались по вершине, чтобы хоть как-то убить время, подходя к Блеклому Джеку, бросали ему в лицо слова, из которых следовало, что, хоть в моих глазах они и походили на людей, на самом же деле оставались манекенами и здесь исполняли роли статистов фона.

— Ты так надеялся на Зрителя, так пусть же он прийдет и спасет тебя, сказал карабинер, стоящий на страже у нас под ногами.

Священнослужители тоже выкрикивали, оставаясь на безопасном расстоянии:

— Других спасал, а себя не может, — заметил один.

— Спустись с дерева, — издевался другой. — И это ты, который мог разрущить храм, а через три

дня его выстроить вновь... Спасайся же!

— Вот если он спустится, тогда мы ему поверим, — говорили третьи.

Я испытывал все большую сонливость и безразличие к тому, что происходило внизу. Над Кройвеном воцарилась неестественная тьма. Когда же, через долгое время, солнечный диск пробился из-за черной заслоны, Блеклый Джек возопил:

— Отче мой! Отче! Почему же ты покинул меня?

Кто-то из числа самых стойких, кто еще оставался на месте казни, подбежал к дереву и шепнул:

— К Зрителю взывает.

После этого стражник надел на длинную палку пропитанную уксусом губку и хотел поднести ее к губам Режиссера мира, но кто-то иной удержал его руку.

— Оставь, — сказал он, — Давай лучше посмотрим, может он и вправду прийдет, да снимет его...

Но Блеклый Джек лишь воскликнул:

— Зритель! В руки твои предаю дух свой!

А промолвив это — скончался.

Нагая мишень

Террорист

Про террористов я знал столько же, что и все; слишком многое, чтобы спать в самолете. Я предпочитал читать о них в прессе, чем быть свидетелем их деятельности. Пассажиром я был предусмотрительным, поэтому, если бы в аэропорту предвидел, что рядом со мной сядет этот необычный человек, то полетел бы на другом самолете. Но тогда бы я не узнал тайны Крыши Мира, и в рамках одной жизни не узнал бы, чем по сути своей является смерть.

Поначалу мой сосед вел себя совершенно обычно: он вел себя свободно, шутил и легко знакомился с другими. Когда при случае обмена мнениями относительно степеней амбициозности я спросил его, как он видит собственное будущее и является ли оптимистом, тот легко бросил: «Каждая прачка носит в ранце кальсоны Наполеона». Он был непосредственным, и охотно рассказывал о себе, при этом — с иронией. После обеда он купил бутылку виски. За выпивкой мы разговорились о самоубийцах.

— В соответствии с принципами копытологии, то есть науки подходящего поведения в обществе,

я обязан, наконец, представиться, — сказал он после четвертого стаканчика.

Звали его Нузаном (он не объяснил, то ли это его имя, то ли фамилия), и ему исполнился тридцать один год. Я же ответил, что мне на семь лет больше. Со скоростью, к которой меня склоняла действовать свобода его вопросов в беседе на личные темы, я выдал ему и остальные свои персональные данные. Но он так и не сказал, где он проживает и чем занимается. Вместо этого, он признал, что на самолете летит впервые в жизни, когда же я попытался похвастаться количеством часов, проведенных в воздухе, он прибавил со странным выражением в глазах: «И в последний».

— Откуда такая уверенность? — спросил я.

Нузан украдкой осмотрелся, мина при этом у него была серьезная.

— Потому что через несколько минут я здесь умру, — шепнул он мне на ухо.

Так мы познакомились. И наверняка это знакомство и завершилось бы этим таинственным анонсом, если бы я занимал кресло справа от Нузана. Но по случаю я сидел как раз слева от него, что в критический момент оказалось весьма существенным. Благодаря этому не заслужи-

вающему внимания факту, наше знакомство продолжилось на множество весьма необычных дней.

Но что можно сказать человеку, практически чужому, но наверняка физически здоровому, когда после пары рюмочек спиртного и после часа спокойного полета на высоте десяти километров он вдруг склоняется к уху случайного знакомого, чтобы шепнуть: «Через несколько минут я здесь умру!». Дружественная атмосфера нашей беседы обязывала меня проявить заинтересованную реакцию. Но после такого мрачного заявления я мог подозревать, что попал на время измышлений некоего безумца-психопата.

По всей видимости, я не был хорошим психологом: пробормотал что-то, не слишком осмысленное, что не было ни вопросом, ни утешением. Слыша это, мой странный сосед положил палец на губах. У него была смуглая кожа южанина, черные, довольно длинные волосы и темно-карие глаза. Он смотрел на меня, не отводя взгляда, и несколько раз покачал головой, как бы желая сказать: «Друг мой, речь здесь идет о чем-то ином». Эта его мина мне никак не нравилась: сконцентрированная, чуть ли не угрожающая в своей решительности. Я пожал плечами и выглянул в

иллюминатор.

Монотонный шум двигателей реактивного самолета действовал усыпляюще. В верхней части пространства за иллюминатором расстилалось чистое небо. Его цвет был значительно темнее синевы, которую мы наблюдаем с земной поверхности. Глядя в глубины этого неба, я представлял себе последовательные изменения его окраски от лазури, через темную синеву до черноты, на фоне которой космонавты днем рассматривают звезды. Я прекрасно запомнил эту довольно банальную картину: далеко внизу клубились снежно белые облака. *Кумулусы*, словно вулканирующие айсберги вздымались над головокружительной пропастью под крылом самолета. Земли совершенно не было видно, а все облака слепили в резком сиянии южного солнца.

Когда я оторвал щеку от стекла, Нузан подозвал стюардессу. Что-то он ей сказал, чего я не расслышал. Затем повторил, но еще тише. Под аккомпанемент грохота двигателей стюардесса вежливо улыбнулась моему соседу. Чтобы понять услышанное, ей пришлось склониться над ним, и вот тут резкая тень обезобразила черты ее лица. Она даже заслонилась руками.

Эта ее реакция настолько заинтриговала меня,

что я положил подбородок на плече предполагаемого психопата, так я надеялся увидеть, что же стало причиной замешательства. В тот же самый момент я услышал его ледяной шепот:

— Так как, видала уже такую игрушку?

Револьвер лежал под правой рукой на коленях террориста. Еще раз он отвернул полу пиджака и большим пальцем левой руки, в которой держал конец провода в красной изоляции, указал в область нагрудного кармана, где прятал нечто, чего мне с моего места не было видно.

Бомба! — промелькнула мысль. Иногда сердце делается чужим, отвратительным и как бы замкнутым в грудной клетке зверем, который с яростью плененного маленького чудовища разрывает и пожирает все внутренности. Я не мог поверить! Столько раз я узнавал про покушения, совершаемые где-то в отдаленном, то есть, едва реальном свете, что мысль о непосредственной — личной — угрозе никак не желала протиснуться в моей голове через сформированный средствами массовой коммуникации образ действительности, объективно грозный, но с индивидуальной точки зрения — пропитанный неисправимым оптимизмом и до бесконечности безопасный.

Я видел только спину Нузана и не заметил, к

какому запалу шел провод в красной изоляции; во всяком случае, при виде взрывчатки, которую контрольные службы аэропорта прошляпили, стюардесса побледнела. Она подняла руки ко рту, как бы желая подавить испуганный вскрик. Видимо, она закончила какие-то пиротехнические курсы и могла отличить настоящую бомбу от муляжа. Когда она попыталась поднять голову, террорист грубо схватил ее за волосы.

— Спокойно! — шепнул он. — Только не вызывай панику в самолете. Она мне никак не нужна, а вам только навредит. Если пилот выполнит мои требования, ни у кого даже волосок с головы не упадет. Я погибну так или иначе, но вы умирать не обязаны.

— Чего вы хотите?

— Прежде, чем случится несчастье, беги в кабину пилотов. Отнеси капитану записку с моими требованиями. Если в течение четверти часа пилот не исполнит моего приказа, я взорву заряд.

— Чего вы добиваетесь?

— Не твое дело. Достаточно, если пилот будет знать.

— Мы приземлимся там, где только вы захотите, — предложила стюардесса от имени экипажа.

— Естественно, — с облегчением прибавил я.

— Идиоты! — прошипел тот сквозь сжатые зубы. При этом он послал мне взгляд, способный убить. — Приземляйтесь себе хоть на конце света. Мне на это наплевать, потому что я выхожу сейчас.

На лице стюардессы появилась глупая мина.

— Здесь?

— Нет. — Он указал наверх. — Там. — И повел взглядом на потолок.

— Самолет непроницаемый, — робко заметила стюардесса.

Тот лишь посмеялся над ее наивностью, после чего сунул ей в руку листок, заполненный печатными буквами, и подтолкнул девушку в направлении кабины экипажа.

Пассажиры заканчивали обедать. Они сидели мирно, поскольку наша тихая беседа никого не обеспокоила. Стюардесса шла мимо рядов кресел. По пути она заглядывала в листок, несколько раз оглядывалась, затем развернулась и подошла к террористу. Она мялась, на глазах были видны слезы.

— А может вам дать успокоительное? У меня в аптечке есть замечательные…

— А ну марш к капитану! — отогнал ее тот.

Девушка отправилась неуверенным шагом.

Она уже прошла половину длины туристического салона, как он вежливо позвал:

— Простите, можно вас снова на минутку?

Стюардесса возвратилась еще раз.

— Мы так и продолжаем лететь на высоте десяти тысяч ста метров?

Та вздрогнула, будто эти слова были ядовитой змеей. Нузан повторил вопрос.

— Да…

— Точно?

— Ну, думаю, что так…

— Для уверенности повторю то, чего я требую. — Он глубоко вздохнул. — Пилот должен поднять машину на два километра выше. Мне нужно, чтобы он летел на высоте двенадцати тысяч ста метров. Понятно?

— Но в каком направлении?

— Это безразлично. Направления он может и не менять, только высоту.

Не снимая пальца со спускного механизма бомбы, он вырвал листок из руки стюардессы и толстым фломастером обвел цифры: «12.100 метров».

— По-моему, это выполнимо, — вмешался я. — А что будет потом?

— Если капитан неправильно оценит высоту, я

взорву самолет.

— А если он оценит ее правильно?

— Тогда через секунду он сможет возвратиться на предыдущую высоту и продолжать рейс в соответствии с проложенным курсом.

Стюардесса исчезла за дверью штурманского отсека. Безумец глядел прямо перед собой. Я не смел заговорить с ним, ведь любое замечание могло вызвать совершенно непредвиденную реакцию. Впрочем, наша судьба сейчас лежала в руках пилота, сжимающих штурвал.

Самолет летел без явных сотрясений, по отношению к дальним облакам, он, казалось, просто висел в пространстве. После нескольких минут неуверенности я почувствовал, что машина начинает подъем. При этом я не отрывал глаз от иллюминатора. Мне показалось, будто двигатели воют громче: над обычным шумом доминировал высокий, беспокоящий тон.

Сумасшедший не подавал признаков жизни. «Сейчас я вырву у него эту чертову бомбу», подумал я, уже приняв решение, как тут в динамиках прозвучал голос стюардессы:

— Мы летим на высоте двенадцати тысяч ста метров. Температура за…

На крыше мира

Бывает, что два десятка лет, отмеренные циклами пустоты будничного существования, значат в жизни меньше, чем остановленная на бегу и сжатая до последнего секунда, о которую, под влиянием гигантского напряжения в ускоренном течении времени — словно о плотину на пути судьбы — разбивается беспомощное людское сознание, и которая градом острых осколков, во сне и наяву, засыпает часы оставшейся части жизни.

Именно такую, чрезвычайно долгую секунду начали отмерять бортовые часы самолета, начиная с момента, когда после слова «за», сказанного стюардессой, я резко повернул лицо в сторону безумного террориста. В первое же мгновение я увидел револьвер на высоте уха своего соседа, который приложил ствол к своему правому виску, а во второе — осознавая тот факт, что линия выстрела за пределами его головы проходит прямиком через мой лоб, я подумал: «хана!», в третье же — быстрым наклоном туловища попытался убрать голову, но уже отметил движение пальца на курке, и уже в самое последнее мгновение той — неимоверно долгой секунды, салон самолета

исчез, его же место заняла леденистое, залитое солнечным светом пространство, в котором — род обширной синевой неба и сразу же над гладким зеркалом безбрежного океана — рядом со мной с громадной скоростью мчалось еще одно обнаженное людское тело.

Самолет куда-то исчез; еще какое-то мгновение — оба без одежды — мы находились в тех же самых позах, словно бы наши тела, застывшие в сидячем положении и подвешенные в пустоте, ожидали возвращения отсутствующих кресел: он держал сжатые пальцы у своего виска, а я — склоняясь над ним — искал рукой то место на лбу, куда попала пуля.

А затем удар вихря выбил нас из равновесия. Кувыркаясь, я заметил огромный диск, который всплыл из океана и с невероятной скоростью помчался на встречу с нами. Едва я успел вздохнуть и понять, насколько же ледяной и разреженный воздух на такой высоте, как летающий диск догнал нас и быстро втянул в свои теплые внутренности.

В средину мы попали через отверстие, которое тут же за нами закрылось. Загадочное транспортное средство летело без экипажа, но в пространстве маневрировал настолько четко,

словно бы его перемещениями дистанционно управляла некая крупная станция. В момент торможения сила инерции прижала нас к стенке, выложенной каким-то эластичным материалом.

Самоубийца улыбнулся мне. Он сказал: «Простите», после чего заговорщически подмигнул. У меня звенели в ушах какие-то его слова, но я был ошеломлен и в суматохе ничего не понимал; прошло еще несколько минут, прежде чем смысл той смерти и новой жизни очень медленно стал до меня доходить, и прежде чем я сам понял, что словом «простите» Нузан замял неумышленное убийство.

Диск поднялся над океанской поверхностью. От зеркала воды его отделяла безбрежная прозрачная плита. Мы приземлились на ней, в каком-то мелком углублении. На указателе рядом с нами загорелась надпись, повторенная на четырех языках: «Запрещается покидать кабину до прибытия спасательной группы».

Нузан не обратил на предупреждение ни малейшего внимания: он взял из кучи два легких одеяла, нажал на кнопку у лаза и смело выскочил через отверстие в полу. Следуя его примеру, я очутился на два метра ниже — на твердой темно-синей плоскости, которая сверху — сквозь

прозрачное стекло — походила на поверхность воды. Плоскость же эта была огромнейшая. Ее границ я не видел: она сияла в блеске солнца под безукоризненно чистым лазурным небом и растягивалась во всех направлениях, повсюду одинаково гладкая — вплоть до далекого горизонта.

Только эта поднебесная терраса не была абсолютно пустой: то тут, то там, на приличных расстояниях на ней, словно призраки, появлялись и исчезали странным образом одетые людские фигуры. Они выскакивали из размещенных на поверхности отверстий, и уже через несколько шагов расплывались в пространстве.

Мы стояли в тени, отбрасываемой на террасу висящей над нашими головами «летающей тарелкой». В тени было прохладно. Нузан взял одеяло и плотно закутался в него. Подавая мне второе одеяло, он указал на дно таинственного летательного аппарата:

— Я ничем не рисковал… — затем вздрогнул, глянул вдаль, выскочил из тени и, засмотревшись в какую-то точку на трассе, быстро направился прочь от диска. Идя, он внимательно всматривался в плоскость под ногами, словно чего-то на ней искал. — Я ничем не рисковал, повторил он,

когда я приблизился. — Все пошло как по маслу, хотя, в случае крупных катастроф, кареты скорой внешней помощи срабатывают не в такой степени, как системы скорой внутренней помощи. В прошлом году после взрыва самолета на высоте тринадцати километров всех пассажиров выловить им не удалось.

Мы шли между двумя линиями, нарисованными на плоскости, которую с двух сторон покрывали какие-то изображения.

Нузан остановился.

— Занято, — шепнул он тихо, как бы самому себе. — Сволочи, лезут в каждую щелку, словно муравьи. Девяносто каналов в блоке, и все забитые! — Он огляделся по сторонам. — Может туда…

Я же не мог издать ни звука.

— Идея была замечательная, — продолжил он и потянул меня за уголок одеяла. Затем склонился над рядом полей, заполненных непонятными знаками, и перешел на другую сторону обозначенной линиями пешеходной дорожки. — Вот только я не учел твоей компании. Но что же, так случилось! Теперь уже, если ты только ничего не имеешь против…

— Где мы? — только сейчас удалось спросить

мне.

— Ты что, и вправду не знаешь?

— Нет.

— Погоди.

Нузан шел по краю большого круга. Внутренняя его часть была заполнена лабиринтом геометрических фигур, на которых светились числа, состоящие из множества цифр. Те гасли, как только он проходил мимо распланированных на площадке участков.

— Здесь тоже занято, — буркнул он себе под нос.

— Так где же? — повторил я.

— На Крыше Мира, — безразличным тоном ответил тот. — Что, никогда здесь не был?

— На крыше?

Нузан пожал плечами. Мои вопросы ему явно мешали и были скучны. Вот он склонился над светло-зеленым прямоугольником. Какое-то время Нузан внимательно осматривал его, словно изучал план города. Не отрывая пальца от чертежа, он рассеянным голосом подтвердил:

— Мы на Крыше Мира.

— Но что это такое?

— Так называется внешняя оболочка, которая на высоте двенадцати километров окружает весь

земной шар.

— Окружает всю Землю?

— Ну, возможно правильнее было сказать: покрывает ее. Потому что все участки суши и моря тесно застроены до самой высоты в двенадцать километров. Так что сейчас мы находимся на самом высоком этаже здания, которое покрывает всю планету.

Я отступил.

— Как же это?

— Стой! — крикнул он.

Я почувствовал на спине удар бичом и дрожь, словно попал под провода высокого напряжения.

— Ни шагу назад! — Нузан обошел соседний сектор и подал мне руку. — Ну, блин, растяпа. За тобой как за ребенком ходить нужно. Эту линию пересекать нельзя. Ясно?

Удар невидимого препятствия свалил меня на колени. Неподалеку от нас засветился оранжевый треугольник. Чуть поближе, за шахматной доской фиолетовых прямоугольников, из круглого отверстия в террасе появился какой-то мужчина. Он стоял спиной к нам.

Нузан поднес палец к губам.

— Вскакиваем в его канал, — шепнул он мне на

ухо. — Если мужик будет возбухать, вытолкнем. Пошел!

Я сорвался с места и послушно побежал за Нузаном в направлении треугольного поля. Но перед тем как мы туда добрались, мужчина нас опередил: он вступил на зеленый номер и исчез. Мой необычный товарищ еще раз склонился над рисунками, покрывающими поверхность террасы. Возле летучего диска крутились люди, одетые в белые халаты. Один из них глядел в нашу сторону, второй — обращаясь к нему, горячечно жестикулировал.

— Эй, вы там, остановитесь! — закричал первый. — Кто вам разрешал выходить из кареты?

Я хотел было вернуться к диску, но Нузан схватил меня за руку и потянул в противоположном направлении.

— Только не спорь с ними, — предупредил он меня. — Сейчас нам нельзя терять ни минуты. Надо выбирать все, что угодно. Может сюда… — остановился он. — Семьдесят восьмой канал свободен. Нужно рискнуть. Осторожно!

Через красную линию он провел меня вовнутрь небольшого квадрата, поверхность которого заполняли непонятные знаки. Еще пару секунд я видел вокруг себя безбрежную плоскость Крыши

Мира. И тут же ее место заменила совершенно иная, удивительная картина.

Призраки стереона

Солнечный день сменила ночь. Из темноты проявились сотни освещенных прожекторами лиц. Я услышал гул и аплодисменты заполненного до краев зрительного зала. Собравшиеся под куполом люди скандировали наши имена:

— Ну — зан! Кейз! Су — ха — ри!

Мы стояли посреди громадного амфитеатра, в самом видном месте, в котором концентрировались все световые лучи. Округлую сцену рядом занимал оркестр. Дирижер склонился в низком поклоне. На отдельном помосте в танцевальном ритме вихлялась группа девушек, повторявших какой-то припев.

В лучах цветных прожекторов костюмы солистов выглядели столь же эффектно, как и внутреннее убранство зала: стоящая между нами девушка была одета в длинное вишневое платье, на нас же были ослепительно белые брюки и серебристые жилеты на черных, словно сажа, рубашках. В руках мы все держали гитары.

Когда уровень шума достиг кульминационной точки, из тоннеля, ведущего на сцену, вышла пара конферансье. Женщина послала зрителям

улыбку, ее партнер поднес к губам микрофон.

С первого ряда донесся громкий голос:

— Сыграйте нам еще раз, милые «То тут, то тамы»!

— Мы просим прощения у зрителей, — ответил на это мужчина-конферансье, — к сожалению, группа «То тут, то там», сегодня петь уже не будет.

— Ну — зан! Кейз! Су — ха — ри! — скандировала толпа. — «То тут, то там»!!!

— Прошу минуточку внимания!

Зал заполнили свисты. Большинство из собравшихся было молодыми людьми. Парни вскакивали на сидения стульев, орали или топали ногами; девчонки-подростки пронзительно визжали. Лишь через пару минут подкрепленная мощными динамиками вежливая просьба утихомириться несколько остудила запал безумствующей аудитории. Пара ведущих вернулась к неблагодарной роли стражей порядка. Теперь уже мужчина вежливо улыбался, в то время как его помощница пыталась пробиться к рассудку непоколебимых фанов:

— Вы же прекрасно знаете, что правила фестиваля не предусматривают возможность выступления на бис в конкурсный день. Мы не

можем делать исключения даже для самых больших любимцев публики.

Когда конферансье объявлял выступление следующей группы, Кейз (ибо именно так — согласно скандируемым толпой крикам — звалась стоящая между нами девушка) поклонилась в последний раз и спустилась со сцены в туннель, ведущий на зады амфитеатра. Нузан вприпрыжку последовал за ней, мина у него была совершенно веселая. Идя за ним, я оставил гитару в уголке темного коридора, при этом вздохнул с облегчением, поскольку, хотя инструмент совершенно не мешал мне кланяться перед телевизионными камерами, расставленными по всему залу, если бы дошло до бисирования, я бы понятия не имел, как за него держаться.

— Ребята, — обратилась к нам Кейз, когда мы впихнулись за ней в раздевалку, уже занятую другим, ожидавшим своего выступления ансамблем. — Ночной Лондон — это сказка! Прошвырнемся?

В комнату заглянул какой-то чернокожий тип.

— Очень-очень нужна великий господина Нузан и великий господина Сухари! — сообщил он, перекрикивая распевавшихся певцов.

Ударник застонал над своими бочками и дал

знак другим перестать играть.

— Чего там?

— Моя господина, фестивальный режиссер, иметь бизнес и просить ваша в своя кабинет. Там быть большой деньги, ах, какой большой деньги!

— А в город? — напомнила Кейз. — Хочу посмотреть его с вами.

Нузан поцеловал ее в лоб.

— Натягивай портки, малышка, и не бери дурного в голову. Выставим этому режиссеру наши условия и минуты через три заскочим за тобой.

Негр провел нас в другое крыло здания. По дороге он молчал. В какой-то момент толкнул какие-то двери, за которыми царила темнота.

— Пожалуйста, заходите, просим, — указал он в темноту. — Тут лампа сделать бабах. — Он стукнул в притолоку двери. — Ваша подождать один моментик, а я полетел за свой хозяин, а он прибежать скоро, ой как быстро! Он потирать руки, так как нюхать бизнес и большие деньги!

— Держи! — Нузан сунул в руку негра найденный в кармане доллар. — Мы дадим ему заработать!

Он похлопал по плечу нашего проводника и первым переступил порог. Разыскивая на стене

выключатель, мне показалось, будто в комнате находятся какие-то люди. В воздухе висел дым от сгоревшей марихуаны — этот характерный запах чувствовался очень хорошо. Еще я увидел жар папиросы и услышал шепот: мужской голос приказывал сохранять тишину, кто-то еще говорил по-итальянски, что заставило меня задуматься, поскольку до сих пор звучал исключительно английский.

Вдруг хлопнула дверь. Кто-то заблокировал ручку со стороны коридора. Я столкнулся с блуждавшим в темноте Нузаном.

— Это ловушка, — шепнул ему я.

И в тот же самый миг я почувствовал на плечах несколько пар рук, которые потащили меня в глубину комнаты и повалили на пол. Чья-то костистая ладонь закрыла мне рот. Я слышал итальянские ругательства, звон бьющегося стекла, грохот валящихся стульев и звуки возни с места, где Нузан боролся с другими нападавшими.

Самым паршивым был укол иглы: я почувствовал его на предплечье руки, прижатой к полу коленями одного из противников. Он перепугал меня гораздо сильнее, чем удар ножом. Но после нескольких ускоренных ударов сердца тело залила волна приятной расслабленности.

Остров

Время стерло большую часть подробностей того долгого путешествия. Сознания я не терял, но почти что все происходящее со мной в течение нескольких последующих часов напоминало, скорее, наркотические галлюцинации, и наверняка они были вызваны именно ими. В образе наркотического сна какое-то число ситуаций, спутанных со сновидениями, выглядело весьма правдоподобно, то есть, они носили признаки действительных событий; впрочем, факты, которые стали мне известны, вскоре подтвердили их истинность.

В памяти у меня остались образы покрытой толпой улицы, цветастые неоновые рекламы, видные сквозь стекло мчащегося автомобиля; высокий лом на самом краю равнины, рев двигателей реактивного самолета, еще один укол иглы, головокружение, обрывки разговоров на итальянском языке, из которых следовало, что «Черные Перья» ничего не боятся; лица людей, которые в дождь переносили меня в другой автомобиль, снова огни крупного города, и, наконец — шум волн, колыхание и окончательный покой

внутри какого-то жилого дома.

Когда я открыл глаза, стоял жаркий полдень. Яркий дневной свет попадал в комнату через широкое окно, заполненное синевой неба и обрамленное ветвями инжирного дерева. Большая комната была заставлена дорогой мебелью, новой, но сделанной по образцам антиквариата минувших эпох. Потолок был покрыт фреской, представляющей райский сад, пол же — мраморной мозаикой из плиток с бледно-розовым узором. Из-за стены доносился голос итальянского радио диктора, читающего дневные известия.

Я лежал на широкой кровати рядом со спящим мужчиной, в котором без труда распознал товарища необычных приключений — таинственного Нузана. На нас обоих были белые брюки (правда, не слишком чистые) и серебристые жилеты, застегнутые на черных рубашках, то есть, на нас были те самые костюмы, что появились на наших телах после перехода определенной линии на Крыше Мира. Именно там — после завершения принятого бурными аплодисментами выступления группы певцов — нас окружила сцена и внутренняя часть амфитеатра, забитого поклонниками этого ансамбля, то есть, нашими фанами.

Это резюме вовсе не упорядочило хаоса, уже много часов царящего у меня в голове. Уверенный, что вскоре Нузан объяснит мне механизм нескольких уже совершенных здесь чудес, я сорвался с кровати и подбежал к двери. Она не была закрыта на ключ; опять же, я мог выскочить в спд и через окно. Но ведь нас же похитили!

Я приоткрыл дверь — в глубине обширного фойе, стоя на коленях, уборщица мыла лестницу. Я вышел из спальни.

— Где мы? — спросил я по-английски.

Женщина только пожала плечами и занялась выжиманием тряпки. В конце коридора исчезала фигура широкоплечего мужчины.

— *Dove siamo?* — бросил я в его сторону.

Тот остановился и вернулся ко мне. По пути он поглаживал щеку, покрытую черной щетиной, и глядел на меня из-под низкого лба, нависающего над глубокими глазницами. Подойдя ко мне, он низко поклонился.

— *Buon giorno, signore. Ha dormito bene?*

Я повторил свой вопрос.

— *Questa casa si chiama Residenza Diamante. Siete a Capri.*

— На Капри! — воскликнул я.

— Что он там вякает? — спросил Нузан.

Сейчас он глядел на нас из открытой двери, выглядывая из-за резной спинки кровати.

— Этот сукин сын говорит, что этот дом называется «Бриллиантовое Поместье». Мы на Капри.

— На том самом острове, что расположен напротив Неаполя?

— Так он говорит.

— Неслыханно! — Нузан встал с кровати и подошел, пошатываясь на непослушных ногах. — Бандиты! — заявил он с гримасой нескрываемого гнева. — Они еще заплатят!

Меня поразило неподдельное возмущение, звучащее в голосе моего коллеги. Ведь по сравнению с чудесным спасением после самоубийственного выстрела Нузана, переживания, связанные с ночным похищением, уж никак не должны были его впечатлять.

— Уж если быть откровенным, — сказал я, — то во всей истории меня удивляет кое-что другое.

— И что же? — с издевкой бросил он.

Лично я имел в виду, по крайней мере, две проблемы, требующие объяснения. Но ситуация не позволила мне задавать вопросы.

— Лучано! — рявкнул чей-то голос из глубин Бриллиантового Поместья.

Наш собеседник вздрогнул. Где-то на втором

этаже захлопнулась дверь. На верхней площадке монументальной лестницы появилось несколько человек во главе с пожилым мужчиной. Несмотря на бремя лет, итальянец двигался весьма энергично. Лицо его носило классические римские черты. Мужчина спускался в компании женщины, которая, видимо заканчивая какую-то мысль, обращалась к нему по-английски:

— ..что есть неизбежным, ведь с каждым днем ситуация делается более драматичной.

— Для этого в Сорренто мы держим в готовности вторую оперативную группу.

В этот момент он увидел нас.

— Приветствую от всего сердца! О, Лучано здесь. — Старик обратился к женщине: — Кто это разрешил ему помешать господам в их заслуженном отдыхе? Черт подери, с самого утра мы ходим на цепочках, чтобы наши милые гости могли забыть о трудах поездки, а он посмел вторгнуться к ним в спальню.

— Это я перехватил его.

— *Allora tutto va bene?*

— *Permette che mi…* — начал было я.

— Тссс! — приложил он палец к губам. — Давайте говорить по-английски. Здесь стены имеют уши. — При этом он зыркнул на уборщицу, мою-

щую лестницу. — Береженого и Бог бережет. *Oh Dio del cielo*! — старик вознес глаза кверху. — Но к делу: меня зовут Сальваторе де Стина.

Началась презентация присутствующих. Итальянцы очаровательно улыбались нам. Звучали имена и приветственные слова, сред которых запутывались обороты типа: «Мне весьма приятно», «Удовольствие исключительно с моей стороны», «Не могу описать, насколько я рад» или, наконец: «Для меня огромная честь, познакомиться с такими знаменитостями!»

После обмена рукопожатиями господин де Стина, видимо, не слишком довольный собой, посчитав, что приветствие — несмотря ни на что — выглядело слишком прохладным, еще раз заверил нас в своей откровенной симпатии и восхищении, которое он питает к группе «То тут, то там». В завершение этой сцены, в которой итальянцы не дали Нузану вставить хотя бы словечка, старец еще раз горячо поблагодарил нас за то, что мы соблаговолили прибыть на остров Капри.

Поскольку последнее его предложение было несусветной ложью, господин де Стина, опасаясь, чтобы мой коллега не взорвался (и так уже разозленного всей этой комедией), схватил нас за

руки, затянул в «нашу» спальню, плотно закрыл дверь и, только когда удостоверился, что под окном никого нет, дрожащим голосом произнес слова, весьма заставляющие задуматься:

— Молю вас, заклинаю всем святым, не будем уже говорить о таких мелочах, как это несчастное, хотя и неизбежное похищение, ведь речь идет о судьбе, об угрозе безопасности… о жизнях миллиона человек.

— О жизнях миллиона человек? — повторил Нузан.

— Тише! — прошипел господин де Стина. — Он явно нервничал. — Не время жалеть розы, когда горят леса!

Несколько раз он быстрым шагом прошел от стены к стене. Когда же я спросил, что он, собственно, имеет в виду, тот, без слова, выскочил из комнаты.

Старик вернулся через минуту и тяжело уселся на кровати, пряча сморщенное лицо в костистых ладонях. Сейчас он был тихим как ягненок.

— Я не спал две ночи, — со стоном произнес де Стина, уставившись в пол. — Вы должны извинить меня! Вот уже четыре дня я кручусь между Римом и Неаполем, потому что меня допустили до тщательно хранимой тайны, но есть дела,

которые по телефону никак не решишь. Впрочем, у всех нас нервы на грани…

Он поднялся.

— Вы очень бегло говорите по-английски, — нейтральным тоном заметил я.

— Спасибо, — деланно усмехнулся тот. — Прошу вас потерпеть несколько минут. Через четверть часа мы соберемся наверху, где вы узнаете необходимые подробности всего дела. Нам пришлось привезти вас из Лондона, поскольку там вас было бы убедить намного сложнее. Понятно, что мы осуждаем методы, применяемые людьми, которым, не подумав, поверили эту деликатную миссию: за применение насилия они будут наказаны, вы же получите компенсацию. Но даже высокий гонорар, который вскоре предложит вам господин Мельфеи взамен за все понесенные до сих пор потери в счет предусматриваемых расходов, не сможет дать вам полного морального удовлетворения. Он не сможет удовлетворить вас — артистов такого масштаба! Поэтому, прежде всего, примите мои извинения. Я прошу прощения торжественно и весьма сильно, прошу его от имени… — тут он заколебался. Ой, от усталости просто падаю. Лучано покажет вам путь. До встречи наверху!

Ультиматум

Комната, куда нас завел дежурящий на втором этаже агент, была большой и мрачной. Одну стену в ней покрывали застекленные полки с книгами, и потому впоследствии — про себя — я называл ее библиотекой. За некоторыми исключениями, такими как телевизор и стерео проигрыватель, обставлена она была тяжелой мебелью девятнадцатого века. В округлом углу — напротив занавешенных шторами окон — стояло открытое фортепиано. За ним сидела тринадцатилетняя девочка, как потом оказалось, внучка господина де Стины, владельца Бриллиантового Поместья. За накрытым для обеда столом нас ждало пять человек. Два стула было свободных, их и предложил нам занять хозяин виллы.

Мы уселись между двумя уже не молодыми, встреченными ранее дамами, напротив де Стины, которого сопровождали представленные нам в коридоре мужчины: Альдо Мельфеи, пристойный, видимо, сорокалетний, но уже седеющий; и очень толстый итальянец с черной бородой и трудной для запоминания фамилией. Когда мы входили, дамы выражали свой восторг таланта-

ми Паолы (игравшей здесь на фортепиано перед нашим приходом). Сразу же за нами вошел официант. Девочка поцеловала деда, поклонилась собравшимся и вышла из комнаты. Тогда же хозяин дал знак официанту открыть бутылки и наполнить тарелки.

Еда была превосходная. Во время обеда разговор крутился вокруг дел — как мне показалось — совершенно несущественных (во всяком случае, там, где речь идет «о жизни миллиона человек»). Итальянцы очень хвалили группу «То тут, то там» (при этом стало ясно, что они о нас практически ничего не знают); мы же, чтобы сменить щекотливую тему, задавали им вопросы, касающиеся туристических приманок Италии, так что мы болтали про активность Везувия, о руинах Помпеи, о Неаполе, который стоило увидеть, чтобы потом умереть, о пропастях на дороге из Салерно в Амальфи, на которой легко свернуть себе голову; о пропитанной Солнцем Ли гурии, где царит вечная весна, поскольку горы защищают ее от северных ветров.

После обеда хозяин отослал официанта, подозвал прохаживавшегося под дверью агента и приказал ему следить в оба, чтобы никто, абсолютно никто не мог заглянуть к нам в комнату.

Когда мы остались сами, соседка Нузана (частенько искажающая разные слова в беседе, которую мы вели по-английски) неожиданно выпалила:

— Господа простят этот неприличный вопрос: Вы холостяки?

Мельфеи закашлялся.

— По-видимому, вы имели в виду «нескромный» вопрос, — поправил ее де Стина.

Женщина смешалась. Она была очень высокой, к тому же волосы скалывала на самой макушке, что стало причиной того, что за столом она доминировала над всеми.

— Ну конечно же, я имела в виду «нескромный вопрос». Простите. Так вот, вы еще холостяки?

— Да, — ответил на это Нузан, весьма заинтригованный ее тоном.

— А я вообще разведенный, — дополнил я.

Обе дамы склонились над столом, обменявшись значащими взглядами.

— Это очень способствующее обстоятельство, — сообщил де Стина.

— Отлично! — обрадовался бородач.

Не успели мы остыть, как рыжая дама перебила мужчин, задав нам другой дурацкий вопрос:

— Вот еще, что бы мы хотели знать: Смоли бы вы — действуя из самых благородных побужде-

ний — способны бы вы были разыграть некую… деликатную мистификацию, все подробности которой были бы отрежиссированы нами, если бы от успеха вашей исключительной миссии зависела безопасность обитателей крупного города?

Я почувствовал на колене сжимающиеся в кулак пальцы Нузана и услышал под ухом его тихий свист.

— И что же это за «деликатная мистификация»?

Отголосок этого вопроса звучал в тишине еще несколько секунд, пока синьора Воне (именно так звали эту нетипичную итальянку) не обратилась к своим землякам с огнем в глазах, как бы желая сказать: «Ворота открыты. *Avanti, signori!* "

Первым на ее немой призыв отреагировал молчавший до сих пор Мельфеи:

— Поначалу мы попросим вас дать нам присягу, что по данному вопросу, уже получив возмещение в размере миллион долларов, вы сохраните абсолютное молчание.

— Если я правильно понял, эти деньги вы предлагаете нам взамен за потери, понесенные нами в Лондоне, откуда мы насильно были похищены во время идущего там фестиваля, а так же вы просите о том, чтобы мы никому не открыли

содержания нашей сегодняшней беседы.

Мельфеи осмотрелся по сторонам.

— *Di che si tratta?* — спросил толстый итальянец.

Над столом смешались предложения, выпаливаемые по-итальянски, поскольку даже моя молчаливая соседка (не знавшая английского языка) допытывалась, в чем дело.

— Да, ответил Мельфеи.

— Но приведет ли наша присяга к необходимости реализации той самой загадочной миссии, о которой милостивая синьора выразилась как о «деликатной мистификации»?

— Нет.

— Тогда мы даем такую присягу.

Я подтвердил жестом головы, но Мельфеи, как бы еще не обретя уверенности, была ли присяга дана в надлежащей форме, блуждал взглядом по стенам комнаты (возможно, разыскивая распятие), при этом с увлеченностью продолжал:

— Мы рассчитываем на ваше умение хранить тайну, поскольку все, о чем мы здесь говорим, представляет собой строгую государственную тайну. В стране о ней известно буквально нескольким. Нам разрешено сообщить вам о ней при условии, что выявленная вам здесь инфор-

мация никому раскрыта не будет.

— Мы торжественно обещаем. Но, все-таки, сообщите, о каком городе идет речь, и в чем состоит угроза для него.

— Имеется в виду город в Италии.

— Какой?

— Именно этого мы и не знаем! Но, благодаря вам, мы вскоре об этом узнаем.

— Благодаря нам?

— Будем надеяться.

— Не понимаю, какая же связь между нашим гражданским состоянием (вас настолько утешил факт, что мы оба холосты) и возможностью спасения жителей не определенного конкретно итальянского города?

— Связь эта совершенно случайная, и когда отказывают все другие методы… назовем откровенно: войны — именно на ней мы обязаны опереть наши последние надежды. Прежде всего, здесь играет роль счастливое стечение обстоятельств, что вы являетесь членами знаменитой группы.

— Не надо комплиментов, ведь таких групп в мире хватает.

— Но существуют и люди, которые группу «То тут, то там» ценят более всего, и они были бы

счастливы, если бы им удалось с вами познакомиться.

— Нам прекрасно известно, что у нас есть куча фанов, так что, если вы теряете время на умножение устаревших комплиментов…

— Только не надо раздражаться. Из огромного числа ваших любителей нас заинтересовали только две особы, и только они могут нам пригодиться.

— Кого вы имеете в виду?

— Двух женщин.

— Итальянки?

— Да.

— Как их зовут?

— Этого мы пока не знаем.

— Вы их не знаете?

— К сожалению.

Мой коллега поднял брови и внимательно осмотрелся, как бы призывая всех присутствующих стать свидетелями этого безумного диалога.

— Погодите, а то мне кажется, что я блуждаю в каком-то лабиринте. То есть, вам, собственно, ничего не известно: ни расположение города, которому грозит беда, ни описания тех двух женщин, которые сходят по нам с ума.

— Очень правильно сказано.

— *Mamma mia*! — Нузан стукнул кулаком по столу так, что зазвенели все бокалы. — Тогда, какого черта вы морочите нам голову?

— *Cosa e acaduto?* — пробормотал толстяк, заглатывая в этот момент уже четвертый кусок торта.

— *Niente*, — совершенно безразличным тоном ответил я, после чего вежливо улыбнулся ему. — Все нормалек! *Tutto va bene!*

Мне пришлось обменяться с ним парой фраз и успокоить перепуганную соседку, поскольку ей тоже хотелось узнать, что случилось. А Нузан в это же время — доверяя силе принципа «Кто спрашивает, тот не блуждает» — продолжал давить на Мельфеи:

— Да, ситуация обалденная. То есть, с одной стороны, вы не можете указать на город, которому грозит какая-та опасность, но вы уверены, что таковая существует…

— Так точно!

— …а с другой — хотя вы не связались с теми двумя женщинами, и, хотя не знаете, как их зовут, и как они выглядят — вы упрямо твердите, что они с огромной охотой познакомились бы с нами, что вас страшно радует, поскольку они для чего-то могут вам пригодиться.

— Действительно, без них мы просто беспомощны.

— Почему же?

— Поскольку эти женщины знают, какому городу грозит опасность…

— Ага, это они знают!

— Именно. Поэтому, если бы вы с ними познакомились и действовали умело, они могли бы сообщить это и вам.

— Догадываюсь, что вам они не писнут и словечка.

— Исключено!

— Наверное, они вам не доверяют.

— Мне не хотелось бы в данный момент развивать эту несущественную тему.

— В этом нет никакой необходимости, достаточно того, что мы уже установили. Вам они ничего не скажут, а нам — если бы мы позволили себя впутать в некую «деликатную мистификацию», скажем, матримониальное мошенничество — возможно, одним махом выдали бы обе тайны: над каким городом повисла угроза, и в чем эта угроза заключается.

— Этот второй факт нам превосходно знаком.

— То есть как?

— Нам известно, что угрожает одному из ита-

льянских городов.

— Вы знаете? И вот уже час мутите мне голову, рассматривая незначительные мелочи, вместо того, чтобы сразу же раскрыть самый важный факт?

Мельфеи гордо выпрямился.

— Синьор Нузан, — надменно начал он. — Я прошу прощения. Наивысшие органы власти доверили мне данную миссию, веря, что в столь тяжелый для Италии час мы примем наших гостей с надлежащим уважением. Вы спрашивали, а я вежливо и четко отвечал на ваши разумные вопросы — и вот результат! Я бы отчитался по делу в четырех предложениях, если бы вы в беседе предоставили инициативу мне, и хотя бы раз…

— *Basta!* — перебил его де Стина. — *Lasciame stare*. Возвращаемся к делу.

Мельфеи схватил бокал с вином, опорожнил его одним глотком и со стуком поставил на стол.

— Вы правы, — согласился и я. — Но, в конце концов, мы бы хотели знать, что же угрожает одному из итальянских городов.

Мельфеи встал со стула, подошел к двери и выглянул в коридор; затем опустил жалюзи на окне, зажег лампу в углу комнаты, и лишь после того, как тщательно исследовал взглядом лица

молчащих земляков, медленно повернулся ко мне, чтобы очень тихо произнести те три переполненных напряжением слова:

— Взрыв термоядерной бомбы.

В комнате воцарилась тишина. Нузаан не подавал признаков жизни. То ли под влиянием предположения, что молчанием быстрее спровоцирует итальянца к дальнейшим объяснениям, то ли просто, обидевшись на него — он никаких вопросов не задавал.

Я наполнил вином бокал Мельфеи.

— Пожалуйста, — шепнул я. — Продолжайте.

Тот вынул карманный календарик, открыл его и на странице, уже заполненной заметками, зачеркнул красным фломастером три даты. После того, он мерным голосом стал говорить, акцентируя некоторые слова ударами красного цилиндрика:

— Вот факты. Второго июля, то есть, пять дней назад (ведь сегодня уже седьмое), наше Министерство Внутренних Дел получило письмо следующего содержания: «Шестнадцатого июля, ровно в шесть вечера, один из крупных итальянских городов будет снесен с лица земли взрывом термоядерной бомбы, если до того времени не будут освобождены из тюрем страны все содер-

жащиеся в них члены организации «Черные Перья». Наше решение тщательно продумано и неотвратимо».

Содержание письма я процитировал по памяти, пропуская некоторые его фрагменты. Я не был уполномочен открыть вам другие факты, которые сопровождают это трагическое дело, поскольку они хранятся в строжайшей тайне. С точки зрения нашей цели, будет достаточно, если передам вам самые существенные сведения в виде краткого резюме.

Письмом, о котором я говорю, можно было бы пренебречь как безответственной и глупой шуткой бессильного безумца или агрессивного психопата, если бы у нас не было абсолютной уверенности, что авторами его являются остающиеся на свободе члены упомянутой организации, и что похищенная во время перевозки бомба (ее отсутствие отмечено в секретном военном рапорте) действительно находится в руках грозных террористов.

В настоящее время в итальянских тюрьмах отбывает наказание четыреста шестьдесят восемь экстремистов из рядов *Penne Nere*. Как вам наверняка известно, все эти люди являются крупнейшего масштаба авантюристами. В пар-

тизанской войне с силами правопорядка они не отступают от применения наиболее крайних средств. На их совести тысячи различного рода актов насилия: многочисленные захваты самолетов, убийства, кровавые разбойные нападения, поджоги и множество взрывов. Жертвами, чаще всего, становятся невинные люди: люди, обедающие в ресторанах, покупатели, пассажиры общественного транспорта и случайные прохожие.

До сих пор «Черные Перья» располагали только конвенциональным оружием. Теперь же наше общество становится перед краем пропасти. Мы не можем представить себе будущего: если освободить всех террористов — это означает дать начало неотвратимому, лавинному процессу неустанно углубляющегося хаоса, это означает отдать страну на милость насилия, беззакония и жесточайшего террора.

Мы стоим перед неразрешимой дилеммой: мы не можем освободить этих преступников, но выводы, вытекающие из их предыдущей деятельности, указывают на то, что, если до шестнадцатого мы не отпустим террористов, произойдет трагедия, которой еще не бывало на земле. Ведь что означает «крупный город»?

Каждый из почти двух десятков наибольших итальянских городов можно назвать «крупным»! Если бы мы сейчас открыли миру, чем нам угрожают «Черные Перья», началась бы неописуемая паника. Предсказание взрыва бомбы подобного типа вызвало бы массовое бегство людей из городов — а оно парализовало бы жизнь всей страны. Поэтому нам приходится молчать; экстремисты же, со своей стороны, тоже не открывают содержания письма публике: они не желают терять пассивной поддержки, которую находят в определенных общественных кругах.

Мельфеи замолчал.

— Мы попали в коварно расставленную ловушку, — сказал де Стина. — Нам необходимо найти эту бомбу. Время подгоняет, ибо, самое позднее, через восемь дней, чтобы не привести к одной трагедии, придется допустить другую. Но как искать «иглу в стоге сена», даже располагая тысячами оперативных работников, если мы не можем сказать, что те должны искать?

— То есть, дело выглядит безнадежным… — начал я.

— …если бы не одна счастливая случайность, — закончил старик. — Поскольку, именно сейчас, вы могли бы нам помочь. Так вот, вчера, в одной

римской гостинице, где уже несколько дней велось прослушивание контрабандистов, которых подозревают в торговле наркотиками, агенты записали на магнитную ленту (там в комнате установлен микрофон) беседу некоей молодой пары. Хотя сотрудникам Отдела по борьбе с наркотиками «наше дело» не известно, подслушанный разговор показался им весьма подозрительным.

В беседе, который вели студенты, мелькали такие странные слова как «ультра-супер-покушение» и «вспышка 16.07». Ценную пленку незамедлительно переправили в Министерство Внутренних Дел. По случайности, ее прослушиванием занялся сотрудник, ознакомленный с ультиматумом «Черных Перьев». Число «16.07» ему было легко сопоставить с датой планируемого «супер-покушения». Содержание записи указывает на то, что студенты являются членами этой организации, но им не известно, где спрятана бомба, и в каком городе планируется сам взрыв.

Но эта тайна известна двум женщинам (в беседе их называли по псевдонимам Гамма и Дельта), принадлежащим к группе из пары десятков человек, стоящей во главе экстремистов. Эти женщины — что следует из записанного на пленке

диалога студенческой пары — в настоящее время пребывают на Капри и проживают в гостинице Voce del Silenzio. Здесь они намереваются остаться еще на несколько дней. Они обожают группу «То тут, то там», собирают пластинки с вашими записями и не пропускают ни одной телевизионной программы, в которой вы выступаете. Вы с легкостью могли бы познакомиться с ними, ну а все остальное зависит уже только от…

Под своим левым ухом я услышал мерный храп. Глаза Нузана были закрыты. Он опирал локти на столе, поддерживая голову прижатыми к ушам ладонями.

Изумленные итальянцы какое-то время пялились на спящего. Мне стало стыдно, и я потормошил его за плечо. Нузан упал на синьору Воне. Пытаясь восстановить равновесие, он протянул руку ко мне. Я подал ему сигареты. Нузан закурил, протер глаза и зевнул с той свободой, как будто только что встал с кровати.

— Наркотик сильно ослабил нас, — попытался оправдать приятеля я. — Быть может, все остальные подробности оговорим завтра? Я тоже устал.

— Да, это наша вина, — признала синьора Воне.

Эти ее слова подбодрили Нузана.

— Прошу прощения, — он потянулся уже без какого-либо стеснения. — Неужто никто из вас не засыпал в кино или — что более удобно — у экрана телевизора?

Мельфеи поднялся из-за стола.

— Не понял намека.

— Потому что я адресовал его кому-то, кого здесь нет, и которому плевать на всякие намеки.

После этих слов мой таинственный коллега тоже поднялся со стула. Де Стина обещал, что, если нам удастся установить место укрытия бомбы, мы получим еще по два миллиона долларов — независимо от суммы, уже переведенной на наши счета в Лондоне. В счет аванса на текущие расходы Мельфеи вручил мне пачку банкнот. Там было полтора миллиона итальянских лир. Хозяин поблагодарил нас за «визит» и попросил, чтобы мы переехали в «Голос Тишины», где жили террористки, и где он уже зарезервировал нам номер.

— К сожалению, точно так же, как и все остальные гостиницы на Капри, «Голос Тишины» переполнен, — сообщил он. — Подозрительные девушки пребывают там среди девяти сотен других постояльцев. Будем искать их среди молодых женщин, которые проживают вместе в одном но-

мере и ходят по остову парами. Такие подружки как Гамма и Дельта, наверняка, не прогуливаются по одиночке.

Под конец он пообещал, что свяжется с нами утром. До этого же времени его оперативники точно установят, какие из парочек молоденьких женщин необходимо будет окружить наиболее внимательным наблюдением.

Третье измерение экрана

— И что, это тебя интересует? — спросил Нузан, когда мы вышли из «Бриллиантовой Усадьбы».

— Что меня должно интересовать?

Я оторвал взгляд от грандиозной виллы, закрыл калитку и осмотрелся по округе. Стоял тихий вечер. Откуда-то издалека доносилась музыка. Мы шли по узенькой, опадающей к низу улочке. В садах, заросших цитрусовыми деревьями, стояли цветастые домики. Сквозь сплетенные из сухих веток ограды пробивались усы винограда. Горизонт по обоим концам острова заслоняли две горы. Известняковые скалы отблескивали в лучах низкого солнца. Вдали — за расположенной ниже центральной частью Капри — расстилалось спокойное море.

— Я спрашиваю, интересует тебя этот стереон?

— Я тебя слышу. Только не понимаю, о чем ты говоришь.

— Стереон — это трехмерный фильм.

Чтобы обойти большую группу японских туристов, мы перешли на другую сторону улицы. Я заступил Нузану дорогу.

— Ты можешь мне сказать, где мы сейчас на-

ходимся?

— Ты и вправду не знаешь?

— Понятное дело, что не спрашиваю тебя название этой улицы.

— Мы находимся внутри трехмерного экрана. Что еще ты хочешь узнать?

— И чем же является все то, что нас окружает?

— Это все пространственные картинки.

— Картинки? Но ведь мы к ним прикасаемся! Они кажутся вполне материальными.

Тот, не отвечая, бросил на меня безразличный взгляд, гораздо сильнее его интересовали японки.

— Не понимаю, — продолжил я, — как можно съесть пространственную картинку обеда…

— Можно, потому что эти картинки являются идеальными копиями реальных тел.

— Тогда расскажи, каким образом они появляются.

Нузан окончательно рассердился.

— Послушай, дорогой, — буркнул он гадким тоном. — Ты, случаем не думаешь, что именно сейчас, когда нам нельзя терять времени, я тут усядусь с тобой под оградкой, чтобы изложить тебе теорию стереона?

— Можем и не садиться.

— У тебя слишком высокие представления о моих знаниях. Вот ты видел сотни, если не тысячи ваших плоских фильмов. А мог бы ты объяснить кому-нибудь принципы работы телевизора?

Не успел я собраться с мыслями, как Нузан быстрым шагом направился дальше. Мы свернули на забитую людьми улицу. Я задержался возле газетного киоска. Из обложки журнала «Noi donne» я узнал, что на дворе стоит 1957 год. Нузан же спросил у прохожего дорогу в порт.

— Я здесь не останусь, — заявил он, когда мы встали в очередь на фуникулер, на котором можно было спуститься к Marina Grande. — Сматываемся на континент через Сорренто или плывем прямо в Неаполь. Мы еще успеваем на последнюю «ракету». Нет, эта история из двадцатого века мне совершенно не в кайф. И предчувствую, что она закончится паршиво. Паршиво — это значит, что очень скоро. Знаю я подобные сценарии. В других местах ковбои, индейцы, гангстеры или космические пришельцы, а тут экстремисты. Ни в одном из стереонов подобного типа долго не удержишься. А я раскатал губу на многомесячный отпуск. Как же, будет отпуск, когда до нас доберутся «Черные Перья»! Сразу же после обезвреживания той бомбы они найдут нас и прибьют, даже если бы

мы скрылись на краю света.

— А что происходит со зрителем, который умирает в каком-нибудь стереоне?

Нузан направил палец в глубины земли. Выражение на его лице было такое, словно он указывал в ад:

— Возвращается в муравейник.

— Нузан, можешь ты мне сказать, кто ты, собственно такой?

— Турок, а ты?

— Я поляк, но дело не в этом. Я хочу спросить, откуда ты прибыл.

— Оттуда, — он снова указал на землю. — Не забывай, что образ Капри существует на высоте двенадцати километров.

— У меня уже голова кружится от всех этих знаний. Наверное, потому, что мы разговариваем как-то хаотично.

Мы вошли в вагончик.

— Возле мола есть какие-то суда, — какое-то время Нузан наблюдал за морем. — Если бы нам удалось сесть…

— Погоди, — прервал я его. — Сначала объясни, что здесь происходит.

— Ведь я уже объяснял…

— Только я так до сих пор ничего и не понимаю.

Что произошло в самолете? Неужто, начиная с момента, когда пуля из твоего револьвера пробила наши головы, мы пребываем на «том свете»?

— С того момента мы находимся в девяносто шестом веке.

— Ты имеешь в виду путешествие во времени?

Задавая этот вопрос, я почувствовал чей-то настойчивый взгляд. Я повернул голову в сторону группы итальянских пассажиров и увидал светловолосую девушку, лет двадцати, которая продолжала всматриваться в меня голубыми глазами. На итальянку она не была похожа. Через мгновение какая-то женщина потянула ее за руку. «Lucia, — услышал я, — guarda che sole». После этого девушка отвернулась к заходящему солнцу.

Фуникулер спускался по не слишком крутому склону.

— Путешествие во времени? — повторил за мной Нузан. — Нет! Разве что в том смысле, в котором кинозритель двадцатого века переносится во времени, когда после демонстрации фильма о троянской войне видит белый экран в том месте, где только что плавали корабли древних греков, а сейчас видит вокруг себя людей, поднимающихся с кресел, — словом, когда он в одно мгновение

возвращается в свою эпоху. Самолет, в котором мы летели, принадлежал 1978 году. После моего самоубийства (и после убийства — если говорить о тебе) нас окружили реалии 9591 года. Я уже говорил тебе, что вся суша и моря застроены сплошными конструкциями. Это единое здание растягивается по всему земному шару и поднимается до высоты двенадцати километров, где его покрывает гладкая сфера Крыши Мира. Поверхность этой крыши представляет собой одну гигантскую киносъемочную площадку — то есть, место зрелищ, в котором теснящиеся в глубинах суперздания миллиарды обитателей нашей планеты могут иногда переживать различные невероятные истории. Скрытый под кожухом механизм фабрики «снов наяву» материализует здесь большую часть ролевых стереонов. Пространство над самой Крышей Мира заполнено блоками-параллелепипедами высотой в 50 метров. В основании их длина равна 200, а в ширину — 100 метрам. Они невидимы для людей, проходящих по коридорам. Один трехмерный экран занимает всю внутреннюю часть параллелепипеда, но в каждом блоке таких экранов девяносто, поэтому они должны взаимно проникать один в другой. Действие стереона, который смотрим

мы — Нузан указал на пространство вокруг нас — происходит в 1957 году. Именно такую дату я прочитал на информационном табло, когда мы заняли исходную позицию на семьдесят восьмом экране. Кроме того, тебе нужно знать, что каждый, кто умирает в каком-нибудь стереоне, в жизни вне его становится биологически моложе. Чтобы вычислить нынешний возраст, нужно отнять десять процентов от количества своих полных лет. То есть, сейчас мне двадцать восемь, поскольку я стал на три года моложе. А ты — благодаря моему невниманию в момент выстрела — получил дополнительных четыре года.

— Из твоего рассказа должно следовать, что до сих пор я вел иллюзорную жизнь.

— Нет, как раз твоя жизнь была настоящей, иначе после смерти ты бы не покинул центральный стереон. Я объясню это тебе в другой раз. Вскоре ты сам столкнешься с фактами, которые бы не дали заснуть вашим философам.

— Действительно, идея стереона, проникающего поднебесное планетарное здание, является весьма занимательной. Но, скорее, я уж поверю в сон на борту самолета. И хотел бы проснуться уже в аэропорту.

— Там уже приземлились наши мертвые тела.

Впрочем… — Нузан махнул рукой. — Стоит ли объяснять лесному дикарю, что жужжит в радиоприемнике во время грозы, если он знает свое и сует в динамик липучку для мух?

Мы вышли из вагончика. У меня в ушах все еще звенело имя «Лючия». Я искал ее взгляд, только девушка на меня уже не глядела. Нузан быстрым шагом направлялся к пристани.

— Я остаюсь здесь, — неожиданно для самого себя заявил я.

При этом я подумал, что этот таинственный напарник — кем бы он не был — не навяжет мне своего решения покинуть остров.

— Если я поплыву в Неаполь, ты утонешь в море, — ответил он на это загадочно.

— С чего это бы я утонул?

— Потому что корабль сильнее тебя.

Я не понял, что он хочет этим сказать. Тут я заметил, что у нас нет сигарет, и попросил Нузана, чтобы тот минутку подождал. Тот остался у билетной кассы, а я направился к киоску, где мог следить за ним через окно. Нузан не стал ждать меня, он направился к пристани. Возле трапа ему перегородили путь несколько мужчин. Двое из них — как мне казалось — приехало сюда с нами на фуникулере. По резким жестам людей,

стоявших возле трапа, я сделал вывод, что там шла какая-то горячечная дискуссия. Нузан спустился на мол; при этом он направился в самый конец окружавшего порт волнореза, все сильнее удаляясь от берега.

Я уже покинул табачный киоск и остановился над водой. При этом я размышлял об исчезнувшей в баре девушке. Нузан вел себя странно, идя дальше, он наклонился, как будто бы толкал какой-то невидимый груз. И в то же самое мгновение, как я это заметил, почувствовал, как что-то тянет меня в его сторону. И сразу же затем, я столкнулся спиной с каким-то абсолютно прозрачным листом стекла, который спихнул меня. Его натиска преодолеть я не мог, потерял равновесие и свалился с помоста в воду.

На мол я вскарабкался промокший до нитки. Нузан к этому времени уже вернулся на берег.

— Прости, — рассмеялся он. — Этот случай, скорее, чем долгая лекция, заставит тебя понять, почему здесь мы не сможем расстаться. Впрочем, сейчас мы и не сможем отправиться вместе на континент, поскольку пленены на острове. Вон те сукины дети, — указал на мужчин, стоящих на трапе, — ехали за нами от Бриллиантового Поместья. Это следовало предусмотреть! С этого

момента агенты де Стины будут дежурить в порту круглые сутки и не пропустят нас на любое судно.

Было жарко. Я снял рубашку и брюки, выкрутил их и повесил сушиться на ограде мола.

— Но что меня столкнуло в воду? — спросил я.

— Рама экрана, — с коварной усмешкой ответил Нузан. — Я подтолкнул ее с одной стороны, а противоположная сторона сбила тебя с помоста. Я знал, что в данной ситуации тебе грозит лишь купание в теплой водичке. А вот если бы я прокрался на судно и отплыл от берега, корабль тащил бы тебя за собой на расстоянии в две сотни метров, но, может, и я бы вылетел за борт, в зависимости от того, кто из нас на своем месте нашел бы более крепкое место, чтобы закрепиться. На Крыше Мира не пошутишь! В одном стереоне два человека по техническим причинам не могут удалиться один от другого на расстояние, превышающее длину диагонали экрана. Этот факт создает различные рискованные ситуации. Например, некто настоящий, занимающий место в купе отъезжающего поезда, оставляя второго живого зрителя на перроне, подвергает того смертельной опасности. Потому-то внешние стереоны, в принципе, следует смотреть инди-

видуально. Разве что члены группы прекрасно знают законы этого мира и доверяют друг другу. В противном же случае, очень легко вернуться в муравейник.

— Но ведь для того, чтобы попасть из Бриллиантового Поместья в порт, мы преодолели расстояние значительно больше, чем двести метров. А дорога из Лондона в Капри? Или же экран перемещается с нами по поверхности Крыши Мира?

— Нет, тут он никогда не меняет своего положения.

— Следовательно, остается только вторая возможность: я должен поверить, что в его жестких рамках перемещаются пространственные образы людей и предметов, окружающих зрителя.

— Именно так оно и есть! И по-другому быть не может, ибо, начиная с момента, когда нас окружила нереальная толпа любителей песен, мы постоянно остаемся внутри одного из блоков стереонов. Наш трехмерный экран представляет собой параллелепипед длиной в двести, и высотой в пятьдесят метров. Третье его измерение можно назвать глубиной экрана. Он составляет сто метров. Этот параллелепипед — точно так же, как и прямоугольный экран в зале кинотеатра,

где демонстрировали плоские фильмы — занимает определенное место на Крыше Мира. Стенки его неподвижны относительно киносъемочной площадки. Перемещаются только пространственные образы, которые заполняют внутренности, ограниченные стенами, в чем ничего военного еще нет, ведь именно так же перемещаются пейзажи в неподвижной рамке телевизора. Но здесь прибавляется третье измерение и возможности активного участия зрителя в формировании весьма убедительной фикции. Участие зрителя является непосредственным, поскольку ему уже не надо воплощаться в экранного героя: он является им на самом деле. Перемещением пейзажей и персонажей дистанционно управляют автоматы «фабрики материальных снов». Сложная аппаратура моделирует сценографию места, окружающего зрителя, в любой момент придавая пространственным формам внешность, свойственную фабуле определенного стереона. Эти устройства молниеносно реагируют на все изменения, вводимые в действие зрителем, одаренным вольной волей в своих поступках: они сразу же приспосабливают изображенное окружение к новой ситуации. Хотя начало драматургического действия в каждом стереоне

подробно определено, его последующее действие может значительно отличаться от сделанных в сценарии наметок. Здесь зритель является соавтором произведения, а не только пассивным потребителем. Но ты не ответил мне на вопрос: нравится ли тебе стереон, который мы смотрим?

— Я совершенно не думаю об его содержании. Меня подавила форма данного зрелища. Разве дикарь размышлял бы о содержании слов радиоведущего, если бы кто-нибудь поставил перед ним говорящий ящичек? Я чувствую себя словно один из тех первых зрителей, кто желал сбежать из зала, когда демонстрировали первый в истории кинематографа фильм о прибывающем на станцию поезде. Меня поглотил сам механизм чуда, а не сценарные судьбы людей, сражающихся с террористами. И до сих пор я еще дезориентирован, словно ребенок. Например, я не понимаю, что происходит с действующими лицами, которые сами покидают рамки экрана или же, по каким-то другим причинам, не помещаются в них.

— Ну не должен же я тебе во второй раз объяснять, что живой человек может покинуть экран только одним путем — посредством смерти. Для наших тел панорамные стены этой огромной

клетки являются непреодолимыми, а другие персонажи, которых мы здесь видим, тоже — во всяком случае, никогда в реальности — не перейдут на другую сторону. Когда они пересекают граничную плоскость (нам она кажется абсолютно прозрачным стеклом), мы видим ее изнутри, как будто идем дальше в глубину стереоскопического изображения, которое расстилается за этой невидимой границей и является продолжением внутреннего пейзажа. Фактически же, эти персонажи исчезают в момент выхода за одну из шести стенок экрана. Они перестают существовать в качестве пространственных изображений, но соответствующие аппараты сохраняют в своей памяти точную запись их строения и воспроизводят их многократно в случае необходимости, то есть, при каждом их возвращении вовнутрь параллелепипеда. «Здесь нет никакого чуда», — заявили бы в подобных обстоятельствах конструкторы первого в мире кинематографа. — «По техническим причинам весь поезд не помещается на экране». Вскоре ты освоишься с этими фактами. Но, прежде чем это произойдет, нам нужно подумать о ночлеге.

Охота

На следующее утро меня разбудил телефонный звонок. В первый момент я даже не сориентировался, где нахожусь.

Я лежал под одеялом в светло-зеленом пододеяльнике, на узкой койке, хотя и в обширной комнате, две стенки которой были выложены дорогостоящими деревянными панелями. Нузан спал на кровати, стоящей напротив широкого окна. В углу комнаты стоял большой цветной телевизор. Шумящий телефон стоял под рукой — на шкафчике рядом со стереофоническим приемником.

Я поднял трубку. Звонил Мельфеи. Он извинился за то, что разбудил меня так рано, и пообещал, что через полчаса посетит нас в гостиничном номере. Положив трубку, я глянул на часы. Семь утра. Только тогда до меня дошло, что ночь мы провели в гостинице, где проживали террористки.

Вечером предыдущего дня, прежде чем решиться ночевать в «Голосе Тишины», мы обсуждали возможность скрыться от разведчиков де Стины в другом отеле. Мы даже начали поиски како-

го-нибудь маленького *albergo* или *pensione*, но в разгар туристического сезона на Капри просто невозможно было найти свободный номер. Кроме того, оказалось — и это было самым главным — что агенты топчутся у нас по пятам. Нам никак не удавалось запутать их. Этот факт заставил нас изменить предыдущие планы: мы решили поселиться в «Голосе Тишины», где де Стина перед тем урегулировал за нас все оплаты, связанные с двухнедельным пребыванием.

В гостиничном вестибюле регистраторша признала нас немедленно (видимо, у нее были наши фотографии) и, не колеблясь, вручила нам ключ от номера 1628 и карточки посетителей для местных ресторанов. Только через какое-то время, как бы заметив, что слишком уж быстро завершила все формальности, связанные с регистрацией, она спросила у нас своим низким голосом: «Signori Ibrahim Nuzan e Antoni Suchary, non e vero?». Когда мы подтвердили это, она улыбнулась и прибавила: «Benvenuti!» По случаю приветствия я узнал имя Нузана и с тех пор — так же и про себя — называл его Ибрагимом.

Наш номер располагался на шестнадцатом этаже. Я занял кровать возле окна, из которого сейчас — в блеске утреннего солнца — за балконом рас-

стилался замечательный вид на западную часть острова. У нас с собой не было никакх туалетных принадлежностей. В ванной нашлись только полотенца и мыло. Повсюду царила идеальная чистота. Мебель обладала современными формами. И вообще — номер был класса «люкс». Только лишь в ванной — под потоком горячей воды — впервые меня заморозила мысль, что весь этот образ порожден «фабрикой снов наяву».

Мельфеи постучал в половину восьмого, когда Ибрагим все еще торчал в туалете. Я тут же вытащил его оттуда, поскольку наш гость проявлял нетерпение.

— До восьми вам будет необходимо начать вступительные действия по исключению, — загадочно заявил он.

— Зачем вся эта спешка? — начал было протестовать Ибрагим. — Возможно, в это время рыба и ловится хорошо, но вот девушки еще спят, совсем не так, как куры, а петухи только начищают свои шпоры.

Он повернулся спиной к нашему гостю и вышел на балкон, где начал свистеть «О соле мио».

— Синьор Нузан, — в голосе Мельфеи снова прозвучала та же самая нотка едва сдерживаемого гнева, которая вчера, во время его стычки с

Ибрагимом, предостерегла нас от взрыва эмоций итальянца. — Я вас очень прошу уделить мне минутку внимания.

Нузан вернулся в номер.

— Слушаю вас.

— Вы вообще, собираетесь принять участие в разработанной нашим начальством «операции МТ»?

— Операция МТ? А это что еще такое?

— Это криптоним известного вам дела. Какой-то философ из министерства назвал ее по первым буквам псевдонимов Гамма и Дельта.

— Не вижу никакого сходства между этими буквами.

— Я тоже его не вижу. Но в том, видимо, и дело, чтобы всех запутать! По мнению того дипломата, благодаря столь хитрой мистификации, ни наши враги, ни эмтовцы (так он назвал агентов, призванных служить в рамках «Операции МТ») никогда не просекут связи между нашей акцией и экстремистами. В этом и состоит строжайшая конспирация. Мы не можем доверить агентам тайну покушения «вспышка 16.07», потому что эти сволочи никогда бы не удержали язык за зубами. Им хватило стандартной байки про двух женщин из иностранной разведки, которых мы

здесь разыскиваем. Для вашего удобства они имеют на лацканах соответствующие значки. Если у них спросят, что означают буквы «МЗ», они должны отвечать, что прибыли в «Голос Тишины» на конгресс… Моторизованных Туристов.

Мельфеи постучал себя пальцем по лбу.

— Естественно, никто в это не поверит, — согласился я с ним. — На столь небольшом и скалистом острове сложно думать о моторизованном туризме.

— Синьор Антонио, — благосклонно улыбнулся мне итальянец, — думать на острове и ездить по нему — это два совершенно разных дела. Впрочем, на заседаниях любого конгресса думать совершенно не нужно, а вот говорить можно о самых сложных делах. Но, собираетесь ли вы помочь нам в обнаружении бомбы?

— Да, — решительным тоном ответил я.

— Впрочем… — Ибрагим послал мне заговорщический взгляд. — После завтрака можно будет немного и развлечься. Но в данный момент — с рассветом и на голодный желудок — нет у меня охоты на амуры.

— Ой, синьор Нузан! Вы со мной словно девица перекомариваетесь, а до амуров еще далеко. В «Голосе Тишины» в настоящее время проживает

девятьсот человек. Наши агенты тщательно изучили ситуацию. Из разговора, подслушанного в римском отеле, следует, что Гамма и Дельта являются ровесницами той пары студентов, возраст которых нам было легко установить. Студентка двадцати одного года, ее парню — двадцать три. Поскольку выражение студента: «Они нашего возраста» не является вполне однозначным определением, мы, на всякий случай, расширили диапазон возрастов разыскиваемых женщин с восемнадцати до двадцати шести лет. Регистрационные карточки «Голоса Тишины» указывают на то, пары женщин именно такого возраста занимают сорок три номера в гостинице. Среди них мы выделили девятнадцать пар итальянок. Нас интересуют только они, потому что остальные женщины — это иностранки, и в Италии они пребывают временно. Вот список девятнадцати номеров. И в одном из них наверняка проживают экстремистки.

Он вручил нам два листка. На них под копирку были на машинке напечатаны колонки чисел из четырех цифр.

— Носите их с собой, — посоветовал нам Мельфеи. — Первые две цифры означают номер этажа, две следующие — комнаты. Ради добра операции

будет лучше, если я не выдам вам имен ни, тем более, фамилий обитательниц этих номеров. Вы, совершенно случайно, могли бы возбудить их подозрения, если бы знали о них больше, чем они сами вам скажут.

— Вам что, кажется, будто каждый из нас будет здесь флиртовать с девятнадцатью итальянками одновременно? — спросил Ибрагим, оторвав взгляд от собственного листка.

— Нет, такого мы не предусматриваем. Чтобы из ваших список исключить всех женщин, которые вас совершенно не знают, вам необходимо как можно скорее начать вступительные действия. Случайная встреча в холле или совместный завтрак дадут прекрасный повод для беседы, бары здесь работают круглые сутки, а вот гостиничные рестораны подают блюда в течение двух часов с момента открытия: завтраки — с восьми утра, обеды — с часу дня, ужины — с шести вечера. В холле и возле бассейнов уже дежурят наши люди из группы МТ. Они будут направлять вас на нужные тропы и незаметно указывать на женщин, имена которых здесь отмечены. Покидая отель, гости всякий раз оставляют ключи у регистратора. Этот факт позволит нам быстро идентифицировать всех нужных нам лиц. Мы

действуем в кооперации с достойными доверия работниками гостиницы. Но без нас вы бы в такой толпе не смогли бы найти террористок и за месяц.

— Без нашей помощи вы тоже мало чего смогли бы сделать…

Кто-то постучал в двери.

— *Avanti!* — Мельфеи обратился к Нузану. — Ладно, мне уже пора. Переоденьтесь и спускайтесь на первый этаж и быстро спускайтесь на первый этаж. Потом действуйте в соответствии с указаниями агентов.

В комнату вошел мужчина с черной щетиной на смуглом лице. Мельфеи обменялся с ним несколькими предложениями по-итальянски и исчез за дверью. В пришельце я узнал итальянца, который вместе с другими мрачными типами перевозил нас из Лондона на Капри, а потом первым приветствовал нас в коридоре Бриллиантового Поместья.

Лучано принес с собой пакет с двумя полными наборами одежды. Новые брюки, рубашки, купальные костюмы и легкие сандалии были самые обычные — именно такие, какие я видел в наибольших количествах на забитых народом улочках Капри. Переодеваясь, я понял, чем

руководствовался Мельфеи, выбирая для нас столь популярную одежду: он хотел, чтобы у экстремисток было нелегкое задание. Если они интересовались нами, то должны были узнать без сценических костюмов. Дополнительной помехой был тот факт, что на телевизионном экране певец всегда выглядит иначе, чем в будничной жизни.

— *Но qualche cosa da vendere*, — промолвил Лучано.

Мы переодевались под внимательным взглядом его глубоко посаженных глаз. Когда мы уже были готовы к выходу, итальянец еще раз заявил, что у него есть кое-что на продажу.

— А что? — заинтересовался Ибрагим.

— Нечего нам морочить голову какими-то темными делишками! — разозлился я. — *Dopo, adesso abbiamo molta fretta!* — И вышел из номера, держа ключи в руке.

— Для мелкой внешней торговли у приличного человека всегда должно быть время, — заявил Нузан. — Может у него что-то исключительное.

Он остался с Лучано в номере, откуда вскоре я услышал его гневный голос:

— Иди ты к черту!

Только внизу Ибрагим признался, что италья-

нец предлагал ему американские презервативы.

Напротив «Голоса Тишины» располагался «Flore delia Luna» — «Лунный Цветок». Обе гостиницы могли гордиться стройными силуэтами. Двадцатиэтажные небоскребы буквально царили над низенькими домами Капри. (Вообще-то, в двадцатом веке таких больших зданий было еще не очень много.) Они располагались в полутора сотнях метров друг от друга. Пространство между их застекленными этажами практически полностью занимали три огромные бассейна. В гладкой поверхности воды отражались растущие на берегах пальмы и кипарисы.

В нашем отеле работало четыре скоростных лифта. Первый этаж — наряду с огромным холлом и регистрационной стойкой — занимали два независимых ресторана, а подвалы здания — обширная дискотека с грозным названием «Под высоким напряжением». Кроме них в отеле располагались шесть небольших кафе, многочисленные бистро и вторая дискотека — небольшая, зато шумная, но, если кто-то терпеть не мог грохота, тот мог потанцевать в одном из залов на десятом или двадцатом этаже небоскреба, где на дансингах играли традиционные оркестры. Здесь же имелось множество и других развлечений, на-

пример, зал игральных автоматов и *циркорама*, которую я посещал по случаю многочисленных свиданий и прогулок с узнаваемыми на острове женщинами.

До обеда агенты Мельфеи успели «столкнуть» нас с одиннадцатью парами, при этом четыре девушки нас узнали, а номера оставшихся девяти комнат на двоих мы вычеркнули из списка, поскольку их обитательницы понятия не имели, что встретились с знаменитыми певцами. Понятное дело, что на данном этапе операции «МТ» у нас еще не было времени на то, чтобы знакомиться: необходимо лишь было выяснить факт, кто из тридцати восьми итальянок любит группу «То тут, то там».

Итак, поначалу, крутясь перед входом в один или другой ресторан, либо во время прогулки среди идущих на завтрак людей, мы входили в поле зрения женщин, незаметно показываемых нам агентами, которые (показав нам спрятанные под лацканами значки), проявили свое право на дирижирование нами. Потом мы позавтракали в компании двух подозреваемых женщин, а когда симпатичные сестрички покинули зал, пересели к другой паре. Нам даже не помешал факт, что брюнетки уже беседовали с пристойными немца-

ми и совершенно не обратили на нас внимания: столы здесь были большие, на восемь человек, поэтому, при постоянном перемещении едоков, гости отеля во время каждого посещения ресторана могли знакомиться с новыми и новыми людьми. Вскоре предупрежденный официант подал мне записку с сообщением, что в ресторане-близнеце заканчивает завтрак одинокая девушка. Ее подружка приболела и осталась в номере.

До десяти утра мы еще пару раз сменили рестораны, а потом еще около часа торчали в глубоких креслах возле регистратора. Заглянули мы и в несколько баров. В холле многие отдыхающие ходили прямо в купальных костюмах, что навевало мне мысль о прохладной водичке, поскольку жара давала о себе знать все сильнее.

Наконец мы переоделись у себя наверху и спустились к людям, загорающим возле бассейнов под гостиницей, где уже другие агенты гнали нас то в одну, то в другую сторону; иногда необходимо было прилечь на шезлонге возле какой-то девушки, то заступить ей дорогу или же прыгнуть вместе с подозреваемой в воду. Солнце жарило чуть ли не из центра лазурного небесного купола. Спрятавшийся в тени Мельфеи поглядывал

из-под зонта и наверняка радовался всякий раз, когда преследуемые его землячки никак не реагировали на наше появление. Их безразличие увеличивало шанс обнаружения бомбы. Агенты «МТ» пользовались миниатюрными радиопередатчиками. С их помощью они переговаривались в отеле и в зоне бассейнов, частенько заставляя нас сменить позицию.

Все это здорово напоминало охоту с облавой, но чаще всего мы даже и не заговаривали с выслеживаемыми женщинами: мы прослеживали их поведение после немой конфронтации и реакции в тот самый момент, когда они нас замечали. Ведь основную роль в данной фазе исключения лишних играли не слова, но взгляды и — вполне возможно — обмен ими, если женщины обращали на нас внимание, и у них было с кем поделиться впечатлениями.

Все свои надежды мы основывали на уверенности, будто бы разыскиваемые экстремистки сами, в конце концов, должны себя выдать. Известно, насколько сложно сохранять безразличие, когда рядом находится какая-то знаменитость или известный актер, когда за ним следишь краешком глаза и — после нескольких перемещений — хотя бы разок на него оглянешься. В глазах

проходящей мимо женщины мы выискивали блеск любопытства, но по выражению тех же глаз мы никак не могли сделать вывод, чем это любопытство или заинтересованность были вызваны: то ли нашей популярностью на эстраде, то ли банальным фактом, что мы были мужчинами. Поэтому, если девушки глядели на нас с безразличием, а затем не разыскивали нас взглядом, мы тут же вычеркивали их из списка подозреваемых. В толпе отдыхающих на нас неоднократно пялились, и многие любители легкой музыки пытались даже задержать нас. Но эти люди не принадлежали к группе, определенной планом «МТ», потому и мы, в свою очередь, не обращали на них внимания.

Мельфеи был весьма доволен, когда к часу дня агенты ознакомили его с результатами. Только две из одиннадцати проведенных проб «на узнавание» дали позитивный результат. Агенты подчеркнули в своих блокнотах следующие номера комнат: 0216 и 1507.

Первая парочка попала в расставленные агентами силки вскоре после завтрака, когда мы сидели в холле.

Там я увидел двух девушек, которые, выходя из лифта, направились в сторону бассейнов. На пол

пути взгляд одной из них скользнул по нашим лицам. Она тут же остановилась и толкнула свою подружку в бок. Та тоже застыла в позе, выражающей изумление. После нескольких секунд колебаний они подошли к стойке регистратора, где оставили ключ. Двое мужчин, сидящих возле кромки бассейна, подзывали их к себе, но те не спешили под предлогом покупки открыток. Они старались принять позы безразличия, но присутствие группы «То тут, то там» в отеле на Капри явно их заинтриговало. Уже от стеклянных дверей они еще раз зыркнули в холл. Мы сидели в группе многих других людей, но было нетрудно угадать, почему именно к нам они присматривались со скрываемым интересом.

Еще через пару минут агент, сидящий рядом с регистраторшей, подмигнул нам, указав на девушек жестом головы. Та, которая заметила нас первой, вызывающе подкрашивала губы и строила глупые мины. Волосы у нее были замечательные, но вот в чертах лица что-то мне не нравилось. Ее подружка — тоже брюнетка — ростом была пониже, но весом побольше, зато улыбка ее была более симпатичной.

Принимая все это во внимание, обе не выглядели слишком притягательно. Но агент записал

их номер, так что пружина сработала. Обеспокоенный данным фактом, я глянул в глаза Нузана и увидел в них отчаяние. Ну что я мог сказать, чтобы его утешить? Никакой драмы и не было бы, если бы нам пришлось до конца жизни проторчать с этими девицами на безлюдном острове. Вдали от возможностей сравнения легче согласиться с горем, и даже, в конце концов, найти достоинства даже там, где их никогда и не было. Но здесь у нас была просто масса искушений: повсюду буквально роилось от красавиц, к которым бандиты де Стины даже не разрешали нам приблизиться.

Настроение, более-менее, вернулось только возле бассейна, где две другие итальянки уже прямо пристали к нам, выкрикивая наши имена. Они были постарше, чем первые, которых мы встретили в холле, зато значительно привлекательнее. На меня они обратили внимание в тот самый момент, когда, направляемый женщиной-агентом, плавающей со значком, спрятанным в бюстгальтере, я вынырнул прямо рядом с ними. Те тут же завизжали от восторга, а тут еще и Нузан, привлеченный воплями, прыгнул с трамплина прямо на нас. Его узнали в то же мгновение, и мне пришлось переводить ему все

те комплименты, которыми девицы без всякой умеренности засыпали нашу группу.

Несколько минут мы плавали вместе. На берегу оказалось, что обе девушки ловкие и загорелые. Мы и не могли желать для себя чего-нибудь лучшего, поэтому с охотой бы пофлиртовали с ними, тем более, что одна из них неплохо говорила по-английски. У второй были большие глаза, и как раз она более всего мне понравилась.

Хотя обе и входили в группу женщин, за которыми велась слежка, Мельфеи со своего поста под зонтиком приказывающим жестом направил нас на другой конец площадки с бассейнами. Чтобы иметь полную картину ситуации, поначалу ему хотелось испробовать все остальные пары. Наши новые знакомые вернулись на свои шезлонги. Мы только и успели спросить, как их зовут: Мариса и Клара. Проживали они на пятнадцатом этаже «Голоса Тишины» в номере 1507.

Получив данную информацию, мы исчезли в зарослях, окружавших бассейны.

Психопатка

Крупные рестораны на первом этаже «Голоса Тишины», равно как и все харчевни в курортных деревушках типа Сита дель Маре на Сицилии, подавали блюда и вино собственного производства в неограниченных количествах. Все это были заведения самообслуживания. Жилец гостиницы, оплачивая за свое пребывание здесь, получал пакет талонов. У входа он отдавал билетерше действующий в данное время талончик, после чего с подносом и пустыми тарелками проходил по обширному залу между столами, прогибающимися под тяжестью самых различных блюд. Каждый сам себе выбирал и накладывал холодные блюда — выложенные на фарфоровых тарелках, или горячие — со столика с нагревателями *tavolo calda*. Вино официанты разносили в больших кувшинах, только оно нам не нравилось. Зато во всех остальных гастрономических заведениях отеля за все нужно было платить наличными.

Без четверти час мы вышли из бассейна и, присев на лавочке под зданием гостиницы, несколькими краткими предложениями проанализировали проблему, как завоевать доверие

Марисы и Клары. Подумав о том, что без горючки труднее сломить сопротивление грозных террористок, по дороге на обед мы остановились под стойкой с более серьезным спиртным.

В холле уже начиналась толкучка. Поскольку в магазине уже стояло несколько желающих выпить, Ибрагим, чтобы не терять времени, оставил меня в очереди, а сам отправился в киоск со всякими туалетными принадлежностями, которых нам не хватало.

Я купил литр виски и уверенным шагом направился к лифтам.

— Ну, как там? — спросил мой приятель еще издалека.

Я поднял руки с бутылками.

— Мало! — заявил он.

— С ума сошел?

— А ты что, уверен, что мы до вечера успеем раскопать грунт возле бомбы?

— Будем подкапываться и несколько дней, пока девицы размякнут.

— Господи, какой же ты неопытный! — Нузан отдал мне пакет со своими покупками и вытянул руку за деньгами. — Их нужно сразу же разогреть, и ковать железо, пока горячо.

Он возвратился в магазин, я же прошел в лифт.

В кабину я зашел спиной, нажал кнопку шестнадцатого этажа и только лишь потом заметил, что в углу стоит Лючия — светловолосая девушка, на которую я обратил внимание еще вчера, когда мы ехали в порт Марина Гранде.

На сей раз она даже и не глянула в мою сторону. Девушка спустилась сверху, но на первом этаже не вышла. Она была чем-то взволнована и вела себя странно. Лючия глядела куда-то в пространство мимо меня, в ее глазах был виден испуг. Развеселенный разгоном Ибрагима в подготовке ко встрече с Марисой и Кларой, я не сразу сообразил, что Лючию в лифте парализовал какой-то придуманный ею образ.

Даже и сейчас у нее был такой вид, словно она увидела упыря.

— Что с тобой? — спросил я у нее по-итальянски.

Девушка вздрогнула и бросилась к двери. По пути она успела бросить мне взгляд, в котором я распознал немую мольбу о спасении.

Поскольку она отступала в направлении открытой стенки, где с приличной скоростью проскакивали двери очередных этажей, чтобы не допустить несчастья, я охватил ее руками в поясе. Глядя куда-то вдаль, над моим плечом, девушка

доверчиво прижалась ко мне. На мне были только плавки, на ней — легкое, застегнутое на пару пуговиц платьице, через которое я чувствовал на своей коже ее горячие бедра и груди.

Вместо слов утешения в голову приходил лишь вопрос: «А кто она, собственно, такая?» Вслушиваясь в биение наших сердец, я пытался размышлять над несчастьями этого загадочного существа, но физически находился рядом с ее приоткрытыми губами и радовался блеску ее глаз, хотя их зрачки и были расширены страхом.

Она была красива и настолько перепугана, что, наверняка, вплоть до момента, когда я поцеловал ее в губы, Лючия не видела во мне мужчины, но только единственную защиту от угрозы. Совершенно бессознательно, она тоже обняла меня. Но когда лифт застыл на шестнадцатом этаже, девушка вырвалась из моих объятий и выскочила в коридор. Я видел ее столько же времени, сколько длится соединение электрических контактов, поскольку кто-то вызвал лифт на пару этажей выше, откуда я сбежал по лестнице, чтобы с отчаянием выяснить, что в коридоре никого нет.

«Ну почему я не вышел вместе с ней?» — что-то вскрикнуло внутри меня. — «Потому что она захлопнула дверь, да еще и придержала ее», — от-

ветил я на это. Но странное дело: я не был уверен в этом на все сто.

Наша вторая встреча продолжалась всего лишь двадцать с лишним секунд. Ошеломленный ее необычным содержанием, я то радовался мысли, что свидание вообще не состоялось, то уже видя себя в роли опекуна девушки, обвинял в страшных ошибках в поведении с умственно больным человеком.

Лючия видела каких-то призраков. Но вначале нужно было сориентироваться, что же это, в данном случае, было. Атмосфера безопасности помогла бы ей преодолеть необоснованные страхи. А разве мое поведение в лифте имело хоть что-то общего со спокойствием? Уж не испортил я единственный шанс на то, чтобы познакомится с девушкой? Я не завоевал ее доверия, и вот она и сбежала.

— Нет, преувеличение, — сразу же затем подумал я. — Она не имела ничего против, что я ее в этом замешательстве поцеловал. А убежала лишь потому, что женщины любят играть в прятки.

Во всяком случае, у меня даже не было уверенности в том, что Лючия вообще живет в «Голосе Тишины», и увижу ли я ее еще когда-нибудь. Злой на самого себя и прибитый, я шатался по

пустым коридорам нескольких нижних этажей. В конце концов, вернулся на шестнадцатый — где Ибрагим ждал ключа от нашего номера.

Не говоря ни слова, я открыл дверь и вышел на балкон. Было ужасно жарко. Ни единого облачка не заслоняло насыщенной небесной лазури. К пристани в Марина Гранде подошел большой корабль. В центре Капри царило оживленное движение, но территория возле бассейнов несколько опустела. Какое-то время я следил за машинами, направлявшимися в сторону деревушки Анакапри, которую с этой стороны острова заслоняла вершина Монте Соляро.

Вся эта убедительная картина существовала далеко за рамками экрана. И тут мне пришло в голову, что про Лючию можно было бы спросить и в регистрации.

— Что-то нет у меня охоты флиртовать с этими девицами, — сказал я, вернувшись в комнату.

— На столе стояли четыре бутылки виски. Ибрагим подал мне уже наполненный стакан.

— Еще с четверть часа назад ты был в лучшем настроении, — удивленно заметил он.

— Это факт.

— Выходит, что-то изменилось?

— Возможно.

— Что же?

— Мне не хотелось надоедать ему рассказом о своем приключении и знакомой из лифта.

— Когда-то на Монте Соляро был подъемник, — сказал я с надеждой, что мне еще удастся как-то выкрутиться. — Поедем туда?

Нузан внимательно пригляделся ко мне из-за строя бутылок.

— Если ты имеешь в виду совместную поездку с Марисой и Кларой, то я тебя не понимаю. Что, ты желаешь болтать с пьяными девицами о водородной бомбе на таком подъемнике? Ты знаешь, какое расстояние между отдельными сиденьями? Лично я собираюсь залить в Клару стакан виски и вытянуться с нею в постели, а не на каком-то холодном сидении.

Я же размышлял лишь о том, как бы мне избавиться от Ибрагима, подозрительных женщин вместе с сопровождающими их агентами, чтобы те не мешали мне искать Лючию.

— Пригласи Клару в наш номер, — предложил я. — Поскольку я не обязан ассистировать вам при заключении более тесного знакомства, поеду-ка я в Аникапри.

— А я вылечу из кровати еще до того, как ты туда доберешься.

— Что ты снова плетешь?

— Стенка блока киноэкрана выпихнула бы меня через окно, если бы ты сел в автобус и отправился туда. Что, забыл про размеры экрана?

— Ой, правда!

— В данный момент параллелепипед охватывает обе гостиницы и группу бассейнов между ними.

— В таком случае, пойду выкупаюсь.

— Ты заболел?

— Нет.

— Тогда перестань маяться дурью! — Нузан налил виски в стаканы и дополнил тоником. — Проведем день в приятной компании. Не знаю, что там выйдет из первой встречи, но вся эта забава — наша обязанность. Сейчас мы уже не можем выйти из раскрученной операции, поскольку Мельфеи знает выдержку натянутой струны, и наши капризы ему очень скоро осточертеют. А ситуация страшная: до тех пор, пока мы действуем в соответствии с их планами. Итальянцы будут с нами вежливыми и сердечными, ведь исключительно от нашей доброй воли и изобретательности в обращении с экстремистками зависит судьба обитателей большого города.

— Но ведь их жизнь — это фикция!

— Это факт, за пределами экрана ничего нет. Зато, благодаря этому стереону, нам сейчас не нужно пропихиваться в толкучке под Крышей Мира.

— Но ты можешь, наконец, сказать, что там, собственно, происходит!

Нузан усмехнулся, но потом резко помрачнел.

— Не сейчас, — буркнул он. — И, по крайней мере, несколько дней не морочь мне голову этим вопросом.

— Я уже заметил, что ты стараешься его избегать.

Настроение Ибрагима резко сменилось в худшую сторону.

— Зачем вообще люди раньше снимали фильмы?

— Среди всего прочего и затем, чтобы, смотря их, забыть о действительности.

— Именно! Для меня стереон является тем же, что в твоей эпохе кино было для человека, замурованного в тюремной камере.

— Догадываюсь, почему ты столь неохотно говоришь о ситуации людей из девяносто шестого века.

— Тогда зачем же ты постоянно упоминаешь, где мы фактически находимся?

— Ладно, попробую придержать любопытство до времени нереальной смерти. Но мне ты мог бы и простить…

Мы выпили приготовленный аперитив.

— Ты помнишь, откуда мы прилетели на Крышу Мира? — отозвался Нузан после какого-то времени.

— Сверху.

— И с тех пор пребываем здесь нелегально: словно зрители в кинотеатре, попавшие туда без билетов. Свободные места на киноплощадке нужно ждать в очереди многие годы. Тем не менее, благодаря хитрым маневрам, большую часть жизни я провел в стереонах. Действие в них, как правило, проходило в двадцатом веке. Благодаря этому, я неплохо ориентируюсь в делах твоей эпохи и знаю ваш архаичный язык.

Он поднялся с места.

— На обед идем?

— Еще один вопрос, — придержал его я. В моем сознании жило воспоминании про слишком уж убедительный образ психопатки. — Они… мыслят?… чувствуют?…

— Кто?

— Все те люди, которые нас окружают или бегают где-то дальше, в глубине трехмерного экрана.

— Шутишь? Точно так же мог бы спросить, сопровождают ли мысли и чувства движениям персонажей в плоских кинофильмах. Игра света и теней на киноэкране вызывает мысли и чувства только у нас. И вообще, никто из зрителей не отождествляет эти плоские фигуры с настоящими людьми. Все они — только мертвые передатчики живых идей, с помощью которых творцы обращаются к зрителям. Технические усовершенствования на пути от фотографии через кинематограф и к стереону ничего существенного в данной иллюзии не изменили: в значительной степени возросла только лишь степень обмана чувств зрителей, но введение третьего измерения в кино не одарило этих персонажей душой; точно так же, как неподвижные фотографии не оживил тот факт, что кино подарило им движение.

— То есть, у них нет осознания своего существования? — еще раз спросил я.

Нузан пожал плечами.

— Слушай, выбей ты это себе из головы.

Способ употребления

Прежде чем уйти, Ибрагим позвонил в 1507 номер — Марисе и Кларе. Девушки уже возвратились из ресторана. Трубку взяла Клара, которая знала английский. Она сообщила, что собираются поехать в Марина Гранде, где хотят снять лодку и поплыть в Лазурный Грот. Ибрагим попытался изменить их планы, в конце концов он попросил, чтобы девушки подождали нас до трех часов дня.

Пообедали мы за столом, занятым шумной группой молодых итальянцев. Но там же сидела и вторая пара сестер. Нам их указал дежурящий у входа агент. Первую пару сестер из группы подозреваемых женщин мы встретили утром на завтраке; и сейчас мы попытались вмешаться в беседу, которая велась за столом. Сестры выглядели довольно молодо и были похожи друг на друга как близнецы. Хотя Ибрагим и строил им соблазнительные мины, нас они почти что и не заметили.

По дороге к выходу мы заметили, что агент вычеркнул из своего списка их номер. При этом он тут же отослал нас в другой конец зала — к жен-

щине, на вид, уже в годах, явно не совпадающих с верхним пределом возраста из «черного списка». На коленях у нее сидел ребенок. Кормя его, она участвовала в споре неаполитанского семейства. По их неодобрительным взглядам и реакции в тот момент, когда Ибрагим, шутя, потрепал мальчишку за ухо, легко было сделать вывод, что и эта попытка завершилась отрицательно.

Уже в холле молодой агент МТ обратил мое внимание на милую шатенку, которая, по его словам, с утра не спускала с нас глаз. Якобы, она была возле бассейнов до обеда и следила за нашими забавами в воде. И во время обеда она заглядывала через окно вовнутрь зала, прослеживая за нами взглядом. Парнишка был очень возбужден своей ролью, но старался вести себя тихо.

Нузан, не колеблясь, подошел к девушке и несколько минут беседовал с ней. Оба улыбались друг другу и живо жестикулировали. Я догадался, что новая — потенциальная жертва Ибрагима слабо знала английский язык.

— Ну что, как пошло? — спросил я, когда Нузан расстался с итальянкой и вошел за мной в лифт.

— Договорился с ней на восемь вечера, — сообщил он.

— А что узнал?

— Ей известны наши имена, и в какой группе мы поем.

— Ты ее спросил об этом?

— Нет, сама сказа.

— Из этого что-то может и получиться.

Я глядел на свое отражение в зеркале. Если ему можно было доверять, то действительно — в соответствии со словами Ибрагима — я выглядел очень свежо и даже моложе своих лет.

— Ты ее видел? — Нузан копался в кармане, время от времени глядя в зеркало.

— Кого?

— А о ком мы говорим?

— Ту черненькую, под гостиницей?

— Да.

— Издали.

— Классная, правда? — нпконец он вынул листок с номерами комнат. — Надо записать, а то мы скоро запутаемся. В нашем списке уже пять подозреваемых.

— Ничего, — согласился с ним я, думая о девушке с красотой, типичной для женщин с северных берегов Средиземного моря.

— Сразу же после ужина мы идем на дискотеку. Даже и убалтывать не пришлось.

— Наверняка у вас будут проблемы с ее англий-

ским, если захотите поболтать.

— Ничего, справимся. Да, она живет в 1205 номере. Зовут Катариной..

— А подружку как звать?

— Узнаю вечером.

Сначала мы зашли к нам в номер, где Ибрагим собрал две бутылки виски. По ходу мы пропустили по стаканчику. Ближе к трем, мы спустились по лестнице на пятнадцатый этаж и постучали в двери с номером «1507».

Наши знакомые по бассейну уже заканчивали готовиться к планируемой поездке.

— *Siamo pronte*, — сказала Мариса.

Ибрагим вопросительно поднял брови.

— Они уже готовы, — перевел я.

— А мы тоже готовы! — Нузан танцевальным шагом подошел к столу и поставил бутылки.

Клара осуждающе глянула на него.

— Я думала, что мы поплывем в Лазурный Грот.

— И ты не ошиблась, — Нузан разлил виски в четыре стакана, — уже плывем, только, чур, не брызгаться!

Девушки не выглядели довольными. После нескольких гримас с их стороны, я предложил тост за такое милое знакомство. Стаканы к губам

они поднесли с истинно итальянским темпераментом, но, в то время как мы с нузаном выпили до дна, Мариса с Кларой едва смочили губы.

Сразу же после этого Клара вернулась к теме Лазурного Грота. С румянцем на щеках она сообщила, что знаменитая пещера привлекает многочисленных туристов, посещающих Капри. Чтобы попасть в нее, нужно нанять лодку в Марина Гранде, поскольку вход в громадную пещеру находится в известняковой скале со стороны моря. Отверстие, ведущее в пещеру, имеет высоты всего полтора метра. Когда светит солнце, всю Лазурную Пещеру заливает потрясающее сияние, проникающее сквозь голубую воду и отражающееся от снежно-белого дна.

После того девушка кратко изложила нам историю острова. Какое-то время Ибрагим вежливо поддерживал эту тему, хотя в условиях скорой атомной угрозы ему, наверняка, было сложно думать про развалины старинных вилл римских императоров; Клара же — возбужденная видениями, извлеченными из туристического проводника — настолько была увлечена собственным рассказом, что даже не заметила его руки на своих коленях.

Мариса с недоверием прислушивалась к беседе,

которая велась на английском языке. Внезапно она показала мне на нашу сумку, из которой выглядывало горлышко второй бутылки.

— *Che cosa avete portato?*

В этот момент Ибрагим перенес свой интерес с коленок на руки Клары и тут же получил по лапам.

— Что она там поет? — бросил он в мою сторону, чтобы отвлечь внимание своей надувшейся собеседницы.

Тем не менее, Клара поднялась и заявила, что сделает нам кофе. Она достала нагреватель и отправилась в ванную за стаканами.

— Мариса выследила наш фиксаж, — ответил я на вопрос Ибрагима.

Тот встал с кровати и, пошатываясь, направился к столу, откуда, уже с бутылкой в руке пошел к Марисе.

— Нехорошо, — пробормотал он. — Хорошие девочки не заглядывают в чужие сумки.

Он подлил в стакан девушки.

— *Troppo!* — отозвалась та.

— О! — Нузан осмотрелся по сторонам. Снова торопится что-то вынюхать…

— На этот раз нет, — возразил я. — Просто ей не нравится, что ты ей много налил.

— Много? — Ибрагим пошатнулся.

— *Troppo*, — повторила Мариса.

— А я говорю, что совсем и не много…

— *Lui ha detto che non e troppo*, — тут же перевел я.

— *Mi dispiace molto, ma tanto non posso*.

— Ей весьма жаль, но так много она не может.

— Может! — топнул Нузан.

— Если до самого вечера вы собираетесь вести именно такого рода беседы, тогда найдите себе другого переводчика, — запротестовал я.

— Погоди, — измерил он меня туманным взглядом. — О чем это я говорил?

— Ты сказал, что уже не можешь пить, — подсказал я ему. — И правильно.

— Я?! — возмутился Нузан. Он забрал стакан у Марисы и вылил его содержимое себе в рот. — Вот! — Он перевернул стакан вверх дном.

— *A meraviglia!* — обрадовалась Мариса.

— Чего?

— Ты ее поразил, — объяснил я.

— Мелочевка…

Нузан гордо выпрямился; при этом он сделал жест рукой и сбил с телевизора вазу с цветами. Шум в комнате привлек Клару.

— Что это вы тут устраиваете? — спросила она.

Несколькими простыми словами я описал ей весь инцидент. Девушка поглядела на Ибрагима.

— Вы меня обманываете! Три четверти стакана?

— Именно! Не больше, и не меньше!

С серьезной миной он схватил бутылку, чтобы точно показать, сколько там было. Поскольку итальянка все так же не могла поверить, что он одним глотком смог выпить такое количество неразбавленного виски, Ибрагим, не успел я его удержать, повторил свой номер.

Клара заварила кофе и подала его нам, поставив на столе и тарелочку со сладостями; затем она включила телевизор. На экране появилась пара мужчин. Они вели между собой оживленную дискуссию. Один говорил приятным, низким голосом, хотя высказывался весьма лаконично; второй аргументировал пискливо, зато строил более длинные предложения. В звуковом плане они дополняли один другого и даже не мешали нам, тем более, что после того, как алкогольная тема была исчерпана (в основном, по причине усиливающегося опьянения Ибрагима), в течение следующей четверти часа наша беседа никак не коснулась мрачных и опасных дел, связанных с терроризмом.

Одна лишь Мариса упорно смотрела телевизор. После окончания передачи она сообщила мне, что бас был заглушен альтом, сто ей не понравилось, поскольку о сексуальных проблемах — так же по ее мнению — следовало бы говорить открыто.

Тут зазвонил телефон. Трубку подняла Клара, но сразу же передала ее мне. Я узнал голос седого Де Стины. Он вызывал нас в «Бриллиантовое Поместье» на очень важное совещание, посвященное тактике. Только тогда до меня в полной мере дошло, где мы находимся, и с какой целью нас привезли на Капри.

«Очень серьезное совещание», — подумал я. Я догадывался, о чем там будут говорить, поэтому с беспокойством поглядел на Ибрагима. К сожалению, тот не выглядел достаточно серьезно: именно в этот момент он с пола взбирался на кровать Клары, чтобы снова — в соответствии со своим стратегическим планом на вторую половину дня — вытянуться там, где один раз мы его уже укладывали совместными усилиями. Я размышлял над тем, а откуда Де Стина узнал, в каком номере сможет найти нас в это время. Правды говорить ему мне не хотелось. Я только спросил у него телефонный номер «Бриллиантового Поместья» и пообещал, что вскоре перезвоню.

Итак: лажа! Я уже представлял себе сцену, когда достойный старец начнет нас поучать, как следует вести себя с женщинами. Примененная Ибрагимом система добычи информации — в случае Марисы и Клары — экзамен не сдала. Теперь мне предстояло проявить инициативу и сдвинуть дело с мертвой точки. Но как?

Терроризм — во всяком случае, в первой фазе заключения знакомства — был запретной темой. Нам нельзя было касаться ее в присутствии подозреваемых женщин, поскольку тем сразу же пробудили в них недоверчивость, раз и навсегда хороня шансы обнаружения бомбы. Но ведь и любая из экстремисток — даже спонтанно — не доверила бы тайны почти что чужому человеку. Де Стина основывал свои надежды на факте, что разыскиваемые итальянки уже давно интересовались нами. И в силу его пана — применяя данное способствующее обстоятельство — нужно было бы сблизиться с ними, подружиться, завоевать их доверие — возможно, даже любовь.

Останки Ибрагима я оставил заботе трезвой Клары и, под тем предлогом, что мы отправимся на прогулку, вытащил Марису из номера.

В лифте я нажал на кнопку шестнадцатого этажа.

— Куда это ты хочешь идти? — удивилась девушка.

— Заскочу в номер за сигаретами.

Понятное дело, что мы разговаривали на итальянском, а сигареты лежали у меня в кармане. Когда я вошел, Мариса осталась в коридоре.

Двери в номер я оставил широко открытыми.

— Погляди, — позвал я с балкона, — какой тут замечательный вид!

— Точно такой же и из моего окна, — ответила Мариса из коридора.

— Ты не зайдешь на минутку?

Я налил в два стакана апельсиновый сок, допил остатки виски прямо из бутылки и закурил.

— Долго ты там? — сердитым голосом отозвалась девушка. — Бери сигареты, и пошли уже.

«Нехорошо», — подумал я. «Она слишком осторожничает. Может быть тяжко. Что делать?»

— Антонио…

— Слушаю.

— Если тебе так нравятся виды, можем пойти в кафе на вершине «Голоса Тишины».

Я махнул рукой.

— Согласен.

Мы отправились на двадцатый этаж. Мариса была права. С высоты крыши небоскреба можно

было увидеть намного больше, чем из окна гостиничного номера: полную панораму острова и округи. Больше двух часов мы болтали над двумя порциями мороженого. В роли шпиона я чувствовал себя не самым лучшим образом. Девушку я ни о чем не спрашивал, потому что она сама много рассказывала о себе. Ей было двадцать шесть лет, жила с родителями в Милане и работала там продавщицей в универмаге. Из описания ее материального положения следовало, что Мариса не замужем, но у нее был ребенок — двухлетняя девочка. Про дочку она тоже много и охотно рассказывала.

«Нет, это не она», — подумал я в какой-то момент. Хотя, кто знает? Что на ее месте выдумала бы настоящая террористка? Несколько раз Мариса спросила у меня про какие-то подробности из жизни и про ближайшие планы нашего ансамбля. Я выкрутился общими фразами.

Слушая Марису, я глядел вдаль: на востоке — за мысом Кампанелла — лежал городок Сорренто; сразу же над северным горизонтом, словно узенькая серебристая полоска на синем фоне — блистал далекий мираж Неаполя, а на пол пути между ними маячил окутанный облаками величественный силуэт Везувия.

В шесть вечера дежурящий в кафе агент дал мне незаметный знак, чтобы я подошел к нему. Я поднялся из-за стола под предлогом оплаты счета. Когда я подошел к итальянцу, тот сообщил, что девушки из номера 0216, которые узнали нас в холле еще до полудня, сейчас гуляют на террасе и в любой момент могут войти в кафе.

Он разговаривал на ломаном английском, так что поначалу я не понимал, к чему он ведет.

— Говорите по-итальянски.

— Будет лучше, если они не увидят вас в компании другой женщины, поскольку двойная игра крайне усложняет у нас матримониальные планы. Итальянки очень ревнивы!

«Действительно, — подумал я без особой охоты. — Ими тоже вскоре придется заняться». Возвращаясь к столику, я вспомнил их не слишком-то притягательные фигуры.

Марисе я сообщил, что мне нужно позвонить по весьма срочному делу.

— Какой-нибудь женщине? — недоверчиво спросила она.

— Нет, нашему импресарио.

— О! Вы, случаем, не будете выступать в Италии?

— Не исключено. Собственно говоря, именно

сейчас ведутся переговоры. Я буду звонить из номера, поскольку это может занять много времени.

Перед дверями лифта Мариса помялась и неожиданно спросила:

— А мне можно послушать?

— Как торгуются мужчины?

— Это должно быть интересно.

— Конечно! Приглашаю тебя к себе на апельсиновый сок.

«Интересные вы ребята, — подумал я про себя по дороге в номер. — Сначала нужно сходить с вами в кафе, чтобы у вас появилась иллюзия, будто бы заключенное знакомство — благодаря порции мороженого — перешло в более доверенные отношения.

Нузана в номере не было. Когда мы вошли, я тут же закрыл дверь на ключ, чего Мариса не заметила. Я поднял трубку телефона. Когда я уже набрал номер «Бриллиантового Поместья» до меня дошло, какие направления и скорости необходимо придать всем нашим усилиям, чтобы расшифровать всех этих женщин еще перед тем, как произойдет взрыв водородной бомбы. На длительный флирт времени просто не было: мужчина или женщина — если вообще доверит

кому-либо какую-нибудь тайну — скорее всего, выдаст ее в постели.

Трубку поднял Мельфеи.

— Наконец… — сказал он по-английски. — Ну… что там?

— Так вы уже переговорили? — спросил я по-итальянски.

— Нет. А с кем? Мы уже часа два ждем вас.

— Так сколько?

— Не понял.

— По-моему, вы потеряли в этом счете один ноль.

— Какой еще ноль?

— Мало.

— О чем вы говорите?

— Нет, такой контракт мы не подпишем.

— Синьор Антонио, вы, случаем, не перегрелись на солнце?

— Выходит, итальянское телевидение за выступление артистов, пребывающих в отпуске, может предложить только эту мелочь? Для меня эта сумма не слишком круглая! Я спрошу у Нузана. Сейчас же я провожу время в приятной компании и не собираюсь, чтобы моя подружка скучала по причине отсутствующего нуля. Мы подойдем к вам завтра, около девяти.

И я повесил трубку.

— И часто ты проводишь время в приятной компании? — заинтересовалась Мариса.

Меня удивил этот вопрос, поскольку я ожидал другого: «Сколько?».

— Редко, — ответил я. — Потому и рад, что познакомился с тобой. Ты очень милая и приятная женщина.

— Правда?

Мариса и вправду мне нравилась. Я уселся рядом с ней. У нее были карие глаза. Когда же я попробовал поцеловать ее в губы, девушка отпрянула от меня и встала. Краем глаза я глянул на часы.

— Ты любишь при свете или в темноте? — спросил я.

— Что в темноте?

Я опустил штору.

— Послать?

— За кем ты хочешь послать?

— Не «за кем», а «что», — указал я на кровать.

— Ты идешь спать?

— Так не сам же!

Я недоумевал: откуда у нее взялся ребенок. Мариса удивленно глядела на меня.

— Как ты это себе представляешь?

— Обычно: мы раздеваемся…

— Погоди, погоди, — она погасила сигарету в пепельнице. — Я с тобой?

— Нет: ты со мной.

— С чего это тебе пришло в голову… будто бы я могла вот так… просто…

— А что ты сама говорила два часа назад, там — возле телевизора? Что о сексуальных проблемах следует говорить открыто!

— Говорить и решать их…

— …это две разные вещи, — закончил я. — Поэтому, не будем больше разговаривать. Давай решим эту проблему молча.

До сих пор Мариса была серьезной, а сейчас рассмеялась.

— Но ведь тут нет никаких проблем.

— Так лучше!

Я поднялся, чтобы начать действовать.

— Только не пялься на меня, — шепнула девушка.

Она уже расстегивала блузку. С самого начала я был мягким, и решил выдержать деликатность своего чувства к Марисе до победного конца. Поскольку она отвернулась лицом к стене, я тоже тактично не стал подглядывать: и в этой фазе ухаживания я проявил всю свою культуру.

— Ну что, кто скорее? — предложила она у меня за спиной.

— Идет! — принял я вызов и тут же сорвал с себя рубашку и брюки. — Я готов!

— Тогда забирайся под одеяло, а не то замерзнешь, — бросила Мариса по дорогк к двери. — Спокойной ночи!

Она была полностью одета. Повернула ключ в замке и вышла.

Я не сразу взялся за подсчет собственных ошибок. Вначале посчитал бутылки: в одной осталось немного виски, две другие отправились с нами в номер 1507, а четвертая куда-то пропала. Наверное, Мариса забрала ее со стола, чтобы заправить Ибрагима.

Допивая остатки из первой бутылки, я интенсивно гляделся в зеркало. При случае я выдумывал разные названия для фигуры, что сидела напротив. Я был в хорошей форме, потому в голову мне приходило множество очень точных эпитетов. Вот только прозвища «хам» я никак не мог применить по отношению к себе, и как раз это обстоятельство доводило меня до отчаяния. Чтобы хоть немного утешиться, я рассматривал возможности скрещения осла с бараном, но не был уверен, что несчастный плод такого меза-

льянса поведет себя в подобной ситуации столь же глупо. К счастью, перед восемью вечера я очнулся от задумчивости, поскольку по причине отчаянных сомнений мог бы потерять бесплатный ужин.

Я спустился на первый этаж и спросил у женщины-администратора про Лючию. К сожалению, про светловолосую девушку она ничего не смогла сообщить. В ресторане я встретил знакомых из номера 0216 — тех самых девушек, которые утром распознали нас в фойе, а потом спугнули меня из кафе на крыше. С ними я и поужинал. Звали их Франческа и Роза. Их имена я записал напротив номера их комнаты. Беседуя с ними, я лояльно исполнял свои обязанности. Но вместе с тем, я пережил момент мазохистского удовлетворения, когда они приняли мое приглашение потанцевать: я сам себя наказал!

Мы отправились в дансинг на десятом этаже просидели там до часа ночи. Тем временем, Мариса с Кларой перетранспортировали Ибрагима к нам, на шестнадцатый этаж. Когда я вернулся к себе в номер, тот лежал поперек кровати, полностью одетый. Я приложил зеркальце к его губам: признаков жизни мой приятель не подавал, но еще дышал.

Инструкции

Утром следующего дня, по дороге в «Бриллиантовое Поместье» мина у Ибрагима была совершенно мрачная. За завтраком мы не проронили ни слова. Мне казалось, что свежий воздух и солнце разгонят плохое настроение моего коллеги, но даже приятный ветерок не согнал грозовой тучи с его лица.

— Ты вчера долго спал, — осторожно заметил я.

— А тебе какое дело, — буркнул тот.

Мы прошли площадь Диаса и попали в тесную улочку. За скромными домиками располагались живописные виллы. Между домами росли лимонные и апельсиновые деревья.

— По-видимому, настроение тебе портит характерная слабость, которая часто мучает туристов при смене климата, — предложил я тему. — Не беспокойся. В такую жару даже такой сильный, как у тебя организм, сдался.

— А ты знаешь… — Нузан задумался. — Ты, видимо, прав, и еда здесь какая-то… несвежая. Опять же, мы слишком часто едим. Погоди! А что, завтрак был сразу же после обеда? Я совсем не

помню вчерашнего ужина.

Пришлось рассказать ему историю прошедшего вечера, поскольку, как оказалось, Ибрагим абсолютно ничего не помнил.

— Так что?! — с возмущением воскликнул он. — Ты держал Марису в номере, с закрытой на ключ дверью, и выпустил ее из кулака?

— А ты сам? — повысил я голос. — Ты что, своими силами улегся в постели Клары?

После этих возгласов остаток холма мы преодолели в молчании. Только у ворот «Бриллиантовой Усадьбы» Ибрагим несколько расслабился.

— Так ты говоришь, вы раздевались на скорость?

— Это она предложила. Этот раунд я выиграл и наверняка бы выиграл и второй…

— Если бы не применял насилия. — Он поднял руку к моей рубашке и посчитал оборванные пуговицы. — Будь осторожен! Женщины терпеть не могут агрессивных мужчин. С ними нужно мягче, как учит нас закон и выдающиеся сексологи.

— И правда, — весело ответил я. — К себе я был излишне грубым. Зато, в твоем случае, даже до этого не дошло. Разве мог ты хоть что-нибудь сделать, если…

— Не объясняйся, мужик, — перебил он меня

без тени усмешки. — Поглядим правде в глаза: ключ! Возможно, через месяц ты и вернешь доверие Марисы. Разденешь ее, когда все уже будет кончено. Не нужно было открывать карт, если не можешь разыгрывать тузов. Ты облажался, и больше тут не о чем говорить.

Мне нравился тон его проповеди. Я переводил все в шутку, а он, вроде бы, и вторил мне, но на самом деле пытался меня поучать. На кончике языка я уже смаковал резкий ответ, но тут за сеткой заметил какую-то женщину. Когда она подошла к калитке, я узнал ее по приличному росту и рыжим волосам.

Это была синьора Воне. Она ожидала нас в саду. После сердечного приветствия мы направились за нею в затемненную библиотеку наверху. Там мы застали де Стину и Мельфеи. Они пили кофе и угостили нас. Когда в комнату вошла вторая из узнанных здесь ранее женщин — красивая, хотя и немолодая, синьора Норьели, которая не знала английского языка — до полного набора не хватало уже только толстого итальянца, но его вчера вызвали в Рим, и пока что он не вернулся.

Еще до того, как официант приготовил аперитивы, Мельфеи вполголоса сообщил мне, что синьора Воне по профессии психолог, а синьора

Норьели — психотерапевт. По мнению Ренцо Ривони, который руководил из Рима операцией «МТ», террористки, скрывающиеся под псевдонимами «Гамма» и «Дельта» могли быть не вполне здоровы психически, поэтому нам на помощь на Капри направили соответствующих специалистов.

Мы все уселись за столом; Мельфеи указал на висящий на стене календарь.

— Итак, мы имеем девятое июля, — сухо заметил он. — До шестнадцатого осталось только семь дней. Мы потеряли кучу времени.

Де Стина положил перед собой листок с перечнем гостиничных номеров.

— Все не так уж плохо, — сказал он. — Наше кольцо сжимается вокруг все более уменьшающегося числа женщин, за которыми мы здесь следим. Из девятнадцати поначалу подозреваемых пар мы уже исключили одиннадцать, а из восьми оставшихся испытать нужно будет только пять, поскольку три пары уже заглотали крючки и неустанно пребывают под нашим неусыпным наблюдением. В их номерах мы установили подслушку. Агенты тщательно обыскали все чемоданы. Хотя среди личных вещей этих женщин мы не нашли никаких отягощающих

материалов, но наверняка, Гамма и Дельта, когда остаются в номере одни, чувствуют себя свободно, и весьма правдоподобно, что в беседах, которые ведут между собой, вскоре выдадут себя каким-нибудь неосторожным словом. Мы не ожидаем, чтобы таким путем они укажут нам точное место, где спрятана бомба: мы многое получим, если только они начнут говорить о делах, связанных с планируемым покушением. Это их раскроет перед нами: начиная с такого момента, мы могли бы сконцентрироваться на этой паре.

— Мы должны найти эту бомбу до шестнадцатого июля, — отозвалась синьора Воне. — Будет достаточно, когда до этого времени нам станет известно, где должен будет произойти взрыв.

— Разве только этого будет достаточно? — удивился я.

— Естественно, — подтвердил де Стина. — Как только мы узнаем, какому городу угрожает опасность, пол-дела, считай, уже будет сделано.

— А не рано будет себя поздравлять?

— Нет, поскольку, начиная с того момента, ситуация радикально изменится в нашу пользу.

— Я не был бы таким уже оптимистом. Неужели вы представляете, что отряды саперов обнаружат ту бомбу в указанном городе всего за несколько

часов?

— На это мы и не рассчитываем.

— …Впрочем, если бы террористы заметили, что в городе ведутся поиски в столь крупном масштабе, они не стали бы ждать ни минуты с исполнением своей угрозы…

— Это мы тоже учли.

На лице де Стины появилось таинственное выражение. Мне же ничего осмысленного в голову не приходило.

— Так вы думаете об ускоренной эвакуации населения угрожаемого города? — спросил я.

— Нет.

— Понятно. Ведь в таком случаев среди жителей вспыхнула бы паника. Замешательство и усиленное движение сделали бы невозможным контроль автомобилей на выездных дорогах. Террористы, покидая город вместе с другими беженцами, вывезли бы бомбу с собой, чтобы взорвать ее потом, в другом месте.

— Вы правы.

— А есть ли здесь какие-то другие возможности?

— По крайней мере, одна.

Я задумался в последний раз.

— Мы ведь предполагаем, что бомба взорвет-

ся, если вы ее не обнаружите, либо, если вы не исполните требований, определенных в ультиматуме, где они заставляют вас освободить всех экстремистов, что сидят в тюрьмах.

— Вы плохо считаете, — вмешался синьор Мельфеи. — Черные Перья ни в коем случае не отдадут нам эту бомбу. Помимо того, давайте рассуждать трезво: мы не думаем ни про немедленное обнаружение бомбы, поскольку это пресловутая игла в стогу сена, ни о том, чтобы вывезти людей, поскольку хаос, который бы воцарился во всех городах сразу же после объявления такой эвакуации, привел бы к такому же, что и взрыв, ущербу.

— Так что же вы собираетесь делать, когда узнаете, какому городу угрожает взрыв?

— Мы тут же окружим этот город плотным кольцом. Блокаду всех дорог мы объявим под предлогом, что кордоны не должны допустить побега опасных преступников. Одновременно, из всех тюрем, расположенных по всей стране, мы свозим в этот город всех 468 экстремистов из группы *Penne Nere*. Этот факт мы объявим во всех средствах массовой коммуникации и объясним его необходимостью пересмотра приговоров. Вот тогда мы обретем контроль над ситуацией.

Находящиеся на свободе предводители «Черных Перьев» никогда не устроят взрыва там, где произойдет принудительная концентрация практически всех террористов, а у нас будет масса времени на обнаружение бомбы, которой никто — благодаря плотным кордонам — не сможет в это время вывезти из города.

— Здорово вы все это задумали! — воскликнул я, восхищаясь автором ценной идеи. — Подобный план облегчает задание и нам. Гамма с Дельтой могли бы и не ориентироваться точно, где прячут этот страшный груз. В этом случае, даже если бы они знали, то все равно не могли бы нам указать, в каком гараже, канале, квартире или складе следует бомбу искать. Но, по крайней мере, они должны знать, в каком городе произойдет катастрофа, поскольку именно это следует из беседы студентов, подслушанной в римской гостинице.

— Кстати, — буркнул Ибрагим, обращаясь к Мельфеи, — а в нашем номере вы тоже установили свои веселые микрофончики?

Тот вздрогнул.

— Я ожидал подобного вопроса.

— Если вы ожидали, по почему же, вместо того, чтобы сразу же ответить: «да» или «нет», вы оставили себе время, чтобы хорошенько подумать?

— Вы меня все время провоцируете. Собственно… после такого вопроса я должен был бы оскорбиться. Но я знаю ваш способ поведения, поэтому отвечу коротко: Нет! Вас мы не подслушиваем.

— Я же, зная силу любопытства, с которой различные уши любят протирать различные стенки, должен сейчас выразить сомнение. Но так же коротко отвечу: Спасибо.

В двери постучал агент, дежурящий в прихожей.

— Рим, — сообщил он. — Переключить сюда, или вы спуститесь в нижний кабинет?

— Переключите сюда, — приказал де Стина.

Он подошел к телефону. Воспользовавшись перерывом, я улыбнулся синьоре Нориели и обратился к ней по-итальянски:

— Вам, видимо, скучно на наших сверхсекретных совещаниях.

— К сожалению. Но, возможно, вскоре я вам пригожусь. Мне хотелось бы быть полезной.

— Психотерапия — весьма интересная специальность.

— Спасибо. А где вы выучили итальянский язык?

В этот самый момент де Стина положил трубку

и возвратился к столу.

— Что там? — спросил у него Мельфеи.

— Докладывают, что девушки из номера 1205 сообщили администратору фальшивые адреса. У Клары — если не считать записей группы «То тут, то там», ничего интересного не нашли. А вот в квартирах Марисы и Розы постоянно пребывают члены их семейств. Туда не удастся заглянуть, не вызвав подозрений.

— А кто занимает номер 1205? — спросил я.

Де Стина глянул в свой перечень.

— Катарина и Лючия.

— Лючия?! — воскликнул я.

— Чего это вы подскочили?

— Потому что я ее знаю.

Мельфеи пожал плечами.

— И что особенного в том, что вы ее знаете? Ведь двадцать шесть агентов вылазят из шкуры только лишь затем, чтобы облегчить вам заключение нужных знакомств.

— Но я познакомился с ней индивидуально!

— Вы хотели сказать, без нашей помощи. Это не имеет значения. Хотя… — Он внимательно поглядел на меня. — Знаете, я попрошу вас не знакомиться здесь индивидуально. До шестнадцатого июля вы являетесь давшими присягу

сотрудниками нашего Управления Безопасности.

— Об этом я помню. Вполне возможно, что это и не та самая Лючия. Нужно будет еще сегодня проверить, живет ли встреченная мною девушка в номере 1205.

— А мне нужно будет извиниться перед Катариной за отсутствие на вчерашней дискотеке, — сообщил Ибрагим. — Я обещал ей позвонить вечером, но в это время…

— …исполняли службу в номере 1507, — закончил за него Мельфеи.

— Вы все знаете.

— Даже то, сколько вы вчера выпили.

— И сколько же?

— Вы свою норму перебрали.

— Я пил за успех операции МТ. А ваши микрофоны, что, оборудованы дачиками алкоголя?

— Слова тоже могут быть хорошими передатчиками информации. Это правда, спиртное хорошо развязывает языки. Главное, чтобы развязало нужным лицам, то есть — террористкам, но не агентам на пол-ставки, которыми вы уже два дня являетесь.

— Вы хотите сказать…

— Да! — Мельфеи вынул листок. — Цитирую: «Я мог бы спеть тебе песенку про моторизованных

туристов, вот только без гитары она прозвучит фальшиво».

— Не помню.

— Тем хуже. Эту песенку вы хотели спеть Кларе вчера, в семнадцать вечера, когда вы били одни в ее номере.

— Но ведь моя аллюзия относительно криптонима операции МТ ни в коей степени не нарушила тайны.

— Я предпочел бы, чтобы в будущем вы избегали такого рода опасных аллюзий.

Синьора Воне улыбнулась в мою сторону.

— Может, синьор Сухари расскажет нам о своих вчерашних успехах?

Все присутствующие повернулись ко мне. Требование застало меня врасплох, я смешался под исследовательским нажимом ее взгляда.

— Не ахти, — ответил я. — Послеобеденное время я провел в компании Марисы, а вечер с Франческой и Розой. Мы были на танцах. Они не сказали о себе ничего такого, что могло бы нас заинтересовать. Скорее, банальные истории.

— Только и того?

— Большего я добиться не успел.

— Нехорошо. Вы же понимаете, в каком темпе необходимо углублять знакомство со всеми

этими женщинами, чтобы до шестнадцатого июля вызвать у них иллюзию, что они могут вам довериться?

— Догадываюсь.

— И какие же вы делаете из всего этого выводы?

— Что необходимо действовать быстро.

— Этого мало. Нужно еще знать — в каком направлении. Мы доверяем вашему уму. Существует кое-что, способное связывать людей намного быстрее, чем разговоры в кафе и забитые людьми дансинги. Ведь вы же нравитесь этим женщинам. Они незамужние. Если бы вы вели себя поискуснее, под вашим влиянием они могли бы и забыть про игры в кровавые суперпокушения. Они задумались бы о собственном будущем, которое, в случае молоденьких девушек, практически всегда связано с тем, чтобы иметь собственную семью. Эти планы и не должны быть реализованы в Италии, где сейчас — в игре, что ведется здесь по наивысшим ставкам — Гамма и Дельта всего лишь пешки. Вы могли бы предложить им выезд в Северную или Южную Америку. Перспектива проведения столь существенных изменений в жизни вызвала бы в их сознании коренные перемены. В основой ситуа-

ции, хотя бы одна из них выдавала бы вам тайны экстремистов, поскольку ее матримониальные планы не имели бы ничего общего с террористической деятельностью.

— Именно так я это, более или менее, и представлял.

— Если у синьора Нузана подобная концепция поведения, тогда не будем терять времени на последующие разговоры, — сказал де Стина.

Ибрагим кивнул. Мельфеи включил коротковолновой передатчик и вызвал агента под номером MT17. Через мгновение мы услышали его голос и ознакомились с актуальной ситуацией.

Мариса с Кларой сразу же после завтрака поплыли в Лазурный Грот. Франческа и Роза уже час загорали возле бассейна под «Голосом Тишины». Они пребывали в компании двух молодых американцев, к которым Лучано уже направил своих людей, чтобы выбить у юношей из головы желание заключения нежелательного для нас знакомства. Катарина прогуливалась по рынку городка, а Лючия покупала фрукты неподалеку от «Бриллиантового Поместья».

Ибрагим вышел первым. Он направился на рынок, чтобы извиниться перед Катариной за

отсутствие на вчерашней дискотеке. Когда я подходил к калитке, то услышал голос Мельфеи:

— Синьор Антонио!

Он стоял в приоткрытой двери виллы. Я подождал, когда итальянец подойдет.

— Как вам климат на Капри? — спросил тот.

— Замечательно.

Мы вышли на улицу.

— Давайте поговорим, как мужчина с мужчиной, — предложил Мельфеи. — Мне показалось, что вы не сказали всего.

— Мне было не по себе в присутствии этих женщин.

— Зря. Синьора Воне член нашего консилиума. Перед ней вы должны быть откровенны, как перед врачом. Она могла бы исключить ваши ошибки. Это ее обязанность.

— А в мои обязанности входит подача отчета даже тогда, когда ничего существенного я сказать не могу?

— Консилиум оценил бы, что в вашем сообщении является существенным, а что нет. В этом и заключается наше сотрудничество. Обмен информации дает возможность корректировать наши совместные планы. Так как, вы были близки с Марисой?

— Нет.

— Почему же?

Мы стояли в тени апельсинового дерева. Ибрагим задержался в перспективе залитой солнцем улицы. Мне показалось, что чуть ближе мелькнула светловолосая фигура, похожая на Лючию.

— Могу ли я на данный вопрос ответить официальным языком? — спросил я.

— Пожалуйста.

— Как лояльный чиновник?

— Как вам будет удобнее. Только без уверток, поскольку перед нами очередной день службы.

— Мариса слишком осторожничает. Я пригласил ее в номер 1628, где вы еще не установили микрофона, и где, согласно соответствующему пункту устава, я предпринял необходимые подготовительные действия. Но, не успел я приступить к половой жизни с подозреваемой, упомянутая выше особа сбежала с места планируемого сближения.

— Вы применяли насилие?

— Даже не прикоснулся.

— Но это сообщение никак не объясняет, почему Мариса сбежала.

— Могу ли я объяснить это словами моего опытного коллеги, Ибрагима Нузана?

— Естественно. Если он ознакомлен с делом и дал точный диагноз.

— Она сбежала, поскольку я раскрыл перед ней все карты и не смог разыграть тузов.

Мельфеи медленно направился в сторону моря.

— Синьор Антонио. Не знаю, какими картами вы разыграли партию со своей бывшей женой, что вы вообще изучали в Америке, и какие обычаи превалируют там в настоящее время. У нас же — вопреки официально провозглашаемым мнениям — в этой сфере за последнюю сотню лет ничего не изменилось. Давайте уточним: девушка, которая желает стать женой парня, с которым познакомилась, практически никогда первой не предложит ему пойти вместе в кровать, поскольку знает, что статистический мужчина желает иметь жену верную, то есть такую, которую нелегко завоевать. В соответствии с этим простым правилом, девушка, не противясь, отдается парню только тогда, когда он ей безразличен. В противном же случае, она сопротивляется тем сильнее, чем больше желает сделаться его женой. В то же самое время, никто не рискует заключать брак, пока не узнает своего партнера лучше. В подобной ситуации, жизнь заставляет миллионы

людей ломать комедию видимого насилия. Здесь перед мужчиной становится сложная задача, но и роль женщины в этой игре легкой не назовешь: она рискует, что слишком уж решительным отказом отпугнет ухажера, которого не желала бы потерять. Все зависит от ситуации. Вы понимаете, к чему я веду?

Он вынул сигареты. Когда он протянул пачку в мою сторону, я сориентировался, что никак не смогу закурить его «Лордз» — в этот самый миг нас разделила рама экрана. Пройдя двести метров, Ибрагим уже добрался до противоположной стенки. Протягивая руку за сигаретой, я ударился в невидимое стекло. Эта техническая помеха выбила меня из физического и психического равновесия. Ибрагим все сильнее давил на раму со своего конца.

Мельфеи стоял с другой стороны невидимой границы.

— Чего это вас так шатает? — спросил он.

— Это результат ночной службы на ответственном посту, — ответил я. — К сожалению, вынужден с вами попрощаться, иначе потеряю Лючию.

И я отошел.

— Лучано мог бы научить вас нескольким

штучкам. Вы же знаете, как выглядят дела постфактум: тогда можно говорить о легализации сложившейся связи, и трудные признания приходят уже намного легче.

Мельфеи кричал все это мне с расстояния в несколько метров. Его трехмерное изображение было таким реальным! Хотя он и обладал видом живого человека, я же знал, что, собственно говоря, его уже нет: он кричал из глубины разделявшего нас экрана, и за которым, под вечно чистым небом в сиянии настоящего Солнца, расстилалась застроенная миражами фабрики снов безбрежная пустошь Крыши Мира.

Сон в сиянии солнца

Мне было интересно, как Лючия отреагирует, увидев меня, и узнает ли она меня вообще. Одновременно, я и опасался этой встречи. Мне хотелось ей понравиться, только я не знал, как произвести хорошее впечатление на кого-то, кто — как она в лифте — ведет себя ненормально.

Я не нашел девушку там, где она покупала фрукты в то время, когда мы заканчивали совещание в «Бриллиантовой Усадьбе». Сотрудница МТ, которая следила за ней издалека, указала мне нужное направление: Лючия отправилась на рынок городка. Поскольку Ибрагим, разыскивая Катарину, отправился в ту же самую сторону, я мог надеяться, что мы оба поместимся в рамках экрана, внутренняя часть которого перемещалась в противоположном направлении.

Лючию я обнаружил в летнем кафе перед рестораном «Кампаниле». Но вначале я заметил Ибрагима. Тот сидел с Катариной за столиком под зонтом. Лючия заходила за ограду. Друг друга мы увидели одновременно.

Она тут же остановилась и подняла руку, уже издалека послав мне улыбку. Я был изумлен ее

поведением. Лючия возвратилась к входу и побежала в мою сторону. Наша встреча явно была для нее приятной. У девушки было такое выражение на лице, слоно она спешила к кому-то очень близкому и давно ожидаемому. Под влиянием неприятных подозрений, что кто-нибудь другой мог быть целью ее бега, я оглянулся по сторонам.

Через мгновение я почувствовал на плечах руки Лючии, а на лице — ее губы. В тот же самый момент вдалеке, над северным горизонтом появилась сияющая ртутная капля. Она покоилась на самой границе неба и воды. Затем она вынырнула из горизонта и за короткое время выросла до величины достигающей неба горы. Серебристое полушарие расширялось вокруг алой искры, разгоревшейся на противоположном берегу залива, где располагался Неаполь. Набухая словно воздушный шар, оно поглотило весь город. Через пару секунд — сделалось просто громадным. Вершина купола достигала стратосферы, а зеркальная поверхность мчала в сторону Капри. Уже на нашем берегу поверхность обрела прозрачность мыльного пузыря. Полушарие проникло сквозь остров в абсолютной тишине и расплылось в бесконечности.

Я стоял над берегом моря, у самого края крутого

обрыва. Никого рядом не было. И у меня оформилось неясное осознание неожиданной перемены места, времени и ситуации.

Со скалистого обрыва расстилался прекрасный вид на весь залив. Узкая полоса земли между водным горизонтом и небом была заполнена панорамой далекого Неаполя. Северный берег выглядел точно так же, как и с крыши гостиницы на Капри, но теперь город сдвинулся влево и находился чуточку ближе. Вулкан тоже сменил свое расположение. Сейчас он был значительно крупнее и выразительнее. Солнце светило с западной стороны неба. На востоке, под синим небом тянулась скалистая горная гряда. Все вершины алели в лучах низкого светила. Южную часть неба заслоняли клубящиеся облака, под которым лежал холм, покрытый темно-зелеными деревьями. Ниже, на пологом склоне белели стены домов с розовыми крышами. Внутреннюю часть долины между горами занимал небольшой город. Ближайший дом располагался в тени кроны старой пинии.

Выходило, что я находился на южном берегу Неаполитанского залива. Стоял жаркий вечер. Где-то неподалеку, в открытом окне бубнело радио. Я услышал, что наступило шесть вечера.

Возле тропы неподалеку от обрыва стоял указатель с надписью: «Ostello per la Gioventu». Стрелка указывала на вылет небольшой улочки, откуда ко мне выбегала знакомая фигура.

Я узнал ее по светлым волосам. Это была Лючия. Снова она закинула мне руки на шею. В ее глазах стояли слезы. На этот раз я крепко прижал девушку к себе. Лючия дышала с трудом, и в перерывах между поцелуями повторяла нечто, чего я никак не мог принять к сведению:

— Бомба взорвется в Неаполе…

— Глупости, — шепнул я. — Не надо бояться! Если мы знаем «где» — то она уже никогда не взорвется.

Жаркий ветер шевелил волосами Лючии у самой моей щеки. Я глядел над ее плечом в синюю даль горизонта. Неаполь сиял в лучах пурпурного солнца. Когда я наклонил голову в поисках губ девушки, где-то на пол-пути между возвышением на мысу Мисено и конусом старого вулкана вырос земляной горб, контуры которого равнялись величиной очертаниям силуэта Везувия.

Мне казалось, будто я смотрю цветной трехмерный фильм, демонстрируемый в крайне замедленном темпе. И в то же самое время, мышцы мои застыли, я не мог сдвинуться с места.

Вырванная с линии горизонта земляная гора зависла над Неаполем, приобретая форму огненного шара. Поначалу цвет шара был темно-вишневым, но уже через секунду он сделался оранжевым. Не успел я это отметить, как светящийся диск сделался желтым, его сияние сравнялось с блеском настоящего солнца. А потом он уже превысил Солнце по яркости все более ядовитыми оттенками голубого, когда же я мигнул, чувствуя жар безумствующего вдали ада, весь залитый жидким серебром мир закружил в моих глазах в наводнении бело-фиолетового света.

Вырванные из объятий смерти люди иногда рассказывают, что в момент угрозы перед их глазами за мгновение проходит вся жизнь. На самом краю пути из мрака всплывают минувшие годы, отдаленные и забытые ситуации проявляются в ярком дневном свете. Все события заново возрождаются в быстрых, словно молнии, воспоминаниях. Но прошлое всегда продолжается в настоящем времени, независимо от того, было ли оно сохранено в чьей-либо памяти, ведь жизнь со всей ее историей со всеми мельчайшими подробностями фиксируется в книге судеб свершившегося мира, которую невозможно уничтожить. И жизнь эта никогда не проходит, хотя

всегда имеет свое начало и свой конец.

Это так, словно прошлое человека все время оставалось живым, словно бы оно неустанно проходило снова и снова в каком-то далеком месте, ожидая там в тоске своего окончательного возвращения. Всякий миг радости требует повторного исполнения, всякая счастливая неделя уговаривает заново познакомиться с ним. Годы уже не знают один другого. Вечера не обязаны помнить целые вселенные, и уже не нужно возвращаться ко всей жизни: дай Боже иметь хотя бы один-единственный денек.

Там, где уже ничего нельзя изменить, возвращаются погасшие настроения, дома восстают из развалин, пустые дворы вновь звенят знакомыми голосами, в квартирах мебель перемещается на старые места, пожелтевшие листы снова делаются белыми; страсти, которым мы изменили, вновь требуют исполнения, чувства обретают давнюю силу, забытые сцены напитываются реальностью, по сравнению с которой явь — это туманный сон.

Сад молчания

Днем люди, чаще всего, спят с открытыми глазами. Они стоят под стенами домов, опирают головы на стеклах машин, слоняются под деревьями, лежат на тротуарах, слоняются по заполненным толпой улицам.

У всех них мрачные, недвижные лица. Веки у них тяжелые, глаза утратили блеск, губы перестают шевелиться на половине предложения, блеклые улыбки не выражают надежды. Одни дремлют уже несколько недель, другие поднимаются каждые пару-тройку часов, сонно разглядываются по сторонам, подзывают прохожих, таких же сонных, как и они сами, останавливают их, задают вопросы, на что-то жалуются, но слушателей не находят.

Временами, то тут, то там, вспыхивают скандалы. Вот здесь люди имеют претензии друг к другу; там благодарят один другого, еще в другом месте люди занимаются любовью, тоскуют, какое-то время помнят произошедшее, но затем снова погружаются в сон. Прошедших дней уже никто не считает. Все крутятся вокруг меня словно привидения, появляются и исчезают, не понимают

абсолютно ничего, я же знаю лишь то, что сам являюсь точно такой же тенью.

Некоторые входят через ворота в сад и бесцельно бродят среди деревьев. Они передвигают тарелки на столах, выставленных прямо под небом, рвут скатерти, что-то вынюхивают, заглядывают в горлышки бутылок, поджигают траву, ломают ветки, ищут тени или солнца, но и здесь никто не находит для себя оазиса. Белый дом тоже заполнен такими людьми: они дремлют на оконных парапетах, пошатываются возле балюстрад, каменеют в комнатах, засыпают под дверями.

В сонной летней тишине жужжат насекомые. Всякий раз я просыпаюсь под другим деревом. И всегда это день. Но в секунды пробуждения я замечаю, что с момента последнего пробуждения прошло уже множество вычеркнутых из памяти часов. Иногда дует свежий ветер, в следующий раз жарко и душно. Трава парит после дождя или же засыхает под палящими солнечными лучами. Засыпаю в мрачной темноте туч, а просыпаюсь бод чистой небесной лазурью. Гляжу на белый дом, блестящий застекленным первым этажом на фоне темного ряда кипарисов, замечаю отягощенную апельсинами ветку, что колышется надо мной, слышу шум листьев и чувствую аро-

мат трав.

Вот он я — здесь. Но все происходит так, словно меня здесь и не было. Минуты яви провожу в поисках нового логова. Брожу вокруг белого дома, обхожу валяющиеся на земле тела, кручу в пальцах какой-то ключ и все время для понимания мира мне чего-то не хватает.

Бывает так, что вместе со мной просыпается и кто-то еще. Время от времени кто-нибудь срывается с травы, кто-то другой поднимается из-за стола на первом этаже. На нас праздничная одежда, но она присыпана пеплом. Костюмы тлеют, на них следы огня. Иногда — в более глубоком проблеске сознания — я отмечаю, что все мы выглядим еще мрачнее.

Где-то все время крутится заезженная пластинка. Из сада можно видеть интерьер большой комнаты. Там сидят мужчины и женщины, мешая друг другу, они сбились за столом, накрытым для последней вечери. Не все уложили головы на скатерти; некоторые едят и пьют, молча жестикулируют, явно или украдкой дерутся за что-то, улыбаются или плачут, выходят на улицу опечаленные и обеспокоенные, а возвращаются счастливые — все это они делают во сне.

Ведь днем мы, обычно, спим с отрытыми гла-

зами. Наши утренние часы никак не заботятся о часах полуденных. Все сюжеты рвутся, впечатления запутываются, внимание гонится за самым стойким следом, но память все время теряет счет дней и часов.

Мы не знаем, чего мы ждем. Перед нами ничего нет. Уверены мы только в пустоте.

Все так, словно нас здесь совсем не было. Словно и не было действительности, повторенной в мыслях; и как будто бы мысли жили самостоятельно, с любовью бросаясь в объятия одна другой или же ведя бои за что-то непонятное и неизвестное.

Время чудовищного восхода

Стоит светлая, тихая ночь. Все залито необычным сиянием. Весь сад в лунном блеске.

Я лежу в высокой траве под засохшим деревом, тем самым, под которым заснул в последний раз. Мне слышны близкие и далекие голоса. В полумраке носятся какие-то шепоты и шорохи. С одной стороны слышу смех, с другой — крики. Музыка доносится с того места, где говор самый громкий. И вновь раздается пение, которое и пробудило меня от сна.

Деревья отбрасывают на землю резкие и длинные, необычайно глубокие тени. В границах этих теней царит абсолютный мрак. Настроение этой жаркой ночи не имеет себе равных. В общей картине доминируют две основные градации: подкрашенное лиловым отсветом блестящее серебро и смолистая, непроникновенная чернь. Она интригует меня. Я погружаю руку во тьму и чувствую шершавый овал древесного ствола. И тут же что-то острое ранит мне ладонь. «Это шипы», — размышляю я. В этом заброшенном саду слишком много колючих кустов.

Спать я не могу. Все время до меня доносятся

те же самые звуки. Наконец до меня доходит, что все людские голоса сопровождаются далеким, но вездесущим шумом и близким, ядовитым шипением. Я поднимаюсь с травы и принюхиваюсь. Иногда слышу запах дыма, но огня нигде не вижу.

Сад занимает часть поляны на обращенном в сторону моря склоне. Белый дом стоит несколько ниже. Я прохожу мимо ряда пальм, привязанных к шестам, и гляжу вдаль, на черные кроны фруктовых деревьев.

Над северным горизонтом восходит луна. Она громадная! Бесформенный лунный диск всплывает из гладкой поверхности моря. В воде — сразу же под синим шаром, словно в темно-синем зеркале — отражается вертикальный, длинный и дрожащий столб бело-фиолетового огня. На диске странной Луны видны все мелкие детали. Долгое время, пребывая в глубокой задумчивости, я гляжу на нее.

Потом спускаюсь к морю. По обеим сторонам дорожки на земле лежат неподвижные тела. Чуть ниже большпя группа девушек и ребят сидит возле погасшего костра. Они поют под гитару. Среди черных деревьев неожиданно появляется знакомая вилла. Ее белые стены окрашены фио-

летовым отсветом. На газоне кружат танцующие пары. Из открытых окон выглядывают синие лица. Музыка доносится и с улицы, где продолжается ночной праздник. В окне первого этажа лилового дома лопается стекло. В нем появляется светловолосая девушка. У меня появляется неясное впечатление, будто бы когда-то я ее уже видел. Мне вспоминается фигура из мира, отдаленный образ которого едва маячит в моей памяти.

Двери лилового дома открыты. В глубине мельтешат карнавальные маски. С лестничной площадки кто-то сыплет на меня конфетти. Я вхожу в прихожую. Какая-то женщина появляется из полутьмы и вручает мне бокал с шампанским. Я перехожу от двери к двери. Комнаты заполнены сонными людьми; настроение везде такое же, как утром после новогоднего бала. Вокруг покрытых объедками столов слоняются сонные участники праздника. Одни положили головы рядом с тарелками с остатками еды, другие разговаривают, но глаза у всех закрыты. На покрытые пятнами скатерти через окна сыплются обугленные листья и ветки.

Поднимаюсь по лестнице на второй этаж. На полу перед открытой дверью яркий прямоуголь-

ник света. Сверху доносятся треск и шипение. Оттуда же слышны голоса, похожие на лопотание крыльев перепуганных птиц, словно под крышей находится курятник, куда проникли ядовитые змеи. Все эти звуки перекрываются мерным мужским голосом.

Я заглядываю в комнату, освещенную лунным сиянием. Там более десятка человек: они лежат на диване или же сидят в креслах, выставленных напротив окна. На подоконнике сидит мужчина со сломанным носом. Это он говорит. На нем черный костюм, засыпанный серым пеплом. Он не прерывает своей лекции — продолжая говорить, он указывает мне на свободный стул, хотя сам при этом глядит на стену. Я сажусь рядом с девушкой, которую увидал из сада, когда она выглядывала через разбитое стекло.

— Кто это? — спрашиваю я ее шепотом, жестом головы указывая на мужчину со сломанным носом.

Девушка подносит губы к моему уху. У нее очень приятный голос. Я чувствую ее дыхание на своей щеке.

— Синьор Лиситано, — отвечает она. — Знаменитый гипнотизер. Приехал к нам в город на праздник.

И в это мгновение докладчик замолкает. Из темного угла, с дивана или с кресел звучат вопросы. Они касаются самых различных предметов. Мужчина со сломанным носом отвечает на них так свободно и гладко, как будто бы умение давать интервью было постоянно связано с его необычной профессией.

У меня складывается впечатление, будто я участник какой-то импровизированной пресс-конференции.

Вопрос: Зачем вы распространяете иллюзии и создаете фиктивные образы, вместо того, чтобы идти путем, указанным наукой?

Ответ: Поскольку та фантазия, которую люди принимают за единственно возможную реальность мира, слишком далека от действительности.

Вопрос: Вы бесчувственны к людским несчастьям?

Ответ: Я понимаю, что синьора имеет в виду. Опять же, во время церемониального приветствия меня спросили, почему я не вылил традиционную кружку воды на горящую крышу школы или больницы. Этот старинный обычай мне известен: он культивируется повсюду с серьезностью, достойной всяческого рода торжеств, которые

длятся с того времени, когда остановились все часы — то есть, от сотворения света. И вправду, я не вылил на крышу ту одну, символическую кружку, хотя мог бы с легкостью выплеснуть эту воду. Но именно потому, что я и вправду желаю что-нибудь сделать ради исправления нашей судьбы, то не кидаюсь с кружкой в руке ради спасения горящих домов, что означает, я не позирую ради фотографии. Подобного рода мнимые действия усыпляют нас, а не подавленное ними беспокойство и является той силой, которая мобилизует нас на истинные действия.

Вопрос: Как вы оцениваете ситуацию в современной литературе?

Ответ: Она не меняется. Все так же, либо читатель слишком сложен для книги, либо книга для читателя.

Вопрос: Почему вы не обращаете внимания на энциклопедические факты?

Ответ: Поскольку таких фактов бесконечное множество, а правда только одна. Ее нельзя воткнуть в правила алфавитного порядка. Это факт, что в известное мгновение точно определенного дня известного года в районе Гавайских островов в Тихом Океане выросла волна высотой сто восемьдесят сантиметров, которая целых

тринадцать секунд — без помех со стороны способствующего ветра — высилась над всеми соседними волнами. Это типичнейший энциклопедический факт. Но вот следует ли такими энциклопедическими фактами забивать головы людей, изучающих историю? Ведь океан находится в непрестанном движении; в нем все время пропадают старые и возникают новые волны.

Вопрос: То есть, вы считаете, будто бы необходимо почитать память лишь наиболее известных личностей?

Ответ: Нет. Слава имени — это еще не все: например, фамилия Кондома (изобретателя презерватива), в большинстве своем задвинутое в беспамятство, знаменито на улицах всего мира. Но будет ли приличным произносить его в культурной компании?

Вопрос: Что вы думаете о залившей все и вся порнографии?

Ответ: Эта волна пройдет, и когда-нибудь она же снова вернется. Извращенными в половом плане могут быть только люди моральные, то есть такие, которые еще уважают определенные запреты, и вот как раз их нарушение доставляет им тем большее удовольствие, чем сильнее, в глубине души, они их уважают и ценят. Существо

абсолютно аморальное (к примеру, животное) никогда не поймет, с какой целью люди смотрят порнографию, для чего оно им это надо. Если бы кто-то желал найти центры наибольшего, практикуемого в укрытии, разврата, он должен был бы искать их там, где проживают люди с наивысшим уровнем морали. Данным явлением управляют базовые законы психологии. Под конец каждого периода растущей эротической свободы, когда в результате отсутствия норм, которые можно было бы нарушить, наступает глубокая апатия, возвращаются и старые запреты. И тогда все начинается с самого начала.

Вопрос: Раз уж речь пошла о маргинальных явлениях, просим дать ваши замечания на тему растущей преступности.

Ответ: Деятельность преступников заслуживает решительного осуждения.

Вопрос: И это все?

Ответ: Если синьора желает ознакомиться с еще одним парадоксом, то подумайте над тем, кто во всех войнах, которые ведутся в мире с его сотворения, сравнял с землей тысячи городов и перебил сотни миллионов человек? Делали ли все это люди плохие: те самые преступники, не дисциплинированные типы, которые в жизни

руководствуются эгоистическими целями и действуют индивидуально, либо же люди добрые, хорошие, то есть порядочные и законопослушные, всегда действующие в интересах других людей и от их имени, мобилизованные в армиях агрессоров и готовые по их сигналу реализовать их захватнические планы?

То есть, кто несет ответственность за громадное большинство совершенных до сих пор в мире преступлений: содержащиеся в тюрьмах преступники или же послушные граждане?

Вопрос: Почему вы, без какой-либо выгоды для себя лично, задаете нам такие неудобные вопросы вместо того, чтобы говорить что-то иное и брать за это деньги?

Ответ: Поскольку я и не собираюсь все время выступать в роли механической чесалки на услугах, которая в мыслях среднего человека почесывает местечки, уже проковырянные многочисленными ласками. Я непокорный гипнотизер.

Вопрос: А может ли гипнотизер быть материалистом? Дайте нам, пожалуйста, собственное определение материи.

Ответ: Материя — это выдуманное на пороге Древности ничего не означающее слово, перед которым мы падаем на колени с того времени,

когда перестали верить в других богов. Древность закончится в том моменте, когда это пустое слово будет окончательно вычеркнуто из реестра научных понятий. Понятное дело, оно все так же останется в бухгалтерских книгах в качестве синонима шелковой или шерстяной ткани и в медицинских словарях под заголовком «Гнойные выделения». Энциклопедическое определение материи («Это вся объективно существующая реальность, познаваемая нами с помощью чувств») вскоре станет предметом очень серьезных шуток. Физика последующей эпохи будет оперировать исключительно языком математики и психологии. Ничто так сильно не тормозит прогресса в наших исследованиях реальности, чем это неудачное выражение из семи букв.

В этот самый момент мужчина со сломанным носом обращается к сидящей рядом со мной девушке:

— Как вас зовут?

— Лючия.

— Вы проживаете в этом городе?

— Нет

— Где же?

— Не знаю.

— Но у вас в Сорренто семья?

— Я одна.

— Будьте добры, выйдите на средину комнаты.

Девушка колеблется.

— Ну, смелее!

Лиситано протягивает руку. В ладони ничего нет. Девушка поднимается и подходит к гипнотизеру.

— Я ложу вам на ладонь кирпич, — говорит мужчина. — Самый обычный кирпич, из которых строят дома. Что вы испытываете?

— Тяжесть этого кирпича.

— Где он находится?

— У меня в руке.

— Вы его видите?

— Да.

— Опишите, пожалуйста, его вид.

Девушка перекладывает несуществующий кирпич из правой руки в левую и проводит по нему пальцем.

— Он красный и шершавый.

— Все ли его края четкие?

— Нет, один краешек выщербленный. Вот, здесь. — Девушка указывает пальцем место возле своей левой ладони и поднимает глаза на гипнотизера. — Что мне с ним делать?

— Положите его на землю.

— На землю?

— Да. Ведь вы находитесь на лесной поляне. Вокруг шумят деревья. Стоит яркий, солнечный день. Что вы видите?

— Синее небо над верхушками деревьев.

— Опустите голову, пожалуйста. На траве лежит молоток и четыре заостренных колышка. Ими нужно обозначить место для строительства вашего нового дома. Этот кирпич станет краеугольным камнем, на котором будут опираться мощные фундаменты. Это будет очень красивый, цветастый и светлый дом. Он будет именно таким, о котором вы думаете в самых смелых своих мечтах. Вскоре придут каменщики и столяры, чтобы построить его для вас.

Девушка оглядывается по сторонам. У нее отсутствующий взгляд. Она смотрит вдаль.

— Когда? — спрашивает она.

Лиситано поворачивается ко мне.

— Как вас зовут?

— Антонио.

— Будьте добры, подойдите к нам.

Я выхожу в центр комнаты. Лиситано кладет руку девушки в мою руку.

— Лючия, — говорит он.

— Да.

— Гляди. Вот твой муж. Ты ждала его несколько лет. Он нравится тебе?

Девушка поднимает глаза на меня. Она очень взволнована, выражение лица серьезное.

— Очень.

— Тогда поцелуй его.

Лючия прижимается ко мне. Я чувствую ее губы на своих.

— Антонио, — гипнотизер сжимает мое плечо. — Это твоя жена. Что ты о ней думаешь?

— Она красивая.

— Так будьте же счастливы. Вот ключи от вашего дома. Достаточно лишь открыть двери и войти вовнутрь. Там замечательная кухня, уютные комнаты и элегантная ванная. Все комнаты меблированы именно так, как вы сами запланировали. Ваш дом уже построен. Он ждет вас.

Девушка глядит на мужчину со сломанным носом, в ее взгляде таится легкое беспокойство, но через мгновение оно сменяется улыбкой полнейшего доверия. Гипнотизер указывает на противоположную стену.

— Лючия, ты меня слышишь? Он стоит у тебя за спиной. Дом окружен зеленью и прямо светится в солнечных лучах. Посмотри на него!

Я поворачиваюсь к стульям, на которых мы

сидели. Стену комнаты освещает попадающий через открытое окно мрачный лунный свет. Сверху до меня доносится грохот бьющей о потолок балки. Лючия еще сильнее сживает пальцы на моей ладони, она изумлена и совершенно счастлива. Девушка ведет меня к стенке, касается ее, поднимает взгляд и радостно прижимается ко мне.

Лиситано возвращается к подоконнику.

— Ну что, Лючия, нравится тебе этот дом?

— Очень! Именно о таком я и мечтала. И совершенно не ожидала, что у меня он будет. И сад такой замечательный. Погляди, Антонио, сколько здесь цветов! Чувствуешь, как пахнут?

— Да, без охоты отвечаю я. — Необыкновенный дом.

— Тогда присядьте под его стеной на лавочке, в тени дикого винограда. Я ухожу. Я закрою калитку и спущусь в Сорренто. Моего голоса вы уже никогда не услышите. В течение ближайшего часа в вашем саду будет звучать только птичье пение и шум листьев.

Мы садимся на стульях возле стены. Лючия кладет голову мне на плечо; она все так же крепко держит меня за руку. Я прижимаю щеку к ее волосам и закрываю глаза.

Несколько секунд в комнате царит тишина. А затем ее прерывает вопрос гипнотизера:

— И какое определение материи вы предложили бы после данного опыта?

— Материя существует объективно, — отвечает ему чей-то мужской голос. — Объективно — это означает, независимо от фиктивной картины, вызванной в сознании медиума чьим-либо гипнотическим внушением.

— То есть, материалист — это некто, верящий, будто что-то существует вне субъективного видения мира. Основой для его убеждения является глубокая вера. Ибо, каким же образом он отличает реальность объективную от субъективной, если — что доказывалось уже множество раз — в разум человека можно пробраться без посредничества чувств и заставить, чтобы он видел мир, который фактически не существует.

— Объективную реальность видят все.

— В данном случае Лючия ее не видит.

— Но ведь большинство людей живет в реальном мире.

— Откуда такая уверенность?

— Мы не могли бы общаться друг с другом, если бы каждый из нас переживал личные видения.

— Потому-то все и не могут общаться с другими.

Наличие психических болезней и постоянные споры между нами являются наилучшим доказательством этого.

— Тем не менее, большинство людей устанавливает вполне реальные контакты друг с другом.

— Такое возможно потому, поскольку большинство людей существует в том мире, который образуется в данное время у них в сознании под влиянием наиболее сильного внешнего внушения, которое и сплавляет разбросанные индивидуальные иллюзии. Все мы гипнотизеры. Но в свете идей наиболее сильные влияния доминируют над слабыми. Если кто-то — как Антонио в данный момент — не поддается чьему-то внушению, это означает, что он находится под влиянием какого-то иного, более подавляющего наркоза. Наряду с явлением внешней суггестии, существует так же суггестия внутренняя — то есть, самогипноз. Размеры его влияния зависят от времени продолжительности концентрации. Некто, способный удалить из своего сознания все другие давления, за исключением какой-то оригинальной идеи, может стать выдающимся творцом в сфере науки или искусства. Состояние глубокого самогипноза во много раз более длительно, чем мимолетное вдохновение; оно

отличается большей инертностью: потенциальному творцу или фанатику одинаково сложно вызвать подобное состояние, равно как и удалить его потом из сознания. Люди, разум которых пребывает в мире собственных идей, переживают муки или экстаз. Иногда они совершенно не испытывают ни голода, ни боли. Другим лунатикам — на первый взгляд, находящимся в сознании — они кажутся духовно отсутствующими. Мы теряем с ними психический контакт, точно так же, как и медиум, сон которого ыл вызван гипнотизером.

Но вернемся к явлению внешнего гипноза. Лючия не видит нас в этот момент только лишь потому, что она находится под сильнейшим влиянием внушения внешнего, относительно ее сознания, авторитета. Источник психического давления находится вне сознания девушки. Любое внешнее давление принадлежит к сфере объективных действий, то есть, не иллюзорный мир, составленный из таких воздействий — это и будет материальной действительностью. То есть, материалист не должен верить в реальность объективного мира: благодаря явлению внешнего гипноза, который унифицирует индивидуальные представления, он обладает абсолютной

уверенностью в том, что этот мир действительно существует.

Дискуссия продолжается, но голоса удаляются от меня и тихнут. Их место занимает музыка и доносящийся с улицы шум праздника. Через окно я вижу лунный диск на фоне темно-синего неба. В комнате, кроме нас, уже никого нет. Но мне известно, что здесь я не один: рядом со мной сидит Лючия. Она погружена во сне. Но вдруг она сжимает пальцы на моей руке.

В комнату кто-то входит. Я слушу женский голос:

— Елены тут нет?

— Может и была, — отвечаю я. — Я ее не знаю.

Передо мной стоит стройная дама. Она носит очки, на голове блестящая диадема. Дама поднимает что-то с пола и кладет в карман брюк.

— Меня зовут София, — дама подает мне руку.

— А я Антонио.

— Ты уже встретился с моим отцом?

— Я его не искал.

— Все пошли в луна-парк. — Дама выглядывает через окно, затем возвращается к нам. — Дорогие, мне весьма приятно, что вы остались, но я не могу вас развлекать — завтра нужно встать в час.

Дама подходит к кушетке, достает постельное

белье, раздевается и ложится. Я снова слышу ее голос:

— Если Елена будет меня спрашивать, скажи, что я вышла. Там в углу, на шкафчике, стоит бутылка «Мартини». Если хотите, можете взять и выпить.

Из-за окна доносятся крики и смех. Повсюду только лишь белое или черное, но в моих глазах образы цветных предметов. Вижу два лимона на новой сорочке, упакованной в блестящий прозрачный пакет. Рядом лежат грампластинки в ярких, красочных конвертах. На одном конверте — хрустальная пепельница. Она просвечена падающими откуда-то сбоку лучами. На самом краешке пепельницы тлеет сигарета, над которым вьется тоненькая струйка голубого дыма.

И вдруг раздается душераздирающий крик. Это так, словно бы в напряжении ожидания стаканчика прохладной воды, в горло прорвался раскаленный поток из доменной печи. Небо становится зеркальными внутренностями гигантской лампы-вспышки, а пространство разрывает лавина режущего глаза света. Над морским горизонтом, в том самом месте где до сих пор висел бледный диск луны, разгорается великанская звезда.

На своих губах чувствую чьи-то иные губы. Какие-то затененные длинными ресницами глаза всматриваются в меня. В моих ушах грохочет эхо безумствующего где-то урагана. Вокруг шипят ядовитые змеи. Водная поверхность принимает цвет полированного серебра. На суше вздымается залп огня. Пламя охватывает жилища и леса. Море и земля залиты лучами самого яркого из всех восходов.

Ослепительное сияние и грохот урагана длятся всего лишь несколько секунд. После них воцаряется неожиданная тишина и непроникновенная темень, из которой очень и очень медленно выплывает лунный диск, очертания окна и — наконец — перечеркнутый черно-белыми полосами интерьер комнаты.

Очертания будущего

Лючия поднимается со стула и водит по сторонам отсутствующим взглядом. С лежанки отзывается София:

— Что это было? — Она приподнимается на локте. — Антонио, ты слышал этот крик?

— Да. Где-то очень близко.

Лючия возвращается на свое место под стеной и закрывает глаза. София всматривается в меня. Она, явно, перепугана.

— Мне показалось, будто бы кто-то вопил рядом с моим ухом. Я долго спала?

— Долго.

София глядит на часы.

— Восемь минут первого. Можно было бы поспать еще с полчаса, если бы не этот крик. Вы тут все время сидите?

— Да. Скажи, когда же, наконец, будет утро. Я устал от этой ночи.

— Какой ночи?

Я показываю на полумрак за окном. София закуривает. Дым я чувствую, но огня спички не вижу.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, — гово-

рит она. — Или мой отец пробовал тебя загипнотизировать?

— Так гипнотизер Лиситано — твой отец?!

— Да.

— Он пытался внушить мне, будто бы я сижу на лесной поляне под стеной собственного дома, освещенного Солнцем. Только я не позволил уболтать себя. Я в полнейшем сознании и жду, когда наступит настоящий день.

София ненадолго задумывается.

— Судя по всему, ты не совсем в сознании, раз в самый полдень спрашиваешь, когда же закончится ночь.

— Но я же нигде не вижу солнца…

— Оно светит чуть ли не вертикально сверху. Если ты не слепой, выйди, погляди сам.

— Я смотрел уже много раз.

— И что же?

— На небе я вижу только полную Луну. Вот уже больше десятка часов она встает над северным горизонтом. В одном этом факте уже таится куча загадок.

— Антонио, ты что плетешь? Наверняка ты под воздействием гипноза. Что, не видишь, что стоит яркий день?

— Нет.

— Но меня же видишь?

— Только лишь тогда, когда ты выходишь из тени. Все вокруг выглядит так, будто бы я смотрю через очень темные очки.

— Интересно, что же это может быть. Наверняка тебя чем-то ослепили. Обязательно обратись к окулисту. Или же поговори с моим отцом. Он тебе объяснит, почему вместо солнца в зените ты видишь луну над горизонтом.

Я думаю над тем, а не сказать ли ей, что иногда эта луна взрывается перед моими глазами в сиянии термоядерного взрыва.

— Твой отец все знает? — спрашиваю я.

— Не будем преувеличивать. Всего он не знает. Но ему известны факты, которые и не снились вашим мудрецам.

— Где-то я уже это слышал…

Пытаюсь вспомнить, кто мне это говорил. София просит меня налить ей рюмку «Мартини». Подхожу с бутылкой к лежанке.

— Ты знаешь, Антонио, — говорит София, — иногда мне кажется, будто бы я тебя знаю.

— Но ведь мы встретились впервые…

— Тем не менее… — София подносит рюмку к губам. — Знаю! Ты тот самый знаменитый американский певец. Фамилия — Сухари!

— Это правда.

— Вот это неожиданность!

— Так ты обо мне уже слышала?

— Слышала? Ты мой идол!!!

— Но, прежде чем меня узнать, ты долго раздумывала.

— Потому что ты выглядишь так, что тебя и родная мать не узнала бы.

— Иначе, чем на снимках и по телевизору?

— Парень, да ты посмотри в зеркало. Я думала, ты знаешь, как выглядишь.

— И как?

— Как трубочист.

— Что, грязный?

— Ты весь обшмален огнем, измазан в саже, покрыт пылью и грязью, словно ползал по каким-то пожарищам. Что ты делаешь тут?

Я оглядываюсь на Лючию. Девушка сидит с закрытыми глазами. В лунном свете ее лицо бледное и чистое.

— Случайно… проходил мимо горящего дома и принял участие в спасении, — выдумываю я.

— Наверное, это там…

— Погоди, а какое сегодня число?

— Тринадцатое июля.

— Вот это да… Уже тринадцатое?

— Какой ты странный. Никак не решишь, уже поздно или еще рано?

— Потому что все зависит от точки зрения. Относительно определенного факта, одна сторона нынешнего дня кажется мне определенным прошлым, которое я каким-то образом проспал, а вторая — мрачным настоящим.

— Я уже говорила, это под влиянием какого-то внушения. Отец тебе объяснит.

— По-видимому, синьор Лиситано знаменит среди гипнотизеров. Ты могла бы рассказать о нем поподробнее?

— Он живет в Риме и преподает там психологию. Иногда он приезжает в Сорренто. Тут он построил для меня этот вот домик.

— И наверняка он не построил его в твоем воображении. Но если ему известны таны человеческой души, и он понимает больше, чем другие, быть может, ему удастся предсказать ближайшее будущее.

— Чье?

— Мое и твое.

— Они не имеют ничего общего друг с другом.

Я наполняю рюмки вермутом. София вынимает из ящичка лак и начинает подкрашивать ногти.

— А где Кейз и Нузан? — спрашивает она.

— Кейз осталась в Лондоне, а Нузан сейчас в «Voce del Silenzio» на Капри.

— Он живет в «Голосе Тишины»?

— Да, вместе со мной.

— Отлично! У нас тоже есть номер в этой гостинице.

— Мы — это кто?

— Я и Елена, моя подружка. В принципе, она живет со мной здесь. На остров переезжает тогда, когда жарко. Иногда я приезжаю к ней. Ей тоже очень нравятся ваши песни. Вы будете петь в Италии?

— Выступать здесь мы не собираемся. Мы приехали сюда в отпуск. И вы давно знаете нашу группу?

— С того самого времени, когда вас начали рекламировать по телевизору. Погоди… Кажется, первый концерт был в самом начале июня. И через две недели ваши песни вышли на первые места в хит-парадах.

— Выходит, рекламная кампания «То тут, то там» началась в Италии полтора месяца назад?

— Где-то так.

— Интересно.

— Ты удивляешься тому, что так поздно?

— Наоборот. Нужно будет кое о чем спросить у

Нузана. Ладно, хватит об этом. Твое здоровье. — Я подал ей рюмку. — Если Елена живет у тебя, тогда зачем она снимает номер на острове?

— Ты, видимо, уже заметил, что в Сорренто и на Капри все берега крутые и скалистые. В солнечные дни на маленьких пляжах просто невозможно найти свободное место, а Елена очень любит загорать и плавать. Поэтому она ходит в бассейны, построенные возле гостиниц в прошлом году. Сама я в «Голосе Тишины» бываю редко, поскольку мне не совсем нравится его атмосфера.

— Когда ты пришла, то попросила меня, чтобы я передал Елене, что тебя нет дома. Ты от нее прячешься?

— Ну да, потому что Елена все время пытается вытащить меня в бассейн. Сегодня утром она забегала сюда уже три раза: то под предлогом, будто забыла здесь полотенце, то за кремом… Мне бы хотелось выйти из дома, самое позднее, в половину второго, так что она в это время должна оставаться в гостинице. Быть может, после обеда она встретит Нузана и оставит меня в покое.

«Странная ситуация», — думаю я. «Из слов Софии следует, что ее дом в Сорренто находится рядом с гостиницей на Капри, но ведь на самом

деле расстояние между ними составляет около пятнадцати километров: чтобы попасть к Софии домой, нужно сесть на корабль и переплыть по морю».

— …в любом случае, если бы она снова пришла, попроси ее об этом.

— О чем?

— Ты все витаешь в облаках. — Какое-то время она с улыбкой глядит на меня. — Знаешь что, спящий рыцарь? Может ты, наконец, умоешься? Ванная рядом.

Я выхожу в прихожую. Снова слышны подозрительные звуки. Сверху доносятся стоны балок и треск горящей крыши. Сквозь окна в комнату врывается треск огня, охвативший деревья. Одновременно, снизу раздаются голоса людей, оживленно обсуждающих празднество. Я уже привыкаю к этой необычной накладке. Нажимаю на выключатель у двери ванной, но свет лампы не разгоняет царящей там тьмы. Разыскиваю мыло наощупь и умываюсь в полнейшем мраке.

София лишила меня одной иллюзии, но погрузила в другую. После разговора с нею в голове у меня сплошная каша. Я догадываюсь, что необычная реальность всего моего окружения является собранием картин из взаимно проникающих

трех совершенно различных видений. Такая композиция напоминает мне комбинированные съемки из фильмов на плоских экранах: один раз в них доминирует чудовищная вспышка ядерного взрыва, затем пейзаж, сожженный этой вспышкой, а через них просвечивает живописный вид веселящегося Сорренто.

Эта последняя картина кажется мне наиболее выразительной, хотя иногда мне кажется, будто бы она принадлежит прошлому. Я расщеплен надвое, духовно и телесно: замечаю день сегодняшний в ослепительной вспышке завтрашнего времени или же застряю сегодня с мыслями, блуждающими во мраке дня вчерашнего. Сейчас я умираю, но в не столь отдаленном прошлом могу предотвратить свою смерть. Поэтому, сквозь мираж перепутавшихся стереонов пробивается хоть какая-то надежда. И одновременно, в собственной ситуации я вижу противоречие, столь типичное для явлений, растянутых во времени: бомба, вне всяких сомнений, взорвется; но ведь, раз за несколько дней до взрыва я узнал, где он произойдет, то с легкостью могу катастрофу предупредить.

Бомба взорвется в Неаполе. Через три дня — повторяю я про себя. Нужно как можно скорее

связаться с Мельфеи. Пускай отдает приказ выслать самолеты за террористами, разбросанными по тюрьмам на территории всей страны, и пускай всех их соберут в месте планируемого мега-покушения. И сообщение о концентрации «Черных Перьев» следует тут же объявить. Таким образом, мы предотвратим катастрофу.

Но тут же в голову приходит морозящая кровь мысль: «Если мне не удастся связаться с Мельфеи, все потеряно!» Где я, собственно, нахожусь? Живой человек не может перейти рамки экрана. Неужели Ибрагим находится где-то рядом со мной, в Сорренто? На первый взгляд, дом Софии и гостиница на острове стоят рядом друг с другом. А вдруг их разделяет непроходимая стена, и у меня нет возможности попасть в «Бриллиантовое Поместье»? София с Еленой постоянно контактируют одна с другой, поскольку призраки людей (так я это пытаюсь себе объяснить) исчезают с одной стороны экрана и появляются с другой. «Взрыв уже произошел», — размышляю я. «Выходит, должна существовать какая-то причина, которая не даст мне возможности передать ценную информацию».

Я спускаюсь на первый этаж. Несколько минут брожу среди пьяных гостей Софии, на фоне

которых мелькают прозрачные тени фигур, принадлежащих иному времени. В доме таких привидений полно, но в одной из комнат никого нет. Там я вижу телефонный аппарат. Он стоит возле окна, залитый лунным сиянием. Рядом лежит телефонный справочник. В нем я нахожу номер телефона «Бриллиантового Поместья» и набираю его.

В трубке раздается голос Мельфеи. Я облегченно вздыхаю и обращаюсь к нему по-английски:

— Говорит Энтони Сухари.

— Сухари?

— Да, это я.

— Где вы находитесь?

— В Сорренто.

— Мы разыскиваем вас уже четыре дня, привлекли специальных агентов. Зачем вы покинули остров?

— Я попал сюда вопреки собственной воли. Но не будем об этом. Расскажу как-нибудь в другой раз.

— Вас похитили?

— Нет.

— Тогда что же произошло?

— Это неважно. Сейчас не стану об этом говорить, поскольку вначале нужно передать вам

чрезвычайно важное сообщение. Слушайте меня внимательно.

Я размышляю над тем, как ему все рассказать. Информация секретная и взята из источника, который сам не могу определить. Но на конце языка уже вертятся четыре страшных слова: «Бомба взорвется в Неаполе!»

В трубке слышен голос Мельфеи. Он разговаривает с кем-то, находящимся рядом с ним. В комнату ко мне заглядывает Лючия. Выглядит она сонно. Тут она замечает меня и подходит.

— Я искала тебя по всему дому, — говорит она. — Что ты здесь делаешь?

— Звоню знакомому.

— Такая замечательная погода. Пошли к морю?

— С удовольствием. Сейчас пойдем.

Двери опять открываются. Входит молодой человек и направляется к Лючии. В руках у него две наполненные рюмки.

— Выпьешь со мной? — спрашивает он.

Лючия отрицательно качает головой. Парень ставит рюмки на телевизоре и усаживается в кресло.

— Мельфеи, минуточку... — бросаю я в трубку и с треском кладу ее на подоконнике. После это-

го обращаюсь к пришельцу: — Не были бы вы столь добры перейти в другую комнату? Мне это крайне важно.

Парень меня игнорирует. Он включает проигрыватель и под звуки музыки из четырех колонок пытается пригласить Лючию потанцевать.

— Вы слышали, о чем я просил? — спрашиваю я у него.

— Да.

— Тогда прошу вас выйти отсюда.

— Зачем?

— Потому что нам хотелось бы остаться одним.

— В качестве гостей, мы все здесь имеем одинаковые права. Этот дом принадлежит Софии.

— Тем не менее, прошу вас выйти хотя бы на пару минут.

— Не понимаю, почему это вы должны остаться, а я — нет.

— А я не собираюсь вам этого объяснять.

— Я пришел сюда не к вам, а к вот этой вот блондинке.

— Она не намерена разговаривать с вами.

— А может вскоре она и передумает. Подождем. У нас одинаковые шансы.

Под стеной появляется полупрозрачная тень человека, который мечется в пространстве, нало-

жившемся на нашем окружении. Огня я не вижу, но догадываюсь, что этот человек превратился в живой факел. Привидение проникает в комнату через закрытую дверь, но уже через несколько секунд исчезает за ними же.

«Так вот почему погиб Неаполь», — думаю я. — Разве можно представить себе более абсурдную причину? Понимаю, что беседу с Мельфеи можно было бы отложить или провести ее с другого места, но сейчас уже не могу сдержать бешенства. Я хватаю нахала за воротник и вытаскиваю его из кресла. По дороге к двери парень бьет меня по голове. Я же отвечаю сильным ударом в лицо. Тот падает на пол, поднимается и пытается продолжить драку. Из носа у него течет кровь. Я вытаскиваю его в прихожую, откуда доносятся возбужденные голоса.

«Сейчас сюда заявятся его дружки», — думаю я и тут замечаю лежащую на подоконнике телефонную трубку. Подбегаю к окну и подношу трубку к уху.

— *Pronto!* Синьор Мельфеи!

— Слушаю, — отвечает знакомый голос.

— На всякий случай, продолжаем говорить по-английски.

— Согласен. Что это вы так тяжко дышите?

— Потому-что какой-то щенок пытается вывести меня из себя. — Я оглядываюсь в направлении двери. — Вы, видно, догадываетесь, почему я не могу свободно говорить по телефону.

— Это сообщение касается операции МТ?

— Вот именно.

— Так в чем дело?

— Я уже знаю, в каком городе.

— Ну, так где же?

— В Неаполе.

— Интересно.

— Вы меня хорошо понимаете?

— Ну да. Вы утверждаете, будто бы планируемый на шесть вечера шестнадцатого июля финал акции наших противников должен произойти в Неаполе.

— Отлично.

— А откуда вам это стало известно?

Какое-то время я размышляю над тем, что ответить, чтобы Мельфеи поверил, что он может полностью доверять переданному ему сообщению. Мне нельзя открыть, какая картина стоит перед моими глазами, ведь за три дня до планируемого взрыва никакой нормальный человек его увидеть не может. Если же я скажу правду, то, в самом лучшем случае, меня посчитают

визионером, без каких-либо оснований на то предсказывающим будущее. И тогда террористов в Неаполе не соберут, а взрыв произойдет на самом деле.

— Мне сообщила об этом одна из наших знакомых, — отвечаю я и тут же меняю тему: — А Ибрагим Нузан находится сейчас на Капри?

— Он не покинул своего поста.

— Это точно?

— Он здесь.

— Вы его видели?

— Утром он посетил нас в «Бриллиантовом Поместье».

— А где он находится в данный момент? Прошу прощения, если я вам надоедаю, но мне хотелось быть абсолютно уверенным в том, что Ибрагим не покинул острова.

— Четверть часа назад я ему звонил. Он в «Голосе Тишины». До обеда он собирался заглянуть в номер 1123.

— А кто там проживает?

— София и Елена. Сегодня эти две девушки поднялись на самый верх нашего списка. Синьор Нузан познакомился с Еленой.

«Прекрасно», — думаю я. Скажу Мельфеи, что тайну доверила мне София. Сообщение из

данного источника покажется ему наиболее достоверным.

— То есть, Ибрагим познакомился с Еленой? — спрашиваю я.

— Да, да… Они уже встречались… Утром…

— Послушайте, это именно ее подружка сообщила, где произойдет финал.

— София?

— Ну да.

— Где вы с ней встретились?

— Здесь, в Сорренто.

— Точно! Девица проживает именно там. Синьор Нузан говорил мне об этом. Поздравляю, хотя никак не пойму, каким образом вы покинули остров. Ведь в порту дежурят наши люди.

— Объясню, когда вернусь.

— Согласен. Во всяком случае, вы сняли с меня огромное бремя. Благодарю от всего сердца и прошу как можно скорее вернуться в «Голос Тишины», где ждем более подробного отчета.

— Не нужно ждать! Надеюсь, что еще перед моим прибытием на остров вы потянете за все нужные шнурки. Вам нужно незамедлительно реализовать план, который разработали ранее. Это необходимость! Вы понимаете, о чем я говорю?

— Естественно.

— До свидания.

Кладу трубку на аппарат. Нервы ни к черту, хотя во время второй части моей беседы с Мельфеи мне уже никто не мешал.

Увидеть Неаполь

Лючия сидит на пушистом ковре. На ней то же самое платье, застегиваемое на пуговки, в котором я видел ее в последний раз. Склонив голову на плечо, она пересматривает диски. Ее волосы доходят до пола, лицо в приглушенном блеске термоядерного взрыва приняло таинственное выражение.

«Какая красивая девушка», — думаю я. Думает ли она до сих пор, что я ее муж? Сколько это раз я ее встречаю, но мне почти что ничего о ней не известно. Постоянно какое-нибудь странное событие разделяло нас, не давая возможности поговорить. Фуникулер в порт Марина Гранде — вспоминаю я — потом лифт в «Голосе тишины», затем встреча в центре Капри перед рестораном «Кампанилле», во время которой мы перенеслись на берег моря в Сорренто, и, наконец, трагический финалу обрыва под указателем, дающим направление к молодежному лагерю «Ostello per la Gioventu», и такой убедительный сон о нашей совместной жизни в домике на лесной поляне, вызванный в комнате Софии ее отцом, гипнотизером Лиситано. Так часто она находилась рядом

со мной, и в то же самое время была так далеко, словно бы она вообще не существовала.

«Глупо, что я выбросил того нахала за двери», — думаю я. Этот парень не играет тут никакой роли. Может быть, со стороны таинственной Лючии, если она террористка и знает английский, после разговора с Мельфеи нам всем грозит гораздо большая опасность. Хотя во время этой беседы я ничего открыто и не сказал, кто-то, ознакомленный с ситуацией и принадлежащий к организации «Черных Перьев», легко мог бы сориентироваться, к чему я вел.

Ну почему я такой неосторожный? Что привело меня к тому, что именно это, наиболее секретное сообщение я передал Мельфеи в тот самый момент, когда рядом со мной находилась женщина, которую подозревают в террористической деятельности? Боже, как мне далеко до совершенства асов разведки, приключения которых представлены в шпионских кинофильмах. Я уже пробуждаюсь от волшебного сна, но до полного сознания еще далеко.

Как поведут себя террористы, когда узнают, что все их планы нам известны? Догадываются ли они о том, что мы собираемся сделать? Если они размышляют подобным образом, то будут

спешить, чтобы развеять наши надежды, связанные с концентрацией заключенных. То есть, они взорвут бомбу до шестнадцатого июля или же вывезут бомбу из Неаполя еще до того, как город будет окружен плотным кольцом. Во втором случае, поиски придется начинать с самого начала.

Только вот, о чем я, собственно, думаю? Ведь взрыв произойдет в Неаполе! Выглядываю через окно. Точно ли, все будет именно так? А вдруг картина катастрофы, это какая-то иллюзия, техническая ошибка фабрики материальных снов, которая допустила ошибку не только во времени, но и в месте планируемого взрыва? Такая ошибка может случиться в кинотеатре, когда киномеханик включить два проектора одновременно; бывает и такое, что на фоне одного изображения на телевизионном экране маячит некий таинственный мираж. Если такая композиция задумана не специально, диктор извиняется за технические помехи. Наверняка, в стереонах тоже случаются помехи, хотя трудно ожидать, чтобы в них появлялись надписи «Просим прощения за технические накладки». Но почему стереовидение взрыва действует только на мои чувства? Никто, кроме меня, не замечает вспышку, освещающую дневной мрак

над Неаполем, никто не слышит грохота и треска безумствующих по сторонам пожаров. Неужто все это происходит только лишь потому, что в Сорренто я единственный живой человек? Видимо, так оно и есть, поскольку стереонные миражи (точно так же, как и действующие лица фильмов на плоских экранах) не могут видеть посторонних изображений, проникающих сквозь их окружение: их замечает лишь наблюдатель, не управляемый центрами фабрики снов — то есть, некто, обладающий вольной волей и не подчиняющийся установленным правилам. Ведь киногерой не заметил бы картины катастрофы, проектируемой на экран другим аппаратом. Он попросту не заметил бы ее — он продолжал бы играть собственную роль, в соответствии с беззаботным сценарием, который был ранее зафиксирован на кинопленке. Правда, в стереоне фабула зрелища не определена заранее во всех подробностях, ведь в каждый данный момент поведением всех персонажей управляет механизм, спрятанный под Крышей Мира, но в ситуации, когда две различные станции демонстрируют программы на одном канале, естественная реакция на помехи в приеме возможна только лишь со стороны живого зрителя.

Лючия пересматривает пластинки. Она берет их из лежащей на ковре кучи и, время от времени, заинтересованно поглядывает на меня.

— Ты знаешь английский язык? — спрашиваю я ее по-итальянски.

— Не знаю.

Девушка поднимает голову и, всматриваясь в меня, застывает над дисками. Мне кажется, что она вот-вот о чем-то меня спросит. Но на ее губах появляется легкая улыбка. Похоже, Лючия чем-то весьма заинтригована.

— И ты никогда не учила английский?

— Никогда.

Из прихожей доносится голос Софии, которая прощается с группой гостей. Я похожу к двери и закрываю ее на ключ. Лючия следит за моими действиями.

— Антонио, а тебе известно, что у тебя есть двойник?

— Да!? И кто же он такой?

— Посмотри.

Я опускаюсь на ковер рядом с девушкой. Она подает мне цветной конверт, на котором вижу собственную фигуру. На мне тот же самый костюм, что был в тот самый момент, когда на Крыше Мира нас окружила призрачная сцена и

толпа экранных поклонников нашей песенки.

Я гляжу прямо в глаза Лючии.

— Не узнаешь?

— Кого?

— Это я.

— Ты?

— А ты что, не знала?

— Откуда твоя фотография на обложках всех этих пластинок?

Она раскладывает перед собой и другие обложки — их много. После разговора с Софией я уже не удивляюсь тому, что именно эти диски были собраны в ее доме. Фотографии представляют группу «То тут, то там» в полном составе. У меня и у Ибрагима в руках гитары.

Лючия в шоке. Ее изумление выглядит совершенно неподдельным. Я смеюсь:

— Но ведь я и есть тот самый поп-певец. Ты что, ничего не слышала про группу Нузан — Кейз — Сухари?

— Нет.

Я включаю проигрыватель и ставлю на него одну из пластинок. В комнате раздаются музыка и пение. Среди других я узнаю и свой собственный голос. Нет никаких сомнений, что это пою именно я, хотя записанный на диске голос настолько

чистый, словно бы запись появилась при помощи другого мужчины, одаренного абсолютным слухом, и являющегося моим недостижимым идеалом.

После того приходят мысли, откуда фабрика снов могла знать, что когда-то я мечтал о карьере певца. Понятия не имею, как они все это сделали. Лючия слушает очень внимательно и отрывает взгляд от проигрывателя только тогда, когда музыка замолкает.

— Хорошая песня, — говорит она. — Даже и не знала, что у тебя такой замечательный голос.

Я приближаю губы к ее лицу. Девушка опускает взгляд и отводит мою руку, затем глядит на кучу дисков.

— Почему я этого не знаю? — спрашивает она.

— О чем?

— Что ты певец.

— Все просто. Видимо, тебе еще не довелось встретиться с записями нашей группы. Итальянское телевидение начало рекламировать нас только с начала июня.

Но все равно, чего-то Лючия не понимает. Не поднимая взгляда, она задумчиво гладит мою руку. Но вдруг смотрит прямо в глаза.

— Но ведь я ничего о тебе не знаю.

— Совсем ничего не знаешь?

— Почти.

Я улыбаюсь в ответ.

— А почему тебе кажется, будто бы ты должна знать обо мне больше других?

— Ну, ведь мы… мы…

— Вместе?

Лючия подтверждает движением головы и только через какое-то время еще раз спрашивает:

— Так мы вместе, правда?

— Ну конечно.

Я прижимаю девушку к себе. Она очень серьезная. В ее глазах есть нечто такое, чего до сих пор я не находил ни у одной из женщин. Глаза ее затенены длинными ресницами, и в то же самое время они блестят в сиянии застывшего взрыва. Я вижу эти глаза прямо перед собой. Лючия приближает свои губы к моим и целует меня. Я чувствую движение ресниц на своей щеке, когда девушка закрывает глаза. Одновременно с тем. Она приоткрывает мягкие, горячие губы. Я кладу одну руку ей на колено, а второй расстегиваю ей платье.

Кто-то стучит в дверь. Лючия обнимает мою шею и тянет меня на ковер. Раздеваясь, я замечаю

тень людской фигуры, которая подбегает к окну и тут же исчезает. Лючия призрака не видит. Я глажу ее по бедрам, по груди. Я совершенно уверен в том, что необыкновенная девушка, которую я держу в своих объятиях, не слышит бушующего вокруг нас пламени; впрочем, довольно скоро я забываю о нем и сам.

Елена пришла к Софии и уговаривает ее отправиться в бассейн. Мы стоим перед домом, ожидая гипнотизера Лиситано, который задержался в саду, чтобы переговорить с людьми, спрятанными в тени горящих деревьев. Лючия сжимает мою руку.

Сейчас немного светлее, но цвет изменился. Сейчас — вместо подкрашенной фиолетовым белизны — повсюду царит багрянец. В его сиянии белый дом Софии сделался пурпурным. Предметы и люди уже не отбрасывают таких глубоких теней. По моим подсчетам, это утро четырнадцатого июля.

И все время я вижу две частично накладывающиеся одна на другую картины. То видение, которое соответствует обычному пейзажу Сорренто, значительно выразительнее, чем мираж умирающего города; но всех мелочей я не замечаю, скорее всего, потому что все еще ослеплен. В

обеих картинах силуэты домов точно накладываются один на другой. Резкими остаются и контуры железных или бетонных колонн. Но весьма часто в постоянных рамах дверных проемов на одних и тех же петлях висят двойные двери: одни из них открыты, а другие закрыты. Внутренние части улиц затуманены. Силуэты деревьев тоже не резкие: в одном изображении дерево стоит вертикально и колышет живыми листьями; в другом — черные скелеты под напором дующего с севера вихря склонились в южную сторону.

Лючия положила мне голову на плечо. По улице движется живописный хоровод. София обменивается с Еленой замечаниями относительно нашей группы, а Лиситано крутится среди гостей, что сидят за столом прямо под голым небом и уговаривает их выпить вина.

Повсюду тихо. Даже не знаю, почему я не слышу треска огня. Я предполагаю, что пожар леса и города продолжался не более пары десятков секунд. Именно столько времени нужно, чтобы до побережья добралось первое, еще робкое, дуновение урагана, которое пророчит смерть в форме страшного удара фронта воздушной волны. Дуновение это — как ребенок пламя спички — за ночь, проведенную в доме Софии, сдуло все

пожары и пепел безумствующей радиоактивной преисподней. Вскоре после него придет удар спрессованной волны, движущейся быстрее звука, так что рвущий пространство грохот взрыва в Неаполе доберется до Сорренто только через десяток секунд, к тому самому времени, когда город уже будет сметен с лица земли.

Над восточным горизонтом на черном небе маячит едва заметный кружок солнечного диска. София заявляет, что я рассеянный, и что со мной сложно контактировать. Она спрашивает про Нузана, ей хотелось бы узнать, когда мы с ним познакомились и как легче всего сделать карьеру в сфере популярной музыки. Я отвечаю ей вежливо, но кратко, после чего поворачиваюсь в сторону Неаполитанского залива.

В течение прошедшей ночи в картине морской панорамы произошли принципиальные изменения. На северном горизонте вырастает гигантская ножка атомного гриба. Гигантская его шляпка достигает стратосферы и окрашена багровым отсветом. Темно-красное сияние падает справа, где маячит треснувший силуэт Везувия. Пропасть кратера раздирает землю вдоль краткого отрезка от эпицентра взрыва до вершины вулкана. Из внутренностей земли в небо вздымается застыв-

шая струя раскаленной лавы. Огненный шар термоядерного взрыва, который до сих пор резал глаза бело-фиолетовой вспышкой, уже погас. Теперь весь залив покрыт алым цветом. В мраке ясного дня единственным источником света для ослепленных сделался вулкан.

София имеет претензии ко мне за то, что я ударил, а затем выбросил за дверь ее гостя. Парень, вроде бы, весьма крутой.

— Ренато не простит тебе этого, — говорит она. — Он позовет своих дружков. Было бы лучше, чтобы ты с ними не встретился.

— Я и не собираюсь их ждать здесь, — отвечаю я. — Вообще-то, я бы с удовольствием с ними поговорил, но именно сейчас мы с Лючией собираемся в Неаполь. Можешь сказать им об этом.

— Ну почему же ты такой раздраженный? Мне бы не хотелось здесь каких-либо скандалов.

— Если бы ты знала, почему я такой…

— Никакой осмысленной причины, скорее всего, и не было. Обычная ревность, потому что Ренато хотел потанцевать с твоей девушкой.

— Знаешь что? Не исключено, что вскоре мы еще вернемся к этой теме.

Я держу Лючию за руку. К нам подходит отец Софии и дружелюбно улыбается. Он принес нам

апельсины.

— А мы плывем на Капри, — говорит он. — Девушек забираю с собой. Вы могли бы отправиться туда с нами. Не желаете?

Лючия отрицательно качает головой.

— На остров мы поплывем вечером. А сейчас мы бы хотели осмотреть Неаполь. Я там никогда не была.

— Увидеть Неаполь… — Лиситано смотрит вдаль сквозь стеклянистый мираж гигантской волны, которая, принимая форму огромной арки, уже достигла высоты горы и застыла посреди залива по пути к берегам Сорренто. — До свидания на Капри.

Все они спускаются вниз, за калиткой оглядываются и смотрят в глубину сада. Лючия махает им рукой.

— Попутного ветра!

Первый раз я вижу, как она улыбается.

— Пошли за ними, — предлагаю я. — Интересно, действительно ли они спустятся на пристань.

— Ты думаешь, они не сядут на корабль?

— Есть у меня такое предчувствие.

— Они спускаются вниз, за калиткой поворачиваются и глядят в глубину сада. Лючия машет им рукой.

— Попутного ветра!

Первый раз я вижу, как она улыбается.

— Пошли за ними, — предлагаю я. — Интересно, они и вправду сойдут на пристань.

— Думаешь, им не удастся сесть на корабль?

— Есть у меня такое предчувствие.

— Но зачем им нас обманывать?

Я не могу дать ей ответ. Мысли в голове совершенно запутались. Нужно решить такую кучу вопросов, что, в конце концов, мне не ясно, какой из них самый главный.

Мы идем по направлению главной улицы. Лиситано с девушками значительно опережают нас. Перед первым перекрестком гипнотизер задерживается и оглядывается через плечо. София с Еленой тоже глядят в нашу сторону. На мостовую они выходят задом. Я на секунду оборачиваюсь, считая, будто бы за нами что-то случилось, но в глубине улицы ничего необычного не происходит. И в тот самый миг, когда я отвожу от троицы взгляд, они исчезают.

Мы подбегаем к месту, где я видел их в последний раз; осматриваемся по сторонам. По перекрестку проходят какие-то посторонние люди. Наши знакомые не могли успеть забежать в какую-нибудь подворотню или лавку. Перед

моими глазами все еше стоят их фигуры, как они, со средины мостовой отступают к противоположному тротуару. И вот теперь, стоя на нем, мне кажется, будто бы они расплылись в пространстве.

Под вулканом

Мы идем по улочкам Сорренто к станции электричек.

Лючия задерживается перед магазинными витринами. Чаще всего, она осматривает их молча. Она не из болтливых женщин, что — особенно сейчас, когда мне нужно разобраться во всем этом кошмаре — мне очень в ней нравится. Ей хватает моего присутствия и обмена взглядами. Глаза Лючии спокойны, и она, наверняка, счастлива. Этот факт и мне приносит облегчение: мне бы не хотелось, чтобы и она стала свидетелем разыгрывающейся по сторонам трагедии.

Витрины отблескивают темно-красным светом. Вторая сторона улицы погружена в темноте. То тут, то там на обращенных к северу стенах домов я замечаю характерные «атомные тени» прохожих, которые в момент вспышки заслонили их своими телами. Вокруг зафиксированного на стенке очертания человеческой фигуры стеклянисто блестит расплавившаяся в высокой температуре штукатурка, а внутренняя часть силуэта остается матовой. Такова вот простая, и в то же самое время чудовищная причина появления

«атомных теней».

Иногда между домами пробегают туманные призраки. Они выскакивают на мостовую и сразу же исчезают в темноте. Они не представляют собой какой-либо преграды для автомобилей из времени, предшествующего катастрофе. На тротуарах лежат тела умирающих. Наши ноги проникают сквозь их прозрачные, едва вычерченные в пространстве фигуры. Догадываюсь, что многие прохожие потеряли сознание или даже жизнь за пару десятков секунд перед ударом волны чудовищного давления, которая еще не добралась до берегов Сорренто: их поразило жесткое электромагнитное и тепловое излучение. Иногда мы проходим мимо больших групп поваленных на землю фигур. В открытых местах, где свет вспышки достиг тела непосредственно, их намного больше, чем в саду за домом Софии.

Тут же мне вспоминается четырехдневный период пребывания среди фруктовых деревьев возле белого домика, где, не осознавая течения времени, места или ситуации, я спал наяву и бесцельно шатался то погруженный в духовном забытье, то снова же — как мне казалось — с ясными мыслями в голове, но в состоянии физического оцепенения, граничащего с летар-

гическим сном. Что я там, собственно, делал?

После многих часов наблюдений я, наконец-то, начинаю ориентироваться, в чем состоит главная разница между двумя видимыми здесь и проникающими один другого стереонами. До сих пор я был убежден, что катастрофа воспроизводится в необычно замедленном, но равномерном темпе. Но такое представление не соответствовало действительности. Стереон, представляющий трагические судьбы обитателей побережья, демонстрируется совсем даже не равномерно, точно так же, как и картинка с магнитной пленки, движущейся рывками. Секундные периоды, когда действие чуточку продвигается вперед (в такие мгновения призраки неожиданно оживают), разделены длительными перерывами в пространственной проекции, во время которых прозрачный мираж катастрофы находится в абсолютной неподвижности.

Мы выходим на главную улицу Сорренто. Лючия спрашивает дорогу у прохожих. Мы проходим мимо заполненной людьми площади и длинной лестницы, что ведет вниз с высокого обрыва на пристань. На площади полно туристов, одни сидят в кафе, другие покупают сувениры.

Перед тем, как спуститься к лестнице, я колеб-

люсь: а может отказаться от рискованной поездки в Неаполь и поплыть на Капри? Но мне известно, что в случае настоящего взрыва на острове тоже не найти безопасного укрытия. Террористы располагают очень мощной бомбой. Все в области Неаполитанского залива будет подвержено угрозе. Подумав еще несколько секунд, я прихожу к решению, что ехать в Неаполь нужно: по дороге в город я мог бы лично удостовериться в том, что де Стина уже отдал необходимые распоряжения, то есть — приказал ли он ввести контроль поездов, покидающих Неаполь, где вечером предыдущего дня (после моего телефонного разговора с Мельфеи) наверняка уже были собраны все члены организации Penne Nere. Теперь самое главное то, чтобы преступники не перевезли страшный груз в другой город.

Станция *circumvesuvian* 'ы (с итальянского: «вокруг Везувия») находится по правой стороне улицы. Поезд до Неаполя уже стоит у перрона. Динамики сообщают про его отход. Мы забегаем наверх по лестнице, я покупаю билеты и в самый последний момент заскакиваю с Лючией в купе.

Поезд трогается. Наш состав катится по рельсам, а призрак другого поезда остается у перрона. Этот второй состав стоит на том же самом пути.

Очертания его стенок проходят сквозь наши тела.

Образ залива перемещается в окнах с левой стороны вагона. Я занимаю место напротив Лючии.

Мы болтаем о странном психологе и его дочке — Софии. Лючия считает, что их дом какой-то ненормальный. Все время в нем проходят какие-то специальные научные заседания, какие-то празднества и банкеты. И Лиситано, и София любят быть окруженными людьми — это точно. Вот они и приглашают их к себе. Но при таком — светском — способе жизни, о своих гостях они заботятся столь же мало, как и о собственном доме, который (Лючия сама была свидетелем нескольких сцен) нетрезвые гости разрушают, и дом быстро превращается в развалины.

И правда. Я вспоминаю, как София приняла нас вчера, после пресс-конференции ее отца, когда мы остались с Лючией одни наверху. София зашла в комнату, расстелила постель, разделась и легла спать — одним словом, вела себя так, будто бы нас там совсем не было. Ей плевать на людей, она их игнорирует, а отсюда уже недалеко и до презрения. А как может быть иначе, если она и есть та самая разыскиваемая террористка? Только кто-то такой, кто к другим относится, словно

к бездушным предметам, мог бы спокойно перенести смерть обитателей громадного города. Вот Лючия не имеет с этим ничего общего.

Я признаю ее правоту: Лиситано и вправду странный тип. Нужно иметь слишком много денег и фантазии или же не иметь всех шариков в голове, чтобы вот так, спокойно, поплыть на Капри, оставляя открытый дом на милость провокаторов и пьяниц, как, к примеру, любимчик Софии — Ренато со всей его готовой сбежаться по одному кивку бандой.

— Зачем ты его ударил?

— Потому что ревную тебя.

Лючия улыбается мне. Помнит ли она, что произошло вчера, во время странного собрания в доме Софии, перед обменом мнений относительно сути материи, когда Лиситано, только лишь затем, чтобы спровоцировать присутствующих на дискуссию, вызвал нас на средину комнаты и положил ей в руки призрачный кирпич? Наверняка, лунатичный настрой вчерашнего сеанса все еще занимает погруженные во сне мысли этой девушки. Так оно и должно быть, ведь каждый погруженный в глубокий сон медиум — после пробуждения — признает подсказанные ему гипнотизером установки в качестве собственных.

То есть, Лючия не знает, в каких обстоятельствах между нами дошло до сближения.

Мы болтаем о Сорренто, делимся впечатлениями от прогулки по этому живописному городку. Лючия и смотрит, и говорит вполне сознательно. Даже если она и не верит в наш домик на лесной поляне, о чем я боюсь спросить ее прямо, то наверняка надеется, что очень скоро — в соответствии с предсказанием внутреннего голоса — придут каменщики и столяры, чтобы его построить.

Но каким же образом фабрика снов управляет своими персонажами, если в глубине стереона, где не все миражи должны управляться из центра, один призрак может внушить другому призраку свои рекомендации? Разве обладает сознанием трехмерное изображение человека? Вспоминаю, что на эту тему сказал мне Ибрагим. Лючия словно живая. Я вижу ее, слышу, прикасаюсь собственными пальцами к ее телу: все чувства уверяют меня в том, что эта девушка существует на самом деле.

Она есть. Но знает ли она, что на вершине запутанной названными уже иллюзиями пирамиды неосознанных обманов, которая творит более или менее убедительную фикцию этого мира, вздымается еще и нечто, которое является пер-

вичным по отношению к телу, без чего не было бы этих мертвых слов, и что когда-нибудь это тело оживит — бессмертная, среди миражей, душа?

Мы проезжаем через Кастелламаре. Сразу же за этим городком железнодорожная линия меняет направление северо-восточного на северо-западное и, обминая южный склон вулкана, ведет прямиком к Неаполю, где находится эпицентр взрыва. Все время мы едем вдоль линии побережья Неаполитанского залива.

Перед нами открываются достигающие небес врата ада. Одно крыло проворачивается на ножке атомного гриба, а второе — на столбе окаменевшей в неподвижности лавы, вырывающейся из кратера Везувия. В хаосе различных оттенков пурпура, в застывших клубах магмы, что подпирают небо перед выходом из тех гигантских врат, нет уже ничего, что припоминало бы земной пейзаж. Стеклянные воды залива переливаются в пропасть кратера.

После изменения направления ветки, я уже не выглядываю из окон вагона, за которыми расстилается второй план этого чудовищного, трехмерного видения. Мне не хочется, чтобы Лючия заметила на моем лице какую-нибудь тень страха или задумчивости над судьбой гиб-

нущего там, столь верно скопированного, но все же фиктивного города. Через пару десятков минут поездки, прерываемой лишь короткими остановками в небольших пригородных селениях, поезд останавливается на станции в Торре Аннунциата.

От эпицентра взрыва нас отделает почти что два десятка километров. Несколько минут мы стоим на красном сигнале светофора. Какая-то помеха в железнодорожном движении. Пользуясь остановкой, мы с Лючией переходим в голову поезда, чтобы увидеть, что произошло. В глубине соседней улицы я вижу долгий ряд стоящих автомобилей и группы полицейских. На перроне станции отряды карабинеров. Одни из них расхаживают перед выходами, другие крутятся внутри поезда, стоящего на соседнем пути. Этот другой состав прибыл в Торре Аннунциата из Неаполя.

Я облегченно вздыхаю. Все в порядке — думаю я. Через такой кордон бомбу из города вывезти просто невозможно, а там — где уже собрали всех членов экстремистской организации *Penne Nere* — террористы не смогут ее взорвать. То есть, здесь — через Торре Аннунциата — проходит кольцо плотного контроля, которым власти окружили Неаполь. Предусмотрительность карабинеров

мне приятна по двум причинам: во-первых, потому, что в закрытой зоне очутился не только центр города, но и его «спальные» районы; а во-вторых, потому что досматриваются легковые машины и пассажирские поезда, хотя термоядерная бомба не из тех грузов, которую можно было бы упаковать в сумку.

Наш поезд не досматривают. Я стою в проходе, в самой голове первого вагона, сразу же за стеклянной дверью, отделяющей меня от места машиниста. Отсюда лучше всего видно, что находится перед составом. Лючия сидит на скамейке в глубине вагона — не больше, чем в двух десятках метров от меня. Эта ситуация навечно фиксируется в моей памяти.

Мы трогаемся. Через несколько секунд я чувствую удар по лбу и сильный напор невидимой плоскости, которая пихает меня в направлении, противоположном ходу поезда. Хотя я давно уже забыл о ее существовании, сразу же догадываюсь, что это рамка экрана. Но почему она появилась именно здесь? Отступая перед нею, я дергаю за ручку, висящую над открытыми дверями. Это и спасает мне жизнь. Я срываю пломбу, спотыкаюсь и падаю. Слышен писк тормозов. Прозрачная стенка толкает меня дальше, до того самого ме-

ста, где сидит Лючия. Именно в этот момент поезд останавливается.

Я совершенно дезориентирован. Лючия целует меня и поднимает с пола. У нее очень перепуганное лицо. Из своей кабины выскакивает машинист, он спрашивает, что случилось. С другой стороны подбегает кондуктор. Я не могу ответить им ничего осмысленного.

Вокруг нас толпятся любопытные пассажиры. Я вытаскиваю деньги и желаю заплатить штраф за необоснованное применение аварийного тормоза. Кондуктор стоит рядом, но находится он за стеной экрана. Я отодвигаюсь от «рамы» и — чтобы отдать ему банкноту — жду, когда призрак кондуктора перейдет на мою сторону.

Подходят два карабинера. У меня разбита бровь, на лице кровь. Лючия плачет. В замешательстве я не знаю, что делать. Я хочу ехать дальше. К счастью, машинист, он же начальник поезда, не позволяет мне оставаться в вагоне, утверждая, будто бы я пьян. Кондуктор тоже не намерен играться со мной. Он вырывает банкноту у меня из руки и выталкивает нас из вагона.

Мы выходим на перрон. Поезд уезжает. Сам я направляюсь к концу станционного здания; в поисках непроходимой границы блока стереонов

я все сильнее удаляюсь от Лючии, которая идет к киоску за бинтами, но никакого сопротивления не испытываю. Видимо, рама экрана несколько сдвинулась в направлении Неаполя. Я возвращаюсь. Из царапин течет кровь. Лючия вытирает мне лицо салфетками. Я объясняю, что за тормоз схватился лишь затем, чтобы не упасть, когда споткнулся. Карабинеры советуют мне обратиться в привокзальный медпункт.

Только все это не имеет особого значения, поскольку существует более важная проблема: где-то за мной — на расстоянии около сотни метров (именно такова ширина нашего трехмерного «кадра»), но не дальше, чем составляет диагональ экрана — находится второй живой человек. О нем я думаю с определенной степенью замешательства, и знаю, что в данный момент он тоже думает обо мне. Это Ибрагим?

Нет. Наконец-то я его замечаю. Он медленно приближается с другого конца перрона и смотрит в моем направлении. Хотя мы встречаемся впервые в жизни, мы оба прекрасно знаем, что нас здесь соединяет. Мужчина видит кровь на моем лице, и сразу же понимает, кто остановил поезд. Я тоже узнаю его без какого-либо труда: лицо и светлый костюм покрыты толстым слоем

грязи; сам он весь поцарапанный. Выглядит это так, будто бы он упал на землю, а потом противоположная сторона экрана, которую тянул поезд, волокла его за собой.

Мужчина подходит к нам.

— Прошу прощения, — говорит он. — Вам не сильно досталось?

— Могло быть и хуже.

— Такой ситуации я не предусмотрел. Зангара звонил, что вы сейчас в Сорренто.

— Там я был несколько дней. Теперь выбрались в Неаполь. А вы…

Незнакомец пошатнулся. Мы подводим его к скамейке. Он садится и подносит окровавленные руки к лицу.

— Посмотрите в этом кармане, — говорит он. Занзара продиктовал мне по телефону все свободные номера. Я записал их на краешке газеты. Она тут…

Подбородком он указывает на лацкан своего разорванного пиджака. Я сую руку в карман на груди. Там пусто.

— Тут ничего нет, — говорю я.

— Что, газеты нет?

— Нет. А что вы на ней записали?

Мужчина сует раненную руку в карман. Он

удивлен и какое-то время раздумывает.

— Ну я и шляпа! — раздраженно бьет он себя по лбу. — Она осталась в Помпее. Все это по причине этого белого костюма! — Он смотрит на свое летнее, легкое одеяние, находящееся теперь в достойном сожаления состоянии. — Я присел там на газете, чтобы не запачкать брюки, а когда встал, то совершенно забыл про нее. Вы знаете территорию помпейских раскопок? Так вот, я сидел под одной из четырех малых мельниц. Газета лежит на каменном основании жернова, сразу же рядом с развалинами пекарни…

— Так что вы на ней записали?

— Номера не заблокированных каналов. Занзара поручил мне передать их вам. Только в этих каналах…

Мужчина бледнеет. Я догадываюсь, что только сейчас он начинает чувствовать результаты несчастного случая. Он пошатывается на скамейке, я пытаюсь его поддержать, но его тело выскользает у меня из рук и падает на перрон.

— Звони в скорую! — кричу я Лючии, потом присаживаюсь на корточках рядом с таинственным мужчиной. — Откуда вы сюда прибыли?

— С восемнадцатого канала.

— Кто такой Занзара?

Мужчина смотрит на меня пустым взглядом. Потом открывает рот, как бы пытаясь что-то сказать. Я наклоняюсь над ним, но слышу только одно слово:

— Блокада…

— Я не понимаю, о какой блокаде вы говорите. На газете что, записаны номера стереонов?

Раненый закрывает глаза. Прибывает карета скорой помощи. И в тот же самый момент на стенах появляются глубокие трещины. Очертания перрона дрожат, словно струны под напряжением, которое невозможно выдержать.

И вдруг меня окружает совершеннейший хаос. Все стены, принадлежащие моменту времени катастрофы, в один момент превращаются в развалины. Крыша станции валится на перрон. Кружащиеся в пространстве автомобили, скрученные в узлы рельсы, кирпичи, бетонные блоки и стальные конструкции пушечными снарядами пронзают наши тела. В течение нескольких секунд я слышу рев урагана, сметающего дома с поверхности земли. Но призрак катастрофы еще раз застывает в очередной фазе разрушения: образ рассыпающихся стен — проникающий сквозь обычную реальность города — застывает в полной неподвижности. Стены и колонны,

раздавливаемые волной чудовищного давления, каменеют по пути падения на землю; контуры разодранных циклоном конструкций висят в пространстве, занятом их неповрежденными соответствиями из времени, предшествующего землетрясение. Это удвоенное видение сопровождается звенящей тишиной, в которой врач скорой помощи сообщает, что мужчина в белом костюме мертв.

Вместе с Лючией мы выходим на улицу, садимся в такси и едем в Помпею. Автомобиль пронзает асфальтовые горы, вздыбившиеся на шоссе в тех местах, где произошло перемещение пород в результате усилившейся активности вулкана.

Даже картину развалин древнего города я вижу в двух совершенно различных версиях. На территории музея нет ни единой экскурсии. В баре для туристов сидит пару человек. Мы спрашиваем про мельницы. Развалины пекарни, похоже, находятся где-то недалеко. Мы проходим форум. Окружающий меня вид напоминает трехмерную фотографию песчаного замка, сделанную в тот самый миг, когда его смывает с пляжа высокая волна.

Реальная Помпея была населена тридцатью тысячами жителей, городом одноэтажных домов,

крыши которых поддались под тяжестью толстого слоя шлака и лавы во время знаменитого извержения Везувия. Та катастрофа произошла в 79 году нашей эры. Одеяло раскаленного пепла толщиной в пять метров похоронило большую часть жителей, фиксируя очертания их тел в виде пустых ям внутри застывшей лавы, и консервируя не разрушенные извержением внешние стены домов и перегородки. Мало на свете таких, не насилуемых толпами мест, как Помпея, где человек — вдали от стада туристов, которое прогоняют в музеях между застекленных витрин — может поднять из кучи самую обычную черепицу и под открытым небом, в тишине руин какой-нибудь комнаты, задуматься над загадкой необыкновенного контакта, что объединяет его с древним мастером, который тот же самый кусок обожженной глины когда-то держал в своих руках, а может и держит его там до сих пор — словом, задуматься над тайной времени.

Мы заходим в помещения, посещаем пивные и небольшие дворцы. Поблизости никого нет. Лючия глядит на фрески, заглядывает в амфоры, гладит пальцами уцелевшие колонны. Она спокойная и задумчивая. Вокруг нас она не видит другого образа Помпеи, залитой морем раскален-

ной лавы, в котором этот город — построенный когда-то под вулканом, захороненный и откопанный — через пару тысяч лет снова гибнет.

Мы входим в дворик пекарни. Под стенкой хлебной печи, выстроенной из плоских красных кирпичей, стоят в ряд четыре каменных жернова, которые по причине размеров называют мельницами. Газета лежит на постаменте последнего из них. На полях страницы ряд двухцифровых чисел: 12-15-17-28-51-78-86. Они ничего мне не говорят. Но я помню, что это номера незаблокированных каналов. Именно такое сообщение передал мне умирающий мужчина, только я не знаю, как эту неясную информацию употребить.

Возле жерновов мы сидим длительное время. Лючии это место нравится. Но ей хочется посетить и Неаполь. Мы оба очень голодны. Возвращаемся. По дороге к бару для туристов мы еще раз проходим главный рынок Помпеи, называемый Форумом. Посреди площади мы оборачиваемся, чтобы еще раз взглянуть на развалины. Лючия видит розовые стены и белые колонны, а я — столб раскаленной лавы, подпирающий черное небо над кратером Везувия. Прижавшись друг к другу и засмотревшись вдаль, мы постепенно уходим с рынка. В моих глазах

мираж сплетенных в пространстве стереонов.

И вдруг все это перестает существовать. Исчезает атомный гриб, зияющая пламенем гора, высокая волна, багровые и черные краски, древний мир и видение термоядерного разрушения, что проникало его в течение десятков наполненных ужасом секунд настоящего времени.

Совершившееся время

Нас окружил совершенно иной мир. Черное небо в одно мгновение посветлело, и пускай сейчас его покрыли клубящиеся тучи, проходящий сквозь них солнечный свет сильно контрастирует с темнотой той, вызванной атомной вспышкой, ночи. Стоял обычнейший хмурый день. Я чувствовал себя так, словно бы снял очень темные очки. Теперь я все видел нормально, и через пару секунд заметил, что мы находимся в Риме.

Мы стояли на Площади Венеции под монументом Виктору-Эммануилу Второму. Памятник был белым. Сквозь его очертания — резко зарисованные в пространстве — не проникал никакой чужой мираж. Через перекресток проезжали автомобили. Прохожие не обращали на нас внимания. Дома и люди выглядели совершенно обычно, но мне было крайне трудно освоиться с такой резкой сменой ситуации. На лице Лючии тоже читалось изумление. Но именно она гораздо быстрее пришла в себя.

По правому тротуару Виа дель Фори Империали мы направились к Колизею. По дороге я не был в состоянии осматривать развалины Форо Романо

— Римского Форума. Мои мысли были заняты тайной повторного внезапного изменения образа всей окружающей нас действительности.

На площади возле Колизея нас застал ливень. Прячась от него под стену развалин амфитеатра, я увидал за собой длинный ряд пронумерованных геометрических фигур. На фоне мостовой он был едва заметен. Этот ряд медленно перемещался в пространстве над самым мокрым асфальтом. В этот ряд входило несколько десятков окружностей и квадратов и несколько треугольников. Окружности имели в диаметре около одного метра, остальные поля приблизительно равнялись им величиной. Всего фигур было девяносто. На каждой из них виднелся крупный номер. Мы стояли рядом с номером сорок пять.

Как только я это увидел, то сразу же вспомнил, что такой же (а может, точно такой же) ряд чисел, окруженных цветными полями, я один раз уже видел за гранью блока стереонов, когда после самоубийства Нузана и моей «смерти» мы очутились на Крыше Мира. Тогда мы стояли на семьдесят восьмом поле, и именно таким был номер стереона, в котором, вместе с Ибрагимом, я пережил нереальное путешествие из Лондона на Капри, закончившееся трехдневным пребыва-

нием на этом чудесном острове.

Сейчас же — глядя на полупрозрачные номера изнутри блока стереонов — мне казалось, что это не они удаляются от нас, но мы от них, вместе со всем нашим окружением, которое перемещается внутри кадра-параллелепипеда. Мне хотелось вместе с Лючией войти на семьдесят восьмой номер, чтобы таким вот простым образом вернуться на Капри. Но, прежде чем мы успели добраться до нашего номера, ряд цифр переместился вглубь Колизея. На старое место он вернулся лишь через несколько минут, но мы в этот миг смотрели в противоположном направлении.

Под амфитеатром пронумерованные поля были недостижимыми: они углублялись в стенах, достаточно было на них глянуть. Вскоре они снова сменили свое положение. Когда я поглядел в сторону входа в метро, цифры тоже переместились туда. Мы пытались их догнать, мчась по площади под струями дождя. Наконец, мы приблизились к ним тылом. Такой маневр позволил нам встать на нужный номер. Как я и ожидал, через секунду нас уже окружал пейзаж Капри.

При случае я открыл общий принцип перемещения внутренней части экрана по отношению к раме, расположенной на съемочной площадке

Крыши Мира. Правило было очень простое: если наблюдатель покоился относительно своего постоянного окружения, вся внутренняя часть — словно плавучий остров — дрейфовала вместе с ним в сторону той стенки экрана, которая в данный момент находилась за его головой. Благодаря такой постоянной тенденции, перед глазами зрителя всегда находилась большая часть заполняющего трехмерный экран образа.

Зато в ситуации, когда человек двигался по отношению к миражу земли (особенно тогда, когда летел на самолете или ехал в поезде), движения его головы или изменение направления взгляда никак не влияли на направление перемещения пейзажа по отношению к съемочной площадке; в этом случае, в блоке стереонов все происходило точно так же, как и с экраном обычного телевизора: едущий автомобиль покоился по отношению к границам кадра, а поверхность шоссе перемещалась под его вращающимися на месте колесами. Это подобие было бы еще большим, если бы сенсорные переключатели каналов перенести с корпуса телевизора и установить их внутри экрана, у самого края кинескопа. В обоих устройствах контактные переключатели действовали на одном и том же принципе: в

обычном телевизоре смену программы вызывало прикосновение пальца, а здесь — в блоке из девяноста трехмерных фильмов, которые проникали друг друга в одном параллелепипеде — чтобы поменять канал, нужно было встать на выбранном номере.

Почему Ибрагим ничего не сказал мне о возможности применения сенсорных переключателей? Проведенные самостоятельно размышления на их тему вместе с воспоминанием о трех фигурах, которые таинственным образом исчезли посреди улицы в Сорренто, привели меня к выводу, что один их трех персонажей, которых я там узнал, является живым человеком. Ведь призрак никак не мог задействовать переключатель! И человеком, который вел двойную игру, я видел гипнотизера.

Девушка с острова

Небо над Капри было синим. Мы появились там перед стеклянной стеной «Голоса Тишины», а точнее — если по правде — это она появилась рядом с нами. Во всяком случае, на месте входа на станцию римского метро появились двери, ведущие в холл гостиницы. Здесь контактные поля были практически невидимыми: они маячили на фоне асфальтовой мостовой словно отражения плит тротуара в витрине магазинов. Но человек, знающий про их существование, все же мог их заметить. Этот факт имел для нас огромное значение, ведь в случае реальной угрозы взрыва в Неаполе мы могли бы быстро перенестись в другой стереон.

На лифте мы поднялись на двадцатый этаж небоскреба, откуда мне хотелось взглянуть на Неаполитанский залив. Небо над северным горизонтом было такое же мирное и голубое, как и в любом другом месте.

Мои часы показывали два часа. Мы были промокшие и голодные. Поэтому, прямо с крыши мы спустились вниз, в гостиничный ресторан. Лючия уже обрела память дней, проведенных

на острове, и вспомнила, что тоже проживает в «Голосе Тишины». Разговора на эту тему я не поддерживал, ибо полное объяснение нашей ситуации могло бы выявить и остальную часть правды: тот самый факт, что до сих пор Лючия находилась под влиянием гипнотического внушения.

После обеда мы еще несколько раз воспользовались лифтом. Сначала мы съездили в номер 1205, откуда лючия забрала свой костюм, потом на шестнадцатый этаж — за моими плавками. Двери номера 1628 были закрыты. Поэтому пришлось спуститься вниз, к администратору, за ключом, где агент МТ проинформировал меня, что мой приятель сейчас находится в другой гостинице, где пьет водку в дамской компании. Ибрагим никаких выездов не планировал. Это известие меня весьма успокоило: после переживаний последних дней мне очень хотелось отдохнуть, в чем мне мог бы помешать очередной удар рамы экрана.

Мы с Лючией возвратились наверх, в номер, который я делил с Ибрагимом. На столе стояла бутылка водки. Мы выпили по рюмке. Лючия побежала к себе в номер за нагревателем, я же выкупался и сбрил щетину. Когда я со всем спра-

вился, ванну заняла Лючия.

Ожидая ее, я заварил кофе и повесил нашу одежду на балконе. Чувствовал я себя совершенно здорово — курил сигарету и осматривал залитую солнцем комнату. В очередной раз я задумался над тем, каким образом этот фиктивный мир, которому фабрика снов придала форму трехмерного фильма, может столь верно подражать истинному окружению человека, давая ему полнейшую иллюзию во всех мелочах созданной здесь реальности. Стереоскопический образ обладал достоинствами материального совершенства: он был четким, ясным, цветным и красивым. Про себя я сравнивал его с миражом катастрофы. Чем была она? Предостережением? Пророчеством? Что делали бы мы в другом стереоне, если бы, несмотря ни на что, взрыв произошел, и если бы несомая термоядерным дыханием волна добралась бы и до берегов Капри?

Я не верил в силу рока, и только лишь потому вернулся на остров: только здесь, где находились террористки, за оставшиеся два дня я мог выявить правду, и здесь мне всего хватало для счастья, если не считать уверенности — как следует поступать дальше, чтобы разрешить, наконец, эту сложную загадку. До того, как Лючия

вернулась в комнату, я позвонил Мельфеи. Тот меня успокоил и пообещал, что через два часа будет возле бассейна.

Лючия в купальном костюме выжимала мокрые волосы. Она была очень грациозной, и в свете дня выглядела совершенно не так, как в Сорренто.

— Ты помнишь, когда мы встретились впервые? — спросил я.

Она не колебалась ни секунды.

— В вагоне фуникулера, едущем в Марина Гранде.

— Там ты глядела на меня.

Девушка улыбнулась и подала мне кофе; затем она закурила. Я поставил чашку на стол.

— А та пожилая дама, которая ехала с тобой…

— Это моя мать.

— Так ты приехала сюда с матерью?

— Нет.

— Она приехала к тебе?

— Нет, Антонио. Мы живем на Капри.

— То есть как? Живешь с семьей здесь, на острове?

Лючия кивнула.

— И где же?

— Вон там. — Лючия вывела меня на бал-

кон и показала на группу небольших домов на склоне. — Видишь ту розовую крышу на фоне белой стены?

Домик стоял в нескольких сотнях метров от гостиницы. Я был потрясен.

— И давно ты там живешь?

— Уже двадцать лет. Я родилась в этом домике. Отец построил его тогда, когда меня еще не было на свете. Родители тоже провели здесь всю свою жизнь.

— Странно. Я мне казалось, будто бы ты туристка. Но если у тебя на Капри семья и дом, тогда зачем ты платишь за номер в гостинице?

— Я уже не могу жить с матерью под одной крышей…

— Ты ее не любишь?

— Мне не хочется об этом говорить.

— Ну, если не хочешь…

Я вернулся в комнату и наполнил две рюмки. С самого начала нашей беседы я заметил, что Лючия говорит о себе без особой охоты. Приходилось вытягивать из нее слово за словом. Нет, это не имело смысла.

Я присел на кровати, выпил водку и уставился на пол. Выражение лица, наверняка, было обиженное. Помолчав какое-то время, Лючия села на

ковер и заглянула мне в глаза.

— Ты на меня обиделся?

— Давай не будем об этом говорить…

— А ты и не должен. Послушай… — Лючия взяла чашку с кофе; когда она отпила, зубы стучали о край чашки. — Ты никому не скажешь?

Под давлением ее взгляда я опустил глаза.

— Клянусь.

— Даже и не знаю, как тебе это сказать…

— Зачем ты сбежала из дома?

— Мне не тринадцать лет, чтобы убегать. Просто-напросто, положила в сумочку пару мелочей и перебралась сюда. Так я сделала первый самостоятельный шаг. А теперь собираю силы перед долгим путешествием.

— И куда ты хочешь ехать?

— На континент. Я должна отправиться туда, потому что за последние дни атмосфера дома сделалась совершенно невыносимой. У матери вечно какие-то видения. Она боится моря. С самого детства она воспитывала меня в страхе перед ним. Мы давно уже перебрались бы на континент, если бы мать могла преодолеть страх перед плаванием. Нам никак не удается убедить ее войти на корабль. Как только она приближается к берегу, так сразу же представляет катастрофу.

Точно так же она опасается и за меня, и потому ни разу не разрешила мне выйти в море. В это трудно поверить, но за двадцать лет я не видела ничего, кроме клочка земли на этом острове. До вчерашнего дня… Лючия помолчала. — Я даже и не знаю, когда это случилось. Во всяком случае, до того времени, как поехала с тобой в Рим, я никогда не была в Помпее или даже в Сорренто. Мать очень меня любит. Но под влиянием ее больного воображения я давно уже утратила уверенность в себе самой. Она забила мне голову своими представлениями, довела до того, что и у меня тоже начинают появляться похожие галлюцинации. Вскоре после того, как я перебралась в гостиницу, я своими глазами увидела то, о чем мне она столько раз рассказывала.

— В лифте?

— Откуда ты знаешь?

— Я тогда ехал с тобой.

— Тебя я не помню. В тот миг я была настолько перепугана, что не видела ничего, кроме того кошмара.

— И что же это было?

— Гигантская волна, цунами…

— Ты видела ее через стенку кабины лифта?

— В том-то и дело, что никакой кабины я не

видела! У меня было такое впечатление, будто бы я вишу в пространстве, и передо мной вздымается гигантская, словно гора, стена воды, которую ничто не остановит от того, чтобы обрушиться мне на голову.

Я выпил водку, что была в рюмке Лючии. Приходилось молчать, ведь мои объяснения только заострили бы страхи девушки и ее неуверенность в завтрашнем дне.

— И воспоминания той волны мучают меня во сне и наяву, — продолжила девушка.

— Здесь ты занимаешь номер на одного?

— Нет. Я живу еще с одной девушкой. Ее зовут Катарина.

— А она кто такая?

— Я ее почти что и не знаю. Сюда она приехала из Рима. Нас поселили вместе, потому что гостиница переполнена.

— А еще каких-то других видений у тебя не было?

— Нет. Но за последние дни уже трижды у меня были провалы в памяти, пьяницы называют такие разрывами в биографии…

— Но ты точно была трезвой?

— Ты же сам знаешь…

— И как это выглядело?

— Первый раз — на рынке на Капри.

— Перед рестораном «Кампанилле», когда увидала меня там и выбежала навстречу?

— Ты тоже был там?

— А ты меня не заметила?

— Нет.

— Тогда, к кому же ты бежала?

— К Альберто, четырехлетнему сыну моей сестры. Я его обожаю, и не видела несколько дней. Малыш вышел с моей сестрой погулять, я его увидела…

— И что произошло?

— Я потеряла память.

— В тот самый момент, когда бежала к пацану?

— Да.

— А когда ты пришла в себя?

— Только лишь в саду возле дома Софии. Там я узнала, что нахожусь в Сорренто.

Лючия сидела передо мной, на ковре. В ее рассказе не все соответствовало правде. Я понимал, почему она не знала, каким образом мы перенеслись с Капри в Сорренто. До момента открытия контактных переключателей я и сам не подозревал, что такое молниеносное перемещение возможно. Но почему она не упоминала о нашей встрече у обрыва, которая произошла вскоре

после смены канала — перед самой атомной вспышкой? Тогда она подбежала ко мне и произнесла три магических слова: «Бомба взорвется в Неаполе».

— Лючия, — я охватил ее лицо своими ладонями. — Попробуй вспомнить поточнее, где и когда ты увидела меня в первый раз в Сорренто.

— В доме Софии, когда ее отец отвечал на вопросы журналистов. Помнишь? Ты тогда вошел в комнату и сел рядом со мной.

— А раньше? Ты не помнишь нашей встречи у моря? Я ожидал тебя возле самого края обрыва. Когда ты подошла ко мне, вдруг сделалось так светло, словно бы ночью вспыхнуло солнце.

— Этого я не помню. Мне так кажется, что на берегу в Сорренто я никогда не была. Не помню я и нашей поездки из Помпеи в Рим или же из Рима на Капри. Вот дорогу в Неаполь помню хорошо. А потом опять два многочасовых провала в памяти. В себя я пришла на рынке в Помпее, а еще раз — на Пьяцца Венеция в Риме. После того мне показалось, что в одно мгновение переношусь в место, удаленное на несколько сотен километров: словно бы я заснула возле Колизея, а проснулась возле нашей гостиницы на Капри. От той поездки не могу вспомнить ни малейшей

подробности. Я даже не знаю, на чем мы ехали: на поезде, на автобусе?... А корабль? Как я могла его забыть? Ведь, с того момента, как увидела ту громадную волну...

Я не позволил ей закончить — не говоря ни слова, схватил ее за руки и притянул к себе. Губы я ей замкнул долгим поцелуем. Мне уже не хотелось размышлять о тактике фабрики снов и беспокоиться о судьбе миража, затерянного в семьдесят восьмом стереоне. Здесь мне хотелось переживать одни только приятные иллюзии. Впрочем, Лючия тоже — во всяком случае, в течение часа — предпочитала не думать о том, что так мало запомнила из нашей поездки в Рим.

К бассейну мы спустились в четыре часа. Все так же было жарко, погода стояла превосходная. Поскольку в это время «Лунный Цветок» (отель-близнец, стоящий напротив «Голоса Тишины») отбрасывал длинную тень на бассейны, мы перенесли лежаки на траву, где светило солнце. Вода была прохладная, что, по сравнению с раскаленным воздухом, мне очень подходило. Я плавал, нырял до самого дна, выходил на берег и снова прыгал в воду с трамплина. Наконец-то мне можно было забыть о всех тех проблемах, что мучили меня в течение множества необычных дней. В

воде Лючия несколько раз улыбнулась мне. Она всегда плавала рядом со мной, но, чтобы не замочить волос, спускалась в бассейн по лесенке.

Потом мы загорали на лежаках. Лючия еще раз вспомнила про Сорренто. Она сказала мне, что там чувствовала себя так, будто бы перед тем, как прибыть в дом Софии, у нее была свадьба. И под впечатлением этого брака она оставалась много-много часов. Это чувство сопровождало ее по дороге в Помпею (которую она помнит со всеми мельчайшими деталями), и окончательно покинуло ее только после возвращения на остров, перед входом в «Голос Тишины». Никогда раньше в ее жизни не было столь убедительной иллюзии. И хотя она понимает, что чувство это образовалось в ней в результате общего нервного кризиса, точно так же, как другие амнезии и видения, за развитие которых в огромной степени несет ответственность ее бедная мама, но, возможно, под воздействием чего-то другого, о чем сейчас она предпочла бы не говорить, и хотя сейчас ее подавляет грусть — об этой одной иллюзии она не будет жалеть до конца жизни. Когда я спросил у Лючии, кто в этом сне завоевал ее сердце, она ответила очень серьезно: «Ты же знаешь, кого я имею в виду».

В этот самый миг я увидел Мельфеи. Он стоял в плотном костюме под трамплином и глядел в нашу сторону. Он был не сам: сюда пришел с Паолой, внучкой де Стины. Я извинился перед Лючией и подошел к нему. Паола осталась возле бассейна, а мы уселись на лавке под стеной гостиницы, где больше никого не было.

— Где это вы так загорели? — спросил он.

— В Сорренто. Мне удалось обмануть бдительность ваших агентов и поплыть туда с Софией. Эту девушку я подозреваю в занятиях террористической деятельностью.

— Мы тоже следили за ней. Вот уже неделю она находится в нашем списке. Но на острове она появляется редко. В гостиницу приходит в компании своего отца. У него сломан нос, и, похоже, он известный психолог. Сегодня они находились здесь до полудня. У них есть домик в Сорренто, но София снимает номер в «Голосе Тишины». Она интересуется вашими песнями. Много информации относительно нее нам передал Нузан, который флиртует с Еленой, ее приятельницей. Обе девушки занимают номер 1123. Это хорошо, что вы заключили такое близкое знакомство. Поздравляю вас и благодарю. Вас повела интуиция?

— И она меня не подвела! После моего звонка у

вас было достаточно времени, чтобы провести все операции. В данный момент, от установленного в ультиматуме Черных Перьев «часа-ноль» нас отделяет два полных дня. То есть, я могу сказать, что свое задание выполнил с опережением, которое гарантирует угрожаемому городу полнейшую безопасность.

— Еще раз, от своего имени и от имени своего начальства благодарю вас за передачу нам необычайно ценных сведений. Мы вам очень обязаны.

— Когда власти ввели контроль дорог вокруг Неаполя?

— Вчера, ровно в шестнадцать ноль-ноль. Вы позвонили мне в половину первого дня. Сообщение я сразу же передал наверх. В час дня были приняты все необходимые решения, и в течение трех часов власти реализовали разработанный ранее тактический маневр под криптонимом «Концентрация — Блокада — Проявление». Заключенных, которые находились в дальних от угрожаемого города тюрьмах, в Неаполь перевезли на самолетах. В шестнадцать ноль-ноль наступил финал этой операции. Все четыреста шестьдесят восемь экстремистов, осужденных за террористическую деятельность в рамках нелегальной организации Penne Nere, были раз-

делены на небольшие группы и под плотным эскортом размещены в казармах карабинеров на всей территории Неаполя.

— После этих слов камень упал у меня с сердца. Теперь я буду спать спокойно.

— Синьор Антонио, я не сидел бы с семьей на Капри, если бы у меня не было абсолютной уверенности, что со стороны Неаполя нам ничего не угрожает. Сейчас мы здесь находимся в большей безопасности, чем где-либо еще. Обратите внимание на тот факт, что концентрацию заключенных и блокаду дорог необходимо было провести одновременно. Сквозь тюремные стены всегда проходит какая-нибудь информация. То есть, если бы заключенных начали собирать раньше, террористы могли бы перевезти бомбу в другой город. А в том случае, если бы вначале были перекрыты дороги, наши не знающие никаких угрызений совести противники имели бы возможность провести покушение до того, как мы успели бы свезти в город заключенных. И тогда ответственность за катастрофу возложили бы на армию.

— А сообщение про концентрацию «Черных Перьев» в Неаполе?

— Оно было распространено прессой, радио и

телевидением сразу же после завершения нашей операции. Понятное дело, про бомбу и угрозу со стороны террористов (если не считать их и нас) никто ничего не знает, а «собрание экстремистов» в Неаполе — официально — объясняется необходимостью проведения повторных расследований и перекрестных допросов. И неважно, поверят ли все в такую версию: для нас самое главное то, чтобы не вызвать паники. Так или иначе, Неаполь под контролем. Поиски бомбы там уже начались. Проверку автомобилей на дорогах, ведущих в город, и обыски в центре мы проводим под предлогом поиска нескольких экстремистов, сбежавших во время перевозки.

— То есть, мы можем вернуться в Лондон?

— Вы можете, хотя бы и сегодня. А вот Нузан должен еще задержаться.

— Не понял.

— Мы не позволим ему уехать до момента подтверждения полученной от вас информации.

— Вы хотите, чтобы Елена повторила ему то же самое, что один раз уже мне сказала София?

— Это обязательное условие.

— Вы мне не верите?

Мельфеи усмехнулся и положил свою руку мне на колено; затем полез в карман за своими

сигаретами «Лорд».

— Синьор Антонио. Мне было бы ужасно неприятно, если бы вы на меня обиделись; только де Стина знает, насколько вы мне симпатичны. Ибрагима же я только пытаюсь понять. Вам двоим я доверяю полностью, но вы инее нравитесь в большей степени, и я верю в сведения, которые вы сообщили вчера по телефону. В противном случае, никаких действий мы бы не предпринимали! Но там, где речь идет о столь высокой ставке, мое личное мнение решающего значения играть не может. Безопасность поезда одному человеку не доверяют. Космонавты летают парами. Всегда кто-то дублирует другого. Человек способен ошибаться, и потому мир сделался системой взаимных страховок. Я уже сказал, что со стороны Неаполя нам уже никакая опасность не грозит. Но кто знает, в каком городе бомба спрятана на самом деле?

Бассейн опустел. Лючия издали махнула мне рукой и зашла в воду. Мельфеи огляделся по сторонам.

— В каких обстоятельствах София доверила вам эту тайну? — спросил он.

— Я сказал ей, что шестнадцатого собираюсь в Неаполь. Поскольку она в меня влюбилась, то

попыталась выбить эту идею у меня из головы, а когда я заявил, что вечером поеду туда без всякого, поскольку подписал договор и должен буду выступить на концерте, от которого будет зависеть моя дальнейшая карьера — она рассказала мне всю правду.

— Вы это замечательно придумали. Но было бы лучше, если бы этот разговор состоялся на Капри.

— А какая вам разница, где мы разговаривали? Не понимаю я ваших расчетов. Ведь завтра утром Ибрагиму может стать скучно с Еленой. И тогда — исключительно ради святого покоя — он наберет номер телефона «Бриллиантового Поместья» и еще раз сообщит вам сведения, которые я вчера вытянул из Софии, даже если бы Елена ничего ему не сказала. Я мог бы склонить его сделать это, поскольку абсолютно уверен, что бомба находится в Неаполе. И снова мы возвращаемся к вопросу, почему вы мне не верите. Согласен, неподготовленному агенту нельзя доверить судьбы державы. То есть, с вашей точки зрения, дело безнадежное. А кому можно доверять в ситуации, когда от одного слова зависит результат игры со столь высокими ставками?

— Микрофонам, установленным в номерах

«Голоса Тишины».

— Микрофонам?

— Да. Послушайте-ка меня. Только беседа, зарегистрированная на пленке, сможет нас окончательно убедить в том, что вы разговаривали с настоящими экстремистками. Нам не достаточно ответа на вопрос, где они спрятали эту бомбу: слово «Неаполь» способна произнести любая невинная девочка. Мы должны быть свидетелями вашего разговора, поскольку нам о «Черных Перьях» известно кое-что, чего вам не сказали, что способно выйти на поверхность только во время дискуссии про терроризм, и по чему мы с легкостью узнаем наших милых дам.

Мне пришло в голову: а не подозревает ли меня Мельфеи, случаем, в том, что я перешел на сторону преступников.

— Выходит, мы не можем разговаривать с ними вне зоны действия ваших микрофонов?

— Да болтайте себе, где вам только нравится. Но в гостинице вы еще раз обязаны вернуться к этой теме. При случае, хочу сообщить, что мы установили подслушку и в вашем номере.

— Когда?

— Чего это вы так переполошились? Ведь речь идет исключительно о вашей выгоде. Нузану

удобнее будет склонить вас покинуть комнату, где ему хотелось бы иногда пофлиртовать с Еленой, чем искать укрытия у них и просить прогуляться ее подружку.

— Понятно. Но когда же?

— Во время вашего отсутствия.

— О кей. Я спрашивал затем, поскольку любой нормальный человек, за исключением актера, который по профессии обязан быть эксгибиционистом, чувствует себя не слишком хорошо, когда за ним наблюдают в интимных ситуациях.

Мельфеи глянул в сторону Лючии.

— А что скажет влюбленная София, когда увидит вас в компании той вот блондиночки?

— А это пускай вас не беспокоит. Свое я сделал, и теперь реакция Софии уже не изменит свершившихся фактов. Мне лишь грозит презрение со стороны ее приятелей. Но не будем об этом. Скажите лучше, как вы поступите в ситуации, если бы Ибрагиму не удалось получить подтверждения переданной вам информации.

— У него есть еще сорок шесть часов.

— А если он не успеет?

Мельфеи закурил следующую сигарету.

— Тогда нам придется выпустить на свободу всех экстремистов. Мы освободим их за час до

истечения срока ультиматума. Мы возлагали большие надежды на операцию МТ, но в неуверенной ситуации никакой политик не рискнет жизнями жителей Милана, Рима или Палермо.

Мельфеи поднялся.

— Мне пора. Вы останетесь на Капри?

— До самого конца.

— Дай Бог, чтобы конец нам благоприятствовал.

Он попрощался и ушел. Весь разговор мы вели на английском языке; впрочем, эта осторожность была излишней, поскольку рядом с нами никто не проходил.

Я переплыл бассейн и вернулся к Лючии. Потом мы пошли поужинать в бистро. Там никого знакомого я не встретил. Лючия рассказывала мне о своей жизни на острове. Понятное дело, что ничего общего с терроризмом она не имела. По пути наверх мы договорились, что через час я зайду за ней, и уже вместе мы спустимся в подвальное помещение «Голоса Тишины», где была дискотека, которая открывалась в девять вечера.

Я поднялся на шестнадцатый этаж. Ибрагима в номере не было. Тут я вспомнил про микрофон. Разыскивая его по всем закоулкам и щелям, я размышлял над тем, почему Лючия не помнит

наших встреч на рынке Капри и на берегу моря в Сорренто.

Вторая встреча произошла в другом стереоне вскоре после смены канала. Посвященный психоаналитик заявил наверняка, что поцелуи Лючии в течение этих двух встреч являются вымыслом моего подсознания. Встреча на рынке Капри произошла на следующий день после неудачного ухаживания в лифте, где я не был уверен, как отреагирует Лючия, увидав меня, но она приняла меня дружелюбно. Для меня она была важна, поэтому в тот миг, когда она с улыбкой направилась к кому-то, стоящему дальше, мне представилось, будто бы это я стал целью ее радостного бега. И вот тут, я, видимо, отступил на пару шагов, и в тот момент, когда девушка пробегала рядом, наступил на контактный переключатель.

Таким вот образом мы оба перенеслись на берег моря в Сорренто, где я испытал чувство угрозы и сразу же (под влиянием подозрения, что на Капри Лючия встречалась с другим мужчиной) представил себе вспышку и катастрофу, образ которой вот уже несколько дней носил в своем подсознании.

Мельфеи и не должен был знать механизм появления разных иллюзий. Может, он и подо-

зревал меня в переходе на сторону заговорщиков или же и вправду знал о них что-то больше, о чем нам не сообщили. Скорее всего, он не был легкомысленным, и в столь серьезном деле не желал полагаться на непроверенные сведения. Во всяком случае, его осторожность имела под собой основания. Размышляя обо всем этом, я совершенно утратил уверенность в себе.

То есть, нужно было продолжать поиски экстремисток. Из всех подозреваемых женщин только Лючию я мог исключить со всей уверенностью, и потому же должен был порвать с ней, ведь она мешала мне поддерживать другие знакомства. Ну не мог же я ей сказать, кто я на самом деле и какую миссию выполняю на Капри.

Я обыскал весь номер, но не нашел ничего, что походило бы на подслушивающее устройство. Агенты Мельфеи спрятали его очень тщательно.

Я выпил водки и отправился к Лючии. Я все же решил плюнуть на наше знакомство, объясняя это себе тем, что при расставании дистанционно управляемый призрак не может испытывать каких-либо неприятных переживаний. Ведь вся эта игра заключалась в обмане моих органов чувств. Трудно говорить о чувственной связи двух лиц там, где существует всего один человек,

засмотревшийся в объемную фотографию. Все это я прекрасно понимал, но формально для разрыва с Лючией мне не хватало хоть какого-то, но повода. Что-то сказать я ей был обязан. Конечно, фабрике снов никакого соблюдения приличий и даром не было нужно, но для кого-то, кто решился на расставание, даже если он намеревается уничитожить собственные иллюзии в форме хранимой где-то в ящике стола фотографии, всегда легче потом жить, если фотографию порвет по приличествующему поводу.

Для себя у меня имелся просто замечательный повод, вот только я не мог представить его этой перепуганной девочке. Но истинной причиной моего нежелания поддерживать знакомство с Лючией вовсе не была забота о судьбе угрожаемого катастрофой города (ведь какой такой Рим или Милан мог поместиться в той коробке, за стенками которой никакой Италии и не было): она относилась ко мне серьезно, я же искал здесь только приключений и развлечений, желая пережить эту фикцию без невозможных для выполнения обязательств или же иллюзорных тревог, как читатель с дюжинной книжонкой — пролистать и выбросить.

Когда я вошел в номер Лючии, то почувствовал

себя не в своей тарелке и разговор о нашем расставании решил отложить на потом. Девушка ожидала меня с двумя чашками кофе. На вечер она одела брюки; подкрасила глаза и сушила свежий лак на ногтях. Лючия приветствовала меня улыбкой, но даже если бы она была и печальной. Все равно сложно было бы отменить совместную забаву. Мы направились к лифту.

В подвале «Голоса Тишины» уже царил адский грохот, издевавшийся над названием гостиницы и над случайными посетителями, по недоразумению приходящими на дискотеку, чтобы побеседовать или же подумать о своем с рюмочкой в уголке. В многочисленной компании мы развлекались до часа ночи. Там я встретил всех встреченных на острове девушек: повисшую на японце Франческу и массивную Розу, равно как и ее подружку — веселую, настоящую туристку — Клару; Катарину, которая делила номер с Лючией; и даже Софию, когда Елена вытащила ее из дома в Сорренто. Парой слов я обменялся с Марисой: она вовсе даже и не имела претензий, что я перед ней разделся. В танце я столкнулся с гипнотизером. Он пригласил всех нас к себе на виллу. Я пообещал, что очень скоро мы его посетим.

Ибрагим появился только после полуночи.

Глаза у него были стеклянные. В качестве приветствия он расцеловал меня. По дороге в буфет, я выслушал его отчет по самым главным событиям, случившимся на острове во время моего отсутствия.

— Клара и Катарина уже засчитаны, — сообщил он. — Толстуху Розу тоже не пропустил. Вот только с Еленой переспать пока не удалось. А ты? Как пошло в Сорренто?

— Не удалось…

— Потому что ты все время открываешь карты и не можешь разыгрывать тузов.

После этого он вернулся к более подробным характеристикам своих обожательниц. Слово «бомба» в его коротком рапорте прозвучало дважды: сначала он воспользовался им, чтобы подчеркнуть вес Розы, а потом — описывая сексуальный опыт Катарины. Агент Мельфеи, прислушивавшийся к нашему разговору, понял только одно это слово и обратил мое внимание, на итальянском языке, чтобы синьор Нузан в публичном месте не выдавал государственную тайну.

Протанцевали мы до часа ночи. Ибрагиму не хотелось прекращать забавы, даже когда прозвучал последний шлягер. После закрытия нашей

дискотеки, вместе с Катариной он отправился в другую.

У Лючии в глазах была видна усталость. Я провел ее на двенадцатый этаж, после чего вернулся к себе в номер. Свет я не зажигал — на стену падал отсвет из окон стоящего напротив отеля. Я сел на кровати и целых полчаса тупо пялился на ковер на полу. Потом в голову мне пришла мысль о телефоне.

Я набрал номер Лючии.

— Ты спишь?

— Нет, не могу заснуть — все время думала о тебе, о Риме. Мне так хотелось бы остаться там. Зачем мы возвратились сюда?

— Потому что в ближайшее время мне нужно быть на Капри. Я не могу сказать, что здесь делаю. В любом случае, я буду очень занят, и потому мы не сможем встретиться ни завтра, ни послезавтра. А через пару дней мы с Ибрагимом вылетаем в Нью-Йорк.

Я вылил остатки виски в стакан.

— Антонио…

Я вслушивался в тишину. Выпил содержимое стакана, потом потянулся за тоником. После минутного молчания я положил трубку.

Потом я развалился на кровати — курил и

смотрел через окно на отражения огней в воде бассейнов.

Заснул я одетым.

Право на смерть

Утром следующего дня Ибрагиму не хотелось идти завтракать. Он бурчал, что еда здесь, в гостинице, несвежая. У меня тоже не было аппетита. Поднялись мы только часов в десять. Похоже, что день будет таким же жарким — пятнадцатое июля.

Мысль о микрофоне, спрятанном где-то в номере, связывала наши языки. Мы решили до обеда не курить, зато прямо с постели отправиться в бассейн. Чтобы размять косточки, мы решили отказаться от лифта и с шестнадцатого этажа спустились по лестнице. На каждом этаже Ибрагим выглядывал в окно.

До девятого этажа он насвистывал «О соле мио». На восьмом сообщил, что если у меня есть какие-нибудь проблемы, то он рад был бы мне помочь, вот только Лючия ему не нравится. На седьмом он похлопал меня по плечу и прибавил, что, возможно, мог бы заняться и ей, а уже на шестом, решил, что переспит с ней уже сегодня.

В морду ему я дал на пятом этаже. Он разбил стекло и вылетел за окно. Какое-то время я просто не мог сдвинуться с места: только глядел на лазур-

ное небо, окаймленное остатками стекла и ждал отзвука упавшего тела. Перед глазами у меня маячил образ лежащих на асфальте окровавленных ошметков. А потом я подскочил к окну.

Нузан лежал в воздухе на высоте пола пятого этажа — на расстоянии в несколько метров от стены гостиницы. Да, именно так: он лежал в воздухе, а не висел. Выглядело это так, словно он разлегся на невидимой стеклянной плите. Я сразу же понял, что удерживает его над улицей: Ибрагим полз ко мне по скользкому дну экрана.

Я втащил его на лестничную клетку. Нузан был весь в крови, на лбу и на ухе раны. Он сильно побледнел, тяжело дышал и бормотал что-то непонятное:

— Трижды один: три, и еще один — четыре. Сорок восемь.

Это было похоже на агонию, но через несколько минут Нузан заговорил уже осмысленно:

— От земли нас отделяют четыре фиктивных этажа, а шестнадцать остальных — считая по три метра на этаж — дают нам сорок восемь метров. Высота экрана — пятьдесят метров. Выходит, на двадцатом этаже находится живой человек. Бегом в лифт!

Мы поехали на самый верх здания. В ресторане

нам сообщили, что несколько минут назад один из завтракавших клиентов вдруг потерял сознание. Он ударился головой в тарелку, перевернул стол и упал на пол. Официант с подозрением приглядывался к Ибрагиму.

— И мы не могли его поднять, — прибавил он.

— Как он выглядел? — спросил я.

— Ну, такой… с кривым носом.

— Это отец Софии. Что с ним случилось?

— Ничего. Еще до того, как мы позвонили в скорую, он вскочил с пола, расплатился и сам отправился к лифту.

— Когда?

— Только что.

Мы с Ибрагимом обменялись понимающими взглядами.

— Нас уже нет! — крикнул я.

Мы побежали к лифту, держа руки над головой. Перед дверями лифтом я глянул на все указатели: две кабины поднимались вверх (эти нам никак не угрожали), а вот третья была уже на восьмом этаже по дороге вниз. Мы вскочили в четвертую кабину.

Гипнотизер спас Ибрагиму жизнь. Мы хотели поблагодарить его за это, на внизу старика не нашли. Не было его ни в холле, ни на пляже

между зданиями. Наверняка он воспользовался переключателями, чтобы в Сорренто закончить завтрак, столь неудачно начатый на Капри.

Ибрагим уселся на парапете бассейна.

— Ты знаешь этого типа? — спросил он.

— В Сорренто он пытался меня загипнотизировать, только ничего из этого не вышло. Похоже, что тогда я находился под другим, более сильным внушением.

— Интересно, каким образом он попал в наш стереон? Во всяком случае, мне повезло! Я упал на пол экрана, а он получил по голове потолком. Когда я полз к окну, он не мог встать, потому что рама прижимала его с такой силой, словно бы он нес меня на спине.

— Но ведь экран не может углубиться в поверхность Крыши Мира или подняться над ней.

— Естественно. Блок стереонов никогда не изменяет своего положения. Вверх Ии вниз перемещается только внутренняя часть экрана. Когда этот человек ехал на лифте — на двадцатый этаж, все здание переместилось на несколько десятков метров ниже. В противном случае, живой пассажир лифта не мог бы добраться до ресторана, поскольку гостиница выше экрана. В данной ситуации бассейны очутились под съемочной

площадкой (как называют поверхность Крыши Мира) и перестали существовать, хотя мы их продолжали видеть. А вот в тот момент, когда я выпал через окно, трехмерный образ отеля переместился вверх вместе с твоим гипнотизером, который ударился головой в потолок экрана.

— Выходит, постоянная угроза со стороны всех шести стенок экрана неизбежна?

— Точно так же ты мог бы спросить, а возможна ли безопасная езда на автомобиле. Ну конечно! При соблюдении определенных правил. Но ты же знаешь, как это выглядит на практике. Любое изобретение тут же несет за собой новые угрозы. Кажущееся перемещение стенок экрана, точно так же, как и в случае езды на автомобиле, в одних обстоятельствах убийственно, а в других — способно спасти жизнь.

Нузан встал и направился к «Лунному Цветку».

Около полудня на пляже появилось множество туристов. Жарким воздухом трудно было дышать. Каждый десяток минут я заходил в воду, а выйдя на берег возвращался к размышлениям, которые всем моим планам на остаток дня придавали только одно направление — Сорренто. Софии в «Голосе Тишины» не было. Пришлось бы разыскивать стереон с ее домом. Но я опасался того, что

на побережье Неаполитанского залива еще раз встречусь с миражом катастрофы.

У меня уже не было никаких сомнений в том, что София и Елена — это живые женщины. Дочь реального человека не могла быть миражом. Кроме того, обе девушки интересовались нашей группой. Их портреты соответствовали описанию разыскиваемых террористок, которыми, скорее всего, они на самом деле и были. Но в таком случае, фабрика снов втянула их в не слишком чистую игру: мы — живые мужчины — в этом соревновании «сражались» за судьбу фиктивного город, а они — самые настоящие женщины — выступая на стороне не существующих экстремистов, играли роли нехороших персонажей. Поскольку они еще не знали, кто мы такие, и с какой целью нас привезли на Капри, у нас имелось преимущество, которым нужно было воспользоваться.

В то время, как я размышлял над всем этим, образ Лючии постоянно влезал в мои мысли. Чтобы забыть о ней, я несколько раз переплыл бассейн, а затем пошел к «Лунному Цветку», чтобы поискать Ибрагима. Много времени это не заняло: он лежал на траве и лечил полученные при падении из окна раны.

Я рассказал ему всю историю своего пребывания на континенте, пропуская лишь те фрагменты, которые касались Лючии. Его реакция была для меня неожиданной: Нузан был изумлен и обеспокоен. Он не хотел поверить в возможность использования контактных переключателей, когда же я помог ему их найти, посчитал, что в нашем блоке случилась какая-то авария, поскольку в исправно действующих узлах стереонов смена один раз избранного канала просто исключена. Конструкторы съемочной площадки сделали невозможным свободное перемещение людей между каналами, а введение солидных предохранителей было вызвано заботой о безопасности зрителей.

До сих пор Ибрагим был свято уверен, что мое пребывание в Сорренто — это чистая мистификация. Еще сильнее он перепугался, когда услышал про атомный гриб над Неаполем и про извержение Везувия.

— Ты видел будущее, — заявил он. — И это не было иллюзией. А вот заметил ли ты, с какой вероятностью катастрофа случится?

Я не понял, что он имеет в виду. Тогда ему пришлось объяснить мне, почему в том стереоне у меня были наложенные изображение и звук.

На контактном поле, наряду с определенными сведениями относительно выбранного стереона, находятся кнопки для вызова очертаний будущего. Зритель, входя на съемочную площадку, может нажать на одну из них, и вот тогда, на фоне главного изображения, представляющего окружение на данный момент, появляется мираж ситуации, которая будет иметь место через несколько дней. За секунду до того в окошечке появляется число, определяющее вероятность исполнения показываемой ситуации. Это весьма существенно, поскольку в трехмерном фильме, совсем не так как в фильме плоском, никогда нет абсолютной уверенности в том, что принесет следующий день. Имеется десять кнопок. Не все ними пользуются. Большая часть стереозрителей предпочитает неожиданность.

Ибрагим попросил, чтобы я описал путешествие в Сорренто с самыми мельчайшими подробностями.

— Что ты увидел в самый первый момент? — спросил он.

Я мысленно вернулся к сцене на рынке Капри и попытался вспомнить, что случилось в момент, когда Лючия подбежала ко мне.

— Может, серебристую сферу, — предложил он.

— Ну да! Она появилась на горизонте, радиус ее очень быстро увеличился от точки до бесконечности. Через секунду она поглотила все вокруг и…

— Все в порядке. И с этого самого момента у тебя появилось наложенное изображение и звуки.

— А почему только я видел этот второй образ?

— Потому что, входя на главный переключатель, никто, кроме тебя, не нажал ногой на ту кнопку. Тут все сходится. Вот только не рассказывай, будто бы мираж атомной вспышки или дым от горящих деревьев закоптили тебе лицо и одежду. Видимо, за время четырехдневного бродяжничества ты просто запачкался где-то у самого обычного костра. Потому-то София и не смогла тебя узнать, хотя прекрасно знает нас по фотографиям и телевизионным выступлениям.

— Кстати! Чуть не забыл. По местному времени, события в нашем стереоне начались в Лондоне, шестого июля. Странно, потому что София утверждает, будто бы итальянское телевидение рекламировало нашу группу уже в начале июня.

— Здесь нет никакого противоречия. Если все так, как она утверждает, выходит, что на съемочной площадке мы появились за месяц до ввода в действие.

— Как это?

— Разве я ничего не говорил тебе про нулевой канал?

— Нет.

— Как правило, места в блоках зарезервированы. Под Крышей Мира люди ожидают их в очередях. В действие трехмерного фильма стереозритель направляется сразу же, если перед тем получил результаты исследований личности. У нас этих результатов, естественно, не было, и потому, сразу же после того, как заняли поле, сначала попали в нулевой канал, где нас тут же усыпили, чтобы провести всесторонний анализ наших желаний и способностей. Чудес не бывает! Ведь до того момента центр управления семьдесят восьмого канала не знал даже наших имен. Без специальных исследований, когда во время глубокого гипноза открывается подсознание зрителя, фабрика снов не знала бы, какие роли нам предложить, она не могла бы управлять и призраками. Тесты проявляют истинные мечтания потребителя программы, и с достаточно большой вероятностью позволяют предусматривать его реакции.

— То есть, мы проспали весь июнь, и потому ничего не помним. Диски, имитирующие записи группы «То тут, то там», центр управления рас-

пространил вскоре после нашего появления на съемочной площадке, а уже в действие внутри стереона нас включили только через месяц, когда София с Еленой случайно заинтересовались нашими песнями, и когда призраки представителей власти (обеспокоенные ультиматумом «Черных Перьев») решили предложить нам роль разведчиков. Вот так все это я могу себе представить. Вся история тщательно продумана…

— И все в ней граничит с чудом.

— Не забывай, что для первобытного человека даже обычный телевизор был бы сверхъестественным явлением.

— Хорошо, я такой вот первобытный человек, и мне хотелось бы понять, почему люди толкутся на Земле. Разве нет места на других планетах?

— Ты видел поверхность Земли из иллюминатора самолета7 что покрывало сушу в двадцатом веке? Безбрежные поля и леса. Но тогда почему во времена, когда земля была пустой, люди скучивались в местах, называемых городами?

— Ладно, ответь мне хотя бы на один вопрос. Человек бессмертен?

— В списке базовых прав человека право на смерть занимает первое место. За него сражались такие выдающиеся гуманисты, как — назову

здесь только самых…

— Право на что?

— Право на смерть. После победы…

— Погоди. Раз человек может омолаживаться любое число раз…

— И достаточно много раз он может исправлять реальные или мнимые недостатки собственного тела.

— То есть… он не…

— Так вот, война за это право длилась тысячелетиями. После Шестой Мировой Религиозной Войны…

— Какой?

Нузан глянул на меня с ненавистью

— Слушай, с тобой хоть кто-нибудь способен прийти хоть к чему-нибудь? Стукни себя по своей глупой черепушке из двадцатого века! Ведь жизнь не обязанность, чудовищная тюрьма без выхода, как того хотели сторонники Бесконечной Каторги. Хотеть — это значит мочь. Но мочь — это не означает «хотеть». Поэтому, в ситуации, когда каждый мог бы жить вечно, последний рекорд продолжительности составил всего 1175 лет, да и то, он был установлен в те времена, когда люди были одарены намного большей стойкостью. Терпение обыкновенного обитателя Земли ис-

черпывается, обычно, лет через триста, а еще через сотню он уже подает прошение на вход в отдел казней.

— Разве под Крышей Мира не хватает развлечений?

— Вовсе нет.

Возле бассейна появилась Елена и тут же прыгнула в воду. Ибрагим поднялся и направился к ней.

— Подожди! — крикнул я ему вслед. — Ты говорил про стойкость. Так почему же никто не смог побить тот рекорд?

— Потому что все остальные гораздо раньше ломаются под бременем скуки.

Блокада

Пообедал я в компании Елены с Ибрагимом, который уже сильно подружился с девушкой. Мы отправились на десятый этаж, в большое бистро. Елена неплохо говорила по-английски, но гораздо лучше она знала итальянский язык. От нее я узнал, что София с отцом отправилась в Неаполь. Завтра утром они собирались навестить ее на Капри.

Благодаря очертанию будущего, которое стало мне известно в Сорренто, я мог быть уверен, где прячут бомбу. Но почему ее взрыв был настолько неизбежным? Елена была веселой. Я размышлял о том, а что эта девушка думает о ситуации заговорщиков, если она связана с ними на самом деле. Террористы были в проигрыше. После концентрации заключенных в Неаполе, они никак не могли реализовать свою угрозу. Но если бы Мельфеи не был убежден в этом, в последний момент они неожиданно победили бы.

После обеда я попытался направить беседу на темы, связанные с терроризмом. Ибрагим поддерживал дискуссию, но Елена не позволила себя втянуть в нее и заявила, что мы нудные. Тогда

Ибрагим увел ее из бара. В дверях он поднял ключ от комнаты Елены и подмигнул мне.

На пляж я уже не пошел, а долгое время крутился по гостинице. Сначала заглянул в кинотеатр, потом в книжную лавку, где выпил кофе. Потом пришла мысль позвонить Марисе, но я продолжал думать о Лючии и подсознательно надеялся на то, что случайно где-нибудь ее увижу. В зале игровых автоматов я истратил пару тысяч лир на автомобильных гонках. Там же я встретил Лучано. Мы говорили о похищении в Лондоне и принудительной поездке в Италию, во время которой он был одним из сопровождающих. На этот раз он стал предлагать мне героин. Его люди следили за Софией и Еленой. Де Стина приказал им убирать с нашего пути потенциальных соперников.

После ужина я вернулся к себе в номер и заснул перед включенным телевизором.

Разбудил меня телефонный звонок. В трубке звучал голос Мельфеи, но я был настолько сонный, что только через пару минут до меня дошло, что он имеет в виду.

— Могли бы вы выступить в роли переводчика? — спросил Мельфеи.

— Для кого?

— Надо помочь Ибрагиму объясниться с врачом, который не говорит по-английски.

— А что с ним стряслось?

— У него были неприятности с Еленой.

— У врача?

— Нет, у синьора Нузана.

— Он ранен? Елена побила его?

— Нет. Значительно хуже: она в нем разочаровалась.

— Погодите, — я встал с кровати и выключил телевизор, — не могли бы вы выражаться попонятней?

— Это весьма деликатное дело.

— Не уверен, правильно ли я понял…

— Я тоже не знаю, что вы поняли. На всякий случай, мы вызвали из Неаполя самого лучшего сексолога. Ибрагим в депрессии.

— Понятно. Его же словами: «Открыл карты и не разыграл тузов».

— Что-то в этом роде. Он и сам мне так сказал. Нужно поставить его как-то на ноги, поскольку он провалит нам всю операцию. Вы же знаете, как оно бывает. Женщины любят все обобщать, и Елена могла бы подумать, что в планируемом супружестве от Ибрагима не будет никакого толку. Врач с синьором Нузаном прибудут в гостиницу

через четверть часа.

В шкафчике Ибрагима я обнаружил бутылку коньяка и, на всякий случай, выставил ее на стол. Перевод требовал знания профессиональных итальянских терминов, кто знает, насколько точных и специфических. Под рукой у меня не было никаких словарей, но как только выпил половину стакана, тут же вспомнил парочку употребительных оборотов.

У сексолога было мрачное выражение лица. Ибрагима он не обследовал, а все свалил на спиртное. Когда я попросил говорить помедленнее, поскольку я не успевал переводить, врач разрядил свою злость в неаполитанском диалекте, приказал себе налить, выпил и после того говорил уже серьезно.

— Сколько женщин вы познали за свою недолгую жизнь? — спросил он у Ибрагима.

— Тридцать две.

— А сколько раз с вами случалась такая, как сегодня, неприятность?

— Четыре.

— Когда это было.

— Когда мне было шестнадцать, двадцать, двадцать шесть лет, ну и сегодня — то есть в тридцать один год.

— Это нехорошо. Меня беспокоит значительная нерегулярность этих ваших периодов. А эта девушка вам не нравится?

— Почему, нравится.

— По-видимому, она для вас многое значит.

— Нет, не сильно.

— О чем вы думали, когда ложились в кровать?

— О Неаполе.

— Понятно! У вас там другая девушка.

— Нет.

— Тогда почему вы думали именно про этот город?

— Не знаю.

— А я знаю! Потому что никакой большей глупости вам в голову не пришло. В кровати нельзя думать ни о каком Неаполе. Так, дорогие мои, — он глянул на бутылку, — к сожалению, мне нужно бежать к следующему пациенту.

Он выписал рецепт на ромашку и приказал пить ее три раза в день. Прощаясь с Ибрагимом, он погрозил ему пальцем:

— В кровати нельзя думать!

И он застыл, вытянув руку перед собой. Я сорвался со своего места и пожал эту руку, но врач ее не опустил. Чтобы дать ему возможность при-

нять нормальную позу, пришлось сунуть ему сто долларов. Только после этого врач улыбнулся, подмигнул мне и вышел.

Поздно вечером мы отправились на дискотеку, но перед тем допили коньяк. Ибрагим рассказал мне, что делал после неудачной встречи с Еленой. Он не терял времени. Прогуливаясь неподалеку от пронумерованных контактных полей, он последовательно наступал на переключатели и посетил все экраны, стенки которых полностью покрывались границами нашего блока. Вернулся он с совершенно неожиданными заметками: практически все экраны были заняты какими-нибудь частями Неаполя. Все, за исключением трех. Если не считать семьдесят восьмого канала, в котором мы сейчас пребываем на Капри, только два других не представляют того города.

Ибрагим был удивлен, поскольку ни в одном из девяноста стереонов он не обнаружил Сорренто. В пятнадцатом его окружил вид Рима, а в семнадцатом — Палермо.

Я объяснил ему, что во время его прогулки София со своим отцом находились в Неаполе (о чем мне сообщила Елена) — когда они отправились туда, вилла психолога со всем Сорренто переместилась далеко за границы их экрана. Тут же мне

вспомнился мужчина, погибший на станции в Торре Аннунциата. При этом я положил на стол газету, найденную в Помпее. На полях, согласно информации некоего Занзары (переданной мне умирающим), были записаны номера не заблокированных каналов: 12-15-17-28-51-78-86.

Мы всматривались в эти цифры, пытаясь понять, какую блокаду мог иметь в виду этот таинственный Занзара. Лишь в одном не было никаких сомнений: экраны, представляющие Рим, Палермо и Капри, принадлежали к не заблокированной семерке. Остальные четыре свободных экрана, вместе с восьмидесятью тремя другими — заблокированными — в данный момент включали какие-то фрагменты Неаполя.

Я даже протрезвел, когда Ибрагим сообщил мне, что вероятность взрыва бомбы в Неаполе составляет девять десятых — то есть, практически наверняка. Он и сам видел мираж катастрофы, причем, неоднократно. Вызванные на контактных полях очертания будущего позволили ему определить точное время вспышки. В момент взрыва часы в Неаполе показывали восемнадцать ноль-ноль.

Этим вечером в подвальной дискотеке я ни разу не вышел на танцплощадку: сидел у бара и глядел

в пространство с кучей пляшущих призраков. Я думал о Лючии, которая весь день не покинула своего номера на двенадцатом этаже.

Заговорщики

Шестнадцатого июля погода в районе Неаполитанского залива была такой же замечательной, как и в предыдущие девять дней.

В восемь утра я позвонил в номер 1123, но София там еще не появилась. Ибрагим изучал список свободных экранов и отсчитывал время до «часа ноль». Про Елену он вспоминал без особой охоты и заявил, что после полудня перескочит в Палермо: у него не было желания ожидать вспышки, чтобы вернуться в «тот муравейник».

Я спросил его, неужели жизнь под Крышей Мира такая уж невыносимая.

— Наоборот! — воскликнул он. — Жизнь под съемочной площадкой для тебя будет просто фантастическая. Она просто шикарная и переполненная самыми изысканными развлечениями. И она подходит практически для всех людей, поскольку, по сравнению с ней, наше пребывание на Капри — это просто существование в пещерах первобытного человека.

— Ну а если так, тогда почему же ты шатаешься по различным стереонам, действие которых разыгрывается в ранней Древности?

— Потому что я — другой! В твоей эпохе тоже ведь не все вели жизнь возле теплой печки. Кто-то искал приключений в горах и в море, они предпочитали разбивать палатку под голым небом, костры и леса, неудобства и угрозы — только бы не безопасные, прекрасно обставленные квартиры. Сейчас же простые эмоции можно переживать только в стереонах. И как раз для любителей таких безумств съемочную площадку и выстроили.

В ресторане Ибрагим не пропускал ни единой юбки. За столом он завел знакомство с англичанкой, которая была старше него.

— А почему вчера ты признался во всем Мельфеи? — спросил я у него по дороге к лифту. — Мне казалось, что ты его не любишь.

— А я и не должен был что-то говорить. Пленка с замечаниями Елены по моему поводу лежит в «Бриллиантовом Поместье». Ты что, забыл про подслушку?

После завтрака мы вышли на пляж. Ибрагим остался возле первого бассейна и сразу же вскочил в воду. Я же увидал Софию с Еленой, которые загорали в кустах. Лиситано сидел под зонтом на другой стороне искусственной дюны, насыпанной строителями из морского песка. Я же

выглядывал Лючию.

София попросила у меня сигарету. Я уселся рядом с ней, и мы разговорились о ее вилле в Сорренто. Ей вспомнилось, что она посоветовала мне обратиться к окулисту.

— Как твои глаза? — спросила она.

— Хорошо.

— Тогда я пряталась перед Еленой, потому что предпочитаю сидеть в Сорренто, а она все время пытается вытащить меня на Капри. Тогда я объявила внизу, что выхожу из дома, но позабыла про один очень важный визит. Когда ты спустился на первый этаж, меня, случаем, никто не спрашивал?

— Нет.

— А ты не видел там мужчину в белом костюме?

«Внимание! — подумал я. — Неужто София спрашивает про посланца таинственного Занзары?

— Как он выглядит? — спросил я.

— Я его не знаю.

— А он тебя?

— Он меня тоже не знает. Договор был по телефону, через третье лицо, а я потеряла с ним контакт. Пошли поплавать?

По дороге в бассейн я решил поставить все на одну карту. У меня уже не было никаких сомнений в том, что София говорит о мужчине, погибшем на станции. В нашем блоке стереонов живых людей можно было пересчитать по пальцам: мужчина в белом костюме, Занзара, Лиситано, София с Еленой и мы двое — о чем наши противники еще не знали. В этой ситуации — после торможения поезда — раненный, видя кровь у меня на лице и стоящую рядом Лючию, легко мог спутать нас с гипнотизером и его дочкой, которым должен был передать важные сведения.

Мы остановились на самом краю бассейна.

— Тот человек мертв, — сказал я.

— Откуда ты знаешь?

— Я встретил его на станции в Торре Аннунциата, где он случайно узнал, что я бываю у вас в доме. Его сбил поезд, и мужчина умер на перроне. А перед смертью он передал тебе письмо.

— И где это письмо?

— У меня в номере.

Мы отправились наверх в купальных костюмах. Софии было двадцать четыре года, и она должна была знать, что игра в ультра-заговоры опасна для обеих сражающихся сторон. Когда мы зашли в номер, я без каких-либо вступлений про-

вел в жизнь теорию в соответствии с правилом Мельфеи. Правда, у меня не было уверенности, приведет ли такое поведение к намеченной цели. Но ведь что-то делать было нужно! Сопротивление Софии было самым умеренным. После факта она совершенно забыла о письме, ради которого поднималась на шестнадцатый этаж.

Обнаженные, мы лежали на кровати под окном.

— А почему ты развелся со своей первой женой? — спросила София.

— Потому что она начала выпивать.

— А со второй?

— Она начала много есть.

— Растолстела?

Я глядел в потолок.

— Наверное, с третьей ты разведешься, когда она начнет расспрашивать про первых двух?

— Угадала. Давай лучше поговорим про Сорренто. Там ты сказала, что наши судьбы не имеют одна с другой ничего общего. Ты в этом уверена?

— Да. Наши дороги сегодня пересеклись, но потом разойдутся навсегда.

— Может, я мог бы изменить их направление.

— Зачем?

— Тебе этого не хочется?

София опустила голову на подушку.

— Послушай, — склонился я над ней, — мы бы поехали в Южную Америку. Вскоре я сделаюсь еще более знаменитым. Там бы ты могла начать со мной новую жизнь.

Девушка закрыла глаза и какое-то время лежала, не шевелясь. Я сжал ей руку.

— И что ты об этом думаешь?

— О чем?

— О нашем супружестве и поездке в Америку. Ты же веришь, что я сделаю там карьеру?

София глянула на меня совершенно безразличными глазами.

— Знаешь что, мой зазнавшийся идол?…

— Ну?

— Я бы не хотела делать тебе больно, но…

Я вздрогнул. В открытой двери номера стояла Мариса.

— Могла бы и постучать, — бросил я ей.

— Я три раза стучала.

Мариса была в замешательстве, она повернулась к выходу. София приподнялась на кровати и позвала ее:

— Погоди, — сказала она веселым тоном.

— Чего ты хочешь?

— Иди к нам.

Мариса еще сильнее покраснела. Вообще-то, один раз она уже видела меня раздетым, но, на всякий случай, я поискал покрывало. Но не успел я его поднять, как Мариса выскочила в коридор, громко хлопнув за собой дверью.

Было жарко, мы растянулись на простынках. Я вспомнил о Лючии. София закурила.

— Отдай же мне, наконец, письмо, — сказала она.

— Правильно, — вспомнил я.

Поднявшись с кровати за газетой, я врезался головой в невидимый потолок экрана. Прозрачная граница опустилась и прижала нас к постели. Мы толкали ее вверх совместными усилиями. Та колыхалась на наших руках, словно лодка на волне. Я встал на полу и выпрямил спину. София смогла опустить руки. Рама всей своей тяжестью легла мне на шею. Каким-то образом я передвинул голову под скользкой поверхностью и выглянул через окно, держа на плечах всю тяжесть экрана. Внизу я заметил знакомую фигуру: Ибрагим Нузан (пьяница и развратник, и, кто знает, может еще и брачный аферист), словно ходящий по водам Иисус Христос — бессмертный Режиссер одного из знаменитейших древних стереонов мира, стоял на невидимом дне экрана

посреди первого бассейна.

Он направился к берегу. Вода заливала только его стопы. По поверхности он шел с рукой, поднятой вверх, и смотрел в лазурное небо. На плечах я чувствовал тяжесть его тела. Когда он вскарабкался по лесенке на край бассейна, давящая на меня плоскость поднялась под потолок номера.

Вот почему никто из нас до сих пор не бился головой в верхнюю часть блока стереонов: ни разу не случилось такой ситуации, чтобы один из нас плавал, а второй находился в номере. Высота экрана составляла шестнадцать этажей, а зеркало воды в бассейнах находилось на полметра ниже уровня пола первого этажа и пляжа.

София изумленно глядела на меня.

— Почему вы не сообщили нам, что вы настоящие? — спросила она.

— Ты тоже не доверила нам свою тайну.

— И давно вы уже находитесь в этом блоке?

— С шестого июля.

— Мы проживаем в Сорренто уже восемь месяцев. Что там, под съемочной площадкой, говорят про нас?

— Я никогда там не был.

— Что, родился в этом стереоне?

— Не будем о том, кто и где родился. Климат

Капри мне подходит, и я намереваюсь остаться здесь еще несколько недель.

— Выходит, ты не знаешь, что здесь происходит?

Я подошел к двери и закрыл ее на ключ.

— Из номера выйдешь только тогда, когда расскажешь мне всю правду.

— Ты что, с ума сошел? — София глянула на часы. — Скоро двенадцать. Мы не можем оставаться на Капри. Через шесть часов в Неаполе взорвется термоядерная бомба огромной мощности.

— И кто же инициирует взрыв?

— Скорая помощь. В команде шестнадцать десантников. Они не могли взять современного оружия с собой, поскольку снаружи, через границу нулевого канала проходят только обнаженные тела. Бомбу им пришлось найти на месте. Сюда они прибыли из под крыши Мира, чтобы вернуть свободу сидящим в тюрьме людям.

— Каким людям?

— Живым.

— И где они?

— В Неаполе.

Я принес две банки кока-колы. София продолжила:

— Их здесь четыреста шестьдесят восемь че-

ловек. Все это стереозрители, которые вошли в этот поврежденный блок в течение последних двенадцати лет.

— А почему не арестовали вас?

— Потому что призраки нас не распознали. До момента выявления аварии каждого зрителя метили субстанцией, высылающей невидимые лучи, благодаря чему, живые люди могли узнавать один другого с помощью специальных индикаторов. Но вот уже год, как в нулевом канале эту операцию уже не проводят.

— Понял. Излучение выдавало живых людей. Но почему это все они так не понравились полиции?

— А это уже результат недосмотра контролеров съемочной площадки. В нормальных условиях стереоны независимы: действие каждого из них происходит в ином месте и в иное время. Переход из одного экрана в другой невозможен. Здесь же, двенадцать лет назад произошло сопряжение всех девяноста экранов в одном блоке. В результате аварии центра управления, внутренние переходы были открыты. Начиная с этого момента, часы всех стереонов здесь показывают одно и то же время.

— Неужели ненависть полиции к стереозрите-

лям вызвало открытие переходов на контактных переходах и введение универсального времени?

— Нет. Просто, вскоре после того в стереон попала группа авантюристов из семи человек, которые в течение нескольких месяцев разряжали свои психические напряжения, накопленные под съемочной площадкой. Там они не могли выявить свои низкие инстинкты. Эти люди назвали себя «Черными Перьями». Долгое время они безнаказанно терроризировали спокойных граждан, организовывали взрывы бомб и вооруженные нападения, похищали детей богатых родителей, чтобы получить выкуп. На их совести множество убийств. В конце концов, все они были выловлены и осуждены. Но во время обследования одного из них, тюремный врач совершенно случайно выявил, что тело этого заключенного посылает какое-то загадочное излучение. Поскольку остальные бандиты тоже были «радиоактивными», полиция пришла к выводу, что все люди, тела которых излучают такие загадочные волны, принадлежат к экстремистской организации «Черные Перья». И с того времени, все стереозрители, прямиком с контактных площадок попадали в тюрьмы. Там сейчас находятся мужчины и женщины. Их ситуация

ужасная: человек, за которым постоянно следят, не может совершить самоубийство, то есть, он не может выйти из кинотеатра, в котором много лет показывают ужасно скучный фильм про жизнь в тюремной камере. Достав бомбу, десантники выслали ультиматум. Если до восемнадцати ноль-ноль стереозрители не будут выпущены на свободу, спасательная команда взорвет Неаполь.

— То есть, десантники действуют на основании хорошо продуманного плана. Они предусмотрели, что после получения информации о том, где спрятана бомба, полиция сконцентрирует заключенных в угрожаемом городе.

— Ну конечно же. До сих пор стереозрители пребывали в тюрьмах, разбросанных по территории всей страны, то есть, экраны, которые они все время занимают, представляют собой пенитенциарные заведения, расположенные в самых разных, на первый взгляд, весьма отдаленных местностях. Три дня назад, в течение нескольких часов, когда этих людей транспортировали в Неаполь, пейзажи в их экранах переместились на несколько сотен километров, пока в постоянных рамках не появились дома города, которому угрожало уничтожение, и хотя на самом деле они не сдвинулись с места, теперь их окружают стены,

охраняемые неаполитанскими карабинерами. Но тело живого человека сквозь стены проходить не может. Поэтому, внутренняя часть каждого из таких заблокированных экранов может выполнять перемещения только в границах двухсот метров. Если бы все экраны были бы таким вот образом обездвижены, мы были бы потеряны, ведь ни через какой-либо из них нельзя было бы сбежать в другой город. Так что давай мне письмо от Занзары, тогда я тебе скажу точно, какие каналы свободны.

Я подал ей газету.

— А кто такой Занзара?

— Командир группы спасателей. Он позвонил мне, как только они прибыли в наш блок; при этом он пообещал сообщить номера свободных экранов, которые мог получить только лишь после предполагаемой концентрации «Перьев» в Неаполе, где с первого июля десантники заложили бомбу. Занзара должен был передать номера через мужчину в белом костюме. Про вас мы ничего не знали. Вот уже год, как блок, в принципе, закрыт. Отец получил разрешение на исследования, включив в группу «ученых» меня и Елену. Мы останемся здесь до момента ликвидации аварии.

Я взял газету.

— И по каким из этих семи каналов вы собираетесь уходить из угрожаемой зоны?

— По семнадцатому можно сразу же перескочить в Палермо, по пятнадцатому — в Рим. Правда, можно было бы ехать и обычным образом — на корабле или поезде. В тот раз с Капри мы сбежали через семьдесят восьмой канал, по пятьдесят первому — из Сорренто. Остальные три канала занимают спасатели, которые сейчас скрываются в Неаполе. Мы их планов не знаем, так что на эти три номера заходить не стоит. Вполне возможно, что после выполнения задания они хотели бы вернуться вместе с «Перьями» под киносъемочную площадку.

— Лично я предпочел бы туда не заглядывать.

— В связи с этим, приглашаю вас к себе на обед. Только на сей раз, ради разнообразия, переключателем пользоваться не будем. Предлагаю совместное плавание на корабле в Сорренто, откуда после полудня мы все вместе перескочим в Палермо. Я поговорю с Ибрагимом.

— Согласен.

— До Сицилии радиоактивные осадки не дойдут. А в Сорренто мы зайдем на семнадцатый номер. Не забудь!

На Софии был только купальник. За одеждой ей нужно было бы идти к себе в номер на одиннадцатом этаже. Вместе с нею я вышел в коридор, закрыл двери и оглянулся по сторонам.

— Послушай, — шепнул я девушке. — Гостиница просто кишит агентами. Они наверняка уже идут по вашему следу и могут вас арестовать в любой момент. Бегите отсюда немедленно!

София глянула на меня с удивлением.

— О нас можешь не беспокоиться. Искусство оперирования внутренней частью экрана я освоила до совершенства. На открытом пространстве, даже после ареста, можно вступить на переключатель и исчезнуть. На всякий случай, мы всегда носим с собой яд. Вот люди в камерах — те да, они совершенно беспомощны.

Запомни одно мгновение

Я вернулся в номер и позвонил Мельфеи.

— Ну как? — спросил я.

— Превосходно! — воскликнул тот. — Просто великолепно! Даже и не знаю, как вас благодарить. Хотелось бы мне иметь таких агентов. Вот теперь у меня нет никаких сомнений в том, что бомба находится в Неаполе.

— И в том, что она взорвется там через пять часов, если вы не выпустите всех террористов на свободу.

Тот от души рассмеялся.

— Вы поплывете на обед в Сорренто?

— Да.

— Заговорщики могли бы на вас криво поглядеть. Вскоре они наверняка догадаются, кто же это их так здорово засыпал. На всякий случай, я дам вам охрану. Четырех крепких ребят. Дирижером у них будет Лучано.

— Спасибо.

— Бомбу мы найдем в течение недели. То есть, все кончилось хорошо! И правду, синьор Антонио, вы меня восхищаете. Работа была первоклассная! Безошибочная! И этот жаргон! А

София тоже неплохо блефует. Именно по этому я в ней террористку и узнал. Мы как раз и ожидаем те словечки, которыми они пользуются. А вы их откуда узнали?

— Прочитал парочку фантастических книжек.

— Они вас интересуют?

— Иногда.

— А я над ними засыпаю. Нет, такими глупостями жизнь заполнять нельзя. Зато теперь мы можем отдохнуть. А своих агентов я уволю. Н-да, не у всех есть талант. Некоторые вообще действовали неуклюже. Какой-то придурок, видимо, перепугал Лючию так сильно, что бедная девочка не спала две ночи. Сегодня под утро она наконец заснула, но во сне говорила о вас. Она вас любит, синьор Антонио.

— Откуда вы знаете?

— Мои люди не снимают наушников даже ночью. Кажется, Лючия бормотала что-то про стеклянную гору. Слушайте, а она нормальная?

В номер вошел Ибрагим. Я отключился от Мельфеи и набрал номер Лючии. Трубку подняла Катарина и сообщила, что Лючия упаковала свои вещи и несколько минут назад вышла. Больше ничего о ней она не знала.

Я схватил со стула брюки и рубашку; в лифт

заскочил, даже не обувшись. У администратора я не узнал ничего толкового. После этого я обежал вестибюли, бассейны и соседствующие с ними улицы. Потом вернулся в гостиницу, заглянул в ресторан. Правда, у меня не было уверенности, отважилась бы Лючия сесть на корабль. Я не забывал о стенках экрана, которые могли загородить мне дорогу. Несколько минут я не мог принять решение. Лючия вышла с чемоданом, но я не знал, то ли искать ее на пристани в Марина Гранде, то ли вообще в противоположном направлении — в доме ее родителей, куда она могла вернуться.

Я побежал к станции фуникулера. По дороге мне встретились гипнотизер и София. Ибрагим с Еленой шли перед ними. Они мне что-то кричали вслед. Я же вышел на рынок.

Лючия стояла возле кафе с садиком возле ресторанчика «Кампанилле». Друг друга мы увидели одновременно. Но она не подняла руку и не улыбнулась, как это было неделю назад, когда мы встретились на том же самом месте на переключателе стереонов, который в одно мгновение перенес нас в Сорренто. На сей раз, это я подбежал к девушке и, не говоря ни слова, поцеловал ее в губы. В глазах у Лючии стояли слезы. Долгое

время и я не мог произнести ни слова, опасаясь, что нас что-нибудь разделит.

Мы направились к вагончику за группой наших знакомых из гостиницы, и вместе с ними спустились к Марина Гранде. Только внизу я узнал, что этой ночью Лючия решилась поплыть на континент. Она уже преодолела свой страх перед морем и попрощалась с семьей. Лучано со своими оперативниками ожидал нас и вручил нам билеты. Мы все вошли на кораблик.

По дороге к Сорренто я глядел на остров Капри, который вскоре исчез за мысом Кампанелла. Я знал, что уже никогда его не увижу. Мы сидели на палубе. Море было спокойное. Лючия говорила о нем без страха. Она не могла понять, почему до сих пор голубое водное зеркало ассоциировалось у нее с той, нереально высокой волной. Но сейчас она боялась чего-то иного, и она рассказала мне свой сон, который видела этой ночью. В этом сне она видела себя на высоком берегу. От Солнца, лопающегося над горизонтом, на нее падали острия ослепительно белых лучей. Берег горел. Лучи пронзали ее тело. Она была одна, и стояла там неподвижно, парализованная и беспомощная, словно прибитая к стрелковому щиту беззащитная, нагая мишень.

Я объяснил ей, что этот неприятный сон ничего с реальностью не имеет. Через час все мы перенесемся в Сицилию и поедем вглубь этого громадного острова, где уже не увидит ни моря, ни высокого берега. Еще я сказал, что желаю оставаться с ней навсегда. Когда я спросил, а не хотела бы она тоже быть со мной всю жизнь, Лючия глянула мне прямо в глаза и, сжимая мои пальцы, ответила: «Ты же знаешь».

К пристани в Сорренто мы прибыли в половину четвертого. На берегу я объявил, какие у нас планы. Все нас поздравили. Ибрагим вытащил бутылку виски, гипнотизер подошел к нам с цветами, и даже Лучано попытался сказать несколько слов по-английски. Софии эта идея тоже понравилась. Она тут же повела нас в мэрию. Лючия говорила немного. Все время мы держались за руки. Лицо у Лючии все время оставалось серьезным, но тогда, когда она глядела на меня, в ее глазах светилось счастье.

В брак мы вступили в половине пятого. Под зданием мэрии нас ожидали машины Софии и гипнотизера, на которых мы отправились к ним на виллу, где уже все было приготовлено к свадебному приему. Листано вступил на семнадцатое контактное поле и, вернувшись из Палермо, со-

общил, что переключатель функционирует, как следует. В доме и в саду, возле накрытых столов крутились случайные гости. Среди них я заметил знакомого Софии, которого три дня назад во время телефонного разговора с Мельфеи я вытолкал из комнаты, в которой стоял телефон. Ренато прибыл со своей компашкой. Его дружки грозно поглядывали на меня. Ребята Лучано спровоцировали их на драку. Избитые парни отступили за ворота и отправились за помощью.

Я еще раз позвонил Мельфеи.

— А вы знаете, что четверть часа назад в Неаполе началась паника? — спросил тот. — Заговорщики развесили на стенах плакаты с текстом ультиматума. Люди бегут из города.

— Немедленно прикажите освободить всех заключенных! — закричал я в трубку.

— Синьор Антонио… — В голосе моего собеседника вдруг появилась знакомая нотка холодности, с которой он обращался к Ибрагиму в первые дни нашего пребывания на Капри. — Почему вы перешли на их сторону? Если бы вы верили в этот взрыв, вы никогда бы не оставались в Сорренто.

Я повесил трубку и вышел с Лючией в сад. Мы направились к костру. Дул легкий, жаркий ветерок. Мы уселись на траве подальше от весе-

лящихся людей. Нас накрыла тень фруктовых деревьев. Из открытого окна белого дома доносилась музыка. Апельсины качались на фоне синего неба. Отблеск низкого солнца окрасил розовым цветом вершины далеких гор.

Лючия улыбнулась мне.

— Антонио, — она огляделась по сторонам. — Запомни это мгновение.

До меня не сразу дошло, что она имела в виду.

— Думаешь, что я не сохраню в памяти день нашей свадьбы?

— Про свадьбу можешь забыть.

— Тогда про какое мгновение ты говоришь?

— О том обычном, одном из множества, которое сейчас обнимает нас, целует и уходит. Мне хотелось бы, чтобы именно оно осталось в нашей памяти. Но прошу тебя, помни только об этом одном мгновении, и думай о нем всегда, в отрыве от сегодняшнего дня.

— Хорошо. Я буду его помнить, и, видимо, я понимаю, какие мгновения для тебя ценные. Люди сохраняют в памяти даты, номера дипломов, сроки продвижения по службе, вспоминают свадьбы и какие-то годовщины, рождения и похороны, великие события и мгновения иных, стандартизированных успехов и шаблонных неудач. Они

накапливают все это, что обычай заставляет их помнить, что вписывается в рубрику, что никак не нарушит шестереночек статистических арифмометров, и что никак не формирует их истинную жизнь. А когда на закате дня приходит бухгалтер по списанию, они отдают ему все и остаются ни с чем, потому что у них нет таких мгновений, как у нас.

В четверть шестого мы вернулись в комнату. Ибрагим пил вино в компании помощников Лучано. Я показал ему на часы, но он пригласил нас к столу. В половину шестого я зацепил Софию и сообщил ей, который час. Вместо этого, она подала мне гитару. Я сунул ее Ибрагиму. Листано танцевал с Еленой. Все пели и пили. Я же все время сжимал руку Лючии, но сидел спокойно. Мне не хотелось, чтобы показалось, будто бы я боюсь больше других.

Только в семнадцать сорок София поднялась из-за стола.

— Дорогие мои, — сказала она. — Пошли, потому что сейчас нас выбросят из этого кино.

Елена искала сумочку с косметикой. Ибрагим настраивал гитару. Листано же отправился наверх за какой-то книжкой, которую хотел взять с собой на Сицилию.

— До встречи в Палермо! — воскликнул я.

Сражу же после того, я схватил Лючию за руку и вытащил ее в сад. Там глянул на вершину горы. Полоса переключателей переместилась с улицы под открытые ворота. Я завел Лючию на семнадцатый переключатель и встал рядом с нею.

Через секунду меня окружила толпа бегущих людей. Я находился на широкой площади, прямо посреди какого-то сборища. Люди кричали и размахивали транспарантами. Я протискивался среди них, но нигде рядом не видел Лючии.

Я звал ее минут десять, пока не увидел гипнотизера с Софией. Над головами демонстрантов мелькнуло лицо Ибрагима. Он что-то кричал мне. Я понял, что Лючия не перенеслась в стерео Палермо. Ибрагим видел ее в Сорренто, когда она бежала в сторону берега.

Как только мы вынырнули из толпы, я помчался к пятьдесят первому переключателю, встал на него и вернулся в Сорренто. За это же время внутренняя часть экрана сдвинулась в сторону моря.

Я стоял на высоком берегу. Это место я узнал сразу же. Где-то неподалеку в открытом окне играло радио. Я услышал, что сейчас восемнадцать ноль-ноль. У тропки над обрывом стоял дорожный указатель с надписью «Ostello per la

Gioventu». Стрелка показвала на вылет маленькой улочки, откуда выбежала Лючия.

В ее глазах стояли слезы. Я крепко прижал ее к себе.

— В Неаполе взорвется бомба! — выкрикнула она.

Девушка хватала воздух. Жаркий ветер дергал ее волосы у самой моей щеки. Я глянул в синюю даль горизонта. Неаполь отблескивал в лучах пурпурного солнца. Когда я склонил голову в поисках губ Лючии, над горизонтом вспыхнул призрак ожидаемого восхода. Когда же я мигнул, ощущая зрачками жар безумствующего вдали ада, весь мир закружил у меня перед глазами в наводнении бело-фиолетовой вспышки.

Вернись в Сорренто

И вот он я тут. Вот уже много дней я нахожусь в живописном и светлом городе, что заполняет громадное пространство под съемочной площадкой Крыши Мира. Здесь я нашел все, кроме решения тайны нашего бытия. Я мог бы существовать здесь целую бесконечность, но вовсе не собираюсь побить рекорд продолжительности жизни. В надежде меня удерживает мысль, что Лючия тоже живет, и подобно мне она блуждает где-то в этой многомиллиардной толпе. Наверняка, если бы я с ней не познакомился, то был бы здесь счастлив, ведь Ибрагим не врал, описывая условия, в которых живут люди девяносто шестого века.

У меня есть все основания судить, что Лючия настоящая. Я неоднократно проигрывал всю историю нашего пребывания на Капри и в Сорренто. В этой истории я не обнаружил ни единой ситуации, когда Лючия вышла бы за рамки стереона.

Потому я и думаю, что она живая. Только и не это главное. Я буду искать ее до того самого дня, когда пробьет мой час в очереди к Духу Мира. Тогда я вернусь на съемочную площадку и найду Сорренто, чтобы соединиться с ней в то

мгновение, которое она мне столь выразительно указала.

Ведь Лючия ждет там. Без нее я не представляю себе будущего, и мне плевать, знает ли она, что там, где царят тени фиктивного мира, среди убедительных миражей иногда появляется нечто реальное, что является первоначальным по отношению к несовершенному телу, хотя тоже, как и оно, обладающее недостатками, без чего не было бы этих мертвых слов, и что когда-нибудь его, это тело, оживит — бессмертная, среди миражей, душа.

Варшава, 1978

Ангел смерти

На тринадцатом этаже Люцина перебила разговорчивую гидессу и обратила ее внимание на тот загадочный факт, что в лабиринте залов и коридоров, врем я от времени, кто-то отделяется от группы и пропадает.

Руководительницу экскурсии нисколько не волновала судьба отставших. Ведя туристов по руинам колоссального здания Института Кибернетики, каковое здание несомненно было жемчужиной в ансамбле средневековых музейных объектов, она, вместо того, чтобы следить за своим стадом и пичкать его информацией относительно разных достопримечательностей, занималась рекламой ночного представления «Свет и звук» (тут-то вся история и началась!), организованного Туристским Бюро в руинах атомной электростанции, за чертой ископаемого города-музея.

Люцина потерялась на 16-м этаже. Она замешкалась в зале занятом центральным компьютером Института. Глядя на панели, цепи, узлы и шкафы электронного гиганта, она честно

пыталась самостоятельно понять — в чем же заключается «волнующая красота этого бесценного сокровища», созданного средневековыми художниками (их называли тогда информатиками) и за что это сокровище было золотыми буквами вписано в историю мировой культуры. Естественно, без чуткой и внимательной помощи профессионального специалиста по художественным ценностям средневековья, эта ее попытка была обречена на провал. В конце концов Люцина решила порасспросить обо всем у руководительницы экскурсии. Но, когда после нескольких минут глубокой задумчивости и размышлений о громадах прошедшего времени, она оставила зал, то с некоторым беспокойством обнаружила, что коридор пуст.

В здании царила абсолютная тишина. Группа туристов сгинула в неизвестном направлении.

Девушка попыталась их нагнать, но после очередного зала, куда входили несколько коридоров, она двинулась в неверном направлении.

Она блуждала по комнатам, стены которых были украшены фресками с изображениями научной аппаратуры минувших эпох. Залы были забиты приборами вековой давности. В мастерских давно умерших экспериментаторов стояли

примитивные машины начала XXI века.

Время не пощадило драгоценные экспонаты:

пластиковые части устройств пожирали короеды второй генерации, а от покоробившихся корпусов отваливались куски ржавчины, которая атаковала открытые металлические поверхности. Краску же с них сняли трудолюбивые колонии никому ранее не ведомых микроорганизмов.

Туристов нигде не было видно. После четверти часа бесплодных поисков, угнетаемая жуткой атмосферой здания, девушка отказалась от самостоятельных поисков. Она решила вернуться к лифту и спуститься на первый этаж, откуда можно было добраться до ожидающего близ Института старинного автокара.

В лифте она столкнулась с первой неожиданностью.

Кабина застряла между этажами. Люцина нажала кнопку аварийного вызова. После минутной паузы из динамика над кнопками раздался мужской голос:

— Хочешь быть королевой?

— Кем?

— Первой дамой в королевстве.

— Женой короля?

— Да.

— Вы шутите.

— Нет. Ты действительно можешь ей стать.

— Каким образом?

— Очень просто. Мы, собственно, ищем подходящую кандидатуру. Предыдущая королева была вынуждена нас покинуть. Туристы уже собрались внизу и ждут тебя.

— Где?

— Нажми кнопку шестого этажа. Мероприятие состоится в зале № 636.

Когда незнакомец произнес слово «мероприятие», Люцина, поначалу растерявшаяся от загадочного предложения. Быстро сообразила, что имеет в виду информатор.

Несомненно речь шла об очередном туристском аттракционе, организованного работниками Бюро в руинах недавно откопанного города. Зрелище обещало быть красочным. Люцина любила такие неожиданности. Почему бы и не принять участие в какой-нибудь инсценировке из средневековой жизни? Она не раз слышала о живописных замках, высящихся на неприступных вершинах атомных электростанций. Их возводили для себя вооруженные трезубцами тираны: которые заставляли своих подданных

смотреть телевизионные передачи. И хоть Люцина и не была вполне уверена, насколько хорошо она знает хронологию минувших исторических периодов, она утешилась тем, что развлечение, наверное, будет очень милым, тем более, что любоваться представлением она будет с высоты королевского трона.

Двинувшийся после нажатия кнопки лифт, однако, проехал мимо шестого этажа и, не задерживаясь также и в цокольном (на табло появилась цифра «0»), спустился до шестого уровня подземной части здания. Девушка была этим удивлена — она и не подозревала, что в Институте так много подвалов.

Люцина прошла широким чистым коридором до двери, отмеченной номером 636. На двери она прочла надпись КИБЕРНЕТИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ. Дверь была приоткрыта. Девушка толкнула ее и вошла в ярко освещенное помещение.

Прежде всего она увидела голые женские ноги, обладательница которых стояла за серебристой занавеской.

— Простите, — сказала Люцина. — Мне сказали, что тут состоится какое-то мероприятие.

Скрытая за сверкающей шторой женщина

беспокойно зашевелилась и подбежала к ее краю. Штора закрывала верхнюю часть прохода в другую комнату и Люцина все никак не могла увидеть женщину целиком, ей были видны лишь ее длинные ноги.

— Не могли бы вы показать мне, где собрались туристы?

Ноги были очень красивой формы. Однако, когда они вышли из-за занавески и ударом босой ступни захлопнули дверь, через которую вошла Люцина, последняя перестала восхищаться их идеальными пропорциями. Она глядела в остолбенении и не могла поверить своим глазам.

Движущиеся ноги загородили ей путь к отступлению. С испуганным криком потрясенная девушка забежала за штору и там увидела множество других движущихся пар ног. Она стояла на пороге большого зала. Не видно было ни одного человека, но в разгороженном перегородками помещении царило оживленное движение.

Над левым крылом автоматизированных мастерских горела надпись ПРОТЕЗНАЯ. Секция нижних конечностей занимала место вокруг медленно вращающегося транспортера, подающего исходный материал. Каждому аппарату была придана одна пара искусственных рук.

Синтетические протезы совершенно точно имитировали настоящие человеческие предплечья. Кисти рук, управляемые скрытыми искусственными мышцами и сухожилиями, исправно оперировали деталями монтируемых на столе квазичеловеческих ног. У конца производственного цикла готовые протезы сами соскакивали с ленты конвейера. Контрольный автомат соединял их скобами в хорошо подобранные пары и направлял на испытательный круг, откуда — после преодоления целого ряда препятствий — искусственные ноги послушно маршировали в смежное отделение, где механический монтажник присоединял к ним пару собранных в другом секторе рук.

Скобы, соединяющие ноги в пары, имели вид перевернутых букв «U»; концы их входили в бедра.

Искусственные руки автомат прикреплял на их верхушках. Несколько таких готовых уже руконогов работали у конвейера и на обработке пластиков; группы других ремонтировали старые машины, либо занимались сборкой новых.

Люцина успела заметить еще одного руконога, стоявшего у пульта распределителя энергии, когда она вдруг почувствовала, что мышцы ее

рук и ног внезапно напряглись, как у спортсмена, поднимающего большой вес. Только тогда она обратила внимание на подвижные камеры и системы, расставленные в разных концах зала, и поняла, что за сила заставляет напрягаться все мышцы ее тела.

Она знала, что ученые XXI века, убегая из здания во время землетрясения, оставили включенными все машины, которые питались от автономного источник энергии. Среди всякой прочей аппаратуры в здании остались также и примитивные прототипы искусственных конечностей, разрабатываемых для инвалидов. Все энергетические и информационные каналы уцелели во время землетрясения и остались в распоряжении большого компьютера, В течение множества столетий отрезанный от внешнего мира электронный мозг поддерживал свои функции с помощью все более и более совершенных руконогих созданий. Первичную программу лаборатории протезирования, незадолго до катастрофы реорганизованной в производственный участок, хитроумный компьютер реализовал на совесть. Все его цепи функционировали в замкнутом кругу обратной связи: он на расстоянии управлял искусственными нервными системами руконо-

гов, всячески совершенствуя их, а они — заменяя руки и ноги живых людей — поддерживали его призрачное существование.

Войдя в поле зрения телекамер компьютера, девушка заинтересовала его своим видом. Она была живым организмом; возможно он, после стольких лет господства над протезами, познал тайну функционирования естественных организмов и теперь ему нужен был настоящий человек для кибернетических экспериментов.

Эта мысль с быстротой молнии пронеслась в мозгу Люцины. Она и рада была бы тут же убежать куда глаза глядят, но, как только компьютер обратил на нее внимание, она тут же почувствовала, что все ее мышцы одеревенели, как будто пораженные электрическим током. Через несколько минут ее тело стали сотрясать сильные судороги и под конец, после непродолжительной борьбы между двумя центрами управления, ее телом стали управлять сигналы, поступающие извне — они оказались сильнее.

Подгоняемая ритмичными импульсами, против своей собственной воли, она прошла мимо склада исходных материалов, повернулась и приблизилась к широким дверям у противоположной стены. Двери открылись автоматически

и перед ней предстала неожиданная картина.

Посреди огромного зала стояло множество людей.

Все они были знакомы Люцине — это были именно те туристы, что во время экскурсии отставали от группы и пропадали. Некоторые из них при виде перепуганной девушки рассмеялись. После секундного замешательства, Люцина улыбнулась им в ответ. Она уже не была так уверена, что пришла сюда, повинуясь воле компьютера, поскольку вновь обрела способность управлять своим телом. И по крайней мере вновь обрела друзей. Ей хотелось обнять и расцеловать их.

Но, проделав несколько шагов, она бросила взгляд в глубину зала и окаменела от ужаса.

В то самое мгновение, когда она уже собралась с облегчением вздохнуть по поводу того, что ее фантастическое приключение благополучно завершилось, один из мужчин сильным ударом боевого топора, который он держал обеими руками, разрубил надвое голову своего соседа. Его жертва рухнула на пол, а из темного угла зала высунулся твердый кабель с острым крюком на конце и оттащил тело к стене, где уже лежал штабель изуродованных трупов. За влекомым по блестящему мрамору телу оставалась страшная

красная полоса.

Из уст обезумевшей от ужас девушки вырвался короткий крик, тут же подавленный болезненной судорогой горла. Чужая сил вновь овладела её телом. Какие-то пластиковые руки сорвали с нее одежду. Пошатываясь, она двинулась к выходу. Она упала бы если бы ее не поддерживали мышцы, напрягаемые механической волей.

Она стояла обнаженная, спиной к молчащим людям, ожидая смертельного удара. В глазах ее была только что увиденная кошмарная сцена. Как и тогда, когда она увидела на пороге лаборатории движущиеся ноги, она не могла поверить, что все это происходит в действительности.

Тут она почувствовала, что ее головы — вместо ожидаемого топора коснулся протез руконогой твари. Руконог принялся одевать ее в длинное платье, богато расшитое золотыми коронами, а она ему помогала с ужасом в сердце, но, в то же время, с таким внешним спокойствием, с каким могла бы наряжаться на рождественскую ёлку.

Компьютер оставил Люцине свободу вертеть головой и глядеть по сторонам. Внезапно ей показалось, что она начинает что-то понимать. Перед ее мысленным взором замаячил какой-то туманный образ. Она подавила страх и внимательно

присмотрелась к туристам.

На этот раз она увидела гораздо больше. Люди стояли неподвижно, как гранитные статуи. Они молчали и продолжали все так же бессмысленно улыбаться. Кроме того, ее поразил их внешний вид.

Все были одеты, как одевались люди в седой древности и держали в руках оружие, принадлежащее к тем же мрачным эпохам. Вооружены они были по разному: одни сжимали в руках боевые секиры, другие держали трезубцы, у третьих сбоку висели мечи. Она видела также дубинки, с набитыми на них железными кольцами, и тяжелые копья.

Через несколько секунд новый инцидент заледенил кровь в ее жилах. Не успела она окинуть взглядом весь зал целиком, как женщина, вооруженная копьем, с невероятной силой метнула его в грудь молодого мужчины. Копье прошло насквозь и мужчина рухнул на пол. Женщина подошла к нему пружинистым шагом и вытащила копье из его груди.

Улыбка не оставляла лица умирающего даже тогда, когда выстреленный из угла гарпун, которым тела оттаскивались к стене, разорвал ему бок.

То, что в течение последующих минут в полной тишине происходило на мраморных плитах, посреди огромного пустого зала, было не менее загадочным, чем способность компьютера управлять живыми нервными системами, способность, заставляющая людей напрягать те или иные мышцы и убивать друг друга.

Временами это напоминало танец солиста с балете, когда солист совершает проход на сцене между экзотически разряженными статуями. Временами было похоже на торжественную смену караула под стенами королевского дворца или на муштру рекрутов в старину или же на парадный проход офицера перед строем почетного караула. С одной стороны все это выглядело нелепым гротеском, а с другой — казалось жутким кошмаром.

Во время этого представления крюк оттащил к стене еще два трупа. Руконогие создания оставили зал и закрыли за собой двери. Перед этим они повесили на шею Люцине какой-то загадочный груз.

Неся его, она в полубессознательном от страха состоянии обогнула группу туристов и с места, где управляющая ею сила заставила ее остановиться и развернуться, она увидела спрятанный в нише

разноцветный пульт третьего компьютера.

Второй электроный мозг она заметила до этого — он занимал нишу в противоположной стене и был окрашен в черный цвет. Тот же компьютер, на который она глядела теперь, был белым.

Отгадка уже забрезжила в ее сознании, когда из-под кожуха «белого убийцы» появилась тонкая струйка дыма. Послышался треск короткого замыкания. Тотчас же погасли все светильники под потолком. Запахло горелой изоляцией. В темноте продолжали светиться только индикаторы и экраны обоих компьютеров, а также квадратные белые поля огромной шахматной доски, на которой стояли объятые ужасом туристы. Да, шахматной доски — таково было решение этой чудовищной кибернетической загадки.

В зал вбежал руконог с горящим факелом в высоко поднятой руке. Двое других вскрыли перегоревшую ячейку и приступили к ликвидации аварии. Туристы не шевелясь стояли на своих клетка. Одна из фигур сделала очередной ход. Это был мужчина, одетый в белое. Видимо белый компьютер решил игнорировать повреждения осветительной сети и, вызвав ремонтную бригаду, продолжил прерванную партию.

Сторона шахматной доски равнялась восьми

метрам.

При свете факела белые опля несколько притухли, но продолжали быть явственно различимыми. Видимо короткое замыкание наступило из-за того, что, при обдумывании очередной трудной ситуации на доске, резко возросло потребление энергии и какой-нибудь кабель не выдержал напряжения.

Люцина поняла, почему механические слуги одели одних туристов в белые, а других в черные одежды. Она также обратила внимание, что ее платье белого цвета и что стоит она за пределами доски, но недалеко от ее края, со стороны черного компьютера. Поначалу этот факт внушил ей некоторый оптимизм — она находилась вне поля битвы и не принимала участие в игре, длившейся уже долго время.

Значило ли это, что ей и дальше ничего не угрожает?

На доске стояли двадцать человек. У стены валялись трупы двенадцати остальных — тех, кто ранее вышел из игры. Различной формы шлемы и шляпы на головах туристов позволяли распознать шахматные фигуры, в роли которых они выступали.

Бедняги крутили головами, осматриваясь по

сторонам. До этого они только и ожидали смертельного удара или приказа самому нанести удар. Теперь же все сообразили, что судьба их прежде всего зависит от сложившейся на доске ситуации. Согласие на ничью, либо мат одному из королей спасли бы жизнь уцелевших от бойни людей, поскольку в этой игре смерть не угрожала лишь обоим королям.

Белый компьютер предвидел развитие партии на много ходов вперед. Поэтому он смог заранее пригласить Люцину принять участие в «красочном представлении». Только она об этом подумала, как стоящий перед ней мужчина сошел с доски, а она — послушная механической воле — тотчас же заняла его место.

Человек этот играл роль белой пешки, дошедшей до 8-й горизонтали, где белые получили право заменить его любой другой фигурой. Все это выглядело так невинно — словно смена караула.

После выполнения поворота налево Люцина подняла руки к загадочному грузу, висевшему на шее.

Одной рукой она сняла с подвески золотую корону и надела ее на голову, другой нащупала арбалет и колчан со стрелами. Тетива арбалета была натянута девушка вложила в паз стрелу и

нацелила арбалет на черного короля.

На «шах» белых черные ответили ходом коня, заслонившего своего короля. Тогда Люцина повернулась к центру доски и, повинуясь внезапному импульсу, нажала на спусковой крючок.

Она услышала звон тетивы, но куда попала стрела не видела, потому что закрыла глаза. Открыла она их, когда услышала звук падающего тела. Шлем черного слона покатился ей под ноги. Стрела торчала из груди лежащей фигуры. Люцина узнала в ней женщину, которая незадолго до этого копьем пронзила молодого парня. После выстрела девушка, повинуясь приказу, оставил занимаемое ей поле.

Решительным шагом она перешла на место последней жертвы.

В ответ на ход белых черный компьютер не колебался ни секунды: черная пешка мечом снесла голову белому коню. Роль коня исполнял бывший спортивный тренер, невысокий старик, вооруженный трезубцем, а роль пешки его воспитанник, атлетически сложенный мужчина. Удар был нанесен с такой силой, что оружие старика, попавшее под траекторию движения меча, вылетело из его рук и ударило в пульт белого компьютера. На пульте что-то треснуло.

На экране дисплея белого игрока изображения кривых линий задрожали и раздвоились, стали туманными и нечеткими. Люцина тут же перешла на соседнее поле, но после секундного колебания вернулась назад.

Она понимала, что изображает белого ферзя (называемого в некоторых странах королевой), которого в предшествующей фазе игры ее компьютер потерял, а может быть — скорее всего — добровольно принес в жертву, чтобы получить позиционное преимущество. Теперь — после давно рассчитанного прохода пешки и после размена фигур ни одна из сторон не имела материального перевеса, то есть не располагала большим количеством фигур положение, типичное в партиях, разыгрываемых мастерами. Получили ли белые позиционное преимущество, выставив нового ферзя, трудно было понять в кошмарной ситуации, когда в блеске факелов крюк оттащил к стене еще два трупа.

На пульте черного компьютера зажглась красная лампа. Одновременно его телевизионная камера направила объектив на Люцину. Белый игрок перемотал назад последний отрывок видеоленты, указал стрелкой на экране дисплея дефектное место и заставил девушку топнуть но-

гой в занимаемое ею поле. Черный электронный мозг — как бы не принимая во внимание причины сбоя — повторил серию предупредительных сигналов.

Было ясно, что черный шахматист требует придерживаться твердо установленных правил игры, в частности «тронул — ходи», и протестует против позорного поведения своего белого коллеги. Тот, сделав необдуманный ход ферзем, тут же взял его назад и объяснил это временным помрачнением.

К шкафу занимаемому белым компьютером подбежал руконог, управляемый сигналами арбитра из соседнего зала. Угрожая высоко занесенным тяжелым молотом, он вынудил белого игрока подчиниться установленным правилам игры. Люцина получила приказ перейти на спорное поле и выполнила его. При этом она обратила внимание на знакомого композитора, который во время экскурсии по руинам города все время отставал от других туристов, впадал в задумчивость и пропадал, а какой-то шутник тайком повесил ему на спину табличку с надписью «конец маршрута».

Она вчера разговаривала с ним и нашла его очень милым человеком.

Теперь этот мужчина в шлеме черной ладьи прошел мимо Люцины и остановился на расстоянии трех полей от нее, заслоняя черного ферзя, в роли которого выступала лучшая подруга Люцины.

Черная королева еще не сняла с плеч свое оружие.

Она ждала хода белых. Люцина перехватила ее умоляющий взгляд. Она чувствовала, что вот-вот потеряет сознание. Тем не менее, она опустила арбалет и повернула рычаг натягивая тетиву. И хотя она опиралась на приклад арбалета, она знала, что без помощи чужой силы, она тут же свалилась бы на пол — такой чудовищной и бесконечно абсурдной была внезапно открывшаяся ей истина, что белый компьютер решил произвести размен ферзей, чтобы после этого черная ладья была вынуждена встать на худшую позицию.

Ей показалось. Что она выстрелила в зеркало и попала себе в живот.

Она не видела уже лица музыканта, когда крюк оттаскивал к стене тело ее подруги. Наверное, компьютер придал ему соответствующее выражение.

Топор черной ладьи, пройдя мимо ее головы,

задел плечо, а потом блеснул еще раз в пламени гаснущего факела — и опустился.

Она услышала тихий плеск волн. На плече, в том месте, которое задел топор, она ощутила приятный холодок. Боли не было. Только золотая корона все еще неприятно давила на голову и она подняла руку ко лбу. Уняла дрожь в пальцах. Открыла глаза и ей показалось, что она видит сон.

Сначала она увидела небо. У горизонта оно было затянуто облаками, но большая его часть сияла голубизной. Она лежала на песке под красным зонтом. На ней был одет купальник. Над головой проплывали пушистые облака. Легкий ветерок рябил воду. По пляжу там и сям были разбросаны группы загорающих.

С минуту она глядела вдаль. Что-то заслоняло ей вид, она скосила глаза и обнаружила провода, идущие от ее головы к аппарату, стоящему рядом с туристской сумкой. Тогда только она обрела себя в пространстве-времени. Она сняла с головы тяжелый обруч, обмотала его проводом и положила на одеяло. Она уже вспомнила, кто она такая и где находится. Но как и раньше, хоть она уже и была знакома с другими гипнозаписями, она снова никак не могла поверить, что все это было всего лишь кошмарной иллюзией — такой

высшей степенью реализма обладал фильмосон, поставленный и записанный на ленту местной студией.

Она вышла из под зонта на солнце. Она все еще находилась под впечатлением пережитого кошмара, когда услышала голос мужа:

— Перед обедом можно еще разик окунуться.

— Где ты был?

— У инженера пляжа. В обмен на ухо марсианина, которое я ему подарил, он пересказал мне содержание секретного донесения. Тревожные известия.

— Что случилось?

— Седьмая эскадра шлепающих тарелок с огромной скоростью надвигается на нас и кажется сможет прорваться. На нашем берегу вторжения ожидают уже завтра. Ловцы готовят сети и палки, консервирующие средства и яркие лаки для раскраски щупалец. Здесь, на Борнео, где в каждом доме уже есть летающее блюдце, лавина шлепающих чудиков может быть поразит наконец воображение людей. В любом случае, это поможет преодолеть застой в развлекательной промышленности. Понравился тебе «Ангел смерти»?

— Кто?

Он наклонился над аппаратом, вынул кассету и показал ей цветную наклейку с надписью АНГЕЛ СМЕРТИ на фоне белого компьютера.

— Это кошмар! — выкрикнула она. — Как ты мог купить такую гадость?

— Но ты ж сама сказал, что хочешь посмотреть ужастик.

— Мог бы хотя бы предупредить:

— А что толку? Как только аппарат включается, память о реальности тут же исчезает и ее заменяет история иллюзорной жизни, соответствующая сюжету ленты.

— И что — каждый фильмосон обязательно кончается иллюзорной смертью человека, который его рецептирует?

— Да, каждый, без исключения. Если здесь, в реальности проекция будет внезапно прервана, то там герой переживаемого сюжета гибнет в результате какого-нибудь несчастного случая.

Время там течет с огромной скоростью: в течение дня можно прожить целую жизнь.

Ребенок, оставленный без присмотра под соседним зонтом внезапно расплакался и запрыгал на одной ноге. Из пораненной пятки торчала транзисторная канцелярская кнопка. Из нее доносился спокойный голос диктора, читающего

последние известия:

— Из Сингапура сообщают, что человекообразные обезьяны, проживающие в заповеднике на одном из островов у побережья Борнео, достигли в последнее время очень высокого уровня развития интеллекта. Чтобы подтвердить этот факт, вожак тамошних горилл устроил около своей клетки пресс-конференцию для журналистов, осматривавших заповедник, и надменно заявил им, что ученые из его стада вскорости сконструируют свою первую атомную бомбу. Само собой разумеется, гориллы не собираются использовать это средневековое оружие против шимпанзе из соседней резервации, хотя взрыв такой бомбы и мог бы в одно мгновение решить все спорные вопросы. Разумные приматы утверждают, что речь идет лишь о том, чтобы атомным акцентом усилить на острове идею коллективной безопасности.

Люцина вытащила из пятки ребенка говорящую кнопку. Она продолжала размышлять о пережитом фильмосне. Она никак не могла освоиться с внезапной сменой обстановки, тем более, что там она была на 20 лет моложе.

— Где находится этот остров? — рассеянно спросила она у мужа.

— Там, — он указал рукой на водный горизонт.

Несколько минут оба в молчании глядели на далекую полоску земли. — Пора на обед. Но сначала можно и окунуться. Идем?

Вода была чистая и теплая. Искупавшись, они вернулись на берег. К своему зонту они шли мимо группы людей, игравших в мяч. Люцина решила пройти между ними. Внезапно она испуганно вскрикнула и заслонила лицо руками. Ее напугал резкий, неожиданный жест одного из мужчин, отбивавшего мяч. Незнакомцы перестали играть.

Они неподвижно застыли вокруг женщины. Ждали, когда она выйдет из круга.

Они доброжелательно улыбались, но ей от этого стало еще хуже: она вообразила, что снова стоит на шахматной доске и что сейчас на нее обрушится смертельный удар.

— Почему эти машины заставляли людей убивать своих друзей? — спросила она мужа, когда он подошли к своей подстилке.

— Это ты об «Ангеле смерти»?

— Да.

— Все просто: они были запрограммированы двумя разными шахматистами и проверяли преимущества своих стратегий.

— На людях?

Он посмотрел ей в глаза.

— Что это тебя так задело? — лицо его было серьезно. — В конце концов, это всего лишь фикция, одна из тех идиотских выдумок, которые сотнями плодят авторы фильмоснов ужаса.

— Подожди, — она на секунду замолчала. — Скажи, в средневековых войнах многомиллионные армии агрессоров убивали своих противников добровольно? Ведь они же не состояли из преступников?!

Он добродушно рассмеялся.

— Ну конечно! Глупышка — ты что не знала?

Солдаты убивали охотно и сами охотно погибали, если наталкивались на сопротивление, часто испытывая при этом эйфорию, но они не были преступниками. Дело в том, что злодеев во всех странах изолировали в тюрьмах. Рассуди логично!

Если бы хорошие, нормальные люди не убивали друг друга добровольно, то нам, для объяснения механизма военных преступлений, пришлось бы уверовать в фантастическую версию истории человечества, воплощенную в художественном виде в «Ангеле смерти». Образ невидимых игроков, склоненных над всемирной шахматной доской слишком сказочен. Следовательно, при-

шлось бы принять совершенно невероятное допущение, что владыки уже в те времена располагали фантастическими устройствами для дистанционного управления мышцами миллионов людей и с помощью этих аппаратов посылали на смерть людей мирного нрава.

— Однако, это тоже звучит фантастически — злодеи сидели в тюрьмах, а добрые:

Она не закончила фразы. Когда она произносила «в тюрьмах» пляж мгновенно перечеркнули длинные полосы черных теней, отбрасываемых стоящими людьми. Как будто во мраке ночи засветило вдруг яркое солнце. Небо за ее спиной разорвало зарево самого ужасного из всех рассветов.

В мгновение ока страшный свет залил всю землю огненным жаром. Ярче, ярче десяти солнц лилово-бледное сияние болезненно хлестнуло по зрачкам людей, сделало плоть людей нежно-розовой и прозрачной. На пляже стояли скелеты, а буйные заросли кустарника объяло пламя.

За долю секунды она повернулась лицом к источнику света. Над островом обезьян вырастала гигантская ножка атомного гриба. Шляпка его уже уперлась в стратосферу. Она знала, что через несколько секунд на остров обрушится с грохо-

том ударная волна и ураганный вихрь собьет пламя радиоактивного пожара. Но этого она уже не дождалась.

Она обнаружила, что лежит внутри кубического помещения со стеклянными стенами. Ее нагое тело было залито прозрачной жидкостью. Во внезапной тишине, наступившей после серии ядовитых, шипящих звуков, над ее ухом зазвучал приятный женский голос:

— Прошу прощения, но мы должны были прервать просмотр твоего фильмосна. Твой номер — девятьсот сорок миллиардов шесть миллионов тысяча семьдесят один, не так ли?

На табличке у входа в стеклянную каморку вслед за серебряными буквами Т-Р шли цифры: 940 006 001 071.

— Да, — ответила она.

— Сколько тебе лет?

На счетчике лет цифры были золотые.

— Девятнадцать.

— Все верно, — сообщил приятный голос. — После 120 лет ожидания в очереди ты получила право на одни сутки настоящей жизни. Через час для тебя освободится место и поэтому мы тебя разбудили.

Приготовься! Через 15 минут быстроходный

лифт поднимет твою кабину на высоту четырех километров — на самую крышу Европы. Там ты увидишь настоящее солнце, найдешь воду и деревья. Еще раз просим прощения за прерванный фильмосон. Поздравляю и желаем набраться приятных впечатлений.

Во всех направлениях за прозрачными стенами тесных как гробы параллелепипедов лежали погруженные в сон люди. Только Люцина лежала с открытыми глазами. Несколько минут она глядела вдаль на миллионы нагих тел симметрично размещенных в стеклянных коридорах, стены которых испускали свет и убегали в бесконечность.

Счетчики были упрятаны под стекло. Она разбила его сильным ударом локтя. Прежде всего она вырвала из гнезда все провода, потом закрыла глаза и замерла. Открыла глаза. Повертела головой. Мир не менялся, все оставалось как и было. Тогда ладонь ее сомкнулась на остром осколке стекла. Она была счастлива — наконец-то она нашла надежный выключатель.

Оазис

Затянутое черным дымом солнце уже склонялось к стоку у Западной Свалки, когда мальчик нашел вторую бутылку. Над первой он не долго раздумывал: тут же выпил до дна, хотя и обещал себе, что половину оставит для младшей сестренки. Однако при виде скрещенных костей и черепа, который скалился с грязной наклейки, он забыл обо всем на свете.

Вторая посудина выглядела еще внушительней, ее заполняла густая буро-зеленая жидкость с одуряюще резким запахом, и малыш оставил в бутылке добрую половину, чтобы сестра могла оценить его доброе сердце. Особенно придется по вкусу этой строптивой задаваке солидный возраст находки: бутылка провалялась на мусорнике Восточной Свалки по меньшей мере несколько десятков лет, пока малыш ее не обнаружил под кучей сопревших тряпок, банок из-под кока-колы и выцветшей на солнце макулатуры.

Обрывками рыжих от старости газет мальчик залатал дыры в своем видавшем виды наряде, а перед тем как съехать со шлакового террикона,

он обезопасил уязвимое место, подложив под себя двухтомный доклад «Об охране естественной среды». В среднем на каждом метре пути сдирался один лист «Охраны», так что у семейного очага под горой малышу оставалось прочесть лишь последние две страницы этого прославленного произведения.

Мать еще ждала его к обеду — правда, довольно позднему.

— Ты где пропадал?

— Бил баклуши на куче.

— Я тут кричу целый час, надрываюсь, а этот щенок как в помои канул!

Обычно так начиналась долгая нотация, и малыш, чтобы хоть немного улестить мать, раскурил найденный по дороге «бычок». Но только он выпустил изо рта облачко табачного дыма, как мать нашла ему другое занятие.

— Сбегай к канаве за Южным Мусорником, принеси полведра промышленных стоков.

— Сейчас, мамочка. А может, лучше после обеда?

— Нет, сынок. Беги, милый, сейчас, а то мне нечем разбавить суп. Дедушка у нас совсем плох. Врач велел в его порцию добавлять немного чистых промышленных стоков. Старику вредно

есть чересчур калорийную пищу.

— А я что-то знаю, а не скажу! — пропела писклявым голоском семилетняя сестренка.

Она покосилась в сторону разрушенного энергобункера: там, на металлической крышке, лежал девяностолетний старик. Малыш поднял ржавое ведро, оттащил сестренку от костра и потянул за собой по дорожке, петлявшей между горами ржавого лома, через древнее кладбище автомобилей к Южному Мусорнику.

— Ну, выкладывай, что ты знаешь? — потребовал он, погрузив ведро в сточную канаву.

— Знаю, а не скажу, и все! — заупрямилась сестренка.

— А я тебе что-то дам, если скажешь.

— А что?

— Что-то очень вкусное.

— Покажи!

— Закрой глаза, открой рот.

Девчушка присела на корточки, и малыш вытащил из кармана бутылку, липкую от буро-зеленой жижи. Пришлось поковырять в бутылке пальцем, чтобы вытряхнуть густую массу в ее широко раскрытый рот.

Она открыла глаза.

— Дай еще.

— Больше нет. Ты что так торопилась — вкусно было?

— Еще как! — Она сглотнула слюнки.

— Ну, давай говори, что ты там знаешь.

— Знаю, почему дедушка так долго живет.

— Ну?

— Подсмотрела сегодня утром. Когда все спали, он слез с бункера и пошлепал к сборнику сухих атмосферных осадков.

— Так это он!

— Ага! Слизал с фольги всю радиоактивную пыль, которую мама уже шесть недель собирала для больного папочки.

— Я вот скажу про это маме.

— Ябеда!

Небо закрывала пелена сизого дыма. Свинцовое облако ползло над расщелиной между горами шлака, лома и кучами промышленных и бытовых отходов. Лопнувшие трубы и забитые грязью канавы направляли ядовитые стоки к центру котловины, откуда ветер разносил зловоние по всей округе. Дымовой заслон поддерживали над оазисом несколько десятков труб — старых, но все еще выбрасывавших клубы дыма из недр земли, где уже больше века работали неотключенные фабричные автоматы.

Вернувшись в лагерь, дети с невинным видом уселись у огня.

— Сейчас будем обедать, — сказала мать. — Только затянитесь еще разок перед едой, натощак — это полезно для здоровья.

Мать поставила перед ними домашнюю аптечку, заполненную собранными на мусорнике окурками. Дети подчинились с явной неохотой. Женщина погладила их по грязным волосам и повернулась в сторону бункера, где лежал старик.

— Папаша, пора бы уж слезть с разряженного излучателя! — раздраженно крикнула она. — Самое лучшее — соляная кислота, она полезнее всего при ревматизме. Ну сколько можно вам это повторять? Уже весь язык отбила, а вы все греетесь и греетесь.

— Как? Чего сею?

— Я говорю, эта старая калоша уже давно не излучает гамма-лучей! А вы облучаетесь и облучаетесь!

— Какого чаю!

— Глухая тетеря! Обед на столе!

Дедушка сполз с разрушенного бункера и поплелся к доске, на которой стояла консервная банка с горячим супом. В это лето старик не снимал зимней одежды. Выглядел он как кочан

капусты: несколько килограммов увязанной в пачки полусгнившей макулатуры было прикручено к телу кусками ржавой проволоки. В этом наряде он едва ковылял. Возле кучи битых бутылок старик потерял направление, остановился, принюхался и долго топтался на месте.

Перед обедом у него всегда поднималось настроение. Тогда он любил пошутить, только это ему выходило боком, потому что невестка вечно была не в настроении. Старик стоял в облаке пыли, летевшей с кучи черной грязи, улыбаясь собственным мыслям.

— Чем смолить по шестьдесят сигарет в день, — проворчал он, покосившись на куривших детей, — лучше бы выйти за оазис, хлебнуть кислорода…

— Отец, ну что вы плетете? — опешила женщина.

Дети испуганно повернулись к старику.

— Да так, вырвалось… — Он закашлялся.

— Затягивайтесь поглубже, глупышки мои. У дедушки, видите ли, снова вырвалось, хотя каждый образованный человек знает, что без никотина молодой организм развиваться не может.

Старик доплелся наконец до угасающего огня и присел возле кучи разбитых компьютеров на

торчавший из грязи телевизор.

Женщина потрясла над кастрюлей солонкой с цианистым калием. Она любила острые приправы, но запас специй таял с каждым днем.

— Вы, отец, портите мне детей, — нахмурилась она. — Вроде бы повидали мир, разбираетесь в ломе, макулатуру читать умеете, а при внуках как ляпнете что-нибудь.

— Все равно за ними не уследишь… — Старик печально вздохнул. — Молодежь сейчас рано тянется к наркотикам. Сегодня сам им не скажешь, так завтра они от лоботрясов из соседней канавы узнают, что из всех наркотических средств — после инъекции чистых витаминов и солнечного облучения, конечно, — самые яркие галлюцинации вызывает порция свежего воздуха.

— О господи! — Женщина заткнула детям уши. — Замолчите, иначе за ужином не видать вам, папаша, своего денатурата!

— Знаешь, чем грозить…

— Да никто вам ничего не жалеет, особенно когда раскопаем на куче пару бутылок хорошего растворителя. Но в воспитание детей вы, уж пожалуйста, не лезьте!

Старика обидели колкости невестки; он насупился и замолчал. Безопасней помалкивать да

глазеть по сторонам, чтобы не злить эту угрюмую бабу.

Высоко в небе висел панцирь густого смога. Обломки труб гнали дым в атмосферу, лишь кое-где подсвеченную анемичными лучами солнца. От горы грязи дрейфовал пыльный смерч. Ветер рвал на полосы пожелтевшие газеты, листал сгнившие фолианты, сдирал с катушек и вытягивал в смерч магнитофонные пленки и киноленты.

Девочка выплеснула в огонь остатки супа. Пламя полыхнуло с новой силой.

— А скоро папа вернется? — шепнула она на ухо.

— Перед полуночью, грязнулька ты моя любимая…

— А почему он каждое воскресенье возвращается все позже и позже?

— Потому что по воскресеньям у него важная общественная работа. Я же говорила, три недели назад жители нашего оазиса выбрали его председателем Кружка Охраны естественной среды. Он радовался, как ребенок. А на первый воскресник собрал сорок добровольцев — они к ночи выкорчевали целый гектар молодой поросли! Жаль только, запал у них быстро иссяк, и работа потом пошла не так споро. Но к следующему воскресе-

нью число добровольцев, сознающих грозящую нам опасность, сократилось до двадцати. Неделю назад на битву со стихией вызвалось уже только пятнадцать активистов, а сегодня утром наш папочка повел на джунгли всего полдюжины энтузиастов. Да, шестью топорами нескоро очистишь от растительности намеченную делянку…

Оптимизм в голосе женщины вывел из себя старика.

— В следующее воскресенье он один отправится на эту каторгу!

— Он не сдастся, — возразила женщина.

— Ему бы стеречь свою кучу мусора, а он попусту гробит здоровье.

— Что поделаешь! Кто-то же должен думать о будущем наших детей!

— Им еще не грозит зеленая опасность. Джунгли прорываются в глубь оазиса на сто метров в год, так что до центра доберутся только в начале следующего века. Лишь следующее поколение будет вынуждено искать убежища в заводских трубах.

— Наши дети могли бы перебраться в соседний оазис, — заметил мальчик.

— А, зар… — выхаркнул старик, борясь с приступом кашля.

— Сынок, — женщина показала на бездымное

пламя, — подбрось в огонь рулончик толя, а то дедушке дышать нечем. А я пойду встретить вашего папочку.

— ...заруби себе на носу, — закончил старик, когда ветер переменился, — джунгли удушат каждого путника. Сейчас, после гибели соседних заводов, от ближайшего оазиса нас отделяет четыреста километров. В руины городов лес врывается с удвоенной скоростью. Мы потеряли все. Теперь уже ничто не убережет нас. А ведь недавно, во времена моего деда, когда на планете было шестьдесят миллиардов людей, на всей Земле еще сохранялась естественная среда...

— А в воде? — заинтересовалась девочка.

— В руслах рек струились чистые промышленные стоки и свежие городские отходы, а поверхность океанов покрывал слой не испоганенной водорослями нефти.

— Так растений тогда вообще еще не было?

— Были в небольшом количестве. На них ставили опыты. Но они были известны лишь ученым. Росли под жестким контролем специалистов, которые синтезировали их из неорганических соединений и содержали в специальных лабораториях.

— Ага, слышал, — кивнул малыш. — В таких

стеклянных камерах для уничтожения зеленых вредителей!

— Тебе бы следовало иногда покопаться в библиотеке, — упрекнул мальчика старик, показывая на мусорник. — В те беззаботные времена никто еще не называл растения вредителями и не помышлял о войне с животными — их тоже создавали в соответствии с законами генной инженерии и содержали в клетках. А первые экземпляры даже холили и лелеяли, ученые гордились ими — конечно, они никому не были нужны, но эксперименты, подтвердившие теоретическую возможность их создания, укрепляли веру в могущество человеческого разума… Я ведь вам говорил, что, пока не появились первые искусственные растения и животные, на Земле сохранялась *естественная* среда.

— Но если она была естественная, почему же во времена нашего прадеда за один год вымерло почти шестьдесят миллиардов жителей Земли?

— А вот это загадка! Никто ее до сих пор не разгадал, хотя для проверки фантастических домыслов удвоили расход макулатуры.

— Но тогда умерли не все, — возразил мальчик. — Почему же перед нападением джунглей, то есть во времена первого нашествия, уцелели

лишь те, у кого организм был наиболее чувствителен к зеленой опасности? Это ведь обнаружилось, когда разбились камеры и началось вторжение растений…

— Точно! — выпалила девочка. — Ведь наш прадедушка был таким чувствительным к искусственной пыльце и запахам. Вечно его лишаи мучали, и он прятался в камеру с выхлопными газами или нырял в соляную кислоту при одном виде букета цветов! Выходит, наши предки были жуткими хиляками, но тогда почему же именно они дожили до конца того страшного года?

— Милая, я не могу тебе этого объяснить. У меня сердце заходится, когда я слышу лязг железной логики в твоем младенческом лепете. — Старик помрачнел, вышиб пробку из четвертинки денатурата, опрокинул ее в рот, поковырялся в мусоре под ногами, нашел крысиный яд, закусил и, втягивая в ноздри черный дым, покосился на Южную Свалку, откуда невестка вела группу мужчин с топорами. — Если бы я был мудр, то смог бы удовлетворить твое любопытство. Только тогда, деточка, я не задыхался бы тут под голым небом, где уже почти нечем дышать, а вместе со всей семьей отсиживался в роскошной дымовой трубе, как какой-нибудь богач…

До лагеря донеслось отраженное автомобильной свалкой эхо песни, которую звучным баритоном выводил председатель Кружка Охраны естественной среды, возвращавшийся с воскресника:

Пройдет лишь сотня миллионов лет,
И ветер, вольнокрылый и бездумный,
Развеет наш последний след.

Припев подхватил слаженный хор лесорубов:

Бескрайний лес уже был раз,
Потом окутал Землю черный газ,
Но вновь придет спокойный час…

— Песни складывать вы умеете, — похвалил сына старик, когда группа подошла к костру. — А так же ли споро у вас работа идет? Много сегодня очистили?

— К чертовой матери такую работу! — ругнулся при детях сын. — За каждую кучку отбросов приходится вести отчаянный бой. Возле канавы с огромным трудом выкорчевали рощу папоротника. Этим сразу воспользовались хвощи и, как танки, ворвались на свалку. Из последних сил вырубали их. Чтобы перевести дух, стали искать фабричные трубы, а эти громады рядом

с плаунами — ровно карлики… еле сопят. Повыщербил весь топор, пока долбил толстенное бревно под обрывом. Вылез наверх, попросил товарищей, чтоб заменили мне инструмент. Они мне дали пилу и добрый совет, чтоб слезал скорей с этой горы, потому что у тираннозавров ноги как бревна и челюсти как экскаваторы; они хоть и не отличаются быстротой реакции, а все же не любят, когда им подолгу щекочут пятки. В прошлое воскресенье эти гады растоптали у меня двух активистов. Стегозавры — те куда добродушнее и не такие тупые: под ловким наездником превосходно вытаптывают луга. К сожалению, их эксплуатация технически затруднена: у них на хребтах острые роговые гребни. Наездник, сойдя на землю, еще неделю держится потом за больное место. Да, чуть не забыл! У меня есть для тебя подарок, доченька. Погляди, что я нашел на краю джунглей.

Он протянул девочке шнурок, к концу которого был привязан мешок из-под цемента. Девочка развязала шнурок. Из мешка выпало удивительное создание: не то крокодил, не то поросенок. Нисколько не опасаясь людей, зверек подбежал к груде мусора, покопался в останках цивилизации и вернулся к огню, радостно чмокая. Он держал в

своей пасти детскую соску.

Девочка дернула за шнурок.

— Не делай ему больно! — пожурил ее дед. — Сейчас трудно, правда, сказать, есть ли что-нибудь необычное в этом жалком сосунке. Но кто знает, что принесет наступающая эра? Может, через сотни миллионов лет из этой твари вырастет человекообразная обезьяна…

Женщина посмотрела на старика с сожалением.

— Вы б, папаша, думали, что несете. И мир повидал, и в ломе разбирается, макулатуру читать умеет, а при детях такое ляпнет — ну уши вянут!

Сверхсущества

В кажущемся хаосе многочисленных форм жизни, которые существуют на Земле, можно выделить последовательные ее поколения и дать им названия в соответствии с областями наук, которые ими занимаются. Вот это сопоставление:

Поколение Охватывает
0 Химическое
минералы
1 Ботаническое
растения
2 Зоологическое
животных
3 Психологическое
разум

На втором или третьем уровне жизни необходимо подчеркнуть тот факт, что под общим определением "человек" мы легко различаем два принципиально различные существа (два индивидуума). Одно из этих существ (несомненно, низшее) это животный организм в виде человеческого тела вместе с его мозгом, следовательно, это существо мы отнесем к зоологическому поко-

лению, второе это разум человека (его личность), которую относим к психологическому поколению. О возможности такого разделения говорит факт, что духовную жизнь можно отличить от физиологической жизни, при этом сознание человека является неделимым в том смысле, в котором неделимо его тело.

Призовем на помощь общеизвестные сегодня научные данные из области эволюции органического мира во главе, и внимательно рассмотрим последовательные поколения. Вначале мы видим, что жизнь самопроизвольно усложняется и совершенствуется: выходит из низших форм и, проходя через определенные этапы развития — стремится к высшим формам. Затем — из-за отсутствия четких границ между очередными поколениями (везде мы находим промежуточные звенья) — считается, что в природе мы имеем дело с непрерывной последовательностью промежуточных форм, но наша классификация обращает внимание только на крупные этапы в непрерывном шествии жизни.

Кроме того, отметим — на что четко указывают знания, полученные в области биологии — что рассматриваемая последовательность представляет собой ряд тесно связанных между собой

производителей и потребителей. Нет в мире ни одного существа, которое существовало бы вне этой цепи в полной материальной изоляции. Каждое существо занимает здесь свое определенное место: оно является потребителем материи, организованной на одну ступень ниже или на собственной ступени, и одновременно является производителем своего тела, которое потенциально — становится источником энергии для существа, находящегося на одну ступень выше. Растения могут строить свои организмы из неорганических соединений и в отношении к этим соединениям являются сверхсуществами. Животные — это сверхсущества для растений. В свою очередь, разум тоже не может существовать в пустоте: он получает энергию из физиологических процессов, которые происходят в наших телах. Следовательно, разум является сверхсуществом относительно животных.

Теперь можем обратить внимание на важный принцип, обязательный для всего ряда обсуждаемых здесь форм жизни: ни одно существо не воспринимает непосредственно организм своего сверхсущества. Так минералы не воспринимают растений, те, в свою очередь, не воспринимают животных, которые не воспринимают разум че-

ловека. Разумеется, животные видят наши тела, поскольку тело человека принадлежит к зоологическому поколению. Однако ни одно животное не воспринимает существо из психологического поколения, которое мы уже назвали разумом, так как воспринимать разум — это означает войти в чужое сознание и следить в нем за течением всех мыслей. Однако здесь следует отличать сверхсущества от эффектов их деятельности, которые могут быть восприняты существами, находящимися на более низких ступенях.

Заключение

— Ряд жизненных поколений является непрерывным.

— Существование каждого существа основывается на преобразовании материи, организованной в собственном поколении или на одну ступень ниже в этом ряду.

— Ни одно существо не воспринимает свое сверхсущество.

— Отсутствие соответствующих чувств позволяет каждому существу считать, что его поколение занимает самый высокий этаж в здании эволюции.

— Существо, которое кормят или выращивают, может воспринимать эффекты деятельности сво-

его сверхсущества, но не отличает эти эффекты от явлений, которые считает природными.

Теория относительности жизни позволяет сделать следующие выводы:

— Эволюция органического мира приведет в будущем до возникновения на Земле очередных жизненных поколений, при этом существа, которые выйдут из психологического поколения и займут когда-нибудь четвертую ступень на лестнице жизни, будут сверхсуществами в отношении к разуму людей нашей эпохи.

— Не исключено, что когда-то — в далеком прошлом — на Земле уже возникло четвертое поколение жизни. Если бы его представители существовали сейчас рядом с нами (наряду с растениями и животными), то мы не могли бы их увидеть и не могли бы отличить эффекты их деятельности от природных явлений.

— Нет оснований для утверждения, что жизнь развивается только на нашей планете: где-нибудь в другом месте эволюция могла раньше привести к возникновению высших организмов. Существа из четвертого или пятого поколения могли бы уже давно прибыть на Землю, но они не делают никаких попыток установить с нами контакт, поскольку понимание между существа-

ми, которые принадлежат к двум различным поколениям, является — что мы видим на более низких ступенях — совершенно невозможным.

* * *

Ничто не заставляет нас принять выводы, следующие из этой теории: мы ведь можем с легкостью признать, что современный человек на протяжении нескольких миллиардов лет был окончательной целью усилий земной эволюции, и что он сегодня является во Вселенной абсолютным пределом ее творческих возможностей. Согласно другой — антропоцентрической — точки зрения, мы можем также отбросить знания, полученные биологами, и принять, что все виды, которые встречаются в настоящее время на Земле, появились на ней в готовом виде (как эффект одноразового акта творения), наконец, мы можем подвергнуть сомнению справедливость приведенного здесь рассуждения.

Перри Экс вращается среди чутких (и начитанных) людей

Стоящий в открытой двери лакей намотался на себя в четверном неправдоподобно глубоком поклоне. Перри Экс наблюдал за этим фокусом с изумлением, которое спало с его лица только тогда, когда лакей захлопнул дверь на пальцах его левой руки.

— О, прошу прощения за этот кратковременный сквозняк, господин мыслитель — сказал прислужник обеспокоенным тоном и всем телом нажал на дверь.

— Пусть вас не беспокоит моя хрипота — успокоил его Перри Экс, с огромным усилием сдерживая возглас боли. Одновременно он услышал хруст раздавливаемых костей.

— Может, мне это только кажется... — донесся до него голос смущенного лакея — но вы вроде остались с той стороны. Здесь я вас нигде не вижу.

— Действительно, я еще не успел втиснуться и значительной частью все еще стою в коридоре.

— Право, какой же я неуклюжий. Прошу прощения за эту ужасную бестактность, но я уже

потерял наилучшую возможность выбросить вас за дверь.

— Не обращайте внимания! — продолжал успокаивать его Перри Экс. — Не беспокойтесь о таких мелочах. Если бы мы все были столь впечатлительны, то давно уже сошли бы с ума.

Направляясь в салон, Перри Экс тактично спрятал раздавленную руку в карман и с рассеянностью, и даже с паникой, которая всегда охватывала его в подобных случаях, начал систематично искать визитку. Только перерыв все возможные уголки одежды, он, наконец, нашел ее там, где она всегда находилась, а именно на кончике языка. Окунувшись в порядки приветственной церемонии, Перри Экс опять забыл про язык, а, может быть, вообще не принимал его во внимание, потому что самым обычным образом начал раздеваться. Он был уже почти совершенно голый, когда одна из светских дам ввернула ему штопор в спину и деликатно притянула к себе. В движениях этой интересной женщины Перри Экса пленила ловкость, с которой она обращалась со штопором элегантная привлекательность сталкивалась в эстетическом сражении с более грубым, но столь же чарующим застывшим обаянием.

— Не выношу эксгибиционистов — нежно промолвила она и захлопала губами. — И поэтому вы меня привлекаете своим робким, но многозначным молчанием. Однако здесь, за фортепиано, где нас никто не увидит, вы можете на секунду обнажить свой язык.

Перри Экс хотел уже выполнить невинную просьбу любопытной дамы, но, к сожалению, штопор как раз пробил его левое легкое, поэтому зубы мыслителя стиснулись еще крепче.

— Может быть, я уже оденусь — дельно предложил он и без какого-либо поощрения со стороны удивленной дамы оделся, обращая на себя внимание только рядом стоящих людей, но вызывая этим во всем салоне общую сенсацию.

Подали ликер. Перри Экс как раз был занят откручиванием ноги у какого-то чрезмерно хрупкого офицера (который, вопреки салонным правилам хорошего тона, ослаб, избитый ногами бароном с черными усами), когда опустошили последнюю рюмку. Поэтому Перри Эксу не осталось ничего другого, как продефилировать — с оторванной ногой офицера — перед шеренгой сосредоточенных возле подноса участников дискуссии.

В этот момент от окна ему благосклонно по-

махала рукой какая-то хрупкая дама. Двигаясь в толпе кружащих вокруг нее совершенно запыхавшихся мужчин, она приблизилась к Перри Эксу и окутала его доброжелательным взглядом. Он все угадал в ее ласковых глазах и в положении губ, слишком невинных, чтобы когда-либо наклоняться над тарелкой с телячьей печенкой.

— Где бьется сердечко? — спросила она сладко.

Экс размышлял, как вызвать бешеную ссору, но, к сожалению, ни одно неподходящее слово не приходило ему на ум. Тем временем дама уже дезинфицировала кинжал, погрузив его в жидкость, наполняющую графин, который держал лакей.

— Эту не будет больно — заверила она, а прелестные ямки на ее щеках углубились в такт нескольких незначительных улыбок.

Перри Экс хотел уже отряхнуться и для спасения авторитета мыслителя пройти в сторону подноса, где над новой порцией разлитого в бокалы ликера, после обмена вступительными пинками, завязалась интересная дискуссия:

— Ах, литература!

— Ох, литература!

— А кстати, вы знаете того, сего и этого?

— Это всего лишь писака!

— Вы, случайно, не горбатый? — спросила дама,

бросив взгляд на выступ на спине Перри Экса.

— Нисколько — ответил мыслитель, не испугавшись нежности ее взгляда, и, засунув руку под пиджак, несколькими ловкими движениями опытного мазохиста докрутил штопор до упора. Дама нашла желудок Перри Экса, погрузила в него кинжал до половины длины лезвия.

— Ой, ой! Пардон! Я вас не обидела?

— Напротив, мне даже...

— Тише! Тогда продолжим.

У кавалера дамы лицо приобрело кислое выражение. Энергичным движением он крутанул кинжалом и вбил его по самую рукоятку. Дама протянула руку к подносу и пододвинула Перри Эксу ко рту бисквит, начиненный пульсирующей кашицей.

— Может пирожное? Кому же не нравятся такие деликатесы, ах, кому же?

Перри Экс застонал и выплюнул пирожное на ковер. Его лицо искривила гримаса сильного отвращения.

— Всячески творить бы...! — успел еще сказать один из участников дискуссии, но уже не закончил.

Присутствующие в салоне сосредоточенно разглядывали пирожное у ног Перри Экса. Кто-то

отдал распоряжение лакею принести плевательницу. Когда ее поставили под ноги мыслителя, то покрытая свежей белой эмалью, но, несмотря на это, вонючая посудина наполнилась стекающей по одежде красной жидкостью. Перри Экс вышел из глубокой задумчивости, несколько секунд с полным удовлетворением смотрел на окружающих его ошеломленных и, по-видимому, глубоко оскорбленных гостей, после чего направился к двери, через которую просто вышел.

Размах и энергия Перри Экса

Сомнения интерпретируются в пользу обвиняемого.

Одного прелестного дня Перри Экса обвинили в абсолютной неспособности что-либо сделать. Приняв во внимание колоссальность предъявленного ему обвинения, мыслитель немедленно принялся за дело.

Вначале он направился в Египет, где любезно остановился в тени пирамиды фараона Хеопса.

— Точно так же она могла стоять на противоположном берегу Нила — заявил он собравшимся журналистам и, не развивая дальше эту справедливую мысль, налег на пирамиду всем телом.

Присутствующие затаили дыхание. Экс отступил, чтобы разогнаться, и, низко наклонив голову, атаковал еще раз. К сожалению, как-то у него не получилось, но...

Эксперты измерили величину сдвига.

— Разница в положении пирамиды находится в пределах погрешности измерения — услышал он. — У нас есть сомнения, так как не исключено, что все же немного... может, нет, а может чуточку...

— Вот именно!!!

Толпа устроила продолжительную овацию. На просьбу повторить на бис мыслитель низко поклонился.

В полдень он был уже в Пизе.

— Через четверть часа у меня рейс в Париж — обратился он к мэру города. — Как там, она стоит все еще криво?

— Конечно...

— Ничего. Сейчас немного выпрямим.

И Перри Экс прямо с дороги набросился на башню со всей накопленной во время пути силой, даже что-то в нем застонало при столкновении. Башня даже не дрогнула, но...

— У нас нет столь точных измерительных приборов, чтобы определить разницу

смущенно заявили эксперты. — Но на глазок... как будто чуток... Нет, решительно нет! Хотя нельзя определенно утверждать ...

— Вот именно!!!

Толпа устроила продолжительную овацию. На просьбу повторить на бис мыслитель низко поклонился.

В Париже, выйдя из самолета, Перри Экс громко воскликнул:

— Дайте мне канат!

Дали. Один конец каната был прикреплен к верхушке Эйфелевой башни. Мыслитель уперся ногами и с нечеловеческим напряжением дернул за другой конец каната. Напрасно потел, но...

— Когда нам нечего будет делать, тогда измерим то, что нужно, чтобы установить отсутствие отклонения от вертикали — после некоторого колебания пообещали эксперты. — Пока же нет никаких оснований исключать...

— Вот именно!!!

Толпа устроила продолжительную овацию. На просьбу повторить на бис мыслитель низко поклонился.

В Буэнос-Айресе мыслитель приготовил несколько теплых слов, с которыми обратился к народу.

— Вам плохо?

— Ой, как нам плохо!

Перри Экс пружинистым шагом направился в кабинет президента. Там, прячась за кучей огромных трудностей, он выстрелил из револьвера прямо в грудь жестокого государственного деятеля. Напрасно. Пуля попала в забор, но... это был забор, ограждающий жилище тирана. Пуля пробила в нем небольшую дырочку, через которую пролетел ветер истории. Остальное сделал

противник президента и народ.

— Теперь вам лучше? — спросил Перри Экс, скорее, для порядку, чем по необходимости.

— Может и лучше. Нет у нас таких точных приборов, чтобы сразу в этом убедиться, но зато теперь у нас есть очень серьезные сомнения...

— Вот именно!!!

Толпа устроила продолжительную овацию. На просьбу повторить на бис мыслитель низко поклонился.

Биография

Родился в 1937 г. в Плоцке. Самый необычный и интригующий автор польской научной фантастики. Его литературное творчество — это, прежде всего, 6 повестей: "Robot" (1973), "Wedlug Lotra" (1978), "Nagi Cel" (1980), "Arka" (1989), "ORO" (1997) и "Trzecia Cywilizacja" (1998). Две последние повести были изданы уже после самоубийства писателя в 1995 г.

Кроме повестей Снерг писал также рассказы, среди них серия о Перри Эксе, "Tramwajada", около 50 страниц нигде не публиковавшихся миниатюр, а также опубликованные в "Новой фантастике": "Rozdwojenie" (No 6/95) "Horda" (как "Dzikus" — No 8-9/97), "Przerwany film" (No 1/98) и "Zmowa" (No 10/98). Повести Снерга переведены на английский, немецкий, русский, чешский и венгерский языки. Кроме того, Снерг издал научный труд — "Единая теория пространства и времени", однако, представленные в ней тезисы были проигнорированы и не восприняты серьезно официальными научными кругами, с подходом которых Снерг полемизировал на

страницах издания "Знание и жизнь".

Как заявил в одном из интервью писатель, псевдоним Снерг он придумал для того, чтобы отличаться от нескольких писателей, которые носят имя и фамилию Адам Вишневский.

В первой повести Снерга "Робот" используется сформулированная писателем концепция сверхсуществ — согласно которой известные нам существа можно подразделить на последовательные поколения: минералы, растения, животные и разум; ни одно существо не воспринимает непосредственно организм своего сверхсущества.

Повесть "Робот" отразилась сильным эхом в польской читательской среде она победила в опросе на лучшую повесть польской научной фантастики в послевоенном тридцатилетии — победив известные во всем мире повести Станислава Лема. Остальные повести Снерг основывает на столь же захватывающих концепциях, развивая повествование характерным для себя образным способом, обеспечивая проекцию этих образов в сознании читателя именно так это происходит в составленной из театральных реквизитов действительности "Wedlug Lotra" или действительности фильмов, практически неотличимых от реальной жизни, в повести

"Nagi Cel". Тем не менее, наблюдается некоторая недооценка повестей Снерга, написанных после "Робота", хотя по силе воздействия "Wedlug Lotra", несомненно, превосходит многие общепризнанные достижения как польской, так и мировой научной фантастики.

Под конец жизни Снерг находился в сильной депрессии.

Адам Вишневский-Снерг был прообразом Снеера — главного героя повести Януша Зайделя "Limes Inferior" (в русском переводе "Предел"). В последнее время имя Снерга появилось в средствах массовой информации в связи с делом предполагаемого плагиата, в котором обвиняли авторов фильма "Матрица" из-за воспроизведения действительности, которую Снерг описал в рассказе "Ангел смерти".

Алексей Якименко